

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК

XXII

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

Т о м XXII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1963

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик *М. Н. Тихомиров* (отв. редактор),
Б. Т. Горянов, член-корреспондент АН СССР *П. В. Ернштедт*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*, *Е. Э. Липшиц*,
Г. Г. Литаврин, *Р. А. Наследова* (отв. секретарь),
член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пигулевская*,
Е. Ч. Скржинская, *М. Я. Сюсюмов*, *Э. В. Удальцова* (зам. отв. редактора).

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В СССР И ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

З. В. УДАЛЬЦОВА, Г. Г. ЛИТАВРИН

**СОВЕТСКОЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ
В 1955—1960 гг.**

Советские историки, выступая против ошибочной теории европеоцентризма, отказывающей народам Восточной Европы и азиатского Востока в самостоятельности исторического развития, уделяют значительное внимание изучению истории Византии, сыгравшей немаловажную роль в судьбах Восточной Европы и Ближнего Востока. За последние годы советская византистика достигла заметных успехов, особенно в области изучения социально-экономических отношений в Византии и исторических связей Византии с Русью, а также с другими славянскими народами, со странами Востока, Западной Европы и народами Кавказа. Немало исследований создано и по вопросам истории византийской культуры и искусства.

Настоящая статья представляет собой итоговый обзор исследований, выполненных советскими византистами в 1955—1960 гг. Сектор византиноведения Института истории АН СССР стремился не только возможно более полно выявить уже сделанное, но и указать те пока еще нерешенные проблемы, которые подлежат дальнейшей разработке. Статья является результатом совместных усилий сотрудников сектора. Кроме основных авторов, в сборе материалов для нее и в ее написании принимали участие К. А. Осипова, Р. А. Наследова, К. В. Хвостова, З. Г. Самодурова, А. Я. Сыркин и Н. М. Савостьянова.

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА В ВИЗАНТИИ

В центре внимания советских византистов в эти годы находилось изучение своеобразия византийского феодализма, выяснение сходства и различия в развитии феодальных отношений в Византии по сравнению с другими странами Юго-Восточной Европы и Передней Азии. Признание феодального характера общественных отношений в Византии отличает византиноведение в СССР и странах народной демократии от основных направлений буржуазного византиноведения. Отрицание последним феодализма в Византии приобретает в настоящее время ярко выраженный политический смысл; оно служит одним из основных аргументов для обоснования якобы имевшего место коренного различия путей развития Восточной и Западной Европы, одним из доводов в защиту реакционной теории о непримиримой противоположности Востока и Запада. Борьба с концепциями

буржуазного византиноведения по вопросу о феодализме в Византии имеет, таким образом, серьезное политическое значение¹.

В свете сказанного особую важность приобрела в последние годы проблема перехода от рабовладельческого строя к феодализму и генезиса феодальных отношений в Византии и сопредельных с ней странах. Разработкой этой проблемы занимались чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская (Ленинград), доктора исторических наук М. Я. Сюзюмов (Свердловск), Е. Э. Липшиц (Ленинград), З. В. Удальцова (Москва), кандидаты исторических наук А. Р. Корсунский и Г. Г. Дилигенский (Москва), доктор исторических наук С. Т. Еремян (Армения), профессора С. Г. Каухчишвили (Грузия), Г. А. Меликишвили (Грузия), А. Д. Дмитриев (Ростов-на-Дону) и другие ученые.

Спорный характер и сложность проблемы потребовали от советских ученых углубленного изучения путей возникновения феодальных отношений в различных областях Византийской империи. В результате появились локальные исследования, рассматривающие специфику генезиса феодализма в ее разных провинциях.

Крушение рабовладельческого строя и начало формирования феодализма в странах Ближнего Востока составляют предмет исследований Н. В. Пигулевской.

В своих работах она рассматривает процесс перехода от рабовладельческой к феодальной формации в Иране, Южной Аравии и восточных провинциях Византии, прежде всего в Сирии². Н. В. Пигулевская считает, что для общественных отношений III в. было характерно наличие сельской общины, смягчение, по сравнению с Римской эпохой, положения рабов и начало упадка рабства; она полагает, что именно в это время на Ближнем Востоке возникает феодальная аристократия.

Разложение рабовладельческого строя и формирование феодальных отношений в Италии в период остготского, а затем византийского завоевания были рассмотрены в монографии З. В. Удальцовой «Италия и Византия в VI в.»³ и в ряде ее статей⁴.

Основной вывод автора состоит в том, что генезис феодализма в Италии произошел в результате синтеза общественных отношений варваров (остготов) и элементов феодального строя, развивавшихся внутри страны; византийское завоевание, приведшее к реставрации на Апеннинском полуострове рабовладельческих порядков, временно затормозило развитие феодального строя, поскольку в самой Византии формирование феодальных отношений происходило более медленными темпами, чем на Западе.

¹ См. А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, З. В. Удальцова. Византия и Запад в современной буржуазной историографии. Сб. «Против фальсификации истории». М., 1959.

² Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956; е е ж е. К вопросу о феодальной собственности на землю в Иране. «Вестник ЛГУ», 1956, № 8; е е ж е. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке. «УЗ Ин-та востоковедения АН СССР», т. XVI, 1958, стр. 5—30; е е ж е. Арабы у границ Византии в IV в. М., 1960 и др.

³ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1959, 522 стр. См. рецензию: М. Л. Абрамсон. ВД, 1960, № 7, стр. 168—171; М. А. Заборов. ВДИ, 1961, № 1, стр. 151—155.

⁴ З. В. Удальцова. Сельское зависимое население в Италии VI в. ВДИ, 1955, № 3, стр. 85—116; е е ж е. Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в. ВВ, IX, 1956, стр. 78—116; е е ж е. Классовая борьба в Италии накануне византийского завоевания. ВВ, X, 1956, стр. 9—26; е е ж е. К вопросу о мелком свободном землевладении в Италии накануне византийского завоевания. ВВ, XI, 1956, стр. 29—54; е е ж е. Раздел земель между остготами и римлянами в Италии в конце V века. «Средние века», вып. VIII, 1956, стр. 39—54; е е ж е. Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания. «Вестник МГУ», ист.-филол. серия, 1958, 3, стр. 21—59.

Выяснив формы эксплуатации зависимого населения на землях крупных собственников, автор характеризует крупную земельную собственность, складывавшуюся в остготской Италии, как феодализующуюся. Анализ положения различных категорий этого населения показывает, что в Италии VI в. начали выкристаллизовываться основные черты будущей феодальной зависимости.

Наряду с рабством, не потерявшим еще своего экономического значения, все большее распространение получает труд колоннов, рустика и свободных земледельцев; их доля в общей массе непосредственных производителей увеличивается, хотя рабство пока еще медленно уступает свои позиции. В то же время происходит нивелировка в положении самих этих групп трудящихся, которая приводит к превращению их в единую массу феодального, зависимого крестьянства.

Формирование феодализма в Испании в период византийского завоевания этой страны было проанализировано А. Р. Корсунским, показавшим в своих статьях⁵, что в Вестготском королевстве (так же как и в Остготском) генезис феодализма происходил на основе синтеза древнегерманских и римских общественных порядков, причем своеобразие развития Испании состояло в длительном сохранении рабства и сильной романизации государственного управления Вестготского королевства. Проблема генезиса феодализма в Северной Африке в период вандальского, а затем византийского завоевания изучалась Г. Г. Дилигенским⁶ и З. В. Удальцовой⁷, по мнению которых своеобразие развития этой провинции заключалось в явном преобладании в тот период колоната над рабством и в быстром разложении рабовладельческих порядков.

Изучением социально-экономического строя византийского Египта в IV—VI вв. в связи с проблемой генезиса феодализма и роли города в этом процессе занимается И. Ф. Фихман⁸. На основании анализа писем Синезия Киренского покойный профессор М. В. Левченко воссоздал картину разложения в конце IV — начале V в. рабовладельческого общества провинции Пентаполь, раздиравшейся классовыми и этническими противоречиями⁹. Роль городских курий и судьбы муниципальной организации в городах Сирии (прежде всего в Антиохии) в период разложения рабовладельческого строя явились предметом исследования Г. Л. Курбатова¹⁰.

Из приведенных данных мы видим, что локальная разработка проблемы падения рабовладельческого строя и генезиса феодализма проводилась главным образом на материалах некоторых западных областей (Италия, Испания, Северная Африка) и восточных провинций Византии (Сирия, Египет). К сожалению, почти вне поля зрения исследователей остались такие области, как Малая Азия и отчасти балканские провинции, которые изучались главным образом лишь в плане выяснения масштабов и последствий славянской колонизации, а не с точки зрения всестороннего исследования внутренних процессов становления феодального строя.

⁵ А. Р. Корсунский. К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI—VII вв. ВВ, XII, 1957, стр. 31—45; его же. О развитии феодальных отношений в готской Испании в V—VII вв. «Средние века», вып. X, 1957, стр. 27—57.

⁶ Г. Г. Дилигенский. Аграрные отношения в Вандальском королевстве. ВВ, XI, 1956, стр. 5—28; его же. Вопросы истории народных движений в поздней Римской Африке. ВДИ, 1957, № 2, стр. 85—105; его же. Северная Африка в IV—V веках. М., 1961.

⁷ З. В. Удальцова. Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане. ВВ, VI, 1953, стр. 88—112.

⁸ И. Ф. Фихман. К характеристике корпораций византийского Египта. ВВ, XVII, 1960, стр. 17—27.

⁹ М. В. Левченко. Пентаполь по письмам Синезия. ВВ, IX, 1956, стр. 3—44.

¹⁰ Г. Л. Курбатов. Положение народных масс в Антиохии в IV в. ВВ, VIII, 1956, стр. 42—61.

Вопрос о времени перехода от рабовладения к феодализму в Византии и путях развития византийского феодализма вызвал в нашей науке широкую дискуссию, в ходе которой были высказаны в основном две точки зрения. Согласно одной из них (всего последовательнее развитой Е. Э. Липшиц¹¹), феодализм восторжествовал в Византии уже к началу IV в.; согласно другой — ее придерживается большинство исследователей (М. Я. Сюзюмов, З. В. Удальцова, А. Р. Корсунский, А. П. Каждан и др.), в IV—VI вв. в Византии еще преобладали рабовладельческие отношения, хотя уже и зарождался феодальный строй. По мнению указанных историков, рабовладельческие порядки были сокрушены в Восточной Римской империи только в VII в. в результате вторжения славян и народных движений в империю¹².

На страницах журнала «Вопросы истории» в 1958—1961 гг. была проведена дискуссия, посвященная спорным вопросам социально-экономической истории Византии. Значительное место в этой дискуссии было отведено именно проблеме разложения рабовладельческого строя и генезиса феодализма в Византийской империи¹³.

З. В. Удальцова и А. П. Каждан, открывшие дискуссию, считали необходимым пересмотреть традиционное представление об экономическом упадке и всеобщем закабалении населения Римской империи в IV—VI вв. Этот тезис не вызвал особых возражений. Гораздо более дискуссионным оказалось другое, связанное с ним утверждение З. В. Удальцовой и А. П. Каждана — о том, что социальная структура Византийской империи в эти столетия принципиально не отличалась от общественных отношений предшествующих веков и что, следовательно, так называемый ранневизантийский период следует рассматривать как заключительный этап развития рабовладельческого общества. Это положение, в основных чертах поддержанное М. Я. Сюзюмовым, встретило возражения Д. Ангелова и особенно Е. Э. Липшиц; правда, по мнению Д. Ангелова, в эту эпоху были налицо лишь «известные тенденции феодального способа производства», тогда как Е. Э. Липшиц характеризует данный период уже как «первый этап складывания византийского феодализма».

В подтверждение своей точки зрения названные ученые выдвигали два основных аргумента: наделение рабов пекулием рассматривалось ими как свидетельство распада рабовладельческой системы, а колонат — как начальная форма эксплуатации феодального типа. Однако М. Я. Сюзюмов уже в полемике с Е. М. Штаерман показал, что перевод рабов на пекулий представляет собой нормальное явление в условиях рабовладельческой системы хозяйства, известное классической античности¹⁴. З. В. Удальцова и А. П. Каждан со своей стороны подчеркивали генетическую близость восточноримского колоната к формам эксплуатации, существовавшим в эллинистических государствах. Если, следовательно, принять тезис о феодальном характере колоната, то придется признать и давно уже отвергнутый

¹¹ Е. Э. Л и п ш и ц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. ВВ, XIII, 1958, стр. 28—54.

¹² Существо расхождений по этому вопросу изложено в III томе «Всемирной истории» (М., 1957, стр. 86).

¹³ З. В. У д а л ь ц о в а, А. П. К а ж д а н. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. ВИ, 1958, № 10, стр. 79—96; М. Я. С ю з ю м о в. Некоторые проблемы истории Византии. ВИ, 1959, № 3, стр. 98—117; Д. А н г е л о в. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. ВИ, 1960, № 2, стр. 91—103; Е. Э. Л и п ш и ц. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма. ВИ, 1961, № 6, стр. 96—111.

¹⁴ М. Я. С ю з ю м о в. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. ВДИ, 1955, № 1, стр. 55 сл.

в науке вывод относительно феодальной природы зависимости земледельцев в эллинистическую эпоху. Ученые, которые отстаивают представление о ранневизантийском периоде как о первом этапе развития феодальных отношений, либо должны доказать, что колонат в восточных областях Римской империи принципиально отличался от форм эллинистической зависимости, либо признать, что византийский феодализм берет свое начало от эллинистического общества.

Рассмотрению особенностей развития колонатных отношений в Восточной Римской империи V—VI вв. посвящена специальная работа А. Р. Корсунского. Исследуя данные юридических, литературных и папирологических источников, автор приходит к заключению, что «колонат в Восточной Римской империи, несмотря на его некоторую близость к крепостническим отношениям, отнюдь не может быть отождествлен с последними. Колонат представляет собой форму производственных отношений, соответствующую переходному периоду от рабовладельческого строя к феодальному»¹⁵.

А. Р. Корсунский показал, что в положении колонов как на Востоке, так и на Западе сочетались черты нового и старого — пережитки, восходящие к временам безраздельного господства рабовладельческого строя, с новыми, феодальными формами эксплуатации непосредственных производителей. Имперское законодательство IV—VI вв. стремилось приравнять колона к рабу, объявив его собственностью господина, лишив права передвижения, ограничив имущественную правоспособность колона¹⁶. Однако основные объективные тенденции социально-экономического развития общества и субъективный фактор — активное сопротивление колонов — мешали осуществлению этих предписаний имперских законов. Фактически статус колона существенно отличался от положения раба: господин имел право лишь на труд колона, на определенные повинности, выполняемые им за пользование землей; колон вел самостоятельное хозяйство; несмотря на строгие требования законов, он мог в известной степени распоряжаться имуществом, передавать его детям по наследству и завещать любым лицам, мог в некоторых случаях судиться с господином, если тот незаконно увеличивал его оброк; колон привлекался к военной службе, имел свою законную семью¹⁷. Интересен вывод автора о том, что колон в Восточной Римской империи обладал несколько большими правами, чем его собрат на Западе, и поэтому по своему статусу был ближе к крепостному раннего средневековья, чем колон Западной Римской империи. Однако и тот и другой являлись лишь предшественниками средневековых крепостных, а отнюдь не феодально-зависимыми людьми.

К аналогичным выводам о колонате как форме эксплуатации, свойственной переходному периоду от рабовладения к феодализму, пришла и З. В. Удальцова, показавшая, каким образом борьба двух тенденций общественного развития — феодальной и рабовладельческой — в Италии V—VI вв. наложила свой отпечаток на положение различных категорий колонов и обусловила эволюцию колонатных отношений: в целом она шла в сторону усиления феодальных черт в статусе колонов¹⁸. Конечно, сложность природы колоната не позволяет пока считать эту проблему разрешенной.

В ходе дискуссии на страницах «Вопросов истории» возник еще один чрезвычайно важный вопрос — о социальной сущности восточноримского (ранневизантийского) государства IV—VI вв.

¹⁵ А. Р. Корсунский. О колонате в Восточной Римской империи V—VI вв. ВВ, IX, 1956, стр. 177.

¹⁶ Там же, стр. 71.

¹⁷ Там же, стр. 76.

¹⁸ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1969, стр. 92 сл.

М. Я. Сюзюмов, относя возникновение Византийской империи к 324 г. (т. е. к моменту основания новой столицы), полагал, тем не менее, что на первом этапе государство оставалось рабовладельческим и только революция, имевшая место в VII в. (подчеркивается, что она не была революцией рабов и колонов), покончила с господством рабовладельческих отношений. Напротив, Е. Э. Липшиц, исходя из своего представления о развитии феодальных порядков уже в ранней Византии, признает и государство этого времени феодальным. По ее словам, «сущность этого государства оставалась неизменной на протяжении всей последующей истории Византии».

Решение этого вопроса во многом, разумеется, зависит от выяснения первой проблемы — от того, будем ли мы считать пекулий и колонат феодальными институтами или нет. Вместе с тем для правильного ответа на спорный вопрос многое может дать анализ законодательства и церковных постановлений того времени. Как можно понять постановления Константина, укреплявшего власть господина над рабом, решения Гангрского собора, осуждавшие отпуск рабов на волю, законы Юстиниана, приравнивавшего адскрипция к рабу, если отрицать, что государство IV—VI вв. отстаивало и укрепляло рабовладельческие формы эксплуатации? Е. Э. Липшиц, правда, выдвигает против этих соображений тот довод, что нормы рабовладельческого права сохранялись в Византии вплоть до самого конца ее существования, однако такая постановка вопроса приводит нас к новой полемике: можно ли пользоваться памятниками византийского права IV—XIV вв. как историческими источниками¹⁹.

С решением вопроса о характере общественных отношений и государства IV—VI вв. тесно связано определение исторического места VII столетия в судьбах Византии. М. Я. Сюзюмов и Д. Ангелов признают его определенной гранью в истории империи. Е. Э. Липшиц оспаривает этот тезис, стремясь доказать несостоятельность тех трех соображений, которые, по ее мнению, обычно приводятся в его пользу: 1) к VII в. относят начало славянской колонизации; 2) к этому времени Византия теряет восточные провинции; 3) тогда же возникает фемный строй.

Разумеется, убедительное решение этого вопроса предполагает серьезное монографическое изучение истории VII столетия, что чрезвычайно затруднительно в силу скудости источников. Однако и сейчас уже можно указать на известные неточности, допускаемые Е. Э. Липшиц. Она рассматривает далеко не все, и притом не самые существенные аргументы, доказывающие наличие глубокого переворота в социально-экономическом строе Византии в VII в., к тому же излагает их недостаточно полно. В действительности важнейшие доводы в пользу представления об имевшем место в VII в. перевороте, состоят в следующем: от VII до IX в. мы почти не встречаем в источниках известий о крупной земельной собственности — и наоборот, *много источников говорят о свободных общинах*; значительная часть старых городов переживает серьезный экономический упадок. С этим связано также завершение славянских вторжений, массовое расселение армян в восточных областях империи, перестройка государственного аппарата (распад старой финансовой системы, разделение страны на несколько больших фем, правители которых фактически становятся хозяевами страны, попытки патримониального раздела империи и переноса столицы из Константинополя и т. д.). Между экзархатами VI в. и фемами VII в., вопреки мнению Е. Э. Липшиц, существует принципиальное различие, заключающееся в том, что экзархаты являлись очень немногочисленными областями в отдаленных провинциях, тогда как на фемы в VII в. была по-

¹⁹ См. дискуссию в ВВ, XIV, 1958, стр. 56—80.

делена основная территория империи — Малая Азия²⁰. Помимо указанных вопросов, мало изучена также борьба между нарождавшейся феодальной и отживавшей рабовладельческой идеологией в период перехода от рабовладения к феодализму. Решение этих проблем потребует еще много усилий.

Другой кардинальной проблемой, находившейся в центре внимания советских византистов, была проблема специфики путей развития византийского феодализма в отличие от так называемого «классического» развития феодализма во Франкском государстве Меровингов и Каролингов.

Большинство советских византистов придает чрезвычайно большое значение в процессе формирования византийского феодализма сельской общине. Характер славяно-византийской общины был изучен Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмовым, А. П. Кажданом, З. В. Удальцовой, Г. Г. Литавриным, К. А. Осиповой, М. М. Фрейденбергом и другими учеными. В отличие от буржуазных, советские византисты изучают общину в ее развитии. Так, З. В. Удальцова и А. П. Каждан сопоставили общину IV в., как ее охарактеризовал известный польский папиролог и историк права Р. Таубеншлаг, с общиной, известной по византийским документам VIII—X вв., и подчеркнули наличие значительных различий между ними²¹. В частности, как свидетельствует «Земледельческий закон», в VIII—IX вв. в Византии исчезли периодические переделы земли, наличие которых в позднеримское время установлено Р. Таубеншлагом²². Это дало возможность прийти к выводу, что в ходе общественного переворота VII в. и славянской колонизации Византии византийская община претерпела серьезные изменения, став исходным пунктом для развития феодализма. Эта же мысль об изменении характера византийской общины в результате славянских вторжений высказана в работах А. П. Каждана. Исчезновение периодических переделов сопровождалось, по его мнению, возникновением общесемейных отношений и развитием прав на чужую землю²³.

Иную точку зрения на характер византийской общины IV—X вв. предложил М. Я. Сюзюмов, который, не отрицая укрепления в византийских общинах родственных связей после славянских вторжений, полагал, тем не менее, что византийская община VIII в., как и позднеримская, была корпорацией частных собственников. По мнению М. Я. Сюзюмова, в поздней Римской империи и на Востоке «типичной являлась не архаическая, сохранившаяся кое-где община с переделами земли, а обыкновенная митрокомия с наследственным правом на землю и ограничением права продажи в границах селения». «Существование такой митрокомии... с частной собственностью на землю, — писал он, — непреложный факт»²⁴. На этом основании М. Я. Сюзюмов считает, что в отношении форм землевладения нельзя отметить особой разницы между порядками, существовавшими в IV—VI вв. и описанными в «Земледельческом законе»²⁵. М. Я. Сюзюмов,

²⁰ Отметим также весьма спорное утверждение Е. Э. Липшиц о том, что фемный строй якобы восторжествовал только к X в. Как показала в своем исследовании Э. Гликаци-Арвейлэ, в это время начинается уже распад фемного строя. См. H. G l y k a t z i - A h r w e i l e r. Recherches sur l'administration de l'empire aux IX—XI siècles. Paris, 1960.

²¹ З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. ВП, 1958, № 10, стр. 83.

²² Р. Таубеншлаг. Сельские общины в романизированных провинциях Востока времени Диоклетиана. ВВ, XIII, 1958, стр. 1—8.

²³ А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. ВВ, X, 1956, стр. 53; е г о ж е. Деревня и город в Византии IX—X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960, стр. 40.

²⁴ М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии. ВП, 1959, № 3, стр. 102.

²⁵ Там же.

таким образом, в отличие от З. В. Удальцовой и А. П. Каждана, усматривает непосредственную преемственность между позднеримскими и ранне-византийскими общинными отношениями.

Этот вывод М. Я. Сюзюмова не означает отрицания им исторической роли славянских поселений на Балканах. Она заключалась, с его точки зрения, в том, что под мощными ударами славян «на большей части территории Византии было разгромлено основанное на труде рабов, адскрипциев и прикрепленных колонов крупное землевладение знати»²⁶. Не отрицается полностью М. Я. Сюзюмовым и роль славянских поселений в формировании ранневизантийской общины. Отказываясь признать тезис З. В. Удальцовой и А. П. Каждана о коренных изменениях, происшедших в общине под влиянием славянских поселений, М. Я. Сюзюмов в то же время солидаризируется с названными авторами в том, что чрезвычайная «сплоченность византийской общины, отличающая ее от западной марки, есть результат воздействия обычного права славянской общины»²⁷.

Отстаивая тезис о существовании в Византии VIII в. частной собственности на землю, М. Я. Сюзюмов расходится с А. П. Кажданом, считавшим, что в VIII в. процесс формирования аллода только начался: аллод окончательно сложился лишь к X в., что и означало превращение византийской общины в марку²⁸. Не признает М. Я. Сюзюмов и существования в византийской общине VIII в. особых прав на чужую землю, отличных от сервитутов времен Римской империи²⁹.

«Земледельческий закон» М. Я. Сюзюмов уподобляет цеховым уставам. Он полемизирует с Е. Э. Липшиц, считающей, что «Земледельческий закон» способствовал росту крупного землевладения внутри крестьянской общины³⁰. М. Я. Сюзюмов, напротив, полагает, что «Земледельческий закон» тем и отличался от варварских правд, что все его постановления, подобно постановлениям цеховых уставов, были направлены на то, чтобы противодействовать концентрации производства в руках более зажиточных членов и не допускать полного разорения маломощных общинников³¹.

Утверждение М. Я. Сюзюмова о наличии у крестьян в общине VI—IX вв. полной частной собственности на землю встретило возражения Е. Э. Липшиц, которая считает, что о полной победе частной собственности и сохранении общины лишь как формального объединения ее членов можно говорить не ранее X в., когда община превращается в податную единицу³². На наш взгляд, тезис М. Я. Сюзюмова о специфике византийской общины как корпорации частных собственников спорен и может быть, в частности, проверен путем сопоставления материалов о византийской общинной организации с данными источников о западноевропейской ранне-средневековой общине. Вместе с тем следует отметить большую плодотворность и важность постановки Е. Э. Липшиц вопроса о локальных особенностях развития общины в различных областях Византийской империи. Е. Э. Липшиц справедливо указывает, что тип общины, описанный в «Земледельческом законе», не был в Византии единственным; наряду с ним в горных районах Малой Азии и в Сирии имелись общины более архаического характера, с сохранением коллективной собственности на землю, да

²⁶ М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии. ВИ, 1959, № 3, стр. 102.

²⁷ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. ВВ, X, 1956, стр. 34.

²⁸ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 45.

²⁹ М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии..., стр. 105.

³⁰ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, стр. 111.

³¹ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины..., стр. 30.

³² Е. Э. Липшиц. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма. ВИ, 1961, № 6, стр. 103.

и славянские общины в Македонии и Пелопоннесе, видимо, имели более ярко выраженные семейно-родовые черты³³.

Итак, мы видим, что характер и особенности ранневизантийской общины понимаются советскими византинистами по-разному. Однако при наличии расхождений по некоторым вопросам, все ученые сходятся в оценке ранневизантийской общины как результата синтеза славяно-византийских общественных отношений и в констатации ее сравнительной прочности. Учитывая, что скудость известных сейчас источников препятствует убедительному решению спорных вопросов и об эволюции общинных отношений, и о локальных особенностях их развития, нужно признать желательным создание специальной работы об истории византийской общины.

Некоторые советские ученые усматривают специфику развития византийского феодализма не столько в существовании славяно-византийской общины (хотя и не отрицают ее значения), сколько в наличии в Византии в период формирования феодализма крупных городов — центров ремесла и торговли. Так, М. Я. Сюзюмов в ряде своих исследований³⁴ выдвигает тезис о борьбе в Византии двух путей формирования феодализма — городского (по типу городов-республик Италии) и общинного (по типу Меровингского государства), причем в раннее средневековье, по его мнению, преобладающая роль принадлежала первому пути развития. С точки зрения А. П. Каждана, своеобразие византийского феодализма заключалось в существовании наряду с общиной сильной централизованной государственной власти, в наличии «государственных» крестьян и преобладании в IX—X вв. централизованной ренты. Поскольку отдельные феодалы были недостаточно сильны, чтобы подчинить своей власти общину, то, по мнению А. П. Каждана, они предприняли централизованный натиск на крестьянство, осуществлявшийся государством как органом класса феодалов; поэтому параллельно с формированием вотчины происходил процесс превращения «свободного» крестьянства в государственных зависимых людей³⁵.

Византийское крестьянство на первом этапе развития феодальных отношений, оставаясь в подавляющем большинстве «вне сферы действия вотчинной эксплуатации, тем не менее стало зависимым». Его сеньором сделалось государство, взимавшее централизованную ренту в разных формах и прикрепившее на протяжении IX—X вв. к земле все основные категории зависимого населения. Система эпилленгии, утвердившаяся к началу X в., еще более усугубила зависимость «государственных крестьян»³⁶.

Представление о централизованной эксплуатации крестьянства в IX—X вв. разделяет К. А. Осипова. В центре ее внимания находится один «из наиболее действенных рычагов» превращения свободных общинников в государственных париков — эпилленгий в X в.³⁷

³³ Там же.

³⁴ М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов. ВВ, XI, 1956, стр. 55—81. Ср. Е. Э. Л и п ш и ц. К изучению экономики пригородов Константинополя в X в. ВВ, XIV, 1958, стр. 81—84; М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. ВВ, XVII, 1960, стр. 3—16.

³⁵ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 419.

³⁶ А. П. Каждан. Византийская община IX—X вв. «УЗ Великолукского гос. пед. ин-та», 1956, стр. 94; е г о ж е. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. ВВ, X, 1956, стр. 53; е г о ж е. Деревня и город..., стр. 30, 189.

³⁷ К. А. Осипова. Эпилленгия в Византии в X в. ВВ, XVII, 1960, стр. 31—35. Пolemизируя с И. Караяннопoulosом, утверждавшим, что принцип коллективной податной ответственности оставался неизменным на протяжении всей истории Византии, К. А. Осипова считает, что эпилленгия как специфическая форма податной ответственности возник в X в. После 928 г. эпилленгия взималась в форме податей, вносившихся соседями за отсутствующие земли односельчан. В период 928—941 гг., по-видимому, была введена особая система податных и земельных изъятий и новая форма

Тезис о наличии централизованной ренты в Византийской империи IX—X вв. встретил возражения со стороны М. Я. Сюзюмова, который считает, что лично свободные крестьяне в Византии IX—X вв. не были феодально-зависимыми, их повинности служили только выражением подданства. Под понятие «государственные крестьяне», по его мнению, можно подвести лишь «*παροικοὶ δημοσίων*» более позднего времени. Нет оснований, полагает М. Я. Сюзюмов, говорить о прикреплении к земле общинников X в. Исходным моментом ошибочного, с точки зрения М. Я. Сюзюмова, представления о централизованной ренте является высказанный Е. Э. Липшиц еще в 1945 г. взгляд, будто византийская община близка к азиатской³⁸. На самом деле, полагает он, византийская община не отличалась от западноевропейской общины-марки³⁹.

Г. Г. Литаврин в вопросе о централизованной ренте и государственном закреплении крестьян в Византии во многом солидаризируется с М. Я. Сюзюмовым, полагая, что собственность государства на землю становится феодальной только тогда, «когда сложился класс крупных собственников феодального типа и государство стало выразителем его интересов»⁴⁰. В отличие от А. П. Каждана, он считает «крестьян-налогоплательщиков государства — свободными..., а уплачиваемое ими в казну — государственными налогами, а не рентой», ибо, по мнению Г. Г. Литаврина, в этот период «налогоплательщик мог по-прежнему совершенно свободно подарить, продать, завещать, обменять свою землю»⁴¹.

При спорности отдельных положений о специфике византийского феодализма важно подчеркнуть, однако, плодотворность самой постановки этой проблемы, что коренным образом отличает советскую византиноведческую науку от буржуазной.

Изучению уровня производительных сил в Византии в X в. способствовало издание ценного источника — византийской сельскохозяйственной энциклопедии, «Геопоники», осуществленного Е. Э. Липшиц⁴². Этот памятник содержит разнообразные сведения по технике сельского хозяйства и агрикультуре.

XI—XII века в истории византийского феодализма большинством наших исследователей рассматриваются как период торжества феодальной вотчины, закрепощения общины и окончательного установления феодальных институтов (прония, экскуссия-иммунитет). Организация вотчины в Византии и феодальные институты (особенно иммунитет) были за последние годы подвергнуты анализу в работах А. П. Каждана, Г. Г. Литаврина,

аллиленгия, состоявшая в том, что налоги за покинутые земли платили теперь не соседи, а вся община. Систему податных изъятий нельзя рассматривать «как простой переход к политике налоговых облегчений», с ней была связана новая форма аллиленгия. Хотя опустевший участок, согласно «Податному уставу», должен был поступать в казну, на практике нередко эта «класма» оставалась за общиной и последняя уплачивала за нее налоги по новой системе аллиленгия.

³⁸ Е. Э. Л и п ш и ц. Византийское крестьянство и славянская колонизация..., стр. 142.

³⁹ М. Я. С ю з ю м о в. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону, стр. 44. Г. Г. Литаврин, соглашаясь с некоторыми выводами М. Я. Сюзюмова, подвергает, однако, критике его тезис об отсутствии в Византии государственной собственности на землю. По мнению Г. Г. Литаврина, нет необходимости обязательно связывать государственную собственность на землю с азиатской формой общины, как это делает М. Я. Сюзюмов, который, употребляя выражение «государственная собственность», имеет в виду именно тип восточного феодализма, где налог есть рента. С точки же зрения Г. Г. Литаврина, право верховной собственности государства на владения своих подданных выражает иерархическую структуру феодализма (Г. Г. Л и т а в р и н. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 40—58).

⁴⁰ Г. Г. Л и т а в р и н. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 215; ср. стр. 57.

⁴¹ Там же, стр. 53, 54.

⁴² «Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века». Введение, перевод с греческого и комментарий Е. Э. Липшиц. М.—Л., 1960, 376 стр.

К. А. Осиповой, М. М. Фрейденберга, а применительно к XIII—XIV вв. — в статьях Б. Т. Горянова и К. В. Хвостовой. Проблема разложения общины и возникновения и развития феодальной вотчины в X—XII вв. была предметом исследования М. М. Фрейденберга, рассмотревшего пути вовлечения крестьян-общинников в сферу частновладельческой феодальной эксплуатации. По его мнению, этот процесс, связанный прежде всего с имущественным расслоением внутри общины, происходил в значительной степени и под воздействием разрушительных факторов внешнего порядка⁴³. Такими внеэкономическими факторами, подрывавшими устойчивость крестьянского хозяйства, в первую очередь являлись: обязанность крестьян отбывать военную службу, разорение, причинявшееся крестьянским хозяйствам во время передвижений войск, бегство населения от нашествия кочевых народов, всякого рода стихийные бедствия, а главное — огромный ущерб, связанный с произволом податного аппарата империи. Основной вывод М. М. Фрейденберга сводился к тому, что разложение общины, сущность которого заключалась в вовлечении отдельных крестьянских хозяйств в сферу вотчинной эксплуатации, проявлялось «в интенсивном перемещении крестьянского населения, т. е. в отрыве от своего надела в общине». Иными словами, «процессу феодализации в Византии широко предшествовал отрыв крестьянина от земли»⁴⁴. В другой своей работе автор подчеркивает, что, несмотря на интенсивный процесс оформления личной крестьянской зависимости в Византии XII в., крестьяне все же сохраняли известные владельческие права на землю⁴⁵.

Большое внимание в работах последнего времени уделялось проблеме иммунитета. Все советские византилисты, занимавшиеся этим вопросом, единодушно признают, что иммунитет — это совокупность привилегий, оформляющих внеэкономическое принуждение. Они рассматривают иммунитет в связи с развитием и особенностями феодальной собственности в Византии, вскрывая, таким образом, социально-экономическую сущность этого института. Изучение иммунитета имеет большое значение, в частности, для уяснения борьбы за крестьянскую ренту. Эта борьба разворачивается как между классом феодалов и крестьянством в целом, так и между различными группировками феодалов. Однако по некоторым спорным вопросам мнения советских византистов расходятся. Так, существуют различные точки зрения относительно этапов развития иммунитета в Византии.

Б. Т. Горянов выступил с опровержением взглядов П. А. Яковенко и К. Н. Успенского, считавших, что иммунитет в Византии начиная с XII в. сокращался⁴⁶.

Эккуссия (податные льготы) является, по мнению Б. Т. Горянова, одним из этапов развития иммунитета. Появление эккуссии этот исследователь относит к X—XI вв., когда процесс феодализации был в основном завершен⁴⁷. Дальнейшее развитие эккуссии, полагает Б. Т. Горянов, происходило в XI—XII вв., когда центробежные силы, отражавшие интересы крупного землевладения, окончательно одерживают победу над византийским централизованным государством. В XIII—XV вв., в поздней-

⁴³ М. М. Фрейденберг. Развитие феодальных отношений в византийской деревне в X—XII вв. «УЗ Великолукского гос. пед. ин-та», 1956, стр. 106.

⁴⁴ Там же, стр. 107 сл., 112.

⁴⁵ М. М. Фрейденберг. Монастырская вотчина в Византии XI—XII вв. «УЗ Великолукского гос. пед. ин-та», 4, вып. II, 1959, стр. 69—70.

⁴⁶ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет. ВВ, XI, 1956, стр. 177—200; XII, 1957, стр. 97—117. Независимо от Б. Т. Горянова к выводу о расширении иммунитета в поздней Византии пришел, как известно, Г. Острогорский (см. его статью «К истории иммунитета в Византии». ВВ, XIII, 1959, стр. 55—107).

⁴⁷ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет. ВВ, XII, 1957, стр. 112.

византийское время, экскуссия достигает кульминационной точки в своем развитии: светская экскуссия уже передается теперь по наследству. К этому же времени ученый относит развитие судебного иммунитета⁴⁸. Эволюция экскуссии связана, по мнению Б. Т. Горянова, с превращением пропии в наследственное владение⁴⁹.

С точки зрения М. М. Фрейденберга, посвятившего специальное исследование византийскому иммунитету XI—XII вв., экскуссию этого времени следует рассматривать как законченный податный иммунитет. Дарование экскуссии, как правило, связано в актах XI—XII вв. с пожалованием париков, а пожалование париков обычно не производится без дарования экскуссии на них. Это показывает, что «первым значением института экскуссии становится оформление прав феодала-экскуссата на прибавочный труд зависимых крестьян»⁵⁰.

В противоположность Б. Т. Горянову, считающему, что судебный иммунитет сложился только в поздневизантийское время, и А. П. Каждану, полагающему, что хотя уже в XI—XII вв. имеются примеры законченного судебно-административного иммунитета, но они не стоят ни в какой связи с экскуссией — податной льготой, М. М. Фрейденберг утверждает, что хотя юридически экскуссия является только податной льготой, однако на практике пожалование ее означало передачу экскуссату не только прав на сбор налогов, но и всей той власти, которая необходима была для реального осуществления этих прав⁵¹. Такой же точки зрения придерживается, как известно, Г. Острогорский⁵².

Считая, что пожалование экскуссии означало в то же время передачу определенных судебно-административных прав, М. М. Фрейденберг пытается выяснить причину умолчания об этих правах в экскуSSIONНЫХ грамотах. Она заключалась, полагает он, в том, что объем судебных прав определялся объемом переданных налоговых прав, «т. е. феодал имел право судить и наказывать прежде всего по делам, связанным с взиманием ренты»⁵³. Впрочем, размеры передаваемой ренты, добавляет М. М. Фрейденберг, в грамотах также не устанавливались. Это последнее объясняется, по его мнению, тем, что в XI—XII вв. феодалу жаловались обычно обедневшие парики, в отношении которых государство легко отказывалось от всех своих прав — как налоговых, так и судебно-административных, тщательно оберегая в то же время свои права на эксплуатацию общины. Иными словами, в экскуSSIONНЫХ грамотах потому не говорится об объеме и передаче судебно-административных прав, а также о размерах передаваемой по экскуссии ренты, что эти права, равно как и рента, передавались во всей их полноте. С этим выводом М. М. Фрейденберга вряд ли можно согласиться. Ведь размер переданной ренты обычно не определяется и в грамотах XIV в., когда экскуссия жаловалась не только на обедневших приселившихся париков, но и на целые деревни и, следовательно, государство не так легко отказывалось от своих прав. Очень часто также ничего не говорится в этих грамотах и о судебно-административных правах экскуссата. Думается, что это объясняется самой юридической природой экскуссии, тем, что этот правовой институт означал только освобождение от налогов. М. М. Фрейденберг, по-видимому, склонен смешивать юридическую сторону вопроса с действительным положением вещей. Достоинством его работы является, однако, то, что он показывает, каким образом, не-

⁴⁸ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет, стр. 114.

⁴⁹ Там же, стр. 115.

⁵⁰ М. М. Фрейденберг. Экскуссия в Византии XI—XII вв. «УЗ Великолукского гос. пед. ин-та», 3, 1958, стр. 350.

⁵¹ Там же, стр. 359.

⁵² Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии..., стр. 96 сл.

⁵³ М. М. Фрейденберг. Экскуссия в Византии XI—XII вв., стр. 360.

смотря на многообразное содержание термина экскуссии (ее объектом в XI в. могли являться корабль, мост, мельница, скот и т. д.), он все больше и больше приобретает значение податного иммунитета.

Иного взгляда на характер экскуссии придерживается А. П. Каждан. В противоположность Б. Т. Горянову, полагавшему, что экскуссия — один из этапов в оформлении иммунитета, и М. М. Фрейденбергу, видевшему в экскуссии податный иммунитет и определенную совокупность неизбежно связанных с ним судебно-административных прав, А. П. Каждан характеризует экскуссию как институт, совершенно отличный от иммунитета. Экскуссия, по его мнению, — это только податная льгота. Каждан рассматривает многочисленные значения этого термина, отмечая, что экскуссии подлежали различные виды имущества, а также парики⁵⁴. Последние освобождались от основных государственных налогов, взамен которых на них возлагались специальные повинности⁵⁵. Но и в тех случаях, когда экскуссия жаловалась на земельные владения, она не может быть названа иммунитетом, так как не предполагает наличия у экскуссата судебно-административных прав⁵⁶. А именно обладание ими означает, по мнению А. П. Каждана, иммунитет, ибо как раз эти права и оформляют внеэкономическое принуждение и создают экзимирированность феодального поместья. Хотя иногда можно обнаружить «подлинный судебно-административный иммунитет»⁵⁷ уже в XI в., однако окончательно он сложился в Византии только к XIV в.

Вместе с тем А. П. Каждан придает большое значение экскуссии в оформлении феодальной собственности. По его мнению, «освобождение от государственных повинностей было не просто экономической льготой — оно знаменовало переход в привилегированную касту лиц, свободных от бремени податей... Только податное изъятие создавало в подлинном смысле слова феодальную собственность»⁵⁸. Другое значение системы экскуссий заключалось, по мнению А. П. Каждана, в том, что если податные изъятия распространялись за пределы собственных владений феодала, то это способствовало расширению системы вотчинной эксплуатации⁵⁹.

Вопрос о византийском иммунитете рассматривался также и в книге Г. Г. Литаврина «Болгария и Византия в XI—XII вв.». Автор ее полагает, что иммунитет появляется тогда, когда вотчинник или уже осуществляет на практике те права, которых добивается, или в состоянии их осуществлять. Экскуссия в Болгарии была известна с конца X — начала XI в.: «В XI в. право суда у феодалов было нередким явлением, а к концу XII в. оно уже достаточно заметно оформлялось»⁶⁰. По мнению автора, экскуссия в условиях феодальной действительности являлась не только простым освобождением от податей: «Уступка этих податей феодалу означала сужение прав верховной собственности государства, а вместе с тем и передачу функций внеэкономического принуждения, осуществляемого при взыскании централизованной ренты, в частные руки»⁶¹. Пожалование феодалу прав на взимание налогов (податный иммунитет) означало оформление внеэкономического принуждения, независимо от того, обладал ли иммунитет судебно-административными привилегиями или нет. Наличие всех этих привилегий (податных, судебных и административных) или

⁵⁴ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 183.

⁵⁵ Там же, стр. 184.

⁵⁶ Там же, стр. 186.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, стр. 187; его же. Формирование феодального поместья в Византии в X в. ВВ, XI, 1956, стр. 119.

⁵⁹ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 187.

⁶⁰ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 237—245.

⁶¹ Там же, стр. 230.

только некоторых из них свидетельствовало лишь о существовании полного или неполного иммунитета.

В рассматриваемый отрезок времени советские византилисты много труда приложили к разрешению сложного и спорного вопроса о характере и особенностях византийской пронии. Признавая ее формой условной феодальной собственности, наши историки вместе с тем расходятся в оценках особенностей пронии и в понимании путей возникновения этого института.

А. П. Каждан еще в 1952 г. высказал мнение, что прония как форма землевладения развилась из пожалования определенной суммы податей (*ποσότης, солёцмоу*) с какой-либо местности. Прония, полагает А. П. Каждан, по крайней мере до XII в. не имела военного характера⁶². В рассматриваемый период времени «прония, называемая также *οἰκονομία*, представляла собой право на строго ограниченное количество (*ποσότης*) государственных налогов, взимаемых с определенной территории»⁶³. В другой своей работе А. П. Каждан писал, что «прония юридически не составляла собственности на землю. Однако коль скоро прония получила экономическую реализацию в ренте, она по существу была не чем иным, как особой формой феодальной собственности»⁶⁴.

В соответствии со своим пониманием пронии X—XII вв. как пожалования определенной суммы налогов, Каждан и усматривает условный характер этого вида феодальной собственности в определении налоговой квоты. Близко к пронии примыкает арифмос — пожалование определенного числа париков. Считая, таким образом, что «византийская условная собственность рождалась сплошь и рядом лишь в форме государственного пожалования определенной суммы ренты или определенного количества зависимых людей»⁶⁵, А. П. Каждан полагает, что византийские прония и арифмос составляют в известном смысле параллель с мусульманской *икта*⁶⁶.

Кроме пронии и арифмоса, А. П. Каждан рассматривает такие формы условной собственности, как пожалование на срок жизни (оно являлось, по мнению исследователя, типично западной формой условной собственности) и харистикий, иногда по своему характеру приближавшийся к пронии⁶⁷.

Взгляды А. П. Каждана на характер и происхождение пронии вызвали полемику в нашей литературе. С интересной трактовкой этого вопроса выступил М. Я. Сюзюмов. Он считает, что институт пронии, окончательно сложившийся к XIII—XIV вв., возник из различного рода пожалований: земли, права ведения хозяйства на данной территории, права управления данной территорией, права на сбор налогов и на зависимых работников. Все эти права, «нивелируясь, превратились в XIII—XIV вв. в единую, специфичную для Византии форму условной феодальной собственности — пронию»⁶⁸. Соглашаясь с Г. Острогорским в том, что прония не может быть отождествлена с вотчиной, М. Я. Сюзюмов в то же время подчеркивает, что неотчуждаемость пронии — ее основное отличие от вотчины — не означала, согласно византийскому праву, абсолютного запрета передачи прониаром своих прав другому лицу. Ко времени IV крестового похода

⁶² Эти положения были развиты и в докладе А. П. Каждана на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г. (А. П. Каждан. *Формы условной собственности в Византии X—XII вв.* М., 1960).

⁶³ Там же, стр. 5.

⁶⁴ А. П. Каждан. Рецензия на книгу Г. А. Острогорского «Pour l'histoire de la féodalité byzantine». Bruxelles, 1954. ВВ, X, 1956, стр. 228, прим. 1.

⁶⁵ А. П. Каждан. *Формы условной собственности...*, стр. 6.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, стр. 3.

⁶⁸ М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 г. ВВ, XII, 1957, стр. 60.

византийская прония по существу не отличалась от западноевропейского феода: «Византия — приморское государство, но ее военная организация, основывающаяся на системе пронии, стала строиться так, как если бы Византия была страной, находящейся в глубине континента»⁶⁹.

О пронии как условной форме землевладения военного характера писал и Б. Т. Горянов⁷⁰. Развитие пронии он ставил в связь с развитием иммунитета: «Светская экуссия создается и развивается параллельно с возникновением и развитием пронии и является в руках крупного землевладения мощным орудием по превращению пронии в экономически, а затем и политически почти независимые от центральной государственной власти владения»⁷¹. Сходной точки зрения на характер византийской пронии придерживается К. Н. Юзбашян⁷².

Вопрос об условной феодальной собственности, и в частности о пронии на болгарских землях Византийской империи XI—XII вв., затронут в указанной выше монографии Г. Г. Литаврина. Последний разделяет точку зрения Д. Анастасиевича и Г. Острогорского, что «институт пронии как условного земельного пожалования военного характера был в конце XII в. уже «очень широким», а сословие прониаров — могущественным и этнически пестрым»⁷³. К этому времени прония приобретает характер специфически военного земельного пожалования⁷⁴. В XII в. она становится наиболее типичным условным земельным пожалованием, вытесняя все другие его виды. «Если вначале, — пишет Г. Г. Литаврин, — получаемые с пронии доходы ни по форме, ни по размерам не должны были отличаться от государственных налогов, то в середине XII в. прониар уже свободно распоряжается крестьянами своей пронии»⁷⁵.

Таким образом, мы видим, что проблема происхождения и характера пронии как формы условного землевладения в Византии плодотворно разрабатывалась в советской исторической науке. Но для ее полного разрешения потребуются еще немалые усилия ученых, поскольку данные источников нередко являются спорными и противоречивыми.

Сравнительно мало изучалось в нашей историографии последних лет развитие феодальных отношений в XIII—XV вв. Основная проблема, которую предстоит решить в данной области, такова: были ли эти столетия только временем экономического спада (такую точку зрения всего последовательнее проводит Б. Т. Горянов) или же в этот период наряду с усилением феодальной реакции имело место зарождение раннекапиталистических элементов (эти положения отстаивали З. В. Удальцова, А. П. Каядан).

Суммируя все сказанное, мы можем констатировать, что главным направлением исследований советских византистов в 1955—1960 гг. являлась углубленная разработка широкого комплекса проблем, связанных с зарождением, развитием и специфическими особенностями феодализма в Византии. Хотя за последние годы разрешение ряда вопросов значительно продвинулось вперед, однако очень многие из них остаются спорными. Несомненно поэтому, что анализ природы византийского феодализма еще долгое время составит предмет специальных исследований советских ученых.

⁶⁹ Там же, стр. 74.

⁷⁰ Б. Т. Горянов. Крупное феодальное землевладение в Византии XIII—XIV вв. ВВ, X, 1956, стр. 114—117.

⁷¹ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет. ВВ, XII, 1957, стр. 113.

⁷² К. Н. Юзбашян. «Варяги» и «прония» в «Повествовании» Аристарха Ластивертца. ВВ, XVI, 1960, стр. 14—23.

⁷³ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 154.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же, стр. 158.

ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД

Все больше внимания в советской историографии уделяется в последнее время истории византийского города. Это и понятно: изучение развития феодализма в Византии не может быть успешным без определения места города в этом процессе. Можно с полным основанием утверждать, что советские византисты достигли в последнее время заметных успехов в разработке этой проблемы.

Основным вопросом, на решении которого были сконцентрированы усилия ученых, занимавшихся византийским городом, был вопрос о соотношении средневековых городов Византии с городами античной эпохи и времени поздней Римской империи. Иначе говоря, дебатировался вопрос о том, существовала ли непосредственная преемственность между византийскими городами IV—XII вв. и полисами предшествующей исторической эпохи или же это были города нового типа, не имевшие в целом никакого отношения к полисному строю. В центре изучения стояла, таким образом, проблема эволюции византийского города в IV—XII вв. Подавляющее большинство авторов признавало, что в социальной структуре и в самих судьбах византийского города в IV—IX вв. произошли глубокие перемены: за немногими исключениями, в V—VI вв. начинается и в VII—VIII вв. достигает высшей точки кризис античного рабовладельческого полиса; старый город погибает, и вместо него постепенно вырастает средневековый феодальный город.

В 1956 г. посмертно была опубликована статья М. В. Левченко о положении Пентаполя в IV—V вв.⁷⁶ Автор показал, что в конце IV—V в. Пентаполь, подобно другим провинциям империи, захваченный кризисом рабовладельческого строя, переживал экономический упадок; проявившийся как в основной отрасли хозяйства — земледелии, так и в экономике главных городов страны. Пентаполь имел пять прославленных в древности городов, давших название этой провинции. Ко времени, описываемому Синесием, прежняя столица Кирена захирела, уступив первенство Птолемаиде, зато торговое значение приобрел порт Кирены — Аполлония (Фикунт); другие же города — Тевхира (современная Токра) и Евгеспериды-Береника (ныне Бенгази), так же как и Кирена, испытывали большие трудности, страдая от самоуправства чиновников и от постоянных набегов кочевых племен. В городах Пентаполя сокращалось ремесленное производство; наиболее ценные товары привозили теперь из Александрии и Афин. Пентаполь еще поддерживал во времена Синесия торговые связи, главным образом морем, с Фракией, Афинами, Египтом, Каиром, Сирией и другими областями империи, но и морская торговля в это время клонится к упадку. Новым является вывод М. В. Левченко о том, что курии в Киренаике и в начале V в. отнюдь не находились в таком жалком состоянии, как это было принято думать, а сохраняли свое влияние на общественные дела. Епископы (подобно Синесию) сами были выходцами из курialsкой знати и действовали в контакте с куриями. Вместе с тем сведения, содержащиеся в письмах Синесия, указывают на разложение господствующего класса, и сам Синесий выступает как идеолог той части рабовладельцев, которая, будучи напугана революционным движением рабов и колонов, считала необходимым сплочение всех сил своего класса вокруг императорской власти.

Сходные проблемы находились в центре научно-исследовательских интересов Г. Л. Курбатова, изучавшего упадок экономики античного полисного строя, полисную идеологию и развитие элементов феодализации в экономической, социально-политической и духовной жизни города в период

⁷⁶ М. В. Левченко. Пентаполь по письмам Синесия. ВВ, IX, 1956, стр. 3—44.

разложения рабовладельческого общества в IV—VI вв. В 1956 г. Г. Л. Курбатов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Городские курии и сословие куриалов в ранней Византии IV—VI вв.» и с тех пор продолжал работать над этой проблемой, посвятив ей ряд статей. Опираясь главным образом на материал, относящийся к Антиохии, автор проследил основные моменты эволюции муниципальной системы в эти столетия, рассмотрев ее в тесной связи с развитием социально-экономических отношений в городе, разложением античной формы собственности на землю, упадком рабства и т. д. Г. Л. Курбатов показал, как влияли на изменение форм муниципального строя рост крупной независимой земельной собственности, упадок мелкого и среднего городского землевладения, увеличение экономического и политического влияния церкви в городе.

Результатом всего этого была и перестройка городского самоуправления в конце IV — начале V в. По мере разложения рабовладельческих отношений происходили существенные сдвиги в социальной структуре городского населения, менялось и отношение народных масс города к институтам античного полисного строя, к куриям и сословию куриалов. Автор пришел к выводу что в IV—VI вв. в крупных городах Византии увеличилась прослойка мелких свободных ремесленников. Она заняла господствующее положение в производстве. В дальнейшем именно ремесленники составили заметную часть населения византийского феодального города. Их борьба в IV—VI вв. (когда они уже не пользовались никакими преимуществами как члены полисного коллектива, а были лишь объектом эксплуатации правительства и местной верхушки), в отличие от выступлений люмпен-пролетариата, носила прогрессивный характер. Отношения *ordo plebeius* и куриалов все более обострялись. Вопреки распространенному в буржуазной историографии мнению, согласно которому куриалы разорялись под гнетом правительства якобы «на благо всего городского населения», Г. Л. Курбатов показал, что прежде, чем разориться самим, куриалы разоряли подвластное им население города, торгово-ремесленные круги и мелких земельных собственников⁷⁷.

Несомненный интерес для византиниста представляют работы Н. В. Пигулевской о положении городов Ближнего Востока, в частности Ирана, в IV—V вв. — об особенностях их социально-экономического и политического развития, их связях с Византией. Как полагает автор, это время характеризуется разложением рабовладельческого города, возникновением и развитием царских феодальных городов⁷⁸. Для доказательства этого положения привлекаются позднеавионские, пехлевийские, сирийские, греческие и латинские источники⁷⁹, многие из которых впервые использованы при рассмотрении проблемы разложения рабовладельческого и развития феодального города в Иране. Автор уделяет большое внимание изучению основных процессов социально-экономического и политического развития Ирана в III в., их влияния на судьбы старых городов и появления новых. Центральные разделы монографии о городах Ирана посвящены городу

⁷⁷ Г. Л. Курбатов. Положение народных масс в Антиохии IV в. ВВ, VIII, 1956, стр. 42—61; е го же. Некоторые проблемы разложения античного полисного строя в восточных провинциях Римской империи IV в. «Вестник ЛГУ», 1960, № 2, стр. 47—62.

⁷⁸ Н. В. Пигулевская. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке. «УЗ Ин-та востоковедения АН СССР», т. XVI, 1958, стр. 5—30; е е же. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956.

⁷⁹ Для изучающих историю византийского города интересен опубликованный Н. В. Пигулевской русский перевод Эдесской хроники (Н. В. Пигулевская. Эдесская хроника. ПС, 4, 1959, стр. 79—96), датируемой ею примерно 540 г. См. также ее статью: «Производство шелка в Византии и Иране в IV в.» (ВВ, X, 1956, стр. 3—8).

IV—V вв. — вопросам организации ремесла и торговли, торговых товариществ, заселения и устройства царских городов, налоговой системе, проблеме влияния развития города на социально-политическую жизнь Ирана. В разделе о маздакитском движении выясняется его характер, связь с городом, объясняется, почему маздакитское движение нашло поддержку в городах Ирана.

Проблемы ранней истории городов в различных провинциях Византии и сопредельных стран были затронуты в работах Г. Г. Дилигенского, Г. Х. Саркисяна, Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьева и других.

Г. Г. Дилигенский приходит к выводу, что города Северной Африки сохраняли античный характер до конца IV в. и императоры искали опору не только среди представителей сенаторского сословия, но и среди тех слоев господствующего класса, которые были связаны с муниципальной городской организацией и с городской собственностью на землю⁸⁰. С точки зрения Г. Х. Саркисяна, города Армении начиная с IV в. вступили в полосу глубокого упадка, который продолжался около полутысячелетия⁸¹. К выводу об упадке в IV—V вв. древнего Себастополиса (на дне Сухумской бухты) пришли также, основываясь на материале, обнаруженном во время археологических работ в 1958—1959 гг., Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьев⁸².

Наиболее последовательно и детально проблема упадка ранневизантийских городов, связанного с крушением рабовладельческого полиса, и становления нового, феодального города в Византии была разработана в трудах А. П. Каждана и З. В. Удальцовой. В 1958 г. эти авторы выступили с совместной статьей, положившей начало дискуссии о нерешенных вопросах процесса развития феодализма в Византии. Значительное место в статье было уделено и судьбам византийского города. Опираясь на археологический и нумизматический материал, А. П. Каждан и З. В. Удальцова пришли к выводу, что период экономического упадка византийского города наступает с конца VII в. и продолжается до конца IX в.⁸³ Высказанная в этой статье точка зрения нашла свое отражение и дальнейшее развитие в монографических исследованиях указанных авторов.

В монографии «Италия и Византия в VI в.» З. В. Удальцова показала, что процесс феодализации византийского общества глубоко отразился на экономической и социально-политической жизни городов Византии и Италии. В византийской Италии VI в. началась натурализация хозяйства, сокращение торговли и перемещение ремесленного производства из городов в поместья. Анализ источников приводит автора к выводу, что в VI в., однако, еще не наступил тот глубокий упадок городов, который стал характерным для более позднего времени: еще продолжалось развитие ремесла (как государственного, так и частного), сохранялись, а иногда даже оживлялись и торговые связи. Тем не менее в VI в. процесс разложения античного полиса, вырождение муниципальной организации и упадок курий зашли уже довольно далеко, и некоторые попытки остготского, а затем византийского правительства задержать этот процесс успеха не имели⁸⁴.

⁸⁰ Г. Г. Дилигенский. Североафриканские города в IV в. ВДИ, 1959, № 3, стр. 75—100.

⁸¹ Г. Х. Саркисян. Тигранакерт (Из истории древнеармянских городских общин). М., 1960, 168 стр.

⁸² Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев. Исследование древнего Себастополиса. СА, 1960, № 3, стр. 171—179. См. также С. Каучишвили. Один из древнейших городов мира. «Заря Востока», № 255, 31.XII 1959.

⁸³ З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. ВИ, 1958, № 10, стр. 79—96.

⁸⁴ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в., стр. 115—135.

Выводы А. П. Каждана и З. В. Удальцовой об упадке города в Византии (в особенности с конца VII в.) нашли подтверждение и в исследовании А. Л. Якобсоном археологических материалов средневекового Херсонеса⁸⁵.

На общевизантийском материале эту проблему рассмотрел А. П. Каждан в своей книге «Деревня и город в Византии IX—X вв.». Правда, его внимание сконцентрировано здесь не столько на вопросах упадка городской жизни в VII—VIII вв. (этот период в целом остается, естественно, за рамками монографии), сколько на проблеме подъема византийского города в последующее время (конец IX—XII в.). Тем не менее в целях выявления тенденций экономического развития города в IX—X вв. автор приводит большой материал и о городе предшествующих столетий. Археологические памятники (в особенности керамика и изделия металлургического производства), а также данные нумизматики свидетельствуют о резком падении товарного производства в Византии в конце VII в., ухудшении качества и техники изделий, об аграризации самого облика византийского города. Эти явления (как и начавшийся с конца IX в. подъем города) А. П. Каждан тесно связывает с процессом крушения рабовладельческих отношений и становления феодализма, т. е. с процессом гибели рабовладельческого полиса и развития феодального города⁸⁶.

Изложенная выше точка зрения встретила, однако, возражения ряда историков. По мнению М. Я. Сюзюмова, одна из важнейших особенностей Византии состояла в сохранении развитого товарного производства на всем протяжении ее истории. М. Я. Сюзюмов разработал теорию, согласно которой так называемые города-эмпории, крупные ремесленные и торговые центры, сохранившиеся от античности, «в готовом виде» перешли в новый, феодальный период истории Восточного Средиземноморья. Хотя, как полагал этот ученый, города Византии также испытывали перемены, однако они уже вступали в феодальную эпоху как экономически развитые центры товарного производства со сложившимся ремеслом, торговлей, установившимися веками формами эксплуатации городской знатью свободного населения и, кроме того, с торговыми связями и сельской округой большого радиуса⁸⁷. Эти факторы оказывали тормозящее влияние на развитие феодальных отношений; рабовладельческие порядки уступали свое место медленно и оставались господствующими до начала IX в.⁸⁸

Отстаивая, таким образом, взгляд об относительной непрерывности развития по крайней мере важнейших городов в Византии и придавая этому обстоятельству огромное значение, М. Я. Сюзюмов, однако, признает упадок и аграризацию большинства городов в Византии в VI—IX вв., только связывает его с бурными внешнеполитическими событиями VI—VII вв. (прежде всего — с нашествием «варваров») ⁸⁹. М. Я. Сюзюмов разделяет

⁸⁵ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. МИА, № 63, 1959. См. также. О. И. Домбровский, Е. А. Паршина. О раннесредневековой застройке территории античного театра. «Сообщения Херсонесского музея», I, 1960, стр. 36—42; В. В. Борисова. Археологические работы музея за 1957—1958 гг. Там же, стр. 69—72.

⁸⁶ А. П. Каждан. Деревня и город..., особенно стр. 260—274.

⁸⁷ М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев в истории Византии. ВВ, VIII, 1956, стр. 26—41; е го же. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. ВВ, XVII, 1960, стр. 3 сл.; е го же. Некоторые проблемы истории Византии. ВВ, 1959, 3, стр. 98—117.

⁸⁸ М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса..., стр. 4—5.

⁸⁹ М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев..., стр. 29; е го же. К вопросу об особенностях генезиса..., стр. 10; е го же. Экономика пригородов византийских крупных городов. ВВ, XI, 1956, стр. 60. Возражая А. П. Каждану и З. В. Удальцовой по некоторым вопросам истории города, Д. Ангелов также считает необходимым подчеркнуть роль внешнего фактора в процессе упадка городской жизни в Византии (см.

лишь представление о подъеме византийских городов в XI—XII вв., происходившем «уже на основе внутреннего развития феодальной экономики провинции»⁹⁰. В другой своей работе он пишет о новом подъеме византийского города в X в. в связи с появлением «грандиозных возможностей» торговли со славянскими странами⁹¹.

Р. А. Наследова в статье о ремесле и торговле Фессалоники конца IX — начала X в. приходит к выводу о высоком развитии экономики этого города. Привлекая данные различного рода источников, она показывает также, что несмотря на имевшие место периоды спада его торгово-ремесленной деятельности, он неизменно, на всем протяжении существования Византийской империи, оставался одним из ее крупнейших торгово-ремесленных, административных, военно-стратегических и культурных центров. Фессалоника принадлежала, по мнению Р. А. Наследовой, к числу тех городов Восточноримской империи, которые сумели сохранить свое ремесленное производство и торговлю и в период кризиса рабовладельческого общества и варварских вторжений; со времени арабских завоеваний VII—VIII вв., в результате которых центр тяжести византийской торговли переместился на запад и север, Фессалоника стала расширять здесь свои торговые связи; они еще более окрепли в связи с процессом феодализации славянских и западноевропейских государств и ростом их хозяйственных потребностей⁹².

Наиболее последовательно против вывода об упадке городов в Византии начиная с конца VII в. и о возникновении феодального города к концу IX — в X в. выступила Е. Э. Липшиц. В соответствии с разработанной ею теорией возникновения феодальных отношений в Византии они стали господствующими, полагает исследовательница, уже в IV—VI вв. Е. Э. Липшиц считает, что социальная перестройка византийского города относится к гораздо более раннему времени. По ее мнению, кризис полисной системы, крушение рабовладельческого города — это исторические процессы, совершившиеся еще в III—IV вв. В V и VI вв. происходит становление феодального города в Византии, относительная слабость которого в VII—VIII вв. нашла бы, с ее точки зрения, легкое объяснение просто в том, что в эпоху феодализма деревня и экономически, и политически господствует над городом⁹³.

С критикой положений об экономическом упадке византийского города в конце VII в. выступила и И. В. Соколова. На основании изучения монетных кладов она приходит к выводу, что их отсутствие служит признаком экономической стабилизации, а отнюдь не упадка, тогда как обилие кладов свидетельствует, напротив, о неустойчивости экономического положения страны⁹⁴. К сожалению, автор не ставит вопроса о причинах незначительного количества монет конца VII—VIII в., обнаруженных во время раскопок, об упадке ремесленной техники этого времени, о явных признаках запустения городов и т. п.

Большинство советских историков, опубликовавших в рассматриваемое пятилетие свои работы о византийском городе, в том числе и многие из тех

Д. А н г е л о в. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. ВВ, 1960, № 2, стр. 91—103).

⁹⁰ М. Я. С ю з ю м о в. Роль городов-эмпориев..., стр. 29.

⁹¹ М. Я. С ю з ю м о в. О трактате Юлиана Аскалонита. «Античная древность и средние века». Сб. статей по истории древнего мира и средних веков. Уральский гос. ун-т, вып. 38, ч. I. Свердловск, 1960, стр. 15.

⁹² Р. А. Н а с л е д о в а. Ремесло и торговля Фессалоники конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты. ВВ, VIII, 1956, стр. 61—84.

⁹³ Е. Э. Л и п ш и ц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазиатских провинциях Византии. ВВ, XIII, 1957, стр. 30 сл.

⁹⁴ И. В. С о к о л о в а. Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII—IX вв. ВВ, XV, 1959, стр. 50—63. С р. А. П. К а ж д а н. Византий-

ученых, которые отрицают глубокий упадок города в VII—VIII вв., согласны с мнением, что с конца IX в., в X и особенно в XI—XII вв. городская жизнь в Византии находилась на подъеме. Этот вывод подтверждают и результаты исследования локальных материалов, относящихся к средневековому Херсонесу и городам Кавказа. Так, Д. Л. Талис показал усиление в X в. торговых связей Херсонеса: в это время резко возрастает ввоз поливной и расписной керамики из Константинополя, переживавшего тогда подъем⁹⁵. Изучая историческое развитие средневековых городов Армении, Г. Х. Саркисян отмечает их постепенный рост с середины IX в.⁹⁶ К сходным выводам в отношении средневековых городов Азербайджана пришел и Г. М. Ахмедов⁹⁷.

На общевизантийских материалах начало данного процесса было изучено в работе А. П. Каждана «Деревня и город в Византии IX—X вв.». Этой теме посвящены три главы монографии (4, 5 и 6), из которых особенно интересна четвертая, где собран большой материал письменных и археологических источников о развитии византийского ремесла. По мнению автора, новый подъем ремесла раньше всего — еще в IX—X вв. — начался в Константинополе; в провинциальных городах он приходится на X—XII вв. В то же время в Константинополе XII в. уже можно проследить упадок ряда отраслей ремесла⁹⁸. В пятой главе автор рассматривает данные о византийской торговле и товарном обращении и приходит к сходным выводам, а именно: после упадка торговли с конца IX в. начинается ее новый подъем, особенно заметный в XI—XII вв.; с конца XII в. наступает период, когда вместо ремесленной продукции Византия начинает вывозить преимущественно сельскохозяйственные продукты⁹⁹. В шестой главе исследуется специфика византийского ремесленного цеха, которую А. П. Каждан видит в подчинении цеха государственным органам. В соответствии с этим он полагает, что подъем ремесленного производства в столице был обусловлен на первых порах тесной связью ремесла и торговли с потребностями императорского двора, армии и т. п.; впоследствии, с развитием новых форм ремесла и торговли, это же обстоятельство стало вызывать ремесленное производство¹⁰⁰.

Наименьшее внимание было уделено в советской византиноведческой литературе последних лет поздневизантийскому городу. Относительно того, что XIII—XV вв. характеризуются упадком города в Византии, в нашей историографии не существует серьезных разногласий. Общеизвестным является господство в городах этого времени феодалов и иноземцев (итальянцев). Существенные расхождения имеются, однако, в вопросе о том, начался ли в недрах византийского города до завоевания Византии турками процесс вызревания новых, капиталистических отношений или же византийскому городу были совершенно чужды какие бы то ни были элементы зарождающегося капитализма.

ские города в VII—XI вв. СА, XXI, 1954, стр. 169; е г о ж е. Деревня и город..., стр. 261 сл., где автор высказывает иную точку зрения.

⁹⁵ Д. Л. Т а л и с. К характеристике византийской керамики IX—X вв. из Херсонеса. «Труды Гос. исторического музея», № 37, 1960. Археологический сборник, стр. 125—140.

⁹⁶ Г. Х. Саркисян. Тигранакерт...; е г о ж е. Рецензия на книгу: Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей с древних времен (V в. до н. э.—XV в. н. э.). Ереван, 1954.—ВДИ, 1957, 4, стр. 142—146.

⁹⁷ Г. М. А х м е д о в. Из истории некоторых городов Азербайджана IX—XIII вв. «Труды Ин-та истории АН Азерб. ССР», XIII, 1958, стр. 108—132.

⁹⁸ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 190—249.

⁹⁹ Там же, стр. 250—300. См. е г о ж е. Социальный состав населения византийских городов в IX—X вв. ВВ, VIII, 1956, стр. 85—96.

¹⁰⁰ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 301—345.

А. П. Каждан и З. В. Удальцова в уже упоминавшейся статье высказывают мысль, что начиная с XIV в. в экономике Византии начали развиваться капиталистические отношения — только не в городе, где безраздельно господствовали феодалы и торгово-ростовщический (преимущественно иноземный) капитал, а в деревне¹⁰¹. Напротив, по мнению М. Я. Сюзюмова, в Византии в XIV в. наблюдается «снова значительный рост городов — но уже на другой основе... Начали развиваться некоторые элементы капиталистического уклада, правда, в соединении с ростом иноземного влияния». Именно поэтому, полагает ученый, в середине XIV в. в Фессалонике вспыхнуло мощное восстание городского населения «против феодальных устоев»¹⁰², именно тогда (при временщике Алексее Апокавке) начал впервые в истории Византии складываться союз центральной власти с городами¹⁰³.

Наконец, Б. Т. Горянову принадлежит статья о византийском городе XIII—XV вв., в которой, в отличие от работ предшествующих авторов, вообще не признается появление в Византии каких бы то ни было элементов капитализма. Как в экономике города, так и в экономике деревни, по мнению автора, вплоть до последних дней существования Византии не было никаких следов оживления. Засилье феодалов, конкуренция итальянских колоний и их господство в византийских городах, захваты турок-османов и нарушение традиционных торговых путей обусловили глубокий упадок византийского города, что являлось «одной из основных особенностей общественно-экономического строя Византии XIII—XV вв.»¹⁰⁴.

В отличие от изучения византийской деревни, проблемы византийского города еще только начали разрабатываться, причем именно в последние годы, и хотя общие тенденции развития города выявлены советскими историками, вопрос еще далеко не решен. Основная трудность, как это видно из сделанного обзора, заключается в том, что установление правильной периодизации развития феодального города тесно связано с определением общей периодизации истории феодализма в Византии. Помимо этого основного вопроса, имеется и много других проблем истории византийского города, которые лишь намечены, а то и вовсе не поставлены в литературе. У нас нет еще монографических исследований, посвященных экономической, социальной и политической жизни городов Византии в критический период ее истории (IV—VI вв.), когда кризис рабовладельческого строя оказал решающее влияние на развитие городской жизни. В дальнейшем конкретном изучении нуждаются также проблемы экономики и социальной структуры поздневизантийского города.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Большое внимание в рассматриваемое пятилетие советские византинисты уделили проблемам истории классовой борьбы. Они разрабатывались как в специальных статьях, так и в исследованиях, посвященных более широким темам социально-экономического характера.

Было написано немало работ о роли народных движений в период перехода от рабовладельческого способа производства к феодальному, в част-

¹⁰¹ З. В. Удальцова. А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы..., стр. 93 сл.

¹⁰² М. Я. Сюзюмов. Трактат Юлиана Аскалонита, стр. 15.

¹⁰³ М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма..., стр. 15.

¹⁰⁴ Б. Т. Горянов. Византийский город XIII—XIV вв. ВВ, XIII, 1958, стр. 183. Некоторые важные факты о численности населения поздневизантийских городов см. А. Д. Н о в и ч е в. Население Османской империи в XV—XVI вв. «Вестник ЛГУ», № 14, 1960. Серия истории, языка и литературы, вып. 3, стр. 28—37.

ности о соотношении революционных выступлений масс в империи с натиском на нее «варваров» извне.

Исследуя так называемые дунайские войны III в., которые в прежней историографии рассматривались лишь как столкновения римлян с «варварами», А. Д. Дмитриев пришел к выводу, что это были в то же время широкие социальные движения угнетенных римлянами народов Балканского полуострова, ускорившие разделение Римской империи на восточную и западную части¹⁰⁵. Тесная связь «варварских» вторжений с борьбой народных масс в поздней Римской Африке была выявлена и Г. Г. Дилигенским¹⁰⁶.

Острейшим проявлением кризиса рабовладения считает народные движения в Антиохии IV в. Г. Л. Курбатов. Народные волнения, как он устанавливает в своей статье, не прекращались на Востоке империи вплоть до времени массовых вторжений «варваров» и, слившись с ними, нанесли сильнейший удар по рабовладельческому строю¹⁰⁷. Эта цепь непрерывных народных движений IV в. началась с восстания Прокопия: в отличие от буржуазных историков, видевших в нем лишь бунт сословия куриалов, Г. Л. Курбатов рассматривает его как широкое, народное в своей основе движение, направленное против рабовладельческих порядков и налогового гнета государства. Однако попытка Прокопия опереться прежде всего на наиболее консервативные и приходявшие в упадок социальные слои (родовая сенаторская и муниципальная аристократия) сужала его социальную базу и предопределила в конечном счете поражение восстания¹⁰⁸. В другой своей статье Г. Л. Курбатов проанализировал восстание 387 г. в Антиохии. Как выясняет автор, накануне и в момент самого восстания недовольство народных масс выразилось в распространении еретических настроений, враждебных официальному церковному учению. Таким образом, выступление масс явилось не только формой социального протеста против политики правительства, но было направлено и против христианской идеологии¹⁰⁹.

Анализ народных движений VI в. и выяснение их влияния на ход исторического развития Италии и Византии в период генезиса феодализма осуществлены в монографии З. В. Удальцовой¹¹⁰. В классовой борьбе в Италии конца V—VI в. еще значительное место занимали выступления народных масс против пережитков рабовладения. Все большее значение, однако, начинают приобретать выступления народных масс против феодализировавшейся знати, как остготской, так и римской. Изменялся и состав участников народных движений: наряду с рабами все большую роль играли различные категории колонов, а поскольку развитие феодального землевладения сопровождалось одновременно ростом мелкой крестьянской собственности, в народных восстаниях участвовали и мелкие свободные (римско-италийские, а отчасти и остготские) земледельцы. В городах Италии классовая борьба иногда (как и в Византии) была связана с борьбой цирковых партий.

¹⁰⁵ А. Д. Дмитриев. Народные движения в восточноримских провинциях в период дунайских войн III в. (236—278 гг.). ВВ, VIII, 1956, стр. 97—126.

¹⁰⁶ Г. Г. Дилигенский. Вопросы истории народных движений в поздней Римской Африке. ВДИ, 1957, № 2, стр. 85—105.

¹⁰⁷ Г. Л. Курбатов. Положение народных масс в Антиохии в IV в. ВВ, VIII, 1956, стр. 42—60.

¹⁰⁸ Г. Л. Курбатов. Восстание Прокопия (365—366 гг.). ВВ, XIV, 1958, стр. 3—26.

¹⁰⁹ Г. Л. Курбатов. К вопросу о богохульствующих в восстании 387 г. в Антиохии. Сб. в честь В. В. Струве. Л., 1959.

¹¹⁰ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в., стр. 196—221, 339—353 и др.

Рассматривая историю византийского завоевания Италии (535—555 гг.) и политику византийского правительства в захваченных областях, З. В. Удальцова приходит к новому выводу, согласно которому в первый период этой войны — период успехов Византии — позиция народных масс, нередко принимавших участие в разгоравшейся борьбе, не была достаточно устойчивой и менялась в зависимости от конкретной обстановки. Однако самая борьба тогда не получила еще широкого размаха. Автор подробно останавливается на характеристике сложного периода правления Тотилы, показывая, с одной стороны, колебания этого остготского полководца и его стремление сблизиться с сенатом, а с другой стороны, подчеркивая, что в обстановке, создавшейся после поражения остготов, Тотила понял необходимость заключения временного союза с самыми широкими слоями италийского населения, понял, что во имя сохранения господства остготской знати нужно пойти им на некоторые уступки. Он использовал развернувшееся в Италии народное движение, вызванное реакционными юридическими и экономическими нововведениями, которые были установлены византийцами в завоеванных ими областях Италии. Это и послужило, по мнению автора, причиной последующих успехов Тотилы в его борьбе с Византией в 543—550 гг. Не помышляя об искоренении рабовладения, Тотила все же содействовал оформлению происходивших в эти годы социально-экономических изменений (широкое перемещение земельной собственности, освобождение части колонов и рабов), делая уступки массам преимущественно за счет римской аристократии. Конечное поражение готов было обусловлено, как полагает З. В. Удальцова, неизбежным обострением противоречий в социально неоднородном лагере противников империи. Углубление этих противоречий привело в 50-х годах VI в. к новому соотношению сил в стране: оно сложилось в пользу византийцев.

Как и в предшествующие годы, продолжалось изучение крупнейшего антифеодального еретического движения в Византии — павликианства. Используя не только византийские, но также армянские и сирийские источники, К. Н. Юзбашян и Р. М. Бартикян доказали, что павликианская ересь, которой придерживались армяне Великой Армении, была не только социальным, но и народно-освободительным движением, направленным против Византии и Арабского халифата: этим объясняются гонения на павликиан как в той, так и в другой стране¹¹¹. Исследовав армянские источники и сравнив содержащиеся в них данные о павликианах со сведениями, имеющимися в византийских памятниках, Р. М. Бартикян и К. Н. Юзбашян дополнили наши знания об этом широком народном движении¹¹².

К. Н. Юзбашян показал связи византийских павликиан с армянскими тонараками, отметив также и существенное различие между обоими ере-

¹¹¹ К. Н. Ю з б а ш я н. К истории павликианского движения в Византии в IX в. «Вопросы истории религии и атеизма», IV, 1956, стр. 246—279; Р. М. Б а р т и к я н. К вопросу о павликианском движении в первой половине VIII в. ВВ, VIII, 1956, стр. 127—131.

¹¹² К. Н. Ю з б а ш я н. К истории павликианского движения...; Р. М. Б а р т и к я н. Источники для изучения истории павликианского движения. Автореферат канд. дисс. Л., 1958; е г о ж е. К вопросу о павликианском движении в первой половине VIII в. ВВ, VIII, 1956; е г о ж е. Легендарное происхождение павликиан по одной древнеболгарской рукописи. «Известия АН Арм. ССР», серия обществ. наук, 1957, № 1; е г о ж е. Армянские источники для изучения истории павликианского движения. ПС, 4, 1959; е г о ж е. К оценке некоторых источников о павликианском движении. «Известия АН Арм. ССР», серия обществ. наук, 1957, № 6; е г о ж е. К вопросу об организации павликианской общины. «Историко-филологический журнал», 1958, № 3, стр. 183—187 (на арм. яз.).

тическими учениями: тондракиты, в отличие от дуалистов-павликиан, были монистами ¹¹³.

Проблеме социальных противоречий и классовой борьбы в византийском обществе посвящена последняя, самая большая по объему глава книги А. П. Каждана ¹¹⁴. Проследивая ход классовых битв на протяжении IX—X вв., автор пришел к выводу, что в IX в., когда деревня еще не была вовлечена в зависимость от феодалов-вотчинников и подвергалась централизованной эксплуатации со стороны государства, восстания крестьянства носили общеимперский характер. Иначе говоря, централизованному натиску господствующего класса соответствовал широкий, в масштабах всего государства отпор эксплуатируемого населения (восстание Фомы Славянина, павликианство). Напротив, в X в., когда сложилась вотчинная система эксплуатации, крестьянские волнения приобрели узкий, локальный характер.

Вопрос о социальной борьбе в византийском городе рассматривает Р. А. Наследова. В одной из глав своей кандидатской диссертации, посвященной изучению социальной структуры и политического устройства Фессалоники конца IX — начала X в., Р. А. Наследова показывает, что фессалоникское общество этого времени, состоявшее из резко отличавшихся друг от друга социальных групп, раздирали острые классовые противоречия. Именно в этом заключаются, по мнению автора, основные причины того, что Фессалоника — второй по величине и значению город империи — была захвачена в 904 г. арабами в очень короткий срок, не сумев оказать сколько-нибудь значительного сопротивления врагу ¹¹⁵.

Народные движения XI—XII вв. на территории империи, заселенной славянами (прежде всего болгарами), были изучены в монографии Г. Г. Литаврина ¹¹⁶. В отличие от буржуазных исследователей (главным образом болгарских), автор рассматривает восстания 1040—1041, 1072—1073, конца XI — начала XII в., 1185—1187 гг. не только как народно-освободительные, но и как антифеодальные движения. Г. Г. Литаврин исследует социальный состав участников движения, ход восстаний, причины их поражений и условия победы в 1185 г. Антифеодальные тенденции восстаний 1040 и 1072 гг. определили, как показывает автор, предательскую политику болгарской феодальной знати, немедленно или в ходе восстания переходившей на сторону византийцев. По мнению Г. Г. Литаврина, наиболее активными и решительными участниками восстаний были свободные крестьяне: вовлекаемые в феодальную зависимость, они остро реагировали на ухудшение своего материального и социального положения. Перемещение центра народно-освободительного и антифеодального движения из Западной Болгарии в Центральную, а затем — в Северо-Восточную может быть объяснено, по мнению автора, разницей в уровне развития феодальных отношений в этих двух районах Болгарии. Наиболее интенсивными и упорными восстания были там, где сохранялся значительный слой свободного крестьянства: к концу XII в. такое положение было характерно для Северо-Восточной Болгарии. В специальной статье Г. Г. Литаврин подверг анализу историю восстания болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. ¹¹⁷ Автор пришел к выводу, что целью восставших, которые выступив из

¹¹³ К. Н. Ю з б а ш я н. Тондракитское движение в Армении и павликиане. «Известия АН Арм. ССР», серия обществ. наук, 1956, № 9, стр. 31—44.

¹¹⁴ А. П. К а ж д а н. Деревня и город..., стр. 346—319.

¹¹⁵ Р. А. Н а с л е д о в а. Город Фессалоники и македонские славяне (по данным Иоанна Камениаты). Канд. дисс. (рукопись). Л., 1954, стр. 200—248.

¹¹⁶ Г. Г. Л и т а в р и н. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 376—465.

¹¹⁷ Г. Г. Л и т а в р и н. Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. ВВ, XI, 1956, стр. 123—134. Одновременно в Болгарии вышла статья Г. Цанковой-Петко-

городов Фессалии, двинулись на север, было соединение с населением Болгарии для совместной борьбы против византийского господства. Таким образом, это восстание рассматривается не в качестве какого-то изолированного эпизода, а как этап народно-освободительного движения болгар и владов, к которому примкнула также часть угнетенного греческого населения.

Социальному составу участников богомилского движения в Болгарии была посвящена статья В. Ф. Храпченко, по мнению которого богомилство в основном исходило из деревни, хотя, как доказывает автор, в нем принимали участие и городские слои населения¹¹⁸.

За последние годы советские византилисты неоднократно обращались к изучению периода правления Андроника I Комнина. Это время было озаглавлено острой классовой борьбой и сильными политическими потрясениями. Вслед за Н. П. Соколовым¹¹⁹ и М. М. Фрейденбергом¹²⁰ данного периода касались Г. Г. Литаврин, М. Я. Сюзюмов и К. Н. Юзбашян. Г. Г. Литаврин¹²¹ поддержал высказанное М. М. Фрейденбергом мнение, что реформы Андроника I были уступкой народным массам, сделанной в условиях нараставшей борьбы угнетенных против феодалов и государства. Он выдвинул предположение, что Андроник пытался опереться на мелких и средних феодалов, а также на свободное крестьянство, главным образом в европейских фемах империи. К. Н. Юзбашян попытался обосновать тезис о том, что внутренняя слабость Византии в конце XII в., обусловившая ее падение в 1204 г. под ударами крестоносцев, объясняется непрерывной и напряженной классовой и политической борьбой в империи¹²².

Иначе трактовалась политика Андроника I и определялись причины слабости Византии в работе М. Я. Сюзюмова¹²³. По его мнению, Андроник I пытался превратить Византию в централизованную монархию, но, не имея для этого достаточной социальной базы, действовал с помощью террора, чем в конце концов вызвал против себя общее возмущение. Причины дальнейшего ослабления империи М. Я. Сюзюмов видит в событиях, последовавших вскоре после свержения Андроника.

А. С. Тверитинова и А. Д. Новичев посвятили свои исследования крестьянским восстаниям начала XV в. в Турции. Опираясь на византийские и турецкие источники, они показали, как социальные противоречия оказались сильнее противоречий этнических и вероисповедных и угнетенное турецкое и греческое население объединилось в общем выступлении против феодалов и турецкого государства¹²⁴.

вой («Югозападните български земи през ХІв. според „Стратегикона“ на Кекавмен». ИИБИ, VI, 1956), которая в оценке восстания 1066 г. пришла к сходным выводам.

¹¹⁸ В. Ф. Храпченко. О социальном составе участников богомилского движения в Болгарии. «УЗ Псковского гос. пед. ин-та», VI, 1958, стр. 321—334.

¹¹⁹ Н. П. Соколов. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов (1171—1185). ВВ, V, 1952, стр. 139—151.

¹²⁰ М. М. Фрейденберг. К истории классовой борьбы в Византии в XII в. «УЗ Великолукского гос. пед. ин-та», 1954, стр. 47—49.

¹²¹ Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. ВВ, X, 1956, стр. 92—99.

¹²² К. Н. Юзбашян. Классовая борьба в Византии в 1180—1204 гг. и Четвертый крестовый поход. Ереван, 1957, стр. 65—69. См. рецензии М. А. Заборова и М. М. Фрейденберга (ВВ, XV, 1959, стр. 203—214).

¹²³ М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 г. ВВ, XII, 1957, стр. 58—74.

¹²⁴ А. С. Тверитинова. К вопросу об изучении первого антифеодального крестьянского восстания в средневековой Турции. ВВ, XI, 1956, стр. 200—224; А. Д. Новичев. Крестьянское восстание в Турции в начале XV века. «Проблемы востоковедения», 1960, № 3, стр. 67—81.

Не все проблемы, связанные с изучением классовой борьбы в Византии, достаточно разработаны в советской историографии. Так, мало изучен социальный характер кризиса VII в. и социальная направленность народного движения в начале этого века; недостаточно исследованы также еретические движения в ранней Византии (IV—VI вв.), павликианство и его связи с другими ересьями Востока, классовая борьба в империи накануне латинского завоевания и в период Латинской империи, наконец, восстание зипотов (XIV в.).

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Одной из тем, пользующихся особым вниманием советских византистов, являются русско-византийские отношения: ведь Киевская Русь, равно как и Тмутараканское и Галицко-Волинское княжества (а затем и Московская Русь), была тесно связана с Византией и в экономическом, и в государственном, и в культурном плане. Важнейшие сведения письменных источников о древней Руси имеют византийское происхождение. Без всемерного изучения проблемы русско-византийских отношений не может быть успешной разработки истории древней Руси вообще. Кроме того, именно эта тема подвергается особенно грубой фальсификации в буржуазной историографии. Поэтому разработка проблем русско-византийских отношений была и останется впредь одной из важнейших задач советского византиноведения.

Итоги изучения взаимоотношений Руси с Византией в советской историографии до 1953—1954 гг. были подведены М. В. Левченко в монографии «Очерки по истории русско-византийских отношений», вышедшей посмертно под редакцией академика М. Н. Тихомирова¹²⁵. Заслугой автора является не только пересмотр и систематизация огромного материала, накопленного в науке более чем за полвека, истекшие после работ В. Г. Васильевского, но и критический разбор сочинений буржуазных историков; М. В. Левченко показал полную несостоятельность имеющей хождение за рубежом теории о неравноправии Руси в ее сношениях с Византией, о подчинении ее авторитету империи и о политической зависимости от Византии.

Советские византилисты и слависты, историки, лингвисты и литературоведы уделяли в последнее время много внимания вопросам взаимосвязей и взаимовлияний византийской и греческой литературы. На материале конкретных исследований было установлено большое значение русских переводных и оригинальных памятников для изучения истории и культуры не только Руси, но и Византии, ибо нередко древнерусские переводы византийских памятников сохранили гораздо более полные и близкие к оригиналу тексты, чем их византийские прототипы, дошедшие в поздних, фрагментарных, неисправных списках¹²⁶.

¹²⁵ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

¹²⁶ См. М. Н. Тихомиров. Записи XIV—XVII вв. на рукописях Чудова монастыря. «Археографический ежегодник за 1958 г.». М., 1960, стр. 11—36; е го ж е. Начало славянской письменности в свете новейших открытий. ВИ, 1959, № 4, стр. 98—105; е го ж е. Русские летописи, вопросы их издания и изучения. «Вестник АН СССР», 1960, № 8, стр. 69—73; Н. К. Гудзий. Сравнительное изучение литератур в русской дореволюционной и советской науке. «Известия АН СССР». Отделение литературы и языка, XIX, 1960, вып. 2, стр. 116—127; е го ж е. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. «Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов». М., 1960, стр. 7—61; е го ж е. У истоков великой славянской литературы. «Русская литература». 1958, № 3, стр. 40—56.

Переводные (с греческого) русские памятники свидетельствуют о большом искусстве перевода на Русь, в течение нескольких веков поддерживавшей с Византией и южными славянами оживленные и плодотворные культурные связи¹²⁷. В нескольких специальных работах были выяснены отдельные вопросы влияния греческого литературного языка на лексический состав и грамматический строй оригинальных древнерусских памятников письменности¹²⁸.

Некоторые русские памятники, как показали советские исследователи, имеют первостепенное значение для уяснения обстоятельств взятия Константинополя в 1204 г. крестоносцами¹²⁹ и в 1453 г. турками¹³⁰. Особенно большое впечатление произвело на Русь падение Византии под ударами турок. Глубоко сочувственное отношение к грекам не ослабевало на Руси в течение многих столетий. «Повесть о Царьграде» Нестора Искандера, рассказывающая о последних днях Константинополя и написанная русским по происхождению и по симпатиям воином султанской гвардии янычаров, была широко известна на Руси. Ее читали и изучали еще в XVII в.¹³¹

Существенному пересмотру были подвергнуты в последние годы некоторые установившиеся взгляды на характер политических отношений Ви-

¹²⁷ Н. А. Мещерский. Отрывок из книги «Иосиппон» в «Повести временных лет». ПС, 2, 1956, стр. 58—68; его же. К вопросу об источниках «Повести временных лет». ТОДРЛ, 13, 1957, стр. 57—65; его же. К вопросу об изучении переводной письменности киевского периода. «УЗ Карело-финского пед. ин-та», серия общественных наук, 2, вып. I, 1955—1956, стр. 198—219; его же. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». ТОДРЛ, 14, 1958, стр. 43—48; его же. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве». «УЗ Ленинградского гос. ун-та», № 194, серия филологических наук, 24, 1956, стр. 18—43; его же. Искусство перевода Киевской Руси. ТОДРЛ, 15, 1958, стр. 54—72. См. также «Сборник ответов на вопросы по литературоведению». IV Международный съезд славистов. М., 1958, стр. 295; Н. А. Мещерский и И. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы. ВВ, XI, 1956, стр. 279—284; его же. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка. ВВ, XIII, 1958, стр. 246—261; его же. К вопросу о византийско-славянских литературных связях. ВВ, XVII, 1960, стр. 57—69; М. М. Копыленко. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола. ВВ, XII, 1957, стр. 232—241; его же. Из исследований о языке славянских переводов памятников византийской литературы. ВВ, XVI, 1959, стр. 82—91; его же. Рукописная греческая грамматика братьев Лихудов. ВВ, XVII, 1960, стр. 85—92; М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960.

¹²⁸ С. В. Фролова. История притяжательно-сравнительных прилагательных с суффиксами /ъ/и по древнерусским письменным памятникам XI—XVII вв. «УЗ Куйбышевского пед. ин-та», 27, 1959, стр. 183—338; ее же. Притяжательные прилагательные в ранних переводах с греческого языка. «Научные доклады высшей школы». Филологические науки, 1959, № 4, стр. 95—106; А. Н. Мирославская. Из истории развития русских имен. «УЗ Калининградского пед. ин-та», VI, 1959, стр. 363—385; П. С. Кузнецов. О форме слова БИБЛИОТЕКА. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. I, под ред. проф. П. С. Кузнецова. Изд. МГУ, 1960, стр. 39—45; А. Н. Сокольская. Сложные существительные со значением лица в русской оригинальной письменности XI—XIV вв. «Труды Одесского гос. ун-та», 149, 1959, серия филологических наук, вып. 9, стр. 189—197; В. Л. Богородский. Об одном морском термине из «Повести временных лет». «УЗ Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», 173, 1958, стр. 146—147; его же. У кормила правления (из истории метафорического словосочетания). «УЗ Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», 170, 1958, стр. 283—301; С. Д. Ледеяева. К вопросу о словообразовании в системе древнерусской военной лексики XI—XIII вв. «УЗ Кипиневского гос. пед. ин-та им. И. Крянгэ», 8, 1957, стр. 69—84; В. К. Чичагов. Вопросы русской исторической ономастики. «Вопросы языкознания», 1957, № 6, стр. 64—80.

¹²⁹ Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда франками как источник по истории Византии. ВВ, IX, 1956, стр. 170—186.

¹³⁰ М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII вв. ТОДРЛ, XII, 1956, стр. 188—226.

¹³¹ Е. В. Чистякова. А. И. Лызлов и его «Скифская история». «Проблемы историографии». Воронеж, 1960, стр. 52—55.

зантии и Руси в X в.; новое освещение было дано и отдельным византийским источникам по истории Руси этого времени ¹³².

Исследования последних лет показали, что наши представления об экономических и культурных связях Византии и Руси не всегда соответствовали действительности. Эти связи были гораздо более интенсивными и глубокими, чем было принято думать; однако осуществлялись они — особенно в области политической — как взаимоотношения двух независимых держав, связанных давними культурными традициями. В частности, в торговлю с Византией были вовлечены в XII в. не только приднепровские районы, но и далекие северные области, как это показали недавние археологические раскопки на Белоозере ¹³³, в Белоруссии ¹³⁴ и далекой Перми ¹³⁵. Проследившая эволюцию монетной и весовой систем на Руси, ученые приходят к выводу о серьезном влиянии торговых связей с Византией на формирование русских эталонов в монетном деле и в торговле ¹³⁶. В своих двух монографиях М. Н. Тихомиров уделил специальное внимание проблеме торговых и культурных связей Киевской, а затем Московской Руси с Византией. Впервые в историографии на основе источников, в первую очередь «хождений» русских паломников, автор дал подробную характеристику торговых путей из Москвы в Константинополь ¹³⁷.

В статье о греческой надписи 1078 г. из Тмутарокани Е. Ч. Скржинская высказала предположение, что этот эпиграфический памятник свидетельствует о наличии русско-византийских культурных связей в период существования Тмутароканского княжества, в пору деятельности там летописца Никона ¹³⁸.

Русские активно воспринимали достижения византийской культуры и техники, быстро осваивая у себя на родине производство изделий, ранее им неизвестных. Воздействие Византии сказывалось и в военном деле. Есть некоторые основания полагать, что русские уже в XII в. имели так называемый «греческий огонь», секрет изготовления которого византийцы так ревностно оберегали ¹³⁹.

¹³² П. О. Карышковский. Лев Диакон о Тмутараканской Руси. ВВ, XVII, 1960, стр. 39—51; М. Ю. Брайчевский. По поводу одного места из Константина Багрянородного. ВВ, XVII, 1960, стр. 144—154. См. также И. Л. Шерман. Русские исторические источники X—XVIII вв. Харьков, 1959, 253 стр.

¹³³ Л. А. Голубева. Надпись на корчаге из Белоозера. СА, 1960, № 3, стр. 321—323; М. Н. Тихомиров. Великий Новгород в истории мировой культуры. ВИ, 1960, № 1, стр. 42—52; А. Н. Кирпичников. К истории древнего Белгорода в X—XI вв. КСИИМК, 73, 1959, стр. 21—31.

¹³⁴ Э. А. Симонович. Раскопки городища Колочин I в Южной Белоруссии. КСИИМК, 77, 1959, стр. 70—76.

¹³⁵ См. «Путеводитель по залам I—VII, А, Б, В Государственного исторического музея». М., 1960, 152 стр.; Л. Н. Казаманова. Бартымский клад византийских серебряных монет VII в. «Труды Гос. истор. музея», 26. Нумизматический сборник, 2, 1957, стр. 70—76.

¹³⁶ Л. Бала. Київські гривні з нумізматичної колекції Одеського державного археологічного музею. «Матеріали з археології Північного Причорномор'я», III, 1960, стр. 253—259; И. Г. Спасский. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. М., 1960, 123 стр.; М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). МИА, 65, 1959, стр. 223—261; В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. Изд. МГУ, 1956, 207 стр.; см. рецензию: А. Л. Монгайт. ВИ, 1958, № 3, стр. 183—188.

¹³⁷ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, 2-е изд. М., 1956; его же. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957.

¹³⁸ Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из Тмутарокани. ВВ, XVIII, 1961, стр. 74—84.

¹³⁹ В. Б. Вилинбахов. К истории огневого оружия в древней Руси. СА, 1960, № 1, стр. 284—288. См. также А. Н. Кирпичников. Метательная артиллерия древней Руси. (Из истории средневекового оружия XI—XV вв.). МИА, 77, 1958, стр. 7—51.

Культурные заимствования из Византии особенно сильно затронули такие области древнерусского искусства, как архитектура и живопись (в особенности церковная). Советские ученые, пользуясь новыми техническими методами исследования предметов материальной культуры, а также архитектурных памятников и произведений живописи, добились значительных результатов в определении подлинных границ византийского культурного влияния на Русь и в выявлении оригинальных черт самобытного русского искусства. Большинство исследователей приходит к выводу, что положительное культурное воздействие Византии сочеталось на Руси с творческой переработкой и дальнейшим развитием вывезенных образцов и усвоенных методов работы в соответствии с местными традициями, потребностями и навыками¹⁴⁰.

Весьма примечательно, что вместе с официальной церковной идеологией и с богослужебной и исторической литературой на Русь проникали также византийские «отреченные», «тайные» книги. Русское общество было обычно осведомлено не только об идейно-политической борьбе в Византии и о богословских контрверсах; оно знало также о еретических учениях, которые находили приверженцев и последователей и в русских землях¹⁴¹.

Значительно продвинулось в рассматриваемые годы изучение основных путей связей Руси с Византией в течение X—XV вв. Установлено, что, помимо обычного пути по Днепру и затем по Черному морю, существовало несколько других сухопутных дорог, ведущих к Тмутарокани и к устью Дуная, а затем в Византию. Значение Херсона в осуществлении этих связей было, как оказалось, несколько преувеличено в старой историографии; в XI—XIII вв., после разгрома Херсона Владимиром и упадка

¹⁴⁰ В. Н. Л а з а р е в. Этюды о Феофане Греке, ч. II. Феофан Грек и московская школа миниатюры 90-х годов XIV в. ВВ, VIII, 1956, стр. 143—165; е г о ж е. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. ВВ, X, 1956, стр. 161—177; е г о ж е. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. Групповой портрет Ярослава. ВВ, XV, 1959, стр. 148—169; е г о ж е. Константинополь и национальные школы в свете новых открытий. ВВ, XVII, 1960, стр. 93—104; В. И. Л е в и ц к а я. О некоторых вопросах производства набора мозаик Софии Киевской. ВВ, XV, 1959, стр. 170—184; Б. А. Ш е л к о в н и к о в. Стекло Киевской Руси X—XIII вв. ВВ, XVI, 1959, стр. 114—126; Р. А. К а ц н е л ь с о н. К вопросу о взаимоотношениях архитектуры восточных и южных славян и Византии. ВВ, XII, 1957, стр. 242—262; Б. А. Р ы б а к о в. Проблемы истории Древней Руси в свете новейших археологических исследований. «Вестник АН СССР», 1960, № 8, стр. 27—32; Н. Г. П о р ф и р и д о в. О путях развития художественных образов в древнерусском искусстве. ТОДРЛ, XVI, 1960, стр. 36—49; М. В. А л п а т о в. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси. ТОДРЛ, XII, 1956, стр. 292—310; М. К. К а р г е р. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города, т. I. М.—Л., 1958, 579 стр.; т. II. М.—Л., 1961, 661 стр.; В. И. А н т о н о в а. Неизвестный художник Московской Руси Игнатий Грек по письменным источникам. ТОДРЛ, XIV, 1958, стр. 569—572; Ю. Л. Щ а п о в а. О применении качественного спектрального анализа стекла при изучении истории стеклоделия Древней Руси. СА, 1960, № 1, стр. 91—101; В. В. К р о п о т к и н. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. КСИИМК, 68, 1957, стр. 35—44; М. А. И л ь и н. Изображение Иерусалимского храма на иконе «Вход в Иерусалим» Благовещенского собора (К вопросу о художественных взаимоотношениях Феофана Грека и Андрея Рублева). ВВ, XVII, 1960, стр. 105—113; О. А. Б е л о б р о в а. Статуя византийского императора Юстиниана в древнерусских письменных источниках и иконографии. ВВ, XVII, 1960, стр. 114—123.

¹⁴¹ См. А. И. К л и б а н о в. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960; е г о ж е. К изучению генезиса еретических движений в России. ВИРА, 7, 1959, стр. 186—127; И. У. Б у д о в н и ц. Русское духовенство в первое столетие монголо-татарского ига. ВИРА, 7, 1959, стр. 284—302; И. И. Б у р е й ч е н к о. К истории основания Троице-Сергиева монастыря. «Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника», III, 1960, стр. 5—40; О. А. Б е л о б р о в а. Посольство константинопольского патриарха Филофея к Сергию Радонежскому. Там же, II, 1958, стр. 12—18.

города, сношения Руси с Константинополем осуществлялись вообще помимо Херсона¹⁴².

Следует сказать, что именно в последнее время были достигнуты большие успехи в изучении истории Херсона. Используя новые археологические материалы, советские археологи и историки выяснили важнейшие этапы экономического и культурного развития Херсона и характер его политических и торговых отношений с соседними государствами и народами, и прежде всего с Русью¹⁴³. Изучались и другие византийские колонии в Крыму¹⁴⁴.

¹⁴² А. Л. Якобсон. К изучению позднесредневекового Херсона. «Херсонесский сборник», V, 1959, стр. 229—244; е го же. К истории русско-корсунских связей XI—XIV вв. ВВ, XIV, 1958, стр. 116—129; «Труды Волго-Донской археологической экспедиции». МИА, 75, т. II, 1959, 416 стр.; Г. Ф. Корзухина. О памятниках «корсунского дела» на Руси (По материалам медного литья). ВВ, XIV, 1958, стр. 129—138; А. В. Банк. Гребень из Саркела — Белой Вежи. МИА, 75, т. II, 1959, стр. 333—339.

¹⁴³ А. И. Артамонов. Хазарская крепость Саркел. «Acta Archeologica Academiae Scient. Hungariae», 7, 1956, p. 321—341; Д. Р. Берейм. О пути греков через Черное море. СА, 1958, № 3, стр. 201—203; В. Л. Богородский. Об одном морском термине из «Хождения за три моря» Афанасия Никитина. «УЗ Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», 130, 1957, стр. 149—173; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. МИА, 63, 1959, стр. 364; А. В. Банк. Старые находки из Херсонеса в свете некоторых новых данных. ВВ, IX, 1956, стр. 186—192; Д. Л. Талис. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв. ВВ, XIV, 1958, стр. 103—116; См. также Г. Г. Литаврин. Записка греческого топарха. Сб. «Из истории средневековой Европы». Изд. МГУ, 1957, стр. 114—130; Н. Я. Половой. О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа. ВВ, XIV, 1958, стр. 139—147; е го же. Две ошибки древнейшего русского хрониста. ТОДРЛ, XIV, 1958, стр. 139—143; Н. К. Нефедова. Куда ездили древние русы — в Андалузию или Анатолию? СВ, № 4, 1958, стр. 113—115; Б. А. Рыбаков. Русь и страна «Андалус» в IX—X вв. СВ, № 4, 1958, стр. 116—118; Е. Ч. Скржинская. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма. Сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958; М. А. Шангин, А. Ф. Вишнякова. Существовала ли «внешняя Русь». ВВ, XIV, 1958, стр. 97—98; М. А. Шангин, А. Ф. Вишнякова. Из комментария к «Записке греческого топарха». ВВ, XIV, 1958, стр. 99—102; В. Мавродин. Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия». Л., 1958, 31 стр.; М. Н. Тихомиров. Малоизвестные памятники. ТОДРЛ, XVI, 1960, стр. 452—457; Н. Я. Половой. Русское народное предание и византийские источники о первом походе Игоря на греков. ТОДРЛ, XVI, 1960, стр. 105—111; А. М. Гилевич. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1960 г. «Херсонесский сборник», V, 1959, стр. 191—205; К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического, III. Южная и западная линии обороны. «Херсонесский сборник», V, 1959, стр. 75—114; И. В. Пятыева. Отчет о раскопках Государственного исторического музея в Фанагории, 1939. «Труды Гос. ист. музея», 37, 1960, стр. 111—124; О. И. Домбровский. Фрески южного нефа Херсонесской базилики 1935 г. «Херсонесский сборник», V, 1959, стр. 207—227; Г. Д. Белов. Шиферная икона из Херсонеса. СА, 1960, № 2, стр. 257—263; А. М. Гилевич. Нумизматическое собрание музея. «Сообщения Херсонесского музея», I. М., 1960, стр. 57—62; е е же. Золотые византийские монеты из Херсонеса. СА, 1959, № 1, стр. 267—268; Ю. С. Крушкoл. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1946 г. «Труды Гос. ист. музея», 24. Нумизматический сборник, 2, 1957, стр. 61—69.

¹⁴⁴ В. П. Бабенчиков. Средневековая гончарная печь в Мисхоре. КСИИМК, 7, 1957, стр. 111—112; Е. В. Веймарн. Пещерные города Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 г. СА, 1958, № 1, стр. 71—80; В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, 69, 1959, стр. 154—238; С. А. Секиринский, Л. И. Блахина. Достижения советской науки в изучении древнего и средневекового Крыма. «Известия Крымского пед. ин-та». XXVIII, 1957, стр. 232—256; В. И. Абаев. Из истории слов. Древнерусское «кърчий» и топоним Керчь. «Вопросы языкознания», 1959, № 1, стр. 69—99; В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма. СА, XXVIII, 1958, стр. 198—218; А. Л. Якобсон. Средневековые поселения в Байдарской долине. КСИИМК, 76, 1959, стр. 90—102; е го же. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА, 85, 1958, стр. 102; е го же. К вопросу о локализации средневекового города Фуллы. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 108—113.

Несколько статей советские ученые специально посвятили опровержению идеалистических концепций и утверждений, касающихся ранней истории Руси и ее отношений с Византией и норманнами, а также связей Византии с Московским государством¹⁴⁵.

Несмотря на успехи, достигнутые в разработке проблем русско-византийских отношений, в дальнейшем изучении нуждаются, например, идеологические связи официальной Руси с Византией, с одной стороны, и взаимные влияния антицерковных еретических учений в обеих странах — с другой; слабо изучено влияние Византии на ход идейно-политической борьбы на Руси в XIV—XV вв. и значение Византии в развитии русского государственного и церковного аппарата управления; едва только начатым следует считать исследование русских памятников XIV—XVII вв. с точки зрения их ценности для изучения византийской истории и т. д.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ВИЗАНТИИ СО СТРАНАМИ И НАРОДАМИ КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Значительное место в работе советских византистов занимает проблема взаимоотношений Византии со странами и народами средневекового Кавказа (прежде всего с Грузией и Арменией, в течение нескольких веков входивших в пределы Византии). Особенно много занимаются этой проблемой грузинские и армянские историки, а также ученые Азербайджана, Дагестана, Краснодарского края, Абхазии. Изучение грузино-византийских отношений сосредоточено в настоящее время в созданном в 1960 г. при Институте истории АН Грузинской ССР секторе византиноведения. Н. Н. Кечакмадзе опубликовала в XV томе «Византийского временника» (1959 г.) обзор более 70 работ византистов Грузии (доведен до 1957 г.). Среди названных там работ 1956—1957 гг. четыре крупные монографии посвящены вопросам взаимного влияния древнегрузинского и византийского ремесла, а также литературы, архитектуры и искусства. Грузинские и абхазские археологи тщательно изучают остатки византийской материальной культуры на территории Грузии, а также ареал распространения

¹⁴⁵ Б. Д. Греков. История древних славян и Руси в работах академика В. Г. Васильевского. «Избранные труды», т. III. М., 1960, стр. 449—462; е го ж е. Удар по антипатриотическим тенденциям в исторической науке (Отзыв на книгу Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси»). Там же, стр. 467—470; Б. А. Рыбаков. Спорные вопросы образования Киевской Руси. ВИ, 1960, № 9, стр. 18—27; М. В. Левченко. Проблема русско-византийских отношений в русской дореволюционной, зарубежной и советской историографии. ВВ, VIII, 1956, стр. 7—25; Я. С. Лурье. Возникновение теории «Москва — третий Рим». ТОДРЛ, XVI, 1960, стр. 626—633; ср. А. А. Зимин. Русская летопись и хронографы конца XV—XVI в. М., 1960, 33 стр.; Г. Г. Литаврин. Вопросы образования Древнерусского государства. Рец. на кн.: А. Стендер-Петерсен. Проблема древнейших византийско-русско-норманских отношений. «Средние века», вып. VIII, 1956, стр. 386—395; И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной историографии. «История СССР», 1960, № 1, стр. 223—236; С. М. Каштанов. Об идеалистической трактовке некоторых вопросов истории русской политической мысли в зарубежной историографии. ВВ, XI, 1956, стр. 308—323; е го ж е. Труды И. Денисова о Максиме Греке и его биографах. ВВ, XIV, 1958, стр. 284—295; В. Д. Кузьмина, А. Л. Хорошкевич. Вопросы истории СССР в «Оксфордских славянских записях». «История СССР», 1958, № 1, стр. 202—213; А. И. Кибанов. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека. ВВ, XIV, 1958, стр. 148—174; В. П. Шущарин. О сущности и формах современного норманизма. ВИ, 1960, № 8, стр. 65—93; В. Мавродин. Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия». Л., 1958, 31 стр.; П. Ф. Крапиви́н. Похождения назваў «Русь», «Белая Русь», «Черная Русь», «Чырвоная Русь». «Весті АН Белар. ССР». Сер. грамадскіх навук, 1956, стр. 53—56.

византийских монет, свидетельствующий о длительных торговых связях Византии с Грузией и Абхазией¹⁴⁶.

Византиско-грузинские отношения были устойчивыми и плодотворными. Произведения византийской литературы стали рано переводиться на грузинский язык, изучались, подвергались переработке, использовались в работах грузинских авторов; образованные грузины — как представители духовенства, так и светские лица — поддерживали тесные связи с византийскими учеными и богословами, бывали в Византии и подолгу жили в ее пределах, преимущественно в Сирии и Палестине, где существовал грузинский монастырь, основанный Петром Ивером¹⁴⁷.

Как удалось установить посредством анализа текстов сочинений Шота Руставели, Ефрема Мцире и Георгия Мтацминдели, константинопольская юридическая школа XI в. оказала существенное влияние на мировоззрение грузинских писателей, философов и юристов¹⁴⁸.

Изучается в Грузии и проблема политических отношений Грузии с Византией — как в период независимого существования Грузии, так и в период ее подчинения Византии¹⁴⁹.

Некоторые проблемы грузино-византийских связей разрабатываются грузинскими историками в контакте с учеными Болгарии. В IX—XI вв. жили в Болгарии армянские и грузинские поселенцы, а отдельные представители грузинской знати были видными полководцами империи (Григорий Бакуриани), получавшими богатые поместья в болгарских владениях Византии¹⁵⁰.

Значительных успехов достигло византиноведение и в Армянской ССР. Археологический и нумизматический материал Армении свидетельствует об интенсивных и длительных экономических связях с Византией и о ее культурном влиянии¹⁵¹. Интересные работы выполнены армянскими

¹⁴⁶ Д. Г. Капанадзе. Новый тип монеты Давида Строителя. ВВ, VIII, 1956, стр. 338—343; е го же. Неизвестный вариант грузинской монеты XI в. «Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории». XXX, 1959, стр. 101—104; е го же. Нумизматические находки Мцхетской археологической экспедиции за 1937—1948 и 1951 гг. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», I. Тбилиси, 1957, стр. 16—41; Т. Я. Абрамшвили. Находки византийских золотых монет в Гурджаани. ВВ, XIII, 1958, стр. 282—285; Г. К. Бокучава. Обзор нумизматических фондов Гос. музея Абхазии. «Труды Абхазского гос. музея», II, 1957, стр. 187—197; е го же. Нумизматические приобретения Абхазского государственного музея за 1957 г. «Труды Абхазского гос. музея», III, 1958, стр. 109—118; М. М. Трапш. Археологические раскопки в Анакопии в 1957—1958 гг. «Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории», XXX, 1959, стр. 121—157; З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Сухуми, 1959, 306 стр.

¹⁴⁷ Ш. Нуцубидзе. История грузинской философии. Тбилиси, 1960, 591 стр.; Т. Чхония. Слово Евсевия Александрийского «О неделе (воскресения) и бесчинно играющих». «Известия Ин-та рукописей АН Груз. ССР», II, 1960, стр. 181—223; И. В. Абуладзе. Древнегрузинский перевод «Мученичества Рипсима и ее сподвижники» из истории Агафангела. Там же, стр. 145—180; Г. В. Церетели. Древнейшие грузинские надписи из Палестины. Тбилиси, 1960, 94 стр. (на груз. яз.); К. Кеелидзе. Проф. Э. Хонигман о Петре Ивере и сочинениях Псевдо-Дионисия Ареопагита. «Труды тбилиск. ун-та т. 63, стр. 421—431; С. И. Дanelia. К вопросу о личности Псевдо-Дионисия Ареопагита. ВВ, VIII, 1956, стр. 377—385; С. Каухчишвили. Эпиграфические новости из Грузии. ВДИ, 1958, № 4, стр. 129—133.

¹⁴⁸ Д. К. Бахрадзе. Вопросы правового мировоззрения Шота Руставели. «Сообщения АН Груз. ССР», XXIV, 1960, № 2, стр. 245—252.

¹⁴⁹ Г. С. Атанелишвили. Сванетский вопрос в византийско-иранских дипломатических взаимоотношениях 562—590 гг. Тбилиси, 1959, 96 стр. (на груз. яз.); Ш. Чхетия. Тбилиси на заре своей истории. «Труды Тбилисского пед. ин-та», 13, 1959, стр. 125—139 (автор этой работы, кстати говоря, устанавливает, что осаду Тбилиси Мавриkiem следует относить не к 627 г., как это было принято, а к 626 г.).

¹⁵⁰ А. Шанидзе. Страница из истории на грузино-болгарские культурные взаимоотношения. ИП, № 24, 1958, стр. 98—104.

¹⁵¹ К. Г. Кафадарян. Раскопки города Двина. «XXV Международный съезд востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, 7 стр.; Х. Мушегиян.

историками в области источниковедения и публикации источников. В частности, Р. М. Бартикян дал новое, убедительное толкование вызывавшей много споров среди ученых так называемой «Записи монаха Феодула», что позволяет лучше представить характер отношений византийской и армянской знати в XI в.¹⁵²

Издан сборник армянских документов о взятии Константинополя турками в 1453 г., представляющий значительный интерес для византинистов¹⁵³, а также другие источники, имеющие большое значение для изучения истории Византии и стран Ближнего Востока¹⁵⁴.

К. Н. Юзбашян и Р. М. Бартикян¹⁵⁵ изучают вопросы классовой борьбы в Византии и Армении в VIII—XII вв., а также вопросы армяно-византийских экономических и политических отношений¹⁵⁶.

Проблемы культурных связей Армении, Грузии и Византии разрабатываются в трудах Л. М. Меликсет-Бека¹⁵⁷ и В. К. Чалояна¹⁵⁸.

Богатые перспективы открывает изучение рукописных богатств армянского государственного хранилища, древних рукописей — Матенадарана, начатое армянскими византинистами¹⁵⁹.

В отличие от Грузии и Армении, где интерес к истории Византии и византийско-кавказским отношениям зародился давно, подобная тематика в работах ученых Азербайджана¹⁶⁰, Центрального¹⁶¹ и Северного Кавка-

К истории денежного обращения Двина по монетным находкам. «Известия АН Арм. ССР», общественные науки, 1956, 2, стр. 81—96; его же. Монетные находки из раскопок Двина. КСИИМК, 66, 1956, стр. 89—92; В. А. Шелковников. Поливная керамика из раскопок города Аш. Ереван, 1957, 69 стр. См. рецензию: А. Л. Якобсон. СА, 1959, № 1, стр. 324—327.

¹⁵² Р. М. Бартикян. Относится ли прозвище Парабоваз к магистру Вассилию в памятной записи монаха Феодула? «Известия АН Арм. ССР», общественные науки, 1959, 8, стр. 80—86.

¹⁵³ А. С. Анасян. Армянские источники о падении Византии. Ереван, 1957.

¹⁵⁴ Л. Т. Гюзальян. Неизданные надписи Байбуртской цитадели. ВВ, VIII, 1956, стр. 306—331.

¹⁵⁵ См. выше, стр. 26.

¹⁵⁶ К. Н. Юзбашян. «Варяги» и «прония» в «Повествовании» Аристакеса Ластивертци. ВВ, XVI, 1959, стр. 14—29; Р. М. Бартикян. К истории взаимоотношений между Византией и Киликийским армянским государством в конце XII в. ВВ, XVII, 1960, стр. 52—57.

¹⁵⁷ Л. М. Меликсет-Бек. К вопросу о датировке Псевдо-Исааковых памфлетов в греко-византийской литературе. ВВ, VIII, 1956, стр. 208—223; его же. Graeco-Byzantina в древнеармянском Liber epistolarum. ВВ, XII, 1957, стр. 263—270; его же. Об армяно-грузино-латино-русской версиях греческих гомилий, связываемых с именем Иоанна Златоуста. ВВ, XVII, 1960, стр. 70—77. Полная библиография работ по армяноведению, грузиноведению и кавказоведению вообще издана Л. М. Меликсет-Беком (Тбилиси, 1959, 89 стр.).

¹⁵⁸ В. К. Чалоян. Естественно-научные воззрения Анания Ширакаци. ВВ, XII, 1957, стр. 156—172.

¹⁵⁹ А. Г. Абрамян. Рукописные сокровища Матенадарана. Ереван, 1959, 106 стр.

¹⁶⁰ Г. М. Ахмедов. Из истории некоторых городов Азербайджана IX—XIII вв. «Труды Ин-та истории АН Азерб. ССР», 13, 1958, стр. 108—129; Е. А. Пахомов. Роль нумизматического материала в деле изучения истории. Материалы по истории Азербайджана. «Труды музея истории Азербайджана», III, 1960, стр. 129—137; «Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции», I, отв. ред. А. А. Иессен. МИА, 67, 1959, 454 стр.; А. А. Иессен. Работы азербайджанской экспедиции в 1957 г. КСИИМК, 78, 1960, стр. 99—106; Р. Гусейнов. Сирийские источники XII—XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960, 181 стр.; Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, VIII. Баку, 1959, 129 стр.; К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.—VII в. н. э. М.—Л., 1959, 392 стр. См. рецензии: В. В. Струве. ВДИ, 1960, 3, стр. 174—183; Р. А. Беляевская. Там же, стр. 183—187; Н. Ю. Ломоур. Там же, стр. 187—191.

¹⁶¹ П. Г. Акритас. Древний торговый путь от Черного моря к Каспию по го-

за¹⁶², за немногими исключениями, — новое явление, точнее говоря — явление последнего десятилетия. В результате новейших археологических исследований, масштабы которых все более возрастают, обнаружено довольно значительное количество византийских предметов и монет (или изделий с явными следами византийского влияния) в разных областях Кавказа. Прибрежные византийские города на Черноморском побережье Кавказа (например Севастополь) вели торговлю с народами, населявшими и Северный и Центральный Кавказ, — торговлю, которой не могли воспрепятствовать трудности передвижения по горной стране. Через Кавказ осуществлялись также торговые связи Руси с Византией и Ираном, а затем — и с Арабским халифатом. Данные археологии свидетельствуют о гораздо более широкой сфере распространения византийской культуры, чем это было принято думать. Новые археологические открытия привлекли внимание историков, которые, используя также материал письменных источников, разрабатывали отдельные аспекты кавказских связей Византии за пределами Армении и Грузии. Например, по-новому была освещена проблема связей хуррамитов с Византией в 833—837 гг. во время восстания Бабека, был изучен также вопрос о расселении хуррамитов во главе с Феофобом на землях Византии¹⁶³.

Археологические материалы свидетельствуют о связях Византии и с народами Средней Азии: среди найденных в Самарканде и других местах Средней Азии монет и вещей встречаются монеты и изделия византийского происхождения, а также предметы, обнаруживающие следы византийского и даже коптского влияния¹⁶⁴.

В последние годы наибольшее внимание среднеазиатских ученых привлекала, однако, проблема политических отношений Византии и Средней Азии при Тимуре, в начале XV в. Сохранилось письмо (в итальянском переводе) Тимура Иоанну Палеологу (регенту во время путешествия императора Мануила Палеолога на Запад) от 15 мая 1402 г. Анализ этого документа и сопоставлению его с данными византийских авторов было посвящено несколько работ И. И. Умнякова¹⁶⁵.

рам Центрального Кавказа. «УЗ Кабардино-Балкарского научно-исслед. ин-та», XVI, 1959, стр. 197—219; Ш. Б. Н о г м о в. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1958, 239 стр. (см. предисловие); Д. М. А т а е в. Христианские древности Аварии. «УЗ Дагестанского филиала АН СССР, Ин-т истории, языка и литературы им. Г. Цадасы», 4, 1958, стр. 161—182; З. Н. В а н е е в. Средневековая Алария, 1959, 184 стр.

¹⁶² Е. И. К р у п н о в. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. КСИИМК, 78, 1960, стр. 107—118; В. А. К у з н е ц о в. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. СА, 1959, № 2, стр. 97—118; Е. Г. П ч е л и н а. Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе. «Археографический ежегодник за 1959 г.». М., 1960, стр. 298—302.

¹⁶³ М. Б у н и я т о в. Бабек и Византия. «Доклады АН Азерб. ССР», XV, 1959, № 7, стр. 613—616.

¹⁶⁴ В. А. Ш и ш к и н. К вопросу о древних культурных связях народов Средней Азии с другими странами и народами. «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии». М. — Л., 1959, стр. 20—27; Б. Я. С т а в и с с к и й. О международных связях Средней Азии в V — середине VIII в. «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, стр. 108—118; е г о ж е. «Ампула св. Мины» из Самарканда. КСИИМК, 80, 1960, стр. 101—102.

¹⁶⁵ И. И. У м н я к о в. Международные отношения Средней Азии в начале XV в. Сношения Тимура с Византией и Францией. «Труды Узбекского гос. ун-та им. Алишера Навои», новая серия, 61, 1956, стр. 179—200; е г о ж е. Из истории международных отношений Средней Азии с Западной Европой в начале XV в. «Известия АН Узб. ССР», серия обществ. наук, 1960, № 1, стр. 27—33; е г о ж е. Из истории международных отношений Средней Азии и Западной Европы в начале XV в. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, 11 стр.; е г о ж е. Малоизвестный французский источник о Тимуре. «Труды Самаркандского ун-та», 101, 1960, 1, стр. 179—199.

Следует заметить, что изучению отношений Византии с народами Кавказа и Средней Азии еще не уделяется того внимания, какого они заслуживают. Исследования последних лет показали, что роль Кавказа в отношениях Руси с Византией и странами Востока была гораздо более значительной, чем это признавалось в науке до сего времени. Совместные усилия византинистов кавказских республик и византиноведов Российской Федерации и Украины могли бы привести к значительным успехам в выяснении важнейших явлений и событий истории Руси и других народов нашей Родины в IV—XV вв.

СЛАВЯНО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Одной из важнейших проблем, разрабатываемых советскими византистами, являются византийско-славянские отношения. Подавляющее большинство письменных источников о восточных и южных славянах имеет византийское происхождение, и изучение истории славян до X в. во многом представляет собой изучение византийско-славянских отношений.

В течение последних десятилетий в науке было накоплено много новых фактов, огромный археологический, нумизматический и эпиграфический материал, обнаружены новые письменные свидетельства, введены в научный оборот забытые и малоизученные памятники. Обоим из этого материала и оценка его на новой стадии развития исторической науки стали настоятельной необходимостью.

В 1956—1960 гг. вышло значительное количество работ советских ученых, посвященных в той или иной мере указанной теме. Работы, опубликованные в 1956—1957 гг., вошли в обзор, написанный К. В. Хвостовой¹⁶⁶, а также в обзор В. Т. Сиротенко, доведенный до 1958 г.¹⁶⁷, и отчасти — в обзор В. Д. Королюка и И. А. Хренова¹⁶⁸. Упомянем некоторые из них. В 1956 г. была опубликована критическая статья З. В. Удальцовой¹⁶⁹, посвященная анализу и оценке послевоенной болгарской историографии. Статья касалась принципиальных вопросов становления болгарской марксистской медиевистики.

В статье об антах и склавенах в VI в.¹⁷⁰ Е. Ч. Скржинская подвергла анализу ранние сообщения о них Иордана, Прокопия, Менаандра и других авторов, дав новое освещение вопроса о границах расселения обоих племен, об их проникновении на территорию империи и об антском племенном союзе близ Нижнего Днепра (под предводительством вождя Божа).

Ряд статей был посвящен разбору и сопоставлению письменных, преимущественно византийских, свидетельств о восточных славянах с новейшими данными археологии¹⁷¹.

¹⁶⁶ К. В. Хвостова. История южных славян в VI—XV вв. в советской исторической литературе. 1950—1957 гг. ВВ, XV, 1959, стр. 185—195.

¹⁶⁷ В. Т. Сиротенко. Освещение славяно-византийских отношений VI—VII вв. в советской исторической науке. «УЗ Пермского гос. ун-та», XII, 4, 1959, стр. 98—111.

¹⁶⁸ В. Д. Королюк, И. А. Хренов. Итоги и задачи славистических исследований в СССР (1945—1959). ВИ, 1960, № 6, стр. 117—135.

¹⁶⁹ З. В. Удальцова. Византиноведение в народно-демократической Болгарии (1944—1953). ВВ, VIII, 1956, стр. 344—365.

¹⁷⁰ Е. Ч. Скржинская. О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новитуне. ВВ, XII, 1957, стр. 3—30.

¹⁷¹ А. М. Ремеников. Античные и византийские авторы о войнах племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. СА, XXVIII, 1958, стр. 266—275; И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. МИА, 74, 1958, 328 стр.; М. Ю. Брайтчевский. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н. э. СА, 1957, № 3, стр. 114—129; «Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ, 1957

В статье о македонских славянах конца IX — начала X в. Р. А. Наследова установила, что сагудаты, другувиты и стримонцы — славянские племена, расселившиеся еще в VI в. в окрестностях Фессалоники, сохранили известную автономию и самостоятельность в отношениях с византийскими властями. Славянское население прилегающих к городу районов представляло собой значительную воинскую силу: из него составлялись многочисленные отряды искусных стрелков-лучников. Трудом этих славянских поселенцев жители Фессалоники обеспечивались хлебом; славяне же поставляли сырье для городского ремесла (обработки металлов), а также содействовали фессалоникийско-болгарской торговле¹⁷².

Г. Г. Литаврин исследовал налоговую политику в завоеванной Византией Болгарии между 1018 и 1185 гг. Он показал, что изменения в налоговой политике были тесно связаны с переменами в экономических и политических условиях жизни империи, а также с важнейшими событиями классовой борьбы¹⁷³.

П. О. Карышковский изучал восстание Ивайла в Болгарии в 1277—1280 гг. Автору удалось доказать, что это восстание носило характер крестьянской антифеодальной войны, которую можно сравнить лишь с такими народными движениями, как восстание Дольчино, Уота Тайлера и Жакерия. Византийская политика в отношении Болгарии носила в этот период, как показывает автор, захватнический, агрессивный характер, что объективно ослабляло положение и Болгарии и самой Византии в эпоху татарского нашествия на Балканы¹⁷⁴.

Аграрные отношения в Сербии XIII—XIV вв. рассматривались в работах С. П. Бобровой¹⁷⁵ и Л. А. Шаферовой¹⁷⁶. Исследуя проблемы феодальной собственности в Сербии, положение различных категорий зависимого крестьянства, уровень сельскохозяйственной техники, особенности условного землевладения и свободной сельской общины, авторы отметили сходство некоторых сербских институтов с византийскими.

Из работ, посвященных истории Болгарии VI—X вв., следует назвать статью А. П. Каждана¹⁷⁷. Изучив послания константинопольского патриарха болгарскому царю Симеону и «Житие Василия Нового», он уточнил дату начала второй войны Болгарии с Византией, отнес ее к концу 912 г.

Специально византийско-славянские отношения рассматриваются в «Очерках по истории Византии и южных славян» А. П. Каждана и Г. Г. Литаврина (изданных в помощь учителю в 1958 г.)¹⁷⁸.

первые главы); Б. А. Рыбаков. Славяне и Византия в VI в. «Очерки истории СССР. III—IX вв.» М., 1958, стр. 99—111.

¹⁷² Р. А. Наследова. Македонские славяне конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты. ВВ, XI, 1956, стр. 82—97.

¹⁷³ Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. ВВ, X, 1956, стр. 81—110.

¹⁷⁴ П. О. Карышковский. Восстание Ивайла. ВВ, XIII, 1958, стр. 107—135.

¹⁷⁵ С. П. Боброва. Феодальное землевладение в Сербии в XII — первой половине XIV в. Автореферат канд. дисс. Воронеж, 1956, 17 стр.; е е ж е. К вопросу об условном землевладении в Сербии. «Славянский сборник», I. Выпуск исторический. Воронеж, 1958, стр. 13—22.

¹⁷⁶ Л. А. Шаферова. Сербское крестьянство в XIII в. и в первой половине XIV в. «УЗ Красноярского пед. ин-та», 9, вып. I, 1957, стр. 215—236.

¹⁷⁷ А. П. Каждан. К вопросу о начале второй болгаро-византийской войны при Симеоне. «Славянский архив». М., 1959, стр. 23—29.

¹⁷⁸ А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. Очерки по истории Византии и южных славян. Учпедгиз, 1958, 325 стр. См. рецензии: М. А. Заборов. «Вестник мировой культуры» 1959, № 3; е г о ж е. КСИС, 32, 1961; Г. Кронц. «Studii revistă de istorie», anue XII, № 3, 1959; Д. Ангелов. ВВ, XVII, 1960; Э. Франчес. BS, vol. 22, 2, 1961. См. также: «История южных и западных славян». Под ред. С. А. Никитина. М., 1957; «Очерки истории южных и западных славян». Пособие для учителей, под ред. С. М. Стецкевича. Л., 1957.

Социально-экономический и политический строй города Сплита и отдельные эпизоды классовой борьбы в нем рассматривались в нескольких статьях А. Е. Москаленко¹⁷⁹. Аграрные отношения в Хорватии в XV—XVI вв. явились предметом исследований Ю. В. Бромлея¹⁸⁰.

Болгарско-византийские отношения XI—XII вв. были подвергнуты всестороннему изучению в монографии Г. Г. Литаврина¹⁸¹. В первой главе («Аграрные отношения в Болгарии XI—XII вв.»)¹⁸², привлекая почти исчерпывающий материал источников и литературы, автор исследует такие вопросы, как уровень развития производительных сил в Болгарии, положение свободного общинного крестьянства, рост крупного феодального землевладения (церковно-монастырского и светского, местного — болгарского и иноземного — византийского), структура и особенности феодальной вотчины XI—XII вв., категории зависимого населения, виды и размеры феодальной ренты, формы внеэкономического принуждения. Автор приходит к выводу о неравномерности развития Западной и Северо-Восточной Болгарии: до конца XI в. вторая по своему социально-экономическому уровню опережала первую; в конце XI—XII в. в Западной Болгарии получило большое развитие крупное землевладение византийских феодалов; с этого времени ее социально-экономический уровень становится выше, чем в Северо-Восточной Болгарии. Г. Г. Литаврин пытается также проследить, как эти особенности экономической жизни Болгарии отражались на ходе ее политической истории в XI—XII вв. В целом, по мнению автора, господство византийских феодалов оказало замедляющее влияние на темпы развития экономики завоеванной страны.

Во второй главе¹⁸³ исследуется до сих пор привлекавшая мало внимания проблема организации светской и церковной власти в период иноземного господства. Автор рассматривает систему управления, административное деление Болгарии, структуру византийского чиновничьего аппарата, компетенцию должностных лиц (военных и гражданских), виды византийских налогов и повинностей, а также организацию церкви в Болгарии, состав духовенства, его доходы и отношения с местным населением. По мнению Г. Г. Литаврина, Болгария была лишена каких бы то ни было прав автономии и являлась византийской провинцией, где налоговый гнет и произвол чиновничества приобрел особенно уродливые формы, а господство иноземных феодалов и духовенства отрицательно сказалось на уровне культурного развития населения.

Третья глава¹⁸⁴ посвящена народно-освободительной и антифеодальной борьбе болгарского народа.

В последние годы в советском византиноведении слабо разрабатывались проблемы отношений Византии с Сербией, Хорватией и Боснией. Почти не затрагивался вопрос о болгаро-византийских связях до X в.; совсем не изучались византийско-славянские и византийско-албанские отношения X—XV вв. Недостаточно внимания уделялось совместной борьбе греческого, славянского и албанского народов против турецкого завоевания.

¹⁷⁹ А. Е. Москаленко. Социально-экономический и политический строй города Сплита в XIII—XIV вв. (Из истории средневековых городов Далмации). Автореферат. КСИС, 19, 1956; его же. К вопросу о социально-экономических отношениях в Сплите в XIV в. ВВ, XIII 1958, стр. 136—161; его же. Данные хроники Фомы Сплитского о классовой борьбе в Сплите в конце XII — первой половине XIII в. «Славянский сборник», I. Выпуск исторический. Воронеж. 1958, стр. 31—41.

¹⁸⁰ Ю. В. Бромлей. Из истории аграрных отношений в Хорватии второй половины XV — XVI в. ВВ, XI, 1956, стр. 225—246; ВВ, XII, 1957, стр. 117—133.

¹⁸¹ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, 465 стр.

¹⁸² Там же, стр. 11—248.

¹⁸³ Там же, стр. 249—375.

¹⁸⁴ Там же, стр. 376—465.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВИЗАНТИИ С ЗАПАДОМ

Изучение этой проблемы в советском византиноведении концентрируется преимущественно вокруг трех хронологически достаточно четко ограниченных периодов: эпоха варварских вторжений и попыток Византии вернуть утраченные земли, упрочить там свое господство (V—VI вв.); время крестовых походов; период Латинской империи.

Исключение составляет большая коллективная статья А. П. Каждана, Г. Г. Литаврина и З. В. Удальцовой, направленная против буржуазных теорий, касающихся отношений Византии и Запада в целом: она трактует вопросы истории Византии на протяжении тысячелетия¹⁸⁵. Авторы на материале источников опровергают реакционную теорию извечной «противоположности консервативного Востока прогрессивному Западу», показывая политическую направленность этой теории, усиленно развиваемой в реакционном западном византиноведении.

Острой критике в советской историографии были подвергнуты также доклады западных византинистов на тему «Византия и Запад», прочитанные на X Международном конгрессе историков в Риме в 1955 г.¹⁸⁶

Борьбе Восточноримской империи с «варварами» посвящены преимущественно статьи З. В. Удальцовой¹⁸⁷ и вторая часть ее монографии «Италия и Византия в VI в.»¹⁸⁸, в которых рассмотрены отношения Византии и населявших Италию народов (прежде всего остготов и римлян).

Ко времени начала войн Юстиниана и завоевания им Италии в Остготском королевстве, как показывает З. В. Удальцова, чрезвычайно осложнилась политическая борьба внутри господствующего класса. Успехи византийцев в первый период войны в значительной степени объяснялись помощью византийским войскам со стороны римской и итальянской аристократии, а также высшего католического духовенства. Немалую роль сыграло и наличие острых противоречий между остготской военной знатью, отстаивавшей независимость королевства, и партий сторонников сближения с римской аристократией и Византийской империей. Завоеватели-византийцы, явившиеся в Италию в качестве ее «освободителей», оказались не менее жестокими угнетателями народных масс, чем остготы Теодориха. Более того, гнет империи вскоре стал еще более тяжелым, чем тот, который население испытывало до завоевания. Реставрация рабовладельческих порядков, реакционная политика Юстиниана, наступление на мелкое крестьянское хозяйство — все это замедляло развитие феодализма в Италии, ухудшало положение трудового населения и мешало политическому объединению страны.

¹⁸⁵ А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, З. В. Удальцова. Византия и Запад в современной буржуазной историографии. Сб. «Против фальсификации истории». М., 1959, стр. 381—447.

¹⁸⁶ Р. А. Наследова, М. А. Заборов. Византия и Запад в «Трудах» X Международного конгресса историков в Риме. ВВ, XI, 1956, стр. 330—339; М. А. Заборов. История крестовых походов в «Докладах» X Международного конгресса историков в Риме. «Средние века», вып. VIII, 1956, стр. 396—404.

¹⁸⁷ З. В. Удальцова. Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в. ВВ, IX, 1956, стр. 78—116; е е ж е. К вопросу о мелком свободном землевладении в Италии накануне византийского завоевания. ВВ, XI, 1956, стр. 29—54; е е ж е. Социально-экономические преобразования в Италии в период правления Тотили. ВВ, XIII, 1958, стр. 9—27; е е ж е. Политический строй и политическая борьба в Италии в конце V—начале VI в. ВВ, XV, 1959, стр. 3—32; е е ж е. Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания. «Вестник МГУ», ист.-фил. серия, № 3, 1958, стр. 21—59; е е ж е. Раздел земель между остготами и римлянами в Италии в конце V в. «Средние века», вып. VIII, 1956, стр. 39—54; е е ж е. Прагматическая санкция Юстиниана об устройстве Италии. СА, XXVIII, 1958, стр. 317—332.

¹⁸⁸ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1959, стр. 236—522.

Период «варварских» нашествий в Европу исследовала Е. Ч. Скржинская в своих статьях и в комментарии к сочинениям Олимпиодора¹⁸⁹ и Иордана¹⁹⁰. Изучая «Историю» Олимпиодора, она рассмотрела ранний период борьбы между «варварами» и империей, в частности вопрос о варваризации ее армии и о столкновениях проримской и проварварской «партий». Анализируя же произведения Иордана «Гетика» и параллельно с этим труды других авторов V—VI вв., Е. Ч. Скржинская рассмотрела в целом «эпоху переселения народов» и связанные с нею общественные сдвиги. Во вступительной статье к «Гетике» она исследовала историческую обстановку, создавшуюся в Остготском королевстве накануне византийского завоевания Италии, когда Иордан в 534 г. — вероятнее всего, в Равенне — и написал свой труд. Как показала исследовательница, по своему материалу эта работа базировалась на сочинении Кассиодора, но была проникнута новой политической тенденцией, носителями которой являлись представители италийской знати и готы, придерживавшиеся провизантийской ориентации.

Византийским завоеваниям в Испании посвящена статья А. Р. Корсунского¹⁹¹.

О втором, «крестоносном», периоде византийско-западных отношений писали в истекшее пятилетие Б. Т. Горянов, О. Г. Чайковская, Н. П. Соколов и особенно М. А. Заборов. Проблемы этого периода разрабатывались на Западе в тенденциозном, «антивизантийском» направлении. Поэтому работы советских историков на данную тему носят особенно острый полемический характер.

О. Г. Чайковская, исследуя вопрос о причинах возвышения папства в XI в., отметила антивизантийскую направленность деятельности папы Льва IX, указав, что это была общая тенденция политики папства, определившейся к середине столетия¹⁹².

Б. Т. Горянов посвятил свою статью¹⁹³ изучению общественно-политического строя Латинской империи. Автор попытался выявить сходство и различие византийских и западных институтов и учреждений на завоеванных крестоносцами землях Византии.

Возвышение Венеции и историю ее торгового и политического преобладания в пределах бывших византийских владений проследил Н. П. Соколов¹⁹⁴.

Об экономической жизни и политическом положении итальянских колоний в Причерноморье писали И. А. Гольдшмидт¹⁹⁵, В. Л. Богород-

¹⁸⁹ Е. Ч. Скржинская. «История» Олимпиодора. ВВ, VIII, 1956, стр. 223—276.

¹⁹⁰ Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинский. «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы». М., 1960, 435 стр.

¹⁹¹ А. Р. Корсунский. К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI—VII вв. ВВ, XII, 1957, стр. 31—46.

¹⁹² О. Г. Чайковская. Проблемы возвышения папства в XI в. (К вопросу о консолидации антинародных сил в Италии). «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959, стр. 47—74.

¹⁹³ Б. Т. Горянов. К вопросу об общественно-политическом строе Латинской империи. ВВ, XIV, 1958, стр. 85—97.

¹⁹⁴ Н. П. Соколов. Венеция и Византия при первых Палеологах. ВВ, XII, 1957, стр. 75—96; его же. Возникновение «адриатического вопроса». «УЗ Горьковского гос. ун-та», 43, 1957, стр. 89—108; его же. Борьба Венеции за преобладание на Востоке с западными итальянскими республиками в XII и XIII вв. «УЗ Горьковского гос. ун-та», 46, серия историко-филологическая, 1959, стр. 53—81; его же. Народно-освободительное движение и классовая борьба на Крите в первые полтора десятилетия венецианского владычества. Там же, стр. 31—51.

¹⁹⁵ И. А. Гольдшмидт. Некоторые данные о ремесленном производстве в Кафе в XIII—XV вв. «Средние века», вып. X, 1957, стр. 195—205.

ский¹⁹⁶, А. М. Чиперис¹⁹⁷, Е. Ч. Скржинская¹⁹⁸ и М. К. Старокадомская¹⁹⁹.

Аграрные отношения в Южной Италии в IX—XI вв. продолжала изучать М. Л. Абрамсон²⁰⁰.

С. М. Стам рассматривает в своей работе учение Иоахима Калабрийского как одно из наиболее ранних проявлений крестьянско-плебейской ереси. Господство Византии в Южной Италии, по мнению С. М. Стама, тормозило развитие феодальных отношений²⁰¹.

Особенно острой в политическом отношении темой являются в настоящее время крестовые походы, историей которых занимается М. А. Заборов, издавший много статей и две книги, посвященные этой теме²⁰². Крестовые походы были, по его мнению, следствием целого комплекса причин, обусловленных особенностями социально-экономического и политического развития средневековой Европы. М. А. Заборов показал, каким образом идея крестовых походов вызревала в разных слоях западноевропейского общества и почему именно папство с самого начала выступило инициатором и вдохновителем этих агрессивных предприятий. Автор считает глубоко ошибочным представление о якобы цивилизующей роли крестовых походов: сами по себе они отнюдь не являлись средством культурного обмена между Востоком и Западом, а скорее напротив — служили препятствием на пути этого обмена. Автор раскрыл грабительский, захватнический характер крестовых походов, выявил реакционную, своекорыстную роль католической церкви, показал тяжелые последствия рыцарских предприятий для широких народных масс как Востока, так и Запада. Вместе с тем М. А. Заборов разоблачил ту фальсификацию, которой подвергаются события крестового движения в реакционной буржуазной историографии Западной Европы и Соединенных Штатов Америки.

Надо, впрочем, сказать, что проблема культурных и политических отношений Византии и Запада разрабатывается еще недостаточно. Мало

¹⁹⁶ В. Л. Богородский. Термин «мачта» и его синонимы. «УЗ Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», 144, 1958, стр. 191—220.

¹⁹⁷ А. М. Чиперис. Борьба народов юго-востока Крыма против экспансии султанской Турции в 50—70-х годах XV в. «УЗ Туркменского гос. ун-та», XVII, 1960, стр. 131—155.

¹⁹⁸ Е. Ч. Скржинская. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма. Сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 155—175.

¹⁹⁹ М. К. Старокадомская. Русское торговое население генуэзской Каффы. Там же, стр. 147—154.

²⁰⁰ М. Л. Абрамсон. О роли арендных отношений в социально-экономическом развитии Южной Италии (IX—XI вв.). «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959, стр. 3—46.

²⁰¹ С. М. Стам. Учение Иоахима Калабрийского. ВИРА, 7, 1959, стр. 328—360.

²⁰² М. А. Заборов. В. Николаев. Хрониката на Жофроя дьо Вилардуен. Завладяването на Цариград. София, 1947. КСИС, 19, 1956, стр. 102—112; его же. Некоторые вопросы истории Четвертого крестового похода и международных отношений на Балканах начала XIII в. в работах болгарского историка Б. Примова. «Средние века», вып. XI, 1958, стр. 151—161; его же. Византийская политика папства и начало крестовых походов. «Средние века», вып. XIV, 1959, стр. 27—48; его же. Рецензия на кн.: Günther von Paris. Die Geschichte der Eroberung von Konstantinopel. Weimar, 1956. ВВ, XIII, 1958, стр. 300—302; его же. Новое в изучении крестовых походов в зарубежной историографии. ВВ, XIV, 1958, стр. 298—313; его же. Рецензия на кн.: A History of the Crusades, vol. I. Philadelphia, 1955. ВВ, XVII, 1960, стр. 263—273; его же. Крестовые походы. М., 1956, 278 стр. (Рецензии: О. Г. Чайковская. ВВ, XIV, 1959, стр. 262—271; М. М. Фрейденберг. «Преподавание истории в школе», 1959, № 2, стр. 116—120; С. А. Асиновская. «Средние века», вып. XII, 1958, стр. 113—117; см. также «Rassegna Sovietica». Roma, 1958, № 5, p. 96—97; «Wojskowy przegląd historyczny». Warszawa, 1958, t. 3, № 2, str. 396); его же. Папство и крестовые походы. М., 1960, 264 стр. (см. рец.: G. Labuda. «Kwartalnik historyczny», 1962, № 1, str. 94—98; Г. Г. Литаврин. ВВ, 1962, № 12, стр. 142—144).

исследуются взаимоотношения католической и православной церквей, византийская политика папства на всем протяжении истории империи, а также взаимосвязи и взаимовлияния итальянского и византийского гуманизма.

ВИЗАНТИЯ И ВОСТОК

Существенное место в работе византинистов занимают вопросы взаимоотношений Византии со странами и народами Востока, прежде всего — с арабами, Ираном, Египтом, турками и т. д. За рассматриваемое пятилетие вышли в свет статьи Н. В. Пигулевской, а также ряда других авторов²⁰³, посвященные этим сюжетам (мы не касаемся здесь работ об отношениях Византии с Арменией и Грузией, о чем было сказано выше). Внимательное изучение источников восточного происхождения позволяет значительно расширить и уточнить наши представления о роли восточных связей и влияний в истории Византии. Интерес византинистов к восточновизантийским связям в настоящее время углубляется. Восточные черты в структуре и культуре византийского общества выявляются в исследованиях специалистов все более отчетливо.

В августе 1960 г. на XXV Международном конгрессе востоковедов на заседаниях секции византиноведения и смежных дисциплин советские византинисты прочитали несколько докладов, посвященных отношениям Византии со странами и народами Востока. Н. В. Пигулевская рассмотрела некоторые аспекты византийско-арабских отношений в IV в. В основу своего исследования она положила малоизученный памятник — арабскую надпись-эпитафию (из Немеры), написанную набатейским алфавитом. Автор подверг этот памятник всестороннему анализу и пришел к выводам, представляющим интерес не только для византинистов, но и для арабистов и иранистов. По мнению Н. В. Пигулевской, арабские племена в IV в. служили своеобразным буфером между Восточноримской империей и Ираном, причем каждая из сторон старалась усилить свое влияние на арабов.

²⁰³ Н. В. Пигулевская. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке. «УЗ Ин-та востоковедения», т. XVI, 1958, стр. 5—30; е е ж е. История Мар Ябалахи и Саумы. ПС, 2, 1956, стр. 97—108; е е ж е. Каталог сирийских рукописей. ПС, 6, 1960, 230 стр.; е е ж е. Сирийская легенда об Александре Македонском. ПС, 3, 1958, стр. 75—97; е е ж е. Археология сирийской деревни. Там же, стр. 220—223; е е ж е. Эдесская хроника. ПС, 4, 1959, стр. 79—98; е е ж е. Производство шелка в Византии и Иране в IV в. ВВ, X, 1956, стр. 3—8; «История стран зарубежного Востока в средние века», под ред. Ф. М. Ацамба, Е. А. Беляева, И. М. Рейснера, Л. В. Симоновской. Изд. МГУ, 1957, 372 стр.; Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, Я. М. Беленицкий. История Ирана с древнейших времен до XVIII в. Л., 1958, 390 стр.; Г. Г. Дилигенский. Аграрные отношения в Вандальском королевстве. ВВ, XI, 1956, стр. 5—28; И. П. Петрушевский. Виноградарство и виноделие в Иране в XIII—XV вв. ВВ, XI, 1956, стр. 163—176; П. В. Ернштедт. Среднеперсидское в греческих и коптских папирусах. ВВ, XII, 1957, стр. 218—231; А. Л. Вильчевский. Хронограммы Хакани. «Эпиграфика Востока», XIII, 1960, стр. 59—68; С. А. Кауфман. Арабы в Сирии до ислама. ВДИ, 1958, № 2, стр. 209—221; е е ж е. Новые данные по социально-экономической истории Северной Сирии. ВДИ, 1960, № 4, стр. 170—183; Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии в IV в. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, стр. 9. См. также И. Ю. Крачковский. Избранные произведения, т. I—VI. М.—Л., 1955—1960; В. В. Матвеев. Н. А. Медников и изучение договора Омара ибн-ал-Хаттаба с христианами Палестины и Сирии. ПС, 4, 1959, стр. 186—195; Ю. А. Солодухо. К вопросу о социальной структуре Ирака в III—V вв. н. э. «УЗ Ин-та востоковедения», т. XIV, 1956, стр. 31—90; М. Чураков. Завоевание Северной Африки арабами. ПС, 3, 1958, стр. 107—125; И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.—Л., 1960, 492 стр.

В IV в., как полагает автор, лишь намечаются основные линии политики Византийской и Персидской империй по отношению к арабам — политики, осуществленной в V и VI вв.²⁰⁴

На одном из заседаний секции с докладом «Византийское законодательство и право VI—VIII вв. и вопрос о восточном характере византийского феодализма» выступила Е. Э. Липшиц²⁰⁵. Изучение законодательства VI—VIII вв., по ее мнению, показывает, что, хотя основой его оставалось Юстинианово право, законодательные положения VI—VIII вв. отразили «отчетливо выступающий в юридических нормах восточный характер» византийского феодализма на раннем этапе его истории. В дальнейшем эти восточные черты, закрепленные в праве, не только сохранились, но и получили свое развитие в Эклоге, где (например в титулах об эмфитевсисе и рабстве) ясно проявилось взаимодействие римского и восточного права. Развитие феодализма в Византии после VI в. осуществлялось, по мнению Е. Э. Липшиц, в формах, сходных с теми, которые сложились в странах Востока, что нашло выражение прежде всего в сохранении методов централизованной эксплуатации крестьянства, подавляющее большинство которого жило в это время номинально «свободными» сельскими общинами.

Вопросам сходства византийских и восточных форм феодализма был посвящен и доклад А. П. Каждана²⁰⁶. Исходя из того, что развитие феодальных отношений в Византии началось и сделало решающие успехи задолго до появления крестоносцев в Византии и независимо от них, т. е. представляло собой процесс внутреннего характера, автор говорит о своеобразии форм феодальной собственности в Византии и их отличии от западных. Автор рассматривает четыре основные формы условной собственности в Византии: пожалование на срок жизни, харистики, прония и арифмос. Вывод автора: условная собственность в Византии имела форму государственного пожалования определенной суммы ренты или определенного количества людей, при этом государство стремилось строго контролировать самые условия передачи. Эта особенность византийской условной собственности, в разной степени присущая всем четырем ее формам, но прежде всего пронии и арифмосу, сближает ее с мусульманской икта.

С докладом о некоторых вопросах происхождения димов на конгрессе выступил Г. Л. Курбатов²⁰⁷. Он отрицает преемственность византийских димов и античных демов, считая димы V—VI вв. явлением, возникшим в результате развития социальной и политической жизни восточноримского города в IV в. Опираясь на данные Либания, Г. Л. Курбатов показывает, что термин «демос» употреблялся этим автором только в значении народонаселения города в целом и лишь в конце IV в., когда это единство исчезло, появляются *δῆμοι* группировки-партии, на которые распался ранее политически целостный *δῆμος*.

Доклад Р. М. Бартикяна был посвящен анализу завещания Евстафия Воилы²⁰⁸. Автор внес некоторые поправки к изданному тексту памятника

²⁰⁴ Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии в IV в., стр. 1—9.

²⁰⁵ Е. Э. Липшиц. Византийское законодательство и право VI—VIII вв. и вопрос о восточном характере византийского феодализма. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, 16 стр.

²⁰⁶ А. П. Каждан. Формы условной собственности в Византии X—XII вв. Там же, 9 стр.

²⁰⁷ Г. Л. Курбатов. Термин *δῆμος* в произведениях Либания и вопрос о происхождении византийских димов. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, 11 стр.

²⁰⁸ Р. М. Бартикян. О значении завещания Евстафия Воилы (1059) для изучения истории Армении и Грузии в эпоху византийского владычества (XI в.). Там же, 10 стр.

и локализовал упоминаемые в нем поселения в области Тайк и Клардмий в Армении (ранее их помещали в Каппадокии). В связи с новой локализацией памятника и уточнением его текста автор сделал ряд свежих наблюдений относительно политики Византии в ее восточных владениях, о взаимоотношениях местных и византийских феодалов, об отношениях с туземным населением и т. д.

Большой интерес вызвал доклад А. В. Банк²⁰⁹, на новых материалах и в широком плане поставившей проблему соотношения византийского и восточного искусства. Вопреки установившемуся мнению, что в период так называемого «македонского возрождения» процесс «ориентализации» византийского искусства отражал вкусы придворных кругов Константинополя, А. В. Банк на основе опубликованных ею серебряных изделий из собрания Эрмитажа показала, что этот процесс был связан с изменением художественных вкусов широких социальных слоев. А. В. Банк поставила вопрос о постоянном «сосуществовании византийских и восточных элементов» в искусстве византийских провинций; была высказана мысль о том, что в результате «ориентализации» предметов массового производства произошло слияние восточных элементов с византийской основой, что и обусловило «восточный характер» как искусства, так и всех явлений социально-экономической, политической и культурной жизни Византии.

Интересные наблюдения, касающиеся усвоения турками в завоеванных областях империи византийских аграрных институтов и — соответственно — обозначающих их терминов, сделала А. С. Тверитинова²¹⁰.

Особо следует отметить статью В. Д. Кузьминой о значении некоторых русских древних памятников для изучения истории арабов и арабской культуры²¹¹.

Наконец, крупным вкладом в советское востоковедение является публикация П. В. Ернштедта, издавшего коптские тексты Гос. музея изобразительных искусств²¹² и Гос. Эрмитажа²¹³; публикации снабжены переводом и комментарием.

Таким образом, проблемы связей Византии и Востока привлекали к себе в последние пять лет пристальное внимание специалистов. Слабо разработана, однако, тема о взаимодействии византийской и арабской культуры, о взаимном влиянии восточного и византийского права. Почти совсем не изучается вопрос о судьбах населения тех районов Византии, завоевание которых турками началось в XI в. и продолжалось до XV в.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Одним из важных разделов византиноведческой науки являются история византийской литературы и тесно связанные с ней исследования по среднегреческой филологии. За последние годы и в этой специальной от-

²⁰⁹ А. В. Банк. Византия и Восток по некоторым данным прикладного искусства XI—XII вв. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, 9 стр.

²¹⁰ А. С. Тверитинова. К вопросу о доминиальном землевладении феодалов-ленников в Османской империи в XV—XVI вв. РСИВ; XXXVIII, 1960, стр. 26—29. См. также ее же. Обзор журнала турецкого исторического общества «Belleten», т. XX—XXI, вып. 77—84, 1956—1957. СВ, 1958, № 6, стр. 128—140.

²¹¹ В. Д. Кузьмина. Сведения об арабской культуре в Палестине в начале 12 в. по «Хождению» игумена Даниила. «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 6, стр. 82—87.

²¹² П. В. Ернштедт. Коптские тексты Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.—Л., 1959, 215 стр.

²¹³ П. В. Ернштедт. Коптские тексты Государственного Эрмитажа. М.—Л., 1959, 191 стр. См. его же. Два административных коптских письма арабского времени. ИС. 4, 1959, стр. 5—11.

расли знания наметились положительные сдвиги, хотя необходимо признать, что перед советскими специалистами по византийской литературе и среднегреческой филологии стоит еще немало нерешенных проблем: до сего времени еще не создан сводный обобщающий курс истории византийской литературы, содержащий анализ основных этапов ее развития в связи с эволюцией общественных отношений и политических идей в Византийской империи на всем протяжении ее существования. Вопросы византийской литературы и источниковедения пока были лишь вкратце затронуты в отдельных общих курсах по истории литературы, созданных советскими литературоведами. Отметим здесь III том «Истории греческой литературы», где дается удачная характеристика греческой ораторской прозы и поэзии V в., а также приводятся краткие сведения о византийской эпиграмме²¹⁴. Краткий обзор ранневизантийской литературы содержится в книге С. И. Радцига; правда, отдельные характеристики там (например Синесия, Василия Кесарийского) нуждаются в уточнениях²¹⁵. Еще более сжато характеризуется литература V—VI вв. в книге И. М. Тронского²¹⁶. Переводы отрывков из некоторых греческих авторов IV в. содержатся в недавно вышедшей антологии; здесь же, во вступительной статье (С. В. Поляковой), дана их краткая характеристика²¹⁷.

Написанные Е. Э. Гранстрем главы об источниках по истории Византии в книге А. Д. Люблинской²¹⁸ представляют собой первый опыт подобного рода в русском и советском византиноведении. Несмотря на то, что автор был весьма ограничен объемом, ему удалось достаточно полно охарактеризовать важнейшие письменные источники — исторические произведения, документы, памятники законодательства, агиографии, различные трактаты, словари, письма, художественную литературу. Особое внимание уделено сведениям византийских авторов о славянских народах; специально выделяются данные источников о классовой борьбе. Несмотря на отдельные неточности, труд Е. Э. Гранстрем представляет значительный интерес для всех изучающих историю Византии.

Из других общих курсов, в том или ином аспекте касающихся византийской литературы, назовем «Историю древней русской литературы» Н. К. Гудзия²¹⁹ и «Историю русской литературы» в трех томах²²⁰, где затрагиваются преимущественно проблемы русско-византийских литературных связей.

В апреле 1957 г. на Берлинской конференции по вопросам византийской и новогреческой литературы был прочитан доклад З. В. Удальцовой «Основные проблемы изучения византийской литературы в советской исторической науке и задачи сборника „Византийский временник“». В докладе были намечены главные этапы изучения в нашей науке византийской литературы, а также охарактеризованы наиболее значительные труды советских ученых в этой области²²¹. Несколько больше сделано советскими

²¹⁴ «История греческой литературы», т. III. М., 1960, гл. VI, VIII, XIV (авторы — Ф. А. Петровский и М. Е. Грабарь-Пассек).

²¹⁵ С. И. Радциг. История древнегреческой литературы. Изд. 2-е. М., 1959, гл. XX.

²¹⁶ И. М. Тронский. История античной литературы. Изд. 3-е. Л., 1957, стр. 207, 468 сл.

²¹⁷ «Поздняя греческая проза». М., 1960, 695 стр.

²¹⁸ А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, гл. I, VI, XVIII.

²¹⁹ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. 6-е изд. М., 1956, стр. 511.

²²⁰ «История русской литературы в трех томах», т. I. М.—Л., 1958, гл. I (автор — Д. С. Лихачев).

²²¹ Z. V. Udaltsova. Das Studium der byzantinischen Literaturgeschichte in der UdSSR. «Berliner byzantinistische Arbeiten», Bd. XIV, 1959, S. 3—20.

учеными в сфере монографического исследования жизни и творчества отдельных наиболее выдающихся представителей византийской литературы.

В последние годы советские ученые опубликовали работы, посвященные анализу различных памятников византийской литературы. Большинство этих исследований свойствен источниковедческий характер: подходу к изучению того или иного текста, подчас давно уже введенного в научный оборот, советские византилисты пытаются выявить все то новое, что дает этот текст для лучшего понимания социальной, политической и культурной жизни византийского общества, для характеристики мировоззрения его автора, выявления той социальной среды, в которой было создано то или иное произведение.

На материале «Лавсаика» Палладия и произведений Василия Великого С. В. Полякова показала наиболее характерные особенности ранневизантийской церковной идеологии IV в. Памятники эти, в частности, дают представление об отрицательном отношении монахов к производительному труду, живо рисуют картину паразитической жизни византийского монашества того времени ²²².

Работа покойного профессора М. В. Левченко является непосредственным продолжением его исследования трудов византийского риторика и политического деятеля конца IV — начала V в. Синесия Киренского ²²³. На основании детального знакомства с обширной перепиской Синесия, относящейся к различным периодам его жизни и деятельности, автор рисует положение окраинной провинции Восточной Римской империи Пентаполя в период кризиса рабовладельческой системы и борьбы с постоянными набегами варваров. Заслугой М. В. Левченко было то, что он из груды разнообразного бытового, биографического, культурно-исторического материала, которым изобилуют письма Синесия, сумел извлечь наиболее важные для историка сведения, характеризующие жизнь не только высшей пентапольской знати, к которой принадлежал Синесий, но и драгоценные известия об экономике, социально-политической борьбе и положении народных масс этой провинции (см. выше). Это исследование вносит ряд новых моментов в оценку мировоззрения Синесия и его политической деятельности как представителя высшей рабовладельческой знати — курiales Пентаполя. Отказавшись от идеализации Синесия, свойственной буржуазной историографии, М. В. Левченко убедительно показывает социальную направленность его произведений.

Изучением «Дигениса Акрита» как источника по истории Византии занимался А. Я. Сыркин. Им опубликован русский перевод Гротта-Ферратской версии эпоса, а также сопроводительные статьи и комментарии к этому переводу ²²⁴. Создание первоначальной редакции памятника А. Я. Сыркин относит к 970—1020 гг. «Дигенис Акрит» представляет собой, по его мнению, народный в своей основе эпос, отразивший, однако, в известных нам версиях отдельные черты феодальной идеологии, в частности идеологии провинциальной военной знати, стремившейся к независимости от центральной власти. В статье об исторической идентификации действующих лиц поэмы автор выявляет реальный исторический фон, на ко-

²²² С. В. Полякова. *Ἐὺφ' διὰ τὸν χριστὸν τοὺς τοιοῦτος τέρω.* (О некоторых особенностях раннемонашеской идеологии и быта согласно «Лавсаику» Палладия и сочинениям Василия Великого). ВВ, XIV, 1958, стр. 185—189.

²²³ М. В. Левченко. Пентаполь по письмам Синесия. ВВ, IX, 1956, стр. 3—44.

²²⁴ «Дигенис Акрит». Перевод, статьи и комментарий А. Я. Сыркина. М., 1960, стр. 218.

тором протекает действие эпоса²²⁵. А. Я. Сыркину принадлежит также обзор истории научного изучения «Дигениса Акрита»²²⁶.

В. С. Шандровская исследовала анонимное стихотворное произведение, написанное на среднегреческом языке, — византийскую басню XIV в. «Рассказ о четвероногих» (по рукописи 202 Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Ею подробно описана эта рукопись, показано, что она дает для выяснения первоначального текста памятника, отмечены лучшие чтения данной рукописи сравнительно с другими. В. С. Шандровская опубликовала также комментированный перевод «Рассказа о четвероногих» на русский язык²²⁷. В другой статье²²⁸ автор останавливается на особенностях стиля и языка басни, выделяя в ее лексике слова, употребляющиеся в современном греческом разговорном языке и, по-видимому, свидетельствующие о популярности басни в широких кругах читателей. Отмечены некоторые особенности басни, характеризующие ее как сатиру на католическую церковь, порожденную антиуниатскими настроениями и отрицательным отношением к западной церкви представителей так называемого православного направления среди духовенства и византийской интеллигенции XIV в. Одной из причин, вызвавших антилатинские настроения, была, как полагает В. С. Шандровская, постоянная конкуренция торгово-ремесленных кругов Византии с купечеством итальянских торговых республик — Венеции и Генуи; это также могло послужить почвой для возникновения сатиры на католическую церковь, адептами которой были ненавистные для греков венецианцы и генуэзцы. Относительно места создания басни В. С. Шандровская polemизирует с С. Ксантудидисом, настаивавшим на критском происхождении «Рассказа о четвероногих», и полагает, что басня эта сложилась в Византии.

На Берлинской конференции по вопросам византийской и новогреческой литературы (1957 г.) В. С. Шандровская прочитала доклад «Византийские басни в рукописных фондах Ленинграда». На материале басен «Рассказ о фруктах», «Рассказ о птицах», «Рассказ о четвероногих» было показано значение басенной литературы для изучения социальных отношений, классовой борьбы и культуры Византии XIII—XIV вв.

Специальное исследование В. С. Шандровской посвящено характеристике византийской басни как источника для изучения истории ремесла XIV в.²²⁹ Автор выявил в «Рассказе о четвероногих» сведения о кожевенном деле, об изготовлении изделий из шерсти и других видах ремесленного производства в поздней Византии.

В работах Е. Б. Веселаго исследуется важный источник XV в. — «История» Лаоника Халкокондила. Автор показал ценность свидетельств Халкокондила для изучения истории албанского народа, до сих пор совершенно недостаточно разработанной²³⁰. Исследовательница дала литературную характеристику этого памятника, охарактеризовала рукописи «Истории» и отметила ее композиционные и стилистические

²²⁵ А. Я. Сыркин. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита». ВВ, XVIII, 1961, стр. 124—149.

²²⁶ А. Я. Сыркин. К истории изучения «Дигениса Акрита». ВВ, XVII, 1960, стр. 203—226. См. также его рецензию на кн.: Digenes Akrites, ed. by Mavrogordato. Oxford, 1956, ВВ, XII, 1957, стр. 340—347.

²²⁷ В. С. Шандровская. Византийская басня «Рассказ о четвероногих» (XIV в.). ВВ, IX, 1956, стр. 211—249.

²²⁸ В. С. Шандровская. Византийская басня «Рассказ о четвероногих» (XIV в.). Художественные особенности и язык памятника. ВВ, X, 1956, стр. 181—194.

²²⁹ В. С. Шандровская. Сведения о ремесле в византийском басенном эпосе XIII—XIV вв. «Исследования по истории культуры народов Востока». М. — Л., 1960, стр. 504—510.

²³⁰ Е. Б. Веселаго. Известия Лаоника Халкокондила об албанцах. ВВ, X, 1956, стр. 133—160.

особенности²³¹. В другой статье Е. Б. Веселаго выдвигает ряд соображений, касающихся биографии Лаоника Халкокондила: так, полемизируя с некоторыми учеными, она ставит под сомнение эмиграцию Халкокондила после турецкого завоевания Византии²³². Совершенно по-новому оценивает Е. Б. Веселаго мировоззрение греческого историка. Категорически выступая против приписываемого ему иногда туркофильства, исследовательница считает Халкокондила греческим патриотом, одним из талантливых представителей византийского гуманизма. Патриотизм Халкокондила, как указывает автор, уживался с резкой критикой правящих кругов Византии, особенно последних Палеологов²³³. В работе Е. Б. Веселаго пересматривается вопрос об отдельных конъектурах текста «Истории» Халкокондила.

Мировоззрение другого византийского историка XV в. — Критовула — рассматривается в исследовании З. В. Удальцовой²³⁴. Автор показывает, что во взглядах Критовула отразились противоречия социально-политических отношений того времени. Будучи явным туркофилом и враждебно относясь к венецианцам, он одновременно в какой-то мере сохранил сочувствие к гибнущему византийскому государству и греческой культуре.

Работа Я. Н. Любарского посвящена анализу творчества критского поэта Стефана Сахликиса²³⁵. Автор датирует творчество поэта второй половиной XV — началом XVI в. Он характеризует композицию, стиль, язык стихотворений Сахликиса. Я. Н. Любарский приходит к выводу, что Сахликис в целом дает реалистическое изображение жизни Крита того времени; стихи его, в частности, свидетельствуют о значительной имущественной дифференциации критского общества, о коррупции чиновничества на Крите. Такие особенности творчества Сахликиса, как грубая реалистичность, дидактико-сатирическая направленность, высмеивание духовенства, следование фольклорным традициям, позволяют, по мнению исследователя, сопоставить эти стихи с отдельными памятниками европейской предренессансной литературы.

Как уже указывалось, значительное место в исследованиях советских ученых отводится взаимосвязям древнерусской и византийской литературы. Изучение этого вопроса неизбежно приводит специалистов к рассмотрению отдельных византийских литературных памятников.

В. Д. Кузьмина сделала интересные наблюдения, касающиеся сравнительной стилистики «Дигениса Акрита» и «Девгениева деяния»²³⁶. Наблюдения эти свидетельствуют, по ее мнению, об известной самостоятельности русского переводчика.

Н. А. Мещерский посвятил одну из своих статей русской повести «О взятии Царьграда от фряг»²³⁷. Повесть эта, написанная русским очевидцем событий 1204 г., представляет собой, как показывает исследователь, вполне самобытное произведение и является одновременно ценным источником как по истории Византии начала XIII в., так и по истории

²³¹ Е. Б. Веселаго. Историческое сочинение Лаоника Халкокондила (опыт литературной характеристики). ВВ, XII, 1957, стр. 203—217.

²³² Е. Б. Веселаго. Еще раз о Лаонике Халкокондиле и его историческом труде. ВВ, XIV, 1958, стр. 190—199.

²³³ Е. Б. Веселаго. К вопросу об общественно-политических взглядах и мировоззрении византийского историка XV века Лаоника Халкокондила. «Вестник МГУ», историч. науки, 1960, № 1, стр. 43—49.

²³⁴ З. В. Удальцова. К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Критовула. ВВ, XII, 1957, стр. 172—197.

²³⁵ Я. Н. Любарский. Критский поэт Стефан Сахликис. ВВ, XVI, 1959, стр. 65—81.

²³⁶ В. Д. Кузьмина. Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков «Девгениева деяния». ТОДРЛ, XV, 1958, стр. 73—77.

²³⁷ Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии. ВВ, IX, 1956, стр. 170—185.

Четвертого крестового похода. Вместе с тем эта повесть — свидетельство живого и неиссякаемого интереса, с которым воспринимались на Руси известия о судьбах Византии, связанной с русским государством тесными экономическими, политическими и культурными отношениями. Известие о взятии Царьграда крестоносцами способствовало накануне нашествия монголов развитию патриотизма в передовых слоях русского общества и чувства гордости за свою оставшуюся независимой родину. Сравнительное изучение различных списков повести, проделанное автором, позволило ему не только уточнить ее первоначальный текст, но и прийти к заключению, что повесть «О взятии Царьграда от фряг» — выдающееся произведение древнерусской литературы — была написана в Константинополе современником событий и лишь позднее включена в Новгородскую летопись и в «Еллинский летописец».

Другие исследования Н. А. Мещерского затрагивают вопросы сравнительного анализа греческих и славянских памятников. Опубликовав два до сих пор неизданных фрагмента из славянского перевода Малалы, Н. А. Мещерский показал необходимость тщательного критического переиздания этого перевода, важного, по-видимому, для восстановления первоначального греческого оригинала «Хроники» Малалы²³⁸. Вопрос о русско-византийских литературных связях затронут Н. А. Мещерским и в его исследовании об искусстве перевода в Киевской Руси²³⁹. В этой же связи можно отметить его статью, посвященную древнерусской повести «О Козарине и о жене его»²⁴⁰.

Вопроса о влиянии византийской литературы на древнерусскую неоднократно касался и советский литературовед Н. К. Гудзий. Упомянем здесь его доклад на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г., где докладчик, признавая византийское влияние, отмечал самобытные черты древнерусской культуры²⁴¹.

Ряд исследований наших ученых затрагивает вопросы взаимодействия византийской литературы с литературой восточных соседей Византии, в первую очередь армян, грузин и т. д. Ш. И. Нуцубидзе выдвинул гипотезу, согласно которой автором ряда известных философских трактатов V в. («Об именах божьих», «О мистической теологии» и др.), по традиции приписывавшихся Псевдо-Дионисию Ареопагиту, был грузинский царевич Мурван (424—492), он же — майумский епископ Петр Ивер²⁴². Эта гипотеза вызвала возражения С. И. Данелиа, считающего, что она лишена оснований, не подтверждается ни греческими, ни грузинскими источниками и построена на весьма искусственных соображениях²⁴³.

²³⁸ Н. А. Мещерский. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы. ВВ, XI, 1956, стр. 179—284.

²³⁹ Н. А. Мещерский. Искусство перевода Киевской Руси. ТОДРЛ, XV, 1958, стр. 54—72.

²⁴⁰ Н. А. Мещерский. К вопросу о византийско-славянских литературных связях. ВВ, XVII, 1960, стр. 57—69.

²⁴¹ Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. «IV Международный съезд славистов. Доклады». М., 1958, 66 стр.; ср. его же. Сравнительное изучение литератур в русской дореволюционной и советской науке. Известия АН СССР. Отд. литературы и яз., XIX, 1960, вып. 2, стр. 116—127.

²⁴² Ш. И. Нуцубидзе. Петр Ивер и проблемы ареопагитики (после Эрнста Хонигмана). Тбилиси, 1957, 63 стр. Основные положения Ш. И. Нуцубидзе повторены им в его недавно вышедшем капитальном труде «История грузинской философии» (Тбилиси, 1960, 591 стр.).

²⁴³ С. И. Данелиа. К вопросу о личности Псевдо-Дионисия Ареопагита. ВВ, VIII, 1956, стр. 377—384. Ср. также К. С. Кекелидзе. Проф. Э. Хонигман о Петре Ивере и сочинении Псевдо-Дионисия Ареопагита. «Труды Тбилисского гос. ун-та», 63, 1956, стр. 231—245 (резюме на русском языке).

Ш. И. Нуцубидзе занимался также изучением романа «Варлаам и Иоасаф». По его мнению, роман этот — грузинского происхождения, автором его был грузин Иоанн Мосх (=Месх); он категорически отвергает взгляд Ф. Дальгера, приписывающего авторство Иоанну Дамаскину²⁴⁴.

Работы Л. М. Меликсет-бека посвящены датировке памятников древнеармянской и древнегрузинской церковной литературы — так называемых Псевдо-Исааковых памфлетов (не позже IX в.)²⁴⁵, «Книге посланий» — важному источнику по истории армяно-византийских отношений в V—VII и IX—X вв., и других²⁴⁶.

В. К. Чалоян в своей статье рассматривает мировоззрение известного древнеармянского ученого Анания Ширакаци. Автор приходит к выводу, что это был один из прогрессивнейших ученых VII в., оказавший большое влияние на представителей средневековой армянской и византийской науки²⁴⁷.

Изучая христианские литературные памятники раннего средневековья, Г. Ю. Алиев попытался проследить в них истоки распространенной в восточных литературах легенды о Хосрове и Ширин²⁴⁸. По наблюдениям исследователя, известия о Ширин содержатся, в частности, у Феофилакта Симокатты, Евагрия Схоластика и Феофана, называющих Ширин христианкой.

Характерной чертой работ советских исследователей по среднегреческой филологии является интерес к проблемам взаимоотношения среднегреческого языка с языками других народов.

Так, П. В. Ернштедт в своих исследованиях разбирает некоторые коптские²⁴⁹ и персидские²⁵⁰ заимствования в греческом языке. Значительную ценность представляют выполненные П. В. Ернштедтом публикация и комментированный русский перевод коптских текстов. Автор опубликовал 77 коптских папирусов, хранящихся в Государственном Эрмитаже²⁵¹, и 103 коптских текста на папирусе, пергамене, бумаге, черепках и камне из собрания Московского государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина²⁵². По своему содержанию это — правовые документы, личные и деловые письма, распоряжения местной администрации, счетно-хозяйственные записи, тексты религиозно-литературного содержания, фольклорные памятники.

²⁴⁴ Ш. И. Нуцубидзе. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф». Тбилиси, 1956, 246 стр.; его же. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф» (Обзор критических замечаний). ВВ, XVII, 1960, стр. 250—257.

²⁴⁵ Л. М. Меликсет-бек. К вопросу о датировке Псевдо-Исааковых памфлетов в греко-византийской литературе. ВВ, VIII, 1956, стр. 208—222.

²⁴⁶ Л. М. Меликсет-бек. Graeco-Byzantina в древнеармянском Liber epistolarum. ВВ, XII, 1957, стр. 263—269; см. его же. Об армяно-грузино-латино-русской версиях греческих гомилий, связываемых с именем Иоанна Златоуста. ВВ, XVII, 1960, стр. 70—77.

²⁴⁷ В. К. Чалоян. Естественные-научные воззрения Анания Ширакаци. ВВ, XII, 1957, стр. 156—171.

²⁴⁸ Г. Ю. Алиев. Ранние христианские источники легенды о Хосрове и Ширин. СВ, 1957, № 6, стр. 87—96; ср. его же. Легенда о Хосрове и Ширин в литературах народов Востока. М., 1960, 170 стр.

²⁴⁹ П. В. Ернштедт. Южноегипетский коптизм в среднегреческом словарном составе. ВВ, IX, 1956, стр. 154—158; его же. К коптскому тексту романа об Александре. ВВ, X, 1956, стр. 178—180.

²⁵⁰ П. В. Ернштедт. Среднеперсидское в греческих и коптских папирусах. ВВ, XII, 1957, стр. 218—231.

²⁵¹ П. В. Ернштедт. Коптские тексты Государственного Эрмитажа. М.—Л., 1959, 192 стр.

²⁵² П. В. Ернштедт. Коптские тексты Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.—Л., 1959, 215 стр.

П. В. Ериштедт дал также описание и публикацию текста двух коптско-фаюмских папирусов времени сасанидской оккупации Египта (около 627 г.), хранящихся в ГМИИ. На основании обследования этих папирусов автор пришел к выводу, что пехлевийские папирусы ГМИИ, возможно, также имеют отношение к Фаюму, поскольку в коллекции, приобретенной В. С. Голенищевым, оказались греческий и коптский папирусы фаюмского происхождения, относящиеся к периоду персидского господства в Египте. Перу П. В. Ериштедта принадлежит также краткое исследование о греческом происхождении славянского слова «гайтан» — «шнур»²⁵³.

Исследования М. М. Копыленко посвящены языку славянских переводов в сравнении с языком их греческих оригиналов. Наиболее важная статья этой серии представляет результат анализа синтаксиса древнерусского языка по материалам перевода «Хроники» Георгия Амартола. На основании исследования текстов оригинала и славянского перевода автор приходит к выводу о самостоятельном развитии старославянского гипотаксиса. Многочисленные факты, отмечает М. М. Копыленко, дают возможность оценить высокую языковую культуру древнерусских переводчиков, которые творчески подходили к греческому оригиналу и максимально точно передавали содержание подлинника, используя своеобразные средства старославянского синтаксиса²⁵⁴. В другой статье того же автора содержится анализ гипотактических конструкций славяно-русского перевода известного памятника византийской литературы «Александрии» (конец XI — начало XII в.). Автор утверждает, что в области гипотактических конструкций переводчик «Александрии» был менее зависим от греческого оригинала, чем переводчик византийских хроник²⁵⁵. Чисто филологическими изысканиями занимается и Н. А. Мещерский; так, например, в одной из своих статей он останавливается на некоторых греческих заимствованиях, вошедших в словарный состав древнерусского языка²⁵⁶.

За последние годы усилиями ряда советских ученых были опубликованы и переведены наиболее важные византийские источники и сделан их источниковедческий анализ. Первостепенная роль в этом деле принадлежит выходящей с 1957 г. под редакцией академика М. Н. Тихомирова серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы».

Первая публикация этой серии познакомила читателей с ценным источником по истории Византии и славянских племен Балканского полуострова в VI—VII вв. — «Историей» Феофилакта Симокатты (перевод С. П. Кондратьева, примечания К. А. Осиповой)^{257—258}. Во вступительной статье (автор ее — Н. В. Пигулевская) Феофилакт Симокатта рисуется как представитель византийской аристократии, пришедшей к власти в правление императора Ираклия. Большое внимание здесь уделяется выяснению источников произведения Феофилакта Симокатты: ими Н. В. Пигулевская считает труды Менаандра, Иоанна Лиды, Евагрия и фрагменты утраченного сочинения Иоанна Епифанийского. Н. В. Пигулевская высоко оценивает

²⁵³ П. В. Ериштедт. О греческом предшественнике слова «гайтан». Сб. «Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию». М., 1956, стр. 131—136.

²⁵⁴ М. М. Копыленко. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола. ВВ, XII, 1957, стр. 232—241.

²⁵⁵ М. М. Копыленко. Из исследований о языке славянских переводов памятников византийской литературы. ВВ, XVI, 1959, стр. 82—91. См. также относящуюся к этой же серии исследований статью: М. М. Копыленко. Рукописная греческая грамматика братьев Лихудов. ВВ, XVII, 1960, стр. 85—92.

²⁵⁶ Н. А. Мещерский. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка. ВВ, XIII, 1958, стр. 246—261.

^{257—258} Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, 224 стр. (см. рецензию: Я. Н. Любарский. ВВ, XVI, 1959, стр. 244—250).

историческую достоверность «Истории» Феофилакта Симокатты, особенно важной для понимания социально-политической борьбы в Византии конца VI — начала VII в. и взаимоотношений Византии со славянскими народами и Ираном.

Второй том серии включает анонимную Псамафийскую хронику (= *Vita Euthymii*) и «Взятие Фессалоники» Иоанна Камениаты — памятники первой половины X в.²⁵⁹ Предисловие, перевод и комментарий к Псамафийской хронике, содержащей подробный рассказ о политической и церковной борьбе в Константинополе, главным образом в правление Льва VI и Александра (рубеж IX—X вв.), выполнены А. П. Кажданом; предисловие и комментарий к сочинению Иоанна Камениаты, которое представляет собой описание осады и разграбления Фессалоники в 904 г. арабами и ценно в особенности сообщаемыми автором сведениями о ремесле и торговле Фессалоники, а также о живущих в окрестностях города славянских племенах, сделаны Р. А. Наследовой. Перевод последнего принадлежит С. В. Поляковой и И. В. Феленковской. В предисловии к «Псамафийской хронике» А. П. Каждан пытается определить характер памятника и социальную принадлежность ее анонимного автора; в предисловии к сочинению Иоанна Камениаты Р. А. Наследова определяет время написания его труда, выясняет социальное положение автора, его мировоззрение, степень его образованности, литературные достоинства сочинения. С. В. Поляковой для этого издания написана также статья «О некоторых художественных особенностях „Взятия Фессалоники“ Иоанна Камениаты». Итак, источники охарактеризованы в сопроводительных статьях как с исторической, так и с литературно-филологической точки зрения. Книга снабжена весьма детальным комментарием, иллюстрациями, картами, хронологической таблицей.

Критическое издание исторического труда готского историка VI в. Иордана — «Гетики» вместе с русским переводом и комментарием, выполненными Е. Ч. Скржинской, составляет третий том серии «Памятников»²⁶⁰. Е. Ч. Скржинская приходит к новым выводам относительно личности Иордана и его исторического труда. По ее мнению, Иордан был по происхождению остготом, а не аланом, как полагали некоторые ученые. Poleмизируя с исследователями, считавшими Иордана монахом, Е. Ч. Скржинская показала, что Иордан не принадлежал к монашескому сословию и что знаменитое «обращение» (*conversio*) Иордана являлось не переходом в иную веру, а принятием вместо арианства ортодоксальной религии. В комментарии к «*Getica*» разъясняется содержание и отчасти филологические особенности источника.

Очередной выходящий из печати том серии «Памятников» — интереснейший законодательный источник X в. «Книга Эпарха»²⁶¹. Перевод его, а также предисловие и комментарий выполнены М. Я. Сюзюмовым. Им же опубликованы переводы из трактата Юлиана Аскалонита «О законе и об обычаях Палестины» (VI в.) — ценного источника по византийскому градостроительству²⁶². Переводам предпослана статья, где, в частности, отдельные данные трактата сопоставляются со свидетельствами «Книги Эпарха».

²⁵⁹ «Две византийские хроники X века». М., 1959, 264 стр. (см. рецензии: Я. Н. Любарский, А. Я. Сыркин. ВВ, XIX, 1961, стр. 307—314; Р. М. Бартикян. Там же, стр. 315—319).

²⁶⁰ Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*). М., 1960, 436 стр.

²⁶¹ «Книга Эпарха». М., 1961.

²⁶² М. Я. Сюзюмов. О трактате Юлиана Аскалонита, I. Вводная статья и переводы. «Античная древность и средние века», вып. 38, ч. 1. Свердловск, 1960, стр. 3—34.

Из переводов византийских источников, опубликованных вне серии «Памятников», следует прежде всего отметить издание Е. Э. Липшиц «Геопоник»²⁶³. Это — первый перевод составленного при Константине VII сборника высказываний древних авторитетов по вопросам сельского хозяйства. Во введении Е. Э. Липшиц показывает, что «Геопоники» отражают реальное состояние византийского сельского хозяйства в X в. Книга снабжена обширным комментарием и таблицами.

С. В. Полякова и И. В. Феленковская перевели Псевдо-Лукианов диалог «Патриот, или слушающий поучение», представляющий собой, по всей видимости, яркий антимонашеский памфлет X в.²⁶⁴

Выше упоминалось уже об издании перевода «Дигениса Акрита». Несколько народных песен, восходящих к средневековому греческому фольклору, в том числе и песен о Дигенисе, было переведено В. Нейштадтом²⁶⁵.

Значительный интерес для изучения социальной и бытовой истории Армении и соседних с нею стран, в том числе и Византии, представляют собой средневековые армянские басни, перевод которых издан И. А. Орбели²⁶⁶.

Л. С. Хачикян издал на армянском языке чрезвычайно ценный и оригинальный источник по истории Армении и сопредельных с ней стран — так называемые «Памятные записи армянских рукописей XV в.»²⁶⁷. Это — подлинные документы своего времени; их авторы — люди из народа; они записывали факты, касавшиеся его жизни, отмечали все то, что наносило материальный и духовный ущерб крестьянам, ремесленникам и вообще трудовым элементам. Памятные записи восполняют пробелы хроник и иных исторических документов, составившихся в соответствии с требованиями господствующих классов. Оценка событий в памятных записях часто дается сквозь призму средневекового, религиозного мышления, но приводится немало оценок и вполне реалистических, проникнутых ненавистью к эксплуататорам и захватчикам. Том, содержащий записи первой половины XV в., интересен и для историков Византии.

Переводы византийских источников публиковались также на страницах «Византийского временника». Перевод известного географического трактата IV в. *Expositio totius mundi* был издан С. В. Поляковой и И. В. Феленковской²⁶⁸. Е. Ч. Скржинская перевела сохранившиеся у Фотия отрывки из ценного источника начала V в. — «Истории» Олимпиодора²⁶⁹. Р. М. Бартикян осуществлен перевод важного источника по истории павликианского движения — «Полезной истории» Петра Сицилийского²⁷⁰. В сопроводительной статье переводчик дает источниковедческий анализ памятника, выясняя, в частности, взаимоотношение между

²⁶³ «Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века». Введение, перевод с греческого и комментарий Е. Э. Липшиц. М.—Л., 1960, 376 стр.

²⁶⁴ Лукиан. Избранные атеистические произведения. М., 1955, стр. 275—286; ср. комментарий А. П. Каждана (стр. 315—316).

²⁶⁵ «Греческие народные песни». Выбрал и перевел В. Нейштадт. М., 1957, 303 стр.

²⁶⁶ И. Орбели. Басни средневековой Армении. М.—Л., 1956, 180 стр. (см. рецензию: И. К. Кузнецкий. ВВ, XIV, 1958, стр. 245—247).

²⁶⁷ «Памятные записи армянских рукописей XV в., ч. I (1401—1450 гг.)». Составил Л. С. Хачикян. «Материалы по истории армянского народа», VI. Ереван, 1955, XVI + 820 стр. См. рецензию: И. К. Кузнецкий. ВВ, XII, 1957, стр. 289—291.

²⁶⁸ С. В. Полякова и И. В. Феленковская. Анонимный географический трактат «Полное описание вселенной и народов». ВВ, VIII, 1956, стр. 277—305.

²⁶⁹ Е. Ч. Скржинская. «История» Олимпиодора. ВВ, VIII, 1956, стр. 223—276.

²⁷⁰ Р. М. Бартикян. Петр Сицилийский и его «История павликиан». ВВ, XVIII, 1961, стр. 323—358.

«Полезной историей» и сочинением Фотия «Против манихеев». На страницах «Византийского временника» был помещен также перевод византийской сатиры начала XV в. «Пребывание Мазариса в подземном царстве»²⁷¹. В предисловии к этому переводу Т. М. Соколова показала, что основная ценность этой сатиры — в обличительном изображении византийского общества накануне падения империи.

ГРЕЧЕСКАЯ ПАЛЕОГРАФИЯ

Занятия греческой палеографией, имеющие давние традиции в нашей стране, стимулируются наличием в отечественных книгохранилищах замечательных сокровищ греческой письменности. Общее число греческих рукописей, хранящихся в библиотеках и архивах разных городов Советского Союза (Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Тбилиси, Казани, Пскова, Еревана), достигает двух тысяч. Наиболее богатыми и многочисленными являются собрания греческих рукописей (средневековых и в меньшем числе — новогреческих) Москвы и Ленинграда. В Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в Отделе рукописей и редкой книги Библиотеки АН СССР в Ленинграде и в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР хранится около 1300 рукописей²⁷².

Помимо произведений классической греческой литературы, в книгохранилищах СССР имеется значительное число ценнейших памятников византийского периода. Заслуживает внимания Хроника Михаила Глики в списке XIII в., содержащая интересные разночтения по сравнению с текстом Боннского корпуса. В позднем списке XVII—XVIII вв. имеется греческий текст арабской «Всемирной хроники» патриарха Евтихия Александрийского. Значительный научный интерес представляют рукописи «Церковной истории» Евсевия Памфила, отрывков из «Церковной истории» Феодорита, византийских историков Симеона Логофета, Георгия Сфрандзи. Кроме сочинений исторического содержания, наши собрания располагают и другими произведениями византийской письменности, как-то: словари, грамматические сочинения, произведения народной литературы, отрывки житий святых, бесед и поучений. В библиотеках Советского Союза, кроме того, хранится немало рукописей XVI—XIX вв., в том числе таких, которые могут представить интерес для изучения истории греческого народа под властью турок и освободительной борьбы греков против турецкого владычества, а также истории новогреческой литературы и языка.

Среди рукописных сокровищ отечественных архивов особое место принадлежит памятникам юридического характера и актовым материалам. Одним из наиболее ценных памятников этого рода является сборник, известный под названием «Вазелонских актов». Два подлинных документа

²⁷¹ «Пребывание Мазариса в подземном царстве». Перевод С. П. Кондратьева, предисловие и комментарий Т. М. Соколовой. ВВ, XIV, 1958, стр. 318—357.

²⁷² В Москве самыми крупными собраниями греческих рукописей являются коллекции Государственного исторического музея и Рукописного отдела Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Отдельные рукописи хранятся в библиотеке Московского государственного университета, Государственной публичной библиотеке Украинской ССР в Киеве, Институте рукописей АН Грузинской ССР в Тбилиси, хранилище древних рукописей — Матенадаране — в Ереване, Центральном государственном архиве древних актов в Москве, Одесской государственной научной библиотеке, Псковском областном краеведческом музее, Ярославском областном архиве, научной библиотеке Харьковского государственного университета им. А. М. Горького и в некоторых других городах.

хранятся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки в Ленинграде: один из них — купчая на участок земли, датированная 1246 г., другой — межевая запись XIII в. на земельный участок. Имеются также памятники канонического права, чрезвычайно важные для изучения произведений древнего русского права — «кормчих», и рукописи, содержащие новеллы византийских императоров (так, в ЦГАДА хранится пергаменная рукопись X в., в состав которой входят новеллы византийских императоров Македонской династии).

Уникальный характер и большая научная ценность греческих средневековых рукописей, хранящихся в библиотеках и архивах СССР, ставят перед советскими учеными неотложные и важные задачи в деле научной обработки, описания, каталогизирования и публикации этих сокровищ. Центром всей научной работы, проводимой в Советском Союзе по изучению памятников древней письменности, является Археографическая комиссия при Отделении исторических наук Академии наук СССР, возглавляемая крупнейшим знатоком древнеславянской письменности академиком М. Н. Тихомировым. В 1960 г. в составе Археографической комиссии были созданы две новые секции — по средневековой греческой и латинской палеографии; их задачей является координация исследований в области изучения памятников византийской и западноевропейской средневековой письменности.

Принимая во внимание интенсивность русско-византийских связей XIV—XV вв., М. Н. Тихомиров считает несомненным существование в XVI в. библиотеки московских царей, содержавшей греческие, латинские и еврейские рукописи. Он полагает, что «сокровища царской библиотеки лежат еще в подземельях Кремля»²⁷³. В другой своей работе М. Н. Тихомиров показывает, что даже во второй половине XIII в., во времена «злой татарщины», продолжался процесс развития и восстановления культурных ценностей прошлого, который подспудно развернулся во всех русских землях спустя три-четыре десятилетия после «Батыевой рати» 1237—1240 гг.²⁷⁴ Уже в этот период, таким образом, подготовлялся будущий расцвет культуры Русского государства XIV—XV вв.

Большую работу по выявлению греческих рукописных фондов Советского Союза ведет Е. Э. Гранстрем. Ею опубликованы обзоры рукописных богатств библиотек Ленинграда²⁷⁵, Еревана²⁷⁶, Калинин, Иванова, Моск-

²⁷³ М. Н. Тихомиров. О библиотеке московских царей. «Новый мир» 1960, № 1, стр. 196—202.

²⁷⁴ М. Н. Тихомиров. Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига. «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 3, стр. 3—13.

²⁷⁵ Е. Э. Гранстрем. Греческие средневековые рукописи в Ленинграде. ВВ, VIII, 1956, стр. 192—207; е е же. Греческие рукописи Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Труды Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», 2(V), 1957, стр. 211—237; е е же. Греческие рукописи Академии наук СССР. Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II. XIX—XX вв. М.—Л., 1958, стр. 272—284. В статье дано описание 277 греческих рукописей, хранящихся в этой библиотеке, в их числе и хроника Михаила Глики. Ряд рукописей интересен с точки зрения палеографии, например евангелие 891 г., написанное писцом Василием (Собрание Русского археологического ин-та, № 74). Из лицевых рукописей наиболее примечателен пергаменный литургический свиток XII в. (Собрание Русского археологического ин-та, № 1). См. о нем: Б. В. Фармаковский. Византийский пергаменный рукописный свиток с миниатюрами. ИРАИК, VI, 1900—1901, стр. 1—108.

²⁷⁶ Е. Э. Гранстрем. Орывки славяно-русских пергаменных рукописей в собрании Матенадарана в Ереване. ТОДРЛ, XIV, 1958, стр. 619—628; е е же. Греческие рукописи в собраниях Советского Союза. ВВ, XII, 1956, стр. 285—291.

вы, Одессы, Пскова, Харькова, Ярославля, Тбилиси²⁷⁷. В этих обзорах дана краткая история и охарактеризован состав собраний греческих рукописей, выделены наиболее замечательные памятники. Е. Э. Гранстрем подготовила также сводный каталог греческих рукописей Ленинграда, первые выпуски которого напечатаны в «Византийском временнике»²⁷⁸. Этот каталог является частью общего сводного каталога греческих рукописей собраний Советского Союза. Е. Э. Гранстрем ведет большую работу и в области теории греческой палеографии (возникновение византийского минускула²⁷⁹, связь славянской и греческой письменности, происхождение глаголической азбуки).

Проблема происхождения глаголицы — одна из самых запутанных в истории славяно-русской письменности. В своей работе²⁸⁰, основанной на изучении источников и многообразной литературы, Е. Э. Гранстрем приходит к выводу, что хотя источником глаголицы и послужило средневековое греческое письмо, однако то был не византийский минускул, как полагали ранее некоторые исследователи: глаголица, по мнению Е. Э. Гранстрем, была изобретена Кириллом, а кириллица являлась исторически сложившимся письмом. Формы глаголических букв в большинстве своем заимствованы из специфических систем греческой письменности (тахиграфии, криптографии и т. д.), незнакомой даже рядовому грамотному византийцу. Эта искусственно составленная азбука никоим образом не могла соперничать с кириллицей, сложившейся на основе византийского унциального письма, которое постепенно проникало в славянские земли. Унциальные буквы можно было видеть на монетах, церковной утвари, на иконах, в многочисленных надписях. Ко времени создания глаголицы у славян уже вошел в употребление византийский устав, правда, еще «без устройства»: он и применялся в качестве «славянского письма», тогда как глаголица была непонятна и славянам, и греческому духовенству. Нежизненность глаголической азбуки объясняется, таким образом, нежизненностью и искусственностью ее источника.

В работах Е. Э. Гранстрем исследуются и другие специальные вопросы: о составе рукописей, их назначении, оформлении, различающемся в зависимости от содержания и целей рукописи, что позволяет выяснить требования, предъявлявшиеся разными слоями общества к труду писца. Исследуя типы письма (литургический унциал, различные разновидности минускула), Е. Э. Гранстрем ставит вопрос об отличии книги, переписанной писцом-профессионалом, от сборника, составленного владельцем его для своих нужд²⁸¹.

Многое сделано Е. Э. Гранстрем и по изучению и изданию отдельных рукописей. Ею опубликован, в частности, отрывок медицинского трактата известного византийского медика VI в. Аэция из Амиды²⁸²; отрывок принадлежит к числу светских произведений, которых сохранилось очень

²⁷⁷ Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи Гос. музея Грузии им. акад. Джанашиа. «Вестник Государственного музея Грузии», XX-V, 1959, стр. 191—194.

²⁷⁸ Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, 1. Рукописи IV—IX вв. ВВ, XVI, 1959, стр. 216—248.; 2. Рукописи X в. ВВ, XVIII, 1961, стр. 254—274; 3. Рукописи XI в. ВВ, XIX, 1961, стр. 194—239.

²⁷⁹ Е. Э. Гранстрем. К вопросу о византийском минускуле. ВВ, XIII, 1958, стр. 222—245.

²⁸⁰ Е. Э. Гранстрем. О происхождении глаголической азбуки. ТОДРЛ, XI, 1955, стр. 300—313.

²⁸¹ Е. Э. Гранстрем. О некоторых приемах оформления византийских рукописей. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, стр. 16.

²⁸² Е. Э. Гранстрем. Отрывок медицинского трактата Аэция из Амиды. ВВ, IX, 1956, стр. 159—169.

мало от византийского периода (рукопись обнаружена в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Палеографические данные позволяют датировать рукопись рубежом X—XI вв.; она написана беглым минускулом курсивного характера, предназначена для ученых занятий и поэтому почти лишена украшений. По мнению Е. Э. Гранстрем, этот отрывок из трактата Аэция был записан на слух, по объяснениям преподавателя в аудитории, писцом же являлось лицо, изучавшее медицину и уже достаточно сведущее в медицинской терминологии, которая употребляется в рукописи почти без ошибок.

Вслед за академиком М. Н. Тихомировым и другими советскими учеными Е. Э. Гранстрем выступила с предложением о создании сводного печатного каталога не только греческих, но и славянских рукописей²⁸³.

Краткая характеристика литературного наследства Исидора Пелусиота, в связи с использованием трудов этого автора в Изборнике Святослава 1073 года, дана в статье В. В. Данилова. По мнению автора, Исидору Пелусиоту принадлежат не все приписываемые ему письма; некоторые из них представляют собой продукт коллективной мысли; все они отличаются высокой культурой языка и сохранением древнегреческих литературно-философских традиций, чем и объясняется их широкое использование на Руси²⁸⁴.

Краткий обзор рукописных и книжных богатств Государственного исторического музея дан в книге М. В. Щепкиной и Т. Н. Протасьевой «Сокровища древней письменности и старой печати». Описание составлено по отдельным собраниям, хранящимся в Историческом музее, фонды которого наряду с русскими и славянскими рукописями включают и греческие рукописи бывшей Синодальной (патриаршей) библиотеки, переданной музею в 1920 г. В книге содержится краткая история составления этого собрания и дается описание наиболее замечательных рукописей; авторы предполагают, что греческие рукописи, привезенные с Афона Арсением Сухановым, предназначались не столько для исправления богослужебных книг (как думали ранее), сколько для нужд греко-латинской академии, которая открылась в Москве в 1654 г.²⁸⁵

Среди рукописей, хранящихся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина, особое место занимает рукописное собрание А. С. Норова. Описание этого собрания, состоящего из рукописных книг, коллекции автографов и архивных материалов, сделано И. М. Кудрявцевым²⁸⁶. По мнению автора, наиболее ценной частью собрания являются рукописные книги на греческом языке, всего 14 рукописей, из них 7 — на пергамене, а 7 — на бумаге. Три пергаменные византийские рукописи относятся к X в. Значительный научный интерес имеет хронограф 1607 г.

В собрании греческих рукописей, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов СССР, внимание палеографа привлекает византийское пергаменное евангелие XI в.²⁸⁷

Греческие рукописи, хранящиеся в областных музеях и архивах,

²⁸³ Е. Э. Гранстрем. О подготовке сводного каталога славянских рукописей. Л., 1958, стр. 30. В приложении к этой работе приведена библиография некоторых собраний славянских рукописей и список славянских рукописей XI—начала XII в.

²⁸⁴ В. В. Данилов. Письма Исидора Пелусиота в Изборнике Святослава 1073 г. ТОДРЛ, XI, 1955, стр. 335—341.

²⁸⁵ М. В. Щепкина и Т. Н. Протасьева. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958, стр. 85.

²⁸⁶ И. М. Кудрявцев. Рукописное собрание А. С. Норова. «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина», 18, 1956, стр. 48—64.

²⁸⁷ Г. А. Дремина и А. В. Чернов. Из истории Центрального государственного архива древних актов СССР. М., 1960, стр. 16.

описаны (наряду со славяно-русскими рукописями) В. И. Малышевым²⁸⁸, О. П. Бугаевой²⁸⁹, И. Ф. Голубевым²⁹⁰, Л. А. Дмитриевым²⁹¹.

Большая работа по изучению и публикации древних рукописей ведется в республиках Закавказья. Особенно плодотворны исследования армянских ученых, работающих в Матенадаране. Его древнеармянские рукописи важны для изучения византийской культуры, так как произведения некоторых греческих и византийских авторов сохранились только в армянском переводе. В числе других к ним относятся: сочинение Филона Александрийского (I в.), Иринея (II в.), речи Севериана (IV в.), труды Тимофея Элуря (V в.), «Хроника Евсевия Кесарийского» (IV в.)²⁹². О древних и средневековых армянских рукописях, хранящихся в Матенадаране и являющихся уникалами мировой литературы, рассказывается в книге А. Г. Абрамяна²⁹³. В ней приводятся краткая история Матенадарана, начиная с V в. до наших дней, а также общие сведения о «гречах» (переписчиках рукописей) и рукописных школах. В отдельных главах описаны ценнейшие рукописи Матенадарана по определенным отраслям науки — истории, праву, литературе, географии, медицине, точным наукам и т. д. Внимание византиниста привлекают прежде всего рукописи исторического содержания («История» Агафангела, «История Армении» Фавста Бузанда, которой, по мнению А. Г. Абрамяна, пользовался Прокопий Кесарийский, сочинения Мовсеса Хоренаци, Себеоса, Асакхика и других авторов, сообщающих сведения и по истории Византии), а из юридических памятников — «Сироромейский судебник», «Византийский судебник», носящий в армянском переводе заглавие: «Краткий сборник гражданских законов мудрых царей Константина и Левона, которые обновил, указал их порядок великий Юстиниан» (?), армянский перевод Антиохийских ассиз и др. Очень важны также сочинения Анания Ширакаци. В заключительной главе книги характеризуются методы хранения и изучения первоисточников Матенадарана.

Краткое описание замечательных рукописных сокровищ Матенадарана содержится также в статье А. Аршаруни²⁹⁴.

Е. Э. Гранстрем, специально занимаясь греческими рукописями Матенадарана, составила описание фрагментов славянских и греческих рукописей этого хранилища; в большинстве своем это — защитные листы, вклеенные в армянские рукописи для предохранения текста от соприкосновения с переплетом. Наибольший научный интерес представляют древнейший текст жития Саввы Освященного (XII в.), евангельские

²⁸⁸ В. И. М а л ы ш е в. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея. ТОДРЛ, XI, 1955, стр. 471—479. Давая описание славяно-русских рукописей, автор вместе с тем указывает, что в музее хранится греческий сборник поучений и похвальных слов Иоанна Златоуста IX—X вв. (№ 342), имеющий несомненное палеографическое значение.

²⁸⁹ О. П. Б у г а е в а. Рукописи Смоленского областного краеведческого музея. ТОДРЛ, XV, 1958, стр. 424—431. В статье дано описание 70 славяно-русских рукописных книг XVI—XIX вв. и одной древней греческой рукописи, которая предположительно отнесена автором статьи к VII в.

²⁹⁰ И. Ф. Г о л у б е в. Рукописные и старопечатные книги в краеведческих музеях городов Калаязина и Кашина Калининской области. ТОДРЛ, XVI, 1960, стр. 570—572. Среди рукописей Калаязинского краеведческого музея имеется русский перевод Слов Григория Богослова (вторая половина XV в.).

²⁹¹ Л. А. Д м и т р и е в. Собрание рукописей научной библиотеки Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. ТОДРЛ, XVI, 1960, стр. 554—560.

²⁹² М. Х. И ш т х а н я н. Матенадаран — сокровищница мировой культуры. «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 6, стр. 107—127.

²⁹³ А. Г. А б р а м я н. Рукописные сокровища Матенадарана. Ереван, 1959. стр. 106.

²⁹⁴ А. А р ш а р у н и. Матенадаран — национальная сокровищница Армении. «Современный Восток», 1959, № 7, стр. 36 и сл.

чтения (XIV в.), отрывок Апостола, содержащий второе послание к Тимофею (XIV в.), октоих (ирмологий) (XIV в.), отрывки евангелия от Луки (XV в.)²⁹⁵.

Ценные дополнения к общему описанию уникального собрания рукописей Армянской ССР содержатся в статье Л. С. Хачикяна и К. Н. Юзбашяна о новых поступлениях Матенадарана²⁹⁶. Б. Т. Горянов дал описание одной из греческих рукописей Матенадарана (хронографа, переписанного, очевидно, в XVI в.), интересной, в частности, для изучения истории греческого языка²⁹⁷.

Немалую научную значимость имеет также и собрание средневековых греческих рукописей Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа. Для истории греческой палеографии наиболее ценны два евангелия IX в.; остальные рукописи — более позднего происхождения (преимущественно богослужебные сборники и номоканоны). Одна рукопись является отрывком из лечебника (на новогреческом языке)²⁹⁸.

В 1958 г. в Грузинской ССР создан специальный Институт рукописей, являющийся республиканским центром научных исследований памятников древней письменности. Исследования в области палеографии ведутся также и в Азербайджанской ССР.

В 1960 г. по инициативе Археографической комиссии Академии наук СССР в Матенадаране была проведена научная сессия по вопросам палеографии.

С научными докладами выступили ученые Москвы, Ленинграда, Еревана, Тбилиси, Баку и других городов Советского Союза. Большинство докладов было посвящено изучению древних рукописей — славянских, греческих, латинских, арабских, армянских, грузинских, персидских, турецких, хранящихся в собраниях Советского Союза. Сессия в Матенадаране сыграла большую роль в дальнейшем развитии и координации научных исследований рукописных сокровищ СССР²⁹⁹.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что за последние годы намечился определенный прогресс в области палеографических исследований. Однако задачи, стоящие перед советскими палеографами, чрезвычайно сложны и велики, и сделать предстоит еще очень многое. Эти задачи намечены в статье академика М. Н. Тихомирова, опубликованной в «Вопросах истории» (1961, № 4).

Видное место среди рукописных сокровищ Советского Союза занимают сирийские рукописи. Составленный Н. В. Пигулевской каталог сирийских рукописей, находящихся в хранилищах Ленинграда, имеет большое значение для советского византиноведения³⁰⁰. Здесь дано описание свыше 80 рукописей (часть их ранее не была описана), в большинстве своем — религиозного содержания; имеются, однако, и рукописи светского характера. Значительный интерес представляют рукописи, в которых упоминаются названия областей, городов, сел, содержатся календарные записи,

²⁹⁵ Е. Э. Гранстрем. Отрывки славяно-русских пергаменных рукописей в собрании Матенадарана в Ереване. ТОДРЛ, XIV, 1958, стр. 619—623.

²⁹⁶ Л. С. Хачикян, К. Н. Юзбашян. Новые поступления государственного Матенадарана. ВП, 1957, № 4, стр. 189—190. В статье содержится не только описание новых поступлений, но и сообщения о большой работе по описанию, хранению, реставрации и изданию рукописей, ведущейся в Матенадаране.

²⁹⁷ Б. Т. Горянов. Греческая рукопись № 25 фонда иноязычных памятников Матенадарана. ВВ, XVII, 1960, стр. 354—356.

²⁹⁸ Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи Гос. музея Грузии им. акад. Джанашиа. «Вестник Гос. музея Грузии», XX-V, 1959, стр. 191—194.

²⁹⁹ См. В. Б. Павлов-Сильванский. «Археографический» ежегодник за 1960 г., М., 1961.

³⁰⁰ Н. В. Пигулевская. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. ПС, 6, 1960, 230 стр.

а также — астрономические, медицинские и другие научные рукописи. Весьма интересны учебные пособия, сборники амулетов и заклинаний. Ряд рукописей являются палимпсестами. Автор каталога уточняет датировку и происхождение некоторых, а также детально анализирует текст рукописей. В отдельных приложениях к каталогу специально исследуются филигранные сирийские рукописи (к исследованию приложен перечень рукописей с указанием филигранных). Каталог Н. В. Пигулевской является первым, дающим столь подробное описание сирийских рукописей Ленинграда, что позволяет не только ознакомиться с ними, но и привлечь их для научных исследований. Особое внимание Н. В. Пигулевской привлечен сирийский сборник агиологических памятников и легенд, датированный VI в. Материалы этого сборника представляют важный источник для истории ранневизантийской церкви и церковной идеологии VI в.³⁰¹

ГРЕЧЕСКАЯ ЭПИГРАФИКА И СФРАГИСТИКА

Новые памятники греческой эпиграфики, обнаруженные за последние годы, главным образом на юге СССР — в Крыму, на южном побережье Черного моря и в Закавказье, сравнительно немногочисленны. В 1958 г. Е. Ч. Скрижинская опубликовала неизвестные ранее памятники средневекового Крыма — одну греческую и три латинские надгробные надписи XIV—XV вв.³⁰² В работе Е. Ч. Скрижинской дается подробный палеографический анализ и реконструкция всех четырех надгробных плит: одного надгробия из Алушты с греческой надписью, и трех — из Судака с латинскими надписями 1378, 1451 и 1469 гг. На основании палеографического анализа автор приходит к выводу, что алуштинское надгробие относится либо к самым последним годам XIII в., либо к началу XIV в. По мнению автора, и само надгробие, являющееся одним из многочисленных и типовых захоронений XIII—XIV вв., и греческие надписи на плитах свидетельствуют о распространении греческого языка среди части населения Крыма изучаемой эпохи.

Изучением эпиграфических памятников Грузии занимался в последние годы С. Г. Каухчишвили. Предметом его исследований послужили три греческие надписи, найденные в Грузии в начале 50-х годов. В 1955 г. С. Г. Каухчишвили опубликовал греческую заклинательную надпись, нанесенную на талисман, найденный в Цилкани и представляющий собой аметистовую гемму. По своему содержанию надпись христианская и на основании палеографических данных датируется автором III—IV вв.³⁰³ Анализируя греческую надпись мозаики знаменитого храма в Пицунде (Бичвинте, византийском Питиунте), С. Г. Каухчишвили пришел к выводу, что эта надпись является ктиторовской и должна быть отнесена не к IV в., как полагал Л. А. Мацулевич³⁰⁴, а к V—VII вв.³⁰⁵ Третьей надписью, изученной С. Г. Каухчишвили, была греческая надпись на светильнике,

³⁰¹ Н. В. Пигулевская. Сирийский сборник агиологических памятников и легенд. «Труды Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», II (V), 1957, стр. 17—20.

³⁰² Е. Ч. Скрижинская. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма. Сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 155—175.

³⁰³ С. Г. Каухчишвили. Греческая надпись найденной в Цилкани геммы. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», I. Тбилиси, 1955, стр. 211—218 (на груз. языке с кратким русским резюме).

³⁰⁴ Л. А. Мацулевич. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте. ВДИ, 1956, № 4, стр. 148 сл.

³⁰⁵ С. Каухчишвили. Эпиграфические новости из Грузии. ВДИ, 1958, № 4, стр. 129—133.

найденном в Сухуми. На основании палеографического исследования автор датирует эту надпись I—IV вв. н. э.³⁰⁶

Отдельные сведения о памятниках греко-славянской эпиграфики на Северном Кавказе содержатся в статье Е. Г. Пчелиной³⁰⁷.

Если по греческой палеографии и эпиграфике за последние годы, как мы видели, было кое-что сделано, то исследования по византийской сфрагистике пока еще крайне немногочисленны, и одной из задач советских ученых является развитие этой сугубо специальной отрасли знания.

Можно лишь упомянуть публикацию Н. Г. Порфиридовым одного из древнейших памятников печатей новгородских епископов — печати Нифонта (1129—1156) с греческой надписью. Автор склоняется к тому, чтобы считать епископа Нифонта греком³⁰⁸.

ВИЗАНТИЙСКОЕ ИСКУССТВО

Одной из основных проблем, исследуемых советскими историками византийского искусства, по-прежнему оставалась проблема взаимоотношения искусства Древней Руси и Византии. Из работ последних лет, посвященных этой проблеме, следует прежде всего отметить цикл исследований В. Н. Лазарева — «Этюды о Феофане Греке»³⁰⁹. В этих трех «Этюдах» дана блестящая характеристика личности и творчества великого художника конца XIV — начала XV в. «Этюды» разработаны автором на широком историческом фоне; в них показано состояние современного Феофану русского искусства, а также выявлены тенденции его дальнейшего развития.

В двух первых «Этюдах» автором были изучены биография Феофана Грека, произведенная им роспись церкви Спаса Преображения в Новгороде и его деятельность в Москве. В третьем «Этюде» В. Н. Лазарев подверг анализу еще одно произведение художника — иконостас Благовещенского собора в Москве, выяснил значение творчества Феофана для московской школы живописи и определил его место в истории русского искусства. Автор отмечает две характерные черты исполнения благовещенских икон: с одной стороны — перенесение в иконопись приемов монументальной живописи, с другой, что является новым для творчества Феофана и чему он был обязан русским мастерам, — умение силуэтировать фигуры, более мягкий и плавный ритм линий. В работе дается развернутая картина художественной жизни Москвы конца XIV — начала XV в., ее связей с византийской и южнославянской культурой. В. Н. Лазарев приходит к заключению, что прямым учителем Андрея Рублева был не Феофан, а, по всей вероятности, старец Прохор с Городца, и что хотя Рублев использовал великий опыт Византии и уроки одного из ее наиболее выдающихся мастеров — Феофана Грека, однако это ни в коей мере не помешало ему стать на путь вполне самостоятельного творчества. То сильно византизирующее течение, которое было характерно для московской школы живописи конца XIV — начала XV в. и которое в немалой степени связано с деятельностью Феофана Грека, не имело на русской почве будущего и очень скоро растворилось в широком потоке русского искусства.

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ Е. Г. Пчелина. Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе. «Археографический ежегодник за 1959 г.», М., 1960, стр. 298—302.

³⁰⁸ Н. Г. Порфиридов. Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати владык Великого Новгорода. «Новгородский исторический сборник», 9, 1959, стр. 81—91; см. его же. Именные владычные печати Новгорода. СА, 1958, № 3, стр. 222 сл. Там воспроизведен и экземпляр печати из Новгородского музея.

³⁰⁹ В. Н. Лазарев. Этюды о Феофане Греке. ВВ, VII, 1953, стр. 244—258; VIII, 1956, стр. 143—165; IX, 1956, стр. 193—210.

В творениях Феофана Грека отразились, как показывает автор, противоречия его века, века кризиса средневекового мировоззрения. Хотя искусство Феофана не ломает традиционных церковных рамок, любое его произведение все же содержит в себе здоровое и крепкое реалистическое ядро. Феофан Грек органически усвоил наиболее передовые идеи живописи Новгорода и Москвы. И поскольку он занес на Русь те свободные живописные традиции, которые сложились в начале XIV в. на константинопольской почве, когда неозаллинистическое течение находилось в полном расцвете, постольку искусство Феофана породило на Руси широчайший отклик.

Исследование М. А. Ильина посвящено вопросу о художественных взаимоотношениях Феофана Грека и Рублева³¹⁰. Автор рассматривает здесь, в частности, вопрос о характере художественных взаимоотношений между руководителями артелей иконописцев и остальными членами этих артелей.

Большое место в трудах советских искусствоведов занимало в последние годы изучение замечательных памятников искусства нашей страны (таких, например, как София Киевская). В связи с их обследованием был поставлен вопрос о степени влияния византийского искусства на искусство Древней Руси. Немалое значение для его решения имеет книга М. К. Каргера о древнем Киеве³¹¹. Ценным вкладом в выяснение проблемы взаимоотношения византийского и древнерусского искусства является работа В. Н. Лазарева «Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской»³¹², представляющая собой результат внимательнейшего обследования автором всей живописной поверхности росписи этого крупнейшего для XI в. монументального ансамбля. Изучение первоначальной росписи храма позволило автору не только уточнить дату возникновения мозаики основной группы фресок, но и восстановить первоначальный состав росписи как в центральной части храма, так и на хорах. Ряд новых данных сделал возможным также реконструировать дошедший до нас лишь частично групповой портрет семьи Ярослава, украшавший в свое время западную стену центрального корабля. Исследование В. Н. Лазарева в значительной мере помогло успешно распутать целый клубок проблем и загадок из истории Киевской Руси времени Ярослава, а равно и относящихся непосредственно к росписи Софии Киевской, над решением которых трудилось несколько поколений русских ученых. Выводы автора сводятся к следующему. Все мозаики и роспись центрального креста были закончены к 1046 г. Работы над росписями хоров и особенно приделов могли затянуться до начала 60-х годов. Христологический цикл Софии Киевской состоял из шестнадцати сцен, в подборе которых составители программы росписи поступили весьма самостоятельно, взяв из традиционного фонда евангельских сюжетов те, которые представляли особую актуальность для Киевской Руси, еще недавно только принявшей христианство. Комплекс фресок на хорах Софии Киевской — в северном и южном крыльях — представляет собою осуществление весьма своеобразного идейного замысла.

³¹⁰ М. А. И л ь и н. Изображение иерусалимского храма на иконе «Вход в Иерусалим» Благовещенского собора (К вопросу о художественных взаимоотношениях Феофана Грека и Андрея Рублева). ВВ, XVII, 1960, стр. 105—113; ср. е г о ж е. Из истории московской архитектуры времени Андрея Рублева. ВИ, 1960, № 12, стр. 89—98. Из последних статей, посвященных Андрею Рублеву, назовем: Н. Н. В о р о н и н. Андрей Рублев и его время. «История СССР», 1960, № 4, стр. 53—65; М. Н. Т и х о м и р о в. Андрей Рублев и его эпоха. ВИ, 1961, № 1, стр. 3—17; М. В. А л п а т о в. Андрей Рублев. М., 1959, 37 стр.

³¹¹ М. К. К а р г е р. Древний Киев, т. II. М. — Л., 1961, стр. 98—206.

³¹² В. Н. Л а з а р е в. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. ВВ, X, 1956, стр. 161—177; XV, 1959, стр. 148—169.

Весь цикл фресок на хорах имел прямое отношение к тому священнодействию, которое совершалось здесь для великого князя и его приближенных. Групповой портрет семейства Ярослава состоял из тринадцати фигур. Ярослав был изображен подносящим модель храма Христу, а не византийскому императору, как считали некоторые ученые.

Таким образом, благодаря правильной реконструкции группового портрета семьи Ярослава отпало ошибочное мнение о том, что первоначальный вид этого портрета якобы являлся доказательством вассальной зависимости Киевской Руси от Византии (А. А. Васильев, А. Н. Грабар, Л. Брейе и др.). Групповой портрет семьи Ярослава, как показал В. Н. Лазарев, свидетельствует о силе и независимости киевского князя, приказавшего изобразить себя и свою супругу в коронах и роскошных великокняжеских облачениях, сходных с царскими. Все это в свою очередь говорит о силе и независимости Киевского государства, одной из могущественных держав Европы XI в.

Поставленный В. Н. Лазаревым еще в «Истории византийской живописи» вопрос о формах и методах сотрудничества византийских и местных мастеров получил углубленное развитие в его дальнейших исследованиях. В статье, опубликованной в датском журнале «Classica et mediaevalia», он рассматривает вопросы творческого сотрудничества древнерусских и византийских художников³¹³. Весьма важна по своим выводам статья В. Н. Лазарева, посвященная сопоставлению константинопольской и национальных (сицилийской, венецианской, древнерусской) школ живописи. Автор устанавливает, что примерно до первой половины XII в. греческие мастера играли руководящую роль в национальных школах, однако уже в этот период работавшие под руководством византийцев местные мастера приносили свои национальные особенности в декоративное убранство памятников, а со временем самобытные черты местных школ проявляются все более ярко и отчетливо³¹⁴.

В. Н. Лазаревым опубликована замечательная житийная икона богоматери, которую он приписывает флорентийской школе 70-х годов XIII в. В связи с публикацией этой иконы автор поднимает вопрос о путях проникновения византийских влияний в флорентийскую живопись³¹⁵.

Исследование так называемой Ковалевской росписи, разрушенной во время Великой Отечественной войны, позволило В. Н. Лазареву проследить связи древнерусского искусства с искусством южных славян³¹⁶.

Большой интерес представляет книга В. Н. Лазарева, посвященная фрескам Старой Ладogi³¹⁷. Здесь впервые опубликован большой ансамбль выдающегося произведения древнерусской монументальной живописи — фрески церкви св. Георгия в Старой Ладогe. Эти фрески являются наиболее грекофильскими: они среди новгородских росписей второй половины XII в. свидетельствуют о сильном влиянии Византии не только на станковую, но и на монументальную живопись Новгорода. Автор датирует ансамбль примерно 1167 г. и в связи с этим критически пересматривает

³¹³ V. L a z a r e v. La méthode de collaboration des maîtres byzantines et russes. «Classica et mediaevalia», XVII, 1956, p. 75—90.

³¹⁴ В. Н. Л а з а р е в. Константинополь и национальные школы в свете новых исследований. ВВ, XVII, 1960, стр. 98—104.

³¹⁵ В. Н. Л а з а р е в. Неизвестный памятник флорентийской живописи дученто и некоторые общие вопросы истории итальянского искусства XIII в. «Ежегодник Ин-та истории искусств АН СССР», 1956. М., 1957, стр. 383—459.

³¹⁶ В. Н. Л а з а р е в. Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в ручной живописи. «Ежегодник Ин-та истории искусств АН СССР», 1957. М., 1958, стр. 233—278.

³¹⁷ В. Н. Л а з а р е в. Фрески Старой Ладogi. М., 1960, 215 стр.

вопрос о времени выполнения целого ряда византийских росписей, относимых ко второй половине XII в.

Следует отметить работу Н. П. Сычева, посвященную росписи Дмитриевского собора во Владимире. Автор усматривает в этой росписи значительное сходство с фресками из Фессалоники, что, по его мнению, свидетельствует о влиянии живописи этого византийского города на древнерусскую живопись³¹⁸.

Для изучения живописи Софии Киевской и техники производства мозаик большое значение имеют многолетние исследования В. И. Левицкой. Она рассматривает вопросы, которые раньше не привлекали внимания ученых и которые имеют существенное значение не только для изучения Софии Киевской, но и для решения некоторых проблем общей истории искусства Древней Руси. Основываясь на данных реставрационных работ, проводившихся в Софии Киевской в 1953—1954 гг., используя различные методы подсчета площадей мозаичных композиций, привлекая литературные источники, производя, наконец, в необходимых случаях экспериментальные исследования, автор устанавливает общий объем мозаичных работ в Софии Киевской, количество занятых мозаичистов, выясняет общие условия и продолжительность их работы. Исследование, проведенное В. И. Левицкой, привело ее к следующим любопытным выводам: площадь мозаичного набора Софии Киевской первоначально составляла свыше 600 кв. м, всего было уложено 9 млн. кубиков в течение 120 человеко-месяцев, причем работа велась в три сезона (по шести месяцев, начиная с мая), из которых в первых двух работало по восьми мастеров, а в третьем — четыре³¹⁹.

Достижением советских искусствоведов-византинистов за последние годы следует признать усиленное изучение и всестороннее освещение ими памятников византийского искусства, хранящихся в музеях СССР, особенно в Государственном Эрмитаже в Ленинграде. В этом отношении большой научный интерес имеет работа А. В. Банк «Искусство Византии в собрании Государственного Эрмитажа» (М., 1960)³²⁰. До настоящего времени памятники византийского искусства, хранящиеся в Эрмитаже, были известны специалистам по отдельным публикациям, разбросанным в специальных органах или сводах. Задачей работы А. В. Банк является объединение в одном издании наиболее выдающихся памятников различных жанров прикладного искусства и живописи. Впервые многие из них представлены как в общем виде, так и в деталях, что позволяет пользоваться репродукциями для исследовательских целей и одновременно дает широкой публике представление о высоком уровне художественного творчества византийских мастеров. Данное издание является первым этапом на пути к подготовке научного каталога византийского собрания Эрмитажа.

Кроме того, А. В. Банк опубликовала и всесторонне исследовала несколько памятников византийского искусства, хранящихся в Эрмитаже.

³¹⁸ Н. П. Сычев. К истории росписи Дмитриевского собора во Владимире. «Памятники культуры. Исследование и реставрация». М., 1959, стр. 143—177.

³¹⁹ В. И. Левицкая. О некоторых вопросах производства набора мозаик Софии Киевской. ВВ, XV, 1959, стр. 170—184.

³²⁰ О собрании произведений византийского искусства в Эрмитаже см. А. В. Банк. Выставка византийских материалов в Государственном Эрмитаже. ВВ, XI, 1956, стр. 340—348; е е же. Выставки памятников культуры и искусства Византии и стран Ближнего и Среднего Востока. «Сообщения Государственного Эрмитажа», XI, 1957, стр. 16—19; «Государственный Эрмитаж. Культура и искусство Византии IV—XV вв., Ближнего и Среднего Востока III—XVIII вв.». М., 1957, 66 стр.; см. также путеводитель по выставке «Культура и искусство Византии» (автор — А. В. Банк), состоящий из двух частей: «Культура и искусство Византии IV—VII вв.» (стр. 5—14) и «Культура и искусство Византии XI—XV вв.» (стр. 14—21).

Особое внимание привлекают византийские серебряные изделия XI—XII вв., в том числе серебряные реликварий и ставроотека. На основании сопоставления эрмитажного реликвария с подобными же памятниками — реликварием из сокровищницы Сан-Джованни в Латеранском соборе, лимбургской ставроотеккой X в., так называемым энколпием Константина, небольшим серебряным складнем из Шемокмеди и др., автор приходит к выводу, что реликварий из Эрмитажа и латеранский реликварий являются изделиями, происходящими из одного художественного центра, а возможно, из одной мастерской, и были изготовлены в Константинополе. Время изготовления реликвария автор относит ко второй половине XI в.³²¹ Сопоставляя эрмитажную серебряную ставроотеку с аналогичными памятниками, А. В. Банк датирует первую концом XI, быть может, началом XII в.; изготовлена она была, по мнению автора, не одним, а по меньшей мере двумя мастерами и является памятником константинопольского происхождения³²².

А. В. Банк была также сделана предварительная публикация нового поступления в Эрмитаж: крышки серебряного сосуда из Ненецкого округа с изображениями музыкантов, танцоров, акробатов, а также животных и птиц; техника и стиль исполнения говорят о сочетании элементов, характерных для прикладного искусства XII в. главным образом Восточной Европы, в том числе — Руси. Не исключена возможность изготовления крышки в византийском провинциальном центре³²³.

Государственный Эрмитаж располагает ценным собранием византийских камней, пять из которых недавно были опубликованы А. В. Банком. Путем сравнения с другими камнями, с изображениями на монетах, а также исходя из иконографических и стилистических данных, исследовательница датирует эти камни X—XI вв.³²⁴

А. В. Банк, кроме того, опубликовала гребень слоновой кости из недавних раскопок в Саркеле (Белая Вежа) с сюжетными изображениями (на одной стороне — павлин в фас, на другой — Самсон или Давид, разрывающий пасть льву). Автор датирует гребень XI в. и предполагает, что он был изготовлен византийским мастером, скорее всего, в восточных областях империи³²⁵.

За последнее пятилетие продолжалось изучение вновь открытых или уже известных науке, но недостаточно исследованных памятников византийского искусства, найденных в Херсонесе. Так, А. В. Банк в свете новых данных пересмотрела некоторые старые находки из Херсонеса. В этой работе исследовательница дала описание двух костяных пластинок, найденных в 1903 г. в Херсонесе. На одной из них изображена лань, на другой — орел; последняя имеет поразительно близкую аналогию в пластинке с изображением орла, найденной во время раскопок на ипподроме в Константинополе в 1928 г. (в слое, относящемся к XII в.). Сходство между херсонесской и константинопольской костяными пластинками представляется настолько близким, что А. В. Банк выдвигает предположение, что они были изготовлены если не одним мастером, то в одной и той же мастерской и относятся к XI—XII вв. На основании исследования этих

³²¹ А. В. Банк. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа. ВВ, XIII, 1958, стр. 211—221.

³²² А. В. Банк. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа. ВВ, XIV, 1958, стр. 234—242.

³²³ А. В. Банк. Крышка серебряного сосуда из Ненецкого округа. «Сообщения Государственного Эрмитажа», XV, 1959, стр. 49—52.

³²⁴ А. В. Банк. Несколько византийских камней из собрания Государственного Эрмитажа. ВВ, XVI, 1959, стр. 206—215.

³²⁵ А. В. Банк. Гребень из Саркела — Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 333—339.

трех пластинок автор приходит к выводу, что в XI—XII вв. существовали тесные взаимоотношения между Херсонесом и Константинополем, что резные пластинки с изображением орла и животного привозились из Константинополя в Херсонес. Эти пластинки являлись произведениями народного искусства византийского средневековья.

В той же работе А. В. Банк публикует две бронзовые чаши из Херсонеса и Киева. Сходство этих чаш указывает на общий источник, а быть может, и единый центр производства обоих предметов. Херсонесская чаша по своей форме (миска) и характеру декорации, в частности надписи, отнесена автором к концу XIII или началу XIV в. Киевская чаша представляется своего рода копией херсонесской, однако техника исполнения киевского сосуда более грубая. Киевская чаша, по-видимому, была изготовлена несколько позднее, но в пределах того же XIV в. Таким образом, эти два родственных предмета проливают новый свет на взаимоотношения Руси и Херсонеса в XIII—XIV вв.³²⁶

Следует отметить статью А. В. Банк, посвященную рельефу с изображением Георгия из собрания Эрмитажа³²⁷. Особенности иконографии и художественных приемов в изображении Георгия позволяют автору поставить вопрос о воздействии Запада на этот памятник византийской скульптуры.

А. В. Банк опубликован также выдающийся памятник византийского искусства первой половины XIV в. — мозаичная икона из бывшего собрания Н. П. Лихачева³²⁸.

Исследование О. А. Белобровой, посвященное истории отображения статуи Юстиниана в русской иконографии, важно для изучения связей между византийским и древнерусским искусством³²⁹. Автор полагает, что подобные отображения в русской иконографии не случайны — они были тесно связаны с утверждением на Руси православия, ростом могущества церкви и укреплением идеи самодержавия, т. е. имели конкретный политический смысл.

Из новых открытий византийских памятников искусства в Херсонесе выделяется шиферная икона, найденная в 1956 г. и опубликованная впервые Г. Д. Беловым. Ее обнаружили при раскопках дома XIII—XIV вв., причем была установлена ее тождественность с другими иконами византийского происхождения. На этом основании Г. Д. Белов считает найденный памятник произведением византийского мастера и датирует его (по аналогии с остальными) XII в. На принадлежность произведения XII в. указывают и иконографические особенности изображенных здесь святых: Феодора Стратилата, Георгия и Дмитрия. Публикуемая икона является произведением зрелого мастерства; об этом красноречиво говорят и техническое совершенство ее исполнения, и высокая художественность изображений, и искусная композиция.

Большая серия икон византийского происхождения, найденных в Херсонесе, свидетельствует о том, что культурные и торговые связи Херсонеса с Византией в XII в. были еще достаточно оживленными³³⁰.

³²⁶ А. В. Банк. Старые находки из Херсонеса в свете некоторых новых данных. ВВ, IX, 1956, стр. 186—192.

³²⁷ А. В. Банк. Рельеф с изображением Георгия из собрания Эрмитажа. «Исследования по истории культуры народов Востока». Сб. в честь академика И. А. Орбели. М.—Л., 1960, стр. 20—28.

³²⁸ А. В. Банк. Мозаичная икона из б. собрания Н. П. Лихачева. «Из истории русского и западноевропейского искусства». М., 1960, стр. 185—198.

³²⁹ О. А. Белоброва. Статуя византийского императора Юстиниана в древнерусских письменных источниках и иконографии. ВВ, XVII, 1960, стр. 114—123.

³³⁰ Г. Д. Белов. Шиферная икона из Херсонеса. СА, 1960, № 2, стр. 257—263.

Многие годы исследованиями в области византийского искусства занимался крупнейший советский искусствовед покойный Л. А. Мацулевич. В 1959 г. была опубликована его работа, касающаяся изучения византийских войсковых знаков. Предметом исследования Л. А. Мацулевича послужила серебряная статуэтка орла, обвитого змеей, найденная в Нескребовском городище близ Днепростоя в 1930 г. Она входила в состав комплекса предметов, которые автор определил как снаряжение воинского отряда на рубеже VII—VIII вв. Сама фигурка, судя по клеймам и стилистическим данным, была изготовлена на рубеже IV—V вв. в районе Подунавья и служила воинским знаменем. В VII или на рубеже VII—VIII вв. она была использована вторично: в это время была вырезана монограмма Петра³³¹.

Л. А. Мацулевич принимал деятельное участие в изучении материалов раскопок древнего Питиунта (совр. Пицунда в Грузии). Им, в частности, исследованы остатки древних мозаичных полов в питиунтской базилике, которые он датирует IV и V вв.³³² На сессии по проблемам византиноведения в Ленинграде в ноябре 1958 г. Л. А. Мацулевич прочитал доклад «Мозаики Бир аль-Кута и Пицунды». Анализируя результаты последних раскопок, он датировал мозаики обоих памятников V веком и пришел к выводу о наличии художественных связей Грузии со Средиземноморьем в IV—V вв.³³³

Советские историки византийской архитектуры одной из своих важнейших задач ставили изучение исторических связей византийской архитектуры и архитектуры славянских народов. Проблема взаимоотношения архитектуры восточных и южных славян и Византии ставится в работе Р. А. Кацнельсон³³⁴. В центре внимания автора находится вопрос об архитектурном типе храма с трехлопастным завершением фасадов, распространенном у восточных и южных славян XII—XIV вв. Автор исходит из положения, что в основу каменного культового зодчества в Древнерусском государстве был положен византийский крестовокупольный тип храма. Однако русские зодчие, в соответствии с местными художественными вкусами и потребностями, а также архитектурными традициями деревянного зодчества, создали новый художественный облик храма, видоизменив его план и конструктивную систему. Для русского храма рассматриваемого периода характерно трехлопастное завершение фасадов, которому соответствует специфическое сочетание сводов. Процесс переработки византийских архитектурных форм происходил и в архитектуре южных славян — в Болгарии, Сербии, Далмации, где он имел свои особенности. Деревянные постройки оказывали на развитие каменной архитектуры у южных славян меньшее влияние, чем на русскую каменную архитектуру. Архитектура южных славян в большей степени формировалась под влиянием античных памятников и ранневизантийских каменных сооружений. Южные славяне сами непосредственно участвовали в формировании византийского зодчества. Народные традиции искусства южных славян (во многом сходные с традициями восточных славян) определили в их архитектуре ряд черт, сближающих зодчество восточных и южных славян. На основании изучения южнославянских архитектурных памятников автор приходит к предварительному выводу, что трехлопастное завершение фасадов, характерное

³³¹ Л. А. Мацулевич. Войсковой знак V в. ВВ, XVI, 1959, стр. 183—205.

³³² Л. А. Мацулевич. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте. ВДИ, 1956, № 4, стр. 146—153.

³³³ Ср. Л. А. Мацулевич. Bir el-Qutt. Историко-художественное значение мозаики. Юбилейный сборник в честь академика В. В. Струве. М., 1959, стр. 312—318.

³³⁴ Р. А. Кацнельсон. К вопросу о взаимоотношениях архитектуры восточных и южных славян и Византии. ВВ, XII, стр. 242—262.

для русского зодчества, имеет аналогии в Болгарии и позднее в Далмации; в архитектуре Сербии оно не применялось.

Р. А. Кацнельсон принадлежит также обобщающий очерк истории византийской архитектуры в I томе «Всеобщей истории архитектуры» (М., 1958, гл. V).

Для изучения архитектуры Византии и ее связей с архитектурой Италии и Ближнего Востока представляют интерес исследования С. А. Кауфман. В одной из своих статей она пытается установить некоторые этапы в истории строительства Софии Константинопольской³³⁵. Автор подчеркивает, что, в отличие от римских куполов, купол Софии Константинопольской был кирпичным, т. е. тяжелым, а не легким, как обычно указывается в популярных работах. Очевидные просчеты проектировщиков и строителей, использование ими старых частей, спешка в ходе самого строительства не могли не привести уже в процессе работ к опасным для здания явлениям, о чем свидетельствуют письменные источники. Тот факт, что первый купол обрушился, расценивается автором не как случайное следствие землетрясения, а как неизбежный результат органических недочетов проекта. Некоторое улучшение конструкции купола при его восстановлении Исидором Младшим не могло исправить этих коренных ошибок, особенно в отношении формы главных пилонов; отсюда — последующие обрушения. Введение в купол металлических круговых связей при реставрации XIX в. также не обеспечило надежной устойчивости здания, которое остается в угрожающем состоянии.

Обрушением Софии и некоторых сходных зданий следует объяснить отказ в дальнейшем от сооружения зданий с большим внутренним подкупольным пространством и распространение в Византии различных вариантов крестовокупольной системы, чем определялся также характер культовой архитектуры на Руси.

В другой работе С. А. Кауфман касается датировки храма Сан-Лоренцо с его первоначальным четырехлопастным планом³³⁶. Она склоняется к датировке его третьей четвертью IV в. н. э. Независимо от времени создания этого храма он, по мнению исследовательницы, является крупнейшим из древних четырехлопастных сооружений. Несмотря на романскую реконструкцию, Сан-Лоренцо воспринят был ранними мастерами Возрождения как живой представитель античности, и ознакомление с ним послужило толчком к созданию центральных композиций Ренессанса.

В критической статье, написанной по поводу трехтомной монографии Г. Чаленко (*Villages antiques de la Syrie du Nord, 1953—1958*), С. А. Кауфман выдвигает ряд собственных предположений об исторических судьбах поселений, расположенных к югу от римской дороги из Антиохии в Берею³³⁷. По ее мнению, необходимым условием производства оливкового масла на ранее не заселенном нагорье следует считать рабовладельческое хозяйство — в отличие от других изучаемых районов, где непосредственными производителями могли во все периоды оставаться члены общин, работавшие на крупных светских и храмовых землевладельцев, а позднее — на монастыри. Именно эти последние становятся крупнейшими центрами производства масла, что и позволило монастырям субсидировать создание замечательных архитектурных комплексов.

³³⁵ С. А. Кауфман. К истории Софии Константинопольской. ВВ, XIV, 1958, стр. 200—223.

³³⁶ С. А. Кауфман. Миланский комплекс центральных зданий. ВВ, XV, 1959, стр. 278—294.

³³⁷ С. А. Кауфман. Новые данные по социально-экономической истории Северной Сирии. ВДИ, 1960, № 5, стр. 170—183.

За последние годы значительных результатов достигло изучение средневекового искусства Грузии и Армении.

Итогом многолетних трудов является монография Г. Н. Чубинашвили о грузинском чеканном искусстве³³⁸, вышедшая вслед за роскошно изданным альбомом³³⁹. Автором собран и подвергнут тщательному анализу огромный материал, относящийся по преимуществу к средневековому периоду (VIII—XII вв.). Некоторые главы, посвященные отдельным памятникам, представляют собой как бы вполне законченные самостоятельные исследования, в других рассматривается эволюция тех или иных орнаментальных мотивов. Автор намечает мастерские и школы чеканки X—XII вв., в заключительной главе дает обзор развития грузинской средневековой чеканки с VIII по XVIII в.

Г. Н. Чубинашвили многократно обращается к сопоставлениям с византийским материалом, однако для этой книги, как и для других, характерно стремление прежде всего определить своеобразие грузинского искусства. Это тенденция получила свое отражение и в другой монографии того же автора, посвященной архитектуре Кахетии³⁴⁰.

Перу Г. Н. Чубинашвили принадлежит также исследование о грузинской средневековой резьбе по дереву³⁴¹. Изучая сравнительно небольшое число дошедших до нас памятников этого особенно сильно подвергающегося разрушительному действию времени вида искусства, автор убедительно выявляет его специфику и одновременно показывает общность с другими видами искусства (чеканкой, архитектурной декорировкой).

Для византинистов представляет определенный интерес обобщающая работа Ш. Я. Амиранашвили³⁴². Рассматривая процесс развития живописи на территории Грузии в VII—XII вв., автор дает характеристику отдельных памятников, сопровождая ее рядом наблюдений, касающихся связей с византийским и восточнохристианским искусством. Одновременно он пытается наметить возникновение национальной иконографии в грузинском искусстве и определить его различные течения. В 1956 г. тем же автором переиздана монография, посвященная творчеству золототельца XII—XIII вв. Бека Опизари³⁴³.

Помимо указанных работ, за последние годы вышел ряд исследований, посвященных отдельным памятникам архитектуры средневековой Грузии, их декоративному убранству, фресковой живописи.

В вышедшем в 1959 г. очередном томе «*Ars Georgica*» опубликована статья Т. Б. Вирсаладзе о фресковой росписи Гелатского храма³⁴⁴. Автор выявляет стилистическое своеобразие этих росписей 20-х годов XII в. по сравнению с византийскими памятниками XI—XII вв. и посвящает большой экскурс изображениям вселенских соборов, прослеживая историю этих изображений в Византии, на Балканах, в Древней Руси и Грузии. Особо подчеркнутое в росписи Гелати изображение Халкидонского собора Т. Б. Вирсаладзе связывает с реальным историческим значением этого собора для Закавказья.

³³⁸ Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство. Исследование по истории грузинского средневекового искусства, т. I—II. Тбилиси, 1959.

³³⁹ Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство с VIII по XVIII в. Альбом. Тбилиси, 1957.

³⁴⁰ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии. Исследование развития архитектуры в восточных провинциях Грузии в IV—XVIII вв. Тбилиси, 1959, 638 стр.

³⁴¹ Г. Н. Чубинашвили. Грузинская средневековая художественная резьба по дереву (перелома X—XI вв.). Тбилиси, 1958, 119 стр.

³⁴² Ш. Я. Амиранашвили. История грузинской монументальной живописи, т. I. Тбилиси, 1957, 185 стр.

³⁴³ Ш. Я. Амиранашвили. Бека Опизари. Тбилиси, 1956, 56 стр.

³⁴⁴ Т. Б. Вирсаладзе. Фрагменты древней фресковой росписи главного Гелатского храма. «*Ars Georgica*», 5. Тбилиси, 1959, стр. 163—205.

Вслед за прекрасно изданным в 1952 г. альбомом Л. А. Дурново «Древнеармянская миниатюра» тем же автором была опубликована небольшая работа по истории древнеармянской живописи³⁴⁵. Наряду с известными ранее великолепными образцами миниатюрной живописи Армении автор впервые вводит в научный оборот недавно открытые фрагменты монументальной живописи VII и X вв. Несмотря на свою краткость, книга Л. А. Дурново, впервые определяющая пути развития средневековой живописи Армении, имеет большое научное значение.

Армянской миниатюре посвящены исследования Л. Азаряна³⁴⁶ (занимающегося по преимуществу Киликийской школой) и Т. А. Измайловой³⁴⁷. Значительное число научных и научно-популярных изданий (на армянском и русском языках) связано с публикацией отдельных памятников архитектуры и декоративного убранства. Обобщающее исследование В. М. Арутюняна посвящено строительству мостов и караван-сараяв на территории Армении³⁴⁸.

Интересна публикация Р. М. Джанполадян фрагмента византийского стеклянного сосуда, найденного во время раскопок в Двине³⁴⁹.

ВИЗАНТИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ И НУМИЗМАТИКА

Из византийских городов и поселений, расположенных на территории Советского Союза, основным объектом изучения археологов являлся древний Херсонес, на месте которого уже длительное время и с большим успехом ведутся систематические раскопки³⁵⁰. Выше мы уже подробно говорили о результатах многолетних разысканий советских ученых, в первую очередь А. Л. Якобсона, имеющих первостепенное значение для истории византийского города. Здесь необходимо лишь указать, что раскопки в Херсонесе столь же важны и для развития византийской археологии; они дают в руки ученых огромный и первоклассный археологический материал, позволяющий судить о материальной культуре, архитектуре и искусстве окраинных городов Византийского государства с IV по XIV в.

Наряду с изысканиями в Херсонесе советские археологи уделяют внимание изучению и других средневековых поселений Крыма, связанных в той или иной степени с Византийской империей. В частности, в нашей науке дискутировался вопрос о происхождении так называемых пещерных городов Крыма.

Е. В. Веймарн выдвинул новую теорию их возникновения³⁵¹. В отличие от М. А. Тихановой и А. Л. Якобсона, которые считают «пещерные

³⁴⁵ Л. А. Д у р н о в о. Краткая история древнеармянской живописи. Ереван, 1957, 58 стр.

³⁴⁶ См. Л. Р. А з а р я н. Киликийская миниатюра XII—XIII вв. Автореферат канд. дисс. Ереван, 1959, 23 стр.

³⁴⁷ См., например, Т. А. И з м а й л о в а. Декоративное убранство двух анийских памятников начала XIII века. «Труды Гос. Эрмитажа», 2, 1958, стр. 159—166; е е ж е. Культурное наследие в убранстве анийских памятников (X—XI вв.). «Известия АН Арм. ССР. Обществ. науки», 1959, № 10, стр. 67—82.

³⁴⁸ См. В. М. А р у т ю н я н. Караван-сарай и мосты средневековой Армении. «Сборник научных трудов Ереванского политехнического ин-та им. К. Маркса», 17, 1958, стр. 135—145.

³⁴⁹ Р. М. Д ж а н п о л а д я н. Стеклянный сосуд из Двина. КСИИМК, 60, 1955, стр. 120—124; е е ж е. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. СА, 1958, № 1, стр. 201—213.

³⁵⁰ См., например, Г. Д. Б е л о в. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг. СА, XXIV, 1955, стр. 257—281.

³⁵¹ Е. В. В е й м а р н. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг. СА, 1958, № 1, стр. 71—79; е г о ж е. Оборонительные сооружения Эски-Кермена. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 7—54; е г о ж е. О времени возникновения средневековой крепости Капамита.

города» Крыма, расположенные на второй гряде Крымских гор, цепью крепостей (названных Прокопием «длинными стенами»), созданных Византией в основном при Юстиниане I для обороны дальних подступов к Херсонесу со стороны степи и для защиты коренного земледельческого населения горных долин Юго-Западного Крыма от кочевников, Е. В. Веймарн, признавая значительную роль Византии в Крыму, полагает, однако, что нет никаких реальных оснований приписывать империи строительство в Юго-Западном Крыму целой оборонительной системы, звеньями которой якобы являлись так называемые пещерные города. По мнению автора, археологический материал приводит к заключению, что с конца IV или с самого начала V в. н. э. оседлое население предгорий Юго-Западного Крыма покинуло этот район и передвинулось в горные долины рек Альмы, Бодрака, Качи и Белобека. Пещерные города возникли в юго-западном нагорье после гуннского нашествия; частично это были маленькие крепости (будущие феодальные замки), частично — обширные городища с загонем для скота, способные в случае опасности укрыть окрестное население. Они лежали в стороне от основного торгового пути к Херсону. Во многих постройках чувствуется влияние фортификационного искусства Византии.

Иную точку зрения отстаивал В. В. Крпоткин, полагавший, что пещерные города первоначально являлись византийскими крепостями и наряду с Херсоном и Боспором были центрами византийского господства в Таврике³⁵². Некоторые из этих городов не сохранили своих средневековых наименований, поэтому их отождествление с известными нам по письменным источникам географическими центрами сопряжено с большими трудностями. Таков, например, вопрос о локализации города Фуллы. Как известно, В. Г. Васильевский и Ю. А. Кулаковский помещали Фуллы в восточной части Таврики, в области, смежной с владениями хотциров (или ходиров) и территорией Сугдейской епархии. В свою очередь А. Л. Бертье-Делагард утверждал, что город Фуллы находился не в восточной, а в юго-западной части Таврики, на месте известного пещерного города Чуфут-Кале, расположенного в окрестностях Бахчисарая. Анализируя археологический материал, В. В. Крпоткин приходит к выводу, что совокупность известных фактов не позволяет локализовать город Фуллы — центр христианской епархии с конца IX в. — на месте Чуфут-Кале, поскольку там не обнаружено никаких христианских памятников IX—XII вв. и более позднего времени (христианское население Чуфут-Кале, по-видимому, было вытеснено караимами в период хазарского господства в Таврике). На основании разбора исторических и географических данных автор статьи заключает, что Фуллы были расположены в восточной части Таврики; их нужно разыскивать поблизости от Сугдеи и Кафы. Наиболее вероятным пунктом в области крымских предгорий, где находился этот город, является местность на холме Тепсень близ с. Планерское (б. Коктебель, между Судаком и Феодосией).

Гипотеза В. В. Крпоткина в свою очередь вызвала возражения А. Л. Якобсона³⁵³, который считает невозможным локализовать город Фуллы в Восточной Таврике, в частности на холме Тепсень, поскольку восточнокрымские поселения к концу X в. либо сильно обезлюдели, либо стали по своему населению русскими.

Там же, стр. 55—62; его же. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму. КСИА АН УССР, 10, 1960, стр. 109—110.

³⁵² В. В. Крпоткин. Из истории средневекового Крыма. СА, XXVIII, 1958, стр. 198—218.

³⁵³ А. Л. Якобсон. К вопросу о локализации средневекового города Фуллы. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 108—113.

Хотя затронутые в указанных работах советских археологов вопросы остаются по-прежнему спорными, а их окончательное разрешение потребует еще немалых усилий, самая их постановка свидетельствует об огромном значении археологических изысканий для изучения проблемы взаимоотношений Византии со средневековым Крымом и истории его коренного населения. В этой связи следует также признать научную важность археологических исследований других средневековых поселений Крыма³⁵⁴.

За последние годы при раскопках античных поселений Крыма были раскрыты также средневековые слои, содержащие ценный материал и по византийской археологии. Так, при раскопках античных некрополей боспорских городов В. Ф. Гайдукевичем было обнаружено относящееся к византийскому периоду поселение на южном берегу Тобечикского озера: здесь найдена керамика VIII—XI вв., а также скелеты из Китея с инвентарем, доходящим до IV, а возможно, и до V в.³⁵⁵ Среди работ, посвященных херсонесской керамике, следует отметить исследование Д. Л. Талиса³⁵⁶. Автор выделяет семь групп раннесредневековой поливной и расписной керамики из Херсонеса и приходит к выводу, что она экспортировалась из Византии. Упомянем в этой связи монографию М. А. Безбородова, где, в частности, анализируется состав византийского и херсонесского стекла из южнокрымских раскопок³⁵⁷.

Археологические изыскания средневековых поселений ведутся и на Южном побережье Черного моря. Большие перспективы в этом отношении имеют раскопки в Абхазии, где наряду с античными и местными средневековыми поселениями встречаются и византийские памятники. Так, раскопками в Новом Афоне вскрыты остатки крепости Анакопия, относимые М. М. Трапшом к VII—XII вв. Храм Анакопийской крепости тот же автор датирует X—XI вв. При раскопках обнаружены бытовые предметы местного производства, печь для обжига извести, византийские монеты и монета грузинского царя Георгия II. Автор выделяет три культурных слоя, относящихся к средневековью, и датирует их VII, VIII—IX и X—XII вв.³⁵⁸

Необходимо признать, что изучение византийских памятников и средневековых поселений на Юге нашей страны все же ведется еще не в таких масштабах, какие соответствовали бы их научному значению. Отдельные находки византийских вещественных памятников делаются в ходе разысканий ученых, работающих в других областях археологии, но они в общем довольно незначительны³⁵⁹.

³⁵⁴ Д. Б. Шелов. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. КСИИМК, 68, 1957, стр. 98—103.

³⁵⁵ В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов). МИА, 69, 1959, стр. 154—238; его же. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. МИА, 85, 1958, стр. 149—218; его же. Виноделие на Боспоре. Там же, стр. 352—457.

³⁵⁶ Д. Л. Талис. К характеристике византийской керамики IX—X вв. из Херсонеса. «Труды Гос. исторического музея», 37, 1960, стр. 125—140.

³⁵⁷ М. А. Безбородов. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956, 306 стр.

³⁵⁸ М. М. Трапш. Археологические раскопки в Анакопии в 1957—1958 гг. «Труды Абхаз. ин-та языка, литературы и истории», XXX, 1959, стр. 121—157.

³⁵⁹ См. в этой связи: Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская. Советская археологическая литература за 1955 г. СА, 1957, № 4, стр. 234—273. К византиноведению относятся разделы: «Славяне и соседние племена в I тысячелетии н. э.» (стр. 247—249), «Древняя Русь и ее соседи» (стр. 243—255), «Кавказ» (стр. 255—256, 259—262), «Работы по археологии зарубежных стран» (стр. 267—268); Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская. Советская археологическая литература за 1956 г. СА, 1958, № 4, стр. 258—299. К византиноведению относятся разделы: «Славяне и соседние племена в I тысячелетии н. э.» (стр. 273—275), «Древняя Русь и ее соседи» (стр. 275—280), «Кавказ» (стр. 280—282, 284—287), «Работы по археологии зарубежных стран» (стр. 298—299); Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская.

Вполне естественно, конечно, что среди византийских вещей, обнаруженных во время археологических раскопок, первое место в количественном отношении занимают византийские монеты, дающие значительный материал для нумизматических исследований. Советские нумизматы-византинисты занимаются как общетеоретическими вопросами, так и публикацией и анализом новых находок византийских монет, найденных преимущественно на территории нашей страны.

К числу работ первого рода относится статья И. В. Соколовой, в которой предпринята попытка определить значение кладов византийских монет как источника по истории Византии³⁶⁰. Автор использует материалы византийских монетных кладов, обнаруженных в разное время главным образом на территории СССР и Болгарии, а отчасти — Западной Европы. Новым в статье является постановка вопроса о кладе как о едином памятнике эпохи, а не случайном скоплении разновременного материала. По мнению автора, анализ топографии, хронологии и состава кладов византийских монет может привести к выводам, представляющим интерес не только для экономической, но и для политической истории Византии. В частности, отливы и приливы в зарытии кладов находятся, как показывает автор, в прямой зависимости от того, в какой степени населению этих областей угрожала военная опасность. Вместе с тем зарытие кладов византийских монет на территории империи в конце V—VII вв. связано главным образом с политическими кризисами, так что отсутствие кладов еще не свидетельствует об экономическом упадке того или иного района страны или резком сокращении, тем более почти полном прекращении, денежного обращения. Известная стабилизация внешнеполитического положения Византии, наступившая после крайне тяжелого кризиса второй половины VII в., привела к укреплению экономики Византийского государства и упорядочению денежного обращения в такой степени, что вся масса монет находилась в обращении и не было факторов, ведущих к его затуханию и созданию кладов. Сравнительно ограниченное количество монет иконоборческого времени и отсутствие их в более поздних кладах автор объясняет принудительным изъятием их из обращения по соображениям чисто идеологического, а не экономического характера.

Точка зрения И. В. Соколовой не является общепризнанной; в частности, она расходится с высказанным ранее мнением А. П. Каждана, согласно которому резкое сокращение находок кладов монет в Византии VII—IX вв. является прямым свидетельством экономического упадка империи, аграризации городов и сокращения денежного обращения.

В своем другом исследовании И. В. Соколова устанавливает применение в Византии в конце X — начале XI в. так называемого маточника, технического усовершенствования, прослеживающегося на серебряных монетах Василия II³⁶¹.

Большой научный интерес представляют публикации византийских монет, найденных за последние годы на территории СССР — в Херсонесе, Грузии, Абхазии, Азербайджане, на Украине, в Молдавии, Прикамье.

Общий обзор и подробная характеристика нумизматического собрания Херсонесского музея недавно были сделаны А. М. Гилевич. В этом богатейшем собрании насчитывается 4913 экземпляров монет средневекового

Советская археологическая литература за 1957 г. СА, 1959, № 4, стр. 282—327. Имеется отдельное издание: «Советская археологическая литература. Библиография, 1941—1957 гг.». М.—Л., 1959, 773 стр.

³⁶⁰ И. В. Соколова. Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII—XI вв. ВВ, XV, 1959, стр. 50—63. См. выше, стр. 22.

³⁶¹ И. В. Соколова. О технике изготовления штемпелей для чеканки византийских монет. «Сообщения Гос. Эрмитажа», XV, 1959, стр. 46—49.

Херсонеса и Византии за период от V до XII в.³⁶² Значительная часть византийских монет Херсонеса уже изучена и опубликована.

А. М. Гилевич, основываясь на анализе нумизматических находок в Херсонесе, пришла к заключению, что с начала VII до середины IX в. Херсонес не имел собственного чекана, а византийские монеты этого времени здесь крайне редки. В связи с этим она ставит вопрос о возможности обращения в VII—VIII вв. позднеримских и ранневизантийских монет³⁶³. В другой своей статье тот же автор охарактеризовал новые находки в Херсонесе византийских золотых монет Анастасия I и Константина V. Они найдены в этом месте впервые. Интересно, что публикуемая монета Анастасия I чеканена в Италии (в Милане, между 479 и 493 гг.), в то время как почти все найденные в Херсонесе ранние византийские монеты, в том числе и бронзовые монеты Анастасия I, чеканились в восточной части империи³⁶⁴.

Ю. С. Крушкол принадлежит публикация и анализ византийских монет, найденных в Херсонесе в 1946 г.³⁶⁵ На основании изучения византийских и херсоно-византийских монет автор утверждает, что громадный монетный материал свидетельствует о развитом денежном хозяйстве и товарном производстве Херсонеса начиная с IV в. до н. э. по XII—XIII вв. н. э. С IV в. до н. э. и по II в. н. э. главную роль в обращении играли монеты самого Херсонеса, что указывает на его политическую и экономическую самостоятельность. В III—V вв. н. э. здесь обращается римская императорская монета, что говорит о политическом и экономическом упадке Херсонеса в это время. После разделения Римской империи на Западную и Восточную в Херсонесе обращаются монеты восточных римских императоров. При Юстиниане I город вновь приобретает значительную самостоятельность, как экономическую, так и политическую, чем обуславливает возобновление собственной чеканки в Херсонесе. Новые херсоно-византийские монеты становятся основным средством обращения в Херсонесе с VI по X — первую четверть XI в. В первой четверти XI в. собственная чеканка монет в Херсонесе прекращается. Главным денежным материалом снова становятся монеты Византии.

Весьма значительный вклад в изучение римских и византийских монет внесли нумизматы Грузии. Д. Г. Капанадзе в одной из своих статей дал описание монет, найденных при раскопках под руководством академика И. А. Джавахишвили в 1937—1940 гг. в районе Мцхета, древней столицы Грузии. На основании этих находок автор утверждает, что обращение в Грузии золотых монет римского времени было постоянным и повсеместным явлением; он предполагает, что найденные золотые монеты — грузинского происхождения³⁶⁶. Публикуя нумизматические находки Мцхетской археологической экспедиции, Д. Г. Капанадзе дал характеристику найденного нумизматического материала (48 золотых, 235 серебряных и 21 медная монета), в том числе византийских серебряных монет Льва I. В статье поставлен вопрос о территориальной локализации так называемых «варваризованных» римских ауреусов II—III вв. и серебряной монеты Льва I.

³⁶² А. М. Гилевич. Нумизматическое собрание Музея. «Сообщения Херсонесского музея», I, 1960, стр. 57—62.

³⁶³ А. М. Гилевич. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 году. «Херсонесский сборник», V, 1959, стр. 191—205. В основном это монеты IV—V вв. (69 шт.) и только одна — херсонесская монета Романа Лакапина (№ 7908).

³⁶⁴ А. М. Гилевич. Золотые византийские монеты из Херсонеса. СА, 1959, № 1, стр. 267—268.

³⁶⁵ Ю. С. Крушкол. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1946 году. «Труды Гос. исторического музея», XXVI. Нумизматический сборник, 2, 1957, стр. 61—69.

³⁶⁶ Д. Г. Капанадзе. Ауреусы Армазского некрополя. СА, 1957, № 3, стр. 159—175.

Любопытно, что все монеты Льва I пробиты и, следовательно, попали в погребение, где они были обнаружены, уже не как монеты, а как украшения³⁶⁷.

Д. Г. Капанадзе издал, кроме того, серебряную монету грузинского царя Георгия II, найденную в 1957 г. в Новом Афоне вместе с четырьмя византийскими анонимными монетами XI в.³⁶⁸

Статья Т. Я. Абрамишвили посвящена исследованию семи золотых византийских монет (шесть из которых принадлежат византийскому императору Алексею I, а одна — Иоанну II), найденных близ Гурджаани. По мнению автора, эти экземпляры монет составляют часть клада, зарытого в районе торговой магистрали (из этого же района поступил клад монет царицы Тамары и клад монгольских монет XIII—XIV вв.³⁶⁹). На основании собранных сведений автор приходит к выводу, что византийские монеты имели распространение как в Восточной, так и в Западной Грузии; поступаая в Грузию, они тут же оседали, следовательно, находились здесь в широком обращении.

Публикация клада серебряных монет из собрания Государственного кутаисского историко-этнографического музея была осуществлена К. В. Голенко³⁷⁰. В составе клада 27 западногрузинских монет (кирманеули) и 186 трапезундских монет (аспров) XIII в., преимущественно Иоанна II (1280—1297). По мнению автора, с точки зрения типологии трапезундские аспры чрезвычайно близки к византийским монетам, в метрологическом же отношении явно заметно влияние сельджукского дирхема. Отсутствие золотой монеты и массовая чеканка серебра в Трапезунде были обусловлены мусульманским окружением, при этом форма и размер трапезундского аспра ориентируются на сельджукский дирхем. Распространение аспров Трапезунда XIII в. в Западной Грузии было, конечно, обусловлено тесными историческими связями, существовавшими тогда между этими государствами.

Связи южного берега Черного моря с Византией естественно обусловили также распространение византийских монет и в этом районе, о чем свидетельствуют нумизматические находки в Абхазии. Так, в 1957 г. в селе Эшеры Сухумского района в одном глиняном горшке было найдено 39 эллинистических, римских и византийских монет, в том числе две — Констанция (337—361) и по одной — Анастасия I и Юстиниана I³⁷¹.

Ареал распространения византийских монет был настолько велик, что мы располагаем их кладами в самых различных областях нашей страны. В частности, интересны новые находки византийских монет в Азербайджане, где обнаружены монеты VI—XIII вв.³⁷²

³⁶⁷ Д. Г. Капанадзе. Нумизматические находки Мцхетской археологической экспедиции за 1937—1948 гг. и 1951 г. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», I, 1955 (на груз. яз. с кратким резюме на русск. яз.). Тбилиси, стр. 79—88.

³⁶⁸ Д. Г. Капанадзе. Неизданный вариант грузинской монеты XI века. «Труды Абхаз. ин-та языка, литературы и истории», XXX, 1959, стр. 101—104; см. его же. Медная монета грузинского царя Давида, сына Георгия. «Эпиграфика Востока», XII, 1958, стр. 39—47. Статья содержит некоторые замечания о грузино-византийских связях.

³⁶⁹ Т. Я. Абрамишвили. Находка византийских золотых монет в Гурджаани. ВВ, XIII, 1958, стр. 282—285; ее же. Западногрузинские монеты XIII—XIV вв. (кирманеули). Тбилиси, 1959, стр. 160 (на груз. яз. с русским резюме—стр. 139—151).

³⁷⁰ К. В. Голенко. Клад монет из села Тобаннери. ВВ, XVI, 1959, стр. 127—172.

³⁷¹ Г. К. Бокучава. Нумизматические приобретения Абхазского государственного музея за 1957 год. «Труды Абхазского гос. музея», III, 1958, стр. 109—118.

³⁷² Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. VII. Баку, 1957, 124 стр.; вып. VIII. Баку, 1959, стр. 129 (продолжение публикации, первый выпуск которой вышел в 1926 г.). В VIII выпуске, в частности, отмечен ряд находок византийских монет: медная монета Юсти-

Публикация М. Ю. Брайчевского учитывает римские монеты по V в. н. э., найденные в Украинской ССР³⁷³.

Летом 1955 г. у восточной окраины с. Стратиевки Ольгопольского района Винницкой обл. (Украинская ССР), на левом берегу р. Кодымы были найдены две серебряные римско-византийских монеты³⁷⁴. Одна из них, относящаяся к правлению императора Коммода, датируется 187—188 гг. н. э. Вторая монета, хорошей сохранности, представляет так называемый *argenteus minutulus* Константина II. П. О. Карышковский датирует эту монету 330—337 гг.

На Украине же, в Поднепровье, были найдены имитации византийских золотых солидов VII в., опубликованные в 1957 г. К. В. Голенко. В отличие от византийских солидов, изданные монеты изготовлены не из золота, а из серебра, но они густо вызолочены, техника их изготовления — литье, вес монет почти вдвое меньше оригинальных византийских солидов. Эти монеты были специально изготовлены в качестве украшений. Появление подобных отливок в районе Поднепровья могло быть обусловлено только распространением у населения данной территории оригинальных золотых византийских монет XII в.³⁷⁵

В Молдавии в начале 50-х годов были открыты два клада римско-византийских монет. Оргеевский клад, найденный в 1951 г., содержал 126 серебряных монет Констанция II и одно варварское подражание византийскому солиду. Кириленский клад, открытый в 1952 г., содержал золотые солиды Грациана, Валентиниана II, Феодосия I, Аркадия и Гонория. Среди единичных находок были обнаружены серебряные и медные монеты IV в.³⁷⁶

В. В. Кропоткиным описан клад бронзовых монет, найденный у с. Лукашевка Молдавской ССР³⁷⁷.

Определенным успехом в изучении связей Византии в раннее средневековье с такими отдаленными областями, как Приуралье, является публикация Л. Н. Казамановой так называемого Бартымского клада, найденного в Прикамье. В кладе обнаружены 264 серебряные монеты Ираклия (двойные милиарисии — гексаграммы). На основании анализа найденных монет и других византийских вещей VII в. в Приуралье Л. Н. Казаманова приходит к выводу о росте торгового обмена между Византией и сасанидским Ираном — с одной стороны, и Прикамьем — с другой. Из Прикамья на юг шло большое количество ценной пушнины. На основании находок сасанидских вещей в этом же районе автор считает, что правление Ираклия было временем соперничества в Прикамье Византийской империи и Сасанидского государства. По мнению автора, серебряные вещи, попадав-

ниана I (№ 1946), 16 серебряных монет VII в. (№ 1947), серебряная монета Константа II (№ 1948), золотая монета Константина IV (№ 1949), медная монета VII в. (№ 1950), две золотые монеты первой половины VIII в. (№ 1951) медная монета Никифора Фоки (№ 1952), серебряная монета Иоанна Цимисхия (№ 1953), анонимные медные монеты (№ 1954—1957), 11 вогнутых монет XI в. (№ 1958—1960), медная монета XII—XIII вв. (№ 1961).

³⁷³ М. Ю. Брайчевский. Римська монета на території України. Київ, 1959, 245 стр.

³⁷⁴ П. О. Карышковский. Находка римских монет в бассейне р. Кодымы. СА, 1957, № 2, стр. 250—253.

³⁷⁵ К. В. Голенко. Имитация солида VII в. из Поднепровья. ВВ, XI, 1957, стр. 292—294.

³⁷⁶ А. А. Нудельман, Э. А. Рикман. Два клада и находки отдельных монет (римских и ранневизантийских) из Молдавии. «Известия Молдавского филиала АН СССР», 1956, № 4 (31), стр. 143—152 (резюме на молдав. и франц. яз., стр. 153—154).

³⁷⁷ В. В. Кропоткин. Лукашевский клад бронзовых римских монет IV в. «Нумизматика и эпиграфика», I, 1960, стр. 215—222.

шие в Приуралье из Византии и стран Востока, использовались местным населением не по прямому назначению, а являлись капиталом. Бартымское святилище, видимо, и являлось собственником найденных близ деревни Бартымь сокровищ³⁷⁸.

* * *

Появление ряда монографий, изучающих отдельные периоды истории и культуры Византии, а также большого количества статей по различным вопросам византийской истории и вспомогательным дисциплинам — палеографии, эпиграфике, нумизматике, и т. д. — позволило советским ученым уже в период после XX съезда КПСС приступить к созданию обобщающих трудов по истории Византии и ее отдельных периодов. Первым опытом написания такого обобщающего труда являются главы по истории Византии и южных славян в третьем томе «Всемирной истории», написанные З. В. Удальцовой (М., 1957), «Очерки по истории Византии и южных славян» А. П. Каждана и Г. Г. Литаврина, изданные Учпедгизом (М., 1958), а также небольшая популярная книжка Г. Л. Курбатова «Византия в VI в.» (Л., 1959).

В настоящее время советские византисты приступили к созданию крупного обобщающего труда — «Истории Византии», в котором будут подведены итоги их исследований.

---

³⁷⁸ Л. Н. К а з а м а н о в а. Бартымский клад византийских серебряных монет VII в. «Труды Гос. исторического [музея], {XXVI. Нумизматический сборник, 2. М., 1957, стр. 70—76.

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

ПРОБЛЕМА СЛАВЯНО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ
ДО IX века
В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Проблема славяно-византийских отношений в VI—VIII вв. принадлежит к числу тех, которые привлекали внимание отечественной историографии начиная от самого ее возникновения. Этим вопросом интересовались еще историки XVIII в. В частности, М. В. Ломоносов отмечал: «Как Римская империя стала приходить в упадок, тогда славяне, стараясь отомстить древнюю предков своих обиду, предпринимали с севера на полдень сильные и частые походы, особливо при Иустиниане Великом, царе греческом»¹. В качестве иллюстрации он приводил длинную цитату из Прокопия, посвященную описанию войны 550—551 гг. В 1770—1774 гг. И. Штриттер опубликовал первую сводку сведений о славянах, содержащихся в византийских источниках²; многие из этих данных относились ко времени до образования Киевского государства. Сам по себе этот факт свидетельствует об интересе, который уже в то время вызывала у исследователей проблема славяно-византийских отношений.

В дальнейшем, однако, интерес этот значительно падает в связи с установлением господства в русской историографии XIX в. норманской теории, породившей тенденцию начинать историю Руси лишь с IX в. Только во второй половине столетия, когда в русской историографии начался новый этап источниковедческой разработки проблемы, повышается интерес к древнейшим связям славян с империей (работы В. И. Ламанского, В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского, А. Л. Погодина, А. А. Васильева и др.). Русские византилисты создали концепцию, согласно которой славянская колонизация византийских земель имела глубокие последствия для истории Византии, отразившись самым непосредственным образом на развитии ее социально-экономического строя в VII—VIII вв. Именно славянской колонизацией и влиянием славянской общины эти исследователи склонны были объяснить разницу в общественных отношениях Византии, обнаруживающуюся при слиянии «Земледельческого закона» с законодательством Юстиниана I.

Хотя эта концепция являлась плодом, несомненно, одностороннего увлечения, она имела, однако, весьма прогрессивное для своего времени значение, ибо, во-первых, способствовала ниспровержению норманской теории, отрицавшей какое-либо самостоятельное значение славян как реаль-

¹ М. В. Ломоносов. Древняя российская история. Полн. собр. соч., т. 6. М.—Л., 1952, стр. 191.

² И. Штриттер. Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов, т. 1—3. СПб., 1770—1774.

ной исторической силы в докиевское время, и, во-вторых, подчеркивала активное участие самих славянских племен в ликвидации рабовладельческого строя.

В советской историографии вопросы древнейшей истории славян первоначально были отодвинуты на второй план. Их систематическая разработка началась лишь незадолго до Великой Отечественной войны, а особенно — в послевоенные годы. Существенное место в литературе этого времени заняла и интересующая нас проблема славяно-византийских отношений в раннесредневековую эпоху.

Задача первых работ на данную тему, появившихся в 30-х и в начале 40-х годов, заключалась прежде всего в переосмыслении и переоценке того наследия, которое было оставлено буржуазной наукой.

Так, в 1931 г. Н. С. Державин в статье «Славяне и Византия в VI—VII вв.»³ сделал попытку пересмотреть традиционные представления о появлении славян на Балканах в VI в. Опираясь на «теорию стадийности» Н. Я. Марра, он утверждал, что славяне представляют собой исконное население Балкано-Дунайских земель; VI век был ознаменован лишь началом их военных действий против Византии. Позднее эта концепция была развита тем же автором в I томе его «Истории Болгарии»⁴, но не нашла себе сторонников.

В 1938 г. М. В. Левченко напечатал статью «Византия и славяне в VI—VII вв.»⁵, где на повестку дня вновь был поставлен вопрос о столкновениях славян и Византии. В 1939 г. появилась целая серия работ, так или иначе касавшихся данной проблемы. Мы имеем в виду прежде всего шесть статей, опубликованных в первом номере «Вестника древней истории»⁶, из которых три непосредственно затрагивали интересующий нас сюжет: работа А. В. Мишулина, содержащая принципиальную постановку вопроса (ее основные положения были позже воспроизведены им в статье, напечатанной в «Историческом журнале»)⁷, и статьи Б. Т. Горянова и Б. А. Рыбакова, посвященные характеристике социально-экономического строя славян на Балканах в VI в. и антской проблеме (в том числе и вопросу о движении антов в пределы Византии). В том же году Б. Т. Горянов опубликовал вторую статью на данную тему («Славяне и Византия в V—VI вв. н. э.»)⁸; тогда же была напечатана работа А. Дьяконова, анализирующая сведения Псевдо-Захарии о древних славянах и представляющая интерес в качестве одной из первых попыток расширить круг источников по их древнейшей истории⁹. Впоследствии анализу известий этого источника о россах посвятила свои исследования Н. В. Пигулевская¹⁰.

³ См. «Язык и литература», т. VI. Л., 1931.

⁴ Н. С. Державин. История Болгарии, т. I. М.—Л., 1945, стр. 36—100.

⁵ См. ВДИ, 1938, № 4, стр. 23—48.

⁶ Н. С. Державин. Об этногенезе древнейших народов Днепровско-Дунайского бассейна. ВДИ, 1939, № 1, стр. 279—289; А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи. Там же, стр. 290—307; Б. Т. Горянов. Славянские поселения VI в. и их общественный строй. Там же, стр. 308—318; Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. Там же, стр. 319—337; Б. Д. Греков. История древних славян и Руси в работах акад. В. Г. Васильевского. Там же, стр. 338—351; Е. Э. Липшиц. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв. Там же, стр. 352—365.

⁷ А. В. Мишулин. Древние славяне и крушение Восточноримской империи. ИЖ, 1941, № 10—11, стр. 55—61.

⁸ См. ИЖ, 1939, № 10, стр. 101—111.

⁹ А. Дьяков. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах. ВДИ, 1939, № 4, стр. 83—89.

¹⁰ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941; е е ж е. Имя «рус» в сирийском источнике VI в. н. э. Сб. «Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». М., 1952, стр. 42—48.

В 1940 г. в статье А. Ф. Вишняковой рассматривался вопрос о славянской колонизации в Малой Азии¹¹, а в начале 1941 г. А. В. Мишулин опубликовал новую сводку отрывков из произведений византийских писателей (до VIII в. включительно), касающихся древней истории славян¹². Эта публикация, призванная заменить давно устаревшие материалы Штриттера, при всей ее неполноте и несовершенстве имела исключительное большое значение: она позволила широкому кругу читателей ознакомиться с важнейшими источниками по истории славян VI—VIII вв. (Прокопий, Менаандр, Феофилакт, Псевдо-Маврикий, Феофан и пр.).

В послевоенные годы продолжается публикация работ о славяно-византийских отношениях до IX в. В обсуждение проблемы включаются новые авторы: В. И. Пичета¹³, Б. Д. Греков¹⁴, В. В. Мавродин¹⁵ и другие. Наряду со специальными статьями, углубленно разрабатывающими источники (исследования А. Дьяконова¹⁶, Н. В. Пигулевской¹⁷), появляются труды общеисторического характера, в которых вопросы славяно-византийских отношений занимают видное место: таковы «Борьба Руси за создание своего государства» Б. Д. Грекова, «Происхождение русского народа» (1944) и «Славяне в древности» (1946) Н. С. Державина, «Образование древнерусского государства» В. В. Мавродина, «Восточнославянские племена» П. Н. Третьякова (1948—1953).

Одновременно создаются и работы, рассматривающие значение славянской колонизации византийских земель в процессе внутреннего развития самой империи. Из их числа в первую очередь должны быть названы исследования Е. Э. Липшиц, посвященные изучению «Земледельческого закона»¹⁸.

Основное достижение всех этих работ заключалось в том, что в них был твердо обоснован тезис о чрезвычайно важном вкладе славян в создание нового, средневекового мира, возникшего на развалинах Римской державы, об активном участии славян в ниспровержении Восточноримской империи, где их роль была аналогична роли германских племен в истории западного Рима. Принципиальным преимуществом постановки данной проблемы в советской историографии по сравнению с буржуазной является то, что, опираясь на марксистскую теорию исторического материализма, советские ученые разрабатывают проблемы славяно-византийских отношений с точки зрения изучения внутренних социальных процессов, происходивших на территории Римской империи. Наступление против нее славян (и других племен) рассматривалось не как столкновение лишь различных этнических групп и не как борьба «варваров» против «цивилизованного» Рима: по мнению историков-марксистов, это было прежде всего движение, объективно направленное против устоев рабовладельческого строя, вместе с революцией рабов и колонов приведшее к крушению рабовладельческой формации и возникновению нового, более прогрессивного,

¹¹ А. Ф. Вишнякова. Славянская колония VII в. в Вифинии. ВДИ, 1940 № 1, стр. 138—141.

¹² А. В. Мишулин. Материалы к истории древних славян. ВДИ, 1941, № 1, стр. 223—280.

¹³ В. И. Пичета. Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков (1917—1947). ВДИ, 1947, № 3, стр. 95—99.

¹⁴ Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства. М., 1945.

¹⁵ В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945.

¹⁶ А. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв. ВДИ, 1946, № 1, стр. 20—34.

¹⁷ См. выше, стр. 81, прим. 10.

¹⁸ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, стр. 95—143; с е е ж е. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. ВВ, I, 1947, стр. 144—163.

феодалного строя. Точно так же и роль славян во внутренней истории Византии рассматривалась главным образом под углом зрения генезиса феодальных отношений в Восточноримской, а затем — Византийской империи. Именно в этом и состоял вклад, внесенный в разработку интересующей нас проблемы советской историографией 30—40-х годов.

Главные выводы исследования Е. Э. Липшица, например, были сформулированы ею в 1952 г. следующим образом: «1) Борьба славянских племен с Византией являлась одним из звеньев в борьбе эксплуатируемых масс против отживавшего свой век античного рабовладельческого общества; 2) только благодаря поддержке славянских племен осуществился на территории Византии окончательный переход от античного общества к феодальному; 3) свободная славянская община в сочетании с общинами местных крестьян к IX веку превратилась в определяющую форму аграрных отношений в Византии, в форму, оттеснившую на задний план колонат»¹⁹.

Успех, достигнутый нашей наукой, повлек за собою, однако, известные преувеличения в оценке исторической роли древних славян, особенно усиленные общей тенденцией к их идеализации и преуменьшению (если не полному отрицанию) роли неславянских народов, принимавших участие в событиях так называемого «великого переселения народов». Эта тенденция получила распространение в советской историографии в 40-е годы и достигла своего апогея в начале 50-х годов. Ее последствием явились попытки вопреки фактам рассматривать Северное Причерноморье, Крым и Северный Кавказ как исконную славянскую территорию; Черное море, именуемое «Русским», — как внутреннее славянское озеро. Отсюда же вытекали стремление к приукрашиванию славянских военных мероприятий (например взятия Корсуня Владимиром), отказ видеть какие-либо следы византийского влияния на древнеславянскую и раннерусскую культуру и т. д. У археологов возникло желание приписывать славянам такие явления, которые в действительности не имели к ним никакого отношения (салтовскую культуру, нижнеднепровские городища и поселения типа Любимовки и Берислава, памятники Крымской Готии и даже поздние слои причерноморских античных городов).

Все это, конечно, не могло не вызвать протеста со стороны более осторожных и благоразумных исследователей, но повлекло за собой в дальнейшем «перегиб» противоположного порядка — в сторону отказа от некоторых действительных, достоверных достижений науки. Справедливо критикуя отмеченные увлечения и крайности, многие исследователи в свою очередь не сумели удержаться на почве реальных фактов и обнаружили готовность к возрождению некоторых старых, в свое время преодоленных советской наукой ошибочных тенденций.

Так вновь возникло стремление к чрезмерному сужению первоначальной славянской территории, к отрицанию участия славян в ряде политических событий «великого переселения народов», к слишком позднему выведению славян на арену мировой истории; были предприняты попытки гальванизации давно изжитых концепций, вроде пресловутой «готской теории», в археологии — отрицания славянской принадлежности черняховской культуры и других наиболее ярких явлений в истории материальной культуры I тыс. н. э. и т. д. К сожалению, эти резкие колебания от одной крайности к другой еще не вполне изжиты и поныне.

Указанные обстоятельства, разумеется, не могли не отразиться и на изучении занимающей нас проблемы. Сейчас в советской науке начинается

¹⁹ Е. Э. Л и п ш и ц. Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. н. э. Сб. «Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». М., 1952, стр. 49—50.

новый этап в разработке истории славяно-византийских отношений. В наши дни уже никого не может удовлетворить вновь и вновь декларативно повторяемый тезис о существенной роли древних славян в ранней истории Византии. Справедливость этого тезиса давно доказана, и задача состоит в том, чтобы, опираясь на правильное понимание сути данного явления как одного из моментов, характеризующих процесс перехода от рабовладельческого строя к феодальному, обратиться к тщательному изучению конкретных вопросов истории взаимоотношений славян и Византии в раннее средневековье. Думается, только таким образом может быть осуществлена дальнейшая, углубленная разработка проблемы.

Перед исследователями ее в настоящее время стоят, как нам представляется, три основных вопроса.

1. Причины движения славян на юг, в пределы империи, причины Балканских войн и славянской колонизации византийских земель. Этот вопрос в старой литературе по сути даже не был поставлен, так как миграции вообще признавались имманентным способом существования всех народов в ранние периоды их истории. Советская наука отрицает подобное представление. Признавая принципиальную возможность миграций, она требует их конкретного объяснения, основанного в каждом отдельном случае на анализе той стадии развития, которую переживает данный народ. Не может быть совершенно одинаковых причин для всех переселений, когда-либо осуществленных человеческими коллективами. Греческая колонизация VII—V вв. до н. э. имела совершенно иное содержание и иные причины, нежели движение гуннов, а монгольское нашествие XIII в. коренным образом отличается от переселений русских крестьян в Сибирь в новое время.

С этой точки зрения причины движения славян на юг, в Византию, еще далеко не разработаны и в советской науке; не вполне ясным остается даже самый характер этого движения: недостаточно подчеркивается, в частности, что оно представляло собою не переселение, а расселение — обстоятельство, имеющее первостепенное значение для выяснения причин данного процесса. Очевидно, разработка вопроса о причинах движения славян против Византии в VI—VIII вв. н. э. и славянской колонизации византийских земель является насущной потребностью исторической науки.

2. Важной задачей, стоящей перед нашими исследователями — византинистами и историками славянских народов, является тщательное изучение самого хода событий, связанных с развитием славяно-византийских отношений, выявление новых фактов, установление их последовательности и взаимосвязи, наконец, разработка периодизации истории славяно-византийских отношений, вскрытие особенностей и характерных черт, свойственных для каждого из конкретных периодов. В настоящее время не могут быть признаны достаточными рассуждения о славяно-византийских войнах и славянской колонизации вообще; нельзя говорить о событиях, рассказанных Прокопием, и событиях, освещаемых Феофилактом Симокаттой, в одном плане, одинаковыми словами, поскольку славяно-византийские отношения середины VI в. существенно отличаются от тех же отношений второй половины века (не говоря уже о VII в.).

Особенности развития славяно-византийских отношений в каждый конкретный период определялись обстоятельствами двоякого рода: во-первых, связанными с внутренним развитием славянских племен, участвовавших в движении против Византии, и, во-вторых, с изменениями в состоянии самого византийского общества, которое именно в это время переживало переломный момент своей истории.

3. Наконец, существенную сторону интересующей нас проблемы составляют последствия славянской колонизации балканских земель для

дальнейшего развития Византии. Этому вопросу уделялось особенно большое внимание и в русском дореволюционном византиноведении и в советской литературе, где нашла свое отражение концепция В. Г. Васильевского — Ф. И. Успенского.

Своеобразие нового этапа в разработке проблемы славяно-византийских отношений до IX в. определяется также крупными успехами советского славяноведения, благодаря которым наши познания в области истории и социально-экономического строя древних славян в первой половине и середине I тысячелетия н. э. продвинулись далеко вперед. Немало способствовали этому, в частности, успехи археологической науки, открывшей перед исследователями совершенно новые возможности расширения круга источников.

В настоящее время славянское общество эпохи «переселения народов» рисуется в совершенно ином свете, нежели, например, в статье Б. Т. Горянова, опубликованной в 1939 г.²⁰ Вместо крайне нечетких представлений о господстве у славян то ли родовых, то ли общинных отношений выработана вполне определенная концепция, согласно которой славяне выступают как общество, стоящее на грани первобытнообщинного строя, знакомое с развитыми, основанными на индивидуальном землепользовании формами сельскохозяйственного производства, общественным разделением труда, достигшим той стадии, когда закономерным становится отделение ремесла от сельского хозяйства; общество с достаточно высоко развитой торговлей, в том числе и внутренней, знающей денежное обращение; социальные отношения характеризуются довольно глубоким имущественным расслоением с элементами частной собственности на основное средство производства — землю. Возникают крупные межплеменные объединения, по своему характеру приближающиеся к объединениям политического типа (т. е. к зародышевым формам государства). Складывается сильная военная организация, способная выставить отряды численностью в десятки тысяч воинов и т. д.

Все это, конечно, не может не повлиять самым решительным образом на понимание как внутренней сути, так и внешнего характера славяно-византийских отношений в VI—VIII вв. н. э. Само собой разумеется, указанные обстоятельства не только не подрывают, но, напротив, еще более укрепляют основной вывод, сделанный советскими исследователями в предшествующее время.

Рассмотрим конкретно, что уже осуществлено и что предпринимается в советской литературе для разрешения перечисленных выше вопросов.

Проблема славяно-византийских отношений признается сейчас одной из важнейших в изучении ранней истории Византии. Это было отмечено, в частности, во время дискуссии по вопросам византиноведения, начатой на страницах журнала «Вопросы истории». Открывая ее, З. В. Удальцова и А. П. Каждан в числе прочих проблем, подлежащих разрешению в первую очередь, назвали и вопрос о роли славян в генезисе византийского феодализма, о том, явилось ли славянское вторжение «фактором укрепления уже существовавшего (феодального) государства или же славяне принимали участие в сокрушении рабовладельческих порядков на востоке империи и тем самым в формировании нового общественного строя на Балканах и в Малой Азии»²¹.

К сожалению, дискуссия велась чрезвычайно вяло: на протяжении четырех лет в ней приняло участие (помимо инициаторов) только три человека. И хотя главным ее предметом было внутреннее развитие Византии,

²⁰ См. выше, стр. 81, прим. 6.

²¹ З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. ВИ, 1958, № 10, стр. 82.

вопрос о роли славян в процессе генезиса византийского феодализма так или иначе затрагивался в выступлениях всех ее участников.

М. Я. Сюзюмов высказался в поддержку той точки зрения, что славяне принесли в Византию общину, подчеркнув, однако, что это положение требует уточнения²². По мнению болгарского ученого Д. Ангелова, основным вопросом социально-экономического развития Византии VII—IX вв. является вопрос о сущности того глубокого перелома, который совершился «в византийском обществе в результате внутренних потрясений и ударов, нанесенных нашествиями „варваров“, и главным образом славян...»²³. Е. Э. Липшиц также пишет, что «едва ли можно сомневаться в том, что славянская колонизация сыграла огромную роль в судьбах византийского государства»²⁴.

Из этих и многих других аналогичных высказываний явствует, что марксистская наука отводит славяно-византийским отношениям VI—VIII вв. чрезвычайно важное место в процессе генезиса феодального строя в Восточноримской империи, полагая, что без их учета данный процесс вообще не может быть понят. Однако к рассмотрению этой проблемы советские исследователи подходят главным образом с точки зрения изучения византийского феодализма как такового; их интересуют преимущественно последствия славянской колонизации и в гораздо меньшей степени — внутренние пружины, обусловившие начало славянского движения в пределы империи и его характер. Этот вопрос — о причинах движения славян против Византии — до сих пор по-настоящему не поставлен. Обычно его либо вообще избегают рассматривать, либо ограничиваются правильной в своей основе, но слишком общей формулой, согласно которой движение это было одним из составных элементов борьбы «варварского» мира (т. е. племен, достигших крайней ступени первобытнообщинной формации и стоявших на пороге классового общества) против рабовладельческого строя. При всей бесспорности этого тезиса он не является еще действительным решением проблемы: история ниспровержения рабовладельческого строя очень сложна, она прошла целый ряд стадий, каждая из которых требует тщательного изучения.

Даже в таком фундаментальном издании, как «Всемирная история», уделяящее большое внимание движением «варварских» народов в античную, позднеримскую и ранневизантийскую эпоху, причины движения славян против Византии в сущности вообще не затрагиваются. В параграфе, содержащем характеристику их социально-экономического развития, отмечается лишь кровная заинтересованность славян, живших под угрозой порабощения рабовладельческой державой, в уничтожении рабовладельческого строя²⁵. Изложение же раздела о славяно-византийских отношениях начинается прямо с констатации того, что славянские походы сыграли огромную роль в судьбах империи²⁶.

А. П. Каждан в статье 1953 г., специально посвященной славяно-византийской проблеме, довольно подробно рассматривает социальную организацию и быт древних славян, но никак не увязывает их с причинами движения славян против Византии²⁷.

²² М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии. ВИ, 1959, № 3, стр. 101.

²³ Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. ВИ, 1960, № 2, стр. 97.

²⁴ Е. Э. Липшиц. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма. ВИ, 1961, № 6, стр. 105.

²⁵ «Всемирная история», т. III. М., 1957, стр. 73.

²⁶ Там же, стр. 80.

²⁷ А. П. Каждан. Славяне и падение рабовладельческих отношений в Византии. «Преподавание истории в школе», 1953, № 2, стр. 47—58.

Конечно, названные работы, трактующие общие проблемы истории Византии или даже всей Восточной Европы, не могут претендовать на решение всех конкретных вопросов, но отмеченный факт, как нам представляется, свидетельствует и о неразработанности данного сюжета в нашей литературе. В некоторых произведениях советских историков получила даже отражение старая, весьма поверхностная концепция, по которой главным, если не единственным стимулом славян к экспансии против Римской империи было стремление к наживе и грабежу: богатые античные города привлекали «варваров» легкой добычей — и в этом якобы суть вопроса. Так, С. В. Юшков писал о грабительских войнах славян, обогащавших родоплеменную верхушку²⁸.

Корни этой точки зрения уходят в эпоху, современную событиям: византийские авторы VI—VII вв., с ужасом описывавшие набеги славян, не жалели красок, чтобы изобразить их участников грабителями, убийцами и насильниками. Однако нет оснований доверять этим описаниям. Как справедливо отмечал Б. А. Рыбаков, угнетаемые низы византийского общества смотрели на славян отнюдь не теми глазами, что представители общественной верхушки, вроде Прокопия, являвшегося секретарем Велизария, главнокомандующего византийскими вооруженными силами, вроде Менаандра и Агафия — юристов на государственной службе — или Феофилакта — секретаря самого императора²⁹. Критикуя тенденцию, усматривающую главный импульс славянских движений против Византии в стремлении к грабежам, Б. А. Рыбаков пишет: «На самом же деле походы славянских дружин были в известной мере ответом на попытку реставрации рабовладельческих отношений, которую предприняло правительство императора Юстиниана (527—565 гг.)»³⁰.

К сожалению, тезис этот не раскрыт; в подтверждение его автор указывает лишь на сочувственное отношение народных масс Византии к славянам. Однако это не ответ на поставленный вопрос: вряд ли можно предположить, что славяне пришли на Балканы для того, чтобы помочь византийским крестьянам в их борьбе с угнетателями. Этот мотив мог служить сопутствующим обстоятельством, но не причиной. Вообще непонятно, каким образом попытка реставрации рабовладельческого строя в империи, предпринятая Юстинианом, могла коснуться славян, обитавших к началу Балканских войн вне границ империи и отнюдь не подпадавших юрисдикции императора. Вопрос остается тем более неясным, что, как подчеркивает сам Б. А. Рыбаков, начало борьбы славян с Византией приходится во всяком случае на время до вступления на престол Юстиниана I³¹.

Ответы на этот вопрос не дают и другие работы последних лет.

Так, в курсе истории южных и западных славян, подготовленном коллективом авторов под редакцией С. А. Никитина, движение славян против Византии рассматривается как результат «разложения у них первобытнообщинного строя и создания строя военной демократии, когда война становится обычным занятием племен»³². Здесь нет прямого утверждения, что Балканские войны были чисто грабительскими предприятиями, но по сути дело сводится именно к этому. Между тем такая постановка вопроса совершенно не способна объяснить характер движения славян

²⁸ С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 41.

²⁹ См.: «Очерки истории СССР. III—IX вв.». М., 1958, стр. 99—100.

³⁰ Там же, стр. 100.

³¹ Там же, стр. 106.

³² С. А. Нікітін. Пересування слов'ян на Балканський півострів. «Історія південних і західних слов'ян». Київ, 1959, стор. 11.

против Рима: ведь они не только захватывали добычу и пленных, но прежде всего стремились к освоению новых земель, к расселению в них. Иначе говоря, указанным обстоятельством можно было бы попытаться объяснить сами набеги славян, но не славянскую колонизацию византийских земель.

Весьма существенным моментом является установленный советской наукой факт, что Балканские войны VI—VII вв. отнюдь не являлись началом славянской экспансии в пределы империи: славяне принимали участие в борьбе причерноморских племен против Рима начиная по крайней мере со II—III вв. н. э., а может быть, и того ранее. Впервые об этом, кажется, писал А. В. Мишулин в уже упоминавшейся статье 1939 г.³³, однако его постановка вопроса опиралась скорее на общие соображения, нежели на фактический материал. В последующие годы этот вопрос получил конкретную разработку.

О. В. Кудрявцев тщательно изучил нашествие костобоков на Элладу во II в. н. э.³⁴ Специальное внимание исследователя привлекла проблема их этнической принадлежности. Подробно разобрав все существующие на этот счет гипотезы, О. В. Кудрявцев склонился к признанию костобоков славянской группой племен³⁵. Если согласиться с этим выводом, можно считать нашествие 170 года наиболее ранним событием истории славянского движения на юг.

В эпоху кризиса III века начинается развернутое наступление восточноевропейских племен против Римской империи: оно известно в литературе под неточным наименованием «готских войн». В них активно участвовали и славяне. Об этом еще в 1954 г. писал А. М. Ременников, который подвел итоги исследований, предпринятых в данном направлении³⁶. Справедливо рассматривая «готов», или «скифов», в качестве сложного конгломерата самых различных по происхождению племен, он несколько раз отмечает и наличие среди них славянского элемента. Это подтверждается, между прочим, некоторыми археологическими материалами, в частности монетными находками, на что обращали внимание В. В. Кропоткин³⁷, А. М. Ременников³⁸, а также автор настоящей статьи³⁹.

Однако в литературе последних лет встречаются и скептические высказывания, берущие под сомнение те данные, на которых базируется представление об участии славян в «готских» войнах. Так, Е. Ч. Скржинская, не приводя, впрочем, сколько-нибудь серьезных доводов в пользу своей точки зрения, отрицает славянскую принадлежность предводителей готов во время похода 263 г., упоминаемых Иорданом (Тур, Варо, Респа и Ведуко)⁴⁰.

При рассмотрении вопроса об участии славян в борьбе причерноморских племен против Рима особое значение приобретает правильное опре-

³³ См. выше, стр. 81, прим. 6.

³⁴ О. В. Кудрявцев. Вторжение костобоков в Балканские провинции Римской империи. ВДИ, 1950, № 3; е го же. Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М., 1954, стр. 245—271.

³⁵ О. В. Кудрявцев. Костобоки, их расселение и этническая принадлежность. Исследования по истории Балканско-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957, стр. 11—100.

³⁶ А. М. Ременников. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954.

³⁷ В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4, стр. 251.

³⁸ А. М. Ременников. Указ. соч., стр. 105—106.

³⁹ М. Ю. Браичевский. Некоторые данные об участии восточных славян в событиях на Дунае 248—251 гг. н. э. КСИА АН УССР, вып. 3, 1954, стр. 8—13; е го же. К вопросу о происхождении Оболенского клада. КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 59—64.

⁴⁰ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, стр. 259 (комментарии Е. Ч. Скржинской).

деление этнической принадлежности карпов, которые играли важную роль в событиях этого времени. Существует довольно старая традиция, относящая карпов к числу славянских племен. Эта точка зрения, выдвинутая более ста лет назад П. Шафариком, получила известное распространение и в советской литературе, хотя имеется также тенденция считать карпов фракийцами. Последнее слово пока остается за славянской гипотезой: в опубликованной в 1960 г. книге М. Ю. Смишко она подверглась новому рассмотрению и была аргументирована, между прочим, свежим археологическим материалом ⁴¹.

Итак, ясно, что датировать начало движения славян против рабовладельческой империи необходимо временем задолго до VI в. н. э., а следовательно, Балканские войны VI—VII вв. должны толковаться как непосредственное продолжение более ранних выступлений славян, действовавших против Рима совместно с другими причерноморскими племенами. Этот вывод получил свое отражение в целом ряде работ советских историков последних лет.

По словам С. А. Никитина, «вторжение славянских племен на Балканский полуостров представляло собою один из эпизодов так называемого „великого переселения народов“ — передвижения племен, связанного с их вековой борьбой против экспансии рабовладельческой Римской империи, закончившейся в конце концов полным ее разгромом» ⁴².

Автор усматривает главные причины, толкавшие славян (и другие причерноморские племена) на борьбу с Римом, с одной стороны, в их боязни римской экспансии и стремлении освободить пленных соплеменников, с другой — в торговых интересах ⁴³. Будучи сами по себе верными в той или иной степени, эти соображения все же не объясняют существа проблемы. Если до начала III в. (а с очень большими натяжками — до конца IV в.) еще можно говорить об обороне славян (и других восточноевропейских племен) против римской экспансии, то уже знаменитая битва под Адрианополем 378 г. знаменовала собой совершенно иную расстановку сил. Тем более немыслимо рассматривать как оборонительные славяно-византийские войны VI—VII вв. Славяне были в них наступающей стороной. Нельзя также считать решающим стимулом славянского наступления на Византию желание освободить из рабства соплеменников: в источниках мы не находим никаких конкретных сведений об этом; напротив, они свидетельствуют, что сами славяне захватывали рабов во время военных действий.

Что касается экономической стороны дела, то трудно представить, чтобы торговые мотивы могли стать самодовлеющей причиной экспансии. К тому же связи славян с Римом оборвались в III в. н. э. и к событиям VI—VII в. вообще никакого отношения иметь не могут.

Почти во всех общих трудах, затрагивающих проблему славяно-византийских отношений до IX в., обращается внимание на внутреннее положение империи как фактор, благоприятствовавший славянскому наступлению; указывается на тяжелое положение страны, переживавшей в конце VI—VII в. глубокий кризис рабовладельческих отношений; подчеркивается, что движение славян сливалось с революционной борьбой угнетенных масс против поработителей, что основная масса византийского крестьянства видела в славянах не врагов, а союзников и т. д.

Так, З. В. Удальцова с полным основанием указывает на разницу в положении дел в империи в первой половине VI в. и в конце VI—VII в.:

⁴¹ М. Ю. С м и ш к о. Карпатські кургани першої половини 1 тис. н. е. Київ, 1960.

⁴² «История Болгарии», т. I. М., 1954, стр. 38—39.

⁴³ Там же. Ср. «Історія південних і західних слов'ян», стор. 11.

если в эпоху Юстиниана I Византия еще имела достаточно сил, чтобы противостоять славянскому натиску, то во второй половине VI в. намечается резкое изменение обстановки: империя уже не могла сопротивляться нашествию, следствием чего и явилась колонизация дунайских земель⁴⁴. Всем этим действительно можно объяснить причины успеха славянской колонизации, но не причины ее возникновения.

Ответ на поставленный вопрос следует искать в изучении внутреннего развития самих славян, тех социально-экономических процессов, которые протекали внутри славянского общества. Задача исследователя, следовательно, состоит в том, чтобы конкретно показать, как развитие аграрных отношений в период окончательного разложения первобытнообщинного строя, возникновение и повсеместное распространение индивидуального способа обработки земли и ведение частного хозяйства обуславливали выбрасывание все большего и большего количества населения за рамки старой общинной организации, вынуждая его искать новые земли за пределами своей родины.

В какой-то мере, очевидно, правомерной и оправданной была бы постановка вопроса о вынужденной эмиграции части славянского населения, подобной той, которая, как показал К. Маркс, некогда имела место в раннеантичном обществе⁴⁵. Конечно, в уровне исторического развития греков VII—V вв. до н. э. и древних славян была большая разница, и уже по одному этому нельзя механически переносить выводы Маркса на явление, о котором идет речь; однако и в том и другом случае налицо определенная близость рассматриваемых процессов по существу: они характеризуются невозможностью при тогдашнем уровне развития производительных сил и соответствующих ему производственных отношений обеспечить нормальные условия производства для все более и более увеличивающегося избыточного населения.

Именно таким образом, думается нам, и можно будет объяснить исключительное упорство, с которым славяне (как и другие «варварские» народы, достигшие той же ступени общественного развития) стремились к расширению территории, к освоению новых земель. Общая картина движения славян на византийские земли была такова, что, с одной стороны, все больше усиливался их натиск на империю, с другой — силы последней, истощенной в борьбе с многочисленными врагами, постепенно падали, и чем дальше, тем меньше могли обеспечивать нерушимость ее границ.

Из этого вытекает и необходимость исследовать конкретное развитие событий длительной борьбы славян и Византии⁴⁶. Было бы неправильно думать, что уяснение этого вопроса не имеет существенного значения для понимания роли славян в создании того строя, который сложился в Византии к VIII—IX вв. В самом деле, разве можно решать этот вопрос, отвлекаясь от того, когда началась колонизация славянами византийских владений, какие районы и в какой степени были ею затронуты, в каких условиях происходило оседание переселенцев на новых землях, каковы были их взаимоотношения с местным населением и т. д.?

К сожалению, изучение конкретной истории славяно-византийских отношений в современной литературе в значительной степени сводится к повторению того, что было выявлено в работах довоенного периода и первых послевоенных лет. Выдвигая общее положение, что славяне совершали многочисленные походы и набеги на византийские владения, авторы выбирают затем большее или меньшее количество конкретных фактов для иллюстрации и обоснования этого тезиса. И хотя привлекаемые факты

⁴⁴ См. «Всемирная история», т. III, стр. 90—91.

⁴⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 278.

⁴⁶ См. выше, стр. 84.

описываются с различной степенью подробности, ссылка на них во всех случаях не преследует иной цели, кроме чисто иллюстративной. Поэтому все они обладают более или менее равной доказательной силой.

В «Очерках истории СССР», например, Б. А. Рыбаков указывает на походы «гетов» при императоре Анастасии (491—518 гг.), поход антов 518 г., набеги, происходившие около 530 г., походы 578—581 гг., 582 г.⁴⁷ В книге «Нариси стародавньої історії Української РСР» отмечены события 518, 534, 550—551 гг.⁴⁸ А. П. Каждан называет следующие походы: вторжение 517 г., когда «гетские» всадники опустошили Фессалию и дошли до Фермопил; походы 540, 551, 559 гг., первое вторжение славян в Грецию в 578 г., походы 581 г. и, наконец, вторжение 587 г., во время которого были взяты Сингидон, Анхиал и опустошена вся Греция⁴⁹. В III томе «Всемирной истории» упомянуты походы 578 и 581 гг.⁵⁰ Они же и в дополнение к ним поход 626 г. фигурируют в «Очерках истории Византии и южных славян» А. П. Каждана и Г. Г. Литаврина⁵¹. С. А. Никитин в «Истории Болгарии» перечисляет несколько большее количество фактов: вторжение «гетов» в 493 г., походы 517, 527 (имеется в виду тот поход, который другие авторы датируют 518 г.), 535, 540—542, 548, 578, 581, 617, 626 гг.⁵² Зато в «Истории южных и западных славян» тот же автор отмечает лишь два события: вторжения 517 и 527 (518) гг.⁵³ и т. д.⁵⁴

Нетрудно подметить здесь различный подход авторов к отбору примеров: в одном случае список приводимых фактов имеет чисто случайный характер, в других исследователя привлекает нечто особенное, чему придается специальное значение. Так, З. В. Удальцова и А. П. Каждан отмечают поход 578 г. как первое свидетельство вторжения славян в собственно греческие земли (хотя это не совсем верно, так как славяне проникли в Эпир и Фессалию уже во время похода 517 г.). Поход 581 г. привлекает внимание исследователей постольку, поскольку именно с ним связано известное высказывание Иоанна Эфесского о славянизации Балкан. Поход 626 г. Каждан склонен считать кульминационным моментом славяно-аварского наступления на Византию⁵⁵ и т. д. Чем объяснить, однако, упоминание таких событий, как походы 535 г. или 548 г.? Это были заурядные, хотя, может быть, и опустошительные набеги. Перечисление случайно подобранных фактов, приводимых лишь для иллюстрации и притом таким образом, что по большей части одни с успехом могут быть заменены другими, мало продвигает разработку проблемы вперед. Никто из исследователей еще не ставил перед собой задачи систематизировать эти факты, попытаться выделить среди них действительно важные, определить то новое, чем каждое из последующих событий отличалось от предшествующих, и таким образом раскрыть общую тенденцию в развитии славяно-византийских отношений VI—VIII вв. Целесообразным, с нашей точки зрения, было бы углубленное исследование каждого из конкретных эпизодов: оно позволило бы выяснить его специфические особенности и определить место и значение среди других, подобных ему.

⁴⁷ «Очерки истории СССР. III—IX вв.»

⁴⁸ «Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ, 1957, стор. 351—353.

⁴⁹ А. П. Каждан. Славяне и падение рабовладельческих отношений в Византии, стр. 55—56.

⁵⁰ «Всемирная история», т. III, стр. 90—91.

⁵¹ А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958, стр. 40—42.

⁵² «История Болгарии», т. I. М., 1954, стр. 37—44.

⁵³ С. А. Никитин. «Історія південних і західних слов'ян», стор. 12.

⁵⁴ Из-за неуточненности отдельных датировок и возникающей отсюда путаницы у некоторых авторов названы походы, которых в действительности не было.

⁵⁵ А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян, стр. 42.

В нашей литературе имеется определенный опыт в данном направлении: отметим, например, исследование А. Дьяконова, посвященное войне 540—542 гг.⁵⁶; во многих работах фигурирует эпизод с Хильбудием и Псевдо-Хильбудием, тоже еще, впрочем, специально не изученный. Большой интерес представляют исследования Б. А. Рыбакова, связанные с истолкованием летописного предания о начале Киева и его легендарном основателе Кие, предпринимавшем экспедиции на Дунай и подвизавшемся при дворе византийского императора (под последним Рыбаков подразумевает Юстиниана I, что нельзя считать достаточно обоснованным)⁵⁷. Эти исследования открыли нам совершенно новый эпизод в истории славяно-византийских отношений VI или начала VII в.

Специальные разыскания аналогичного порядка предпринимаются также сербскими и болгарскими учеными. Так, болгарская исследовательница В. Тыпкова-Займова изучила весьма важный и доселе неизвестный эпизод в истории славяно-византийских войн — нападение славян на Фессалонику в 530 г.⁵⁸

Подобные работы имеют принципиальное значение, так как исследователям приходится считаться со специфическим характером источников, имеющих в их распоряжении. Главная трудность заключается в том, что эти источники часто называют славян не их собственным именем, а «гетами», «сарматами», «гуннами», «скифами» или даже просто «варварами». Выяснить, когда под этим именем действительно скрываются славяне, а когда какой-либо другой народ, не так просто. Иногда на помощь приходят археологические изыскания. Например, А. П. Каждан использует данные раскопок погребений VII в. н. э. близ Коринфа для обоснования тезиса о наличии славянского населения на севере Пелопоннеса и его участия в осаде Коринфа в VII в.⁵⁹

Исследования такого рода должны быть продолжены. Но главная задача, думается, состоит в том, чтобы из нерасчлененного потока набегов и мелких войн выделить цепь основных существенных событий и таким образом реконструировать общую картину славянского наступления на Византию.

Как уже указывалось, среди советских историков преобладает убеждение, что Балканские войны VI—VII вв. н. э. явились новым этапом в борьбе славян против рабовладельческого мира. В связи с этим возникает вопрос о том, когда начался этот новый этап и чем он отличался от предыдущего. Принципиально правильный ответ на вторую часть вопроса был дан еще А. В. Мишулиным⁶⁰, подчеркнувшим, что славяне именно тогда впервые в своей истории выступили на исторической арене как вполне самостоятельная, организованная сила. Что касается определения начальной даты самостоятельных выступлений славян, то это не вполне ясно. В дореволюционной литературе принято было считать самой ранней самостоятельной акцией славян против Византии поход, приуроченный Прокопием к первому году правления Юстиниана I, но на основании некоторых косвенных наблюдений отнесенный Ф. И. Успенским к первому

⁵⁶ А. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв. ВДИ, 1946, № 1.

⁵⁷ Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 46—47; его же. Начало русского государства. «Вестник МГУ», 1955, № 4—5, стр. 58—66; «Очерки истории СССР. III—IX вв.», стр. 773—780.

⁵⁸ В. Тыпкова-Займова. Нападения «варваров» на окрестности Солуни в первой половине VI в. ВВ, XVI, 1959, стр. 3—7.

⁵⁹ А. П. Каждан. Современная буржуазная историография о славянских переселениях в Византию. КСИС, № 11, 1953, стр. 69—70.

⁶⁰ А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи, ВДИ, 1949, № 1.

году царствования Юстина, т. е. к 518 г.⁶¹ В настоящее время есть данные, позволяющие предполагать, что славяне предпринимали аналогичные экспедиции и до этого. Е. Э. Липшиц, в частности, склонна отнести начало славянской колонизации к V в., а может быть, и к более раннему времени⁶². Она ссылается на участие славян в восстании Виталиана в 513 г. и — вслед за А. А. Васильевым⁶³ — на походы тюркских болгар в Грецию в конце V и начале VI в., во время которых «варвары» доходили до Фермопил. Но и эти факты в свою очередь не могут рассматриваться в качестве начальных эпизодов славянского движения в пределы империи: как мы уже знаем, есть основания относить его начало по крайней мере ко II—III вв. н. э.

Е. Э. Липшиц смешивает здесь, по-видимому, три разных явления: а) начало движения славян против рабовладельческой империи вообще (оно приходится на II—III вв. н. э.); б) начало самостоятельных военных действий славян против Византии на землях, расположенных к югу от Дуная (VI в. н. э.); в) начало славянской колонизации балканских земель. Конечно, славяне принимали участие во многих направленных против империи военных акциях и в V — начале VI в., и в еще более раннее время, но главными действующими лицами этих событий были другие группы племен. Набеги тюрков-болгар или восстание Виталиана тем более не могут свидетельствовать о начале славянской колонизации византийских владений, которая развернулась значительно позже.

В связи с этим чрезвычайно важными представляются попытки определить различия в самом характере славяно-византийских отношений на разных этапах их развития. Так, З. В. Удальцова проводит существенное разграничение между событиями первой и второй половины VI в.

Действительно, хотя до середины VI в. славяне и предпринимали массовые походы против Византии, но это были лишь отдельные, иной раз, правда, неплохо организованные, однако «сезонные» экспедиции; как отмечает Прокопий, впервые они остались на зиму в пределах империи только во время войны 550—551 гг. Поэтому говорить о колонизации византийских земель в первой половине VI в. еще не приходится. «Картина резко изменилась лишь со второй половины VI в. Потрясаемая восстаниями рабов, колонов и городской бедноты, Византийская империя была уже не в силах противиться натиску славян и других народов»⁶⁴.

Исследование конкретных событий славяно-византийских столкновений, естественно, требует усиленной разработки источниковедческих вопросов. Сейчас уже трудно рассчитывать на обнаружение каких-либо неизвестных текстов, способных дать принципиально новые сведения фактического характера. Главной задачей является углубленное изучение имеющегося источниковедческого фонда, тщательное переосмысление уже известных, но далеко еще не понятых до конца фактов.

Одним из значительных достижений советского византиноведения следует считать налаженную публикацию источников, среди которых имеется немало и таких, которые содержат известия о древних славянах и их взаимоотношениях с Византией. В 1950 г. было предпринято полное издание книги Прокопия «О готской войне»⁶⁵, являющейся важнейшим источником по истории славян в VI в. н. э. Это — первое издание памятника в

⁶¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, изд. Брокгауз — Ефрон, стр. 465.

⁶² Е. Э. Липшиц. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма. ВИ, 1961, № 6, стр. 106.

⁶³ А. А. Васильев. Славяне в Греции. ВВ, V, 1898, стр. 408.

⁶⁴ См. «Всемирная история», т. III, стр. 90.

⁶⁵ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.

русском переводе — до того времени имелись лишь переводы других книг: «О войнах Юстиниана» (о войнах с персами и вандалами), а также «О постройках» и «Тайная история». За переводом Прокопия последовали издания Агафия Миринейского (подготовленного к печати покойным М. В. Левченко⁶⁶), затем — Феофилакты Симокатты (Н. В. Пигулевская, С. П. Кондратьев, К. А. Осипова)⁶⁷ и, наконец, совсем недавно — образцовое издание Иордана, с большим мастерством осуществленное Е. Ч. Скржинской⁶⁸. Нельзя не отметить также публикации «Бревиария» Никифора⁶⁹ и ряда отрывков, вошедших в сборник документов по социально-экономической истории Византии⁷⁰.

Все эти издания способствуют расширению источниковедческой базы для разработки интересующей нас проблемы.

В центре внимания исследователей остается вопрос о последствиях славянской колонизации Балкан для Византии. Советские ученые подвергли убедительной критике антинаучные взгляды по этому вопросу, проповедуемые на страницах буржуазных изданий. Некоторые зарубежные историки и сейчас, вопреки многочисленным фактам, накопленным наукой, продолжают либо вовсе отрицать всякое значение славянских вторжений в пределы империи, либо же стараются представить славян в виде дикой разрушительной силы, способной только уничтожать, но не создавать ничего нового. В плане разоблачения этих измышлений особое значение имеет статья А. П. Каждана, содержащая критику взглядов А. Грегуара, К. Амандоса, А. Бона, К. М. Сеттона и др.⁷¹

Советскими исследователями твердо установлено, что славяне в VI—VIII вв. оказали большое влияние на все дальнейшее развитие Византии. В работах исследователей отмечаются изменения в этническом составе населения Балкан, участие славян в ниспровержении рабовладельческого строя и в создании новой системы общественных отношений. При этом справедливо подчеркивается, что хотя Византия испытала натиск разных племен и народов (германцев, персов, армян, арабов и т. д.), именно славяне сыграли наиболее существенную роль в ее истории. «Ни одно из этих вторжений, — пишет А. П. Каждан, — не имело такого значения, как славянское. Другие народы приходили и уходили, и лишь скромные осколки промелькнувших племен оставались на ромейской земле; славяне же осели на Балканском полуострове, образовав здесь свои первые государственные объединения. Вместе с тем они составили важный этнический слой населения ряда областей Восточной Римской империи и оказали существенное влияние на ее социально-экономическое развитие»⁷². Важную роль славян в судьбах империи отмечают Э. В. Удальцова⁷³, М. Я. Сюзюмов⁷⁴, А. Е. Москаленко⁷⁵ и многие другие исследователи.

Последствия славянской колонизации Балкан были двоякого рода: пе-

⁶⁶ А г а ф и й. О царствовании Юстиниана. М.—Л., 1953.

⁶⁷ Ф е о ф и л а к т С и м о к а т т а. История. М., 1957.

⁶⁸ И о р д а н. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.

⁶⁹ Е. Э. Л и п ш и ц. Никифора, патриарха Константинопольского, краткая история со времени после царствования Маврикия. ВВ, III, 1950, стр. 349—387.

⁷⁰ «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М., 1951, стр. 73—102.

⁷¹ А. П. К а ж д а н. Современная буржуазная историография о славянских переселениях в Византию, стр. 65—75.

⁷² А. П. К а ж д а н, Г. Г. Л и т а в р и н. Очерки истории Византии и южных славян, стр. 43.

⁷³ См. «Всемирная история», т. III, стр. 90—91.

⁷⁴ М. Я. С ю з ю м о в. Некоторые проблемы истории Византии, стр. 98—117.

⁷⁵ А. Е. М о с к а л е н к о. О роли древних славян в исторических судьбах Восточной Римской империи. «Преподавание истории в школе», 1956, № 2.

ремены в этническом составе населения земель, затронутых колонизацией, и изменения в социально-экономическом строе Византии.

Большинство исследователей главное внимание уделяет вопросам социально-экономического характера (А. П. Каждан, З. В. Удальцова, М. Я. Сюзюмов и др.). Однако имеются примеры и другого подхода к рассмотрению проблемы. В частности, С. А. Никитин подчеркивает лишь явления этнографического порядка: он говорит об ассимиляции местных племен славянами и в связи с этим — об образовании южнославянских народов⁷⁶. Эта сторона вопроса является наименее проблематичной: современная этнографическая карта Балкан представляет собой лучшее отражение данного процесса. Основное население балкано-дунайских земель в древности не может, вопреки утверждениям Н. С. Державина и некоторых других исследователей, считаться славянским по своему происхождению. Пространства северо-восточной части Балканского полуострова были заселены в основном фракийцами, северо-западной — иллирийскими племенами, а южной — греками. В процессе многочисленных смещений, передвижения населения, вторжений и миграций здесь так или иначе были представлены и другие этнические группы: скифская, сарматская, готская, римская, кельтская и т. д. Если в настоящее время весь север Балканского полуострова входит в состав славянских земель, то этот факт является непосредственным результатом славянской колонизации, охватившей земли к северу от Дуная еще в первые века н. э., а территорию к югу от реки — главным образом начиная с середины VI в.

Проблема южнославянского этногенеза весьма интересна и важна, однако, поскольку речь идет о существе тех изменений, которые повлекло за собою оседание славянских племен на византийских землях, то на первый план выдвигается социально-экономическая проблема. В VI—VIII вв. в Византии (как и во всей Европе) осуществлялся окончательный переход от изжившего себя рабовладельческого способа производства к феодальному. В Византии этот процесс протекал в условиях славянских вторжений, подобно тому как в Западной Римской империи — в условиях завоевания германскими племенами. Этот факт, твердо установленный в советской литературе еще в конце 30-х и в 40-е годы, является тем исходным пунктом, от которого в настоящее время отправляются исследователи, занятые изучением славяно-византийских отношений в раннее средневековье.

Социальное значение славянской колонизации заключалось прежде всего в притоке новых свежих масс свободного населения на византийские земли, подвергавшиеся на протяжении нескольких веков разорению и опустошению. В буржуазной науке существует даже представление, что вклад славян в историю Византии ограничился простым увеличением количества рабочих рук, так что никаких изменений в области общественного устройства славяне якобы не внесли (А. П. Каждан и З. В. Удальцова называют это направление буржуазного византиноведения «демографическим» и подвергают его резкой критике⁷⁷).

В противовес этой точке зрения советскими учеными убедительно доказано, что славяне принимали самое активное участие в преобразовании византийского общества на новой социально-экономической основе. В самых общих словах, роль славян в истории Византии заключалась в том, что они «так же, как и германцы, своими вторжениями, сливавшимися с восстаниями рабов и колонов внутри Римской империи, сокрушили рабства-

⁷⁶ «Історія південних і західних слов'ян», стор. 12.

⁷⁷ З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые перешенные проблемы социально-экономической истории Византии, стр. 87.

дельческое общество и на его развалинах стали строить общество феодальное»⁷⁸.

В глазах угнетенных пизов византийского общества славяне были носителями свободы, естественными союзниками трудящихся масс империи в их борьбе с собственными угнетателями. Этим славянские вторжения отличались от вторжений персов или арабов, знавших развитые формы классового угнетения и несших византийским крестьянам вместо одной неволи другую.

Уже движение причерноморских племен против Римской империи в первые века н. э. находило поддержку эксплуатируемых масс поработенной римлянами Дакии. Как установлено работами А. Д. Дмитриева⁷⁹, И. Т. Кругликовой⁸⁰, Ю. К. Колосовской⁸¹, на протяжении всей римской оккупации, начиная со времени Траяновых войн, здесь не прекращалось освободительное движение местных племен. На него в значительной степени и опирались внешние вторжения, в том числе те, в которых принимали участие славяне. В V в. в пограничных провинциях Византии развернулось движение скамаров, сыгравшее немалую роль в успешном развитии славянского наступления V—VII вв. Этому движению и именно в связи с проблемой славяно-византийских отношений посвящена статья А. Д. Дмитриева⁸². Автор приходит к обоснованному выводу, что скамары «оказывали могучую поддержку вторгавшимся славянам и вместе с последними принимали активное участие в разрушении рабовладельческих порядков Восточноримской империи»⁸³. И дальше: «Скамары, как борцы против римского, а затем и византийского гнета в течение продолжительного времени выступали в союзе с вторгшимися на Балканский полуостров и утверждавшимися там славянскими и другими племенами»⁸⁴.

Итак, славянские вторжения, столь ужасавшие рабовладельческую верхушку византийского общества, сочувственно воспринимались широкими массами трудового населения. Причина этого заключалась в том, что, выступая против рабовладельческих порядков, славяне способствовали облегчению положения этих масс (уменьшали подати и т. д.)⁸⁵.

Советские историки считают наиболее важным результатом славянской колонизации, слившейся с революционными выступлениями рабов и колоннов, уничтожение крупного землевладения, которое перестало быть господствующей формой аграрных отношений и вынуждено было уступить место мелкому крестьянскому хозяйству⁸⁶. «Итогом длительной борьбы славян с последним могущественным рабовладельческим государством в Европе, — пишет Б. А. Рыбаков, — было... то, что огромные массы свободных общинников... хлынули на Балканский полуостров и стали его основным населением. Господствующий класс империи не исчез, разумеется, и не потерял полностью своих латифундий, но он утратил свое исключительное положение..., сотни тысяч славян ворвались в империю, уничтожая укрепления латифундий и уводя в плен богатую аристократию в надежде на выкуп.

⁷⁸ А. Е. Москаленко. Указ. соч., стр. 113.

⁷⁹ А. Д. Дмитриев. Падение Дакии. ВДИ, 1949, № 1, стр. 76—85; его же. Восстание вестготов на Дунае и революция рабов. ВДИ, 1950, № 1, стр. 66—80.

⁸⁰ И. Т. Кругликова. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955, стр. 135—142.

⁸¹ Ю. К. Колосовская. К истории падения римского господства в Дакии ВДИ, 1955, № 3, стр. 63—84.

⁸² А. Д. Дмитриев. Движение скамаров. ВВ, V, 1952, стр. 3—14.

⁸³ Там же, стр. 3.

⁸⁴ Там же, стр. 14.

⁸⁵ См., например, «Всемирная история», т. III, стр. 91.

⁸⁶ З. В. Удалцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии, стр. 87

Возврат к рабовладельческим формам стал невозможен: «вчераших победителей славян нельзя было превратить в рабов»⁸⁷.

Уничтожение (хотя и неполное) крупного землевладения и освобождение основного производителя из рабского состояния — это были две стороны одного процесса формирования предпосылок для утверждения феодального способа производства.

При всей бесспорности общей концепции, выработанной советской наукой, отдельные детали ее требуют еще своего уточнения и разъяснения. На первый взгляд существенная (если не решающая) роль славян в генезисе византийского феодализма как будто полностью доказана. По словам А. П. Каждана, «славяне омолодили Византию точно так же, как это сделали германцы в отношении Западной Римской империи»⁸⁸.

Но при этом все же следует учитывать, что, в отличие от германцев и Западной Римской империи, славянская колонизация затронула далеко не всю территорию Византии; кроме того, те земли, которые подверглись колонизации, отпали от Византии прежде, чем процесс феодализации был окончательно завершен (Болгария, несколько позже — Сербия, Хорватия и т. д.). Следовательно, между судьбой Западной и Восточной империи имелась существенная разница: в одном случае не только общественный строй, но и государственная машина были полностью сломаны в результате вторжений «варваров», тогда как в другом последняя осталась в неприкосновенности и постепенно эволюционизировала вслед за эволюцией социально-экономических отношений. Иными словами, если на Западе феодализации подверглись новые общественные организмы, возникшие на руинах мертвого рабовладельческого Рима, то на Востоке происходила феодализация той же самой империи, лишь краем затронутой внешними вторжениями. Многие исследователи (А. П. Каждан⁸⁹, А. Е. Москаленко⁹⁰) отличают в связи с этим Восточноримскую (рабовладельческую) империю от Византийской (феодальной), полагая, что первая была ликвидирована в результате внутренних народных движений и вторжения «варваров» (подобно Западной), а вторая возникла на ее развалинах как совершенно новый общественный организм. Такая постановка вопроса была намечена еще А. В. Мишулиным, который свою вторую статью, посвященную оценке роли славян в истории Византии, даже назвал «Древние славяне и крушение Восточноримской империи»⁹¹.

Социально-экономический аспект подобного представления является вполне обоснованным: Византийская империя VI в. была чем-то принципиально новым по сравнению с древней Восточноримской. Что же касается политического аспекта, то прав М. Я. Сюзюмов, когда он возражает против такого расчленения, указывая, что переход от рабовладельческого строя к феодализму в Восточноримской империи осуществлялся все же в рамках одного и того же государства, которое, следовательно, не потерпело крушения, но лишь изменило свою социальную природу⁹². Разумеется, это утверждение отнюдь не означает возрождения нелепого тезиса, против которого были направлены выступления А. П. Каждана и А. Е. Москаленко, будто славяне своими вторжениями и колонизацией способствовали укреплению рабовладельческой империи.

⁸⁷ «Очерки истории СССР. III—IX вв.», стр. 110.

⁸⁸ А. П. Каждан. Славяне и падение рабовладельческих отношений в Византии, стр. 58.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ А. Е. Москаленко. Указ. соч., стр. 112—114.

⁹¹ ИЖ, 1941, № 10—11.

⁹² М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии.

Своеобразие положения и заключается как раз в том, что сплошная славянская колонизация, в отличие от «варварских» вторжений на западе империи, затронула лишь часть византийских земель. Здесь она действительно привела к слому византийского государственного аппарата и возникновению новых славянских государств (Болгарии, Сербии, Хорватии). Та же часть империи, которая не была занята славянами или где славянские переселенцы не составили большинства населения (в том числе и Константинополь, в отличие от Рима, устоявший перед «варварами»), сохранила свою прежнюю государственность, в рамках которой и был осуществлен переход к феодализму. Как видим, говоря о славянском влиянии на процесс государственного и политического развития Византии, нельзя рассматривать этот процесс в масштабах империи в целом: славянская колонизация, в разной степени затронувшая отдельные районы империи, имела для них и разные последствия.

Другим спорным вопросом, поскольку речь идет о последствиях славянской колонизации византийских земель, является вопрос об историческом месте славян в эволюции византийской общины⁹³. Существо его определяется тем, что общинные порядки VIII в., обрисованные в «Земледельческом законе», отражают состояние общества более архаичское, нежели византийское законодательство времени Юстиниана. Сопоставляя данные источников VI в. с данными «Земледельческого закона», мы неизбежно приходим к выводу об архаизации общественного строя Византии, имевшей место где-то на протяжении VII в. и заключавшейся в почти полном исчезновении основной категории зависимых крестьян и явном преобладании свободного крестьянского труда.

Возникает вопрос, какова была роль славян в этом процессе и в какой мере славянская община, принесенная на Балканы переселенцами, повлияла на судьбы византийской. В русской дореволюционной литературе была выдвинута концепция, согласно которой община «Земледельческого закона» и является славянской общиной, появившейся на византийских землях вместе со славянами-переселенцами. Хотя советские исследователи не отрицают наличия в этой концепции известного рационального ядра, в настоящее время она (по крайней мере в том виде, в котором была сформулирована В. Г. Васильевским и Ф. И. Успенским) отвергается. Признается, что община существовала в Византии до славянской колонизации и независимо от нее; славяне же оказали существенное влияние на ее развитие, и прежде всего на ее положение в общей системе социальных отношений в империи VII—VIII вв. А. П. Каждан говорит даже о формировании славяно-византийской общины в результате славянских вторжений VI — начала VIII в.⁹⁴ Таким образом, вопрос о том, что произошло с византийской общиной в указанное время и что именно внесло славянское переселение в процесс ее развития, полностью сохраняет свою актуальность.

З. В. Удальцова и А. П. Каждан, отмечая изменения, происшедшие в византийской общине и заключавшиеся, по их мнению, в отмене периодических переделов, наличии элементов семейной собственности и сильно развитых прав на чужую землю⁹⁵, указывают две причины этих измене-

⁹³ М. Я. С ю з ю м о в. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. ВВ, X, 1956, стр. 27—47; А. П. К а ж д а н. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—IX вв. ВВ X, 1956, стр. 48—65.

⁹⁴ А. П. К а ж д а н. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—IX вв., стр. 49—50.

⁹⁵ З. В. У д а л ь ц о в а, А. П. К а ж д а н. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии, стр. 86.

ний: внутренние потрясения, пережитые Восточноримской империей, и внешние вторжения (в первую очередь славянские)⁹⁶. Таким образом, славянская колонизация рассматривается в качестве одного из двух факторов, обусловивших вышеупомянутые изменения.

М. Я. Сюзюмов, разделяя мнение, что «славяне принесли в Византию общину», считает вместе с тем необходимым уточнить его⁹⁷. Он полагает, что славянское влияние не отразилось на формах крестьянского землевладения, которое и до и после появления славян представляло собою частную собственность; разница состояла в том, что в новых условиях, определявшихся притоком большого количества свободного населения, свобода этой собственности стала ограничиваться самой общиной. Длительное время спустя эта тенденция нашла и свое юридическое оформление в законодательных актах⁹⁸. По словам исследователя, «византийская община под славянским влиянием развивалась, но не деградировала на низшую стадию имущественных отношений». Славяне в момент появления на территории Византии находились уже на высокой стадии развития, при которой «техника обработки земли, пашни, огорода, виноградника предполагала труд отдельной (хотя и большой) семьи..., это обстоятельство и делало славянских поселенцев в районах греческого населения восприимчивыми к нормам полной частной собственности»⁹⁹.

Во всяком случае, рассматривая вопрос об эволюции византийской общины, следует говорить о влиянии славян на этот процесс только в отношении тех земель, которые были непосредственно затронуты славянской колонизацией. А как же быть с прочими, население которых значительно превышало население территорий, заселенных славянами? Ссылки на то, что остальные земли подверглись заселению готами или армянами, не решают вопроса: трудно представить, чтобы влияние пришельцев при всех обстоятельствах оказалось бы абсолютно одинаковым; нельзя не учитывать хотя бы того, что армяне, например, знали в то время развитые рабовладельческие отношения.

Таким образом, одной из задач дальнейших исследований является выяснение конкретного вклада в развитие византийской общины, внесенного славянами и прочими «варварами».

* * *

Подводя итоги сказанному, видим, что в успешно развивающемся советском византиноведении сделано очень много для правильного понимания истории славяно-византийских отношений VI—VIII вв. и их значения в судьбах Византии. Но, как это бывает обычно, успешная разработка проблемы, давая ответ на одни вопросы, одновременно ставит новые, которые также требуют дополнительного изучения. Этим определяется в настоящее время направление дальнейшей работы исследователей славяно-византийской проблематики.

⁹⁶ Там же, стр. 86—87.

⁹⁷ М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии, стр. 101.

⁹⁸ Там же, стр. 108—109.

⁹⁹ М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии, ВВ, XVII, 1960, стр. 5.

В. ЦЕРАН

ПОЛЬСКОЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ

В 1957—1961 гг. *

Польское византиноведение — молодая наука. Первая в Польше кафедра истории Византии была основана в 1935 г. в Варшавском университете. Ее деятельность прервала вторая мировая война. Только в октябре 1957 г. при Лодзинском университете был организован Институт истории Византии во главе с профессором-доктором Г. Эверт-Каппесовой. Вскоре после этого начал свою деятельность византиноведческий центр в Варшаве, группирующийся вокруг профессора-доктора К. Куманецкого и профессора-доктора А. Гейштора. Заслуживает упоминания также познанский центр, где под руководством профессора-доктора Г. Лябуды ведется изучение истории раннего славянства. Таким образом, ныне в Польше имеется определенная база для разработки истории Византии, способная обеспечить будущее польского византиноведения. Этот оптимистический взгляд был высказан Г. Эверт-Каппесовой в докладе на конференции византинистов в Праге (27.X—2.XI 1957 г.). Докладчица обрисовала в основных чертах состояние польского византиноведения в 1935—1957 гг. и наметила пути его дальнейшего развития. Г. Эверт-Каппесова указала, что в своем историческом развитии Польша была связана как с Западом, так и с Востоком. О тесных контактах Польши с Византией свидетельствуют не только исторические факты, зафиксированные в письменных источниках, но и, еще более убедительно, археологические данные. Эта проблема, однако, освещена еще недостаточно и на решение ее, по мнению докладчицы, должны быть направлены усилия как историков, так и археологов¹.

Специальную статью Г. Эверт-Каппесова посвятила первому польскому историку-византинисту К. Закржевскому². Характеризуя его облик, автор особенно подчеркивает значение общественной деятельности этого историка. Он принадлежал к тому типу ученых, которые не замыкаются в своем кабинете, а, напротив, активно участвуют в жизни общества. Именно за свою патристическую деятельность К. Закржевский был убит 11 марта 1941 г. гестаповцами. Он не успел создать большого числа работ, но то, что

* Характеристику важнейших работ польских византинистов, опубликованных в 1920—1957 гг., см. в статье: Г. Эверт-Каппесова. Исследования по византиноведению в Польше. ВВ, XIII, 1958, стр. 327—336; исчерпывающие данные о развитии византийской папирологии (до 1957 г.) содержатся в статье: Ю. Моджеевский. Работа польских ученых в области византийской папирологии. ВВ, XII, 1957, стр. 304—311. Приходится с сожалением констатировать, что после смерти Р. Таубеншлага и временного выезда из Польши Ю. Моджеевского не было опубликовано ни одной новой работы, которая могла бы быть упомянута в настоящем обзоре.

¹ H. Evert-Kappesowa. L'Etat et l'avenir des études byzantines en Pologne. BS, vol. 19, 1958, S. 226—230.

² H. Evert-Kappesowa. Casimir Zakrzewski, le premier byzantologue Polonais. «Palaeologia», vol. VII, № 3—4. Osaka, 1959, S. 99—106.

им сделано, ставит его в один ряд с первоклассными учеными. Значительная часть исследований К. Закржевского трактует вопросы истории Римской империи в переходную эпоху от собственно Римской к Византийской империи. Среди чисто византийских проблем, занимавших ученого, основной была экономическая и общественная жизнь Восточной империи в конце IV — начале V в.

Участниками семинара, проводившегося в Институте истории Византии, под руководством Г. Эверт-Каппесовой была написана коллективная работа «Антонина и Велисарий», прочитанная затем на конференции византистов в Веймаре (17—22.IV 1961 г.)³. Авторы рассматривают здесь главным образом отношения между Антониной, ее мужем Велисарием и императрицей Феодорой. Эта работа знакомит с атмосферой при дворе Юстиниана, а также проливает свет на столь неясную до сих пор роль Антонины в событиях политической жизни того времени.

Перу Г. Эверт-Каппесовой принадлежит также «Очерк истории византийской деревни VII—IX столетий», который публикуется в «*Societas Scientiarum Lodziensis*». В первом разделе работы анализируется структура деревни VII в. Источником автору послужил здесь египетский материал; какие-либо данные, характеризующие аграрные отношения VII в. в других районах Византийской империи, отсутствуют. Во втором разделе «Очерка» рассматривается влияние славянской колонизации на социальные порядки византийской деревни. В третьем разделе автор характеризует крупное землевладение в Византии VIII—IX вв. Главными источниками, на которых основана работа, явились хроники, агиографические памятники, «Земледельческий закон» и др. Серьезным вкладом в изучение истории Византии являются также рецензии Г. Эверт-Каппесовой: в них содержится много интересных наблюдений, сделанных в ходе ее исследовательской работы⁴.

Основываясь на текстах писателей V—VI вв., И. Куранц предпринял попытку охарактеризовать византийскую историографию этого времени⁵. Он обрисовал социально-политическую обстановку в Византии рассматриваемого периода и привел в своем историографическом обзоре ряд интересных отрывков из произведений ранневизантийских историков. В статье содержатся, однако, дискуссионные, а иногда и ошибочные положения. Неверным, например, является утверждение, будто Юстиниан приехал в Константинополь вместе со своим дядей Юстином и вместе с ним вступил в императорскую гвардию, а образование получил якобы уже после того, как стал императором (стр. 80—81). Еще К. Закржевский, на которого ссылается автор, а также другие историки показали, что, только достигнув высокого военного чина, Юстин перевел своего племянника (Юстиниана) в столицу, усыновил его и дал ему образование⁶. Непонятно, почему автора удивляет то, что византийские историки V и VI вв. занимались не

³ Эта работа будет опубликована в «Дневниках» конференции.

⁴ Важнейшие рецензии Г. Эверт-Каппесовой опубликованы в следующих изданиях: «*Studia źródłoznawcze*», I, 1957, str. 291—292 (F. D ö l g e r. Das Kaiserjahr der Byzantiner); BS, vol. 18, 1957, S. 103—106 (D. E i c h m a n n. Weihe und Krönung des Papstes im Mittelalter); «*Kwartalnik historyczny*», LXVII, 1960, str. 1117—1120 (R. G u i l l a n d. Etudes byzantines); BS, vol. 20, 1959, S. 78—82 (J. M. H u s s e y. The Byzantine World); BS, vol. 21, 1960, S. 301—310 (J. G i l l. The Council of Florence); BS, vol. 22, 1961, S. 93—95 (W. O h n s o r g e. Abendland und Byzanz).

⁵ J. K u r a n c. Sposób przedstawiania dziejów przez historyków wczesno-bizantyjskich (V i VI w.). «Roczniki humanistyczne. Prace z zakresu filologii klasycznej». Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Lublin, 1957, str. 75—103.

⁶ K. Z a k r z e w s k i. Dzieje Bizancjum. «Wielka historia powszechna», t. 4, str. 37; L. B r é h i e r. Vie et mort de Byzance. Paris, 1948, p. 21.

только судьбами «своей Византии», но затрагивали и события, происходившие в западной части прежней Римской империи (стр. 78): ведь идея «Imperium Romanum» была еще жива в эти столетия, а во времена Юстиниана получила даже конкретное воплощение. Не отличаются оригинальностью выводы автора (стр. 101—102): положение о том, что в ранневизантийской историографии «наряду с сухими работами имеются работы, написанные интересно», носит слишком общий характер и может быть отнесено ко всей историографии в целом вплоть до современной; то обстоятельство, что в хрониках чаще всего описываются современные автору, а не давно прошедшие события, также присуще отнюдь не одной только ранневизантийской историографии — это характерная черта большинства средневековых хроник. Нельзя согласиться и с утверждением И. Куранца, что целью написания исторических сочинений, разбираемых в его статье, было желание их авторов поведать потомкам о деяниях минувшего. Проконий Кесарийский, например, работая над сочинением «De Aedificiis», имел в виду не столько потомков, сколько вознаграждение; его «Anecdota» также были предназначены скорее для современников.

Статья И. Куранца не лишена и некоторых других недочетов. В такой специальной работе, как эта, следовало бы пользоваться соответствующей терминологией: между тем автор пишет не «ритор», а «учитель красноречия» и т. д. Некоторые понятия, применяемые И. Куранцем, являются слишком широкими, а потому неясными (например, «деятельные люди»).

Тем не менее статья по материалу своему представляет интерес; написанная по-польски, в определенной мере она содействовала решению задач, поставленных И. Куранцем.

Этому же автору принадлежит ценная для византиноведов монография о Приске⁷. Поскольку об этом историке до сих пор не было монографических исследований, восполнение данного пробела — несомненная заслуга И. Куранца. В десяти коротких главах он описывает жизнь Приска и разбирает его произведения. Особого внимания заслуживает, в частности, четвертая глава, в которой сведены воедино и снабжены критическим комментарием все фрагменты «Historiae» Приска, сохранившиеся в более поздних работах. В последующих главах автор рассматривает произведения Приска с филологической точки зрения, определяя время создания им того или иного сочинения, устанавливая авторов, произведениями которых Приск пользовался, а также тех, которые использовали его собственные сочинения, исследует манеру изложения Приска и особенности его языка. И. Куранц разбирает также вопрос о достоверности содержания произведений Приска; по мнению автора, она не вызывает больших сомнений.

В 1959 г. Западный институт опубликовал подготовленные Т. Лер-Сплавиньским «Жития Константина и Мефодия»⁸, предоставив тем самым в распоряжение историков-византинистов весьма важный источник. Он имеет исключительное значение не только для ознакомления с историей миссионерской деятельности Солунских братьев, но и для изучения различных сторон светской и церковной жизни в Византии и Моравии, а также для освещения многих теологических проблем. До сих пор в Польше было полностью опубликовано только «Житие Мефодия» и отрывки из «Жития Константина»⁹. Настоящее же издание содержит так называемый

⁷ K. K u r a n c. De Prisco Panita rerum scriptore quaestiones selectae. Lublin, 1959, 86 str.

⁸ Żywoty Konstantyna i Metodego (obszerne). Przekład polski ze wstępem i objaśnieniami oraz z dodatkiem zrekonstruowanych tekstów staro-cerkiewno-słowiańskich sporządził T. Lehr-Splawiński. Poznań, Instytut zachodni, 1959, 152 str.

⁹ См. Monumenta Poloniae Historica, t. I, str. 85—122.

пространный текст обоих «Житий»: они приведены здесь в оригинале и в польском переводе в соответствии с требованиями, предъявляемыми филологической критикой к подобным публикациям. Старославянский текст памятника представляет собой реконструкцию его первоначального текста; в известных более поздних копиях «Жития», относящихся к XIV—XV вв., много искажений. Разночтения между восстановленным текстом и копиями оговорены в примечаниях. Следует отметить, что основные положения, развиваемые во введении к публикации [I Историческая среда «Житий» Константина и Мефодия; II «Жития» Константина и Мефодия (так называемые пространые), их возникновение и значение для славянской культуры IX в.], в значительной мере повторяют содержание статей, опубликованных на эту тему ранее¹⁰.

Необходимо упомянуть опубликованную в 1962 г. работу О. Юревича, посвященную Андронику I Комнину. Опираясь на источники и богатую литературу, автор в семи разделах своего труда описывает жизнь и деятельность этого императора. Начав с характеристики Византии времен правления Алексея, Иоанна и Мануила Комнинов, О. Юревич прослеживает события жизни Андроника в Византии, а также во время его путешествий в Галицкую Русь и по странам Востока, останавливается на обстоятельствах прихода Андроника к власти и получения им императорского титула, рассматривает реформы, проведенные Андроником. Работа заканчивается описанием неожиданной смерти императора. Несмотря на серьезный научный характер монографии, ее автора все же можно упрекнуть в недостаточно критическом отношении к источникам.

Одна из важнейших проблем, разрабатываемых польским византиноведением, — польско-византийские отношения. Они еще недостаточно исследованы. Тем большее удовлетворение вызывает статья А. Ф. Грабского, посвященная польско-византийским отношениям в начале XI в.¹¹ По мнению автора, в польских землях того времени наблюдалось сильное влияние православной церкви. Источники свидетельствуют о том, что здесь практиковалась православная обрядность, вытесненная затем римско-католической. Исходя из археологических данных, можно считать, что польские земли продолжали торговать с Византией. Первые сведения о попытках установить политические отношения между Польшей и Византией в начале XI в. встречаются в хронике Титмара Мерзебургского. В 1018 г., после завоевания Киева, Болеслав Храбрый направил послов в Константинополь, чтобы заключить союз с Василием II. Согласно предположению А. Ф. Грабского, условия, выдвинутые польскими послами, содержали требование отозвать русские войска, находившиеся на византийской службе и действовавшие против повстанцев в Южной Италии. Последним оказывал содействие германский император Генрих II, который по окончании войны с Польшей и заключении мира в Будишине в свою очередь поддерживал польские походы на Русь. Таким образом, полагает А. Ф. Грабский, польское посольство в Византию было отправлено в интересах Генриха II, хотя в то же время, по мнению автора, установление отношений с Византией входило и в планы самого Болеслава Храброго. Об этом свидетельствует то, что его сын, будущий король Мешко II, был обучен греческому языку. Нам кажется, однако, что гипотеза А. Ф. Грабского недостаточно

¹⁰ См.: T. Lehr-Spławiński. Rozprawy i szkice z dziejów kultury Słowian. Warszawa, 1954.

¹¹ А. Ф. Грабский. По поводу польско-византийских отношений в начале XI в. ВВ, XIV, 1958, стр. 175—184. Статья представляет собой итог изучения автором польско-русских отношений и является до некоторой степени повторением материала соответствующей главы его работы «*Studia nad stosunkami polsko-ruski-mi w początkach XI w.*». «*Slavia orientalis*», 1957, стр. 164—212.

Византийские монеты попадали в Польшу через Русь: одни — по Балтийскому морю и далее — по русским рекам, другие — сухим путем через Киев. Оба потока сходились в Великой Польше. Именно поэтому здесь встречаются самые обильные монетные находки¹⁵.

В плане изучения торговых отношений между Польшей и Византией в X—XI вв. польских византинистов живо интересует дискуссия относительно так называемого «Dagome Judex» — дарственного акта 991 г., которым первый польский князь Мешко передал свое государство под протекторат папы. Акт этот не сохранился — уцелел только латинский список, излагающий его содержание.

Несколько лет назад А. Стеффен высказал предположение, что оригинал данного акта был составлен на греческом языке¹⁶. Если эта гипотеза верна, значит, канцелярия Мешко пользовалась наряду с латинским языком также и греческим. Для доказательства своего предположения автор произвел филологический разбор текста «Dagome Judex», в результате чего пришел к выводу, что документ был составлен с помощью греческих купцов, колония которых, по его мнению, находилась на острове Волине (в Балтийском море), принадлежавшем к числу владений Мешка.

Выводы А. Стеффена подверглись критике со стороны В. Коваленко¹⁷. Соглашаясь с тем, что в эпоху Мешко в Польше было налицо греческое влияние, а также признавая большое торговое значение Волина в X—XI вв., он отрицает возможность существования там колонии греческих купцов. Правда, хронист Адам Бременский упоминает «греков», живущих на острове, но это, полагает В. Коваленко, были русские купцы, а «греками» хронист называет их по религиозной принадлежности.

В числе работ, созданных в последние годы польскими византинистами, отметим две статьи обзорного характера. Статья О. Юревича знакомит польского читателя с историей византиноведения, в частности с существующими в настоящее время византиноведческими центрами¹⁸.

Основное внимание в статье уделено обзору трудов польских византиноведов начиная с самого старого и скромного вклада, внесенного в дело изучения истории Византии в XVI в. И. Либаном (его «Греческая антология речей Василия, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста» была издана в Кракове в 1528 г.) и кончая произведениями современных исследователей (до 1957 г.). В статье О. Юревича рассматриваются труды по географии, истории, искусству и т. д.; наибольшее место отведено филологическим работам.

Вторая обзорная статья посвящена современной историографии крестовых походов — теме, которая всегда вызывала живой интерес исследователей. Автором обзора, содержащего характеристику современной историографии крестовых походов, является Т. Рослановский¹⁹. По его мнению, изучение истории крестовых походов образовало своего рода «мостик» между находившейся некогда в пренебрежении историей Востока и Ви-

¹⁵ R. Kiersnowski. Pieniądz kruszcowy w Polsce wczesnośredniowiecznej. Warszawa, 1960, 535 str. В этой работе специальный раздел, снабженный таблицами, посвящен византийским монетам (стр. 137—149).

¹⁶ A. Steffen. Ślady greckie w regescie «Dagome Judex». «Antemurale», III, 1956, str. 95—116.

¹⁷ Wł. Kowalenko. Znowu o «Dagome Judex» (na tle pracy Augusta Steffena: Ślady greckie w regescie «Dagome Judex»). «Roczniki historyczne», XXIV, 1958, str. 223—251. См. рецензию Г. Эверт-Каппесовой в BS, vol. 21, 1960, 1, S. 106—107.

¹⁸ O. Jurewicz. Z dziejów polskiej bizantynistyki. «Meander», № 7—8, Warszawa, 1957, str. 222—240.

¹⁹ T. Rosłanowski. Przegląd nowszych badań nad historią wypraw krzyżowych. «Kwartalnik historyczny», 1958, № 4, str. 1311—1335.

зантии — с одной стороны, и интенсивно разрабатывавшейся историей Запада — с другой. Кроме того, оно послужило толчком к исследованию проблем социальных отношений и экономической структуры Византийской империи XI в. (Г. Острогорский, П. Харанис), а также истории византийской культуры (Л. Брейе). Перечисляя работы о Четвертом крестовом походе, автор обращает внимание на значительный интерес к этой теме, наблюдающийся у советских историков. Обзорная статья Т. Рослановского, снабженная обильным научным аппаратом, обстоятельно рисует состояние исследовательской работы в области изучения крестовых походов и хорошо выявляет взгляды ученых на это движение.

Следует отметить, что проблемы истории Византии все чаще затрагиваются в трудах польских историков других специальностей; иногда они даже посвящают этим проблемам специальные работы, что свидетельствует о повышении в Польше интереса к данной области истории средневековья.

Разрабатывая историю западного славянства, Г. Лябуда широко использовал и византийские источники: сочинения Иордана, Прокопия Кесарийского, Льва Дьякона, Константина Багрянородного, Феофилакты Симокатты²⁰. Он осветил ход дискуссии по поводу применяемого Иорданом обозначения *Vidi-varii*. Подробно проанализировав текст, в котором встречается это название, автор пришел к выводу, что слово *Vidi-varii* должно звучать так *Vi(n)di-varii* или (*V*)*indi-varii* и что в данном случае у Иордана речь идет о славянах. Г. Лябуда подверг известия Иордана и историческому анализу. В этом же плане им было изучено сообщение о славянах, приводимое Феофилактом Симокаттой. Автор приводит в своей работе его текст, дает обзор литературы и подробно анализирует содержание сообщения.

Изучая польско-русские отношения, С. М. Кучинский, специалист по истории Восточной Европы в средние века, определяет этнический состав племен, участвовавших в походах на Византию, предпринимавшихся Олегом в 907 г. и Игорем в 944 г., а также устанавливает степень их зависимости от киевского князя²¹. Автор обращает внимание на участие в походе 944 г. лехицкого князя Владислава.

Разделы, посвященные Византии, встречаются и в общих работах. Так, глава о византийской музыке имеется во «Всеобщей истории музыки» (1957)²². По мнению авторов, характер византийской музыки определялся общим развитием культуры Византии, базировавшейся на эллинистической традиции и вместе с тем впитывавшей в себя элементы древневосточной культуры и молодых культур славянских, германских и других племен. Византийская музыка была насыщена светскими элементами и в то же время обогащена различными формами культовой музыки. Музыкальное творчество византийцев оказывало сильное влияние как на Запад, так и на Русь, вся культовая музыка которой берет свое начало в Византии.

Особый раздел посвящен Византии и в работе Г. С. Сейдлера «Политическая мысль в средние века»²³. Характеризуя византийскую политиче-

²⁰ G. Labuda. *Fragmenty dziejów Słowiańszczyzny zachodniej*. Poznań, 1960 312 str.

²¹ S. M. Kuczyński. *Stosunki polsko-ruskie do schyłku—wieku XII*. «*Slavia orientalis*». VII, 2, 1958, str. 223—255.

²² M. Chomiński i Z. Lissa. *Historia muzyki powszechnej*. Warszawa, 1957, str. 129—134.

²³ G. L. Seidler. *Myśl polityczna średniowiecza*, Kraków, 1961, str. 62—139. Несмотря на то, что в этом разделе много неточностей, он представляет безусловную ценность, восполняя ощутительный пробел, имевший до сих пор место в этой области польской исторической науки.

скую доктрину, автор выделяет три элемента, оказавших влияние на ее возникновение: христианскую религию, идеи римского права и веру в божественное происхождение императора. Наиболее яркое выражение эта доктрина получила во времена Юстиниана I, когда она была использована в качестве обоснования «мировой» империи. Религиозно-правовую доктрину, созданную по образцу юстиниановских концепций, переняла в дальнейшем сирийская династия, особенно в лице Льва III, при котором эта доктрина служила обоснованием завоевательной политики Византийской империи. Автор показывает, что настроения «образованных» слоев общества, воспитанных в духе эллинской философии и не веривших в устойчивость существующего порядка, выражал скептицизм. В народных массах скептические веяния проявлялись в распространении христианской мистики, а протест революционного толка нашел свое выражение в политической доктрине павликиан.

Одна из важных задач, стоящих ныне перед польским византиноведением, — расширение круга молодых специалистов, занимающихся изучением истории Византии, а также читателей, интересующихся ею. Решению этой задачи может содействовать, в частности, публикация работ научно-популярного или даже просто популярного характера. Несколькими такими работ было написано польскими историками в рассматриваемый в нашей статье отрезок времени.

В своей статье о Продроме Г. Эверт-Каппесова, живо, интересно и красочно знакомит польского читателя с культурой и историей Византии²⁴. Рисуя судьбу поэта, она показывает, с какими трудностями сталкивался в Византии способный и образованный, но бедный и лишенный покровительства человек. И. Куранц, автор вышеупомянутой работы о Приске, опираясь на рассказ последнего, обстоятельно излагает историю византийского посольства ко двору предводителя гуннов в 448 г.²⁵ Особенно интересно изображено прибытие послов, церемониал, принятый при дворе Аттилы, и пир, устроенный им по случаю приезда посольства.

В небольшой популярной статье Т. Васильевский²⁶ знакомит читателя с византийскими модами. Наконец, Э. Домбровская коротко освещает историю кочевых племен на землях Центральной Руси и отношения кочевников с Византийской империей в X—XII вв.²⁷

Показывая достижения польского византиноведения, мы попытались рассмотреть по возможности все работы, выпшедшие в охватываемый настоящим обзором период. Мы старались также раскрыть основное содержание этих работ с тем, чтобы выявить вклад польской науки в мировое византиноведение.

За указанное время польское византиноведение, несомненно, сделало определенные успехи. Весьма важно, что история Византии привлекла к себе внимание историков молодого поколения. Неуклонное, хотя пока еще медленное развитие польской византинологии позволяет оптимистически смотреть на ее будущее.

²⁴ H. K a p p e s o w a. Biedaczyna Prodomos-człowiek—niepotrzebny. Szkic z życia społeczeństwa bizantyjskiego w XII w. «Meander», № 9. Warszawa, 1957, str. 269—282.

²⁵ J. K u r a n c. Wyprawa poselstwa wschodnio-rzymskiego na drów króla Attyli. «Meander», № 12. Warszawa, 1957, str. 20—36.

²⁶ T. W a s i l e w s k i. Świat mody w przeszłości. Moda bizantyjska. «Mówia wieki», № 3. Warszawa, 1959, str. 42—43.

²⁷ E. D a b r o w s k a. O ostatnich falach nomadów tureckich w Europie. «Z otchłani wieków», 1957, № 3, str. 128—136.

Э. ФРАНЧЕС

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В РУМЫНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1956—1961 гг.

Несколько лет назад в кратком обзоре, опубликованном на страницах этого сборника, мы осветили задачи, вставшие перед византиноведением в Румынской Народной Республике с 1948 г.¹ Мы подчеркнули тогда, что новое направление в исторической науке, утвердившееся в результате общественных изменений, которые произошли в стране после второй мировой войны, привело к значительному расширению археологических работ и к систематической обработке археологического материала с целью изучения условий материальной жизни народов, живших на территории нашей родины. Особое внимание было обращено на район Добруджи, где были продолжены старые и начаты новые раскопки. До VII столетия Добруджа входила в состав Византийской империи, затем она снова частично принадлежала ей в X в. и позднее, после покорения Византией Болгарии.

Археологический материал — единственный, в котором нашло свое отражение далекое прошлое этой области: другие источники здесь отсутствуют. Естественно, что археологические изыскания дали возможность познакомиться с экономическим положением Добруджи и определить степень проникновения византийской цивилизации на периферию империи.

Интенсивные раскопки предпринимались в последние годы в следующих районах: в Добрудже — в Истрии², в селении Диногетия (на северо-западе Истрии)³; в гавани Новиодун⁴; в одном из важнейших опорных пунктов римского флота — Капидаве⁵; в восстановленной византийцами в X в. римской крепости на дунайском острове Păciul lui Soare⁶. Были изучены различные стороны социально-экономической и культурной жизни IV—VI и X—XII вв.: исследователи определили время существова-

¹ Э. Франчес. Византиноведение в Румынской Народной Республике (1948—1958). ВВ, XVI, 1959, стр. 308—316.

² E. Condurachi și colaboratori. Santierul arheologic Histria. «Materiale și cercetări arheologice», IV, 1957, p. 16—24; V, 1958, p. 288—296; VI, 1959, p. 274—280; VII, 1960, p. 227—241.

³ Gh. Stefan și colaboratori. Săpăturile arheologice de la Garvan (Dinogetia). «Materiale și cercetări arheologice», IV, 1957, p. 195—209; V, 1958, p. 565—586; VI, 1959, p. 629—651; VII, 1960, p. 583—598.

⁴ I. Bafnea, B. Mitrea și colaboratori. Săpăturile de salvare de la Noviodunum. «Materiale și cercetări arheologice», IV, 1957, p. 155—174; V, 1958, p. 461—473.

⁵ Gh. Florescu, R. Florescu și P. Diaconu. Capidava. București, 1958, p. 21—24; 135—152.

⁶ I. Nestor și P. Diaconu. Săpăturile arheologice de la Păciul lui Soare. «Materiale și cercetări arheologice», V, 1958, p. 587—592; P. Diaconu. Săpăturile de la Păciul lui Soare. «Materiale și cercetări arheologice», VI, 1959, p. 653—666; VII, 1960, p. 599—608.

ния каждого отдельного поселения, обстоятельства, при которых оно исчезло, занятия жителей и уровень их культуры; удалось установить также взаимоотношения этих населенных пунктов с Византией.

Результаты археологических исследований Мангалии эпохи феодализма изложены в статье И. Барнеа⁷. На месте находившейся там крепости Каллаты были найдены относящиеся к X—XI вв. бронзовые монеты и остатки амфор. Эти отдельные, к тому же незначительные и разрозненные находки не позволяют, однако, говорить о наличии в Мангалии постоянного поселения в тот период. Только в XII в. здесь возникло и выросло новое поселение под названием Παγκάλας. Жителями его были преимущественно греки. Исчезновение между VII и X вв. прежнего названия — «Каллата» — и редкость археологических находок, принадлежащих к этому времени, свидетельствуют о том, что данное поселение на протяжении этих столетий не всегда являлось крепостью.

Были возобновлены и раскопки в Суцидаве⁸ (неподалеку от впадения Альты в Дунай), где такие исследовались поселения VI в.

Предметом специального изучения явился археологический материал, относящийся к византийской эпохе. Так, Барнеа в ряде статей исследовал памятники искусства и надписи, обнаруженные главным образом в Добрудже⁹. Изучая надписи, автор пришел к выводу, что до VI в. среди населения Добруджи преобладал греческий элемент. Три четверти всех известных надписей составлены на греческом языке, две надписи — на латинском и греческом и остальные — на латинском языке. Почти все они восходят к III—VI вв.; только две, найденные в Аксиополе, относятся, по видимому, к IX—X вв. В большинстве случаев это — надгробные надписи; они принадлежат простым солдатам или низшим чиновникам. Из 80 имен, встречающихся здесь, 30 — греческих, столько же — латинских, несколько малоазиатских и два — тюркских или, возможно, кутригурских. В обеих аксиопольских надписях встречаются славянские имена — Ратуслава и Войслава.

В другой статье того же автора характеризуются базилики, найденные в Истрии, Диногетии, Новиодуне, Томи, Каллате и Ибиде. По своей архитектуре базилики Добруджи близки к базиликам важнейших византийских центров; скульптуры указывают на ярко выраженное южное влияние. Некоторые из них — средней художественной ценности — были созданы местными мастерами по моделям, присланным с юга, и из материала того же происхождения. Мрамор лучшего качества добывался в Проконесе. Большие размеры базилик Истрии и Тгораеум Траяни указывают на то, что эти города были очень населены; жителям их приходилось селиться вне городских стен — явление, характерное для периода распада рабовладельческого общества. Почти все эти базилики и многочисленные гражданские сооружения Добруджи восходят к V—VI вв., главным образом ко времени императоров Анастасия и Юстиниана, что свидетельствует об усиленной строительной деятельности, развернувшейся в этот период во всей провинции.

Археологические изыскания последних лет привели к открытию монетных кладов и отдельных монет, в том числе многочисленных византийских

⁷ I. Barnea. Descoperiri arheologice din epoca feudală la Mangalia. «Materiale și cercetări arheologice», VI, 1959, p. 903—924.

⁸ D. Tudor, E. Bujor, A. Matroșenco. Sucidava V. «Materiale și cercetări arheologice», VII, 1960, p. 473—494.

⁹ I. Barnea. Quelques considérations sur les inscriptions chrétiennes de la Scythie Mineure. «Dacia», I, 1957, p. 265—288; idem. Roman-Byzantine Basilicae discovered in Dobrogea between 1948—1958. «Dacia», II, 1958, p. 331—349; idem. Monumente de artă creștină descoperite pe teritoriul Republicii Populare Române. «Studii teologice», X, 1958, 5—6, p. 287—310; XII, 1960, 3—4, p. 201—231.

денежных знаков. Монетные находки упоминаются в отчетах, излагающих общие результаты археологических исследований, производившихся в том или ином пункте, а важнейшие из этих находок рассмотрены и в специальных статьях¹⁰. Изучаются также денежные клады, хранящиеся в многочисленных монетных собраниях местных музеев: хотя они и были найдены много лет назад, их ранее не исследовали¹¹.

Среди обнаруженных монет И. Банчила отмечает одну, которая отсутствует во всех каталогах византийских монет, — монету в 10 нуммиев времени Юстина I, выпущенную вскоре после того, как этот император объявил своим соправителем Юстиниана¹². Предметом исследования И. Димиана являются бронзовые монеты времени императора Константина VII и Никифора Фоки (позднее перечеканенные)¹³. Автор соглашается с Росом, считавшим, что перечеканка этих монет началась при Иоанне Цимисхии и продолжалась при последующих императорах — Василии II и Константине XI. К такому заключению он приходит главным образом на основе одного сообщения Скилицы.

Недавние монетные находки позволили перейти к созданию обобщающих нумизматических исследований, в которых соответствующие данные используются для характеристики этапов хозяйственного развития нашей страны в раннефеодальный период. Так, И. Димиан устанавливает, что византийские монеты, найденные на территории Румынской Народной Республики, чеканены в одной главной императорской мастерской¹⁴. Большая часть их — из бронзы, иногда встречаются серебряные и очень редко золотые монеты. Это обстоятельство указывает на то, что византийские денежные знаки употреблялись для нужд внутренней розничной торговли; их появление, следовательно, не было результатом развития импорта или экспорта. Большинство византийских монет, обнаруженных в Румынской Народной Республике, восходит ко времени императора Юстиниана. Начиная со второй половины VII в. они встречаются реже и вновь появляются в изобилии лишь с периода правления Иоанна Цимисхия. Количество монет возрастает и в эпоху Комнинов, не достигая, однако, масштабов V—VI вв.

Во второй части своей работы автор пытается объяснить причины сокращения денежного обращения во второй половине VII — первой половине X в. Румынские историки в основном придерживаются мнения, что обращение византийской монеты на левобережье Дуная сократилось в результате возникновения Болгарского государства: это привело, как они полагают, к разрыву торговых связей между румынскими княжествами и

¹⁰ Al. Bărcăcilă. Cîteva monede și două iconițe de la Ostrovu Mare, reg. Craiova. «Studii și cercetări de numismatică», I, 1957, p. 419—423; Eug. Comșa și Gh. Bichir. O nouă descoperire de monede și obiecte de podoabă din sec. X—XI în așezarea de la Garvan (Dobrogea). «Studii și cercetări de numismatică», III, 1960, p. 223—244; I. Barnea. Alt tezaur de monede bizantine de la Dinogetia. «Studii și cercetări de numismatică», III, 1960, p. 245—254.

¹¹ I. Băncilă. Note asupra unor tezaure de monede bizantine. «Studii și cercetări de numismatică», I, 1957, p. 425—438; I. Dimian. Tezaur de monede bizantine găsite la Socariciu. «Studii și cercetări de numismatică», II, 1958, p. 413—416; I. Băncilă. În legătură cu tezaurul de la Tuzla. «Studii și cercetări de numismatică», II, 1958, p. 417—418; O. Iliescu. Despre un tezaur de monede bizantine din vremea Comnenilor găsit în București. «Studii și cercetări de numismatică», III, 1960, p. 493—495; B. Mitrea. Un mic tezaur de monede bizantine de bronz din secolele XII—XIII. «Studii și cercetări de numismatică», III, 1960, p. 497—499.

¹² I. Băncilă. O monedă bizantină inedită sau puțin cunoscută. «Studii și cercetări de numismatică», I, 1957, p. 417—418.

¹³ I. Dimian. Cu privire la cronologia și arbuivea monedela anonime bizantine de bronz. «Studii și cercetări de numismatică», III, 1960, p. 197—221.

¹⁴ I. Dimian. Cîteva descoperiri monetare bizantine pe teritoriul R. P. R. «Studii și cercetări de numismatică», I, 1957, p. 189—216.

Византией. Димиан также, и притом совершенно справедливо, констатирует, что в областях, где ранее циркулировала византийская монета, она стала теперь чрезвычайно редкой. Уменьшение византийских денежных знаков следует, по мнению автора, отнести за счет общих экономических причин, и прежде всего — обеднения класса мелких собственников вследствие их экспроприации крупными. Мы не можем, однако, согласиться с этой аргументацией: нет основания утверждать, что мелких землевладельцев в VI в. было больше, чем в VIII в. Действительное положение вещей было как раз обратным.

Далее, с точки зрения автора, арабские завоевания способствовали переходу части средиземноморской торговли в руки завоевателей. В то же время арабские деньги в большом количестве проникали в Византийскую империю. Торговля последней вновь расширяется только после смерти халифа Моктафи, когда стала переживать упадок арабская торговля: обращение византийской монеты в это время соответственно увеличилось. Выдвигая данный тезис, автор должен был бы исследовать, не перешла ли в большей своей части торговля халифата к отдельным арабским государствам, которые появились в результате его распада.

Димиан считает, что, передавая свою внешнюю торговлю в руки иностранцев, Византия осуществляла переход к новой хозяйственной политике. Этот вывод также представляется малоубедительным. Невольно возникает вопрос: свидетельствует ли увеличение числа находок византийских монет о том, что в этот период (X—XII вв.) империя возвращается к своей прежней торговой политике, или же она еще в большей степени отказывается от ведения самостоятельной внешней торговли в пользу итальянских купцов? Думается, что важнейшим фактором, не отмеченным автором данной статьи и в значительной мере объясняющим сокращение числа монет в рассматриваемый им период, были те перемены, которые начиная с VII в. происходили в византийских городах.

Некоторые выводы, касающиеся обращения византийской монеты в Семиградье, содержатся в обобщающей работе И. Сабау¹⁵. Отмечая незначительное количество византийских монет в Семиградье в XI—XII вв., автор расценивает этот факт как свидетельство низкой ступени экономического развития данного района. Большинство найденных здесь монет относится к периоду Иоанна и Мануила Комнинов. Ни одной находки византийских монет от XIII и XIV вв. в Семиградье не известно, что указывает на разрыв с этого времени всяких связей с Византией.

В некоторых статьях рассматриваются печати, найденные при раскопках. Так, И. Барнеа описывает печати византийских чиновников X—XII вв., обнаруженные в Добрудже¹⁶. Одна из них (из Диногетии), приписываемая Барнеа киевскому митрополиту Михаилу (1130—1145)¹⁷, стала предметом дискуссии, в ходе которой французский византист В. Лоран оспаривал точку зрения Барнеа.

В ходе раскопок, произведенных преимущественно на территории Добруджи, вскрыты также многочисленные остатки керамики — либо византийского происхождения, либо созданной под влиянием византийских образцов. Анализ этих находок посвящено несколько статей¹⁸. В послед-

¹⁵ I. Sabău. Circulația monetară în Transilvania secolelor XI—XII în lumină izvoarelor numismatice. «Studii și cercetări de numismatică», II, 1958, p. 269—301.

¹⁶ I. Barnea. Sigilii bizantine inedite din Dobrogea. «Studii și cercetări de numismatică», III, 1960, p. 323—332.

¹⁷ I. Barnea. A propos de la découverte de deux sceaux byzantins de Dinogetia. «Dacia», II, 1958, p. 473—478.

¹⁸ R. Florescu. Unele observații cu privire la ceramica decorată cu culoare roșie din așezarea tîrzie de la Capidava. «Studii și cercetări de istorie veche», IX, 1958, 1,

ние годы была исследована также византийская керамика из старых собраний Национального музея древностей (Бухарест). В одной из работ М. КонстантINESКУ изучил керамику Большого Авакиана в Cetatea Alba¹⁹, (раскопки производились в 1929 г.).

В результате указанных археологических изысканий стало прежде всего возможным представить в главных чертах историю важнейшей византийской крепости в Добрудже — Истрии, а затем и всей провинции. Обширное исследование по истории Истрии IV—VI вв. принадлежит академику Е. Кондураки²⁰. Основные положения его работы таковы.

После того как в середине III в. город был разрушен, по-видимому готами, — о разрушении его свидетельствует плотный слой золы, — он начал затем понемногу восстанавливаться в правление императора Проба. Городские стены были отстроены вновь. Автор склоняется к мнению, что новые укрепления, меньшей протяженности, чем укрепления греческой Истрии, начали сооружаться при императоре Константине. Они простирались на расстояние, равное третьей части территории, занимаемой всем городом в предшествующее время. В IV—VII вв. к ним были добавлены другие оборонительные сооружения — три вала, из которых самый поздний относится к началу VII в. В этот период была восстановлена и древняя стена, расположенная к западу от большой стены.

Период расцвета строительной деятельности город пережил главным образом в царствование Юстиниана и Анастасия. Были воздвигнуты многочисленные базилики, среди них — две монументальные, затем какое-то большое здание суда или церкви, многочисленные военные лагеря, частные строения, внушительная постройка с многочисленными архитектурными украшениями. Были также проложены хорошо мощенные улицы.

Вследствие уменьшения пространства, защищенного стенами, и ради экономии площади здания тесно прижаты здесь друг к другу. Несмотря на это, существовал целый квартал, находившийся за пределами внутренних городских стен. В этот период Истрия, в прошлом являвшаяся значительным торговым и ремесленным центром, была больше связана с сельским хозяйством; она вела торговлю только с соседними народами. Хотя доходы, которые господствующий класс извлекал из сельского хозяйства, превосходили доходы от торговли, представители городской верхушки все же располагали значительными богатствами. Об этом свидетельствуют крупные жилые дома. Из надписей видно, что многие богачи, даже городские судьи, проводили большую часть года в своих загородных виллах. Все эти данные, а также снижение художественной ценности ремесленных изделий, доказывают, по мнению автора, что Истрия, как и другие области империи, переживала процесс перехода от рабовладельческих отношений к раннефеодальным.

В начале VII в. Истрия стала объектом нападения славян, а возможно, также аваров и протоболгар. Предоставленный самому себе, город мог оказывать лишь слабое сопротивление нападавшим. По прошествии первого десятилетия VII в. он был покинут жителями; только некоторые жалкие хижинки указывают на sporadическое присутствие в нем редкого и бедного населения. Исчезновение города объясняется не только нападениями ко-

p. 131—139; P. Diaconu. Un nou tip ceramic din epoca romano-bizantină. «Studii și cercetări de istorie veche», X, 1959, 2, p. 487—490.

¹⁹ M. Constantinescu. Contribuție la cunoașterea ceramicii bizantine de la Cetatea Albă (Belgorod Dniestrovsky). «Studii și cercetări de istorie veche», X, 1959, 2, p. 441—451.

²⁰ E. Condurachi. Istoria romano-bizantină în lumina ultimelor săpături. «Monumente și muzee», I, 1958, p. 21—39. См. то же на французском языке: «Dacia», I, 1957, p. 245—263.

чевых народов, но и тем, что Истрия в это время утратила былое экономическое значение.

Вопросом о прекращении существования Истрии занимался также Нубар²¹. Поскольку остатки материальной культуры — постройки и керамика, обнаруженные при раскопках, имеют одинаковые отличительные признаки для всего периода IV—VI вв., они не могут служить основой для установления каких-либо хронологических вех. В связи с этим единственную возможность определить точную дату гибели города предоставляют монеты. Находки монет, относящихся ко времени императора Фоки, показывают, что в те годы город еще поддерживал достаточно тесные, по всей вероятности, морские связи с Византией и жил оживленной внутренней жизнью. В первом десятилетии VII в. часть крепости была уничтожена, но город продолжал существовать и на сократившейся территории, как о том свидетельствуют монеты времени Ираклия. Вскоре, однако, положение резко изменилось. Самые поздние из монет, найденных в Истрии, относятся ко времени императоров Фоки и Ираклия. Основываясь на этом, автор приходит к тому же выводу, что и Е. Кондураки: он считает, что крепость Истрия перестала существовать вскоре по окончании первого десятилетия.

Падение Истрии Нубар, как и Кондураки, объясняет, с одной стороны, нашествиями славян и аваров, а с другой — общими переменами, происходившими в этот период в области аграрных отношений. Судьбы Истрии были тесно связаны с сельским хозяйством: в результате сдвигов, происшедших в экономике империи, город вынужден был жить за счет эксплуатации соседних областей; он больше не располагал собственными ресурсами, необходимыми для дальнейшего существования. В этом Нубар усматривает одну из коренных причин гибели Истрии.

Статья И. Барнеа посвящена истории Добруджи в годы правления императора Анастасия²². Подчеркнув прежде всего ту роль, которую играла Добруджа в его распри с Виталианом, автор рассматривает затем постройки, возведенные, по всей вероятности, при этом императоре. Среди них выделяются *Basilica coemeterialis* из Истрии, обнаруживающая значительное сходство с подобного же рода малоазиатскими сооружениями, и базилика в *Troaeum Traiani*, относящаяся, по-видимому, к тому же периоду. Признаки византийской строительной деятельности налицо также в Томи и Ульметуме. Не исключено, что в это время была сооружена и 59-километровая стена между Аксиополем и Томи, во многом сходная с длинными стенами Константинополя.

Автор исследует далее найденную в Диногетии и Истрии черепицу с начертанным на обломках именем императора Анастасия — свидетельство того, что она была произведена в его царствование, а также серебряную тарелку с именем епископа Патерна из Томи — современника императора. Барнеа приходит к выводу, что все эти сооружения были возведены в годы мира и сравнительного благосостояния империи, т. е. в первый период правления Анастасия.

Результаты археологических изысканий последних лет и исследования, написанные на их основе, в большинстве своем использованы при создании первого тома «Истории Румынии». Эта работа в целом — крупнейшее событие в истории нашей культуры, поскольку вся история Румынии пересматривается в книге с марксистских позиций. Целая глава в первом томе посвящена периоду византийского владычества в Добрудже, а часть

²¹ H. Nubăr. *Monede bizantine de la începutul secolului al VII-lea și sfârșitul cetății Histria*. «Studii și cercetări de numismatică», III, 1960, p. 183—195.

²² I. Barnea. *Contributions to Dobrușdja History under Anastasius I. «Dacia»*, IV, 1960, p. 363—374.

другой — взаимоотношениям Римско-Византийской империи с левобережьем Дуная в IV—VI вв.²³ Обе эти главы являются вместе с тем ценным вкладом и в изучение истории расположенных на периферии империи областей, где в тот период произошли глубокие социально-политические изменения.

Авторы главы о Добрудже (Стефан и Барнеа) пришли к выводу, что в течение всего римско-византийского периода здесь наблюдается развитие натурального хозяйства и упадок городов; исключение составляют лишь прибрежные города. Как и в остальной части империи, там росла крупная земельная собственность. Археологические раскопки указывают на существование больших поместий (*villae*) магнатов в окрестностях Дуростора и крепости Тгораеш и вместе с тем — на постепенное исчезновение владений горожан и крестьян.

Рассматривая отношения Римско-Византийской империи с левобережьем Дуная в IV—VI вв., Д. Тудор справедливо констатирует, что прекращение римского управления в траяновской Дакии не привело к разрыву связей между северным и южным побережьями Дуная. Напротив, в экономическом отношении южнодунайские области по-прежнему были тесно связаны с северодунайскими. Это подтверждается регулярными находками на левобережье большого количества медных монет, керамики и черепицы со штампами легионов южнодунайских областей. Переход императора Константина к аннексионистской политике ознаменовался постройкой новых укреплений и каменного моста между Оэкусом и Суцидавой. Чтобы создать стратегическую зону для прикрытия тылов, римляне даже, по мнению Тудора, установили контроль над областью, составляющей больше половины современной Ольтении и Мунтении. Автор пришел к этому выводу, исходя из предположения, что земляной вал, известный под названием *brazda lui Novak*, был воздвигнут при Константине для защиты территории, недавно завоеванной римлянами. В результате поражений от гуннов римляне около середины V в. потеряли пограничную область по Дунаю. Толстый слой золы, достигающий до 0,5 м, свидетельствует, что Суцидава явилась жертвой пожара. Клады совершенно новых монет, обнаруженные в этом культурном слое, содержали монеты времени Феодосия II.

Далее, Тудор полагает, что в начале VI столетия, в период правления Юстиниана I, византийцы вновь овладели некоторыми опорными пунктами на левом берегу Дуная; старые укрепления были восстановлены, и византийцы поставили в них несколько гарнизонов пограничных войск (*limitarii*). Империя удерживала господство над этими пунктами вплоть до VI в., т. е. до завоевания их авара-славянами.

В одной из наших работ, опубликованной в «Византийском временнике», уже высказывалось сомнение относительно существования в VI в. реальной византийской власти на левобережье Дуная: мы указывали, что, на наш взгляд, утверждение Прокопия не соответствует действительному положению вещей и Юстиниану удалось лишь добиться согласия отдельных местных князей на организацию защиты переправ через Дунай. Крепостные сооружения, находящиеся на левом берегу Дуная, восстанавливались с помощью скромных средств местного населения.

Взаимоотношениям Византии с Румынией на протяжении всего средневековья было посвящено носившее несколько общий характер сообщение Ал. Элиана, сделанное им на конгрессе византинистов в Праге в 1957 г.²⁴

²³ Stăpînirea romano-bizantină în Dobrogea (sec. IV—VII), in: *Istoria României*, vol. I. București, 1960, p. 580—614; *Legăturile dintre imperiul romano-bizantin și teritoriul din stînga Dunării în secolele IV—VI*. Ibid., p. 647—669.

²⁴ Al. Elian. Les rapports byzantino-roumains. Phases principales et traits caractéristiques. BS, vol. 19, 1958, 2, p. 212—225.

Главное внимание автора привлекли некоторые проблемы, часто обсуждаемые, но еще недостаточно выясненные в работах румынских историков. К их числу относится, например, вопрос о том, принадлежали ли три скифских вождя — Татос, Сестлав и Саца, о пребывании которых на Дунае во время похода Алексея Комнина в 1086 г. упоминается у Анны Комниной и Атталиаты, — к коренному населению или они были вождями какого-то кочевого племени. Элиан с полным основанием присоединяется ко второй точке зрения. Однако правильность ее отнюдь не означает, что среди населения обоих берегов Дуная римский элемент не был значительным.

Останавливаясь далее на взаимоотношениях между Византией и славяно-румынскими князьями из Семиградья, автор утверждает, будто при Василии II эти князья признали верховную власть Византии. Согласиться с этим невозможно.

По мнению Элиана, после создания обоих румынских княжеств их официальные отношения с Византией носили чисто церковный характер; известны только единичные случаи вмешательства Византии в борьбу за власть в этих княжествах. Хотя в источниках и в самом деле отсутствуют какие-либо иные указания на этот счет, мы все же не склонны считать, что румынско-византийские отношения ограничивались только церковной сферой. Византийская дипломатия, столь активно действовавшая на Западе в поисках союзников для борьбы с турками, безусловно, не могла остаться равнодушной к государству, которое складывалось на левом берегу Дуная. Элиан полагает, что в XIV—XV вв. византийское влияние проникало в румынские княжества через южных славян и поэтому эволюцию культуры в румынских землях надлежит рассматривать только в связи с процессами культурного развития южных славян. Однако, как нам кажется, нужно иметь в виду и другое обстоятельство: укреплению византийского влияния в румынских княжествах сильно способствовала длительная и постоянно увеличивавшаяся иммиграция греков.

П. Настурел возобновил дискуссию²⁵ по поводу толкования следующего известия Феофилакта Симокатты (с небольшими изменениями повторенного и Феофаном): когда во время похода византийских войск против аваров в 586 г. (на левобережье Дуная) часть их снаряжения падала с вьючных животных, иные византийские солдаты обращались к своим товарищам со словами на местном диалекте «*torna, torna*» (по Феофану: «*Torna, torna, fratre*»), что вызывало недоумение в войсках. Часть историков и филологов истолковывала эти слова как первые признаки формирования в то время старорумынского языка, другие склонялись к мнению, что это было просто выражение, укоренившееся в византийской армии в связи с тем, что военные командиры долгое время пользовались латинскими оборотами речи. Настурел предложил компромиссное решение вопроса: он полагает, что слова эти были привнесены в византийскую армию местными жителями из их родного языка и усвоены солдатами (о чем свидетельствует стратегикон) как воинская команда. К анализу данного выражения обратился недавно профессор-филолог А. Розетти, который пришел к заключению, что слова «*torna, torna, fratre*» восходят к языку местного романизированного населения²⁶.

В другой статье Настурела разбирается вопрос о местоположении

²⁵ P. S. Năsturel. *Torna, torna, fratre. O problemă de istorie și lingvistică*. «Studii și cercetări de istorie veche», VII, 1956, p. 179—188.

²⁶ Al. Rosetti. Despre «*torna, torna, fratre*». *Omăgiu lui Constantin Daicoviciu* București, 1960, p. 467—468.

города Вичины, одного из византийских форпостов на Дунае²⁷. Автор приводит сведения, сообщаемые неким греком — жителем этой гавани — и изданные А. Делаттом²⁸. На основании этих данных Настурел заключает (к такому выводу, впрочем, уже приходили и другие исследователи), что город был расположен на месте современной Исакеи. Он считает, что на месте римской крепости Новиодун находилась известная по византийским источникам Дитцина, а вблизи нее генуэзцы основали эмпорий, которому и дали имя Вичина. Последнее, по мере развития, постепенно полностью вытеснило название Дитцина. Крепость Пампуло, упоминаемая в том же источнике, является, по утверждению Настурела, византийским поселением в Бизерикуте.

Таковы важнейшие работы последних лет, посвященные взаимоотношениям Византии и нашей родины. Мы сочли нужным подробно остановиться на них, так как они трактуют локальные проблемы, мало известные широкому кругу византинистов.

С 1958 г. Академия наук Румынской Народной Республики приступила к изданию собрания произведений византийских историков: их работы служат также источником и по истории Румынии.

В. Греку, осуществивший издание и перевод сочинений, которые помещены в первых томах серии, обратился прежде всего к трудам поздневизантийских историков, содержащим много важных данных о румынских княжествах, а также о народах Балканского полуострова в XIV—XV вв. Первым вышло критическое издание «Истории» Дуки (с румынским переводом²⁹) — итог длительной работы ученого. Опубликование этого сочинения имеет огромное значение для всех историков Византии, поскольку до сих пор исследователи пользовались старым, боннским изданием Дуки, изобилующим ошибками и представляющим собой простое воспроизведение парижского издания Биллальда 1649 г.

В основу своей публикации Греку положил единственную имеющуюся в наличии парижскую рукопись 1310 г. Лишь для уяснения трудно читаемых мест или для восстановления пропущенного текста он привлекал позднейшую копию парижской рукописи 1766 г. В обеих рукописях отсутствует конец хроники. Для его восстановления Греку обратился к старому переводу хроники на венецианский диалект, относящемуся к XV—XVI вв. и помещенному в «Библиотеке» Мартеня.

Помимо содержательного постраничного комментария, издание Греку снабжено введением, где характеризуется личность Дуки, рассматриваются вопросы исторической и литературной ценности его произведения и значения сообщаемых им сведений для истории Румынии. В книге имеются указатели: грамматический, предметный, малоупотребительных греческих слов и слов из других языков, встречающихся у Дуки, а также собственных имен.

Второй том, выпущенный издательством Академии наук, содержит также выполненный Греку перевод на румынский язык «Истории» Лаоника Халкокондила³⁰. Греку использовал издание Дарко, выпущенное в 1922—1923 гг. и полностью отвечающее требованиям, предъявляемым к критическим изданиям. Том содержит многочисленные комментарии, введение,

²⁷ P. S. Năsturel. Așezarea orașului Vicina și țărmul de apus al Mării Negre în lumina unui portulan grec. «Studii și cercetări de istorie veche», VIII, 1957, p. 295—305.

²⁸ A. Delatte. Les portulans grecs. Liège — Paris, 1947.

²⁹ Dukas. Istoria turco-bizantină, 1341—1462, ediția critică de Vasile Grecu. București, 1958.

³⁰ Laonic Chalcocondil. Expuneri istorice Creșterea puterii turcești. Căderea împărăției bizantine. București, 1958.

где рассказывается об авторе и его произведении, а также подробнейший предметный указатель. И хотя на этот раз ученый ограничился только переводом (переиздание в данном случае излишне), подобная работа сама по себе достаточно сложна, если учесть трудности, на которые наталкивается интерпретация такого обработанного в классическом духе источника, каким является сочинение Халкокондила.

На 1963 г. намечен выпуск в свет критического издания «Истории» Критовула с переводом Греку. Он же готовится издание и перевод Хроники Франдзи, а также его Малой хроники и ошибочно приписываемой ему Большой хроники. Последнюю издатель предполагает издать тремя различными прифтами с тем, чтобы можно было различать, что взято ее автором из Малой хроники (следовательно, принадлежит Франдзи и без изменения воспроизведено в Большой хронике), какие места, напротив, были расширены составителем Большой хроники и, наконец, что было им добавлено совершенно заново. Такой способ издания должен с особой наглядностью подтвердить, что Франдзи не мог быть автором Большой хроники.

Не так давно библиотека Румынской Академии наук получила рукопись греческого канона с прекрасными миниатюрами, обнаруживающими совершенство технического и художественного исполнения. Судя по палеографическим особенностям, рукопись относится к XI в. Художественные достоинства миниатюр указывают на их связь с византийским возрождением XIII в. Текст канона с некоторыми замечаниями, касающимися рукописи и миниатюр, издал Барнеа³¹, по мнению которого, канон написан в одном из крупных монастырских центров, вероятно, в Афоне.

Из исследований по истории Византии упомянем статью Барнеа об обязанностях викария Одесса; источником для нее послужила надгробная надпись, найденная в Томи и принадлежащая известному Марцеллину³². Должность викария появилась в конце V в. или в начале VI в., во всяком случае не позднее 536 г., когда была создана *quaestura exercitus* с центром в Одессе. По мнению автора, викариат Одесса был создан одновременно с викариатами Длинной стены и должен был охватывать провинции Вторую Мизию и Скифию.

Из работ, посвященных византийским институтам, назовем также статью М. Сезана о византийском флоте в период Комнинов и Ангелов³³. После отвоения при Алексее Комнине малоазийского побережья флот империи был реорганизован. Но, как указывает автор, остается неясным, был ли он подчинен специальному морскому ведомству или находился в непосредственном подчинении центральной власти. Ссылаясь на высказывание Анны Комниной, Сезан склоняется ко второму предположению. Он считает, что хотя в это время и были созданы новые морские учреждения, они якобы не имели специальных обязанностей по содержанию флота. Это мнение опровергается, однако, сообщением Михаила Хониата, анализ которого приводит к совершенно иному выводу.

Сезан рассматривает далее характер организации флота, разбирает таблицу о рангах и выясняет роль флота в военных действиях. В заключение отмечается упадок византийского флота, начавшийся вскоре после смерти Мануила Комнина и усилившийся в результате активизации на море итальянских республик. Автору следовало бы, на наш взгляд, поставить упадок флота в связь с процессом аграризации империи, углубившимся в

³¹ I. Barnea: Un canon iconografic ilustrat. «Ortodoxia», XIII, 1961, 1, p. 55—80.

³² I. Barnea. Un vicar de Odessos la Tomis. «Studii și cercetări de istorie veche», VIII, 1957, p. 347—352.

³³ M. Sesan. La flotte byzantine à l'époque des Comnènes et des Anges. [BS, vol. 21, 1960, p. 48—53.

результате победы провинциальной феодальной знати, и, таким образом, отодвинуть начало этого упадка на несколько столетий назад.

Последние века существования Византии привлекли внимание Э. Франчеса. Одну из своих статей он посвятил валашским пастухам в Византийской империи XIII—XIV вв.³⁴ Автор отмечает, что по сравнению с XI в. их положение в это время ухудшилось; причину этого он видит в расширении и углублении процесса феодализации. В XIII в. валашские пастухи поддерживали деспотов Эпира в их борьбе с Никейской империей. После победы последней положение пастухов стало еще тяжелее. Их обложили особенно высокими налогами, а при Андронике II переселили в Малую Азию. Сопротивление владхов ослабело, и они не выступали больше против угнетения с прежней энергией. Относительное равнодушие владхов Франчес объясняет изменой их вождей, предполагая наличие внутри валашской общины различных группировок и взглядов.

В других статьях Франчес вновь обратился к теме, разрабатывавшейся им уже ранее. В одной из предыдущих статей он исследовал взаимоотношения византийских феодалов с городами; теперь он с тех же позиций рассмотрел отношение феодалов к турецким завоевателям³⁵. В результате тщательного изучения ряда конкретных фактов автор пришел к выводу, что со времени своего появления в Малой Азии и вплоть до завоевания Константинополя турки находили поддержку у византийских феодалов. Автор объясняет эту позицию феодалов их постепенным вытеснением из экономической жизни Византии. Феодальная система, господствовавшая в стране, была дезорганизована войнами, в особенности турецкими, сербскими и болгарскими победами. Этому способствовали также деятельность итальянских купцов, проникавших в экономику Византии, и укрепление позиций городов. При таких обстоятельствах византийские феодалы видели в отсталом турецком феодальном государстве силу, союз с которой, как они полагали, позволит им справиться с трудностями, хотя бы даже путем ассимиляции с завоевателями.

Близким проблемам посвящена статья Франчеса о зилотах Фессалоники³⁶. Изложив взгляды современных историков, автор высказывает ряд собственных соображений. Так, по его мнению, связь партии легитимистов в Константинополе и зилотов Фессалоники выражала общность интересов группировавшихся вокруг Палеологов чиновной знати, с одной стороны, и, с другой, жителей крупнейших городских центров. Оба эти слоя боролись против центробежных тенденций, получавших опору среди проиаров.

С точки зрения автора, восстание в Фессалонике прошло два этапа. На первом руководящая роль принадлежала купцам и ремесленникам. Только в 1345 г., когда обнаружилась их замена, последовала сильная реакция плебейских масс и крестьян, сбежавшихся в город, вследствие чего движение приобрело более радикальный характер.

Специальное исследование Э. Франчес посвятил истории русско-византийских отношений. Как известно, в устье Дуная произошли столкновения Византии сначала с Киевским государством, а затем с Галицким княжеством³⁷. Осложнения, возникшие в области старого русла Днестра (в связи с постоянной угрозой со стороны куманов), побудили Киевское государ-

³⁴ E. Frances. *Păstorii vlahi din Imperiul bizantin în secolele XIII—XIV. «Studii», IX, 1956, 1, p. 139—146.*

³⁵ Э. Франчес. Классовая позиция византийских феодалов в период турецкого завоевания. ВВ, XV, 1959, стр. 71—99.

³⁶ E. Frances. *Răscoala zelotilor din Thessalonice în lumina ultimelor cercetări. «Studii», XII, 1959, 3, p. 257—266.*

³⁷ E. Frances. *Les relations russo-byzantines au XIII-e siècle et la domination de Galicie au Bas-Danube. BS. vol. 20, 1959, p. 50—62.*

ство, стремившееся сохранить связи с Черным морем, обратить внимание на район Молдавы до ее впадения в Дунай. Впрочем, в этом отношении Владимир Мономах только следовал политике, начатой Святославом. Этот же район являлся одновременно и сферой притязаний Галицкого княжества, которому в середине XIV в. удалось оттеснить Киев и укрепить здесь свои позиции. Все это послужило причиной ослабления византийского влияния в нижнедунайских областях.

Выводы Э. Франчеса подтверждаются археологическими раскопками. Позднейшие из византийских монет, найденных в районе Диногетии, относятся ко времени Алексея Комнина³⁸. При раскопках в Диногетии был обнаружен относящийся к X—XII вв. обильный материал русского или восточного происхождения, в частности предметы, изготовленные в Булгаре и появившиеся здесь, несомненно, только благодаря русским купцам³⁹. Хотя большое количество изделий, изготовленных в ремесленных мастерских русских городов и найденных в Диногетии, — обстоятельство, недостаточное для того, чтобы сделать безоговорочный вывод о господстве Руси на территории вплоть до правого побережья Дуная, этот факт во всяком случае дает основание рассматривать данный район как пограничную область, в которой совершался особенно интенсивный торговый обмен с русскими княжествами.

И. Рамуреану опубликовал в последние годы ряд статей в теологическом журнале, рассматривающих обращение венгров, русских и сербов в христианство, осуществившееся под влиянием константинопольской церкви⁴⁰.

Проблемой обеих схизм занимался М. Сезан⁴¹, который справедливо указал, что народные массы держались совершенно нейтрально в споре обеих церквей и что основные причины схизм надо искать в стремлении папства к утверждению своего влияния. Последующие попытки объединения являлись, по мнению Л. Гафтона⁴², не чем иным, как компенсацией, которую Византия предложила Западу, чтобы достичь определенных политических целей. Результатом этой политики явилось еще большее углубление пропасти между обеими церквями.

Вопросами византийской литературы занимался в рассматриваемый период В. Греку. В одной из своих статей он уточнил некоторые детали, касающиеся биографии и исторического труда Критовула⁴³. Греку высказал предположение, что византийского историка в действительности звали Михаил Критопул, а Критовул — его измененное имя, причем самое

³⁸ I. Barnea. Relațiile dintre așezarea de la Garvan și Bizanț. «Studii și cercetări de istorie veche», IV, 1950, 3—4, p. 649.

³⁹ I. Barnea. Byzance, Chiev et l'Orient sur le Bas-Danube du X-e au XII-e siècle. «Nouvelles études d'Histoire». Bucarest, 1955, p. 75; i d e m. Elemente de cultură materială veche rusească și orientală în așezarea feudală (sec. X—XII) de la Dinogetia (reg. Galați). «Studii și referate privind istoria României». București, 1954, I, p. 195—227; i d e m. Amforele feudale de la Dinogetia. «Studii și cercetări de istorie veche», V, 1954, 3—4, p. 522—524, 527.

⁴⁰ I. Rămureanu. Inceputurile creștinării ungarilor în credința ortodoxă a Răsăritului. «Studii teologice», IX, 1957, 1—2, p. 23—57; i d e m. Creștinarea rușilor în lumina noilor cercetări. «Studii teologice», IX, 1957, 5—6, p. 386—413; i d e m. Inceputul creștinării sîrbilor sub împăratul bizantin Heracliu. «Studii teologice», XI, 1959, 3—4, p. 164—181; i d e m. Creștinarea sîrbilor sub împăratul Vasile I Macedoneanul. «Studii teologice», XII, 1960, 1—2, p. 3—28.

⁴¹ M. Sesan. Patriarhul Fotie și Roma. «Mitropolia Ardealului», V, 1960, 7—8, p. 535—559; i d e m. Considerațiuni asupra schismei din 1054. «Mitropolia Ardealului», II, 1957, 3—4, p. 205—218.

⁴² L. Gafton. Agravarea schismei prin încercările de unire în secolele XI—XV. «Ortodoxia», VIII, 1956, 3, p. 397—416.

⁴³ V. Grecu. Kritobulos sau Imbros. BS, vol. 18, 1957, 1, p. 1—17.

изменение было обусловлено стремлением придать этому имени классическое звучание. Тем же причинами Греку объясняет и происхождение имени Гермодор. Анализируя посвящение султану Мухаммеду II, содержащееся в произведении Критовула, ученый указывает на две редакции текста этого посвящения: одна из них уделяет значительное место военным деяниям султана, вторая же — более краткая. Краткую редакцию Греку рассматривает как подлинную; пространная, по его мнению, представляла собой послание, сопровождавшее произведение, посвященное султану, и кратко излагавшее его содержание, чтобы ввести султана в суть дела.

Греку внес далее некоторые поправки к мюллеровскому изданию «Истории» Критовула. К. Мюллер считал рукопись этого произведения из библиотеки сераля более поздней копией, а отметки на ее полях — соответствующими оригиналу; он предполагал только, что они взяты из другой рукописи. Греку же доказывает, что именно рукопись сераля является оригиналом. Он подчеркивает значительное влияние, которое на произведение Критовула оказал труд Фукидида.

Другая работа Греку посвящена Лаонику Халкокондилу⁴⁴. Его настоящее собственное имя, как указывает Греку, — Николай. Однако историк изменил его на античное — Лаоник. Относительно начертания его «фамилии» взгляды исследователей разделились: одни считают, что его называли Халкокандил, другие — Халкокондил. Греку присоединяется к последнему мнению, так как это начертание встречается у большинства копиистов и, кроме того, в одной из надписей в церкви в Афинах, а также на портрете внука Лаоника Халкокондила.

По мнению Греку, год рождения византийского историка — 1423. Последний издатель Халкокондила предполагает, что после завоевания Византии турками он искал пристанища на острове Крит. Греку, однако, считает, что историк остался на завоеванной территории. Бесспорными доказательствами этому служат его знание турецкого языка, обычаев, системы управления и истории Османской империи, а также расположение историка к туркам. Возможно, он проживал в Афинах. Греку указывает на несомненное сходство произведений Халкокондила и Критовула: совпадение некоторых сообщений, благосклонное отношение авторов к туркам, восхищение личностью Мухаммеда II, изображение его войн не как завоевательных походов, а как необходимых карательных экспедиций против окружающего населения, обязанного податями султану. Равным образом и причину нападения на Пелопоннес оба историка усматривают во вражде местных деспотов. Наконец, образцом и для Халкокондила, и для Критовула послужил труд Фукидида.

В своей статье И. Рамуреану обстоятельно описывает жизнь и деятельность первого константинопольского патриарха при турках — Геннадия Схолария, сыгравшего благодаря своему влиянию выдающуюся роль в последние тревожные годы существования города⁴⁵.

Важным последствием турецкого завоевания явилась сильная греческая иммиграция в румынские княжества. Она возросла особенно с XVI в. и достигла своей кульминации в правление фанариотов. Результатами ее явились: распространение в широких масштабах византийского права, применение греческого языка в канцеляриях князей, а также проникновение вместе с многочисленными греками, пришедшими из различных ча-

⁴⁴ В. Греку. К вопросу о биографии и историческом труде Лаоника Халкокондила. ВВ, XIII, 1958, стр. 198 — 210.

⁴⁵ I. Rămureanu. Ghenadie II Scholarios, primul patriarh ecumenic sub turci. «Ortodoxia», VIII, 1956, 1, p. 76 — 109.

стей Османской империи, греческой культуры в среду господствующего класса.

Вопрос о размерах греческой иммиграции в румынские княжества после падения Константинополя был изучен в статье П. Настурела⁴⁶. По мнению автора, непосредственно после захвата турками Константинополя в Валахию переселились лишь немногие греки, о чем свидетельствует отсутствие в местных документах греческих имен. Это и понятно: тогдашний правитель Валахии Владислав II перешел на сторону турок и, естественно, боялся предоставлять убежище греческим беглецам. Кроме того, греки не считали валашские города достаточно надежной защитой, поскольку и они находились под постоянной угрозой турецких вторжений. Возможно, что многие греки, бежавшие к морю, нашли приют в Молдавии. К такому заключению П. Настурел приходит на основе изучения энциклики молдавского митрополита Иоахима, обратившегося к населению с призывом оказать поддержку беглецам. Исходя из данных, содержащихся в письме епископа Самуила, автор предполагает также, что некоторые греческие иммигранты достигли Семиградья. Конечный вывод Настурела: занятие Константинополя турками не привело к усилению влияния греков в румынских княжествах, напротив, в условиях стагнации, наступившей после этого, здесь еще больше возросла роль славянской культуры.

Особое внимание в последние годы уделялось критическому изданию законодательных сборников румынских княжеств, составленных при фанариотах на греческом языке и по греческому образцу. Были изданы: кодекс Караджа⁴⁷, введенный в Румынии в 1818 г. и в большей своей части составленный одним из выдающихся представителей греческой культуры начала XIX в. Афанасием Христулом; кодекс Каллимаха⁴⁸ — законодательный сборник, вступивший в силу в 1817 г. и наряду с положениями, заимствованными из австрийского права, содержащий церковные распоряжения, взятые из законодательства Юстиниана; юридический справочник Андроника Доничи⁴⁹ (подобный «Шестикнижью» Арменопула), составленный в 1813 г. на румынском языке на основе византийских источников (институций Юстиниана). Кроме этих законодательных сборников, вышел критически изданный и также составленный впервые на румынском языке светский законодательный сборник «Cartea românească de învățătura»⁵⁰, содержащий, в частности немало статей византийского аграрного права.

В сборнике помещен как греческий текст «Земледельческого закона» с румынским переводом, так и выдержки из церковных постановлений, рукописи которых хранятся в библиотеке Румынской Академии наук.

Всем выпускам данной серии предпосланы подробные вводные статьи, анализирующие законодательные сборники в свете социально-экономических отношений того времени, определяющие источники, которыми пользовались составители, имена последних, оценивающие более ранние издания данных памятников, и т. д. Каждый том завершается предметным указателем.

Сборники содержат богатый материал из юридической практики. Ближайшим результатом издания этих законодательных сборников была публикация ряда исследований по истории нашего старого права. Особое внимание в них уделяется причинам распространения византийских

⁴⁶ P. S. Năsturel. Urmările căderii Tarigradului pentru biserica românească. «Mitropolia Olteniei», XI, 1958, 1 — 2, p. 45 — 73.

⁴⁷ Codul Caragea. București, 1955.

⁴⁸ Codul Callimach. București, 1958.

⁴⁹ Manualul juridic al lui Andronic Donici. București, 1959.

⁵⁰ Cartea românească de învățătura. București, 1961.

юридических норм в румынских княжествах. Так, Г. Кронт⁵¹ утверждает, что византийское право было принято в княжествах не только вследствие общего проникновения туда византийской культуры, но и потому, что по существу оно полностью соответствовало их социально-экономическому развитию. Автор отмечает, что еще до появления первых законодательных сборников на румынском языке, содержащих, однако, только византийские юридические установления, в румынских княжествах были распространены различные номоканоны, главным образом синтагма Матвея Властаря и «Шестикнижье» Арменопула.

Эти сборники, как полагает Кронт, служили не только пособием при изучении права, но и применялись в судах в качестве руководящих правовых норм. Принятие римско-византийского права не было только формальным актом. Оно совершилось в тот период, когда начался процесс распада общины и укрепления господства феодалов. Одновременно с централизацией феодального государства возрастало стремление к принятию римско-византийского права, поскольку последнее способствовало выкорчевыванию местных обычаев и укрепляло власть правителей над их подданными. В этих условиях появились «Законы Молдавии» и «Толкование законов румынских княжеств», которые в свою очередь воспроизвели большую часть «Законов Молдавии». Единственное различие между ними заключается в том, что молдавское собрание законов содержит только светские правовые нормы, в то время как валахское включает в себя и каноническое право.

Попытки Г. Кронта решить вопросы о составителях и редакторах этих законодательных сборников, а также определить их источники не внесли чего-либо нового в понимание этих проблем. В соответствии с традиционной точкой зрения он утверждает, что «*Pravila Moldovei*» представляют собой компиляцию трактата Проспера Фаринация «*Praxis et theoricæ criminalis*» и «Земледельческого закона», в то время как «*Indreptarea legiî*» содержат также тексты из синтагмы Властаря и номоканона Малаккоса.

Кодекс Каллимаха явился и предметом изучения В. Джорджеску⁵², который с полным основанием считает, что этот сборник отразил общественные отношения периода распада феодализма. Буржуазное влияние сказалось на самой технике составления сборника и нашло свое отражение в едином характере законодательства, источником которого послужило главным образом австрийское законодательство и только в незначительной мере — византийское право.

В актах канцелярий румынских князей и в церковных документах второй половины XVI в. часто употребляется греческое письмо. Это вызвало необходимость предпослать в качестве введения к собранию документов румынских княжеств, выпущенному Институтом истории Румынской Академии наук, исследование по греческо-румынской палеографии⁵³. Автор его, А. Элиан, изучив язык документов, отмечает, что в большинстве случаев он представляет собой литературный новогреческий язык, в котором встречаются отдельные слова, заимствованные из румынского. Примечательно, что среди памятников XVI в. имеются тексты на румынском языке, написанные греческими буквами, или греческие тексты, написанные кириллическим письмом.

⁵¹ Gh. Cront. Dreptul bizantin în Țările Române. *Pravila Moldovei* din 1646. «Studii», XI, 1958, 5, p. 33 — 59; idem. Dreptul bizantin în Țările Române. *Indreptarea legiî* din 1652. «Studii», XIII, 1960, 1, p. 57 — 82.

⁵² V. Georgescu. Trăsăturile generale și izvoarele Codului Callimach. «Studii», XII, 1960, 4, p. 73 — 106.

⁵³ Al. Elian. Elemente de paleografie greco-română. Documente privind istoria României. Introducere, vol. I. București, 1956, p. 359 — 381.

Из работ по дипломатике укажем статью Д. Замфиреску⁵⁴, в которой тщательно исследуются преамбулы документов на греческом языке, исходивших из канцелярии румынских князей и опубликованных в собрании Хурмузаки. Первые из этих княжеских актов сохраняли в основном традиции древних славянских документов, но постепенно форма и содержание преамбул менялись. Наряду с общими религиозно-этическими соображениями сюда включаются и указания на конкретные исторические события, вызвавшие появление данного акта. Преамбулы не являлись более лишь простым повторением стереотипных канцелярских фраз: они стали богаче содержанием, стиль их сделался более свободным, близким к литературному, составители их отказались от злоупотребления цитатами из более ранних документов. Основную причину этих изменений автор усматривает во влиянии патриаршей канцелярии, продолжавшей традиции византийской императорской канцелярии.

При рассмотрении взаимоотношений греческого мира с румынскими княжествами должны быть упомянуты также многочисленные статьи, опубликованные в теологическом журнале и посвященные взаимоотношениям румынской церкви с константинопольским патриархатом и монастырями Афона.

Таков вклад румынских историков в разработку проблем византиноведения, сделанный за последние пять лет. Как мы видели, в первую очередь взоры ученых, естественно, обратились к изучению истории области, принадлежавшей в прошлом Византийской империи, а ныне составляющей часть территории нашей страны, — Добруджи. Данные, полученные исследователями (их количество будет, по-видимому, возрасти в результате дальнейших раскопок), способствуют изучению условий материальной жизни в отдаленных провинциях европейской части империи, их экономических взаимоотношений с остальными провинциями, установлению влияния соседних кочевых народов, выявлению особенностей процесса феодализации и организации управления в этом районе, а также других важных и еще недостаточно изученных вопросов истории Добруджи.

Подводя итоги, скажем, что за последние годы интерес к проблемам византиноведения чрезвычайно возрос. Об этом свидетельствует издание византийских исторических сочинений и публикация в каждом томе исторического журнала («Studii») подробной библиографии важнейших византиноведческих работ, вышедших в разных странах. Все более настоятельным делом становится организация специального сектора византиноведения, который мог бы оживить и координировать работу в этой области.

⁵⁴ D. Zamfirescu. Preambulari de documente grecești emenate din cancelariile domnilor români. «Studii teologice», X, 1958, 9 — 10, p. 621 — 642.

Р. БЕНЕДИКТИ

**НОВЫЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ВЕНГРИИ В 1955—1960 гг.**

Главным направлением в венгерском византиноведении последних лет были не исторические, а филологические и археологические исследования. Известные успехи, однако, достигнуты и в области изучения истории Византии. Венгерские историки-византилисты были заняты изучением двух важнейших проблем: внутренней истории ранней Византии и взаимоотношений между венгерским и византийским народами¹.

Серьезным вкладом в разработку первой из этих проблем являются статьи И. Хана. Автор поставил своей задачей дать правильную, марксистскую трактовку народных движений IV в. и деятельности императора Юлиана Отступника. Для изучения важного, но спорного вопроса о социальных основах восстания Прокопия (365—366 гг.) И. Хан привлек седьмую речь Фемистия, до сих пор не использовавшуюся исследователями. Подробно проанализировав ее, автор пришел к выводу, что восстание Прокопия представляло собой движение городской и деревенской бедноты, требовавшей отмены долгов и раздела земли богачей между неимущими². Изучая деятельность Юлиана Отступника, И. Хан установил, что его социальная и религиозная политика трагически противоречили друг другу и это противоречие привело к падению императора: мероприятия социального характера, проведенные Юлианом, поссорили его с языческой аристократией, а своей религиозной политикой он настроил против себя христианские торгово-ремесленные круги³. Новая интерпретация И. Ханом двадцатой речи Либаия и других современных источников позволила заключить, что идеологические и политические споры, возникшие после смерти Юлиана, определялись борьбой между христианством и язычеством и являлись ее закономерным следствием⁴.

Один из спорных вопросов византийской истории — история правления и оценка деятельности императора Василия I (867—886). Причиной разногласий среди исследователей является отсутствие достоверных источников по истории IX в. Естественно поэтому, что все новые данные, помогающие разрешить этот вопрос, представляют большую ценность. Статья

¹ См. Р. Б е н е д и к т и. Византиноведение в Венгрии в 1950—1955 гг. ВВ, XX, 1961.

² I. H a h n. К вопросу о социальных основах узурпации Прокопия. «Acta Antiqua Ac. Scient. Hung.», 6, 1958, p. 199—211.

³ I. H a h n. Julianus és Antiochia (Юлиан и Антиохия). «Az Egri Pedagógiai Főiskola Füzetek», 65. Eger, 1957.

⁴ I. H a h n. Ideológiai és politikai harc Julianus apostata halála körül (Идеологическая и политическая борьба вокруг смерти Юлиана Отступника). «Antik Tanulmányok», 6, 1959, p. 253—265.

Д. Моравчика об одном анонимном хвалебном стихотворении в честь императора Василия⁵, написанном около 872 г., содействовала выяснению вопроса в двух отношениях. В свое время А. Грегуар⁶, считавший, что византийская историография времен Македонской династии весьма тенденциозно, в мрачных красках, изображала императора Михаила III (842—867), стремился доказать, что «великим императором» был именно Михаил III, а не Василий I, блестящая карьера которого отодвинула его предшественника на задний план. Изученное Д. Моравчиком стихотворение, современное Василию I, называет его, однако, μέγας βασιλεύς, подтверждая, таким образом, свидетельства поздних источников. Исследование Д. Моравчика тем самым ставит под сомнение правильность характеристики деятельности Михаила III, данной Грегуаром, и вызывает необходимость уточнить оценку деятельности Василия I, сделанную бельгийским ученым. Стихи 70—88 указанного стихотворения разрешают и споры о происхождении императора Василия I: они свидетельствуют о том, что император был незнатного происхождения. Разумеется, данные, содержащиеся в стихотворении, написанном при жизни самого императора, имеют особенно большое значение.

Венгры сыграли видную роль в истории Византии, а последняя оказала значительное культурное влияние на венгерский народ. Ряд византийских источников сообщает важные сведения об истории венгерского народа, а множество археологических памятников и произведений искусства свидетельствуют о влиянии, которое оказали на Венгрию византийская образованность и восточная церковь. Одна из задач венгерской исторической науки состоит в том, чтобы, выявив и собрав все памятники по истории венгерско-византийских отношений, создать фундаментальный труд, посвященный этой теме. Таковой до сих пор отсутствует; его не могут заменить обзоры, подобные содержащемуся в первом томе капитальной монографии Моравчика⁷ (в ее недавнем, втором издании дается подробный обзор взаимоотношений между Византией и тюркскими народами). Не заменяет такого труда и исследование того же автора, посвященное отношениям между Венгрией периода Арпадовичей и Византийской империей⁸. Обе эти работы не могут считаться исчерпывающими; между тем необходимо, чтобы история отношений между двумя народами была рассмотрена в подробной монографии именно на основе всеобъемлющего материала письменных и археологических источников. Для создания такой монографии потребуется сотрудничество филологов, историков, археологов, искусствоведов и языковедов⁹.

Кроме названных выше общих работ, опубликованы специальные статьи по отдельным вопросам истории венгерско-византийских отношений. Расширению наших представлений о влиянии византийской образованности на Венгрию в значительной мере содействовала статья Д. Дёрфи, посвященная анализу описи владений греческого монастыря в Савасентде-

⁵ Gy. Moravcsik. Anonim dedikációs költemény I. Basileios császárról (Анонимное хвалебное стихотворение в честь Василия I). «Antik Tanulmányok», 7, 1960, p. 53—59.

⁶ См. Byz., 4, 1927/1928, p. 441—442; 5, 1929/1930, p. 344—346; 10, 1935, p. 770—773.

⁷ Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica. I. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. Berlin, 1958.

⁸ Gy. Moravcsik. Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn. «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin». Klasse für Philosophie, Geschichte, Staats-, Rechts- und Wirtschaftswissenschaften, 1955, № 4.

⁹ Gy. Moravcsik. Die Problematik der byzantinisch-ungarischen Beziehungen. BS, vol. 19, 1958, S. 206—211.

метре¹⁰. Автор доказал, что опись владений лавры св. Феодосия в Иерусалиме, вошедшая в состав буллы папы Гонория III от 29 января 1218 г., является выпиской на латинском языке из грамоты, где венгерский король Бэла III в 1193—1196 гг. жаловал лавре св. Феодосия монастырь в Савасентдеметре со всеми его владениями; источником же этой грамоты была греческая дарственная грамота от 1117—1124 гг. в пользу того же монастыря, написанная епископом Симоном. Автор исследования пришел к следующим основным выводам: монастырем, новым учредителем которого был венгерский король, с момента его основания владели греческие монахи; по своему богатству этот греческий монастырь занимал второе место после главного бенедиктинского аббатства в Паннонхалме, что свидетельствует о большой роли греческих монастырей в стране в период средневековья; до сих пор единственным в Венгрии документом об основании греческого монастыря считалась грамота Веспремвельде, отныне же доказано, что греческий монастырь в Савасентдеметре также имел учредительную грамоту на греческом языке. Таким образом, нам известны уже две греческие грамоты. Можно предположить, что такие грамоты имели и другие греческие монастыри средневековой Венгрии.

До последнего времени оставался невыясненным вопрос об отношениях, складывавшихся в XIV—XV вв. между Византией, приходившей в упадок, и Венгрией, находившейся на вершине своего могущества. Этот пробел восполняет статья Д. Моравчика¹¹, который показал, какую огромную роль в военных планах Яноша Гуниади играло оказание помощи византийцам против турок. Планы эти потерпели неудачу из-за высокомерия византийцев и их предубеждения против западной церкви.

Краткий обзор исследований по византийско-венгерским отношениям показывает, что в этой области еще предстоит весьма значительная работа.

Наш обзор был бы неполным, если бы мы не остановились хотя бы бегло на очередных задачах византиноведения в Венгрии, сформулированных недавно Д. Моравчиком¹². Эти задачи следующие.

Для осуществления плана выдающегося венгерского ученого прошлого века П. Хунфальви необходимо опубликовать в фундаментальном критическом издании собрание византийских источников по истории Венгрии (*Chrestomathia Byzantina*), подобно тому как это делают наши болгарские и югославские коллеги¹³. В ближайшее время нужно предпринять раскопки многочисленных археологических памятников, относящихся к истории венгерско-византийских отношений, самыми ценными из которых являются развалины греческих монастырей в Венгрии. Как указывалось выше, неотложной задачей венгерского византиноведения является создание фундаментальной монографии по истории венгерско-византийских отношений, основанной на изучении всех материалов источников.

Осуществлению этих задач в значительной мере содействовало бы создание при университете специальной кафедры византиноведения и новогреческой филологии, что является давним и обоснованным желанием венгерских византинистов.

¹⁰ G. Györfly. Das Güterverzeichnis des griechischen Klosters zu Szávaszentdemeter (Srmska Mitrovica). «Stud. Slav. Ac. Scient. Hung.», 5, 1959, p. 9—74. См. нашу рецензию: BZ, 54, 1961, S. 149f.

¹¹ Gy. Moravcsik. Magyar-bizánci kapcsolatok Bizánc bukása idején (Венгерско-византийские отношения в период падения Византии). «Antik Tanulmányok», 2, 1955, p. 161—169.

¹² См. его статью: BS, vol. 19, 1958, p. 206—211.

¹³ Примером может служить труд Д. Моравчика: Gy. Moravcsik. Bizánci krónikák honfoglalás előtti magyarságról (Византийские хроники о венграх в эпоху, предшествующую завоеванию страны). «Antik Tanulmányok», 4, 1957, p. 275—288.

ПРОБЛЕМЫ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ И РУССКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А. П. КАЖДАН

ВИЗАНТИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ VII—XV вв. В ОСВЕЩЕНИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1917—1960)

Проблемы аграрной истории Византийской империи оживленно обсуждаются в настоящее время в зарубежной историографии; при этом речь идет не только о частностях, о толковании того или иного термина, но именно и прежде всего о коренных вопросах истории деревни. Самое существование феодализма в Византии еще продолжает оставаться предметом дискуссии, не говоря о том, что пути развития византийского общества чуть ли не каждый исследователь рисует по-своему.

Необходимо разобраться в этом разногласном хоре. Необходимо определить основные направления, которые сложились в современной историографии византийской деревни; нужно понять политические и идейные корни тех или иных концепций.

Вместе с тем изучение зарубежной историографии позволит проследить развитие методики исторического исследования, увидеть, как расширяется круг привлекаемых источников, как становится более строгой система аргументации, как меняется отношение к историческим памятникам.

Если не отдать себе отчета в состоянии нашей дисциплины, то при перестроке сложившихся мнений очень легко соскользнуть на боковую дорожку, уже исхоженную многими и приводящую, тем не менее, в тупик. Еще реальнее другая угроза: исследователь, недостаточно внимательный к историографии, рискует оставить вне поля зрения проблемы, выдвинутые другими, трудности, возникшие в процессе их изучения, и, наконец, приемы исследования, давно уже введенные в научный оборот.

Рассматривая в дальнейшем историю изучения аграрного строя Византии, мы ограничиваем нашу тему хронологически. Первые столетия византийской истории настолько тесно связаны с историей Римской империи, что должны быть рассмотрены особо: одна только проблема колоната породила литературу, пожалуй, не уступающую ни по объему, ни по значению всему тому, что было написано о византийской деревне. К тому же и по существу есть все основания начинать обзор с VII в., на который, как это признает большинство современных ученых, приходится очень существенные сдвиги во внутреннем и внешнеполитическом положении империи.

В византиноведческой литературе конца прошлого и начала текущего столетия, посвященной аграрным отношениям, можно выделить четыре основных направления.

1. Русская классическая школа, представленная трудами В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского, Н. А. Скабалановича, исходила из представления о крестьянской общине как о важнейшей жизненной ячейке византийского общества; в упадке общины коренились, по мнению этих ученых, причины гибели Византийской империи. Сходные взгляды развивал и немецкий историк права К. Э. Цахариз фон Лингенталь.

2. Французская историко-правовая школа, основателем которой был А. Монье, искала свой идеал не в общинной, а в мелкой индивидуальной собственности; считая общину порождением фискальной политики византийских императоров, Монье именно в восстановлении института круговой поруки рассчитывал найти объяснение упадка Византии.

3. «Критическая» школа Б. А. Панченко и У. Эшбернера отрицала как общинную собственность в Византии, так и вообще социальную эволюцию византийского общества; по сути дела, эти историки возвращались назад, к концепции П. Каллигаса, развитой еще в 1859 г.

4. Последнее направление, которое мы условно могли бы назвать «феодалистским», не приобрело в начале XX в. сколько-нибудь значительного числа сторонников: строго говоря, лишь П. А. Яковенко приступил в ту пору к изучению византийских феодальных институтов. Вслед за ним о «феодализирующих процессах» в Византии заговорили К. Н. Успенский, А. А. Васильев и даже Ф. Успенский; впрочем, часть их работ увидела свет уже после Октябрьской революции.

Важнейшим источником для византистов-аграрников того времени был «Земледельческий закон», важнейшей проблемой — проблема общинной собственности. Основной метод исследования, разработанный Васильевским и сохраненный даже «критическим» Панченко, состоял в подробном изложении одного источника (или в последовательном изложении одного за другим ряда однотипных источников), причем выводы, как правило, формулировались в виде комментария к тому или иному месту. Другими словами, источник не только служил исследователю исходным пунктом при накоплении материала, но и довел над ним при изложении. Лишь крайне редко появлялись тогда исследования в области аграрной истории, построенные не в форме комментария к данному памятнику (будь то «Земледельческий закон», акты монастыря Лемвиотиссы или Патмосская писцовая книга), но объединенные внутренне единой темой. Здесь опять-таки следует назвать имя Яковенко, книга которого была посвящена проблеме византийского иммунитета.

Таково было, если говорить кратко, состояние нашей дисциплины к 1917 году, с которого начинается новый этап в истории человечества, и в частности в истории общественной мысли.

2

Начиная с этого времени в зарубежной историографии все более возрастает внимание к византийской истории, особенно к истории социально-экономических отношений в Византии. Пренебрежительное отношение к Византии, унаследованное от просветителей конца XVIII в., рассеялось под влиянием трудов ученых, живших на рубеже XIX и XX столетий: К. Крумбахер, В. Васильевский, Дж. Бьюри, Ш. Диль и многие другие способствовали пробуждению интереса к истории Византийской империи, к византийской литературе и искусству.

Усиление интереса к истории Византии в значительной степени обуславливалось обострением общего кризиса капиталистической системы. В этих условиях ученые как реакционного, так и прогрессивного лагеря (исходя, конечно, из разных побуждений) стремились отыскать в прошлом

аналогии (разумеется, эти аналогии оставались чисто внешними и потому ложными) государствам с сильной верховной властью: в области древней истории это приводит к тому, что проблемы эллинизма и Римской империи становятся наиболее актуальными; соответствующая роль в истории средних веков принадлежала Византии.

При этом значительное число зарубежных ученых вступает на путь откровенной идеализации Византии, и особенно византийского государственного аппарата: именно византийское государство рассматривается ими как охранитель классического наследия и вместе с тем — социального мира и справедливости. Если в русской дореволюционной историографии центральное место отводилось свободной крестьянской общине, то буржуазные византилисты новейшего времени все чаще обращаются к рассмотрению роли государства и его воздействия на социальные и экономические отношения.

До 1917 г. западноевропейские ученые, как правило, не касались социально-экономической истории Византии; напротив, в новейшее время эта проблематика постепенно выдвигается на передний план. Объяснение таких перемен нужно искать в общих закономерностях развития общественной мысли: с одной стороны, все более значительным становилось влияние марксизма, с другой — обострялись социально-экономические проблемы современности и соответственно все четче обнаруживалась та истина, что история прошлого не может быть сведена только к смене династий, к военным успехам и поражениям, к церковной борьбе и пр. История (и история Византии в том числе) все теснее переплеталась с социологией и политэкономией, и спор о закономерностях исторического развития выдвигался на передний план.

Разумеется, новые тенденции проявились не сразу: прошло некоторое время, прежде чем они оформились более или менее четко.

Первые общие труды по истории византийского хозяйства вышли из-под пера экономистов. Уже в 1917 г. немецкий ученый Л. Brentano выпустил небольшую работу, озаглавленную «Народное хозяйство Византии»¹; основанная преимущественно на литературе, она не имеет научного значения. Однако выдвинутая Brentano концепция в некотором отношении характеризует тенденции, которые складывались в то время: она смыкается, в частности, с идеями, развитыми одновременно А. П. Рудаковым².

По мнению Brentano, «в Византии мы встречаем земельный строй, который даже в деталях аналогичен тому, что мы можем наблюдать в Западной империи». Единственное различие, отмеченное им, — это отсутствие в Византии феодальной связи, вассальных отношений³. Подобно Рудакову, Brentano считал Византию городской страной, все могущество которой основывалось исключительно на промышленности и торговле⁴. Причем — в этом пункте воззрения обоих исследователей расходились — организация византийской промышленности представлялась Brentano капиталистической⁵. Он всемерно восхваляет капиталистическую систему хозяйства, будто бы существовавшую в Византии, и связывает с ней расцвет империи.

¹ L. Brentano. Die byzantinische Volkswirtschaft. «Schmollers Jahrbuch», Jg. 41, H. 2, 1917 (см. рецензию: A. Andreades. BNJb, Bd. I, 1920, S. 410—413). Русский перевод: Л. Brentano. Народное хозяйство Византии. Л., 1924.

² А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.

³ Л. Brentano. Указ. соч., стр. 63 сл.

⁴ Там же, стр. 40.

⁵ Там же, стр. 24, 66 и др.

Книга греческого экономиста А. Андреадиса была посвящена истории финансов и хозяйства Греции от античности до нового времени; история Византии заняла в этой работе достойное место⁶. При этом Андреадис, в отличие от Брентано, основывался на источниках (преимущественно нарративных). Его книга также идеализирует византийскую экономику, и эта тенденция сохранилась в его последующих работах, о которых пойдет речь ниже.

Специальные интересы аграрных историков Византии сосредоточивались в ту пору на двух основных проблемах, поставленных уже учеными начала XX в.: феодальные институты и община.

Если русская византистика послеоктябрьского периода признала существование византийского феодализма⁷, то на Западе позитивное решение этой проблемы в 20-е годы можно было встретить крайне редко. Только Монье в работе, посвященной законодательству Льва IV, весьма решительно высказался в пользу феодальной теории, хотя и понимал под феодализмом, подобно большинству буржуазных ученых, лишь децентрализацию. По мнению Монье, при императорах Македонской династии «крупная собственность превратилась в феодальную»; однако он не объясняет, каким образом это произошло. Окончательным же триумфом феодальной аристократии, по мысли французского историка, была эпоха Комнинов⁸.

Мимоходом высказанное суждение Монье не привлекло к себе внимания. Впрочем, некоторые западные историки того времени касались в своих работах истории византийских феодальных институтов, не называя их, однако, «феодальными». В 1920 г. видный немецкий филолог А. Гейзенберг опубликовал исследование о некоторых византийских памятниках палеологовского периода; среди других он издал простагму императора Михаила VIII и в детальном комментарии к ней затронул вопрос о византийской пронии⁹. Гейзенберг извлек преимущественно из нарративных источников большое количество свидетельств о пронии, но, оставаясь филологом, по сути дела даже и не поставил вопроса о социальной природе этого института.

Иначе были написаны работы болгарского историка П. Мутафчиева, затрагивавшие тот же вопрос. Мутафчиев исходил из того, что особое военное устройство было одним из основных элементов, обеспечивших устойчивость Византии¹⁰, и потому посвятил свое исследование стратиотскому землевладению в последние века империи; он подчеркнул, что судьба стратиотов была тесно связана с судьбами крестьянства и что стратиотская система рухнула тогда, когда императоры отказались поддерживать мелкое землевладение в его борьбе с крупным¹¹. Специальный раздел этой

⁶ A. Andreades. 'Ιστορία τῆς ἐλληνικῆς δημοσίας οἰκονομίας, т. 1, μ. 2. 'Αθήναι, 1918 (см. рецензию: E. Ziebart. «Hellas», 1921, № 4/5, S. 13 f.). Ср. также D. L. Zographos. 'Ιστορία τῆς ἐλληνικῆς γεωργίας, т. 1. 'Αθήναι, 1921 (нам недоступно). См. A. Heisenberg. BZ, 25, 1925, S. 217).

⁷ Здесь следует отметить прежде всего книгу А. А. Васильева «Латинское владичество на Востоке» (Пг., 1923); 11-я глава этой книги («Вопрос о феодализме в Византии») была затем переведена на английский язык (A. A. Vasiliev. On the Question of Byzantine Feudalism. Byz., vol. 8, 1933), что в значительной мере способствовало возобновлению в западной литературе дискуссии о византийском феодализме. Об этом см. ниже, стр. 140.

⁸ H. Monnier. Les Nouvelles de Léon le Sage. Bordeaux, 1923, p. 11, n. 2.

⁹ A. Heisenberg. Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit SBAW, 1920, Abh. 10, S. 70 f.

¹⁰ П. Мутафчиев. Войнишки земи и войници в Византия през XIII—XIV в. СпБАН, кн. XXVII, Кл. ист.-филол., № 15, 1923, стр. 93.

¹¹ Там же, стр. 94 сл.

работы был посвящен пронию¹²: основная идея, которую развивал Мутафчиев, заключалась в том, что прония не имела ничего общего со стратотским землевладением¹³; и хотя известия о прониарах-воинах нередко встречаются в византийских источниках¹⁴, было бы ошибочным связывать пронию с западноевропейским бенефицием и объяснять ее происхождение военными потребностями¹⁵.

Не обсуждая здесь вопроса о правильности воззрений Мутафчиева на пронию (в дальнейшем они были подвергнуты критике со стороны ряда аграрников-византинистов, и прежде всего Г. А. Острогорского), отметим сейчас лишь то обстоятельство, что наблюдения Мутафчиева объективно приводили к далеко идущему выводу об отсутствии в Византии феодальных отношений¹⁶ — к выводу о принципиальном отличии византийского пути развития от западноевропейского и, следовательно, о полной противоположности исторических судеб Восточной и Западной Европы.

В более общем виде вопрос о сходстве и различии западноевропейского и византийского путей развития был поставлен в статье румынского историка Н. Иорга, носившей характерное название: «Существовало ли византийское средневековье?». Отметив в начале статьи, что тезис о неизменности византийского общественного уклада наконец-то оставлен, Иорга, однако, признает существование византийского средневековья лишь в весьма ограниченном смысле. И характер государственной власти, и городской строй, по его мнению, оставались в империи прежними, античными¹⁷; лишь на периферии Византийского государства, прежде всего в итальянских колониях и северобалканских государствах, сложилась ленная зависимость от Константинополя, отразившаяся, в частности, в применении термина *λίγιος*, «вассал»¹⁸. Иорга подчеркивает далее, что на формирование средневековых порядков в Византии оказывали существенное влияние «внешние элементы» (*éléments extérieurs*), а именно варяги, норманны, паломники на Восток и крестоносцы¹⁹.

Таким образом, Иорга в этой статье не только избегает термина «феодализм», но и оставляет вне своего внимания основную ячейку средневекового мира — деревню. Характерные признаки средневековья (или, в нашей терминологии, феодализма) сводятся для Иорга к независимости церкви от государства, ленным отношениям и существованию ассоциаций горожан. И все же важно, что Иорга ищет элементы нового в византийском обществе, хотя и ограничивает их периферией империи (а по сути дела даже взаимоотношениями империи с соседними странами, ибо Вене-

¹² Там же, стр. 37—61. Ср. его же. Пронията в Византия и отношението ѝ към военна служба. «Известия на Истор. дружество», 1924, № 6. Несколько позднее появилась работа о пронии в сербских и албанских землях: Н. Радойчић. О пронии у Србији и у Арбанији. «Архив за арбанашку старину, језик и етнологију», т. 3, 1926.

¹³ П. Мутафчиев. Войнишки земи..., стр. 39 сл.

¹⁴ Там же, стр. 47—49.

¹⁵ Там же, стр. 53.

¹⁶ Этот вывод позднее был распространен Мутафчиевым и на средневековую Болгарию, которая, по его мнению, развивалась под сильным влиянием византизма (P. Mutaftchiev. Der Byzantinismus im mittelalterlichen Bulgarien. BZ, 30, 1929—1930, S. 389 f.). Мутафчиев прямо писал, что Болгария, как и Византия, не знала феодальных отношений [П. Мутафчиев. История на българския народ, ч. I. София, 1943, стр. 251. Критический разбор взглядов Мутафчиева на феодализм см. А. Бурмов. Феодализмът в средновековна България. ИП, т. II, кн. 2, 1946. Ср. также З. В. Удалцова. Византиноведение в народно-демократической Болгарии (1944—1953). ВВ, VIII, 1956, стр. 348 сл.].

¹⁷ N. Iorga. Y-a-t-il eu un moyen-âge byzantin? Bull. SH, t. 13, 1927 (перезадаю: N. Iorga. Etudes byzantines, vol. I. Bucarest, 1939, p. 305, 311).

¹⁸ Ibid., p. 306.

¹⁹ Ibid., p. 310 (курсив автора).

ция, Генуя, северобалканские государства были независимы от Византии — в ту пору, когда их правители называли себя «вассалами» Константинополя).

Значительно позднее, в 1939 г., Иорга опубликовал другую работу, касающуюся аграрной истории Византии: довольно беспорядочный обзор сведений источников по византийской деревне; свою задачу румынский историк видел лишь в том, чтобы наметить пути исследования²⁰. Если греческие источники привлечены выборочно и трактованы поверхностно (например, «Земледельческий закон» Иорга относит к XI в. на том основании, что упоминаемые в этом памятнике фоллы будто бы появляются только в это время²¹; «Трактат об обложении» не рассмотрен вовсе; русской литературы, кроме книги Панченко, Иорга не знает), то известный интерес представляют страницы, посвященные латинским свидетельствам об аграрном строе империи (начиная с XIII в.), — свидетельствам, которые редко используются византинистами.

Для раннего этапа аграрной истории Византии Иорга считает характерной «уравнительную политику», которую, по его мнению, осуществляли и Диоклетиан, и иконоборцы, и Роман Лакапин в соответствии со своими христианскими и «демократическими» идеями: тогда не было классов и государству противостояли прикрепленные к земле работники, не терявшие, однако, своей «человеческой свободы»²². Только с X в. устанавливается «классовая империя» (*empire de classe*)²³; в XI в. формируется квазифеодальный класс земельных собственников, тогда как крестьяне низводятся до положения сервов²⁴; проиги Иорга прямо называет феодами, полагая, что они возникли под влиянием общественных порядков Иерусалимского королевства²⁵.

Разумеется, представления Иорга о филантропии, о христианской, уравнивающей права сословий миссии византийских императоров восходят все к той же тенденции идеализировать византийские порядки — порядки «сильного» государства, — которая проявилась у Брентано и Андреадиса и особенно усилилась в последующие годы.

Вопрос о существовании ленной системы был затронут также в краткой статье Э. Герланда, который отказывался признать в стратиотских наделах ленные владения, хотя и допускал зарождение ленных отношений в поздневизантийский период²⁶.

Изучение византийских феодальных институтов, начатое в трудах Яковенко и Мутафчиева, с середины 20-х годов было на некоторое время отодвинуто на задний план: в это время особое значение приобретает другая проблема — проблема общины.

Эта проблема разрабатывалась в ряде статей русского эмигранта Г. В. Вернадского. Уже в 1923 г. вышла его статья, посвященная византийским поземельным описям; Вернадский обследовал в ней Патмосский практик 1073 г. и практик Кефалонийской церкви XIII в. Патмосский практик был уже предметом специального анализа П. В. Безобразова, и замечания Вернадского мало что прибавляют к его выводам; интереснее вторая часть работы, посвященная практике Кефалонийской церкви.

²⁰ N. Iorga. Le village byzantin, in: N. Iorga. Études byzantines, vol. II Bucarest, 1939, p. 375.

²¹ Ibid., p. 378, n. 2.

²² Ibid., p. 382 sq.

²³ Ibid., p. 384.

²⁴ Ibid., p. 388 sq.; 393.

²⁵ Ibid., p. 390.

²⁶ E. Gerland. Kannten die Byzantiner das Lebenswesen? «Εἰς μνήμην Σπ. Λάμπρου», т. 1, 1933, S. 52 f. (нам недоступно. См. заметку: F. Dölger. BZ, 33, 1933, S. 447).

В свое время Панченко пришел к заключению, что хорафии кефалонийских крестьян не были выделенными из общинного поля участками²⁷; в отличие от него, Вернадский обнаруживает в практике «родовой характер поселений» и считает, что из этой родовой собственности выделялись доли: хорафии или *μέρη ἐπὶ λαχάνῃς*²⁸

Свои наблюдения Вернадский развил в другой статье — «Заметки о крестьянской общине в Византии». Он начинает ее с критики теории Панченко и приходит, подобно другим критикам Панченко²⁹, к выводу о существовании общины в Византии. При этом Вернадский формулирует задачу, встающую перед исследователем на новом этапе изучения вопроса: «Можно спорить лишь о том, какие в точности формы имела эта община, какое распространение она получила и какими причинами была вызвана к жизни»³⁰. Он и пытается ответить на эти вопросы.

По мнению Вернадского, византийская сельская община носила фискальный характер, была «приспособлена всецело к податному аппарату»³¹. В этом Вернадский не оригинален — он и сам ссылается на Монье. Но, в отличие от Монье, Вернадский отвергал славянское происхождение византийской сельской общины³², следуя за Панченко, К. Успенским и Рудаковым. Более существенны замечания Вернадского о другом типе общинных отношений: опираясь на уже использованный им ранее материал Кефалонийской описи, он признает существование в империи также и семейной общины³³. Этот вывод Вернадский развил затем на основании купчих грамот XIII в., полагая, что термин *μέρος*, встречающийся в этих грамотах, обозначает целую группу родственников³⁴.

Представление о фискальном характере византийской общины было развито Вернадским в специальной статье о «Земледельческом законе», создание которого он отнес к правлению Юстиниана II: признавая, что этот памятник свидетельствует о наличии общинных элементов, Вернадский считал, что нет оснований возводить их к славянскому праву, поскольку славянское право того времени нам не известно. «То, что представляется новым в „Земледельческом законе“, на самом деле — лишь результат традиционного развития общественной структуры Византийской империи»³⁵. Далее он разъясняет эту мысль: «Община „Земледельческого закона“ — это прежде всего учреждение фискального права, и это учреждение определяется всей финансовой системой Византии»³⁶; корни этой «податной общины» Вернадский ищет в Египте³⁷.

²⁷ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. ИРАИК, т. IX, 1904, стр. 171.

²⁸ J. V e r n a d s k i j. Byzantské popisy půdy. «Český časopis historický», t. 29, 1923, № 3—4, str. 454.

²⁹ См. рецензию перомонаха Михаила (ВВ, XI, 1904, стр. 603); П. М у т а ф ч и е в. Селского землевладение в Византии. «Сб. за народни умотворения, наука и книжнина», кн. 25 (7), дел. 2, 1909, стр. 19 сл., 54 сл., 70 [ср. рецензию: П. В. Б е з о б р а з о в. ВВ, XVII, 1910 (1911), стр. 336 сл.] Существование общины в Византии признавали даже Васильев, Рудаков и К. Успенский, в целом положительно встретившие книгу Панченко.

³⁰ Г. В. В е р н а д с к и й. Заметки о крестьянской общине в Византии. «Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией в Праге», т. I, вып. 2, 1924, стр. 88.

³¹ Там же, стр. 88, 94.

³² Там же, стр. 92 сл.

³³ Там же, стр. 94—96.

³⁴ Г. В. В е р н а д с к и й. Заметки о византийских купчих грамотах XIII в. «Сборник в чест на В. Златарски». София, 1925, стр. 41 сл.

³⁵ G. V e r n a d s k i j. Sur les origines de la Loi agraire byzantine. Byz., vol. 2, 1925 (1926), p. 174.

³⁶ Ibid., p. 175.

³⁷ Ibid., p. 178 sq.

Развитию фиксальной теории в 20-е годы способствовало еще и то обстоятельство, что именно в это время в научный оборот вошел новый памятник — «Трактат об обложении», изданный в 1915 г. Эшбернером³⁸. Вернадский знал этот памятник³⁹, но не использовал его; первым приступил к его изучению румынский историк Н. А. Константинеску.

Свои исследования в области аграрной истории Византии Константинеску начал с историографической статьи, где основное внимание уделил русским византинистам; при этом он высоко оценивал книгу Панченко, особенно проделанный им критический анализ текста «Земледельческого закона»⁴⁰. В заключении этой статьи Константинеску кратко сформулировал собственные представления об особенностях развития Византии. По его мнению, на Западе положение сельского населения определялось наличием феодальных институтов, на Востоке же оно сложилось иначе: «В этой консервативной империи (*Empire conservateur*) продолжали существовать почти не подвергавшиеся резким переменам старые политические, социальные и экономические учреждения. Здесь постоянно действовали интересы фиска, определяя экономическую жизнь государства; они — путем законодательных мер — создавали новые формы социальных отношений»⁴¹.

В этой статье Константинеску не аргументировал своей точки зрения, но уже предложенная им формулировка чрезвычайно показательна: принимая фиксальную теорию, он отказывался от представления о феодальном развитии Византии и в соответствии с этим, подобно Мутафчиеву, резко противопоставлял социальные отношения на Западе и на Востоке.

В том же году Константинеску опубликовал другую работу, детально развив в ней свои представления об аграрной истории Византии. Константинеску указывал, что в историографии мы встречаем две противоречащие друг другу концепции аграрного строя империи: согласно одной (теория Каллигаса — Панченко), крестьянская зависимость неизменно существовала в Византии, согласно другой (теория Цахариэ), она была уничтожена в результате славянского влияния и законодательства иконоборцев. Какой теории отдать предпочтение? Поскольку «Земледельческий закон» имел ограниченное применение и относился только к свободным общинам, казалось бы естественным предположить, что позднеимперский серваж продолжал существовать и в VIII—XI вв.⁴² Так именно и поступил в свое время Безобразов, который писал, что из «Земледельческого закона» «никким образом не следует, что другие законы, касавшиеся крепостных, были отменены»⁴³.

Константинеску не ограничивается аргументом *ex silentio*, на котором базировался Безобразов (а вместе с ним — К. Успенский и Рудаков), а ставит вопрос иначе: он ищет, нет ли в других памятниках VIII—XI вв. каких-либо данных для разрешения дискуссионного вопроса. Итак, оказалось, что «Земледельческий закон», который в течение долгого времени считался основным источником по аграрной истории Византии, сам по себе не содержит достаточно достоверного материала, чтобы определить

³⁸ W. A s h b u r n e r. A Byzantine Treatise of Taxation. JHS, vol. 35, 1915.

³⁹ J. V e r n a d s k i j. Byzantské popisy půdy, str. 444, n. 7.

⁴⁰ N. A. C o n s t a n t i n e s c u. Introduction à l'étude de la question agraire dans l'Empire byzantin. «Revue historique du Sud-Est Européen», vol. I, 1924, № 7—9, p. 243 sq.

⁴¹ Ibid., p. 248 sq.

⁴² N. A. C o n s t a n t i n e s c u. Réforme sociale ou réforme fiscale? Une hypothèse pour expliquer la disparition du servage de la glèbe dans l'Empire byzantin. Bull. SH, t. 11, 1924, p. 95 sq.

⁴³ П. В. Б е з о б р а з о в. Рецензия на книгу Ф. И. Успенского. ВВ, XX, 1913, стр. 298.

пути ее развития: только обращаясь к другим современным (или близким по времени) памятникам, мы можем рассчитывать на успех. Константинеску и старается собрать по крохам известия о византийской деревне VIII—XI вв., которые обычно не привлекались учеными.

Не будем следить за деталями его рассуждений; отметим только, что он привлек далеко не все доступные материалы и подчас строил свои заключения на незначительном количестве источников. Примером может служить такой факт: по словам Константинеску, термин «энапограф» не встречается в источниках после VII в.⁴⁴, и это — один из основных аргументов в системе доказательства тезиса об освобождении крестьянства; в действительности этот термин встречается по крайней мере два раза в документах X в., и надо доказать, что он имеет иное значение, чем прежде.

В итоге Константинеску приходит к выводу, что в Византии VIII—XI вв. были только свободные и рабы, а крепостных не существовало; земли крупных собственников обрабатывали рабы, арендаторы различного рода, наемные работники (мистии) и свободные держатели (проскафимены)⁴⁵.

Признав, что в VII—VIII вв. действительно имело место освобождение крепостных (т. е. колонов), Константинеску ставит вопрос о причинах этого и ищет ответа в фискальной реформе. По его мнению, в Византии существовала позднеримская податная система, в основе которой лежало представление о единстве подушного и поземельного обложения. Коль скоро оба элемента были расчленены, исчезла необходимость в прикреплении земледельца к земле⁴⁶.

Наконец, Константинеску подчеркивает коренное различие общественных отношений на Западе и в Византии и утверждает, что в Византии VIII в. произошло возрождение классической экономики, основанной на рабстве и свободной аренде⁴⁷.

Уже в этой работе Константинеску использовал «Трактат об обложении»; более детально остановился он на характеристике этого памятника в другой статье, специально посвященной византийской общине. Константинеску считает византийскую общину экономической, фискальной и административной ячейкой в одно и то же время⁴⁸. Такие общины существовали в Восточной Римской империи, но система патроната вела к закреплению общины, к феодализации. Однако фискальная реформа конца VII — начала VIII в. «внезапно прервала на Востоке эту тенденцию к феодализации, тогда как на Западе расселение варваров облегчило ее развитие»⁴⁹.

Константинеску рассматривает в заключении своей работы характерные черты византийской общины: собственность на землю была в ней индивидуальной, а экономическая общность выражалась в наличии общинных территорий, праве протимисиса и элементах большесемейных отношений; общину объединял фискальный принцип — коллективная ответственность за уплату налогов; наконец, существовала общинная администрация⁵⁰.

Развивая принципы фискальной теории, Вернадский и Константинеску не объясняли возникновение всех видов общины и всех проявлений общинности податными требованиями государства. Но уже очень скоро

⁴⁴ N. A. Constantinescu. Réforme sociale..., p. 96.

⁴⁵ Ibid., p. 100.

⁴⁶ Ibid., p. 103 sq.

⁴⁷ Ibid., p. 109.

⁴⁸ N. A. Constantinescu. La communauté de village byzantine et ses rapports avec le petit «Traité fiscal byzantin». Bull. SH, t. 13, 1927, p. 165.

⁴⁹ Ibid., p. 167.

⁵⁰ Ibid., p. 170—173.

фискальная теория была еще больше заострена и податная система объяснена единственным источником общинных порядков в Византии.

В 1926 г., независимо от Константинеску, Г. А. Острогорский выступил с работой, посвященной «Трактату об обложении»⁵¹; более подробно он развил свои мысли в другой статье, вышедшей год спустя; в качестве приложения к ней был напечатан немецкий перевод трактата⁵². В этих работах Острогорский принял концепцию Панченко о «личном и наследственном характере крестьянского землевладения в Византии»⁵³; в соответствии с этим он пришел к выводу, что поземельной общины, общины в хозяйственно-правовом смысле, Византия не знала; византийская община, по определению Острогорского — и здесь он расходится с Вернадским и Константинеску, — была лишь фискальной⁵⁴, или, как он говорит в другом месте, финансово-административной единицей⁵⁵.

Указанные работы Острогорского были своего рода комментарием к «Трактату об обложении» и в соответствии с поставленной автором задачей представляли лишь статическую картину общественных отношений. Вопрос о генезисе этих отношений, вопрос о происхождении фискально-административной общины был затронут лишь мимоходом, причем преимущественно в критическом (негативном) плане: Острогорский отверг традиционные представления об аграрной реформе императоров-иконоборцев и о возникновении византийской общины под влиянием славянства⁵⁶. Признавая, что в Византии к VIII в. произошло известное перераспределение земельного фонда в пользу крестьян, он, однако, полагал, что правовая сущность крестьянского владения не отклонялась от римских принципов⁵⁷.

Критическая оценка традиционных представлений об аграрной реформе императоров VIII в. была развернута Острогорским в специальной статье, где он вслед за Вернадским датировал «Земледельческий закон» временем Юстиниана II; при этом Острогорский подчеркнул, что этот памятник действительно свидетельствует о наличии широкого слоя свободного крестьянства, однако его нельзя считать эдиктом, создавшим крестьянскую свободу. «По-моему, нет никакого сомнения, — писал Острогорский, — что значительное укрепление свободного крестьянства нужно связывать с реформами Ираклия»⁵⁸.

Свои взгляды на развитие аграрных отношений в Византии Острогорский изложил в другой статье, вышедшей в 1929 г. По его мнению, особенности византийской деревни были обусловлены фемной системой, возникновение которой он связывал с реформами Ираклия; при создании фем пошло в раздел большое количество земель, прежде всего императорских; их получили ставшие стратиотами бывшие государственные крестьяне, освобожденные от зависимости, а также различные иноплеменники, в

⁵¹ Г. А. Острогорский. Византийский податный устав. «Сборник статей посвященных памяти Н. П. Кондакова». Прага, 1926.

⁵² G. Ostrogorsky. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrh. VSWG, Bd. 20, 1927. См. рецензии: H. Grégoire. Byz., vol. 3, 1927, p. 485 sq.; N. A. Constantinescu. DLZ, 1928, Sp. 1519f; M. A. Андреева. BS, vol. 1, 1929, стр. 214 сл.

⁵³ Г. Острогорский. Указ. соч., стр. 123; G. Ostrogorsky. Op. cit., S. 43.

⁵⁴ G. Ostrogorsky. Op. cit., S. 24.

⁵⁵ Ibid., S. 45. Фискальная теория Острогорского была поставлена под сомнение уже Е. А. Черноусовым («Новинки по экономической истории Византии». «Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов», т. 43, 1928, стр. 208, прим. 1).

⁵⁶ G. Ostrogorsky. Op. cit., S. 10—12.

⁵⁷ Ibid., S. 12 f.

⁵⁸ J. Ostrogorsky. Über die vermeintliche Reformtätigkeit der Isaurier. BZ, 30, 1929—1930, S. 396.

том числе славяне⁵⁹; одновременно с этим увеличилось число свободных крестьян, обязанных уплачивать подати⁶⁰. Как писал Острогорский в более поздней работе, крестьянство было освобождено «в результате новой организации войска и перестройки податной системы»⁶¹. Характер податной реформы VII в. был рассмотрен Острогорским в особой статье: в отличие от Константинеску, он придавал фискальной реформе, если так можно выразиться, вторичное значение, полагая, что она способствовала освобождению крестьянства, но не была его основной причиной; именно в фемной реформе видел он корень всех перемен⁶².

Вместе с тем Острогорский считал, что податная реформа VII в. не имела того всеобщего значения, какое придавал ей Константинеску: крестьянская зависимость не была совсем уничтожена и зависимые крестьяне продолжали существовать на землях светских и духовных динатов⁶³.

Переходя к аграрной истории X в., Острогорский ставит вопрос о причинах необычайной жадности, с которой динаты захватывали крестьянскую землю. Он ищет объяснение этому в специфике византийского города, где централизация и система монополий ограничивали применение капитала⁶⁴.

Наконец, Острогорский останавливается на общественных отношениях в последние века Византийской империи; он примыкает к точке зрения Яковенко, полагая, что Византия была ослаблена центробежными силами⁶⁵. Такая постановка вопроса приводит Острогорского, в отличие от Константинеску, к признанию византийского феодализма, точнее говоря, только одной его черты — политической децентрализации. Начало процесса феодализации он относит ко времени до крестовых походов, подчеркивая, что византийский феодализм не был результатом воздействия западных порядков на Византию⁶⁶. Ограничивая феодализм лишь сферой политической надстройки, Острогорский в этой работе почти не затрагивает положения поздневизантийских крестьян. Больше внимания уделил он им в статье, написанной позднее для I тома «Кембриджской экономической истории». Здесь он высказал мысль, что зависимые крестьяне, парики, были наследственными владельцами своего надела, который составлял их *dominium utile*; господин не мог согнать парика с земли, но и парики не могли уйти без разрешения господина⁶⁷.

Третьим ученым, который в то же самое время и столь же независимо от своих предшественников приступил к изучению «Трактата об обложении», был немецкий палеограф, филолог и историк Ф. Дэльгер. Он критически переиздал трактат и написал, привлекая разнообразные источники, историю византийской податной системы⁶⁸. В его книге попутно были

⁵⁹ G. Ostrogorsky. Die wirtschaftlichen und sozialen Entwicklungsgrundlagen des byzantinischen Reiches. VSWG, Bd. 22, 1929, S. 130 f. Эта статья представляла собой лекцию, прочитанную в ноябре 1928 г.

⁶⁰ Ibid., S. 132 f.

⁶¹ «The Cambridge Economic History», vol. I, 1942, p. 196.

⁶² G. Ostrogorsky. Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter. Byz., vol. 6, 1931, S. 230, 240. Их взгляды различались еще и тем, что Острогорский признавал каппикон (поголовный налог) всеобщей формой обложения, тогда как по мнению Константинеску его взимали лишь с лиц, не обладавших собственностью (ibid., S. 234). Важным изменением податной системы Острогорский считал также замену эпиболы аллиленгием (ibid., S. 235 f.).

⁶³ G. Ostrogorsky. Über die vermeintliche Reformtätigkeit..., S. 396. Ср. «The Cambridge Economic History», vol. I, p. 198.

⁶⁴ G. Ostrogorsky. Die wirtschaftlichen und sozialen Entwicklungsgrundlagen..., S. 134.

⁶⁵ Ibid., S. 142.

⁶⁶ Ibid., S. 139.

⁶⁷ «The Cambridge Economic History», vol. I, p. 218 f.

⁶⁸ F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung.

затронуты также важные вопросы, касающиеся положения византийского крестьянства: Дэльгер признавал, в частности, наличие свободных крестьянских общин во все века существования Византии⁶⁹; париков он рассматривал как принадлежность надела (*Zubehör des Grundstücks*)⁷⁰, уподобляя их римским адскрипциям⁷¹; это служило ему основанием для вывода, что только парики, в отличие от свободных крестьян, вносили капникон⁷². Однако работа Дэльгера (что соответствует и поставленной автором задаче) не содержит целостной картины эволюции аграрных отношений в Византии.

Тем не менее книга Дэльгера имела — по крайней мере в одном отношении — большое значение для развития историографии: она содействовала выработке нового метода исследования. Если первые работы Острогорского, о которых речь шла выше, представляли собой все-таки прежде всего комментарий к данному памятнику (т. е. к «Трактату об обложении»), то Дэльгер пошел по иному пути: избирая в той или иной главе определенную тему, он стремился собрать максимальное количество сведений по данному вопросу, используя с этой целью все возможные источники. Так, в конце второй части главы С он ставит вопрос о свободных крестьянах и привлекает для его решения памятники VII—XIII вв.: новеллу императора Ираклия, «Земледельческий закон», «Житие Филарета», новеллы X в., «Пиру», патмосские и лемвийские акты⁷³. Уже Константину применил этот метод для характеристики положения крестьян в VIII—XI вв.; теперь Дэльгер приложил его к решению других проблем, причем сделал это благодаря своей превосходной филологической подготовке гораздо более тщательно.

Вместе с тем в какой-то мере именно этими филологическими интересами Дэльгера следует объяснять то, что во многих случаях он ограничился собиранием материала, но не использовал его для решения социальных проблем. Вернемся еще раз к тому разделу, посвященному свободным сельским общинам, о котором мы уже упоминали. Сведя воедино различные данные, Дэльгер констатирует лишь, что в существовании общины не следует сомневаться. Собственно говоря, все критики Панченко показа-

besonders des X. und XI. Jahrh. Leipzig — Berlin, 1927. В 1960 г. переиздано фототипическим способом с незначительными дополнениями и поправками (S. 161—165). См. рецензии: G. Ostrogorsky. DLZ, 1927, H. 41, Sp. 2018—2023; C. Brinkmann. «Conrads Jahrbücher für Nationalökonomie», 1927, S. 541f.; G. Charitanis. ЕЕВЗ, т. 4, 1927, ссл. 369—374; F. Drexl. «Bayerische Blätter für das Gymnasial- und Schulwesen», Bd. 63, 1927, S. 369 f.; H. Grégoire. Byz., vol. 4, 1927—1928, p. 701—704; A. Andréadès. «English Historical Review», vol. 43, 1928, p. 415 f.; H. J. Bell. JHS, vol. 42, 1928, p. 414—416; A. Sigalas. «Ελληνικά», т. 1, 1928, ссл. 435—438; C. O. Zuretti «Bollettino di filol. classica», vol. 35, 1928, p. 123 sq.; Gy. Moravcsik. «Történeti Szemle», t. 13, 1928, old. 159—161; idem. «Egyetemes Philol. Közlöny», t. 53, 1929, old. 130—131; E. Stein. ZSav. Roman., Bd. 49, 1929, S. 504—506; M. San Nicolo. «Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft», Bd. 44, 1929, S. 438 f. Проблемы византийского налогового обложения затронуты также в ряде других его работ: Das *ἀστικόν* (BZ, 30, 1929—1930) (см. возражения: J. Ch. Tournaritis. ЕЕВЗ, т. 7, 1929—1930, ссл. 425 ff. и ответ Дэльгера: BZ, 32, 1932, S. 445); Die Frage der Judensteuer in Byzanz (VfSWG, Bd. 26, 1931); Das Fortbestehen der *ἑπιβολή* in mittel- und späthbyzantinischer Zeit («Studi in memoria di A. Albertoni», vol. II, 1934); Zum Gebührenwesen der Byzantiner («Études dédiées à la mémoire d'A. Andréadès», Athènes, 1940 = F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 232 f.).

⁶⁹ F. Dölger. Beiträge..., S. 65 f.

⁷⁰ Ibid., S. 57.

⁷¹ Ibid., S. 67, A. 2.

⁷² Ibid., S. 52 f. Противоположное мнение было высказано в рецензии Г. Острогорского (G. Ostrogorsky. DLZ, 1927, H. 41, Sp. 2020; ср. idem. Die ländliche Steuergemeinde..., S. 50). Возражения Дэльгера см. в рецензии на книгу Г. Гейса (BZ, 34, 1934, S. 371, A. 2).

⁷³ F. Dölger. Beiträge..., S. 66 f.

ли бесспорность этого вывода; он стал общим местом. Более того, уже Вернадский подошел к новой задаче, указав, что следует выяснить формы византийской общины; сторонники возрожденной фискальной теории шли именно по этому пути, хотя их заключения оказались ложными. Дэльгер же совершенно оставил в стороне этот вопрос, имевший первостепенное значение.

В 1933 г. Дэльгер выступил со статьей «Проблема поземельной собственности в Византии»⁷⁴, содержавшей краткую характеристику аграрных отношений в Византии; он изучал их скорее в юридическом, нежели в историческом аспекте, что обуславливалось его концепцией — отрицанием коренных перемен в истории византийского общества. Уже в рецензии на «Историю Византии» Васильева Дэльгер решительно высказался против теории славянской колонизации и отнес возникновение «Земледельческого закона» ко времени Юстиниана I⁷⁵; теперь он развивал те же идеи. Свободное крестьянство, по его мнению, существовало в Византии всегда: «Не может идти речь об „освобождении крестьян“ в какое бы то ни было время, равно как и о полном поглощении свободной крестьянской собственности крупным поместьем»⁷⁶. Можно говорить лишь о росте крупной собственности (начиная с IV в.) и о мероприятиях государства, направленных на защиту крестьянства⁷⁷. Эта мысль не нова — ее можно найти еще у Эшбернера. Социально-политическая подоплека ее — опасение социальных перемен, боязнь революции.

В этой работе Дэльгер останавливается более подробно на проблеме византийской общины. Поскольку, рассуждает он, каждый крестьянин свободно распоряжался своим имуществом, в Византии не существовала подлинная общинная собственность (*ein eigentliches Gemeineigentum*), основанная на родовых связях (*auf Geschlechterverbänden*) и воспринятая в результате славянской колонизации⁷⁸. Какими же правами обладала община? Во-первых, общине принадлежали пастбища⁷⁹, т. е. ее связывала известная экономическая общность; во-вторых, права крестьян ограничивались фискальными интересами: в случае неуплаты налогов участок переходил соседям; действовало право протимисиса и связанная с ним эпибола⁸⁰. Впрочем, по мнению Дэльгера, наличие таких значительных общинных прав не противоречило господству в Византии римского принципа частной собственности (*das römische Individualeigentum*)⁸¹.

В заключении работы Дэльгер коснулся положения зависимых крестьян-париков, которых он сближал с позднеримскими колонами и энапографами; он считал, что владение парика носило прекарный характер⁸². В прони он видел передаваемое государством право на определенный

⁷⁴ F. Dölger. Die Frage des Grundeigentums in Byzanz. «Bull. of the Internat. Committee of Histor. Sciences», vol.V, 1933 [=F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt, S. 217—229, где добавлен список его основных работ по этому вопросу (S. 230 f.)]. См. рецензию: Ф. Г р а н и н. «Гласник Скопског научног друштва», т. 13, 1933, стр. 225—228.

⁷⁵ F. Dölger. «Historische Zeitschrift», Bd. 141, 1930, S. 112 f. Ср. также его заметку о работе К. Амандоса (BZ, 32, 1932, S. 448 f.). Позднее он пришел к заключению, что «Земледельческий закон» — неофициальный памятник, составленный на основе Юстинианова законодательства и крестьянского обычного права в VII — начале VIII в. (см. об этом ниже, стр. 148, прим. 134).

⁷⁶ F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt, S. 222.

⁷⁷ Ibid., S. 218, 225.

⁷⁸ Ibid., S. 225.

⁷⁹ Ibid., S. 224 f.

⁸⁰ Ibid., S. 223. Дэльгер полагал, что эпибола продолжала существовать по крайней мере до XI в., а возможно, и до XIV в. (i d e m. Das Fortbestehen der Ἐπιβολή...; ср. его же. Рецензия на Ж. Руйар. BZ, 36, 1936, S. 158 f.).

⁸¹ F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt, S. 218.

⁸² Ibid., S. 226. Cp. i d e m. Beiträge..., S. 67, A. 7

доход с определенного хозяйственного комплекса; в XIV в. прония превращается в полную собственность⁸³.

Подобно Константинеску и Острогорскому, Дэльгер, как мы видим, выступил с критикой теории Цахариэ; но если Константинеску и Острогорский признавали, что в Византии VII столетия — в силу тех или иных причин — упрочились позиции свободного крестьянства, то Дэльгер считал такой переворот невозможным. Начиная свою книгу о византийской податной системе указанием на необходимость отвергнуть «басню о византийском консерватизме»⁸⁴, Дэльгер, однако, в том, что касалось аграрной истории, примирился с этой «басней» и полагал, что византийские поземельные отношения лишь повторяют позднеримские.

В отношении фискальной теории этот ученый оказался более сдержанным, чем Острогорский: несмотря на весь свой сарказм по поводу «родовых связей», Дэльгер признает за сельской общиной не только податную, но и хозяйственную общность⁸⁵.

Что касается проблемы византийского феодализма, то в эту пору Дэльгер затронул ее лишь мимоходом, в краткой заметке по поводу английского перевода статьи Васильева «Вопрос о феодализме в Византии». Дэльгер высказался против концепции Васильева, согласно которой византийский феодализм сложился самостоятельно; если в основе западного феодализма, полагал Дэльгер, лежит принцип вассалитета, то источником византийских квазифеодальных отношений служило императорское дарение, восходящее к позднеримскому *beneficium*. Только под влиянием западного феодализма в Византии с XI (а особенно с XII) в. происходит полная перестройка (*die völlige Umgestaltung*) соответствующих государственно-правовых норм⁸⁶. Как и Иорга, Дэльгер придавал большое значение употреблению термина *λίξιος* («вассал») в документах, регламентирующих отношения Византии с итальянскими городами и с крепостными⁸⁷.

Работы Острогорского и Дэльгера, посвященные «Трактату об обложении», привлекли к этому памятнику внимание виднейших тогдашних византинистов, в том числе Э. Штейна и Андреадиса. Штейн занимался по преимуществу историей византийской администрации, но проявлял известный интерес и к социальной истории. Еще в 1923 г. он выпустил небольшую работу, где предложил периодизацию византийской истории. Если в VII в., по его мнению, победила военно-крестьянская демократия (*militärbäuerliche Demokratie*), то XI столетие представляется ему периодом борьбы государства, опирающегося на клир и демократические массы столицы, против феодальных сил. В этой борьбе византийское правительство проводило отчетливо выраженную антимилиитаристскую политику⁸⁸. С конца XI в. крупная собственность торжествует: крестьяне, страдающие от податного гнета, не оказывали сопротивления динамам и превращались в зависимое население⁸⁹.

⁸³ F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt, S. 227 f.

⁸⁴ I d e m. Beiträge..., S. 9.

⁸⁵ Любопытно, что он признавал хозяйственное единство также и населенной па-
риками деревни (*ibid.*, S. 67, A. 2).

⁸⁶ F. Dölger. BZ, 34, 1934, S. 208 f. Ср. указанную выше (стр. 132, прим. 26)
заметку о статье Герланда, а также заметку о статье А. В. Соловьева (F. Dölger.
BZ, 32, 1932, S. 444).

⁸⁷ F. Dölger. BZ, 33, 1933, S. 447.

⁸⁸ E. Stein. Untersuchungen zur späthyzantinischen Verfassungs- und Wirt-
schaftsgeschichte. «Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte», Bd. II, H. 1—2, 1923,
S. 2 f.

⁸⁹ *Ibid.*, S. 8.

В 1928 г. Штейн выступил с обширной рецензией на работы Острогорского и Дэльгера, в которой рассмотрел преимущественно вопросы истории налоговой системы и податной администрации; он затронул в этой связи проблему каппикона и аэрикона⁹⁰. В трактовке общины Штейн целиком примкнул к Острогорскому, который, по его словам, окончательно опроверг теорию, рассматривавшую византийскую деревню как «коммунистическую общину» (*eine kommunistische Eigentumsgemeinschaft*)⁹¹.

Штейн признает, что в «средневизантийскую эпоху» (VII—XI вв.) число свободных крестьян значительно возросло, а позднеримская крупная собственность исчезла; он, следовательно, гораздо решительнее Острогорского и Дэльгера подчеркивает перемены в аграрном строе империи. Однако причину этих перемен Штейн видит, подобно Острогорскому, в «великих реформах» Ираклия, расселившего свои гвардейские отряды в провинциях Малой Азии. При этом существенно замечание историка, что еще в 687 г. (он основывается на данных *Liber pontificalis*) существовала старая податная система; Штейн предполагает, что новая возникла при Юстиниане II⁹².

В 1935—1936 гг. Штейн прочитал в США шесть лекций (они были изданы уже после его смерти). В этих лекциях он развивает уже известные нам мысли о «великих реформах» Ираклия⁹³, якобы положивших начало средневизантийскому периоду, когда преобладало свободное крестьянство⁹⁴. Вместе с тем Штейн поднимает вопрос о византийском феодализме; подобно Дэльгеру, он распространяет это понятие лишь на надстроечные явления и соответственно, как и Дэльгер, приходит к выводу о принципиальном различии (*une différence de principe*) между западным феодализмом и аналогичными (по его терминологии, «феодалистскими») феноменами в Византии; это различие Штейн (вместе с Дэльгером) объясняет силой византийской государственной власти⁹⁵. Правда, резким диссонансом к этим рассуждениям Штейна звучит его собственное утверждение, что уже в IX в. в восточных областях Малой Азии образовалась знать, представителей которой он именует «баронами» и которую считает сходной с феодальной аристократией Запада⁹⁶.

Андреадис в подробной рецензии на работы Острогорского и Дэльгера лишь мимоходом останавливается на социально-экономических проблемах. В критике общинной теории он примыкает к Острогорскому, считая византийскую общину лишь податной единицей⁹⁷. Вместе с тем греческий экономист ставит один новый вопрос, имеющий большое значение, — о причинах, приведших к упадку мелкой собственности. Он считает допустимым (но не единственно возможным) объяснением этого развитие капитала, который, не находя применения в городах с их строгой регламентацией ремесла и торговли, устремился исключительно в деревню⁹⁸. Эта

⁹⁰ E. Stein. *Vom Altertum im Mittelalter. Zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung*. VfsWG, Bd. 21, 1928, S. 160.

⁹¹ Ibid., S. 161.

⁹² Ibid., S. 162.

⁹³ E. Stein. *L'introduction à l'histoire et aux institutions byzantines*. «Traditio», vol. 7, 1949—1951, p. 104.

⁹⁴ Ibid., p. 117 sq.

⁹⁵ Ibid., p. 130.

⁹⁶ Ibid., p. 133. Ср. также i d e m. *Paysannerie et grands domaines dans l'Empire byzantin*. «Recueils de la Société Jean Bodin», vol. 2, 1937 (см. рецензию: Ф. Г р а н и н. «Гласник Скопского научного друштва», т. 21, 1940, стр. 169 и сл.).

⁹⁷ A. A n d r é a d è s. *Deux livres récents sur les finances byzantines*. BZ, 28 1928, p. 307.

⁹⁸ Ibid., p. 306.

мысль, высказанная одновременно и Острогорским, была изложена затем Андреадисом в специальном исследовании⁹⁹.

Андреадис умер в 1935 г. Уже много лет спустя после его смерти был опубликован очерк экономической истории Византии, в котором отчетливо выражены его общие представления о развитии византийской деревни. Не внося чего-либо нового, работа Андреадиса отличается необычайной идеализацией Византии¹⁰⁰. Андреадис говорит о большой численности городского населения (он насчитывает несколько миллионов городских жителей¹⁰¹), изображает византийское земледелие цветущим¹⁰², утверждает, в отличие от многих своих предшественников (например, от Скабалановича), что голодовки в Византии не имели серьезного значения¹⁰³. В чем же он усматривает причины процветания византийской экономики V—XII вв.? Оказывается, империя процветала благодаря своему населению, ибо византийцы были «добрыми отцами семей, проникшимися деловым духом и любящими ремесло и торговлю». Кроме того, государство принимало решительные меры против уменьшения народонаселения, защищало мелких собственников и покровительствовало развитию промышленности и торговли. «Непрерывный рост богатства, — восклицает Андреадис, — был обусловлен совместными действиями правительства и народа»¹⁰⁴.

Социальную историю Византийской империи Андреадис разделяет на три этапа. Первый этап, который характеризуется концентрацией земельной собственности¹⁰⁵, выходит за избранные нами хронологические рамки и потому не будет здесь рассмотрен. Второй этап (начиная с VIII в.) — время распространения мелкой собственности на землю. Вместе с Острогорским, Дельгером и многими другими Андреадис придерживается той точки зрения, что крупное землевладение не было полностью уничтожено — произошло лишь уменьшение числа поместий; кроме того, греческий экономист — решительный противник того, чтобы связывать какие-либо процессы византийской истории с расселением славян на территории империи¹⁰⁶. Третий этап Андреадис начинает с IX—X вв. и называет его временем «возвращения к системе крупных поместий»¹⁰⁷. Андреадис не останавливается на положении поздневизантийского крестьянства и не поднимает проблемы византийского феодализма¹⁰⁸, а экономический упадок империи, а отличие от большинства своих предшественников, считает прежде всего «результатом действий внешних врагов»¹⁰⁹.

Мы рассмотрели работы зарубежных историков византийской деревни, написанные в 20-е и первую половину 30-х годов, и можем отметить теперь некоторые основные тенденции, характерные для историографии этого периода. Это стремление, во-первых, приложить к истории Византии такие

⁹⁹ A. A n d r é a d è s. *Floraison et décadence de la petite propriété dans l'Empire byzantin*. «Mélanges E. Mahaim». Paris, 1935, p. 265.

¹⁰⁰ «Byzantium. An Introduction to East Rome Civilization», ed. by N. H. Baynes (and H. St. L. B. Moss. Oxford, 1949 (первое издание—1948), p. 51—70. См. критический разбор: А. П. К а ж д а н. «Последнее слово» современного буржуазного византиноведения. ВВ, V, 1952, стр. 226—231.

¹⁰¹ «Byzantium...», p. 53. Cp. A. A n d r é a d è s. *La population de l'Empire byzantin*. ИБАИ, т. 9, 1935.

¹⁰² «Byzantium...», p. 60.

¹⁰³ Ibid., p. 53.

¹⁰⁴ Ibid., p. 68.

¹⁰⁵ Ibid., p. 55.

¹⁰⁶ Ibid., p. 56. Cp. A. A n d r é a d è s. *Floraison et décadence...*, p. 264.

¹⁰⁷ «Byzantium...», p. 57 (курсив нам. — А. К.)

¹⁰⁸ В другой работе (A. A n d r é a d è s. *Floraison et décadence...*, p. 266) он характеризовал прониарскую систему как «полуфеодальный режим».

¹⁰⁹ «Byzantium...», p. 70.

категории, как частная собственность и капитал, и, во-вторых, видеть в государстве творческую силу, которая своей реформаторской деятельностью (как в фискальной, так и в военно-административной области) создает новые формы общественных отношений. Обе эти тенденции, своеобразно отражавшие политические и социальные идеи буржуазии на первом этапе общего кризиса капитализма (апологетика капиталистической системы и прославление «сильного» государства), как в фокусе, отразились в фискальной теории, которая одновременно была разработана несколькими учеными.

Каких же результатов удалось добиться сторонникам фискальной теории? Ими было сказано немало едких слов в адрес «коммунистической общины» и «родовых связей», которых, действительно, нельзя обнаружить в Византии. Но опровергнуть самый факт наличия там общины и доказать господство в византийской деревне принципа частной собственности все-таки не удалось: все сторонники фискальной теории, за исключением, пожалуй, Острогорского, должны были признать экономическую общность византийской общины.

Говоря о причинах распространения фискальной теории в 20-е и в начале 30-х годов, нужно обратить внимание еще на одно обстоятельство: в это время в научный оборот вошел и привлек всеобщее внимание «Трактат об обложении» — специфический документ, по самым своим задачам приспособленный к потребностям византийской податной системы. Он был написан как руководство для сборщиков податей и оценивал мир с их точки зрения, их глазами. Естественно, что памятник этого рода должен был оказаться желанным источником для сторонников фискальной теории — недаром он сразу же заслонил «Земледельческий закон».

Впрочем, пострадал не только «Земледельческий закон». «Трактат об обложении» отодвинул на второй план источник, имеющий гораздо большее значение для проникновения в сущность поземельных отношений империи. Уже Васильевскому и Панченко было известно значительное число византийских деловых документов; с конца XIX в. стали издавать афонские акты; в приложениях к «Византийскому временнику» за 1903—1913 гг. было опубликовано шесть монастырских архивов; публикация афонских актов продолжалась и в 20-е годы, когда много грамот издали греческие ученые. Однако акты — важнейший источник для характеристики поместного строя — в 20-е и первой половине 30-х годов с этой точки зрения почти совершенно не изучались. Вернадский обращался лишь к актам, изданным еще в прошлом столетии; у Константинеску и Острогорского мы встретим только спорадические ссылки на деловые документы; Дэльгер и Мутафчиев использовали грамоты несколько шире, но первый изучал преимущественно податную систему империи (к тому же главным образом в X—XI вв., а число актов, относящихся к этому времени, невелико), а второй — ее военную организацию. Увлечение фискальной теорией приводило к тому, что богатейший круг источников, свидетельствующий о наличии в поздней Византии феодальной системы хозяйства, в течение длительного времени практически оказался вне поля зрения исследователей.

В период увлечения «Трактатом об обложении» недостаточно привлекали внимание также и такие первоклассные источники, как переписка Феофилакта Болгарского и Михаила Хониата; на значение этих памятников для изучения аграрной истории Византии XI—XII вв. давно уже указали Васильевский и Ф. Успенский.

Новый период в истории изучения византийской деревни начинается примерно с середины 30-х годов. Он характеризуется постепенным нарастанием интереса к проблеме византийского феодализма. Эта проблема, как известно, была поставлена в трудах русских византистов (Яковенко, Васильева, К. Успенского), а в западной историографии до середины 30-х годов либо вовсе не затрагивалась, либо разрешалась негативно. Подавляющее большинство западных исследователей видело в ту пору в Византии *особое* государство, принципиально отличавшееся от средневековых государств Западной Европы; это отличие, по их мнению, коренилось в специфике византийской монархии и государственного аппарата, регулировавших и определявших развитие экономики. Суть этих взглядов, как мы помним, была сформулирована представителями так называемой фискальной теории.

Отход от фискальной теории и нарастание с середины 30-х годов интереса к проблеме византийского феодализма в значительной мере объясняются общественными переменами в Европе. Приход фашистов к власти в Германии, итапо-германская интервенция в Испании, а затем вторая мировая война, развязанная гитлеровской Германией и милитаристской Японией, неминуемо должны были вызвать в кругах либеральной интеллигенции отвращение к тоталитарному режиму; в либеральной историографии это неприятие фашизма своеобразно проецировалось в прошлое, в частности выразившись в пересмотре представления о роли византийского государства в экономической жизни и — соответственно — в попытке установить сходство экономического развития Запада и Византии.

Здесь мы позволим себе небольшое отступление и обратимся на некоторое время к рассмотрению развития историографии византийского города. Как известно, в прошлом столетии Ж. Николь утверждал, что византийское правительство осуществляло строгий контроль над городским ремеслом и что этот контроль был губителен для ремесла; эту мысль поддержал ряд исследователей начала XX в.: Ж. П. Вальцинг, Э. Корнеманн, А. Штэкле. В 1934 г. развернутой критике теорию Николь подверг (с националистических позиций) Андреадис. По словам Андреадиса, поколение, к которому принадлежал Николь, было воспитано в духе «культы свободной экономики» и уже в силу этого враждебно относилось к монополиям¹¹⁰; отсюда и родилась оценка византийского хозяйства, данная Николем. На деле же византийское правительство не пользовалось какими-то исключительными правами в отношении коллегий и не извлекало из них каких-либо специальных выгод¹¹¹.

Если Андреадис подчеркивал отсутствие у византийского правительства специальных монополий и привилегий, то другие критики Николь, напротив, признавали наличие монополий в Византии, однако по-своему идеализировали их. В весьма поверхностной статье итальянский историк Дж. Марцемини объявил константинопольские коллегии X в. прообразом фашистского «корпоративизма»¹¹². Финский экономист Г. Миквиц утверждал, что правительственная регламентация была выгодна самим купцам и ремесленникам Константинополя, и сравнивал византийские цехи с кар-

¹¹⁰ A. A n d r é a d è s. Byzance, paradis du monopole et privilège. Byz., vol. 9, 1934, p. 175.

¹¹¹ Ibid., p. 174, 180.

¹¹² G. M a r z e m i n i. Il libro del prefetto. «Atti del Reale Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti», vol. 94, 1934—1935, p. 406.

телями капиталистического мира, строгая регламентация которых имеет целью извлечение большей прибыли¹¹³. Точно так же румынский историк и реакционный политический деятель Г. Брэтиану придавал в своих построениях большое значение государственному контролю за экономикой. Брэтиану считал, что в X в. византийское государство держало под строгим контролем деятельность коллегий¹¹⁴: эта система контроля представлялась ему унаследованной от Римской империи¹¹⁵. В XI в. положение изменилось: Комнины, «эти византийские Капетинги», выступили выразителями интересов торжествующей феодальной знати; в ее интересах они открыли дорогу для «свободной экономики», несмотря на сопротивление сторонников режима монополий¹¹⁶. Борьба обеих тенденций, по мнению Брэтиану, продолжалась еще на рубеже XIII—XIV вв., когда патриарх Афанасий убеждал императора Андроника II вернуться к системе монополий¹¹⁷, — однако Палеологи не удержали в своих руках контроля за торговлей¹¹⁸.

Ослабление государственного аппарата привело, согласно концепции Брэтиану, к резкому ухудшению положения крестьянства. В VII—X вв. в Византии существовало большое число свободных крестьян, и государство энергично защищало их от динатов. В XI в., с укреплением феодальных отношений, государство пошло навстречу светской и церковной знати, а позднее Палеологи установили «иго парикии», более схожее с крепостным правом средневековья, нежели с римским колонатом¹¹⁹. Эти рассуждения привели Брэтиану к выводу, что Византия (а вместе с ней и вся Восточная Европа) развивалась по принципиально иному, если можно так сказать, «обратному», пути, нежели Запад: западное общество шло от крестьянской зависимости к свободе, Византия — от свободы к крепостному праву¹²⁰.

Здесь не место детально критиковать построения Брэтиану (достаточно указать на ошибочность его представления, будто «свободная экономика» соответствует интересам крупных феодальных собственников). Важно, однако, отметить, что в середине 30-х годов именно фашистская и профашистская историография идеализировала Византию как «райскую обитель монополий и привилегий»¹²¹.

Поэтому отказ от фискальной теории был прогрессивным явлением, обусловленным в конечном счете реакцией либеральной интеллигенции на наступление фашистской идеологии. Пересмотр фискальной теории, естественно, приводит к постановке вопроса о принципиальном сходстве западноевропейского и византийского путей развития и, следовательно, к позитивному решению вопроса о феодализме в Византии.

¹¹³ G. Mickwitz. Die Kartellenfunktionen der Zünfte und ihre Bedeutung bei der Entstehung des Zunftwesens. Helsingfors, 1936, S. 207—210.

¹¹⁴ G. I. Brătianu. Un expérience d'économie dirigée. Le monopole du blé à Byzance au XI-e siècle. Byz., vol. 9, 1934 (=G. I. Brătianu. Études byzantines d'histoire économique et sociale. Paris, 1938, p. 136 sq. См. рецензии: F. Dölger. «Orientalische Literaturzeitung», Bd. 43, 1940, S. 410—412; Г. А. Острогорский. SK, vol. 11, 1940, p. 266—268).

Ср. также G. I. Brătianu. La commerce bulgare dans l'Empire byzantin et le monopole de l'empereur Léon VI à Thessalonique. «Сб. в память на проф. П. Никова». София, 1940.

¹¹⁵ G. I. Brătianu. Études byzantines..., p. 140.

¹¹⁶ Ibid., p. 152 sq.

¹¹⁷ Ibid., p. 162 sq.

¹¹⁸ Ibid., p. 168.

¹¹⁹ G. I. Brătianu. Servage de la glèbe et régime fiscal. «Annales d'histoire économique et sociale», 1933, № 23 (=G. I. Brătianu. Études byzantines..., p. 262 sq.).

¹²⁰ Ibid., p. 243 sq.

¹²¹ Ibid., p. 8.

При этом нарастание интереса к проблеме византийского феодализма сопровождалось расширением источниковедческой базы. К исследованию привлекаются новые данные нарративных и эпистолярных источников (прежде всего письма Феофилакта и Михаила Хонната), а главное — акты. Соответственно центр тяжести исследования переносится с X в. на более поздние столетия, преимущественно на XIII—XIV вв., к которым относится большая часть сохранившихся византийских актов. Именно акты, содержавшие обильные данные об организации поместья, формах ренты, зависимости крестьянства, постепенно подводили исследователей к постановке проблемы византийского феодализма.

Здесь следует обратить внимание на одно сравнительно случайное обстоятельство, оказавшее, однако, влияние на пути развития историографии византийской деревни. Уже в конце прошлого столетия некоторое количество византийских актов было введено в научный оборот, причем наиболее значительной группой актов, известной в то время, были грамоты монастыря Лемвиотиссы в Малой Азии (XIII в.). Именно они были предметом специального изучения Васильевского и ряда других русских ученых. С начала XX в. появляется все больше новых византийских актов, относящихся к областям с более развитым поместным строем; изучение византийского поместья (сеньории) почти невозможно строить на материале лемвийских актов, но оно становилось все более доступным по мере того, как выходили в свет новые публикации афонских грамот.

Подобно тому, как в 20-е годы ряд исследователей независимо друг от друга обращается к «Трактату об обложении», в 30-е годы все чаще предметом анализа становится актовый материал, причем первые его исследователи начинают с вопросов, далеких от аграрной тематики, а именно — с палеографического и дипломатического анализа. Лишь постепенно зарождается у них интерес к социально-экономической проблематике.

С конца 20-х годов Ф. Дольгер выпустил ряд исследований, посвященных проблемам византийской дипломатики, преимущественно императорским дипломам¹²²; за этим последовали обзоры некоторых комплексов византийских грамот (лемвийский кодик, грамоты монастыря Иоанна Богослова и др.)¹²³. На первых порах в этих обзорах рассматривались вопросы хронологии, просопографии и т. п. Позднее за этой подготовительной работой последовало издание большого числа грамот¹²⁴.

¹²² Значительная часть их собрана теперь в книге: F. Dölger. Byzantinische Diplomatiek. Ettal, 1956. См. также i d e m. Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. «XIIe Congrès International des études byzantines. Rapports». Belgrade — Ochride, 1961 (там и литература вопроса). Ср. также i d e m. Bulletin diplomatique. REB, vol. 7, 1949.

¹²³ F. Dölger. Chronologisches und Prosopographisches zur byzantinischen Geschichte des 13. Jahrh. BZ, 27, 1927; i d e m. Die Kaiserurkunden des Johannes-Theologos-Klosters auf Patmos. BZ, 28, 1928; i d e m. Die Urkunden des Johannes-Prodro-mos-Klosters bei Serrai. SBAW, 1935, H. 9; i d e m. Zu den Urkunden des Athosklosters Iberon. «Ελληνικά», т. 9, 1936 (=F. Dölger. Byzantinische Diplomatiek, S. 176—188); i d e m. Zur Textgestaltung der Laura-Urkunden und zu ihrer geschichtlichen Auswertung. BZ, 39, 1939; i d e m. Chronologisches und diplomatisches zu den Urkunden des Athosklosters Vatopedi. BZ, 39, 1939.

¹²⁴ Основные издания: F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948; i d e m. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrh. für Athoskloster Iberon. «Abhandlungen der Bayer. Akad. der Wiss.», NF, Bd. 28, 1949. Обе работы снабжены детальным комментарием. Кроме того, большое число актов было опубликовано в различных сборниках (F. Dölger. Neues zu Alexios Metochites und zu Theodoros Meliteniotes. «Miscelanea G. Mercati», vol. 3, 1946; Ein Fall slavischer Einsiedlung im Hinterland von Thessalonike im X. Jhdt. SBAW, 1952, H. 1; Eine stenographische byzantinische Gebürenquittung aus dem J. 941. «Festschrift F. Lammert», 1954; Ein Chrysobull des Kaisers Andronikos II. für Theodoros Nomikopoulos aus dem J. 1288. «Miscellanea G. Hofmann». Roma, 1955; Archivarbeit auf dem Athos. «Archivalische

В многочисленных публикациях Дэльгера, в его специальных исследовательских статьях, критических рецензиях и заметках содержится много разрозненных наблюдений по аграрной истории Византии. Привлекая огромный круг источников, Дэльгер анализирует различные податные, хозяйственные и юридические термины, относящиеся к византийской деревне. В комментариях и заметках Дэльгера мы найдем не только решение частных вопросов, но и некоторые общие суждения о развитии аграрных отношений в Византии. Если в 1934 г. Дэльгер (как мы уже отмечали) решительно отвергал тезис Васильева о параллельном развитии феодальных отношений на Западе и в Византии, то позднее систематическое изучение византийских актов заставило его значительно модифицировать эту точку зрения.

В 1940 г. в статье, посвященной одному из видов византийских государственных повинностей, Дэльгер сформулировал важный вывод: «Мы можем представить себе поместные отношения средне- и поздневизантийской эпохи по аналогии с Западом (*ähnlich wie im Westen*)». Пусть сам Дэльгер еще не пользуется здесь термином «феодализм», византийское поместье, которое он рисует, — не что иное, как феодальная сензория: оно состояло, по словам Дэльгера, из барского двора, домениальной земли и крестьянских наделов; домен обрабатывался частично трудом дворовых, частично же — при помощи крестьянских барщин¹²⁵.

Значит, теперь речь шла не просто о сходстве «борьбы между крестьянином и крупным собственником», которое только и допускал Дэльгер в заметке о статье Васильева, — теперь он признал наличие коренного сходства в экономике Запада и Византии.

Допуская существование в Византии поместного строя, Дэльгер, тем не менее, и в работах конца 30-х — 50-х годов утверждал, что здесь сохранились римские формы поземельной собственности¹²⁶, а появление «феодализма» в Византии он и тогда был склонен связывать с западным влиянием: понятия, свойственные феодальному порядку, были, по его мнению, внедрены в Византии западным рыцарством в результате крестовых походов¹²⁷.

Но уже в 1954 г. в рецензии на книгу Ж. Руйар¹²⁸ Дэльгер подчеркнул, — не затрагивая на этот раз вопроса о «западном рыцарстве», — что феодальные отношения (*feudale Verhältnisse*) развивались в Византии до IV крестового похода и упрочились при Палеологах¹²⁹. Еще более показательным было его замечание, высказанное по поводу статьи Д. Закифиноса¹³⁰: экономические формы, присущие византийской деревне, Дэльгер связал здесь с «феодализмом» (под которым он по-прежнему понимал определенную систему политических отношений); по словам Дэльгера, экономическое развитие средневекового Запада и Византии было аналогичным

Zeitschrift», Bd. 50/51, 1955; Aus dem Wirtschaftsleben eines Frauenklosters in der byzantinischen Provinz. «Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas», Bd. 2, 1956; Finanzgeschichte aus den byzantinischen Kaiserkanzlei des 11. Jhdts. SBAW, 1956, H. 1; Neues von Berg Athos. «Studi bizantini e neoellenici», vol. 9, 1957). Большая часть указанных здесь публикаций вошла в сборник: F. Dölger. ПАРАСПОРА. Ettal, 1961.

¹²⁵ F. Dölger. Zum Gebührenwesen der Byzantiner. «Etudes dédiées à la mémoire d'A. M. Andréadès». Athènes, 1940 (=F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt, S. 253, A. 75).

¹²⁶ F. Dölger. Aus den Schatzkammern..., S. 159.

¹²⁷ F. Dölger. Рецензия на книгу Д. Закифиноса «Βυζάντιον». BZ, 45, 1952, S. 71; idem. Die Kreuzfahrerstaaten auf dem Balkan und Byzanz. «Südostforschungen» Bd. 25, 1956, S. 151f.

¹²⁸ См. ниже, стр. 154, прим. 179.

¹²⁹ F. Dölger. «Orientalische Literaturzeitung», 1954, № 5/6, S. 206.

¹³⁰ См. ниже, стр. 159, прим. 212.

(эту мысль Дэльгер высказывал еще в 1940 г.), и именно это, сходное с западным экономическое развитие Византии подготовило ее к принятию «феодализма»¹³¹.

В 1956 г. Дэльгер прочитал доклад (опубликованный только в 1960 г.), в котором снова, как и в 1933 г., кратко изложил свои взгляды на аграрное развитие Византии. Для того, чтобы представить себе, сколь значительным было изменение его воззрений, достаточно сказать, что доклад 1956 г. носил название «Феодализм в Византии». Дэльгер начинает этот доклад с еще более решительной, чем прежде, формулировки принципиального тезиса о единстве экономического и (это — важное дополнение) социально-политического развития Запада и Византии: «Нельзя отрицать, что поземельные отношения и определяемые ими (в силу аграрного по преимуществу характера экономики) социально-политические порядки на средневековом Западе и внутренний строй Византии развивались в аналогичном направлении и привели в конечном счете к весьма сходным формам». И византийские, и западноевропейские поземельные отношения вырастают, полагает он, из позднеантичного патронизма, и хотя развитие их идет некоторое время разными дорогами, с XIII столетия оно снова становится сходным¹³².

Вместе с тем в своей оценке западного влияния на Византию Дэльгер оказывается теперь гораздо более сдержанным: Запад, по его мнению, способствовал прежде всего (vor allem) формированию «политических, экономических и социальных *идей* в феодальных понятиях»¹³³. Иначе говоря, экономические и политические формы сложились в Византии самостоятельно, но под влиянием Запада они были облечены в новую («феодальную») терминологию.

Аграрная эволюция Византии очерчена в этой статье весьма кратко. В конце VII в., полагает Дэльгер, произошло значительное возрастание (ein mächtiger Zuwachs) числа мелких земельных собственников, но эти перемены носили лишь количественный характер; кроме того, Дэльгер по-прежнему отрицает связь аграрных перемен VII в. со славянским вторжением и объясняет их административной реформой (Verwaltungsreform). Вместе с тем существенно, что составление «Земледельческого закона» немецкий ученый относит именно к VII — началу VIII в. и признает наличие в византийской деревне того времени альменды¹³⁴.

Изменения в аграрных порядках не привели к уничтожению крупной земельной собственности; более того, Дэльгер полагает, что в VII—IX вв. продолжалось ее дальнейшее развитие. Впрочем, он тут же отмечает, что в источниках того времени нет никаких свидетельств о наличии крупной земельной собственности¹³⁵. Вряд ли может вызвать возражения общепризнанный тезис о резком обострении борьбы крупной и мелкой собственности в X в. По-видимому, этим же столетием Дэльгер датирует возникновение харистикарной системы, которую он сопоставляет с западноевропейским бенефицием, считая ее предвестницей феодализма на

¹³¹ F. D ö l g e r. BZ, 49, 1956, S. 498.

¹³² F. D ö l g e r. Der Feudalismus in Byzanz. «Vorträge und Forschungen», Bd. V. Lindau und Konstanz, 1960, S. 185.

¹³³ Ibid., S. 186 (курсив наш). Отметим, что еще в 1950 г. Дэльгер говорил о проникновении в Византию западных феодальных понятий (Begriffe), в которых он видел созидательную силу (treibendes Element) (F. D ö l g e r. BZ, 43, 1950, S. 153).

¹³⁴ F. D ö l g e r. Der Feudalismus..., S. 187. О «Земледельческом законе» см. также F. D ö l g e r. Ist der Nomos Georgikos ein Gesetz des Kaisers Justinian II? «Festschrift L. Wenger», Bd. II. München, 1945; i d e m. Harmenopulos und der Nomos Georgikos. Τόμος Κ. Ἀρμενιούπουλου. Thessalonike, 1952 (см. F. D ö l g e r. ΠΑΡΑΣΠΟΡΑ. S. 241—272).

¹³⁵ F. D ö l g e r. Der Feudalismus..., S. 187.

Востоке¹³⁶. С XI в., по Дэльгеру, развивается система проний, которая все ближе напоминает западноевропейские феодальные учреждения¹³⁷. Впрочем, Дэльгер подчеркивает, что византийские порядки отличаются от западных прежде всего отсутствием феодальной иерархии, равно как и сохранением верховного контроля государства за собственностью прониаров¹³⁸.

Наконец, немецкий историк обращает внимание на резкое имущественное, правовое и социальное разделение двух основных группировок византийского общества: привилегированных магнатов и крестьянства, не скрывая «несчастной доли» как свободного, так и зависимого крестьянства¹³⁹. Свободное крестьянство, значение которого резко сократилось в результате процесса феодализации, сохранялось до конца византийской истории¹⁴⁰.

Разумеется, можно было бы спорить с Дэльгером по поводу многих общих и частных положений; к примеру, роль государства в историческом процессе все еще представляется Дэльгеру более значительной, чем она была в действительности: не государство своей реформой воссоздало класс свободного крестьянства в конце VII в. — к этому привели сложные и длительные социально-экономические процессы, начавшиеся еще в эпоху Поздней Римской империи и завершившиеся в условиях славянской колонизации; не государство, конечно, создало и право протимисиса — оно вытекало из самой природы византийской общины с ее сильно развитыми правами на чужую землю. Можно упрекнуть Дэльгера также в том, что он не ставит вопроса о двойственности крестьянских прав на землю или о феодальной ренте и т. д. Однако значительно важнее подчеркнуть не то, что не сделано Дэльгером, а то, что им сделано, подчеркнуть развитие его взглядов. Если в 1933 г. Дэльгер в своем анализе византийских земельных отношений исходил из понятия римской частной собственности, будто бы сохранявшейся в неизменном виде на протяжении всей истории Византии, и эта методологическая посылка неминуемо приводила его к отрицанию эволюции аграрных отношений, то в 1956—1960 гг. он исходит из понятия византийского феодализма и признает существенные изменения аграрного строя империи, считая их в общих чертах аналогичными той эволюции, которую можно наблюдать на средневековом Западе: от преобладания свободного крестьянства в VII в. к господству сеньории и феодальных институтов в XI—XV вв. Разумеется, Дэльгеру осталось совершенно чуждым учение о феодальной формации¹⁴¹.

С развитием взглядов Дэльгера непосредственным образом связано и изменение его исследовательских методов. Дэльгер вышел из мюнхенской филологической школы, и в первых его исследованиях анализ терминологии и правовых норм нередко заслонял изучение реальных общественных отношений¹⁴². Однако постепенное накопление фактического материала (и актового в том числе) заставило Дэльгера понять ограниченность

¹³⁶ Ibid., S. 187 f.

¹³⁷ Ibid., S. 188, 192. О «феодализации» империи в XI в. в связи с раздачей проний Дэльгер писал еще в 1939 г. (F. Dölger. Zur Textgestaltung..., S. 59).

¹³⁸ F. Dölger. Der Feudalismus..., S. 189.

¹³⁹ Ibid., S. 189. Следует отметить, что ранее Дэльгеру была свойственна тенденция несколько приукрашивать положение византийских париков: он односторонне оттенял объем их владельческих прав и полагал, что в лице монастырей они находили настоящих защитников (F. Dölger. Aus den Schatzkammern..., S. 190, 315).

¹⁴⁰ F. Dölger. Der Feudalismus..., S. 191.

¹⁴¹ См. F. Dölger. Рецензия на книгу «Aus der byzantinistischen Arbeit der DDR». BZ, 50, 1957, S. 437.

¹⁴² Еще Штейн, сравнивая работу Дэльгера о «Трактате об обложении» с соответствующей статьей Острогорского (E. Stein. Vom Altertum..., S. 158), подчеркивал, что, будучи истинным воспитанником мюнхенской школы, Дэльгер именно филолог, а не историк.

филолого-юридического подхода к источнику. Дэльгер стал искать новые методы и попытался, в частности, приступить к статистической обработке византийских практиков¹⁴³. Вместе с тем Дэльгер пришел к выводу, что византийской (особенно поздневизантийской) терминологии отнюдь не свойственна строгость и четкость и что анализ терминов, обозначающих крестьян, далеко не всегда позволяет раскрыть действительные отношения¹⁴⁴. Остается сделать один шаг и сказать, что за основу изучения положения крестьянства следует принять характер рентных отношений, — но этот шаг пока еще не сделан.

Из школы Дэльгера еще в середине 30-х годов вышли две диссертации, существенные для истории византийской деревни. Обе они были основаны на источниках, которые до тех пор почти не привлекались на Западе для изучения аграрного строя. Эти источники — произведения Феофилакта Болгарского и Михаила Хониата — позволяли ставить вопрос о социальном развитии Византии в XI—XII вв. — в столетия, которые не были освещены ни новеллами императоров Македонской династии, ни «Трактатом об обложении», датируемыми X в., ни актами, в своем большинстве относящимися к поздневизантийскому периоду.

Автор одной из этих диссертаций, Д. Ксаналатос, основываясь на письмах Феофилакта Болгарского и привлекая для объяснения их актовый материал, пришел к выводу, что XI столетие было временем быстрого роста крупной земельной собственности и расширения иммунитетных прав знати¹⁴⁵; при этом Ксаналатос с полным основанием подчеркивал, сколь тяжелым было положение крестьян, вынужденных продавать свои надежды¹⁴⁶, как страдали они от налогового бремени, экстраординарных поборов, от системы откупа налогов¹⁴⁷. В этих условиях число свободных крестьян сокращалось, однако само свободное крестьянство как социальная категория не исчезло¹⁴⁸.

Ксаналатос обрисовал расстановку основных общественных группировок в средневековой деревне, не пользуясь термином «феодализм» ни при характеристике поместных отношений, ни даже при описании податных привилегий и харистикия. К тому же общественные группировки обозначены чересчур общими понятиями («крупные собственники», «зависимое крестьянство», «свободное крестьянство»), не выясняющими их средневековой специфики. Это неминуемо приводит Ксаналатоса к искажению природы аграрных отношений: крупные земельные собственники XI в. оказываются носителями капитала¹⁴⁹, а церковь всерьез изображается защитницей крестьянства¹⁵⁰.

¹⁴³ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika..., S. 23 f. Значение этого метода справедливо подчеркнул Ф. Гшницер в рецензии на книгу Ж. Руйар (F. Gsch nit-zer. «Anzeiger für die Altertumswissenschaft», Bd. 9, 1956, H. 3, Sp. 163).

¹⁴⁴ F. Dölger. Der Feudalismus..., S. 190 f.

¹⁴⁵ D. Xan al a t o s. Beiträge zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte Makedoniens im Mittelalter, hauptsächlich auf Grund der Briefe des Erzbischofs Theophylaktos von Achrida. Speyer a. Rh., 1937, S. 26 f., 64 f. Поддержав основной вывод Ксаналатоса, Острогорский в рецензии на его книгу (SK, vol. 11, 1940, p. 270) справедливо поставил в упрек греческому ученому незнание с русской литературой. Ср. рецензии: И. Д у й ч е в. «Македонски преглед», т. XII, 2, 1940; G. M i c k w i t z. BNJb., Bd. 15, 1939, S. 251—253.

¹⁴⁶ D. Xan al a t o s. Beiträge..., S. 57.

¹⁴⁷ Ibid., S. 37, 47f., 55. Ср. также i d e m. Βυζαντινὰ μελετήματα. «Texte und Forschungen zur byzantinisch-neugriechischen Philologie», Bd. 38, 1940 (нам недоступно); там Ксаналатос рассматривал, в частности, вопрос о народных движениях в Византии.

¹⁴⁸ D. Xan al a t o s. Beiträge..., S. 63

¹⁴⁹ Ibid., S. 57.

¹⁵⁰ Ibid., S. 63 f.

Одна мысль Ксаналатоса, однако, заслуживает внимания: по его мнению, поглощение мелкокрестьянских хозяйств династским землевладением было результатом внутреннего экономического развития (*innere wirtschaftliche Entwicklung*), а не следствием политики императоров XI в., недостаточно чутких к интересам крестьянства¹⁵¹; выдвинув этот тезис, Ксаналатос поставил под сомнение один из основных принципов фискальной теории, согласно которой императорская власть превращалась в главную движущую силу исторического процесса. С тем же кругом идей, по-видимому, связана резко отрицательная оценка Ксаналатосом «бюрократической организации» византийского государства¹⁵², деморализации византийского чиновничества¹⁵³. Ксаналатос, таким образом, отходил от того культа сильного государства, который был присущ реакционному направлению зарубежного византиноведения и особенно насаждался в среде профашистски настроенных исследователей.

Другая диссертация, посвященная Михаилу Хониату, была написана Г. Штадтмюллером и по своему характеру существенно отличалась от книги Ксаналатоса: если греческий ученый уделил основное внимание аграрным отношениям и податной системе, то Штадтмюллер интересовался в первую очередь хронологией произведений Хониата и его биографией. Обильные данные по истории византийской деревни, содержащиеся в речах и письмах Хониата, использованы Штадтмюллером далеко не исчерпывающим образом: укажем хотя бы на разбросанные в переписке сведения о церковном прощении Ороп, об аренде церковных земель, о *κομφοριός* об экономике. Однако в некоторых местах книги Штадтмюллер коснулся истории аграрных отношений в Византии; при этом он отстаивал тезис о сходстве путей развития Византийской империи и Запада в XII в. «Подобно тому, как это происходило на Западе в то же самое время, и здесь развитие приводило к разрыву всеобщего подданства, к возникновению опосредствованного подданства (*Mediatuntertanentum*, иными словами — вассалитета. — *А. К.*) и тем самым к установлению территориального господства». По словам Штадтмюллера, силы, приведшие к этой децентрализации (мы бы могли сказать, к феодальной раздробленности), были те же, что и на Западе (*dieselben wie im Westen*): лен (прония), иммунитет (экскуссия) и вотчинные права в отношении зависимых крестьян. Штадтмюллер, наконец, высказывает мысль, что город того времени существенно не отличался от деревни: городского права уже не существовало¹⁵⁴.

Не пользуясь термином «феодализм», Штадтмюллер рисует по сути дела картину феодальных общественных отношений. Вместе с тем он подчеркивает наличие в византийском обществе XII в. коренного различия между магнатами и массой крестьян — свободных и несвободных¹⁵⁵.

Вскоре после выхода в свет книги о Михаиле Хониате Штадтмюллер опубликовал несколько статей, в которых развивал мысли Штейна и Ост-

¹⁵¹ Ibid., S. 57 f. В этой формулировке Ксаналатос близок к своему учителю (см. F. Dölger. Beiträge..., S. 64 f.), с тем, однако, отличием, что Дэльгер говорил лишь о стратиотах и отнюдь не подчеркивал столь четко влияние внутреннего развития.

¹⁵² D. Xanalatoss. Beiträge..., S. 66 f.

¹⁵³ Ibid., S. 74.

¹⁵⁴ G. Stadtmüller. Michael Choniates, Metropolit von Athen. Roma, 1934, S. 24. В отличие от Ксаналатоса, Штадтмюллер хорошо знаком с русской историографией, в том числе со статьей И. И. Соколова «Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии» (Известия АН СССР, ООИ, 1931, № 6), где автор ставил вопрос о развитии феодализма и о классовой борьбе в деревне (там же, стр. 705 сл.).

¹⁵⁵ G. Stadtmüller. Michael Choniates, S. 66. Cp. D. Xanalatoss. Beiträge..., S. 56.

рогорского об общественном перевороте VII в. Подобно этим ученым, Штадтмюллер говорил о полной внутренней перестройке (*völlige innere Umgestaltung*) государства, сущность которой состояла в создании ополчения из свободных крестьян¹⁵⁶; подобно этим ученым, он относил начало упадка крестьянства и крестьянского ополчения к середине XI в., считая, что замена «милиции» регулярным войском была результатом постепенного социального развития¹⁵⁷. Новая система обороны послужила причиной краха Византийской империи, наступившего вопреки отдельным попыткам смелых реформ, какие, в частности, предлагал в XV столетии Плифон¹⁵⁸.

Статьи Штадтмюллера не вносили чего-либо принципиально нового в концепцию Штейна — Острогорского, однако и выбор аспекта исследования (в центре внимания — армия и военная политика), и идеализация зажиточного крестьянства (*Grossbauern*)¹⁵⁹, и «геополитическая» терминология¹⁶⁰ свидетельствовали о проникновении в немецкую византинистику идей фашистского райха. В дальнейшем Штадтмюллер, который начинал с фактического признания византийского феодализма, закономерно пришел к отказу от этой тенденции: в 1955 г. в рецензии на книгу Острогорского он отверг самую возможность признать аграрные порядки в Византии феодальными¹⁶¹. У нас еще будут основания вернуться к рецензии Штадтмюллера; сейчас хотелось бы только отметить противоположность эволюции его взглядов и взглядов Дэльгера. В известной мере такая противоположность была связана с тем обстоятельством, что Штадтмюллер никогда не занимался столь пристально, как Дэльгер, византийскими актами — важнейшим источником для изучения реальных отношений в византийской деревне.

Творческий путь французской исследовательницы Ж. Руйар во многом напоминает путь Дэльгера: как и Дэльгер, она начинала со специальных занятий в области палеографии и дипломатики¹⁶². Она изучала акты из архива афонской лавры св. Афанасия: уже в 1926 г. Руйар выступила с обзором неизданных лаврских грамот, остановившись, в частности, на дипломе Мануила II Палеолога от 1405 г., содержавшем интересные сведения о взимании налогов с монастырских владений¹⁶³. Затем в сотрудничестве с П. Колломом она издала большую группу лаврских актов, относящихся к 897—1178 гг.¹⁶⁴ — к периоду, который до тех пор был крайне скудно обеспечен документальными источниками. Она продолжала рабо-

¹⁵⁶ G. Stadtmüller. *Landesverteidigung und Siedlungspolitik im oströmischen Reich*. ИБАИ, т. 9, 1935, стр. 395. В сокращенном виде статья была опубликована под тем же названием в журнале «Forschungen und Fortschritte» (Bd. 10, 1934, S. 404 f.). К сожалению, нам была недоступна его работа об аграрной политике византийских императоров: G. Stadtmüller. *Oströmische Bauern- und Wehrpolitik*. «Neue Jahrbücher für deutsche Wissenschaft», Bd. 13, 1937 (см. BZ, 37, 1937, S. 243 f.).

¹⁵⁷ G. Stadtmüller. *Landesverteidigung...*, S. 397.

¹⁵⁸ Ibid., S. 399.

¹⁵⁹ Ibidem.

¹⁶⁰ Ibid., S. 392. Ср. также популярную статью: F. Dölger. *Bauernschutzgesetze vor 1000 Jahren* («Zeitschrift für Bauern- und Bodenrecht», Bd. 3, 1935), пропущенную теми же идеями.

¹⁶¹ G. Stadtmüller. «Gnomon», Bd. 27, 1955, № 2, S. 131.

¹⁶² Позднее Руйар опубликовала обзор развития византийской дипломатики, начиная с 1905 г.: G. Rouillard. *La diplomatie byzantine depuis 1905*. Byz., vol. 13, 1938 (мы оставляем в стороне исследования Руйар по истории византийского Египта).

¹⁶³ G. Rouillard. *Les archives de Lavra* (Mission Millet). Byz., vol. 3, 1926, p. 256 sq. Ср. ее статью «Note prosopographique et chronologique». Byz., vol. 8, 1933.

¹⁶⁴ G. Rouillard—P. Collomp. *Actes de Lavra*, vol. I. Paris, 1937.

тать над лаврскими актами, подготавливая издание грамот палеологовского времени ¹⁶⁵.

Работа над актами заставляла Руйар поднимать и решать различные частные проблемы, касающиеся главным образом фискальной политики византийского государства. Так, она вновь вернулась к вопросу об эпиболе, который не один раз ставился ее предшественниками. Руйар нашла новые материалы и новое решение этого спорного вопроса: опираясь на хрисовулы XI—XII вв., она показала, что термин «эпиболола» хотя и применялся в это время, однако имел новое значение ¹⁶⁶.

Руйар не ограничилась только исследованием частных вопросов и отдельными замечаниями по общим проблемам аграрной истории Византии, она изложила свой взгляд на аграрное развитие империи в книге, являющейся, кстати сказать, до настоящего времени единственным общим очерком истории византийской деревни ¹⁶⁷. К сожалению, эта книга вышла уже после смерти Руйар, скончавшейся в 1946 г., и содержит много погрешностей и промахов.

Концепция Руйар является по сути дела компромиссной: с одной стороны, она признает стойкость традиционных, восходящих к римским порядкам общественных отношений, с другой — допускает наличие византийского феодализма, хотя и связывает его возникновение по преимуществу с воздействием институтов, принесенных крестоносцами. По мнению Руйар, свободная община VII—VIII вв. не обязана своим происхождением исключительно славянам: и до славянского вторжения в империю были свободные поселения, — но все же расселение славян способствовало укреплению мелкой свободной собственности ¹⁶⁸; те перемены, которые происходили в это время (в частности, укрепление мелкой свободной собственности и сокращение крупных владений), исследовательница вслед за Острогорским объясняет изменениями фискальной системы (*transformations d'ordre fiscal*) ¹⁶⁹. В соответствии с этим византийскую общину она считает административно-фискальной, хотя и признает известную экономическую общность односельчан, совместно владевших неподеленной территорией ¹⁷⁰. В IX в., по мнению Руйар, положение крестьянства становилось все более тяжелым. С утомительным однообразием повторяет она, что в разные эпохи (в византийском Египте, в X в., в XII в и т. д.) самое существование класса свободных крестьян оказывалось под угрозой ¹⁷¹, — и все же мелкая свободная собственность не исчезла до последних дней империи ¹⁷².

¹⁶⁵ G. Rouillard. Les Actes de Lavra à l'époque des Paléologues. «Atti del V congresso internazionale di studi bizantini», vol. I, 1939, p. 300—307. Наиболее интересны здесь данные о податной системе (p. 303 sq.).

¹⁶⁶ G. Rouillard. L'épibolè au temps d'Alexis Comnène. Byz., vol. 10, 1935, p. 83 sq. Ср. также ее работы: Les taxes maritimes et commerciales d'après les actes de Patmos et de Lavra. «Mélanges Ch. Diehl», vol. I. Paris, 1930; La dîme des bergers valaques sous Alexis Comnène «Mélanges N. Iorga», 1933; Le mot *χάραγμα* dans les actes des Paléologues. «Εἰς μνήμην Σ. Λάμπρου». Ἀθήναι, 1935; Recensements de terres sous les premiers Paléologues. Byz., vol. 12, 1937; Λύσεις, συνήθεια, σχιδευμός, ἀποσχιδευμός. «Annuaire de l'institut de philol. et d'hist. orientales et slaves», vol. 6, 1938; Notes et discussions. «Revue de philol., de littérature et d'hist. anciennes», vol. 16, 1942. Ср. также G. Rouillard, A. Soloviev. Τὸ φοινίκιον. «Μνημόσυνα Παππούλια». Ἀθήναι, 1934.

¹⁶⁷ G. Rouillard. La vie rurale dans l'Empire byzantin. Paris, 1953.

¹⁶⁸ Ibid., p. 85 sq.

¹⁶⁹ Ibid., p. 90 sq.

¹⁷⁰ Ibid., p. 98.

¹⁷¹ См. рецензии: G. Ostrogorsky. BZ 47, 1954, S. 426; А. Я. Гурев и ВВ, X, 1956, стр. 230.

¹⁷² G. Rouillard. La vie rurale..., p. 140, ср. p. 167.

Наряду со свободными крестьянами и Византии всегда (в этом отношении взгляды Руйар вполне совпадают с концепцией Дэльгера) существовала крупная собственность: Руйар находит свидетельства о ней в житиях VIII—IX вв.¹⁷³ В соответствии с традиционными воззрениями исследовательница полагает, что государство в X в. вело борьбу против нее, защищая крестьянство¹⁷⁴. Но о том, что представляло собой это византийское крупное землевладение, можно говорить лишь начиная с более поздней эпохи, когда появляются акты, позволяющие познакомиться с системой труда в крупных поместьях. Перейдя к изучению этого времени, Руйар оказалась перед проблемой феодализма. Она писала: «Накануне завоевания Константинополя крестоносцами аграрные отношения отличались такими чертами, которые позволяют в какой-то степени сближать их с западным феодализмом»; эти черты, по ее мнению, суть, во-первых, система проний, напоминающих западные фьефы, и, во-вторых, крестьянская зависимость, сходная с вилланской¹⁷⁵.

Однако признание византийского феодализма и известного сходства общественных отношений в империи с западными порядками в книге Руйар непоследовательно¹⁷⁶. Она говорила о коренном отличии в положении византийского парика, который — в противоположность виллану на Западе — был обязан барщиной и натуральной рентой не сеньору, а государству. Римские традиции, полагала исследовательница, оставались прочными и на позднем этапе византийской истории. В соответствии с этим характерную черту общественных отношений того времени Руйар видела в сочетании общинных отношений, восходящих к Поздней Римской империи (*des communautés libres du Bas-Empire*), с феодальными установлениями, которые насаждались завоевателями-крестоносцами (*les usages de la féodalité établis par les conquérants*)¹⁷⁷.

Мы не будем здесь говорить о слабых сторонах книги Руйар, о недостатках ее общей концепции и о частных ошибках (она, например, считала *δοῦλοι* свободными работниками)¹⁷⁸. Для нас в данной связи важно отметить, что Руйар — при всем своем стремлении подчеркнуть традиционность, незыблемость старых, римских порядков в аграрном строе империи — была вынуждена под давлением фактов, почерпнутых из актового материала, прийти — пусть со множеством оговорок — к признанию византийского феодализма. Но это признание феодализма остается в книге Руйар непоследовательным и постоянно оттесняется абстрактным, схематическим противопоставлением (в духе юристов школы Монье) крупного и мелкого собственника вообще¹⁷⁹.

¹⁷³ G. Rouillard. *La vie rurale...*, p. 95 sq.

¹⁷⁴ *Ibid.*, p. 106.

¹⁷⁵ *Ibid.*, p. 143, ср. p. 126.

¹⁷⁶ Ср. G. Ostrogorsky. *BZ*, 47, 1954, S. 424 f.; А. Я. Гуревич. *ВВ*, X, 1956, стр. 233.

¹⁷⁷ G. Rouillard. *La vie rurale...*, p. 147.

¹⁷⁸ *Ibid.*, p. 97.

¹⁷⁹ Зарубежная литература в общем высоко оценила книгу Руйар (см. J. Longnon. *La vie rurale dans l'Empire byzantin*. «*Journal des savants*», 1954, p. 31—39, а также рецензии: R. Lemonon. *Byz.*, vol. 23, 1954, p. 553—561; B. Spuler. «*Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*», Bd. 104, 1954, S. 201; R. Guillard. *BS*; vol. 15, 1954, p. 50 sq.; *idem*. «*Revue des études grecques*», vol. 68, 1955, p. 415; O. Montevesschi. «*Aegyptus*», vol. 35, 1955, p. 127—129; F. Schnitzer. «*Anzeiger für die Altertumswissenschaft*», Bd. 9, 1956, Sp. 162—164). Лишь Дэльгер подверг эту работу безжалостной критике (F. Dölger. «*Orientalische Literaturzeitung*», 1954, № 5/6, S. 209 f.); помимо фактических ошибок и неиспользования литературы [в том числе советской (*ibid.*, S. 208), опубликованной уже после смерти Руйар], немецкий ученый особенно ставит в упрек автору признание коренных перемен в общественной структуре (*tiefgehende Strukturänderung*) в VII в. под влиянием славянских вторжений и введения системы солдатских наделов

Подобно Дэльгеру и Руйар, В. А. Мошин также пришел к изучению «социально-экономических отношений от палеографических исследований и публикации византийских актов. Уже в середине 30-х годов он выпустил несколько статей, посвященных проблемам греческой и южнославянской дипломатики¹⁸⁰. Одновременно он подготовил к изданию многочисленные граммоты, снабдив их реальным и филологическим комментарием¹⁸¹.

Эта работа, первоначально сугубо филологическая, неминуемо должна была поставить перед Мошиным ряд важных вопросов, относящихся к социально-экономической проблематике. В частности, в статье, посвященной серважу в Византии, он вернулся к проблеме существования в Византии различных категорий зависимого крестьянства, которую поднимал в свое время еще иеромонах Михаил. Вслед за Панченко Мошин считал париков свободными людьми, «связанными не личной, а податной крепостью»¹⁸²; он отличал от них элевтеров (не занесенных в податные списки), которые могли стать присельниками-проскафименами, поселившись на чужой земле, и превращались в конечном счете в париков, которых господин не имел права согнать с надела¹⁸³. Наконец, Мошин полагал, что в Византии существовали холопы, прикрепленные к земле и находившиеся в личной зависимости от господина¹⁸⁴, иначе говоря — крепостные, аналогичные западноевропейским сервам.

Следовательно, по мнению Мошина, только часть зависимых крестьян в Византии была обложена государственными податями — в соответствии с «частноправовой точкой зрения римского права», другую же составляли сервы, крепостные, чье положение соответствовало нормам «западноевропейского средневекового права»¹⁸⁵. Таким образом, он, подобно Дэльгеру и Руйар, ощупью, с колебаниями, но все же склонялся к тому, чтобы признать наличие феодальных порядков в Византии.

Другая статья Мошина посвящена анализу практиков Зографского монастыря, рассмотренных в свое время Безобразовым. В начале этой статьи Мошин поднимает два методических вопроса, имеющих большое значение для совершенствования методики исследования. Он подчеркивает, что при изучении византийских описей необходимо «учитывать не только различие финансового устройства империи и условий экономического быта в разные эпохи, но и для практиков, относящихся к одному периоду, — раз-

(ibid., S. 206). Конечно, не отражая состояния науки на 1953 г., книга Руйар, тем не менее, интересна как выражение взглядов крупного византиниста, умершего, напомним еще раз, в 1946 г. Кстати, как курьез отметим, что Руйар (к сожалению!) вовсе не говорила о tiefgehende *Strukturänderung*, но значительно мягче — о changements d'ordre économique и о transformations d'ordre fiscal (G. Rouillard. Op. cit., p. 91 — на эту страницу как раз и ссылается Дэльгер).

¹⁸⁰ V. Mošin. Gab es unter den serbischen Herrschern des Mittelalters eine griechische Hofkanzlei? «Archiv für Urkundenforschung», Bd. 13, 1934—1935; В. Мошин. К вопросу о составлении хрисовулов у южных славян и в Византии. «Юбилейный сб. Русского археол. об-ва в Югославии». Белград, 1936. Ср. также V. Mošin. Povelje cara Dušana i Jovana Paleologa Panteleimonovom manastiru. «Zgodovinski časopis», t. 6—7, 1952—1953.

¹⁸¹ А. Соловьев, В. Мошин. Грчке повеље српских владара. Белград, 1936; В. Мошин. Акты из светогорских архива. «Српска Краљ. Академија. Споменик», т. 91, 1939; V. Mošin in A. Sovre. Dodatki h grškim listinam Hilarandarja. Ljubljana, 1948.

¹⁸² В. А. Мошин. Δουλικὸν ζευγάριον. К вопросу о серваже в Византии. SK, vol. 10, 1938, p. 118 sq.

¹⁸³ Ibid., p. 123.

¹⁸⁴ Ibid., p. 126.

¹⁸⁵ Ibid., p. 131. Работа Мошина вызвала возражения Дэльгера [BZ, 38, 1938, S. 528 f.; BZ, 40, 1940, S. 127 (=F. Dölger. Byzantinische Diplomatik, S. 304)], который считал, что δουλικὰ ζευγάρια не обозначают крепостных (сервов), но лишь господские упряжки рабочего скота, работающие на домене.

личие условий, в разных областях»¹⁸⁶. Тем самым был провозглашен новый для византиноведения принцип работы — принцип локального исследования; он отличался от метода простого комментирования тем, что автор извлекал из частного источника материал не для генерализирующих обобщений, но для выяснения специфики развития данного района. Подобная постановка вопроса свидетельствует о значительном богатстве привлекаемых теперь источников; принцип локального исследования, получивший затем развитие в работах Острогорского и некоторых других ученых, значительно отличал работы этих лет от исследований предшествующего поколения византинистов, искавших, если так можно выразиться, единообразный ответ на вопрос о характере социально-экономического развития Византии.

Далее Мошин сделал еще одно важное замечание. «Зографские практики, — писал он, — особенно интересны ввиду того, что, описывая одно и то же село в разные моменты, позволяют восстановить не только развитие хозяйства на данном имении, но и движение крестьянского населения на нем в течение некоторого отрезка времени»¹⁸⁷. Если раньше картина эволюции аграрных отношений в Византии строилась обычно на несоизмеримых или трудно соизмеримых источниках, затрагивающих разные стороны общественной жизни (Юстинианово законодательство — «Земледельческий закон» — «Трактат об обложении»), то теперь Мошин предлагал новый метод, позволяющий на основе однородных документов проследить реальные пути аграрной эволюции, правда, на хронологически и территориально ограниченном отрезке — в рамках данного села. И хотя мы не можем принять вывод Мошина, подчеркивающего «подвижность» монастырских крестьян и ставящего под сомнение прикрепленность париков к земле¹⁸⁸, тем не менее ясно, что предложенный им метод давал возможность получить новые, важные и убедительные результаты.

К этой же группе исследователей нужно прибавить еще двоих: А. Соловьева и Д. Закифиноса.

Соловьев, который также много занимался проблемами палеографии и дипломатики и вместе с Мошиным принимал участие в издании греческих грамот сербских правителей¹⁸⁹, одновременно с этим исследовал отдельные вопросы истории византийской податной системы¹⁹⁰. Кроме того, перу Соловьева принадлежит доклад, прочитанный еще в 1930 г. и посвященный положению фессалийской знати XIV столетия. По мнению Соловьева, в Фессалии того времени под влиянием латинских феодалов сложился «полуфеодальный строй» и возникли «феодальные навыки», а именно — сословный дух, понятие рыцарской чести, областные собрания архонтов¹⁹¹. При этом статья Соловьева примечательна в одном отношении: если подавляющее большинство западных византинистов видело (да и теперь продолжает видеть) в феодальных порядках фактор, способствующий распаду и ослаблению империи, если так можно выразиться, бо-

¹⁸⁶ В. Мошин. Зографские практики. «Сборник в память на проф. П. Ников». София, 1940, стр. 291. Ср. также В. Мошин. Белешке о Хиландарском практику. «Белићев зборник», Београд, 1937.

¹⁸⁷ В. Мошин. Зографские практики, стр. 292.

¹⁸⁸ Там же, стр. 300.

¹⁸⁹ Ср. также А. Соловьев. Les diplômes grecs de Menoikeon attribués aux souverains byzantins et serbes. Byz., vol. 9, 1934; idem. Encore un recueil de diplômes grecs de Menoikeon. Byz., vol. 11, 1936; idem. Un inventaire de documents byzantins de Chilandar. SK, vol. 10, 1938. В дальнейшем он занимался преимущественно южнославянскими деловыми документами.

¹⁹⁰ См. выше, стр. 153, прим. 166.

¹⁹¹ А. В. Соловьев. Фессалийские архонты в XIV веке. Черты феодализма в византийско-сербском строе. BS, vol. 4, 1932, стр. 167, 169.

лезнь государственного организма, то Соловьев, напротив, политическую силу и стойкость Фессалии объясняет наличием в этой области самостоятельного и многочисленного феодального дворянства¹⁹².

Опять-таки мы могли бы упрекнуть Соловьева в том, что, говоря о феодализме, он, подобно другим современным ему исследователям, упускает из виду главный элемент феодального строя — поместье; для него феодализм — это прежде всего рыцарская честь и дворянские собрания. Но какими бы субъективными соображениями ни руководствовался русский эмигрант Соловьев, прославляя фессалийское дворянство, объективно он был первым византинистом, который стал рассматривать феодализм не как синоним упадка, а как общественный порядок, на определенном этапе обеспечивавший прогрессивное развитие. Это был существенный шаг вперед в понимании феодальных отношений, по странной иронии судьбы недостаточно оцененный в западной историографии.

Одной из первых работ греческого историка Закифиноса было издание хрисовула трапезундского императора Алексея III Комнина; в комментарии к этому памятнику Закифинос рассматривал некоторые специальные вопросы из истории византийской податной системы и правовых отношений¹⁹³. В дальнейшем Закифинос много занимался политической¹⁹⁴ и экономической историей поздневизантийского периода, уделив специальное внимание экономическому и финансовому упадку Византии в XIII—XV вв. При этом он выделил две группы факторов, вызвавших упадок империи: феодализацию (под этим термином Закифинос понимал рост крупной собственности и ослабление центрального аппарата)¹⁹⁵ и тяжелое положение крестьянства, обложенного бесчисленным множеством налогов¹⁹⁶. Действие обоих факторов признавала значительная часть западных византинистов того времени, однако Закифинос не ограничился простой констатацией экономического упадка Византии в последние века ее существования, но и попытался специально рассмотреть вопрос о византийском феодализме.

Начало процесса феодализации Закифинос первоначально отнес к XII столетию, полагая, что лишь при Палеологах этот процесс принял определенные очертания. В доказательство своего тезиса он привел не только данные, собранные Соловьевым, но и новые материалы: прежде всего — двусторонний договор Иоанна VI Кантакузина с правителем Фессалии Иоанном Ангелом от 1342 г.¹⁹⁷ и свидетельства Жоффруа Виллардуэна и других западных авторов о греческих «баронах» и архонтах Фессалии, Фив и Пелопоннеса до 1204 г.¹⁹⁸ Уже в XII в., по мнению Закифиноса, в

¹⁹² Там же, стр. 159.

¹⁹³ D. A. Zakythinos. La chrysobulle d'Alexis III Comnène, empereur de Trébisonde, en faveur des Vénitiens. Paris, 1932 (см. рецензии: М. Андреева. BS, vol. 4, 1932, p. 464 sq.; F. Dölger. BZ, 33, 1933, S. 112—115). Закифинос издал также латинские документы, относящиеся к византиино-итальянским отношениям (D. A. Zakythinos. Βυζαντινά καὶ βενετικά ἀνάλεκτα. ЕЕВΣ, т. 7, 1930), и грамоты эпохи турецкого владычества (idem. Ἀνέκδοτα πατριαρχικά ἑγγράφα τῶν χρόνων τῆς Τουρκοκρατίας. «Ελληνικά», т. 2—3, 1929—1930; idem. Ἀνέκδοτον γράμμα τοῦ πατριάρχου Ἱερεμίου τοῦ Ἀπὸ τῆς μονῆς τῆς Κορακονησίας. ЕЕВΣ, т. 13, 1937). Ср. также его замечания к практике Кефалонийской церкви: idem. Τὸ κτηματολόγιον τῆς λατινικῆς ἐπισκοπῆς Κεφαλληνίας καὶ Ζακύνθου κατὰ τὸν 17 αἰῶνα. «Ελληνικά», т. 5, 1932.

¹⁹⁴ D. A. Zakythinos. Le despotat grec de Morée, vol. I. Paris, 1932.

¹⁹⁵ Idem. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIII-e au XV-e siècle. Athènes, 1948, p. 50, 58, 146.

¹⁹⁶ Ibid., p. 64 sq., 73. Ср. idem. Βυζάντιον. Ἀθήναι, 1951 (нам недоступно).

¹⁹⁷ D. A. Zakythinos. Processus de féodalisation. Athènes, 1948 (отдельный оттиск из «L'Hellénisme contemporain», vol. 2, 1948), p. 8 sq.

¹⁹⁸ Ibid., p. 4. Латинские документы Закифинос широко привлекает также и во втором томе своей книги «Le despotat grec de Morée», о котором речь пойдет ниже.

Византии стали складываться апанажи¹⁹⁹. Но, признавая феодальное развитие XII—XV вв. результатом внутренних процессов, Закифинос считал, что до XII в. Византия не знала феодализма; феодальный режим, по его мнению, предполагает замкнутое хозяйство (*économie fermée*) и ослабление центральной власти, — ни того, ни другого не было в империи, по крайней мере до второй половины XII столетия. Смуты X в. Закифинос не склонен был считать феодальными, поскольку они не вели к раздроблению империи: он видел в них лишь борьбу за престол²⁰⁰.

Высказанные в 1948 г. идеи были развиты Закифиносом в большой монографии, посвященной внутреннему строю Морейского деспотата и опубликованной пять лет спустя²⁰¹. И здесь он говорит о расколе поздневизантийского общества на два класса — зависимых крестьян и феодалов²⁰², и здесь признает, что в Морее сложились характерные черты феодального порядка — замкнутое хозяйство и политическое раздробление страны²⁰³, и здесь останавливается на феодальной анархии²⁰⁴. Однако в некоторых отношениях новая книга Закифиноса отличается от его предыдущих работ. Прежде всего, он не ограничивается общими суждениями о положении крестьянства, но подробно характеризует его статус и ренту²⁰⁵ и в соответствии с этим определяет феодализм как экономическую и социальную систему, выросшую из «могущества одних и слабости других»²⁰⁶.

При всей расплывчатости этой формулировки она все же несравнимо ближе к истине, нежели определение феодального порядка только как проявления слабости государства. Далее, Закифинос начинает теперь развитие феодальных порядков в Византии значительно раньше, с IX в., правда, оговариваясь, что Пелопоннес был отдаленной провинцией, за положением в которой императоры следили менее внимательно²⁰⁷. С пересмотром представления о начале процесса феодализации нужно связывать и попытку Закифиноса поставить вопрос об упадке античных городов Пелопоннеса, на смену которым приходят новые городские центры²⁰⁸, основанные, как он полагает, в своем большинстве феодалами²⁰⁹. Таким образом — вопреки основной концепции Закифиноса — феодализм оказывается не только проявлением экономического упадка и политической децентрализации, но и несет в себе какие-то творческие, созидательные силы. Однако эта важная мысль не находит в работе Закифиноса дальнейшего развития.

¹⁹⁹ D. A. Zakythinos. *Processus de féodalisation*, p. 12.

²⁰⁰ Ibid., p. 3.

²⁰¹ D. A. Zakythinos. *Le despotat grec de Morée*, vol. II. Athènes, 1953. См. рецензию: P. Charanis. *BS*, vol. 16, 1955, p. 355—357. Ср. также J. Longnon. *La renaissance de l'hellénisme dans le despotat de Morée*. «*Journal des savants*», 1954, p. 111—113.

²⁰² D. A. Zakythinos. *Le despotat grec de Morée*, vol. II, p. 180, 198. В составе класса феодалов он выделяет две группы: земельные собственники и придворные (p. 211 sq.).

²⁰³ Ibid., p. 225. Закифинос подчеркивает экономическое отставание Византии XV в. от Италии и указывает, что Виссарион рекомендовал учиться у Запада производству железа, оружейному делу и кораблестроению (ibid., p. 267 sq.).

²⁰⁴ Ibid., p. 218.

²⁰⁵ Ibid., p. 202 sq. И в этом разделе Закифинос привлекает ряд малоизвестных свидетельств, в том числе и из латинских источников. Вместе с тем следует отметить, что он чересчур прямолинейно выводит поздневизантийскую парикию из колоната (ibid., p. 201).

²⁰⁶ Ibid., p. 194.

²⁰⁷ Ibid., p. 190 sq.

²⁰⁸ Ibid., p. 147 sq., 160.

²⁰⁹ Ibid., p. 166.

Непоследовательность концепции Закифиноса проявляется еще и в том, что он, справедливо подчеркивая коренные преобразования в социальной и экономической структуре византийского общества (упадок античных городов, формирование феодальных отношений), вместе с тем настойчиво проводит мысль о сохранении в Византии значительных эллинистических традиций: государственного руководства экономической жизнью, фискального характера общины²¹⁰. Допуская, что в VII в. в Византии произошла ломка общественных порядков, Закифинос, тем не менее, утверждал, что эта «революция» была совершена в «консервативном духе», поскольку Византия вообще оставались чуждыми резкие и насильственные изменения²¹¹.

Все эти наблюдения были сведены Закифиносом воедино в докладе на международном конгрессе в Осло в 1954 г. В нем ученый отстаивал представление об общности путей развития Византии и Западной Европы, не отрицая вместе с тем наличия специфических византийских особенностей²¹². Нельзя не видеть, что эта мысль греческого ученого во многом обусловлена его националистическими устремлениями. Закифинос идеализирует византийские порядки и старается доказать, что Византия принадлежит к «европейскому сообществу», тогда как арабы и славяне противостоят европейскому миру²¹³.

Основные моменты византийской истории сводятся, по Закифиносу, к следующему. До VII в. городская жизнь, унаследованная от Римской империи, оставалась весьма оживленной, но после этого начинается «сужение городских горизонтов»²¹⁴. Подъем землевладельческой знати приходится на X в.; несмотря на ее временное поражение от императоров Македонской династии, с середины XI в. аристократия усиливается еще более, а в XIV—XV вв. наступает период подлинной феодальной раздробленности (*eine wirkliche feudalistische Auflösung*)²¹⁵. Закифинос признает существование византийского феодализма²¹⁶ и ленной системы, которая, по его словам, вырастает из тех же учреждений и обычаев, что и ленная система на Западе²¹⁷. Наряду с феодальными учреждениями в Византии сохраняются нормы греко-римского права и многочисленные римские традиции, хотя — подчеркивает на этот раз Закифинос — представление о консерватизме Византии преувеличено²¹⁸.

К вопросу об общности судеб Западной Европы и Византии Закифинос снова вернулся в 1958 г. На этот раз он писал об общих чертах политической организации, литературы, искусства, даже о сходстве в положении женщины²¹⁹, однако уже ничего не говорил о византийском феодализме. Наоборот, он противопоставлял неизменно сохранявшееся в Византии греко-римское в своей основе право частной собственности и порядки в Западной Европе, где феодализм существенно ограничил исконные римские формы собственности²²⁰.

²¹⁰ D. Zakythinos. *Étatisme byzantin et expérience hellénique*. «Mélanges. H. Grégoire», vol. 2, 1950, p. 674 sq.

²¹¹ Ibid., p. 678 sq.

²¹² D. Zakythinos. *Byzanz und die europäische Einheit im Mittelalter*. «Internationales Jahrbuch für Geschichtsunterricht», Bd. 4, 1955, S. 7f., 20.

²¹³ Ibid., S. 8.

²¹⁴ Ibid., S. 14. Этот тезис был развит Закифиносом в корреферате к докладу Э. Кирстена («Berichte zum XI. Byzantinisten-Kongress». München, 1958, S. 48 f.).

²¹⁵ D. Zakythinos. *Byzanz und die europäische Einheit*..., S. 15.

²¹⁶ Ibid., S. 21.

²¹⁷ Ibid., S. 15.

²¹⁸ Ibid., S. 9, 14, 21.

²¹⁹ I d e m. *Tò Byzántion metaxú 'Anatolḗs kai Áussēs*, ΕΕΒΣ, т. 28, 1958, σελ. 384.

²²⁰ Ibid., p. 383.

Разумеется, было бы неверно полагать, что в 30-е и 40-е годы все издатели византийских актов приходят к признанию византийского феодализма. Хотя теперь все чаще издание актов сопровождается обширным комментарием, там не всегда поднимаются большие проблемы социально-экономического развития. Так, в комментариях французского издателя С. Бинона преимущественное место занимали просопографические исследования и лишь мимоходом делались замечания о поземельных отношениях в Византии²²¹. Более существенные заметки по аграрным вопросам, и особенно по истории податного обложения, мы встретим в комментариях П. Аликсандера²²² и М. Ласкариса, занимавшегося преимущественно южнославянскими грамотами²²³. Точно так же проблема византийского феодализма не затрагивается, как правило, в специальных статьях о византийской податной системе²²⁴. М. А. Андреева, не упоминая о византийском феодализме, выдвинула, однако, чрезвычайно важную мысль, которая в какой-то мере близка к тезису Соловьева об элементах прогрессивного в феодализме. В отличие от большинства западных исследователей, представляющих себе последние столетия византийской истории как полосу сплошного упадка, Андреева пришла к выводу о подъеме земледелия в Морейском княжестве XV в.²²⁵ — к выводу, который, к сожалению, не оказал влияния на последующую историографию. Наконец, примерно в это же время Лефевр де Ноэтт поднял вопрос об экономических предпосылках исчезновения античного рабства. Впрочем, он решал эту проблему упрощенно, сводя все дело к изменению форм упряжки животных; применение в Византии античной системы упряжек объясняет (так думал Лефевр де Ноэтт) длительное сохранение здесь рабского труда²²⁶.

После перевода на английский язык статьи Васильева, после выхода в свет работ Соловьева, Мошина, Дэльгера, Руйар западноевропейские и

²²¹ St. Binon À propos d'un prostagma inédit d'Andronic III Paléologue. BZ 38, 1938, S. 397 f. Cp. idem. Les origines légendaires et l'histoire de Xéropotamou et de St. Paul de l'Athos. Louvain, 1942 (нам недоступно). Для того, чтобы получить представление об исследовательской манере Бинона, достаточно сравнить его большую рецензию на издание лаврских актов, подготовленное Руйар и Колломом (St. Binon. Byz., vol. 12, 1937, p. 607—625), со статьей Дэльгера, посвященной тем же актам. Бинон ограничивается чисто дипломатическими вопросами, поправками к тексту и дополнениями к библиографии. Дэльгер же и в этой статье (F. Dölger. Zur Textgestaltung der Lavra-Urkunden...), как, впрочем, и в большинстве своих комментариев к документам, после внешней критики переходит (и это для него главное) к анализу новых данных для внутренней истории Византии.

²²² P. J. Alexander. A Chrysobull of the Emperor Andronicus II Palaeologus in Favour of the See of Kanina in Albania. Byz., vol. 15, 1940—1941.

²²³ Проблемы византийского обложения затронуты им в издании: М. Ласкарис. Ватопедската грамота на царь Иван Асеня. София, 1930 (ср. также М. Ласкарис. Actes serbes de Vatopedi. BS, vol. 6, 1936). О византийской дипломатике: idem. Influences byzantines dans la diplomatie bulgare, serbe et slavo-roumaine. BS, vol. 3, 1931. Вопросы датировки, просопографии и топонимики преобладают в первоклассном комментарии Ласкариса к греческим актам Иоанна Уроша: М. Ласкарис. Deux chartes de Jean Uroš, dernier Némánide. Byz., vol. 25—27, 1957.

²²⁴ См., например, Th. Sathurik. Γουβελαιτικόν. BS, vol. 2, 1930; idem. Пись. BS, vol. 6, 1935—1936. Точно так же и историк церковного права Э. Герман в статье, посвященной церковным бенефициям, не рассматривает вопроса о византийском феодализме, упоминая, впрочем, о развитии хозяйства, основанного на труде париков (E. Herman. Zum kirchlichen Beneficialwesen im byzantinischen Reich. «Atti del V Congresso intern. di studi bizantini», vol. I. Roma, 1939, p. 671).

²²⁵ М. А. Андреева. Торговый договор Византии и Дубровника и история его подготовки. BS, vol. 6, 1935—1936, p. 114 sq. Cp. М. А. Андреева. Le traité de commerce entre Byzance et Dubrovnik et sa préhistoire. Byz., vol. 10, 1935.

²²⁶ Lefèvre de Noëttes. Le système d'attelage du cheval et du boeuf à Byzance. «Mélanges Ch. Diehl», vol. I, Paris, 1930. Вопрос о византийском рабстве был предметом статьи И. Сакнзова (И. Сакъзов. Една новела на Алексея Комнин за роби-българи. «Сб. в честь на В. Златарски». София, 1925).

американские византилисты все смелее обращаются к проблеме феодализма. Английский историк С. Рэнсимен в книге о византийской культуре, опубликованной в 1933 г., посвятил несколько страниц характеристике аграрных отношений. По мнению Рэнсимена, в Византии существовали рабы (по крайней мере до XII в.)²²⁷, а также сервы и свободные держатели в поместьях знати²²⁸; свободные крестьяне-общинники были постепенно прикреплены к земле²²⁹. Рэнсимен признает в принципе изменение социально-экономических отношений на протяжении тысячелетней истории Византии²³⁰; в частности, вслед за Константину и Штейном он допускает, что в конце VI—VII в. произошла перестройка аграрных порядков, в результате чего в деревне стали преобладать свободные общины²³¹. К этому же времени Рэнсимен относит и упадок старой аристократии, считая, однако, что со второй половины IX в. начинается рост земельных владений знати — сперва в Малой Азии, затем в европейских областях²³².

Мы могли бы поставить Рэнсимену в упрек чрезмерную идеализацию византийских порядков, в результате которой под его пером даже податной сборщик превращается в друга голодающего народа²³³; ему свойственны нередко наивные утверждения: например, отсутствие крупной земельной собственности в VII—IX вв. он связывает с непрочностью капиталовложений в землю²³⁴, а прикрепленность свободного сельского населения к земле объясняет тем, что государство не любило (*disliked*) запустения земель²³⁵. И все же в беглой характеристике аграрных порядков мы найдем у Рэнсимена немало трезвых оценок (роль рабства, признание аграрных преобразований VII в.). О феодализме Рэнсимен в книге говорит лишь мимоходом и вне связи с анализом крестьянской зависимости²³⁶; значительно больше внимания он уделил этой проблеме в статье 1940 г. Здесь историк признал существование феодальных отношений как в Малой Азии, так и на Пелопоннесе; процесс феодализации не сводится для Рэнсимена только к установлению вассальных связей (так узко понимали феодализм и Дэльгер, и Штейн), но состоит и в образовании крупных поместий, причем, в отличие от прежней работы, Рэнсимен считает, что на Пелопоннесе благоприятные условия для феодализации сложились сравнительно рано, еще до IX в., благодаря славянским вторжениям, тогда как в Малой Азии, находившейся под более пристальным вниманием государственного аппарата, крупные феодальные фамилии начинают играть значительную роль несколько позднее²³⁷. Можно отметить некоторую нечеткость в постановке Рэнсименом проблемы феодализма (вопрос о феодальной природе ренты не ставится вовсе, и потому не проведено разграничение между рабскими и феодальными формами эксплуатации; феодальная вотчина изображается хозяйством, рассчитанным на производство товарной продукции), однако для того времени трактовка византийского феодализма как экономической категории была новой и плодотворной.

²²⁷ St. R u n c i m a n. *Byzantine Civilisation*. London, 1936 (первое издание — 1933), p. 200 f. (издание 1956 г. сокращено за счет сносок).

²²⁸ Ibid., p. 207.

²²⁹ Ibidem.

²³⁰ Ibid., p. 179.

²³¹ Ibid., p. 207.

²³² Ibid., p. 193—195.

²³³ Ibid., p. 209, ср. *ibid.*, p. 200, 219 f. Особенно идеализирует Рэнсимен религиозность в Византии (*ibid.*, p. 211 f., 221).

²³⁴ Ibid., p. 193.

²³⁵ Ibid., p. 207.

²³⁶ Ibid., p. 194, 204.

²³⁷ St. R u n c i m a n. *The Widow Danelis*. «Études dédiées à la mémoire d'A. M. Andréadès». Athènes, 1940, p. 428—430. Возражения Дэльгера (F. D ö l g e r. ВЗ, 41, 1941, S. 254) не касаются проблемы феодализма.

К сожалению, представление о феодализме как об экономической категории, мимоходом брошенное в маленькой статье Рэнсимена, не получило признания в западной византистике, равно как не получила там признания идея Соловьева о прогрессивных элементах в феодальном строе. Начиная с середины 40-х годов появилось большое количество работ, где, напротив, византийский феодализм рассматривался как определенная система политической организации общества, приводящая к распаду государства. Авторы этих работ — в отличие от Дэльгера, Руйар, Мошина и Соловьева — не были специалистами в области дипломатики и палеографии; редко когда они направляли свои усилия на решение частных вопросов или на выяснение значения тех или иных терминов; их библиографические ссылки далеко не так полны, как у Дэльгера, а анализ привлеченных документов далеко не так строг и четок. И все же работы ученых этого направления способствовали упрочению в западной византистике представления о существовании византийского феодализма. Это направление, которое мы могли бы условно назвать политико-социологическим, получило распространение преимущественно в США.

В 1946 г. в датском историческом журнале появилась статья Дж. Данструпа, посвященная вопросу о соотношении между императорскими и частновладельческими землями. Хотя статья написана преимущественно по литературе (в основном на базе работ Острогорского и Дэльгера) и актовый материал в ней практически не использован, она содержит несколько интересных мыслей и затрагивает вопросы, не привлекавшие до тех пор внимания византистов.

По мнению Данструпа, на VII и VIII столетия приходится освобождение крестьянства; этот социальный переворот произошел, однако, не в короткое время, как думал Константинеску, а в ходе длительного и сложного процесса. В результате неудачных войн территория империи значительно сократилась, и масса крестьян переселилась в сохранившиеся области; к тому же на византийскую территорию вторглись соседние племена, прежде всего славяне. То и другое способствовало резкому возрастанию количества свободной рабочей силы, и государство перестало прибегать к принудительному прикреплению крестьян к земле²³⁸. Военная реформа и фискальная реорганизация (отделение подушного и поземельного налога) явились *следствием*, а не причиной этих социально-экономических перемен²³⁹.

Этот период изобилия свободных рук и преобладания свободного крестьянства был недолгим: уже на рубеже VIII—IX вв. (по мнению Данструпа, в результате арабских набегов) вновь становится острой проблема *запустевших земель*²⁴⁰. При ее решении византийское правительство исходило из старого принципа государственной собственности на землю (*the State's old right to the land*)²⁴¹. Частнособственническая земля рассматривалась как сданная в аренду и при условии неплаты ренты могла быть отобрана²⁴². В соответствии с этим государство вновь вводит систему коллективной фискальной ответственности, но не в форме старой эпиболы (ее не знает «Земледельческий закон»²⁴³), а в виде аллиленгия, который не предполагал передачи земли новому налогоплательщику²⁴⁴.

²³⁸ J. Danstrup. The State and Landed Property in Byzantium to c. 1250. «Classica et Mediaevalia», vol. 8, 1946, p. 234 f.; cp. p. 252 f.

²³⁹ Ibid., p. 253.

²⁴⁰ Ibid., p. 239.

²⁴¹ Ibid., p. 240.

²⁴² Ibid., p. 241.

²⁴³ Ibid., p. 250.

²⁴⁴ Ibid., p. 253.

Рассуждая таким образом, Данструп остается в полной мере в пределах того круга проблем, которые поднимались и решались Константинеску и другими историками в 20-е годы, хотя надо сказать, что он предлагает в некоторых случаях новые решения (например, Данструп расходится со сторонниками фискальной теории в определении причин освобождения крестьянства в VII в.). Интересно также и то, что Данструп возвращается к представлению Ж. Платона относительно верховной собственности государства на землю²⁴⁵.

В следующей части работы, где Данструп затрагивает проблемы истории X—XIII вв., он поднимает проблему феодализма. По мнению Данструпа, корни византийского феодализма восходят к X в.; деятельность Мануила Комнина значительно способствовала укреплению феодальных тенденций; Никейская империя прямо названа феодальной (а *feudal empire*). Важнейшим средством распространения феодальных порядков служили пожалования иммунитета и система проний, развивавшаяся с XI в.²⁴⁶ Данструп отмечал быстрый рост церковного землевладения в XI—XIII вв. и раздачу церквам иммунитетных привилегий, однако указывал, что императоры и светская знать компенсировали себя с помощью харистики²⁴⁷.

Таким образом, Данструп усматривал феодализм лишь в сфере политической надстройки и не касался, в отличие от Руйар, судеб зависимого крестьянства; к тому же он почти совершенно оставил в стороне актуальный материал, что значительно обедняло его аргументацию. Важный тезис о государственной собственности на землю историк обосновывал лишь двумя соображениями:

1) в «Трактате об обложении» государственный налог (канон) иногда отождествляется с пактом, т. е. с рентой государственных зависимых держателей (*copy-hold rent from the state copyholders*);

2) в Византии сохранялась заимствованная с Востока система эмфитевсы²⁴⁸.

Не рассматривая здесь справедливости каждого из этих наблюдений, мы хотим лишь отметить, что их недостаточно для аргументации столь ответственного тезиса.

Несколько по-иному подошел к проблеме феодализма американский византист, ученик Васильева П. Харанис, опубликовавший в 40—50-е годы ряд исследований по социальной истории Византии. Подобно Данструпу, он сразу же начал с генерализирующей работы, однако привлек для своих обобщений более широкий материал источников. В 1945 г. появилась статья Хараниса «О социальной структуре Поздней Римской империи», где он наметил основные линии аграрного развития Византии в VII—XI вв. По его мнению, характерным для общественной жизни империи в VII в. стало распространение свободной общины; это была община, члены которой являлись индивидуальными собственниками земли; она образовывала фискальное единство²⁴⁹. Констатируя это положение, выдвинутое еще сторонниками фискальной теории, Харанис ставит вопрос о причинах аграрных перемен; в понимании этих причин он расходится с Константинеску. По мнению американского историка, система податного обложения

²⁴⁵ См. G. P l a t o n. *Observations sur le droit de propriété en droit byzantin*. Paris, 1906, p. 87sq.

²⁴⁶ J. D a n s t r u p. *Op. cit.*, p. 229 f. Cp. i d e m. *Manuel I's Coup against Genoa and Venice in the Light of Byzantine Commercial Policy*. «Classica et Mediaevalia», vol. 10, 1949, p. 201.

²⁴⁷ I d e m. *The State and Landed Property...*, p. 231—233.

²⁴⁸ Ibid., p. 241 f.

²⁴⁹ P. C h a r a n i s. *On the Social Structure of the Later Roman Empire*. Byz., vol. 17, 1944—1945, p. 44

в VII в. не имела принципиальных отличий от Диоклетиановой системы, следовательно, нельзя понять, почему в одном случае фискальные интересы вели к закреплению, в другом — к освобождению сельского населения. Причину этих перемен он ищет, следуя в значительной мере за Острогорским, в опасном внешнеполитическом положении империи в VII в. и в военно-административных реформах Ираклия и его преемников²⁵⁰. В результате этих реформ сложилось «общество мелких земельных собственников и ремесленников (society of small farmers and of artisans)»²⁵¹, носившее демократический облик. Однако с X в. земельная аристократия выступила с политическими и экономическими притязаниями, захватывая земли мелких собственников и присваивая руководящую роль в армии. Поэтому императоры XI в. в своей борьбе против знати стремились прежде всего вытеснить ее из войска, заменяя аристократов наемниками. Борьба между аристократией и новой группировкой гражданских чиновников, а также пренебрежительное отношение правительства к войску привели в конечном итоге к ослаблению армии и разгрому при Манцикерте²⁵².

В этой работе Харанис, подобно Данструпу, оставался еще в кругу тем и источников, которые разрабатывались в 20-е годы; естественно, что и концепция его уходила своими корнями в идеи 20-х годов, приближаясь к концепции Штейна. Действительно, мы найдем у Штейна представление и о «демократическом» строе византийского общества, и об антимилитаристской политике императоров XI в., и, наконец, о сохранении римской податной системы на всем протяжении VII столетия (хотя Штейн все-таки думал, что податная реформа была проведена при Юстиниане II).

В последующих работах Харанис все более отходит от этих традиций — сперва по тематике, затем и по решению некоторых принципиальных проблем. Уже в конце только что разобранный статьи Харанис выдвинул тезис (весьма характерный для идеологов империализма) о том, что история Византии определялась двумя основными факторами — войной и религией²⁵³, но проследил в работе лишь воздействие первого из них: историк считал, что военные неудачи и отношение императоров к войску определяли судьбы империи. В 1948 г. он опубликовал другую статью, где ставил своей целью показать, как религиозность византийского общества и присущая византийцам наклонность к монашеской жизни обусловили неудачу политики императоров, стремившихся воспрепятствовать росту монастырского землевладения²⁵⁴. В этой работе автор лишь кратко остановился на истории византийского общества VII—X вв., повторив данную им раньше характеристику эпохи. При изучении истории последующих столетий Харанис в отличие от Данструпа опирался на византийские грамоты. Он уделял пристальное внимание таким институтам, как экскуссия²⁵⁵, харистикий и прония. Примечательно при этом, что он считал харистикий нормальным учреждением византийского общества, а не злоупотреблением, и поэтому отказывался видеть в нем изобретение императоров-иконоборцев²⁵⁶. Прония, по мнению Хараниса, представляла собой пожалование не земли (not of the actual land), но лишь доходов с земли²⁵⁷; поэтому парики прониаров отличались от обычных париков тем, что могли

²⁵⁰ P. Charanis. Op. cit., p. 47 f.

²⁵¹ Ibid., p. 51.

²⁵² Ibid., p. 54—56.

²⁵³ Ibid., p. 57.

²⁵⁴ P. Charanis. The Monastic Properties and the State in the Byzantine Empire. DOP, 4, 1948, p. 118 (см. рецензию: M. Paulová. BS, vol. 10, 1949, p. 299 sq.).

²⁵⁵ P. Charanis. The Monastic Properties.... p. 65 f.

²⁵⁶ Ibid., p. 80; ср. p. 75.

²⁵⁷ Ibid., p. 88.

сохранять свою собственность на землю²⁵⁸. Изучение этих институтов привело Хараниса к следующему выводу (впрочем, сделанному уже до него Штадтмюллером и некоторыми другими учеными): завоевание Византии крестоносцами не вызвало коренной перемены в социальной структуре общества, ибо крестоносцы нашли здесь порядки, аналогичные тем, которые существовали на Западе²⁵⁹.

Харанис изучал также императорскую политику в отношении монастырского землевладения. По его мнению, императоры X в. стремились ограничить рост монастырских земель. «В XI в. речь уже шла не об ограничении размеров этих владений, но лишь об использовании их в интересах государства»²⁶⁰. Эта точка зрения, кстати сказать, совпадает с мыслью, высказанной Данструпом. Харанис останавливается, наконец, на политике императоров XIV в., пытавшихся конфисковать монастырские земли, в частности на передаче половины монастырских земель пропиарам после поражения 1371 г.²⁶¹

В следующей статье Харанис анализировал положение светской аристократии XIII в. и еще резче подчеркнул тот вывод, который был сделан им раньше, — о сходстве социальной структуры Византии с общественными отношениями на Западе²⁶². Процесс феодализации (для Хараниса его содержание покрывается политикой земельных раздач) начался в XI в. и был ускорен при Михаиле VIII Палеологе²⁶³.

В двух последних рассмотренных нами работах Харанис касался почти исключительно судеб господствующего класса и процесс феодализации ограничивал изменением положения землевладельческой знати. О крестьянах он упоминал мимоходом, ограничиваясь, как правило, абстрактной формулировкой «мелкие собственники». Вопрос о конкретных формах крестьянской собственности, зависимости и рентных отношений в первых статьях еще не был поставлен. Однако уже очень скоро Харанис приступил к разработке и этой проблемы.

В 1951 г. он опубликовал работу, посвященную характеристике византийской деревни и города. Повторив в ее первых разделах выводы, сделанные им в предшествующих статьях, он перешел далее к судьбам поздновизантийского крестьянства. Автор ставит два основных вопроса:

1. Существовало ли свободное крестьянство в последний период византийской истории?

2. Каковы были категории зависимых крестьян?

Отвечая на первый вопрос, Харанис провел анализ терминов (эпик, ктитор, элевтер и т. д.), в которых некоторые исследователи хотели видеть обозначения свободных крестьян, и показал, что метод филологического анализа терминологии, примененный его предшественниками, не дал убедительных результатов. Выяснив слабость их аргументации, он, тем не менее, признал, что некоторое число свободных крестьян все же могло сохраняться в Византии; основанием для этого утверждения служили ему в первую очередь документы, изданные в конце XIX в. кардиналом Питрой: они относились к Эпиру XIII в.²⁶⁴

²⁵⁸ Ibid., p. 90.

²⁵⁹ Ibid., p. 93.

²⁶⁰ Ibid., p. 82.

²⁶¹ Ibid., p. 111—116.

²⁶² P. Charanis. The Aristocracy of Byzantium in the XIIIth Century. «Studies in Roman Economic and Social History in Honor of A. Ch. Johnson». Princeton, 1951, p. 339 f.

²⁶³ Ibid., p. 352.

²⁶⁴ P. Charanis. On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire in the XIIIth Century and Later. BS, vol. 19, 1951, p. 123 f. (ср. заметку Дэльгера: BZ, 45, 1952, S. 475 f.). К сожалению, Харанис не использовал посвя-

Анализ положения зависимого крестьянства, проделанный Харанисом, менее интересен, так как в этой части работы американский ученый прибег к тому самому методу филологического истолкования терминов, который только что подверг основательной критике. Отвергнув теорию Мошина о византийском серваже, он утверждал, что византийские зависимые крестьяне разделялись на париков и дулевтопариков²⁶⁵: первые отбывали повинности, которые лежали на их земле, и обладали элементарными владельческими правами²⁶⁶, вторые были свободными бедняками, выполнявшими повинности в пользу крупного собственника²⁶⁷.

В 1953 г. Харанис вновь выступил с обобщающей работой, в которой, опираясь на свои предшествующие исследования, попытался выяснить экономические причины падения Византийской империи. Он начал статью с повторения старого вывода о том, что война и религия формировали характер византийского общества²⁶⁸, но на сей раз эта идея, почерпнутая из арсенала апологетов империализма, не повлияла на конкретное изложение фактического материала. В рассматриваемой статье Харанис не социальный строй выводил из военных неудач и военных реформ, а наоборот, военные неудачи объяснял исходя из социальных условий. Говоря о поражениях XI в., он прямо писал, что они объясняются социально-экономическими условиями жизни Византии XI в.: «Сам Манцикерт явился результатом этих условий»²⁶⁹. В XIV в., продолжал Харанис, бедственное экономическое положение народа было важным фактором социальной и политической борьбы, которая потрясла империю и открыла дорогу туркам²⁷⁰.

Таким образом, изучение внутренней жизни империи привело Хараниса, вопреки его ошибочной методологической посылке, к выводу, что экономическое развитие общества определяло его внешнеполитические успехи и неудачи.

Третьим ученым, выступившим примерно в это же время с обобщающей статьей, был американский византист К. М. Сеттон, специализировавшийся по истории средневековых Афин. Его статья об аграрных отношениях в империи IV—XII вв., не являющаяся оригинальным исследованием, интересна как показатель того, что представления о византийском феодализме становятся все более распространенными на Западе. Подобно большинству современных исследователей, Сеттон признает, что в VII в. произошли крупные социальные перемены, которые он связывает с вторжением славян и других народов. С одной стороны, «поместья были разграблены, податные списки уничтожены, а колоны (serfs) разбежались в беспорядке». С другой — податная реформа (отделение подушного от поземельного налога) уничтожила предпосылки прикрепления крестья-

ценную этим памятникам работу болгарского историка Д. Ангелова «Принос към народността и поземелни отношения в Македония (Епирския деспотат) през първата четвърт на XIII век». «Известия на Камарата на народна култура. Серия: Хуманитарни науки», т. IV, 1947, № 3.

²⁶⁵ P. Charanis. Of the Social Structure..., p. 144.

²⁶⁶ Ibid., p. 134 f.

²⁶⁷ Ibid., p. 141.

²⁶⁸ P. Charanis. Economic Factors in the Decline of the Byzantine Empire. «Journal of Economic History», vol. 13, 1953, № 4, p. 413.

²⁶⁹ Ibid., p. 415. Эту мысль он развил затем в написанной для пенсильванской «Истории крестовых походов» главе о Византийской империи XI в., где писал, что распад империи был подготовлен разорением крестьянства и борьбой двух группировок господствующего класса, ослабившей армию (A History of the Crusades, vol. I. Philadelphia, 1955, p. 207). Вопрос о социальных причинах упадка Византии в XI в. был рассмотрен также в статье: S. Vryonis. Byzantium. The Social Basis of Decline in the XIth Century. «Greek, Roman and Byzantine Studies», vol. 2, 1959 (нам недоступно).

²⁷⁰ P. Charanis. Economic Factors..., p. 420.

нина к земле²⁷¹. Следовательно, «Земледельческий закон» отражает не «мифическое славянское обычное право», но те общественные условия, которые создались в результате вторжений славян, протоболгар и других народов²⁷².

И далее Сеттон держался в основном традиционных представлений: с X в. проявляет себя византийская знать (*gentry*), которая вступает в борьбу со свободной общиной; в XI в. династы одерживают победу, опираясь на такие институты, как иммунитет, фьеф и патронат — «разъедающие элементы» общества XI—XII вв.²⁷³ Сеттон неоднократно говорил о росте византийского феодализма с XI в.; по его мнению, накануне IV крестового похода византийцы были хорошо подготовлены к принятию западных концепций фьефа и вассалитета, поместья и крепостного права (*manor and serfdom*)²⁷⁴. В правление династии Ангелов феодализм, по его мнению, сделался, пожалуй, господствующим фактором политической и социальной жизни империи²⁷⁵.

Еще большее место проблеме феодальных отношений в Византии уделяет Дж. Линдсей в книге, посвященной общей характеристике византийской истории и культуры. Вслед за большей частью современных ученых Линдсей рассматривает введение фемной системы (которое он относит к VII в.) как начало нового этапа в аграрном развитии империи²⁷⁶. При этом, однако, Линдсей подчеркивает, что одновременно с установлением фемной организации и «во многих отношениях обуславливая» создание фем, происходило — в результате вторжения варваров (прежде всего славян) — возрождение свободной сельской общины²⁷⁷; иначе говоря, община для него — не результат административной реформы, а, напротив, в какой-то мере ее предпосылка.

Впрочем, в оценке природы византийской общины Линдсей остается на позициях фискальной теории, следуя преимущественно Эшбернеру и Вернадскому; он считает, что деревня была «фискальным единством», хотя и признает существование общих угодий и семейной собственности на наделы; он полагает, что нормы «Земледельческого закона» восходили к египетской практике. Вместе с тем, согласно Линдсею, крестьяне не имели права свободного перехода и подвергались эксплуатации крупных собственников, «лендлордов»²⁷⁸. В условиях существования централизованного государства византийская община послужила лишь новым средством для укрепления государственной мощи, тогда как на Западе община делалась ячейкой сепаратизма²⁷⁹.

Начало феодального развития Линдсей относит еще ко времени Константина V, когда создаются первые элементы феодального держания; Византию эпохи иконоборчества он характеризует как феодальное государство²⁸⁰. Подчеркивая рост крупной земельной собственности и появление новой знати в X в., Линдсей, однако, остается на почве традиционных объяснений этого процесса: подобно Острогорскому и Андреадису, он ищет разгадку бурного роста династского землевладения в стремлении

²⁷¹ K. M. Setton. On the Importance of Land Tenure and Agrarian Taxation in the Byzantine Empire from the IVth Century to the IVth Crusade. *AJP*, vol. 74, 1953, № 3, p. 232.

²⁷² *Ibid.*, p. 232 f., 236.

²⁷³ *Ibid.*, p. 240—245.

²⁷⁴ *Ibid.*, p. 253 f., 259.

²⁷⁵ *Ibid.*, p. 258.

²⁷⁶ J. Lindsay. *Byzantium into Europe*. London, 1952, p. 137 f.

²⁷⁷ *Ibid.*, p. 139.

²⁷⁸ *Ibid.*, p. 139 f.

²⁷⁹ *Ibid.*, p. 141.

²⁸⁰ *Ibid.*, p. 143 f.

богатых людей вложить свое состояние в землю²⁸¹; законодательство императоров Македонской династии он расценивает как неудавшуюся попытку приостановить процесс феодализации²⁸².

Огромное значение Линдсей придает институту прони. Вместе с характеристикой прония появляется уже на страницах книги, посвященных императорам-иконоборцам²⁸³; прония усиливается в X в., когда, оказывается, прониары получали земли от государства и раздавали их держателям на определенных условиях²⁸⁴. В XII в. владения прониаров превратились в независимые округа, где господин обладал судебными и административными правами, и стали наследственными²⁸⁵.

Конечно, в работе Линдсея, написанной не на основании источников, а по литературе, нередко устаревшей, немало ошибок и неточностей. В частности, совершенно фантастической является нарисованная им картина развития пронии: достаточно сказать, что о пронии до конца XI в. мы совершенно ничего не знаем. Однако стремление Линдсея наметить основные черты сходства византийской аграрной и социальной истории с историей государств Западной Европы заслуживало всяческого внимания. При этом нужно отметить, что Линдсей использовал работы советских византистов²⁸⁶.

Таким образом, к началу 50-х годов в западноевропейской и американской византистике определенным образом наметилась тенденция к признанию прав гражданства за понятием «византийский феодализм»²⁸⁷. Правда, западные византисты понимали феодализм значительно уже, нежели это принято в советском византиноведении, — лишь как определенную политическую структуру, характеризующуюся в первую очередь иерархической формой собственности и ленными отношениями. Однако такое ограниченное словопотребление не должно заслонять того обстоятельства, что некоторые из западных ученых стали склоняться к признанию принципиального сходства поместного строя, сеньории, в Византии и на Западе.

Казалось бы, признание принципиального сходства византийского поместья и западноевропейской сеньории неминуемо должно поставить перед исследователями ряд существенных вопросов — о феодальной ренте, о правовой и имущественной дифференциации крестьянства, о владельческих правах зависимого крестьянина. На первых порах, однако, эти вопросы либо вовсе не ставились, либо решались в самом обобщенном виде.

²⁸¹ J. Lindsay. *Byzantium into Europe*, p. 149.

²⁸² Ibid., p. 152.

²⁸³ Ibid., p. 144.

²⁸⁴ Ibid., p. 152.

²⁸⁵ Ibid., p. 164.

²⁸⁶ См. объективный разбор книги в рецензии Г. Эверт-Каппесовой (BS, vol. 15, 1954, p. 241—244). Ср. С. Bărbulesco. «Glasul Bisericii», vol. 10, 1958, p. 901—903. Высоко оценивает книгу Линдсея и Закифинос (D. A. Zakynthinos. *Byzanz und die europäische Einheit...*, S. 11, 15).

²⁸⁷ См. E. N. Kantorowicz. *Feudalism in the Byzantine Empire*. «Feudalism in History». Princeton, 1956. Ср. также R. Bouché. *Histoire des institutions. Moyen-Age*. «IX-e Congrès intern. des sciences historiques», vol. I, Paris, 1950, p. 466 (Византия здесь характеризуется как une société semi-féodalisée). К сожалению, работа А. Диомидиса (A. Diomidis. *Δουκὴς καὶ βυζαντινὸς φεουδαλισμός*. «Νέα Ἑστία», т. 50, 1951) осталась нам недоступной. Вопрос о феодальном праве в Византии XV в. ставит А. Диомидис в статье, посвященной хрисовулу Константина XII от 1449 г. (A. Diomidis. *Τὸ χρυσόβουλλον Κωνσταντίνου τοῦ Παλαιολόγου καὶ τὸ φεουδαλικὸν δίκαιον εἰς τὸ Βυζάντιον*. «Πρακτικὰ Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν», т. 19, 1947). Ср. также A. N. Diomidis. *Οἰκονομικαὶ περιπέτειαι τοῦ παρακμάζοντος Βυζαντίου*. «Επιθεώρησις κοινωνικῆς καὶ δημοσιακῆς οἰκονομίας», т. 3/4, 1939 (см. заметку: F. Dölger. BZ, 40, 1940, S. 292). Об установлении феодальных порядков в Греции VIII—IX вв. мимоходом упоминал Д. Паллас, связывавший это явление с разрушением сельской общины и натурализацией хозяйства (D. Pallas. *Τὰ αρχαιολογικὰ τεκμήρια τῆς καθόδου τῶν βαρβάρων εἰς τὴν Ἑλλάδα*. «Ἑλληνικά», т. 14, 1955, σελ. 95).

Принципиальное признание византийского феодализма заставляло пересмотреть многие традиционные воззрения. В частности, привычное представление о господстве в Византии римских форм собственности трудно было примирить с признанием византийского феодализма: нельзя считать удачным предложенное Закифиносом решение, когда феодальные институты допускаются бок о бок с частнособственническими нормами римского права. Если вопрос о иерархической структуре собственности представителей господствующего класса время от времени всплывал в трудах западных историков, то проблема противоречивости и двойственности крестьянского феодального владения по сути дела ими не ставилась. Как могло получиться, что крестьянин по своему распоряжался своим наделом, то оказывался под властью своего господина? Дэльгер предлагает столь же механистическое решение этой проблемы, как и Закифинос — по вопросу о соотношении римского и феодального права: Дэльгер вводит особую категорию «переходного», «промежуточного» крестьянства, так называемых ипостатиков, у которых часть владений состояла из свободных наделов, часть же — из господской земли²⁸⁸.

Признание византийского феодализма, естественно, требовало пересмотра и традиционного представления о всемогуществе византийского самодержавия. В частности, заколебалась фискальная теория — но ее критика дала на первых порах ограниченные результаты. По-прежнему западные исследователи видели в государственной власти самодовлеющую творческую силу, способную своими реформами преобразовать социально-экономическую структуру общества: именно с творческой ролью императоров VII в. продолжали связывать изменения аграрного строя. Правда, все исследователи должны были признать, что императорам Македонской династии не удалось осуществить мероприятия, направленные против крупной земельной собственности, но это обстоятельство не нарушало оптимистической уверенности западных византинистов во всемогуществе константинопольских василевсов.

Изучение аграрной политики императоров Македонской династии занимало значительное место в трудах западных ученых. Однако эта проблема ставилась и решалась на традиционном материале источников (прежде всего — императорские новеллы) и по существу в традиционном плане — с тем только отличием, что русские византинисты конца XIX в. видели в македонских императорах защитников общины и свободного (по преимуществу — славянского) крестьянства, тогда как в изображении западных византиноведов середины XX столетия эти императоры оказывались защитниками абстрактной идеи государственности и общего блага против крупных собственников — носителей принципа раздробленности, т. е. феодализма. Признавая иногда, что аграрная политика отдельных императоров отвечала интересам известных политических групп²⁸⁹,

²⁸⁸ F. Dölger. *Sechs byzantinische Praktika...*, S. 20f. Cp. idem. *De Feudalismus...*, S. 191.

²⁸⁹ Так именно ставится вопрос в работе Э. Баха (E. Bach. *Les lois agraires byzantines du X-e siècle*. «Classica et mediaevalia», vol. 5, 1942. См. о ней: BZ, 43, 1950, S. 156). Нам осталась недоступной статья: A. N. Diomidis. «Η πολιτική τῆς Μακεδονικῆς δυναστείας κατὰ τῆς μεγάλης ἰδιοκτησίας. Τὰ αἵτια. «Ελληνικά», т. 11, 1939 (= A. N. Diomidis. *Βυζαντινὰ μελέται*, т. 1. Ἀθήναι, 1942, σελ. 1—116). С вопросом о законодательстве императоров Македонской династии тесно переплетается проблема протимисиса, которой были посвящены две специальные статьи итальянских ученых (обе остались нам недоступными): E. Bussi. *Ricerche intorno alle relazioni fra retratto bizantino e musulmano*. «Pubblicazioni della Università cattolica del Sacro Cuore. Sc. giurid.», vol. 41, 1933 (см. рецензию: R. Guillard. «Annales d'histoire économiques et sociales», vol. 6, 1933, № 28, p. 426 sq.); M. Bellomo. *Il diritto di prelazione nel Basso Impero*. «Annali di storia del diritto», vol. 2, 1958.

западные византилисты, однако, не ставили вопроса о ее классовой направленности.

Понимание феодализма как децентрализации и упадка было, как мы уже видели, господствующим в литературе этих лет, и лишь крайне редко выдвигался тезис о прогрессивности отдельных элементов феодального строя.

Короче говоря, признание феодализма явилось прогрессивной тенденцией западного византиноведения. Но признать феодализм в общем виде было недостаточно. Его надлежало исследовать. Это исследование неминуемо должно было привести к появлению новых точек зрения и к отказу от многих традиционных представлений.

4

Начало глубокому изучению феодализма было положено в новых работах Острогорского, вышедших в 40-е и 50-е годы. При этом Острогорский не ограничился применением терминов «феодализма», «феодальный» к таким учреждениям, как прония или иммунитет (подобные определения мы могли встретить уже у А. Ф. Гфрэрера и Яковенко): он был первым византинистом на Западе, который заговорил о феодальном поместье и феодальной ренте.

Уже в статье о ценах и заработной плате в Византии²⁹⁰ Острогорский широко пользовался данными деловых документов (главным образом по изданию Миклошича и Мюллера). С конца 40-х годов выходит ряд его работ, основанных преимущественно на актовом материале.

В 1947 г. он опубликовал небольшую статью, посвященную крестьянскому праву предпочтения X в. Опираясь на несколько актов монастыря св. Андрея в Перистерях, изданных Руйар и Колломом, Острогорский показал, с помощью каких приемов динаты захватывали земли крестьян и стратиотов. Новая по характеру источников, эта статья по своей тематике и выводам еще в полной мере примыкает к ранним работам Острогорского: он утверждал, в частности, что византийское государство X в. защищало мелких собственников, а феодализм понимал лишь как систему политической децентрализации²⁹¹.

Однако уже в следующем году вышла работа Острогорского, знаменующая решительный поворот в методах исследования и воззрениях этого видного византиниста²⁹². Она была посвящена анализу всей совокупности византийских описей (практиков XI—XV вв.), причем Острогорский широко применял сводные таблицы²⁹³, стремился выяснить локальные различия²⁹⁴ и определить пути эволюции отдельных сел и даже отдельных семей²⁹⁵. Тем самым он осуществлял принципы, выдвинутые в свое время Мошиным.

Одно обстоятельство выгодно отличало работу Острогорского от трудов Дэльгера и Мошина: Острогорский выступал именно как историк, а не как филолог и в своем толковании терминов стремился исходить из пред-

²⁹⁰ G. Ostrogorsky. Löhne und Preise in Byzanz. BZ, 32, 1932.

²⁹¹ G. Ostrogorsky. The Peasant's Pre-emption Right. An Abortive Reform of the Macedonian Emperors. JRS, vol. 37, 1947, p. 117.

²⁹² Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. BS, vol. 9, 1948. Эта статья сразу же была переведена на сербо-хорватский язык (Г. Острогорский. Византиски катастарске књиге. «Историко-правни зборник», т. 2, 1949), а затем и на французский (G. Ostrogorski j. Pour l'histoire de la féodalité byzantine Bruxelles, 1954, p. 259—368).

²⁹³ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 239, 289.

²⁹⁴ Там же, стр. 258.

²⁹⁵ Там же, стр. 263 сл., 277.

ставления о социально-экономических отношениях средневековья. Опираясь именно на общие представления об общественном строе Византийской империи того времени, он критикует историков, видевших в парических платежах государственные налоги²⁹⁶, или тех византийцев, кто, не принимая во внимание особенностей средневековой экономики, но учитывая лишь изолированные факты, отрицал прикрепленность париков к помещечьей земле²⁹⁷.

Всю работу пронизывает представление о феодальной природе византийского поместья, о феодальном характере ренты. Впервые в зарубежной византинистике термин «феодализм» был применен к системе взаимоотношений между землевладельцем и крепостным (до тех пор его относили к сфере политической надстройки). Те экономические порядки, о которых писал уже Дэльгер, обрели теперь свое настоящее имя — феодализм.

Признание феодального характера византийского общества привело Острогорского к постановке вопроса о специфике социальных порядков, в частности о специфике византийской феодальной ренты. Отметив, что феодальная рента в Византии имела по преимуществу денежную форму²⁹⁸, он указывает, что система ее взимания по своей природе «прямо противоположна естественной для нас системе прогрессивного обложения»²⁹⁹. Интенсивное использование источников и наблюдение за локальными различиями позволили Острогорскому поднять еще один новый вопрос — об имущественной дифференциации византийского крестьянства³⁰⁰. Можно было бы отметить еще ряд сделанных им интересных наблюдений — ограничимся лишь одним, поскольку оно свидетельствует об отходе Острогорского от некоторых основных положений фискальной теории. «Под влиянием славянского права, — писал теперь Острогорский, — римский правовой принцип индивидуального преследования преступника стал в Византии со временем заменяться началом коллективной ответственности общины»³⁰¹. Нужно признать, что приведенная здесь формулировка достаточно неопределенна: трудно понять, к какому времени Острогорский относит воздействие славянского права и связывает ли он это воздействие с расселением славян на Балканах и частично в Малой Азии. Но сейчас важно другое: принцип коллективной ответственности общины Острогорский рассматривал теперь как результат не фискальной политики государства, а славянского влияния.

К этой работе Острогорского примыкает несколько более частных исследований, освещающих различные аспекты византийского аграрного строя³⁰². Все они являются по существу подготовительными материалами для создания внутренней истории империи; при всей ценности содержащихся в них наблюдений и выводов эти труды еще не создают картины развития общества. Острогорский сделал очень много, признав общественные отношения в поздней Византии феодальными; но феодализм в его изображении выступал на первых порах несколько статичным. Когда Острогорский приступил к изучению движения феодального общества, он начал с другого конца — с феодальных институтов, а именно с прони.

²⁹⁶ Там же, стр. 232.

²⁹⁷ Там же, стр. 268.

²⁹⁸ Там же, стр. 295.

²⁹⁹ Там же, стр. 276.

³⁰⁰ Там же, стр. 262.

³⁰¹ Там же, стр. 300.

³⁰² Г. Острогорски. Елевтери. Прилог историји селаштва у Византии. «Зборник филозофског фак. универзитета у Београду», т. I, 1949; е го ж е. Размена поседа и селака у хрисовуљи цара Алексеја Комнина светогорској Лаври из 1104 године. «Историјски часопис», т. 5, 1955

Уже в рассмотренной выше статье о византийских описях мы встречаем ряд интересных замечаний о положении крестьян на землях прониаров; вслед затем появилось специальное исследование Острогорского о пронии³⁰³. Развивая принципы, намеченные в предшествующем исследовании, Острогорский рассматривает эволюцию пронии в связи с развитием общественной жизни империи³⁰⁴; в этой работе ученый делает еще один важный шаг вперед: он строжайшим образом придерживается в ней принципа историзма, изучая известия источников о пронии в хронологической последовательности. В результате такого метода исследования историк оказывается в состоянии максимально приблизиться к логике внутреннего развития исторических процессов, а не навязывать им априорную логику; разумеется, этот принцип оказывается действенным лишь при наличии достаточного минимума источников.

Еще до Острогорского многие византилисты стремились к рассмотрению совокупности источников в хронологической последовательности; мы отмечали эту тенденцию у ряда ученых, в частности у Дэльгера. Однако принципиальное отличие метода Острогорского от метода его предшественников состояло в том, что они использовали этот прием для выяснения сходного в явлении (например, Дэльгер доказывал наличие свободной общины во все века византийской истории) и, накапливая аналогичные факты, подчеркивали статичные элементы действительности, тогда как Острогорский, отмечая изменение данного института (пронии), прослеживал именно движение общества.

Применение такого принципа исследования позволило ученому сделать ряд важных наблюдений, в частности осветить эволюцию прониарского землевладения в середине XIV — начале XV в.; прежде этот период в истории пронии был недостаточно изучен. Острогорский пришел к выводу, что земельная собственность монастырей сократилась и половина монастырских владений была передана прониарам; более того, на оставшихся землях монастыри перестали быть полными хозяевами и должны были поступиться частью ренты в пользу прониаров³⁰⁵.

Аналогичный метод исследования был применен Острогорским и в другой работе, посвященной византийскому иммунитету³⁰⁶. Рассматривая одну за другой основные византийские грамоты, упоминающие об иммунитетных правах, Острогорский прослеживает постепенное расширение экскусии-иммунитета. При этом он с полным основанием связывает развитие иммунитета с укреплением феодальных отношений³⁰⁷. Иммунитет — как фискальный, так и судебно-административный — существовал в Византии, как во всяком феодальном государстве³⁰⁸.

³⁰³ Г. Острогорски. Пронија. Прилог историји феудализма у Византији и у јужнословенским земљама. Београд, 1951. Переведено на французский язык: G. Ostrogorski j. La pronoïa. Byz., vol. 22, 1952—1953 (= i d e m. Pour l'histoire de la féodalité..., p. 1—257). Имеется краткое русское резюме: Г. Острогорский. Прония. «Bulletin de l'Académie serbe de sciences», t. 4, 1952. Ср. также G. Ostrogorski j. Le système de la pronoïa à Byzance et en Serbie médiévale, «Actes du VI-e Congrès d'Études byzantines», vol. I, 1950; D. Anastasiév, G. Ostrogorski j. Les Koumanes pronoïares. «Mélanges H. Grégoire», vol. III, 1951 (см. поправки Дэльгера: BZ, 45, 1952, S. 477).

³⁰⁴ G. Ostrogorski j. Pour l'histoire de la féodalité..., p. 10.

³⁰⁵ Ibid., p. 169.

³⁰⁶ Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. ВВ, XIII, 1958. Переведено на французский язык: G. Ostrogorski j. Pour l'histoire de l'immunité à Byzance. Byz., vol. 28, 1958 (ср. заметку Дэльгера: BZ, 53, 1960, S. 221 f.).

³⁰⁷ Г. А. Острогорский. К истории иммунитета..., стр. 72, 78.

³⁰⁸ Там же, стр. 106. Автор справедливо критикует здесь тех ученых, которые

Если три больших исследования Острогорского — «Писцовые книги», «Прония» и «Иммунитет» — были построены преимущественно на источниках XI—XV вв., то одновременно с этим он продолжал изучать аграрные отношения X в. и, естественно, должен был вернуться к проблеме, которая давно уже приковывала внимание западных византинистов, — к проблеме «защиты» крестьянства императорами Македонской династии. Острогорский предложил новое решение старой проблемы.

Первый шаг к этому был сделан историком в 1954 г., когда он пришел к выводу, что так называемые государственные крестьяне не могут считаться независимыми и свободными людьми: они находились от государства в такой же зависимости, в какой частновладельческие парики находились от своих господ³⁰⁹.

Уже за 50 лет до Острогорского французский юрист Платон высказал гипотезу, что фиск был собственником земли «свободных» крестьян; эта гипотеза была забыта, хотя многие ученые (в том числе Дэльгер и Руйар) отмечали отсутствие коренной разницы в положении византийских «свободных» крестьян и париков. Лишь Данструп упомянул о принципе государственной собственности на частновладельческую землю. Острогорский пошел значительно дальше: во-первых, он привлек документальный материал для доказательства тезиса о мнимой свободе государственных крестьян, во-вторых, он низвел тезис Платона из заоблачных сфер абстрактно-юридической терминологии на грешную землю реальных общественных отношений: «свободные» крестьяне X в. нашли свое место в феодальной системе.

Новый вывод Острогорского был положен им в основу концепции аграрного развития Византии X—XV вв., изложенной на лекциях в Сорбонне³¹⁰. Следуя принципу историзма и опираясь преимущественно на актовый материал, Острогорский пересмотрел в этой работе некоторые старые выводы: теперь он исходил в своем анализе из понятия феодализма. При этом он понимал под феодализмом не систему политических отношений, характеризующуюся иерархической структурой власти (как подавляющее большинство западных историков), но совокупность определенных социально-экономических факторов: поместье, населенное крестьянами — плательщиками ренты, рассматривается в лекциях как основная ячейка феодального общества³¹¹.

Как же, по Острогорскому, развивались аграрные отношения в Византии? В эпоху «Земледельческого закона» там преобладали свободные крестьяне-общинники, причем Острогорский характеризует византийскую общину «как экономическое, административное и юридическое единство»³¹², отказываясь по существу от основного принципа фискальной теории. В X в. свободные крестьяне частично превращаются в частновладельческих париков, частично же — в государственных крепостных (димосиариев)³¹³. В соответствии с теорией государственной парикии Острогорский пересмотрел и традиционное представление о законодательстве X в. «Византийское правительство, — писал он, — ни в коей мере не боролось за права и независимость маленьких людей, как стремятся

развитие иммунитета (и феодализма вообще) в Византии объясняют влиянием западно-европейских образцов (там же, стр. 73, прим. 81).

³⁰⁹ Г. Острогорский. О византийском државним сельцима и војницима — две повеље из доба Јована Цимиска. «Глас САН, од. друштвених наука», т. 214, 1954, кн. 3, стр. 40.

³¹⁰ G. Ostrogorski j. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956.

³¹¹ Ibid., p. 8.

³¹² Ibid., p. 45.

³¹³ Ibid., p. 18 sq.

заверить императорские новеллы. В действительности, оно защищало свои собственные права, права на ренту и повинности крестьян»³¹⁴.

В XI—XII вв. характер борьбы между византийским правительством и феодалами изменяется. Капитулировав перед ними по вопросу о земле, разрешив им приобретать наделы мелких землевладельцев, оно, однако, сохраняет за собой право контроля за количеством париков во владениях феодалов. Императорские дипломы этого времени употребляют технический термин «арифмос», обозначающий максимальное количество париков, допускаемое для поместья того или иного сеньора³¹⁵. Феодалы не удовлетворялись таким положением дел и стремились получить от императора право поселять на своих землях столько париков, «сколько пошлет бог»³¹⁶. Феодалы византийской Италии еще в XI в. пользовались подобным правом, но в самой Византии оно утвердилось только в XIII столетии³¹⁷. Вместе с тем к XIII в. совершенно исчез класс свободных крестьян³¹⁸, хотя по-прежнему сохранялись государственные парики, число которых, по-видимому, значительно сократилось.

В этой книге Острогорский поставил также вопрос о сущности парической зависимости: по его словам, в византийской парикии проявляется «двойственность или, точнее говоря, антиномия, характерная для поземельных отношений феодального общества»³¹⁹. В русской дореволюционной историографии были высказаны две противоположные точки зрения по вопросу о характере владельческих прав парика: одни исследователи считали его полным частным собственником обрабатываемого им надела, другие видели в нем присельника, крестьянина, сидящего на чужой земле. Это противоречие в историографии было отражением противоречия самой действительности: сама природа отношений собственности в феодальном обществе противоречива и двойственна: собственность на землю (как юридическое выражение права на ренту) принадлежит здесь феодалу, однако феодальная собственность уживается с владельческими правами крестьянина, включая право наследования, купли-продажи и т. п. Этот-то вывод, имеющий первостепенное значение, и сформулирован в книге Острогорского.

Теперь можно было видеть что коренная ошибка Панченко, выдвинувшего теорию полной собственности византийских париков, состояла в том, что он принял акциденцию за сущность или, иными словами, владельческие права за собственность. Правильно отмеченные факты были им обобщены и возведены в абсолют. Просто отвергнуть их было, разумеется, невозможно: объяснение, предложенное Острогорским, разрешало проблему.

Уже после завершения работы Острогорского о византийских писцовых книгах были изданы новые практики, среди которых наиболее важны опубликованные Дэльгером практики Ивирского монастыря. Острогорский сразу же отметил значение этого первоклассного источника³²⁰, а позднее построил на материале его локальное исследование, рассмотрев судьбы одного из монастырских сел — Радолива³²¹. Острогорский показал, как значительно возросли доходы монастыря от этого села за время с XI до начала XIV столетия и как бедственно отразилось на положении Радолива ухудшение политической обстановки в Византии в XIV в.

³¹⁴ G. Ostrogorski. Quelques problèmes..., p. 16.

³¹⁵ Ibid., p. 26 sq.

³¹⁶ Ibid., p. 31.

³¹⁷ Ibid., p. 34 sq.

³¹⁸ Ibid., p. 71.

³¹⁹ Ibid., p. 62.

³²⁰ Г. Острогорский. Нове публикације византийских повеља. «Историски часопис», т. 2, 1949/1950, стр. 205 сл.

³²¹ Г. Острогорский. Радоливо. ЗРВИ, т. 7, 1961.

Последовательно взгляды Острогорского на развитие социально-экономических отношений в Византии были изложены им в главах для много-томника «*Historia mundi*». Острогорский представил здесь историю Византии как историю феодального государства, подчеркнув при этом, это «феодализация Византийского государства была результатом внутреннего развития»³²².

По мнению историка, Византия в VII — первой половине IX в. пережила период варваризации и обновления, сущностью которого явилось образование широкого слоя свободного крестьянства³²³. В соответствии с этим позднеримская эпибола (принудительная передача пустующей земли частному собственнику с возложением на него соответствующего налога) уступила место аллиленгии, который заключался в обязанности соседей платить налоги за выморочные наделы общинников, следствием чего уже являлось их право пользоваться запустевшим наделом³²⁴.

Если с VII по X в. свободный крестьянин был основной фигурой в византийской деревне, то в X в. наступает поворотный момент и процесс феодализации («*Feudalisierungsprozess*») делает заметные успехи: крупная собственность быстро растет за счет крестьянских хозяйств³²⁵. Свободные крестьяне превращаются либо в частновладельческих париков, либо в париков государства («*Staatsparoiken*») ³²⁶. В XI столетии образуются феодальные институты: экскуссия-иммунитет, прония, харистики, хотя государство еще продолжает сохранять контроль за переданными в частные руки париками³²⁷. К XIV в. магнатское землевладение усиливается еще более, прония становится наследственной, а государство отказывается от контроля за частновладельческими париками³²⁸.

Мы рассмотрели эволюцию взглядов Острогорского, который начал с фискальной теории, а пришел к выводу о феодальном характере аграрного строя Византийской империи. Он пришел к этому выводу в результате тщательного изучения поздневизантийских актов. При этом Острогорский не ограничился простой констатацией феодальной природы византийского общества, но и наметил основные линии эволюции византийской деревни.

Последовательно разработанные взгляды Острогорского, подкрепленные обширным материалом источников (прежде всего документальных), не могли не оказать огромного влияния на все развитие западного византиноведения. После выхода работ Острогорского в западной византинистике произошло чрезвычайно четкое размежевание между учеными, признающими и отвергающими византийский феодализм.

Югославские рецензенты, высоко оценив работы Острогорского, подчеркивали правомерность сопоставления западного и византийского феодализма³²⁹ и принимали вывод Острогорского относительно особенностей

³²² «*Historia mundi*», Bd. VI, Bern, 1958, S. 466.

³²³ Ibid., S. 477. Ср. также G. O s t r o g o r s k y. *History of Byzantine State*. Oxford, 1956, p. 119 f.

³²⁴ Ibid., p. 38, 121. Ср. также старые работы Острогорского: G. O s t r o g o r s k y. *Die ländliche Steuergemeinde...*, S. 25 f.; i d e m. *Das Steuersystem...*, S. 235. Об аллиленгии кратко: «*Historia mundi*», Bd. VI, S. 456.

³²⁵ «*Historia mundi*», Bd. VI, S. 456.

³²⁶ Ibid., S. 460.

³²⁷ Ibid., S. 461 f.; G. O s t r o g o r s k y. *Le grand domaine dans l'Empire byzantin*. «*Recueils de la Société Jean Bodin*», vol. 4, 1949. См. рецензию: E. H e r m a n. «*Orientalia Christiana Periodica*», vol. 16, 1950, p. 469.

³²⁸ «*Historia mundi*», Bd. VI, S. 469.

³²⁹ И. Б о ж и ћ. «Историски часопис», т. 7, 1957, стр. 425. Ср. J. Ž o n t a r. «*Zgodovinski časopis*», t. 8, 1954, str. 258 nsl.; Б. Ф е р ј а н ч и ћ. «Историски гласник», т. 1—2, 1957, стр. 116 nsl. См. также Б. Т. Г о р я н о в. ВИ, 1955, № 11, стр. 115—159; А. П. К а ж д а н. ВВ, X, 1956, стр. 218—228; е г о ж е. ВВ, т. XII, 1957, стр. 330—340.

феодализма в Византии (отсутствие здесь иерархической структуры собственности)³³⁰. Особенно существенны в этой связи замечания Н. Филиповича, который, polemизируя не столько с Острогорским, сколько с одним из его рецензентов В. Чубриловичем, обратил внимание на неприменимость к истории XI—XV вв. термина «феодализация». Ведь феодализация, справедливо рассуждал Филипович, это процесс становления феодальных отношений, процесс превращения родовой организации в классовую, тогда как институт византийской пронии возникает уже на высшей ступени феодального общества, когда начинается распад некоторых его форм³³¹. Таким образом, Филипович рассматривал феодализм как определенную систему социальных отношений, не связывая с ней непременно распад государственной централизации, как это было свойственно, например, Харанису или Сеттону.

Один из учеников Острогорского, Я. Ферлуга, исследовал вопрос о проникновении западной феодальной терминологии (*λειτουργ*) в Византию в XI—XIII вв. Легкость, с которой специфические западные термины и понятия усваивались в Византии, свидетельствует, по мысли Ферлуги, о сходстве византийского феодализма в его сущности (*dans son essence*) с феодализмом западным³³². Хотя в Византии сложились свои формы феодализма, в главном (*dans la substance*) он не отличался от западных порядков³³³.

Взгляды Острогорского на пронию разделял и итальянский исследователь П. Валентини, называвший византийскую пронию военным феодалом и подчеркивавший, что ко времени IV крестового похода идея военного феодала отнюдь не была новой для греков³³⁴.

Американский византист Дж. Дауни, подчеркивая, что Острогорский исследует сходство и различия византийского и западного феодализма и отмечая близость его взглядов к концепции Сеттона³³⁵, нигде не высказывал ни малейших сомнений в правомерности применения термина «феодализм» к Византии. Другой американский исследователь, И. Шевченко, высоко оценивая труды Острогорского, допускал, что концепция византийского феодализма может вызвать возражения некоторых критиков — возражения, которые, по мнению самого Шевченко, будут носить лишь терминологический характер³³⁶.

Концепцию византийского феодализма принимают и развивают авторы многих исследований, появившихся в последнее время, например, японский византист К. Ватанабе³³⁷. Западногерманский историк Э. Кирстен в ис-

³³⁰ В. Чубрилович. Око проучвања средњовековног феудализма. «Историски часопис», т. 3, 1951—1952, стр. 194.

³³¹ Н. Филипович. «Годишњак историског друштва Босне и Херцеговине», т. 4, 1952, стр. 292 нсл.

³³² J. Ferluga. La ligesse dans l'Empire byzantin. ЗРВИ, т. 7, 1961, стр. 123.

³³³ Ibid., p. 111. Подчеркнем, что Ферлуга, как и Дэльгер, говорит о заимствовании форм и терминов, а не основных черт феодализма.

³³⁴ P. G. Valentin. Chiarimenti sulla natura della pronia bizantina attraverso la documentazione della sua continuazione in Serbia e Albania. «Atti dello VIII Congresso intern. di studi bizantini», vol. I, 1953, p. 490 sg.

³³⁵ G. Downey. «Speculum», vol. 30, 1955, № 1, p. 117 f. Думается, однако, что между концепциями Сеттона и Острогорского есть коренное различие, которое мы старались проследить выше.

³³⁶ I. Ševčenko. An Important Contribution to the Social History of Late Byzantium. «The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U. S.», vol. II, № 4, 1952, p. 451, n. 4a.

³³⁷ K. Watanabe. Feudalism in the Byzantine Empire. «The Journal of Historical Studies», № 242, 1960; idem. The Large Estates of the Byzantine Empire. «The Hitotsubashi Review», vol. 36, 1956, № 2; vol. 38, 1957, № 3 (см. BZ, 51, 1958, S. 469); idem. Bauernbesitz und Großgrundherrschaft in Byzanz. «Historia mundi», vol. 5, 1961 (см. BZ, 54, 1961, S. 456). Все работы на японском языке, нам недоступны.

следовании, посвященном византийскому городу, последовательно подчеркивает сходство социально-экономического развития Византии и Западной Европы. По его мнению, начиная с VII в. (в значительной мере под влиянием славянских вторжений) в Византии образуется значительный слой свободного крестьянства, определявший характер всей экономики империи³³⁸. Прямо ссылаясь на одну из новых работ Острогорского, Кирстен говорит о складывании в X в. социальной группы феодалов (Feudalherren); социальные противоречия этого времени он считает новообразованием, отнюдь не восходящим к римскому патронатию³³⁹ (напомним, что именно из патронатия выводил византийский, как и западноевропейский, феодализм Дальгер); Кирстен считает, что этим противоречиям свойствен феодальный характер (Charakter der Feudalität)³⁴⁰.

В соответствии с этими представлениями о феодальной природе общественных отношений в Византии Кирстен рисует и эволюцию византийского города. Византийский город, подчеркивает Кирстен, не явился непосредственным преемником античного полиса, ибо античная городская жизнь прекратилась во время переселения народов³⁴¹; с VII столетия византийский «город» — это оборонительный пункт, крепость³⁴². Позднее ослабление империи приводит к образованию независимых (или полунезависимых) городов, в которых господствовали проиары, и к раздаче городам привилегий³⁴³. При этом, однако, Кирстен отмечает экономическое и политическое отставание византийских городов от городов Западной Европы, что он склонен объяснять императорской политикой фискализма и монополий³⁴⁴.

Таким образом, Кирстен не только принял концепцию Острогорского относительно феодального характера византийской деревни, но и пошел дальше, попытавшись рассмотреть византийский город как типичный для средневековья, как принципиально не отличающийся от западноевропейского города. В этом вопросе он, кстати сказать, разошелся с Острогорским, отстаивавшим тезис о преемственности византийских городов от позднеантичных³⁴⁵.

Концепция феодального развития была последовательно развита и в книге другого немецкого историка, Г. В. Хауссига. Еще более решительно, чем Кирстен, Хауссиг подчеркивает «социальные и этнические преобразования» в Византийской империи VII—VIII вв.³⁴⁶, признавая, в частности, значительное влияние славянского вторжения³⁴⁷. «Образование византийской культуры, — подчеркивает Хауссиг, — протекало в рамках тех

³³⁸ E. K i r s t e n. Die byzantinische Stadt. «Berichte zum XI. Intern. Byzantinisten-Kongress», München, 1958, S. 26.

³³⁹ Ibid., Anmerkungen, S. 11. Очень четко о смене крестьянской собственности феодальной (der feudale Grundbesitz) писал в рецензии на книгу Руйар Ф. Гшницер (F. G s c h n i t z e r. «Anzeiger für die Altertumswissenschaft», Bd. 9, 1956, H. 3, Sp. 162).

³⁴⁰ E. K i r s t e n. Op. cit., S. 19.

³⁴¹ Ibid., S. 27.

³⁴² Ibid., S. 20.

³⁴³ Ibid., S. 35 f.

³⁴⁴ Ibid., S. 41.

³⁴⁵ G. O s t r o g o r s k y. Byzantine Cities in the Early Middle Ages. DOP, 13, 1959.

³⁴⁶ H. W. H a u s s i g. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959, S. 181.

³⁴⁷ Ibid., S. 182 f. О социально-экономических преобразованиях в VII в. см. также J. E l l u l. Histoire des institutions, t. I. Paris, 1955, p. 642. Ж. Эллиуль также признает влияние расселения армян и славян на территории империи и подчеркивает, что в условиях укрепления свободного крестьянства эпихола перестала существовать. Эллиуль доводит изложение лишь до начала VIII в.

великих движений, которые в эту эпоху придали Европе и Азии новый облик»³⁴⁸.

Признавая принципиальное сходство социально-экономического развития Византии и Западной Европы в раннее средневековье, Хауссиг останавливается и на особенностях византийской экономики, которые он усматривает в сохранении позднеантичного городского хозяйства³⁴⁹. Таким образом, в этом вопросе он расходится с Кирстеном, хотя и признает ограниченность денежного хозяйства того времени³⁵⁰.

Характеризуя византийскую деревню VII—IX вв., Хауссиг остается в пределах традиционных для западной византистики воззрений: он признает сохранение значительного влияния крупной собственности, а византийскую общину считает по происхождению фискальной³⁵¹; впрочем, Хауссиг допускает существование как альменды, так и общей собственности нескольких крестьян³⁵².

Гораздо большего внимания заслуживает трактовка Хауссигом вопроса о византийском феодализме. Уже в организации византийского чиновничества IX в. с его сложной системой иерархии Хауссиг усматривает симптом феодализации³⁵³; при этом он всемерно подчеркивает существование резкого разрыва между узким слоем привилегированных и основной массой населения, которой с огромным трудом удавалось обеспечить себе прожиточный минимум³⁵⁴. Носителями феодализации, которая приводит к распаду идеи универсальной монархии, являлись в Византии малоазийские магнаты, которых Хауссиг сопоставляет с немецкими князьями — Вельфами и Бабенбергами³⁵⁵; феодализация также проявляется в распаде старых фем на более мелкие единицы³⁵⁶.

Работе Хауссига можно было бы многое поставить в упрек. Прежде всего, основные линии социально-экономического развития Византии намечены Хауссигом крайне схематично, и тот последовательный историзм, который присущ был исследованиям Острогорского, здесь нарушен; так, в разделе, посвященном IX—XI вв., Хауссиг иллюстрирует распад центрального административного аппарата примерами из истории VII столетия³⁵⁷; для характеристики крупных предпринимателей, появляющихся «уже с X в.», он ссылается на Гуделу, жившего в XIII столетии³⁵⁸. Далее, работе Хауссига присуща тенденция к модернизации экономических категорий средневековья: он говорит об экономическом кризисе, вызванном потерей рынков сбыта³⁵⁹, о появлении крупных капиталистов в византийских городах³⁶⁰, он объясняет проникновение знати в деревню устойчивостью хлебных цен, вызывавшей будто бы заинтересованность купечества в помещении денег в землю³⁶¹. И все-таки стремление рассматривать историю Византии в развитии («Все течет, все меняется» — такие слова поставил Хауссиг эпиграфом к своей книге) и восходящая еще к Линдсею

³⁴⁸ H. W. Haussig. Op. cit., S. 186.

³⁴⁹ Ibid., S. 187.

³⁵⁰ Ibid., S. 188.

³⁵¹ Ibid., S. 200 f.

³⁵² Ibid., S. 206.

³⁵³ Ibid., S. 209.

³⁵⁴ Ibid., S. 217.

³⁵⁵ Ibid., S. 391 f.

³⁵⁶ Ibid., S. 392.

³⁵⁷ Ibid., S. 213 f.

³⁵⁸ Ibid., S. 402 f.

³⁵⁹ Ibid., S. 395.

³⁶⁰ Ibid., S. 405.

³⁶¹ Ibid., S. 206. Нельзя, в частности, забывать, что у нас нет никаких данных, чтобы постулировать тезис об устойчивости хлебных цен в Византии.

и Закифиносу последовательная критика тенденции отрицать принципиальную общность Византии и Запада — все это делает книгу Хауссига значительным произведением западноевропейской византистики³⁶².

Наряду с исследователями, принявшими концепцию византийского феодализма, в последние годы на Западе отчетливо оформилась и другая группа византинистов: одни из них вообще игнорировали вопрос о византийском феодализме, другие же отвергали самую возможность существования в Византии феодальных отношений.

Примечательно, что в ряде рецензий на работы Острогорского вовсе не затронут его центральный тезис — теория византийского феодализма. Высказывая критические замечания по частным вопросам, многие рецензенты воздерживаются от суждения относительно главной проблемы. Так, М. Ласкарис, затрагивая преимущественно вопросы истории прониции в сербских и албанских землях, поставил под сомнение мысль Острогорского о том, что прониары могли нести военную службу не только государству, но и монастырям³⁶³; Ж. Бонпер полемизировал против выдвинутого Острогорским представления о дуализме в положении византийского крестьянства³⁶⁴. Как ни странно, даже Харанис, который раньше склонялся к признанию византийского феодализма, теперь, в рецензии на работу Острогорского, обходит этот вопрос, ограничиваясь только критическими замечаниями относительно концепции Острогорского о государственном крестьянстве. Харанис полагал, что если следовать определению государственной парикии, предложенному Острогорским, то крестьян, охарактеризованных в «Земледельческом законе» и в «Трактате об обложении», также придется рассматривать как государственных париков; кроме того, Харанис считал, что и в позднее время в Византии сохранялись крестьяне, чьи наделы оставались аллодом³⁶⁵.

В ряде специальных статей и книг аграрные отношения в Византии по-прежнему рассматривались вне связи с проблемой феодализма.

Греческий ученый Ф. Кукулес в V томе «Византийской цивилизации» дал интересный очерк византийского хозяйства, привлекая среди других источников также и греческие акты³⁶⁶ — правда, преимущественно по изданию Миклошича — Мюллера. В конце этого очерка автор поместил параграф об экономическом положении крестьян: указав, что им жилось тяжело и что крупные собственники превращали свободных людей «в мисготов, энапографов и париков»³⁶⁷, Кукулес не остановился на характеристике социального статуса этих категорий и ни словом не обмолвился о проблеме византийского феодализма.

Автор другого очерка византийской цивилизации, вышедшего несколько раньше, французский исследователь Л. Брейе, уделил социальной структуре общества несколько больше внимания, но и он не затронул вопроса о феодализме. По представлениям Брейе, в Византии всегда существовала

³⁶² См. о ней A. B a n s k, B. G o r i a n o v. DLZ, Bd. 82, 1961, H. 6, Sp. 552—556. О византийских феодалах упоминают подчас и авторы работ по политической и церковной истории Византии; так, Д. Найкол говорит о «феодалных лордах» во Фракии XII в. (D. M. N i c o l. The Despotate of Epiros. Oxford, 1957, p. 215).

³⁶³ M. L a s c a r i s. Cinq notes à la Πρόνοια de M. Ostrogorski. Byz., vol. 21, 1951, p. 266. См. убедительные возражения Острогорского: G. O s t r o g o r s k i j. Sur la πρόνοια. A propos de l'article de M. Lascaris. Byz., vol. 22, 1952, p. 162.

³⁶⁴ J. B o m p a i r e. «Revue historique», vol. 218, 1957, № 1, p. 130.

³⁶⁵ P. C h a r a n i s. «Speculum», vol. 32, 1957, № 3, p. 597. Точно так же А.Абель по существу обходит вопрос о феодализме: он говорит только о поместье, «которое Острогорский называет феодальным» (A. A b e l. «Le Moyen Âge», t. 61, 1955, p. 506). Ср. Н. Г. В е с к. «Historische Zeitschrift», Bd. 187, 1959, S. 135—137.

³⁶⁶ P. h. K o u k o u l è s. Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμὸς, т. 5. Ἀθήναι, 1952, σελ. 245.

³⁶⁷ Ibid., p. 279.

крупная собственность на землю и мелкая крестьянская собственность³⁶⁸, всегда в поместьях знати жили рабы и колоны, позднее названные париками и практически не отличавшиеся от рабов³⁶⁹. Крестьянская община не имела ничего общего со славянским «миром» и являлась по преимуществу, хотя и не исключительно, фискальной³⁷⁰. Таким образом, взгляды Брейе не многим отличались от старой концепции Каллигаса: вместо исторического развития общества мы находим у него вечный застой, нарушающийся временами то некоторым увеличением, то уменьшением числа свободных собственников³⁷¹.

К этой же группе исследований принадлежит и книга А. Хаджиниколау-Марава о византийском рабстве. Слабая по своим методологическим принципам, основанная на ограниченном круге источников, эта работа посвящена изучению эволюции рабства, которая, по мнению Хаджиниколау-Марава, сводится к превращению рабов в рабочих современного типа³⁷². Эволюция рабства не увязывается с историей византийского феодализма, а объясняется реформами императоров и благотворным воздействием церкви.

В работах молодой французской исследовательницы Э. Гликаци-Арвейэ были затронуты более значительные проблемы социальной истории Византии. Тщательно исследовав вопрос о провинциальной администрации в IX—XI вв., Гликаци-Арвейэ пришла, как и Хауссиг, к представлению о распаде фемной системы в XI столетии³⁷³; однако если Хауссиг поставил этот процесс в связь с развитием феодальных отношений в Византии, то Гликаци-Арвейэ даже не касается вопроса о византийском феодализме, ища объяснение административных преобразований во внешнеполитических событиях, в перестройке армии и, наконец, в политике того или иного императора³⁷⁴.

³⁶⁸ L. Bréhier. *La civilisation byzantine*. Paris, 1950 p. 152 sq. Ср. также более раннюю работу Брейе: L. Bréhier. *Les populations rurales au IX-e siècle d'après l'hagiographie byzantine*. Byz., vol. I, 1924.

³⁶⁹ *Ibid.*, p. 163.

³⁷⁰ *Ibid.*, p. 165 sq.

³⁷¹ Ср. рецензию: М. Л. Абрамсон. ВВ, VI, 1953, стр. 310 сл. Очень сдержанно оценивает раздел книги Брейе, посвященный аграрным отношениям, также и П. Лемерль (P. Lemerle. *La civilisation byzantine. A propos d'un livre récent*. «Revue historique», vol. 210, 1953, p. 28. См. его же рецензию: «Journal des savants», 1950, juillet—septembre, p. 130—138). Ср. еще рецензии: R. Dussaud. «Syria», vol. 28, 1951, p. 306—308; E. v. Ivanaka. «Bibliotheca orientalis», vol. 9, 1952, p. 64—68.

³⁷² A. Hadjinicolaou-Marava. *Recherches sur la vie des esclaves dans le monde Byzantin*. Athènes, 1950, p. 7, 114. Мы не останавливаемся подробно на этой книге, детально разобранной в советских журналах (М. Я. Сюзюмов, ВВ, V, 1952, стр. 280—284; А. П. Кадан. ВДИ, 1952, № 4, стр. 121—128). Очень резко оценивает эту книгу и Лемерль, подчеркивающий, что Хаджиниколау-Марава набросала только очерк юридической теории византийского рабства и пренебрегла сведениями о фактическом положении рабов (P. Lemerle. «Revue des études grecques», vol. 64, 1951, p. 527 sq.). Другие рецензенты снисходительнее отнеслись к книге молодой исследовательницы (см. F. Dölger. BZ, 45, 1952, S. 195; P. Charanis. «Speculum», vol. 27, 1952, p. 107 f.; H. Evert-Karpesowa. BS, vol. 16, 1955, p. 352—355), а П. Стефану даже всячески расхваливает эту работу за то, что в ней церковь представлена в роли освободительницы рабов (P. E. Stephanou. «Orientalia Christiana Periodica», vol. 17, 1951, p. 243. Ср. E. Kriaras. «Ελληνικά», т. 12, 1952, с. 194—198). Если слабая работа Хаджиниколау-Марава имела на Западе «большую прессу», то интересная статья о рабах, написанная английским византистом Р. Браунингом [«Рабство в Византийской империи (600—1200)». ВВ, XIV, 1958], учитывающая известия деловых документов, не нашла в западной литературе никакого отклика.

³⁷³ H. Glykatzis-Ahrweiler. *Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IXe—Xe siècles*. BCH, vol. 84, 1960, p. 89 sq.

³⁷⁴ *Ibid.*, p. 36, 91.

Не затрагивает вопроса о феодализме Гликаци-Арвейэ и в специальной статье об эпителии — одном из видов платежей, взимавшихся в византийской деревне XIII в.³⁷⁵ В этой статье сделан ряд интересных конкретных наблюдений, однако, анализируя природу эпителии, Гликаци-Арвейэ не стремится понять характер общества, в котором платили эпителию, и тем самым ограничивает свою работу лишь суммой юридических определений. Естественно, однако, что формы рентных платежей каждого общества определяются теми социальными отношениями, которые в нем господствовали.

Более того, Гликаци-Арвейэ не затрагивает вопроса о феодализме и в работе, посвященной аграрной политике императоров Никейской империи, хотя, как мы уже говорили, еще Данstrup называл это государство «феодальной империей». Гликаци-Арвейэ анализирует данные Лемвийского кодекса³⁷⁶ и классифицирует виды земельных владений, существовавших в XIII в. в районе Смирны; наряду с патримониями местной знати³⁷⁷ Гликаци-Арвейэ выделяет пожалованные никейскими императорами земли, которые в свою очередь она подразделяет на две категории: пронии и «апанажи», причем чрезвычайно существенно ее замечание о том, что в районе Смирны термин «прония» употребляется для обозначения небольших земельных пожалований (*des concessions d'étendue modeste*)³⁷⁸, а также предположение, что нарративные памятники используют термин «прония» в применении к владениям иного типа — к апанажам³⁷⁹. Эти наблюдения заставляют внести коррективы в широко распространенное на Западе представление, будто именно прония уже с XI в. являлась основным видом земельных владений византийской аристократии.

Касаясь вопроса о крестьянстве, Гликаци-Арвейэ склоняется к концепции Острогорского и не приводит разграничения между зависимостью крестьян от бенефициариев и от фиска³⁸⁰

Не встретим мы рассмотрения вопроса о феодализме и в большинстве комментариев к византийским актам, несмотря на то, что комментарии в изданиях последних лет обширны и часто весьма содержательны. Мы могли бы выделить несколько типов комментариев к актам; в изданиях В. Лорана, например, как и в публикациях Бинона, комментарий посвящен преимущественно вопросам топонимики и просопографии, изучению истории монастырей и служебной карьеры упомянутых в акте лиц³⁸¹; А. Гийу и Г. Хунгер обращают большое внимание на реальный комментарий³⁸²; в изданиях Ш. Астриюка, как правило, специально рассматрива-

³⁷⁵ H. G l y k a t z i. L'épitéleia dans le cartulaire de Lembiotissa. Byz., vol. 2, 1954 (1955); ср. возражения Дэльгепа (BZ, 49, 1956, S. 501) и ее ответ (H. G l y k a t z i. A propos de l'épitéleia. Byz., vol. 25—27, 1955—1957).

³⁷⁶ Странно, что Гликаци-Арвейэ не упоминает о детальном разборе этого памятника в трудах Васильевского, Панченко, а также советских ученых.

³⁷⁷ H. G l y k a t z i - A h r w e i l e r. La politique agraire des empereurs de Nicée. Byz., vol. 28, 1958, p. 63 sq.

³⁷⁸ Ibid., p. 58 sq.

³⁷⁹ Ibid., p. 60.

³⁸⁰ Ibid., p. 62 sq.

³⁸¹ V. L a u r e n t. Xéropotamou et S. Paul. Histoire et légende à L'Athos. «Revue historique du Sud-Est Européen», vol. 22, 1945; i d e m. Un acte grec inédit du despote serbe Constantin Dragas. REB, vol. 5, 1947; i d e m. Une nouvelle fondation monastique des Choumnos: La Nea moni de Thessalonique. REB, vol. 13, 1955. К этому же типу принадлежит и комментарий в публикации: A. P e r t u s i. Nuovi documenti sui benedettini amalfitani dell'Athos. «Aevum», vol. 27, 1953.

³⁸² H. H u n g e r. Zwei byzantinische Urkunden der späten Palaiologenzeit aus der Österreichischen Nationalbibliothek. BZ, 48, 1955; A. G u i l l o u. Un acte de juillet 6667 (1159) provenant des archives du monastère S. Marie du Patir. «Bollettino B. Gr. Grottaferrata», vol. 7, 1953; i d e m. Les archives de S. Jean-Prodrôme sur le Mont Ménécée. Paris, 1955; i d e m. Actes de Lavra. I (Supplément). BCH, vol. 81,

ются вопросы аграрной истории³⁸³. И все же, хотя акты постоянно говорят о дарениях, о зависимом крестьянстве, о привилегиях светской и духовной знати, издатели не связывают эти вопросы с проблемой византийского феодализма. Хунгер, к примеру, издал купчую грамоту первой половины XV в., в которой описана типично феодальная сделка: продается половина ветряной мельницы, причем покупатель должен обслуживать мельницу целиком, а продавец будет получать половину дохода. Издатель, отметив это любопытное обстоятельство³⁸⁴, не ставит, однако, вопроса о его феодальной природе, о несоответствии описанных в грамоте отношений нормам римского права.

Игнорируется вопрос о феодализме и в исследованиях, посвященных частным вопросам, например в статье Бонпера о некоторых видах византийских податей³⁸⁵ или в статье Лорана о харистикии³⁸⁶, в котором, как мы знаем, Острогорский (да и не только он) усматривал один из основных феодальных институтов.

Наконец, к той же группе исследований может быть отнесена большая статья австрийского историка права Г. Ф. Шмида, посвященная византийским десятинам. Эта работа, основанная на огромном материале источников и учитывающая колоссальную литературу вопроса (в том числе и труды советских историков), может служить полезным справочником, хотя со многими выводами Шмида трудно согласиться. Так, по мнению Шмида, византийская морта взималась лишь на церковных и государственных владениях в пределах ограниченной территории, включавшей Малую Азию и окрестности Константинополя; отсутствие упоминаний о морте в документах афонских монастырей Шмид склонен объяснять тем, что эти монастыри были основаны частными лицами³⁸⁷. Однако он сам упоминает акт 1008 г., который свидетельствует, что получателем морты не всегда было государство или церковь³⁸⁸, а анализ «Земледельческого закона» заставляет Шмида признать неканонической формулировку статьи относительно морты³⁸⁹. Но особенно существенно, что Шмид изучает византийскую десятину — один из важнейших видов крестьянских платежей, — не вспоминая даже о феодализме, подобно тому, как Гликаци-Арвейё не вспоминала о нем, изучая эпителию.

Некоторые рецензенты Острогорского выступили против самого понятия византийского феодализма, причем иные из них лишь постепенно пришли к сомнениям и негативному решению этой проблемы. А. Грегуар в рецензии, написанной совместно с Ласкарисом в 1951 г., признавал, что крепостосцы XIII в. не нашли в Византии принципиально иной структуры общества, нежели существовавшая на Западе; он считал, что Острогорский прав, говоря о сходстве западного фьефа с пронией³⁹⁰; он готов был дать

1957. В заметке о статье: S. Borsari. Istituzioni feudali e parafeudali nella Puglia bizantina. «Archivio storico per le provincie napoletane», NS, vol. 38, 1959—Гийу утверждает, что феодальная организация противоречила административной системе и «византийской психологии» (BS, vol. 21, 1960, p. 160).

³⁸³ C. Astruc. Un acte patriarcal inédit de l'époque des Paléologues. «Mélanges H. Grégoire», vol. IV, 1953, p. 25 sq.; idem. Un document inédit de 1163 sur l'évêché thessalien de Stagi. BCH, vol. 83, 1959, p. 217 sq.

³⁸⁴ H. Hunger. Op. cit., S. 302.

³⁸⁵ J. Bompaire. Sur trois termes de fiscalité. BCH, vol. 80, 1956. Ср. С. М. И р к о в и њ. Један помен соћа на Пелопонезу. ЗРВИ, т. 7, 1961, стр. 149 нсл.

³⁸⁶ V. Laurent. Charisticariat et commende à Byzance. REB, vol. 12, 1954.

³⁸⁷ H. F. Schmid. Byzantinisches Zehntwesen. «Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft», Bd. 6, 1957, S. 66 f. См. рецензию: H. Nottarp. ZSav. Kanon., Bd. 76, 1959, S. 342.

³⁸⁸ H. F. Schmid. Op. cit., S. 66, A. 119.

³⁸⁹ Ibid., S. 59 f.

³⁹⁰ H. Grégoire, M. Lascaris. Byz., vol. 21, 1951, p. 223.

утвердительный ответ (*la réponse affirmative*) на вопрос, существовал ли феодализм в Византии³⁹¹. Но в 1954 г. Грегуар уже рассматривал эту проблему по-иному. «Феодализм, — писал он, — это, по-видимому, термин не безупречный»; в политическом отношении византийский феодализм был весьма далек от западного³⁹². И Р. Гийан, который в 1948 г., доказывая, что наследственная аристократия играла важную роль на протяжении всей истории империи³⁹³, ни разу не упомянул о феодализме, в 1955 г. высказал свое суждение более категорично. «Еще нужно выяснить, — говорил Гийан, полемизируя с Острогорским, — правомерно ли говорить о феодализме (*si l'on a raison de parler de féodalité*) — по крайней мере, если мы будем придавать этому термину точный и в своем роде технический смысл — и устанавливать тесный параллелизм между Византией и Западом»³⁹⁴.

Грегуар и Гийан высоко оценивали работы Острогорского в целом. Значительно решительнее высказался против них Штадтмюллер, прямо заявивший, что он выступает противником главного тезиса югославского византиниста³⁹⁵. При этом Штадтмюллер достаточно откровенно объясняет свою позицию: оказывается, словупотребление Острогорского, расходясь с принятым на Западе, приближается к советской терминологии, к принятому советскими учеными пониманию термина «феодализм». Штадтмюллер, правда, спешит оговориться, что Острогорский не связывает с феодализмом «историко-материалистический схематизм», якобы господствующий в Советском Союзе³⁹⁶. Впрочем, конкретные возражения Штадтмюллера крайне неопределенны, и остается совершенно неясным, что можно было бы извлечь для уяснения вопроса о проники из «целого ряда других практиков», о которых очень глухо говорит Штадтмюллер. Более развернутые критические замечания по поводу концепции византийского феодализма были выдвинуты на страницах западногерманского журнала М. Младеновичем³⁹⁷.

Еще последовательнее выступил против Острогорского греческий историк И. Караяннопулос, получивший подготовку в Мюнхене под руководством Дэльгера. Возражения Караяннопулоса, развитые не только в рецензии, но и в ряде статей и книг, были направлены против всей концепции Острогорского и противопоставляли ей по-своему целостную систему взглядов.

Центральным моментом в построениях Караяннопулоса явилось отрицание того переворота в аграрных отношениях, который был в свое время постулирован Штейном и Острогорским, отнесен ими к VII в. и который, как мы видели, был признан подавляющим большинством современных византинистов. Критика тезиса о перевороте в общественных отношениях в VII в. неминуемо приводила Караяннопулоса к пересмотру вопроса о «Земледельческом законе». Здесь мы должны позволить себе небольшое отступление.

Начиная с 30-х годов западные византинисты-аграрники уделяли, как

³⁹¹ Ibid., p. 226.

³⁹² H. Grégoire. «Acad. royale de Belgique. Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques», 5-e sér., t. 40, 1954, p. 613 sq.

³⁹³ R. Guillemand. La noblesse de race à Byzance. BS, vol. 8, 1948, p. 307, 310.

³⁹⁴ Idem. BS, vol. 16, 1955, p. 352. Ср. также другую его рецензию («Revue des études grecques», vol. 69, 1956, p. 259 sq.), где слово *féodalité* Гийан берет в кавычки.

³⁹⁵ G. Stadtmüller. «Gnomon», Bd. 27, 1955, S. 130.

³⁹⁶ Ibid., S. 131.

³⁹⁷ M. Mladenović. Zur Frage der Pronoia und des Feudalismus im byzantinischen Reiche. «Südostforschungen», Bd. 15, 1956 (нам недоступно. См. заметку Дэльгера: BZ. 50, 1957, S. 260. Ср. H. Michaelis. BS, vol. 19, 1958, p. 354).

мы уже не раз указывали, основное внимание актовому материалу, а «Земледельческий закон» по существу не служил предметом изучения³⁹⁸; в последние годы, напротив, у зарубежных византинистов все более возрастает интерес к этому памятнику³⁹⁹.

Новые исследования «Земледельческого закона» начались со статьи французского юриста Ж. де Малафосса, который проделал анализ различных рукописей «Земледельческого закона», и прежде всего — схолий и добавлений к первоначальному однородному тексту из 85 статей. Малафосс считал, что «Земледельческий закон» — результат компиляции из более ранних памятников, завершившейся в конце VII — начале VIII в.⁴⁰⁰ Он прослеживал характерные для обычного права⁴⁰¹ противоречия между различными статьями закона, например в вопросе о наказании за воровство⁴⁰². Схолии, восходящие к Юстинианову своду или к «Василикам», нередко вступают в противоречие с первоначальным текстом: Малафосс обнаружил, например, попытки схолиастов ограничить действие принципа *superficies solo non cedit*, который был принят в «Земледельческом законе»⁴⁰³.

Эти наблюдения, основанные на тщательном изучении рукописной традиции, были, несомненно, плодотворными; когда же Малафосс оставлял твердую почву филологического и юридического исследования и приступал к социологическим обобщениям, его ожидали меньшие успехи: не владея византийскими источниками и опираясь на историографию только одного направления (по преимуществу — Эшбернер и Дэльгер), Малафосс находил в «Земледельческом законе» крупного собственника и зависимого крестьянина⁴⁰⁴, а также отвергал общинную теорию⁴⁰⁵. Однако его аргументация, основанная на схолиях, не может считаться убедительной, поскольку схолии относятся к позднему времени; например, в схолии к рукописи XV в. имеется разрешение продавать крестьян (*γεωργοί*) без земли⁴⁰⁶, но это не значит, что такой принцип действовал уже в VIII в.

Свои взгляды на аграрное развитие Византии Малафосс высказал в обобщающей статье, где он полемизирует против советских византинистов⁴⁰⁷, из трудов которых, впрочем, ему известны лишь французский перевод книги М. В. Левченко и (по рецензии М. Канарал) одна работа Липшиц. Весь пафос статьи Малафосса направлен на доказательство тезиса, что не классовые, а чисто фискальные и военные интересы определяли аграрную политику византийских законодателей⁴⁰⁸. Малафосс отвергает славянское влияние на византийское общественное устройство⁴⁰⁹ и стремится доказать, что в «Земледельческом законе» сохранились лишь «не-

³⁹⁸ Не представляет никакого интереса компилятивная работа болгарского юриста В. Алексиева «Принос към въпроса за земевладението според Зем. зак. и хрисовулите на XIII и XIV век» (ГСУ, Юрид. фак., т. 32, 1936—1937). См. также С. Аггиоп. *Le Νόμος γεωργικός et le régime de la terre dans l'ancien droit romain*. Paris, 1929.

³⁹⁹ Этим исследованиям предшествовало всестороннее рассмотрение «Земледельческого закона» в работах Е. Э. Липшиц («Земледельческий закон и сельская община», Л., 1936; «Византийское крестьянство и славянская колонизация», ВС; «Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма», ВВ, I, 1947).

⁴⁰⁰ J. de Malafosse. *Les lois agraires à l'époque byzantine. Tradition et exégèse*. «Recueil de l'Acad. de législation», t. 19, 1949, p. 68—74.

⁴⁰¹ Ibid., p. 74.

⁴⁰² Ibid., p. 55 sq.

⁴⁰³ Ibid., p. 47—49.

⁴⁰⁴ Ibid., p. 39 sq.

⁴⁰⁵ Ibid., p. 44—46.

⁴⁰⁶ Ibid., p. 41.

⁴⁰⁷ J. de Malafosse. *Le droit agraire au Bas Empire et dans l'Empire d'Orient*. «Rivista di diritto agrario», f. 1, 1955, p. 35 sq., 59.

⁴⁰⁸ Ibid., p. 72.

⁴⁰⁹ Ibid., p. 57.

которые намеки» на общинную собственность (кстати, он сам ссылается на пять статей в этом небольшом памятнике, затрагивающих вопрос об общине ⁴¹⁰.

Вместе с тем Малафосс, признает эволюцию аграрных отношений в Византии, отмечая, что со второй половины VII в. исчезает прикрепленность крестьян к земле и система эпидолы: ни тот, ни другой институт не упомянут в «Земледельческом законе» ⁴¹¹; по мнению Малафосса, еще и в IX в. не сформировалась каста земельной аристократии ⁴¹². Вступая в противоречие со своим основным тезисом, Малафосс готов признать классовый характер мероприятий Никифора I: он полагает, что попытка возобновить круговую поруку при уплате податей благоприятствовала концентрации земельной собственности ⁴¹³. Расценивая аграрную политику императоров Македонской династии как защиту мелкого землевладения, Малафосс считает ошибкой то, что они не столько содействовали развитию мелкой собственности, сколько поддерживали, сохраняли ее, осуществляя негативную, а не конструктивную политику ⁴¹⁴. Именно в этом видит Малафосс причину обреченности их мероприятий.

С конца IX в. в Византии развиваются феодальные отношения и феодальное право. Это процесс охарактеризован Малафоссом на сравнительно ограниченном материале, почерпнутом преимущественно в книге Руйар (наиболее оригинален здесь анализ поздних схолий к «Земледельческому закону»), — ни советская литература вопроса, ни по-русски написанная статья Острогорского о писцовых книгах ему не известны. Тем более показательно, что при характеристике византийского феодализма Малафосс подробнее останавливается на положении зависимого крестьянства ⁴¹⁵, нежели на феодальных институтах, из которых он особо выделяет пронику.

Таким образом, и в этой статье Малафосса немало интересных конкретных наблюдений, и, если бы не предвзятое стремление опровергнуть советское византиноведение (с которым он плохо знаком), он мог бы значительно четче вскрыть аграрную эволюцию Византии.

В связи с изучением византийской десятины-морты затронул вопрос о «Земледельческом законе» и Шмид, который, рассматривая морту как специфически церковную форму платежей, предполагал, что этот памятник, упоминая мортита, был составлен духовным земельным собственником или его советником ⁴¹⁶. Вместе с тем Шмид пришел к выводу, что «Земледельческий закон» возник в Южной Италии или в центральных областях Византийской империи ⁴¹⁷. Мы не будем сейчас специально останавливаться на противоречиях в концепции Шмида (в частности, термин «морта», которому он придает решающее значение, не употреблялся в Южной Италии); важно, однако, отметить, что рассуждения Шмида имели целью разорвать ту связь «Земледельческого закона» со славянским вторжением, о которой писали в свое время Васильевский и Ф. Успенский и о которой говорили и Острогорский, и Хауссиг. Эта-то тенденция, едва наметившаяся в статьях Шмида, была затем развита Караяннопулосом.

Если работа Малафосса посвящена всестороннему анализу правовых норм «Земледельческого закона» и схолий к нему, то задача, которую

⁴¹⁰ Ibid., p. 57, n. 69.

⁴¹¹ Ibid., p. 55 sq.

⁴¹² Ibid., p. 63.

⁴¹³ Ibid., p. 60 sq.

⁴¹⁴ Ibid., p. 65.

⁴¹⁵ Ibid., p. 67 sq.

⁴¹⁶ H. F. Schmidt. Byzantinisches Zehntwesen, S. 59.

⁴¹⁷ H. F. Schmidt. La legge agraria *Nomos Georgikos* bizantina e le origini delle decime ecclesiastiche nell'Italia meridionale. «Atti dello VIII Congresso intern. di studi bizantini», vol. II, 1953, p. 392 sq.

поставил перед собою Караяннопулос, была совершенно иного порядка: он стремился доказать, что «Земледельческий закон» не имеет никакого отношения к славянскому вторжению в Византию⁴¹⁸ и что этот памятник вообще не свидетельствует о каких-либо аграрных преобразованиях в VII в.⁴¹⁹ Обосновываются эти положения двояко. Прежде всего Караяннопулос стремится оторвать «Земледельческий закон» от эпохи славянских вторжений; для этого он подвергает сомнению аргументацию Дэльгера (и Малафосса, добавим мы от себя), отнесших его составление к VII — началу VIII в. Впрочем, все соображения Караяннопулоса сводятся лишь к утверждению, что предложенные Дэльгером хронологические рамки, быть может (*vielleicht*), следует расширить; при этом Караяннопулос ссылается на то обстоятельство, что древнейшие рукописи «Земледельческого закона» относятся только в XI в.⁴²⁰

Далее Караяннопулос утверждает, что в «Земледельческом законе» нет никаких новых правовых норм, а есть только старое право (*nur älteres Recht*), восходящее к законодательству Юстиниана и к локальным обычаям⁴²¹. При этом, однако, Караяннопулос совершает серьезную логическую ошибку: показать, что в «Земледельческом законе» имеются старые нормы, восходящие к римскому праву и даже к библейским установлениям, еще не значит доказать, что все нормы этого памятника соответствуют римскому законодательству. Уже Малафосс выяснил, что трактовка вопроса о *superficies* в «Земледельческом законе» коренным образом отличается от трактовки его в римском праве, — однако Караяннопулос вовсе не затрагивает этого вопроса.

Очень большое значение Караяннопулос придает критике взглядов Острогорского на превращение в VII в. римской эпиболы в аллиленгий. Суть возражений Караяннопулоса заключается в том, что уже в Римской империи существовали обе формы привлечения соседей к уплате налогов за пустующие земли: как с передачей им земельного владения, так и без передачи его⁴²². В соответствии с этим Караяннопулос упрекает Острогорского в неточности проводимой им дефиниции между эпиболой и аллиленгием⁴²³. Из этого — пожалуй, небезосновательного — упрека Караяннопулос, однако, делает далеко идущий вывод: он отвергает вовсе теорию Острогорского о коренных общественных преобразованиях в VII столетии⁴²⁴.

Опять-таки и в этом случае Караяннопулос допускает логическую ошибку, считая доказанным совсем не то, что он доказывал. Пусть византийский аллиленгий не отличается в принципе от позднеримской эпиболы — из этого вовсе не следует, что в VII в. империя не пережила коренных социально-экономических сдвигов. Дело в том, что Караяннопулос

⁴¹⁸ J. Karayannopoulos. Entstehung und Bedeutung des Nomos Georgikos. BZ, 51, 1958, S. 358 f.

⁴¹⁹ Ibid., S. 364 f.

⁴²⁰ Ibid., S. 369 f.

⁴²¹ Ibid., S. 368, 373.

⁴²² Ibid., S. 367 f. Cp. i d e m. Die kollektive Steuerverantwortung in der frühbyzantinischen Zeit. VSWG, Bd. 43, 1956, № 4, S. 302, 319; i d e m. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen States. München, 1958, S. 258.

⁴²³ I d e m. Die kollektive Steuerverantwortung..., S. 291.

⁴²⁴ Ibid., S. 320 f. Cp. i d e m. Das Finanzwesen..., S. 259. Один из ближайших предшественников Караяннопулоса (если не вспоминать о Каллигасе, Панченко и Эшбернере) — французский египтолог Р. Ремондон утверждал (в рецензии на книгу Руйар), что VII столетие не было временем упадка крупной собственности, но лишь эпохой «равновесия» (!), достигнутого в конце VI в. (R. Remondón. Byz., vol. 23, 1953, p. 557). Настаивая на том, что парик не похож на западного виллана, Ремондон все же допускал, что при Палеологах сложился феодализм западного типа (ibid., p. 558 sq.).

проходит мимо той точки зрения (представленной, в частности, в работах Монье и Малафосса), согласно которой в VII в. вовсе была отменена эпита, возродившаяся (под названием «аллиленгий») лишь к началу X в.

С этими соображениями связана и критика Караяннопулосом теории Острогорского о возникновении в VII в. фемного строя и стратиотского землевладения⁴²⁵. Согласно Караяннопулосу, возникновение фем было результатом крайне медленного процесса, начавшегося в IV в. и завершившегося только в VIII столетии⁴²⁶; что же касается стратиотского землевладения, то оно восходит к системе наделов римских *limitanei*⁴²⁷. Из всего этого делается вывод, что говорить о «глубоком социальном перевороте» VII в. нет никаких оснований⁴²⁸.

В рассуждениях Караяннопулоса и на этот раз обнаруживается логическая ошибка. Действительно, он обращает внимание на любопытное обстоятельство: византийские источники VII—IX вв. (до «Тактики» Льва VI) не упоминают о стратиотских наделах⁴²⁹; но если это так, то спрашивается, какие у нас основания протягивать прямую линию от римских *limitanei* к стратиотам X в.? Кроме того, Караяннопулос, как и раньше, совершает непростительный переход от частного к общему: пусть даже система стратиотских наделов, хорошо известная по новеллам X в., возникла не в VII столетии, но позднее, — ведь это ни в малейшей степени не подрывает концепции Острогорского (развитой, напомним, в специальных работах Штадтмюллера) о крестьянском характере ополчений VII—IX вв. Для того, чтобы отвергнуть концепцию Острогорского, Караяннопулосу недостаточно поставить под сомнение тезис о стратиотских наделах — он должен был бы доказать, что в Византии VII—IX вв. сохранялась римская военная система. Но этого он не делает, да и не может этого сделать.

Караяннопулос выступил также и против представлений Острогорского о развитии аграрных отношений в Византии в последующие столетия. Рецензию на книгу Острогорского о византийском крестьянстве Караяннопулос начинает с упрека в том, что югославский историк не рассмотрел систематически вопроса о византийском феодализме, и это, полагает рецензент, дает ему самому основание тоже не затрагивать проблемы; он только замечает, что предложенная Острогорским трактовка феодализма (которую, как уже отмечалось, Штадтмюллер считал близкой к пониманию этого термина в советской историографии) является «субъективной»⁴³⁰. Выше было показано, что проблема феодализма поставлена Острогорским так широко, как никем до него в западной византийстике, что он рассмотрел различные аспекты феодальных отношений — от феодальной ренты до феодальных институтов. Поэтому упрек Караяннопулоса бьет мимо цели. Но мы уже знакомы с методом его аргументации: и в этом случае Караяннопулос сосредоточивает свое внимание на частных вопросах, обходя стороной главную проблему.

Прежде всего, греческий ученый выступает против положения Острогорского о том, что государственные крестьяне с X в. становятся феодально-зависимыми людьми, поскольку их повинности теперь не отличаются от

⁴²⁵ J. Karayannopoulos. Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung. München, 1959, S. 2. Первоначально эти мысли были высказаны им в статье «Contributin au problème des „thèmes“ byzantins» («Hellénisme contemporain», vol. 10, 1956, p. 460).

⁴²⁶ J. Karayannopoulos. Die Entstehung..., S. 59 f., 70 f.

⁴²⁷ Ibid., S. 74 f., 88.

⁴²⁸ Ibid., S. 73.

⁴²⁹ Ibid., S. 81 f.

⁴³⁰ J. Karayannopoulos. BZ, 50, 1957, S. 168.

ренды частновладельческих париков. Напротив, Караяннопулос считает, что государственные крестьяне (димосиарии) — вовсе не зависимые люди, а просто лица, обязанные платить налоги в казну⁴³¹. Стараясь обосновать свой тезис, Караяннопулос обращается прежде всего к анализу терминологии⁴³². Однако ограниченность терминологического анализа была признана уже Дэльгером: для решения вопроса о димосиариях нужно рассмотреть реальный статус государственных крестьян в Византии X и последующих столетий. При этом обнаружится, что они уплачивали налог, принципиально не отличавшийся от ренты частновладельческих париков, и были прикреплены к земле. Поскольку крестьяне-димосиарии не обладали свободой перехода, платили государству ренту, аналогичную ренте частновладельческих париков, и к тому же возделывали землю, собственником которой было государство, нет никаких оснований считать их свободными плательщиками налогов.

Караяннопулос возражает и против выдвинутого Острогорским положения о двойственности статуса париков, характерной для поземельных отношений феодального общества. Следуя за Дэльгером, Караяннопулос постулирует существование категории ипостатиков, которые были собственниками одной части своего надела и арендаторами другой части⁴³³. Однако его аргументация является чисто умозрительной, не опирающейся на источники, которые свидетельствуют о возможности византийских париков продавать «свою» землю монастырю или светскому сеньору, обладавшему верховной собственностью на покупаемую у крестьян землю⁴³⁴.

Таким образом, возражения Караяннопулоса касаются частных, но существенных вопросов византийского феодализма: проблемы двойственности феодального права и проблемы государственного крестьянства; в обоих случаях Караяннопулос стремится отвергнуть то новое, что было внесено в науку Острогорским.

Караяннопулос вышел из школы Дэльгера, однако в своих исследовательских приемах значительно отличается от учителя. Дэльгер — прежде всего знаток фактов, неутомимый искатель новых свидетельств источников. Его метод — накопление огромного фактического материала и стремление расположить его в определенной системе. Напротив, накопление новых фактов не интересует Караяннопулоса: достаточно сказать, что в полемике с Острогорским он аргументирует только теми данными, которые почерпнул из рецензируемой книги.

Главное же, что характеризует Караяннопулоса, — стремление к деструкции; он не создает новых концепций, он лишь стремится разрушить существующие. Спора нет, иногда ему удается обнаружить слабые места в аргументации тех, с кем он полемизирует, и поставить под сомнение некоторые частные положения; но за этим всякий раз следует одна и та же логическая ошибка: частный результат обобщается, и целая большая концепция объявляется порочной.

Караяннопулос занимается проблемами аграрной истории Византии, не зная русского языка; работы русских дореволюционных византинистов, равно как и советских ученых, ему недоступны — за исключением отдельных трудов, которые для него специально переводят (так, он использовал статью М. Я. Сюзюмова о «Земледельческом законе», восприняв отсюда очень важное положение о дуализме общинной собственности, за-

⁴³¹ J. Karayannopoulos. BZ, 50, 1957, S. 171.

⁴³² Ibid., S. 170.

⁴³³ Ibid., S. 179 f.

⁴³⁴ Подробный разбор рецензии Караяннопулоса см. А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, З. В. Удальцова. Византия и Запад в современной буржуазной историографии. «Против фальсификации истории». М., 1959, стр. 390—397.

ключающемся в сосуществовании общинной собственности на неподеленные участки и наличия частных парцелл⁴³⁵, — мысль, кстати сказать, и ранее высказывавшаяся в русской литературе). Не зная советской византистики, Караяннопулос, тем не менее, лихо с ней воюет. Так называемая славянская теория происхождения «Земледельческого закона» существует, утверждает Караяннопулос, только в советской историографии; она сводится, по Караяннопулосу, к трем пунктам: право «Земледельческого закона» — это славянское право; в византийской деревне того времени существовала общинная собственность на землю; византийская деревня знает периодические пределы⁴³⁶.

Как не вспомнить при этом, большинство советских византистов не признает *μερισμοί* «Земледельческого закона» периодическими переделами, что советские ученые не считают «Земледельческий закон» записью славянского права (так полагал Ф. Успенский), но видят в нем памятник византийского права, возникший в условиях расселения славян и возрождения местных общин; что же касается вопроса об общинной собственности, то сам Караяннопулос воспринял точку зрения Сюзюмова относительно дуализма византийской общины, господствующую в советской исторической науке.

Расхождение — глубокое и принципиальное — между концепцией Караяннопулоса и советских ученых лежит совсем в иной плоскости. Суть его станет ясным, если обратить внимание на две характерные черты историко-политических воззрений Караяннопулоса: на последовательно отстаиваемый им тезис о неизменности общественных порядков в Византийской империи и на идеализацию деспотического государственного аппарата. Первая черта проявляется в отрицании переворота в общественных отношениях VII в., в стремлении доказать, что «Земледельческий закон» — памятник, не содержащий новых норм. Вторая — выступает в апологии ранневизантийской налоговой политики и всего ранневизантийского государственного аппарата, деятельность которого определялась будто бы принципом справедливости⁴³⁷. Если в 30-е и 40-е годы опыт фашистского тоталитарного государства постепенно привел либеральных представителей западного византиноведения к отказу от фискальной теории и к признанию в византийском государственном аппарате силы, вызвавшей экономический и политический упадок страны (в последние годы эту точку зрения всего последовательнее развивал Хауссиг), то Караяннопулос возвращается к идеализации «сильного» государства.

К взглядам, напоминающим концепцию Караяннопулоса, близок нынешний глава французских византистов П. Лемерль. Его путь в науку был совсем иным, нежели у Караяннопулоса: последний сразу начал с обобщающих работ, Лемерль — с издания и комментирования актов⁴³⁸.

⁴³⁵ J. Karayannopoulos. Entstehung und Bedeutung..., S. 361.

⁴³⁶ Ibid., S. 358 f.

⁴³⁷ J. Karayannopoulos. Der frühbyzantinische Kaiser. BZ, 49, 1956, S. 372 f.; idem. Das Finanzwesen..., S. 17, 25 и др. Ср. критические замечания рецензентов: G. Ostrogorsky. VSWG, Bd. 47, 1960, S. 259 f.; М. Я. Сюзюмов. ВВ, XX, 1961, стр. 260 сл. Наоборот, полностью поддерживает Караяннопулос Г. Герстингер (H. Gerstinger. «Südostforschungen», Bd. 18, 1959, S. 419 f.).

⁴³⁸ В одной из первых своих публикаций, в издании грамоты Андроника II Палеолога от 1294 г., Лемерль посвятил значительную часть комментария проблемам византийской податной системы (P. Lemerle. Un chrysobulle d'Andronic II Paléologue pour le monastère de Karakala. BCH, vol. 60, 1936, p. 440 sq.). Напротив, при подготовке к изданию актов Кутлумушского монастыря (idem. Actes de Kutlumuş. Paris, 1945—1946. Ср. предварительные публикации: idem. À propos de la fondation du monastère de Koutloumouss: un faux chrysobulle d'Alexis III, empereur de Trébizonde, BCH, vol. 58, 1934; P. Lemerle, A. Soloviev. Trois chartes des souverains serbes conservées au monastère de Kutlumuş. SK, vol. 11, 1940) его внимание было

Его оценка византийского государства также бесконечно далека от апологии, которую мы находим в книгах Караяннопулоса; скорее наоборот, вместе с византийской государственностью Лемерль готов осудить и всю византийскую литературу, полную угодничества перед властью имущими⁴³⁹. Исследовательский метод Лемерля отличен от приемов Караяннопулоса: Лемерль любит неторопливый анализ одного за другим источников, располагаемых в хронологическом порядке, когда факты, извлеченные из одного памятника, прибавляются к полученным при изучении другого; при этом, подобно Дэлгеру и Острогорскому, французский ученый тщательно разбирает внешние данные изучаемого памятника: датировку, вопросы подлинности, проблемы палеографической и дипломатической критики. Наконец, несравнимо лучше Караяннопулоса Лемерль знает советскую историографию, хотя и настроен по отношению к ней весьма критически.

Но что объединяет Лемерля с греческим ученым — это представление о неизменности, консерватизме, общественных порядков в Византии.

В 1957 г. Лемерль сформулировал в общем виде свои взгляды на историю Византии, подчеркнув неизменность ее цивилизации, не знавшей якобы ни юности, ни дряхлости; даже понятие упадка, полагает Лемерль, неприменимо к Византии⁴⁴⁰. Этот консерватизм Византии объясняется ее ролью наследника античного мира, обращенностью всей культуры в прошлое⁴⁴¹. Огромная роль в византийском обществе принадлежала идее императорской власти, воплощенной в василевсе, авторитет которого сохранялся до последних императоров последней династии⁴⁴².

Сущность аграрной эволюции Византии заключается, по мнению Лемерля, в расширении монастырской земельной собственности и привилегированной собственности частных лиц; и монастырские, и светские собственники (среди последних он выделяет проиаров, получавших земли в бенефиций) наделялись землей и освобождались от государственных повинностей, что приводило к сокращению земельного фонда и доходов от патримония. Этот рост земельной собственности, заявляет Лемерль, не следует называть феодализацией, ибо византийское общество не знало иерархии и оставалось всегда совокупностью граждан, которые в равной мере находились под защитой права и справедливости⁴⁴³.

Впрочем, Лемерлю не удается быть до конца последовательным: постулируя тезис о неприменимости к Византии понятия упадка, сам исто

сосредоточено на чисто дипломатических вопросах и на истории монастыря. Для более поздних работ Лемерля также характерен комментарий в манере Бинона или Лопрана: см. P. Lemerle. Un acte du despote Andronic Paléologue (?) pour le couvent de S. Pantéléimon. «Orientalia Christiana Periodica», vol. 13, 1947 (здесь автор просто отказывается рассматривать аграрную проблематику — *ibid.*, p. 567); *id. m.* Note sur la date de trois documents athonites et sur trois fonctionnaires du XIe siècle. REB, vol. 10, 1952; *id. m.* Les archives du monastère des Amalfitains au Mont Athos. EEBZ, t. 23 1953; *id. m.* Trois actes du despote d'Épire, Michel II, concernant Corfou «Προσφορά εις Στ. Κυριακίδην». Θεσσαλ., 1953; *id. m.* Autour d'un prostagma inédit de Manuel II. «Sylloge bizantina in onore di S. G. Mercati». Roma, 1957.

⁴³⁹ P. Lemerle. Prolégomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et Recits» de Kékauménos. Acad. royale de Belgique. Cl. des Lettres. Mémoires, t. 54, f. 1, 1960, p. 95, 100. См. возражения: Г. Г. Литаврин. Был ли Кекавмен, автор «Стратегикона», феодалом? Сб. «Византийские очерки». М., 1961, стр. 217 сл.; Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан. По поводу книги П. Лемерля о «Советах и рассказах» Кекавмена. ВВ, XX, 1961, стр. 286 сл.

⁴⁴⁰ P. Lemerle. La notion de décadence à propos de l'Empire byzantin. «Clasicisme et déclin culturelle dans l'Islam». Paris, 1957, p. 263 sq.

⁴⁴¹ *Ibid.*, p. 264.

⁴⁴² *Ibid.*, p. 264 sq.

⁴⁴³ *Ibid.*, p. 268. Против приложения к Византии термина феодализм Лемерль высказался уже в 1951 г., в рецензии на книгу Закифиноса о финансовом кризисе в Византии (P. Lemerle. Revue des études grecques, vol. 64, 1951, p. 528 sp.)

рик, однако, признает деградацию материальных условий⁴⁴⁴; а там, где возможна была деградация, мог иметь место, по-видимому, и прогресс. Подчеркивая консерватизм Византии, Лемерль, тем не менее, прекрасно понимает, что «одиннадцать столетий истории нельзя заниматься только сохранением наследства»; он допускает, что Византии была присуща «своя собственная эволюция» (*son évolution propre*)⁴⁴⁵. Отвергая понятие византийского феодализма и рассматривая византийское общество как совокупность равноправных граждан, Лемерль не может не видеть, что накопление имущества в руках немногих приводит (как он полагает, в XIV—XV вв.) к распаду общества на «бедных» и «могущественных»⁴⁴⁶; однако он стремится спасти свой тезис, ссылаясь на то, что дифференциация общества была фактом, но не институтом⁴⁴⁷, т. е. не получила правового оформления.

Более подробно эти мысли были развиты Лемерлем в большой статье, посвященной аграрной истории Византии в IV—XI вв.⁴⁴⁸ И здесь Лемерль подчеркивает, что Византия оставалась государством античным⁴⁴⁹, не переживавшим каких-либо существенных перемен на протяжении рассмотренного им периода; и здесь Лемерль отвергает теорию византийского феодализма⁴⁵⁰; и здесь Лемерль отстаивает тезис об огромном влиянии государства на аграрную историю Византии⁴⁵¹.

В соответствии с этими общими принципами Лемерль говорит об отсутствии принципиальных отличий в аграрном строе «протовизантийского» периода и «византийского средневековья»⁴⁵². «Я не вижу революции», — говорит он, касаясь событий VII в.⁴⁵³, и настаивает на сохранении и после этого столетия крупной собственности, зависимого крестьянства, принципа совместной ответственности перед фиском за уплату налогов⁴⁵⁴. Впрочем, и на этот раз Лемерль остается непоследовательным: он допускает, что в VII столетии произошли «радикальные изменения» (*changement radical*), связанные со славянскими вторжениями; однако (и в этом отношении его позиция напоминает рассуждения Данструпа) речь может идти отнюдь не о прямом влиянии славянских общественных порядков, а лишь о том, что возрастание народонаселения империи ликвидировало недостаток в рабочих руках⁴⁵⁵. Таким образом, Лемерль признает воздействие демографического фактора (увеличение плотности населения), но не признает — в отличие от Острогорского — изменения общественной структуры; не случайно поэтому он приходит к тому же выводу, что и Караяннопулос, — к выводу об отсутствии в VII—IX вв. системы стратиготских наделов⁴⁵⁶. Последняя складывается только к X в. и имеет не социальный, а лишь фискальный смысл: она касалась форм экипировки войска, а не создавала ополчения воинов-земледельцев⁴⁵⁷.

⁴⁴⁴ P. L e m e r l e. La notion de décadence..., p. 263.

⁴⁴⁵ Ibid., p. 264.

⁴⁴⁶ Ibid., p. 269 sq.

⁴⁴⁷ Ibid., p. 270.

⁴⁴⁸ P. L e m e r l e. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. «Revue historique», t. 219—220, 1958. См. критический разбор: А. П. К а ж д а н. Еще раз об аграрных отношениях в Византии IV—XI вв. ВВ, XVI, 1959 (сп. ответ: P. L e m e r l e. Etudes byzantines. «Revue des études slaves», vol. 37, 1960, p. 184). Ср. также рецензию R. G u i l l a n d. BS, vol. 20, 1959, p. 84 sq.

⁴⁴⁹ P. L e m e r l e. Esquisse..., t. 220, p. 89.

⁴⁵⁰ Ibidem.

⁴⁵¹ Ibid., t. 219, p. 74.

⁴⁵² Ibidem.

⁴⁵³ Ibid., t. 219, p. 69.

⁴⁵⁴ Ibid., t. 219, p. 74.

⁴⁵⁵ Ibid., t. 219, p. 64.

⁴⁵⁶ Ibid., t. 219, p. 71.

⁴⁵⁷ Ibid., t. 220, p. 67 sq.

Подробно останавливается Лемерль на истории аграрного законодательства X в., которое, по его мнению, отражает не борьбу между крупными и мелкими земельными собственниками, но борьбу между чиновниками — с одной стороны и теми, кто стоял вне чиновной иерархии, — с другой⁴⁵⁸. Рассматривая категории византийского крестьянства XI в., Лемерль снова подчеркивает сходство парикии с колонатными отношениями⁴⁵⁹ и сохранение свободной общины, основанной на фискальной солидарности⁴⁶⁰; он полемизирует с тезисом Острогорского о превращении свободных крестьян в феодально-зависимых людей государства⁴⁶¹; единственное изменение, которое Лемерль допускает для XI в., это количественное возрастание париков за счет свободных крестьян⁴⁶².

К этой работе Лемерля в известной мере примыкает его статья о держании за военную службу при Комнинах, где он, полемизируя с Острогорским, доказывает, что в XI—XII вв. в Византии не существовали фьефы на условии военной службы⁴⁶³, а византийская армия состояла преимущественно из наемников, на содержание которых взимались высокие налоги⁴⁶⁴.

Отвергает концепцию византийского феодализма Лемерль и в работе, посвященной анализу данных «Стратегикона» Кекавмена⁴⁶⁵.

В статьях Лемерля много интересных наблюдений; он привлекает новые факты и нередко дает новую интерпретацию фактам, давно уже известным, но до сих пор неверно объясняемым. В качестве примера укажем на остроумное толкование им известного рассказа Анны Комниной о «прониях с земли и моря»⁴⁶⁶, в которых действительно нельзя усматривать поместья, пожалованные на условиях военной службы, хотя именно так, вслед за Ф. Успенским, поступали многие исследователи. Однако эти удачные частные решения не препятствуют тому, что Лемерль, отвергая представление о развитии византийского общества и тесно с этим связанную концепцию византийского феодализма, отказывается от лучших достижений современного западного византиноведения. Именно, Лемерль настойчиво противопоставляет византийское общество западноевропейскому, рассматривая Византию как азиатское государство⁴⁶⁷.

Мы не будем повторяться, разбирая пункт за пунктом основные положения статей Лемерля; укажем лишь на основные особенности методологии и методики французского ученого.

Внешне метод Лемерля напоминает исследовательскую манеру Острогорского: как и Острогорский, Лемерль разбирает источники в хронологической последовательности, попутно высказывая соображения, касающиеся внешней и внутренней критики документа. Однако при всей близости между методами обоих ученых имеются существенные различия.

Прежде всего, для Острогорского в его наиболее зрелых работах исходный момент — проблема; именно вокруг проблемы группирует он источники, так сказать, внутри проблемы располагает их в хронологический ряд: в статье об иммунитете он особо выделяет вопрос о фискальном им-

⁴⁵⁸ Ibid., t. 219, p. 279.

⁴⁵⁹ Ibid., t. 220, p. 86 sq.

⁴⁶⁰ Ibid., t. 220, p. 92.

⁴⁶¹ Ibid., t. 220, p. 88 sq.

⁴⁶² Ibid., t. 220, p. 91.

⁴⁶³ P. L e m e r l e . Recherches sur le régime agraire à Byzance: la terre militaire à l'époque des Comnènes. «Cahiers de civilisation médiévale», vol. 2, 1959, № 3, p. 280.

⁴⁶⁴ Ibid., p. 279.

⁴⁶⁵ P. L e m e r l e . Prolégomènes à une édition..., p. 80.

⁴⁶⁶ P. L e m e r l e . Recherches sur le régime agraire..., p. 278, n. 70.

⁴⁶⁷ P. L e m e r l e . Byzance et le Croisade. «Relazioni del X° Congr. intern. di scienze storiche», vol. III. Firenze, 1955, p. 618.

мунитете и особо — о судебном; в книге о пронии нередко рассматривает материал актов вместе со скудными известиями, почерпнутыми из нарративных источников. У Лемерля самое изложение строится вокруг источника, материал членится не по проблемам, а по источникам: «Трактат об обложении», новеллы, акты. В результате этого проблема дробится, излагается в связи то с одним памятником, то с другим, но не в связи с совокупностью всех к этой теме относящихся источников. Иными словами, Лемерль в своей методике возвращается, если так можно выразиться, к «додальгеровской» стадии, к приемам Васильевского и Панченко.

Другое отличие метода Лемерля от методики Острогорского более глубоко, хотя и меньше бросается в глаза. Подлинный смысл такого последовательного рассмотрения памятника за памятником состоит в постепенном накоплении свидетельств о новых качествах; такое рассмотрение оправдано, если оно служит целям выяснения изменений, происходящих с течением времени. Когда Острогорский от хрисовула к хрисовулу выясняет нарастание объема иммунитетных прав, — это полноценное использование возможностей, заключенных в таком, надо признаться, для читателя утомительном методе. Но теперь представим себе, что Острогорский, приводя хрисовулу за хрисовулом, ограничился бы лишь констатацией поверхностного факта — констатацией *наличия* иммунитетных прав, — в таком случае заключенные в этом методе возможности остались бы втуне.

А ведь именно так поступает Лемерль. Исследуя документ за документом, он не стремится к выяснению эволюции византийского общества. Он не накапливает фактов, говорящих об изменениях системы стратиготских держаний и характера парических повинностей. Напротив, этот метод служит Лемерлю для того, чтобы постулировать положение о неизменности общественных порядков на протяжении столетий.

Такой результат получается у Лемерля потому, что он оперирует чересчур общими категориями. Его интересует, существовала ли община (община вообще), имелось ли крупное и мелкое землевладение (опять-таки вообще) и т. д. Но ведь эти общие категории присущи самым разным общественным укладам. Трудно назвать эпоху в истории классового общества, когда бы не существовала община или не было крупного (либо мелкого) землевладения. А ведь источники позволяют ставить вопрос об *отличии* позднеримской общины от общины «Земледельческого закона», проследить изменение значения термина «парик», а не только констатировать, что парики были и в IX, и в XI вв. Если бы Лемерль группировал материал не вокруг источника, а вокруг проблемы, и при этом проблемы сравнительно узкой, общественные изменения не ускользнули бы так легко от его взгляда.

Большой знаток материала, внимательный и тонкий наблюдатель, Лемерль не может не замечать фактов. Он знает, что аграрная история Византии привела к резкому расколу деревни на два класса, к росту привилегированного землевладения, светского и духовного, к возложению на крестьянство барщины, продуктовой и денежной ренты. Однако, признав эти явления как факты, Лемерль заявляет, что они не стали *институтом*. Действительно, Византийская империя до последних дней своего существования искусственно поддерживала нормы римского права, и сам Лемерль с полным основанием говорит о византийских правовых сборниках как о весьма далеких от действительности⁴⁶⁸. Значит, если правовые компиляции твердили о равенстве и справедливости, это еще не значит, что Византия и в самом деле была страной, не знавшей общественной иерархии.

⁴⁶⁸ P. L e m e r l e. Esquisse..., t. 219, p. 254, n. 2.

Конечно, в истории Византии были свои специфические черты, отличавшие ее от государств Западной Европы, и та сильная государственная власть, о которой неоднократно говорил и Лемерль, отличала (в ряду иных факторов) Византию от раздробленных раннесредневековых государств. Но эти особенности общественной структуры Византии вполне могут быть поняты в рамках категорий феодального общества, которому свойственны прежде всего свои методы эксплуатации непосредственных производителей, свои способы высасывания из них прибавочного продукта. А эти способы, как признали и Дэльгер, и Острогорский, по сути дела были одинаковыми и в Византии, и на Западе.

В концепции Лемерля есть немало противоречий. Двойственно решает он, по сути дела, важнейший вопрос — о консерватизме и эволюции в Византии; двойственно трактует он и преобразования VII в. — так и остается неясным, произошли или нет, согласно Лемерлю, в VII столетии «радикальные изменения», которые он не хочет назвать революцией (впрочем, пожалуй, он прав, и их действительно не стоит называть революцией). Противоречия Лемерля, если брать их в обобщенном виде, — это противоречия между предвзятостью концепции и добросовестностью ученого.

К взглядам Лемерля в известной мере примыкает американский исследователь Дж. Тилл, также выдвинувший демографическое объяснение событий VII в. По мнению Тилла, к началу VII столетия империя стояла на кануне серьезного кризиса, вызванного нехваткой зерна для армии и городов. Спасение пришло благодаря тому, что в VII и VIII вв. резко сокращается хлебное снабжение Константинополя и армии. Кроме того, в это время происходит значительное возрастание числа рабочих рук — свободных и рабских, тогда как, по мнению Тилла, нет никаких свидетельств об изменении характера экономики в сравнении с V—VI вв.⁴⁶⁹

Еще более близок к концепции Лемерля его ученик Н. Зворонос.

Если в одной из ранних своих работ Зворонос готов был признать феодальный характер присяги на верность, устанавливавшей личные связи между сюзереном и подданным⁴⁷⁰, то позднее он прямо выступил против приложения к Византии понятия «феодализм». При этом Зворонос рассматривает феодализм не как определенную систему политических отношений, но именно как социально-экономическую категорию. «Проблема, которую необходимо решить, — так формулирует задачу Зворонос, — состоит в следующем: имел ли и в какой степени социально-экономический строй Византии ту же самую природу (или структуру), какая была на феодальном Западе, или же там образовалось, как и в мусульманском мире, особое общество — со своими законами, своими традиционными нормами и со своими собственными проблемами»⁴⁷¹.

Вопрос о сходстве социально-экономической структуры Византии и средневекового Запада решался положительно не только советскими историками (Зворонос не знает их работ), но и крупнейшими западными византинистами: Дэльгером, Острогорским и некоторыми другими. Зворонос, не рассматривая взгляды этих ученых, приходит к иному, негативно-

⁴⁶⁹ J. L. Teall. The Grain Supply of the Byzantine Empire, 330—1025. DOP, 13, 1959, p. 133 f. О хлебной проблеме в Византии см. также компилятивную статью Ж. Ришара (J. R i c h a r d. Le problème du blé à Byzance. «L'information historique», vol. 19, 1957, № 3), который следует в основном за Брэтьяну. Ришар считает, что византийское общество XI в. было пронизано «феодальными влияниями» (ibid., p. 97).

⁴⁷⁰ N. S v o r o n o s. Le serment de fidélité à l'empereur byzantin et sa signification constitutionnelle. REB, vol. 9, 1952, p. 135 sq. В сокращенном виде эта статья опубликована в «Actes du VI-e Congrès Intern. d'Etudes byzantines», vol. I. Paris, 1950.

⁴⁷¹ N. S v o r o n o s. Sur quelques formes de la vie rurale à Byzance. «Annales», vol. 11, 1956, № 3, p. 326.

му решению проблемы; по его мнению, византийское общество разделялось на свободных и рабов, положение которых не отличалось от положения рабов в Риме⁴⁷²; в Византии господствовала полная (квиритская, как выражается Зворонос) собственность на землю, соответствовавшая нормам римского права⁴⁷³. Далее, Зворонос приходит к выводу, что домениальные земли в Византии были незначительными по размерам, а основная масса земли находилась в непосредственном владении крестьян⁴⁷⁴. В преобладании мелкой обработки земли Зворонос ищет объяснение того факта, что «византийский мир оказал явное сопротивление политическим формам феодализма, даже в ту эпоху, когда определенные учреждения оказывали влияние на процесс феодализации в Византии»⁴⁷⁵.

К тому же выводу приходит Зворонос и в комментарии к изданному им памятнику — фрагментам византийской государственной описи XI в.: там он также говорит о квиритской собственности⁴⁷⁶, утверждая, что в новом источнике нет никаких данных в пользу концепции византийского феодализма⁴⁷⁷.

Значение работ Звороноса заключается прежде всего в том, что он резче, чем кто-либо из западных византинистов, поставил вопрос об экономическом содержании феодализма. Однако, как и Лемерль, он подчеркивает консервативность, неизменность общественных порядков в Византии. Изданный им источник свидетельствует о резкой концентрации земельной собственности в XI в., о практическом исчезновении мелкой самостоятельной собственности — Зворонос же вопреки этим фактам утверждает, что общественные отношения, согласно кадастру XI в., не отличались от общественных порядков, обрисованных в «Трактате об обложении»⁴⁷⁸. Как и Лемерль, Зворонос придает чрезмерно большое значение правовым нормам: квиритская собственность, наличие которой он допускает, существовала лишь в воображении компиляторов-юристов, но не в действительности⁴⁷⁹.

5

Мы кончаем. Перед нами прошли десятки книг, статей и рецензий, затрагивающих самые различные аспекты аграрной историографии Византии, по-разному решающие ее важнейшие проблемы. Но вот что оказывается: в развитии концепций аграрной истории Византийской империи царит своя закономерность, отнюдь не произвольно сменяют одна другую школы и направления.

⁴⁷² Ibid., p. 327.

⁴⁷³ Ibid., p. 328.

⁴⁷⁴ Ibid., p. 329 sq.

⁴⁷⁵ Ibid., p. 335. Ф. Дэльгер в заметке об этой статье (BZ, 50, 1957, S. 533) кратко отмечает сходство взглядов Звороноса с его собственной концепцией. Это странно, так как Дэльгер, как мы показали, исходил из принципиального сходства экономики византийской деревни с западной.

⁴⁷⁶ N. G. S v o r o n o s. Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles: le cadastre de Thèbes. BCH, vol. 83, 1959, p. 143.

⁴⁷⁷ Ibid., p. 144 sq.

⁴⁷⁸ См. возражения: Г. Острогорски. Византиска сеоска општина. «Глас САН, од. друштвених наука», т. 250, 1961, кн. 10, стр. 153 исл.; А. П. К а ж д а н. Критические заметки по поводу изданий византийских памятников. ВВ, XVIII, 1961, стр. 281 сл.

⁴⁷⁹ Сам Зворонос в рецензии на изданные Гийу акты Меникийского монастыря характеризует пронию как условное владение (possession conditionnée), превращающееся в аллодальную собственность (biens alodiaux) (N. S v o r o n o s. «Revue historique», vol. 219, 1958, p. 146); иными словами, он пользуется терминологией феодального, а не римского права.

Действительно, в 20-е годы в западной византинистике господствовала фискальная теория, исходившая из представления о творческой роли государственного казначейства, будто бы способного в фискальных интересах преобразовывать общественные отношения. Подоплека фискальной теории состояла в идеализации сильного государства; главным источником, который тогда изучался, был «Трактат об обложении», главным объектом исследования — свободная (податная) община.

С середины 30-х годов фискальная теория терпит крах. Мы старались показать, что это объясняется прежде всего политическими причинами: либеральная историческая наука, напуганная фашистским тоталитаризмом, не могла более идеализировать тоталитаристское государство средневековья, каким в изображении западной историографии давно уже выступала Византия. К тому же, как мы видели, фашистские и профашистские круги достаточно откровенно выказали тенденцию к идеализации Византии с ее корпоративными началами, с ее (мнимой!) защитой крупного крестьянства.

Но крах фискальной теории имел и другие причины. Уже с конца 20-х годов центр тяжести исследования переносится с «Трактата об обложении» на акты и, соответственно, с X на XI—XV столетия. Чем больше ученые углубляются в изучение актов, тем более отчетливо предстает перед ними византийское поместье XI—XV вв. Теперь уже не община, а поместье — главный объект исследования.

Из всего этого естественно вытекал вопрос о соотношении византийского поместья с западноевропейским. Факты были неумолимы. Они заставляли признать феодальный характер византийской экономики, принципиальное ее сходство с экономикой средневековой Западной Европы. Почти все крупные исследователи византийских актов приходят к признанию византийского феодализма.

Несколько позднее, с середины 40-х годов, появилось то направление, которое мы условно назвали политико-социологическим. Ученые этого направления стремились дать общую характеристику феодальных порядков в Византии, но феодализм они понимали очень ограниченно, как определенную систему политических взаимоотношений между сеньором (государством) и вассалами, и отождествляли его с децентрализацией, с болезнью государственного организма, с упадком.

В конце 40-х годов в западном византиноведении происходят важные перемены, связанные с выходом первой работы Острогорского, написанной в новом плане, — «Писцовых книг». В этом труде и в ряде работ 50-х годов Острогорский развивает новое для западной византинистики представление о феодализме как об определенной экономической категории, специфика которой скрыта в характере взаимоотношений не между сеньором и вассалом, а между земельным собственником и крестьянином. Из системы децентрализации феодализм превращается в систему рентных отношений.

И вот тут происходит нечто, на поверхностный взгляд неожиданное, а в действительности в полной мере закономерное: западная византинистика, которая, казалась бы, достигла того в достаточной мере глубокого понимания византийского феодализма, к которому она постепенно приближалась с середины 30-х годов, западная византинистика, повторяем, внезапно делает крутой поворот и начинает отходить от «феодалистской» теории. Не только такие исследователи, как Караяннопулос и Лемерль, выступают против теории византийского феодализма, но гораздо сдержаннее и настороженнее относятся к ней те, кто еще недавно сам готов был принять ее: Закифинос, Грегуар, даже Харанис.

Чем объяснить этот поворот в византинистике, наметившийся особенно четко с середины 50-х годов? Нам думается, объяснение дал уже Штадтмюллер, который, как мы писали, обратил внимание на близость трактовки византийского феодализма в работах Острогорского и в трудах советских византинистов. «Феодалистская» теория показалась «страшной» именно своей близостью к концепциям советских ученых.

Сколько «оскорбительных» упреков (прежде всего — в схематизме и приверженности к теории формаций) было брошено западными византинистами советским исследователям!⁴⁸⁰ Впрочем, работы советских ученых, как правило, используются лишь для украшения аппарата, но не изучаются на Западе: в последнее время все учащаются случаи, когда западные исследователи приходят к конкретным выводам, за несколько лет до них сделанным нашими византинистами, — и это относится не только к сравнительно молодым авторам, как Гликаци-Арвейз или Зворонос, но и к таким опытным ученым, как Кирстен или Шмид. Если мы не ошибаемся, за 40-е и 50-е годы в западных византиноведческих журналах не появилось ни одной рецензии на советские работы по истории аграрных отношений в Византии. И все же эта неведомая советская византинистика, которую так любят упрекать в схематизме, была в конечном счете причиной столь резкого антифеодалистского поворота, который происходит на наших глазах. В страхе перед жупелом «советского схематизма» западная византинистика готова отречься от теории феодализма, выстраданной (да простят нам это слово) в трудном развитии науки 30-х и 40-х годов.

Главное, что противопоставляют сейчас Острогорскому, — это теорию неподвижности, неизменности Византии, будто бы дожившей до турецкого завоевания с сохранением тех же общественных отношений, тех же правовых норм, какие были налицо при Константине I. Поэтому спор о феодализме — это не спор о словах, как иногда говорят западные историки, но спор о *развитии*. Основной водораздел, который наметился в настоящее время между ведущими направлениями западного византиноведения, заключается в следующем: признать или не признать живое, творческое развитие Византии, протекающее в принципе (хотя и со своими особенностями) по тому же пути, что и развитие Западной Европы, а именно — от античных общественных порядков к обществу, построенному на феодальных основах (в широком понимании этого термина). А с этим вопросом тесно увязывается второй: знала ли Византия переходный период, когда старые, античные формы общества уже распались, а новые, феодальные еще не сложились. Таковы две тесно между собой переплетающиеся основные проблемы, которые стоят сейчас перед историками византийской деревни, или, точнее говоря, перед историками социально-экономических отношений в Византии, поскольку в настоящее время уже ясно, что изучать историю деревни в отрыве от истории города невозможно.

Но вопрос о византийском городе — особый вопрос.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абель А. 179
Абрамсон М. Л. 180
Алексиев В. 184
Аликсандр П. 160
Анастасиевич Д. 172
Ангелов Д. 166

Андреадис А. 129, 130, 132,
136, 140, 141—142, 144,
167
Андреева М. А. 136, 157, 160
Арион К. 184
Астрик К. 181

Банк А. В. 179
Бах Э. 169
Безобразов П. В. 132—134,
155
Бекк Г. Г. 179
Белломо М. 169

⁴⁸⁰ См. особенно В. R u b i n. Probleme der Sowjetbyzantinistik. «Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses». München, 1960.

- Бинон С. 160, 181, 190
 Божич И. 175
 Бонпер Ж. 179, 182
 Браунинг Р. 180
 Брейе Л. 179—180
 Брентано Л. 129, 130, 132
 Бринкман К. 138
 Бретиану Г. 145, 194
 Бурмов А. 131
 Бусси Э. 169
 Бутруш Р. 168
 Бьюри Дж. 128
 Вэлл Х. Дж. 138
 Барбулеску К. 168
 Валентини П. 176
 Вальдинг Ж. П. 144
 Васильев А. А. 128, 130, 133, 139, 140, 144, 147, 160, 162
 Васильевский В. Г. 128, 143, 146, 181, 185, 193
 Ватанабе К. 176
 Вернадский Г. В. 132—133, 134—136, 139, 143, 167
 Врионис С. 166
 Гейзенберг А. 130
 Герланд Э. 132
 Герман Э. 160, 175
 Герстингер Г. 189
 Гийан Р. 154, 169, 183, 190
 Гийу А. 181, 182
 Гликаци-Арвейз Э. 180—181, 197
 Горянов Б. Т. 175, 179
 Гранич Ф. 129, 141
 Грегуар А. 136, 138, 182—183, 196
 Гуревич А. Я. 153, 154
 Гфререр А. Ф. 170
 Гшницер Ф. 150, 154, 177
 Данструп И. 162—163, 164, 165, 173, 181, 191
 Дауни Дж. 176
 Диль Ш. 128
 Диомидис А. 168, 169
 Дрексл Ф. 138
 Дуйчев И. 150
 Дэльгер Ф. 132, 137—140, 141—143, 145, 146—150, 151, 152, 154, 155, 157, 160—162, 165, 168—174, 176, 177, 180, 181, 182, 184, 186, 188, 190, 194, 195
 Дюссо Р. 180
 Жонтар И. 175
 Закифинос Д. 147, 156, 157—159, 168, 169, 179, 196
 Зворонос Н. 194—195, 197
 Зографос Д. 130
 Иванка Э. 180
 Иорга Н. 131—132, 140
 Каждан А. П. 142, 175, 180, 188, 190, 191, 195
 Каллигас П. 128, 134, 180, 186
 Канар М. 184
 Канторович Э. 168
 Капшесова Г. 168, 180
 Караяннопулос И. 183, 185—189, 190, 191, 196
 Кирстен Э. 176—177, 178, 197
 Коллом П. 152
 Константинеску Н. А. 134—135, 136—138, 140, 143, 161—163
 Корнеман Э. 144
 Крипарас Э. 180
 Крумбахер К. 128
 Ксаналатос Д. 150—151
 Кукулес Ф. 179
 Ласкарис М. 160, 179, 182
 Левченко М. В. 184
 Лемерль П. 180, 189—194, 195, 196
 Лефевр де Ноатт 160
 Линдсей Дж. 167—168, 178
 Липшиц Е. Э. 184
 Литаврин Г. Г. 188, 190
 Лоньон Ж. 154, 158
 Лоран В. 181—182, 190
 Малафосс Ж. 184—185, 186, 187
 Марцемини Дж. 144
 Миквиц Г. 144—145, 150
 Михаил, иеромонах 133, 155
 Михаэлис Г. 183
 Младенович М. 183
 Монтевеки О. 154
 Монье А. 128, 130, 133, 154, 155, 187
 Моравчик Д. 138
 Мошин В. А. 155—156, 160, 162, 166, 170
 Мутафчиев П. 130—131, 132—134, 143
 Найкол Д. 179
 Николь Ж. 144
 Ноттари Г. 182
 Острогорский Г. А. 131, 136—137, 138, 140—143, 145, 149—154, 156, 162, 164, 167, 170—175, 176—179, 182, 183, 185—188, 190—197
 Паллас Д. 168
 Панченко Б. А. 128, 132—134, 143, 155, 174, 181, 186, 193
 Паулова М. 164
 Пергузи А. 181
 Платон Ж. 163, 173
 Радойчиц Н. 131
 Ремондон Р. 154, 186
 Ришар Ж. 194
 Рубин Б. 197
 Рудаков А. П. 129, 133, 134
 Руйар Ж. 147, 152—154, 160, 162, 163, 173, 185
 Рансимен С. 161, 162
 Сакизов И. 160
 Сан-Николо М. 138
 Сатурник Т. 160
 Сеттон К. М. 166—167, 176
 Сигалас А. 138
 Скабалапович Н. А. 128, 142
 Совре А. 155
 Соколов И. И. 151
 Соловьев А. В. 153, 155, 156—157, 160, 162, 189
 Стефану П. 180
 Сюзюмов М. Я. 180, 188, 189
 Тилл Дж. 194
 Торнаритис И. 138
 Удальцова З. В. 131, 188
 Успенский К. Н. 128, 133, 134, 144
 Успенский Ф. И. 128, 143, 185, 189, 192
 Ферлута Я. 176
 Ферьянчиц Б. 175
 Филипович Н. 176
 Хаджиниколау-Марава А. 180
 Харанис П. 158, 163—166, 176, 179, 180, 196
 Хаританис Г. 138
 Хауссиг Г. В. 177—179, 180, 185, 189
 Хунгер Г. 181—182
 Цахариэ фон-Лингеталь К. Э. 128, 134, 140
 Цибарт Э. 130
 Цуретти К. О. 138
 Черноусов Е. А. 136
 Чубрилович В. 176
 Шевченко И. 176
 Шмид Г. Ф. 182, 185, 197
 Шпулер В. 154
 Штадтмюллер Г. 151—152, 165, 183, 187, 197
 Штейн Э. 138, 140—141, 149, 151, 152, 161, 164, 183
 Штэкле А. 144
 Эверт-Капшесова см. Капшесова
 Элльоль Ж. 177
 Элбернер У. 128, 134, 139, 167, 184, 186
 Яковенко П. А. 128, 132, 137, 144, 170

М. Я. СЮЗУМОВ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ
ИКОНОБОРЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Трудно указать какой-либо период истории Византии, изучению которого было бы посвящено такое большое количество трудов, как время иконоборчества. Иконоборчество рассматривается с самых различных точек зрения и в самом различном плане — и как религиозная догма, и как философская система, и как «национальная традиция», и как социально-политическая реформа. На историографии византийского иконоборчества так или иначе отразились все направления исторической мысли, а в концепциях, предложенных учеными, в их отношении к борющимся сторонам ярко проявилось влияние событий и идей, современных этим историкам.

КЛЕРИКАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XVI—XVII вв.

В историографии иконоборческого периода невозможно провести четкую границу между богословско-церковной и собственно исторической литературой. И богословы, и историки занимались преимущественно историей споров об иконах. При этом историография иконоборческого движения с самого начала приобрела ярко выраженный актуальный характер. Оно и понятно. Первые шаги в ее разработке относятся к XVI—XVII вв., ко времени религиозных войн эпохи Реформации, заливавших Европу потоками крови. Вопрос о почитании икон был в XVI—XVII вв. одним из тех, вокруг которых велась острая борьба: иконоборческие движения в это время захватывали широкие массы и подчас выливались в мощные революционные выступления против всей системы феодальной эксплуатации. Естественно, что все эти волнующие события не могли не повлиять на историческую мысль.

Византийское иконоборчество рассматривалось в эпоху Реформации, как внутрицерковное движение. Поскольку папство в споре об иконах отстаивало иконопочитание, лютеранские историки XVI в. в своих «Магдебургских центуриях» впервые за много веков церковных проклятий иконоборцам стали реабилитировать их. Они считали деятельность иконоборческих императоров соответствующей духу подлинного христианства¹. Напротив, католические историки, из которых необходимо особо отметить П. Барония² и Л. Мамбура³, видя в иконоборцах предшественников ненавистного им Лютера, обрушились на иконоборчество, как бы продолжив

¹ Mathias Flacius. Centuriones, Historia ecclesiae Christi, I—VII. Basilae, 1559—1574.

² C. Baronius, card. Annales ecclesiastici, 12 vol. 1588—1607, ed. Mansi Lucae.

³ L. Maimbourg. Histoire de l'hérésie des Iconoclastes. Paris, 1683.

тем самым традицию, установившуюся еще со времени VII вселенского собора. В произведениях католических издателей и комментаторов житий святых иконоборцы — это злобные нечестивцы, враги и гонители церкви. В этом отношении ученые иезуиты XVII в. сходятся во мнениях и с православным составителем «Четых Минеи» конца XVII в. Дм. Ростовским, который не упускает случая подчеркнуть свое злобное отношение к «звероименитому» Льву III и «гноеименитому» Константину V.

Протестантские историки церкви, в частности немец Фр. Шпангейм⁴ и француз Жак Банаж⁵, ответили на нападки католических авторов страстной апологией иконоборчества.

Дискуссия между обеими сторонами по вопросу об иконоборчестве приняла грубый и взаимно оскорбительный характер. Объективно положительным результатом ее явилось то, что в XVI—XVII вв. были изданы и прокомментированы основные источники по истории иконоборческого периода⁶.

ИКОНОБОРЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИСТОЛКОВАНИИ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

Просветительная философия XVIII в. вела смертельную борьбу со средневековьем. Особенную ненависть ученых эпохи Просвещения вызывали всевозможные суеверия, которые сковывали сознание масс.

Иконопочитание рассматривалось просветителями, как одна из гнуснейших форм «суеверия». Поклонение иконам, с их точки зрения, унижает человеческое достоинство. Греки, по мнению Ш. Монтескье, впали в идолопоклонство, христианство в Византии вырождалось. Таков взгляд автора знаменитого трактата «Размышления о причинах величия и падения римлян» на положение дел Византийской империи⁷.

Весьма красочно объясняет Монтескье потребность иконопочитания для церкви. Подобно тому, как скифы, чтобы легче держать своих рабов в повиновении, выкалывали им глаза, византийское духовенство затемняло сознание верующих суевериями, чтобы держать их в тупом рабстве. Единственным мотивом деятельности императоров-иконоборцев было, по мнению Монтескье, стремление покончить с гнусным суеверием, произвести очищение христианства. Французский философ резко обрушивается на монахов, которые «не переставали постоянно терзать волнениями тот мир, от которого они отказались». Однако, будучи просветителем, Монтескье не одобряет по сути дела и императоров-иконоборцев, как не одобряет он и Реформацию XVI в. за ее слишком грубые, как ему представляется, насильственные мероприятия.

Взгляды Монтескье на иконоборчество стали определяющими для всех историков-просветителей XVIII в.

Наиболее крупным из них был, как известно, Эдуард Гиббон. Его капитальный труд «Упадок и гибель Римской империи» в течение длительного времени служил главным источником сведений по истории Византии

⁴ «Historia imaginum restituta».

⁵ J. B a s n a g e d e B e a u v i l. Histoire de l'Église depuis Jésus-Christ. Amsterdam, 1699.

⁶ Нужно отметить особенно издание Бrevиария патриарха Никифора, выполненное иезуитом Д. Петаном (Paris, 1616), издание произведений Феофана и Льва Грамматика (1655), а также продолжателей Феофана (1685), осуществленные доминиканцами Гоаром и Комбефисом.

⁷ Ch. M o n t e s q u i e u. Considération sur les causes de la grandeur des Romains et leur décadence. Paris, 1830. Русск. перевод: Ш. М о н т е с к ь е. Избранные сочинения. М., 1955, стр. 146.

не только в XVIII в., но и отчасти в XIX в.⁸ С едкой иронией излагаются здесь факты религиозной борьбы и нетерпимости в Византии. В основном Гиббон сочувствует иконоборчеству; говоря о соборе 754 г., он признает в этом движении наличие и здравого смысла, и благочестия. Чтобы охарактеризовать отношение Гиббона к иконопочитанию, достаточно привести его отзывы о соборе 788 г.: «Акты Никейского собора, — писал историк, — представляют собой интересный памятник суеверия и невежества, лжи и безрассудства» (т. 5, стр. 424), или: «Сердечный союз монахов и женщины одержал решительную победу над рассудком и авторитетом мужчин» (там же, стр. 423).

Одновременно с Гиббоном историю Византии писал Шарль Лебо⁹. Период иконоборчества освещен у него очень подробно, однако его труд представляет собою не критическое переложение источников. Основной тезис Лебо: когда государь желает стать богословом, он делается тираном¹⁰.

ИКОНОБОРЧЕСТВО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИСТОРИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Влияние Гиббона на историческую мысль было весьма значительным. Однако после Французской революции, когда буржуазно-либеральную интеллигенцию охватил ужас перед методами политики якобинцев, отношение к иконоборчеству в буржуазной историографии изменилось. Показательны взгляды известного немецкого историка Фридриха Шлоссера. Как просвещенный, либерально настроенный исследователь, он, разумеется, считал позицию иконоборцев правильной. Но Шлоссер выступал приверженцем идей гуманности вообще и не был борцом против тьмы и невежества. Его «История»¹¹ представляет собой образец строго выдержанной оценки деятельности отдельных политиков и правителей с точки зрения отвлеченно понимаемых принципов морали и «человечности».

Все это сказалось на трактовке Шлоссером иконоборчества, которому он посвятил специальный труд¹². Хотя Шлоссер признавал иконопочитание суеверием, однако оно было, полагал он, привычным для масс, укоренившимся, вошедшим в народный дух, а потому и борьба с иконопочитанием являлась излишней. По Шлоссеру, иконоборчество было навязано Львом III наперекор привычным верованиям народа и против воли церкви; тем самым в жизнь Византии были внесены тяжелые смуты.

В русской историографии сходные взгляды развивал П. Н. Кудрявцев. В работе «Судьбы Италии» он также рисует иконоборцев просвещенными, доброжелательными, но беспочвенными доктринарами-реформаторами¹³. С его точки зрения, народные массы, погрязшие в тупом суеверии, были сплошь фанатичными иконопочитателями; иконоборчество — это какое-то интеллигентски-доктринерское течение, его сторонники не считались с народными верованиями и своими экспериментами внесли в историю Византии ужасы внутренней борьбы.

⁸ E. Gibbon. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire, with introduction, notes, appendices and index by J. B. Bury, vol. 1—7. London, 1896—1900; E. Gibbon. Decline and Fall of the Roman Empire, vol. 1—3 (Everyman's library series). London, 1954.

⁹ Ch. Le Beau. Histoire du Bas-Empire, vol. 1—27. Paris, 1756—1779. Nouv. éd. Vol. 1—26. Paris, 1831—1832 (для данного периода — vol. 12—13).

¹⁰ Ch. Le Beau. Op. cit., vol. 12, p. 152.

¹¹ F. G. Schloesser's Weltgeschichte für das deutsche Volk, I—XXII. Frankfurt a. Main, 1826—1849.

¹² F. Schloesser. Geschichte der bildstürmenden Kaiser des Oströmischen Reiches. Frankfurt a. Main, 1812.

¹³ П. Н. Кудрявцев. Судьбы Италии от падения Западной империи до восстановления ее Карлом Великим. СПб., 1850.

Конечно, эта концепция, представляющая иконоборцев просвещенными деспотами, не понятыми темными массами, неправильна по существу. Для ее подтверждения потребовалось бы доказать особую приверженность народных масс к почитанию икон, что сделать невозможно; кроме того, известно, что иконоборцы были столь же темными, фанатично религиозными людьми, как и иконопочитатели. Ни о какой «просветительской задаче» иконоборцев не может быть и речи. Попытка уподоблять императоров Исаурийской и Аморийской династии Иосифу II была не чем иным, как модернизацией истории.

Идеи просветительской философии подверглись в начале XIX в. резкой критике представителями романтического направления в историографии. Интересно, однако, что в сочинениях, трактующих историю Византии, романтическое отношение к средневековью не получило своего выражения.

Просветительская оценка истории Византии сделалась к тому времени общепризнанной. Протестовать против нее было чрезвычайно трудно. И хотя в годы борьбы греков за свое освобождение мощные филэллинские настроения, охватившие умы прогрессивной европейской интеллигенции, обеспечивали, казалось бы, все возможности для распространения идей романтизма и в историографии Византии, тем не менее влияние просветительской традиции оказалось настолько прочным, что филэллинские симпатии могли быть устремлены лишь в сторону античности. Настоящему филэллину было положительно невозможно обращаться к истории Византии, столь скомпрометированной в глазах передовой интеллигенции. Герои Миссолунги отождествлялись с античными спартамцами; напротив, Византия приравнивалась к Турции; под византинизмом разумелся тот самый деспотизм, тот гнет, против которого в первой половине XIX в. выступили греки. Этим объясняется, почему в историографии Византии не появилось тогда ни одного сколько-нибудь примечательного труда романтического направления. Мрачные образы и факты византийской истории, столь богатой примерами злоупотребления властью, политических убийств, придворных интриг, дикой жестокости, низкопоклонства и гнусной лести, всеобщей коррупции, — все это служило для историков-романтиков только черным, контрастным фоном по сравнению с «светлым» западноевропейским средневековьем.

На почве изучения истории Византии просветители и романтики сомкнулись друг с другом. Это еще более укрепило традиции, восходившие к Гиббону. Романтическое направление среди историков Греческого королевства тоже характеризовалось преклонением перед образами и героями древней Эллады и глубокой ненавистью и презрением к византинизму. Эти черты особенно были свойственны ученому издателю «*Bibliotheca graeca medii aevi*» — Константину Сафе. Он ненавидел Византию больше, чем Гиббон. С его точки зрения, вся история Византии — это борьба между благородным эллинизмом, с одной стороны, ханжеством, лицемерием, формализмом, убивающим поэзию и свободу личности, — с другой. Византия — это «смерть в жизни», это мумия, которую поддерживал эллинистический бальзам. Византизм — это победа варварского, «персидского» начала, против которого боролись эллины и Александр. Единственным просветлением на темном фоне византинизма Сафа считает иконоборческую эпоху. Давая свою трактовку поэмы Нонна о Дионисии, он считает Константина V Копронима воплощением этого лучезарного эллинского бога¹⁴.

¹⁴ G. Sathas. *Bibliotheca graeca medii aevi*, vol. VIII. Paris, 1894. См. рец; А. Кирпичников. ВВ, II, 1895, стр. 442 сл.

Сенсационное выступление Якоба Фальмерайера, наделавшее так много шума вокруг истории Византии в 30-х и 40-х годах XIX в., не имело прямого отношения к историографии иконоборчества. Но поскольку Фальмерайер поднял вопрос о славянском влиянии на судьбы Византии, его концепция послужила толчком для последующего изучения ее истории VII—IX вв., т. е. как раз периода иконоборчества.

Начало нового подхода к иконоборчеству положил английский историк Джордж Финлей (1799—1875), принимавший участие в войне за освобождение греков. Финлей отчетливо видел разницу между современными ему греками и античными эллинами. Византию он также считал обществом совершенно особого порядка. Исходный момент ее истории Финлей видел именно в иконоборческом периоде. По его мнению, высказанному в «Истории Византии»¹⁵, только начиная с иконоборческой династии византийская история перестает быть восточноримской и приобретает свою чисто византийскую специфику. Доводы Финлея были малоубедительными — они носили скорее интуитивный характер. Историк больше чувствовал то новое, чем отличалась византийская империя VIII в. от юстиниановской, чем аргументировал свои положения. Но концепция Финлея имела все же большое значение в развитии историографии данной темы. Впервые иконоборцы были охарактеризованы не как религиозные, а гражданские реформаторы, преобразовавшие и оживившие весь строй Византии.

Последующим историкам удалось подкрепить эту концепцию Финлея солидными фактическими доводами.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ ИКОНОБОРЧЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Новый этап в изучении иконоборчества начался со второй половины XIX в. До того времени иконоборчество трактовалось так или иначе в богословском плане: его изображали либо ересью, либо борьбой против суеверий, либо религиозной реформацией. В качестве источников привлекалась богословская литература, агиографические и исторические произведения. Тогда еще не предпринимались попытки связать иконоборчество с внутренней политикой империи и вообще перевести его изучение в круг вопросов социальной и экономической истории Византии.

Новый период открыло выступление берлинского профессора Цахариз фон Лингентала, работавшего и в Российской Академии наук.

Издавая свои труды по истории византийского права¹⁶, этот ученый обратил особое внимание на «Эклогу» и «Земледельческий закон». Он отметил, в частности, что в «Земледельческом законе», не говорится о зависимых, прикрепленных к земле крестьянах, что крестьяне «Земледельческого закона» — это либо общинники, собственники участков земли, либо свободные арендаторы.

Как раз в те годы, когда Цахариз встретился с названным памятником истории византийской деревни, одной из центральных проблем западноевропейской, а также русской медиэвистики стала проблема общины. То было время триумфа теории Маурера, и естественно, что выступление Цахариз получило широкий отклик, особенно в России, где вопросы аграрного развития находились в центре исторической и публицистической

¹⁵ G. Finlay. History of the Byzantine and Greek Empires from 716—1453 2 vol., 1854; новое изд. — 1906.

¹⁶ Zachariae v. Lingenthal. Innere Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts. Leipzig, 1856, 1858, 1864; объединены: Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts. Leipzig 1877; 3. Aufl. — 1892 (воспроизведено в 1955 г.).

мысли. Стало совершенно ясно, что именно в тот период византийской истории, который принято было называть иконоборческим, в жизни Византии произошли глубокие социально-экономические сдвиги.

Эти изменения в социальном строе Византии были тотчас же поставлены в связь с иконоборческой политикой Исаврийской династии. Исторические перемены легче всего объяснять реформами прогрессивных государей. К тому же с именами исаврийских императоров связывалось представление об их попытках борьбы с суевериями, которая, с точки зрения протестантской и просветительской историографии, явилась прогрессивной и реформаторской. Так в среде византинистов возник целый ряд теорий о реформах иконоборческой династии.

Устанавливая наличие свободной крестьянской общины и констатируя исчезновение категории анапографов, Цахаризэ заключает, что при Льве III Исавре были ликвидированы отношения колоната, т. е. было проведено освобождение крестьян от крепостного права¹⁷. На основании десятой статьи «Земледельческого закона» он утверждал, что в это время снизилась и арендная плата (с шестой до десятой доли урожая).

Исходя из всего этого, историк выводил стройную концепцию той борьбы, которая продолжалась в Византии более ста лет: «Отмена барщины, установление права свободного перехода и понижение земельной ренты не могли быть осуществлены, не затрагивая интересов крупных землевладельцев, особенно церкви и монастырей. В результате поднялась сильная реакция как против церковно-реформаторских стремлений исаврийских императоров, так и против их мероприятий, рассчитанных на улучшение благосостояния крестьянского сословия»¹⁸.

Считая иконоборцев крупными социальными реформаторами, действовавшими в интересах крестьянства, Цахаризэ, в то же время квалифицировал иконопочитателей, являвшихся противниками этих реформ, как сторонников социальной и религиозной реакции. Вместе с тем Цахаризэ пришел к выводу, что и появление свободной крестьянской сельской общины, и аграрная реформа исаврийских императоров совершались под влиянием массовой славянской иммиграции¹⁹.

Хотя эта гипотеза не подкреплялась документальными доказательствами, благодаря авторитету Цахаризэ она получила широкое распространение в литературе. Опираясь на концепцию Цахаризэ, Папарригопуло в 1878 г. в «Истории эллинской цивилизации»²⁰ изобразил иконоборчество, как «замечательную попытку социальной, политической и религиозной революции», во время которой иконоборцами было уничтожено крепостное право. По Папарригопуло, иконоборческая реформа, помимо устранения икон и мощей, имела в виду также изъятие народного образования из рук клира, уничтожение крепостного права, ограничение рабства, введение некоторой веротерпимости и вообще переустройство общества в более либеральном и светском духе. В преобразованиях Исаврийской династии он усматривал своего рода предвосхищение социальных принципов «современного европейского», т. е. буржуазного общества. Мало того, эта «эллинская» реформа, как утверждал Папарригопуло, была даже шире, нежели революция нового времени. В этих словах достигло своего апогея восторженное отношение к иконоборцам, наблюдавшееся в трудах указанных историков. Впрочем, кроме ссылок на Цахаризэ фон Лингенталю, Папарригопуло не приводил никаких аргументов в пользу своей теории. К то-

¹⁷ Zachariae v. Lingenthal. Op. cit., 3. Aufl., S. 251.

¹⁸ Ibid., S. 257.

¹⁹ Ibid., S. 254.

²⁰ M. C. Paparrigopulo. Histoire de la civilisation hellénique. Paris, 1878, p. 182—241.

му же его труд окрашен в ярко националистические тона, вследствие чего изложение материала часто не критично.

Школа Цахариэ — Папарригопуло может быть отнесена к либерально-позитивистскому направлению в историографии Византии. С легкой руки Папарригопуло иконоборчество стало изображаться в качестве социально-политического движения; его религиозно-догматическая сторона отошла на второй план, а иногда и вовсе игнорировалась историками.

Наиболее глубоко и всесторонне изменения в общественном строе Византии VII—IX вв. были изучены русскими учеными, которые поставили во взаимную связь славянское влияние и иконоборческую политику. На несколько десятилетий господствующей в русской науке сделалась «славянская теория» развития византийского социально-политического строя. Ее виднейшими представителями были В. Г. Васильевский²¹, Ф. И. Успенский²², А. С. Павлов²³.

В основе этой теории лежали три положения:

1) с VIII в. в Византии существовало общинное землевладение;
2) византийская свободная сельскохозяйственная община — результат влияния славянской иммиграции, славянских родовых общинных институтов, или, по А. С. Павлову, «славянского права»;

3) организация византийской свободной деревни и общества в целом на новых началах есть дело реформ исаврийских императоров. Борьба вокруг этих реформ и приняла форму борьбы за иконы или против них.

Определяя существо иконоборческой политики, классическая школа русского византиноведения признавала, что иконоборцы вели борьбу против монастырского землевладения, принявшего в Византии размеры, опасные для государства. И В. Г. Васильевский, и Ф. И. Успенский приравнивали иконоборческую политику к мероприятиям, проводившимся Каролингами во Франкском королевстве. «Византийское правительство, — по словам второго из этих ученых, — начиная с эпохи иконоборцев стремилось утилизировать церковные земли на службу государства»²⁴.

Однако ни В. Г. Васильевский, ни Ф. И. Успенский не трактовали иконоборчество только как борьбу за монастырскую землю. Иконоборчество рассматривалось ими в качестве целого комплекса реформ, направленных на реорганизацию византийского общества. Представители этого направления не говорили прямо о византийском феодализме, однако в их трудах была налицо тенденция приравнять социальные явления, происходившие в VIII в. в Византии, к процессам, совершавшимся в это же время на Западе.

Хотя ни В. Г. Васильевского, ни Ф. И. Успенского нельзя считать буржуазными либералами, тем не менее в трактовке событий истории Византии периода иконоборчества оба они определенно находились под влиянием позитивистской методологии. При этом школа Цахариэ — Васильевского понимала иконоборчество как политику императоров, иначе говоря, видела в нем лишь социальные преобразования, исходившие сверху, но отнюдь не широкое движение масс.

²¹ В. Г. Васильевский. Законодательство иконоборцев. ЖМНП, ч. 199, октябрь 1878; ч. 200, ноябрь 1878; «Труды В. Г. Васильевского», т. IV. Л., 1930, стр. 139—235.

²² Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, январь — февраль 1883; его же. История Византийской империи, ч. II. Л., 1927.

²³ А. И. Павлов. Первоначальный славяно-русский Номоканон. «Записки Казанского ун-та», 1864; его же. Книги законные, содержащие в себе в древнерусских переводах византийские законы. М., 1888.

²⁴ Ф. И. Успенский. Типик монастыря св. Маманта в Константинополе. «Летопись ист.-фил. об-ва при Новороссийском ун-те», 1892, т. 2, Византийск. отд., № 1, стр. 77.

Особенность построений, выдвинутых представителями этой школы, в том, что, в отличие от ученых, предлагавших сугубо идеалистическую трактовку иконоборчества, они совершенно не затрагивали богословско-догматической стороны движения: центр тяжести был перенесен на социально-политические преобразования периода иконоборчества.

Установки такого рода, навеянные позитивистской методологией, вызвали против себя в конце XIX в. ряд выступлений идеалистически настроенных историков реакционного направления.

Важным событием в развитии историографии иконоборчества было появление в 1890 г. труда Карла Шварцлозе²⁵, где нашли запоздалое отражение идеи Гримма о самобытности «народной психики». Повышенный (на почве византийской истории) интерес школы Гримма к народным преданиям, правам, мифам, суевериям как специфическому проявлению этой «народной психики» вел к идеализации верований, к представлению о невозможности внедрения в общество институтов и взглядов, даже более прогрессивных, в случае если они не соответствуют «народному духу» и, следовательно, препятствуют самобытному развитию национальной культуры. Идеи Гримма сочетались в произведении Шварцлозе с идеями Эйхгорна о самобытности в развитии права, причем эти последние были применены Шварцлозе к догматам православной греческой церкви. Поскольку выступление Шварцлозе относится к послемаулеровскому периоду, когда Цахариэ открыл в Византии свободную крестьянскую общину, труд Шварцлозе несет на себе отпечаток всех отрицательных особенностей маулеровской школы: он страдает идеализацией средневековья, национализмом (в данном случае касающимся греков), консерватизмом и проникнут убеждением в исключительной самобытности развития народа в связи с его «психикой».

В качестве эпиграфа к своей книге Шварцлозе приводит текст евангелия от Иоанна (XII, 20): «Некоторые эллины говорили — хотим видеть Христа». В этом стремлении к антропоморфизму Шварцлозе усматривает специфическую черту «народной психики» греков. Борьба с суевериями, какие бы положительные цели она ни преследовала, является с точки зрения Шварцлозе иррациональной, поскольку она затрагивает народные верования и идет в разрез с самобытным развитием национальной культуры. Исходя из этого, Шварцлозе всецело симпатизировал иконопочитателям. Его интересовала не столько борьба императоров против иконопочитания, сколько борьба народных масс против реформы, которая была, по мнению историка, навязана извне и оставалась чуждой народному духу. Основная идея Шварцлозе состояла в том, что во время иконоборчества народными массами будто бы велась борьба за самобытность и свободу. По Шварцлозе, следовательно, носителями прогресса были не иконоборцы, а иконопочитатели. Пышные фразы о свободе верований народных масс заменили у Шварцлозе подлинный исторический анализ. Книгу Шварцлозе недаром восторженно встретили реакционные круги исторической общности Запада.

Большой успех она имела и среди определенных слоев в России. В духовных академиях, профессора которых стремились казаться «передовыми», «либеральными», оставаясь в то же время на богословских позициях, стало модным трактовать иконоборчество по Шварцлозе.

Еще более страстная «оппозиция» иконоборчеству обозначилась в конце XIX в. среди историков искусства. Наиболее решительно выступил виднейший в России того времени исследователь византийской живописи —

²⁵ K. S c h w a r z l o s e. Der Bilderstreit. Ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und um ihre Freiheit. Gotha. 1890

Н. П. Кондаков²⁶. Он писал: «Разнузданная бессмысленная доктрина Копронима, отрицавшего все освященные преданием обряды..., была результатом дикой солдатчины, враждовавшей с образованностью и культурой, с привязанностью народа к монашеству, его единственному просветителю и заступнику. 34-летнее его царствование прошло в избиении, увечии лучших людей, а его собственная жизнь — в гнусных пороках...»²⁷. «Доктрина иконоборцев, — указывал он в другом месте, — нашла приверженцев лишь в армии, части чиновного мира и высшего духовенства», а «против нее был весь народ и все низшее духовенство». По мнению Кондакова, с эпохи иконоборчества «понижилась и общая культура Империи от громадных эмиграций, разгула солдатчины, покровительства невежеству и вражды иконоборцев к центрам и учреждениям просвещения»²⁸. Что касается именно искусства, то иконоборчество, полагал он, внесло в него лишь варварство: причудливая орнаментика и пышная декорация времен Феофила сменила изящные образы эпохи Юстиниана²⁹. Увлечшись историей иконописи и отождествляя ее с развитием искусства и культуры вообще, Кондаков и его школа целиком встали в оценке иконоборчества на позиции монахов-иконопочитателей IX века.

С этих позиций изображал иконоборцев и Хр. Лопарев³⁰: «С VIII до середины IX в. в Византии царило иконоборство, когда подавлялась всякая духовная мысль, преследовались всякие литературные труды монастырской братии»; «с 842 г., с окончательным восстановлением православия, повеяло иным духом, духом свободы в области слова, проповеди, литературы».

Иконоборцы — покровители невежества: таков был антитезис, выдвинутый представителями реакционного направления в византиноведении против господствовавших в историографии положений просветителей.

В последние два десятилетия XIX в. в определенных кругах западноевропейской буржуазии стали расти антиклерикальные настроения, направленные преимущественно против римско-католической церкви. В это время создалась почва для проведения Бисмарком «культуркампа» в Германии, для антиклерикальных мероприятий министерства Комба во Франции. Эти настроения отразились и на развитии историографии Византии.

Преследование католицизма, осуществлявшееся в Германии под флагом борьбы за светскую культуру («культуркамп»), толкнуло некоторых исследователей византийской истории на путь рискованной аналогии между иконоборческой политикой Льва III и Константина V и бисмарковским «культуркампом». Не отрицая политических мотивов исаврийских императоров, эти историки стали на первый план выдвигать в качестве основной цели иконоборчества именно его «культурную сторону». Пример кампании, проводившейся Бисмарком, давал уверенность, что нечто подобное могло иметь место и в Византии. Такого рода аналогия была, в частности, проведена английским византинистом Дж. Бьюри.

По его мнению, иконоборчество явилось попыткой реформации мирозерцания тогдашнего общества: это был светский протест против церковной традиции; иконоборчество с его верой в чистый разум всколыхнуло общество, заставив его, хотя бы и не надолго, критически относиться к букве священного писания. Эта византийская церковная реформа была

²⁶ Н. П. Кондаков. Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1886.

²⁷ Там же, стр. 49.

²⁸ Там же, стр. 48.

²⁹ Там же, стр. 53.

³⁰ Х. В. Лопарев. Речь на защите магистерской диссертации. ВО, 1916, стр. 77.

предшественницей реформации нового времени. И, если она не имела таких же благотворительных последствий, то только потому, что начата была не снизу, а сверху, с высоты царского трона³¹. В этом же духе трактовал иконоборчество К. Шенк в своем исследовании «Внутренняя деятельность Льва III»³². Будучи позитивистом, он презрительно относился к «самобытным» суевериям народных масс, которыми столь восторгался Шварцлозе. Шенк высмеивал последнего за то, что тот, ослепленный богословскими теориями тупых масс и хитроумных вождей иконопочитателей, полностью перешел на их позиции.

Шенк отрицает национально-культурные идеи иконопочитания и объясняет выступления иконопочитателей сугубо материальными причинами. В рвении монашества он видит голый материальный расчет: подобно тому, как эфесские ремесленники, согласно «Деяниям апостолов», кричали: *Μεγάλη ἡ Ἀρτεμὶς Ἐφεσίων*, так и монахи были заинтересованы лишь в продаже икон.

Но Шенк — позитивист прусского образца. Иконоборческую политику он изображал своего рода «культуркампом» á la Бисмарк. Разделяя в основном точку зрения «культурного» протестантизма, он обрушивался на суеверия католицизма, считая, что *Christentum mit Bilderdienst überhaupt kein Christentum ist!*

В конце XIX в. вновь стала возрождаться — особенно в Германии — конфессиональная историография иконоборчества. Историки-лютеране высказывались в том смысле, что поклонение иконам в принципе является будто бы признаком низкой культуры и приверженности к суевериям, что религии, имеющие дело исключительно с абстрактным понятием божества, вообще глубже и возвышеннее тех, которые основываются на почитании изображений. Оценивая с этих позиций иконоборчество, Г. Герцберг в своей «Истории Византии» писал: «Образованные светские люди в Византии и значительная часть высшего духовенства смотрели в то время с опасением и неудовольствием на направление, какое все больше и больше принимала религиозная жизнь народа... Вера в покровительство святых доходила до того, что, полагаясь на защиту святого заступника, ленились, и приостанавливалась необходимая деятельность. Почитание икон иногда превращалось в грубое суеверие... Опасность, грозившая христианской жизни от подобных воззрений, не ускользала от более просвещенных византийцев»³³.

Таким образом, воззрения историков-лютеран сводились к одностороннему, конфессионально окрашенному признанию прогрессивности гонения на иконы. Лев III превращался под их пером в своеобразного предшественника Лютера, носителя религиозных идеалов нового времени, а иконоборчество рисовалось смелой попыткой религиозной реформации.

Довольно близки были к протестантским историкам в своей оценке иконоборчества либеральничавшие представители русской православной историографии. Так, по мнению Н. Смирнова, «простой народ, вследствие недостатка в религиозном образовании... смотря на иконы и молясь перед ними, усвоил убеждение, что лица, изображенные на иконах, не отделены от икон..., что граничило с идолопоклонством. Естественно, что явилось стремление уничтожить такое суеверие»³⁴.

Развитие антиклерикального движения во Франции, приведшее к власти министерство Комба, также получило свое отражение в историографии

³¹ J. Burg. A History of the Later Roman Empire, II, 1889, p. 428.

³² K. Schenk. Kaiser Leon III Walten im Innern. BZ, 5, 1896.

³³ Г. Ф. Герцберг. История Византии, пер. П. Безобразова. М., 1896, стр. 94—95.

³⁴ Н. Смирнов. История христианской церкви. М., 1909.

Византии. Характерен в этом отношении труд ученика Ш. Дилиа — А. Ломбарда «Константин V, император римлян»³⁵. Эта работа является сплошной апологией Константину V, который представлен как один из величайших коронованных реформаторов и полководцев. Автор в основном повторяет тезисы Папарригопуло, пытаясь в какой-то степени обосновать их данными источников. Однако обращение с текстами последних у Ломбарда весьма вольное. Все сведения, порочащие Константина V, отводятся как клеветнические. Константин, с точки зрения этого французского ученого, — император, ведущий борьбу против влияния духовенства, против «носителей мрака» — монахов. Без всяких оснований Константину V приписываются «Эклога» (изданная, как известно, при Льве III), «Земледельческий закон», «Морской закон» и создание «национальной армии». В трактовке иконоборчества Ломбард целиком стоит на позициях «культуркампфа», «очищения» церкви от суеверий и т. д. Он отрицает представление о суровости методов борьбы, применявшихся иконоборцами; рассказы же о кровавых преследованиях иконопочитателей он считает легендарными или клеветническими.

Книга Ломбарда вызвала бурную полемику. Со страстностью, свойственной клерикалу, Паргуар ответил на эту работу в «Византийском временнике» в 1902 г. Он совершенно отвергал какое бы то ни было положительное значение реформаторской деятельности Константина V, ссылаясь на сообщения патриарха Никифора об ужасах финансовой политики этого императора, которого Паргуар назвал не благодетелем, а палачом народа. Так, разрабатывая историю иконоборческого движения в Византии, продолжали свою политическую борьбу французские радикалы и клерикалы конца XIX — начала XX в.

В России взгляд на иконоборчество как на борьбу за «светские начала», против церковного направления византийской культуры и государственности был принят среди профессуры петербургской Духовной академии. Так, в частности, изображал его В. В. Болотов в своих лекциях по истории церкви. Борьбу против монашества он объяснял тем, что монастыри были оплотом не столько иконопочитания, сколько именно этого «церковного направления» византийской общественной жизни. Доводы Болотова сводились к следующему: культуртрегеры иконоборческого лагеря любили щеголять своей религиозной индифферентностью; они именовали монахов «мраконосителями» и стремились свести к минимуму обрядность³⁶.

Нет никаких серьезных оснований принимать болотовское объяснение иконоборчества. Образ императора-иконаборца, вырисовывающийся из источников, совершенно не походит на тот, который представляется Болотовым в качестве индифферентного к религии правителя-воина. Лев III утверждал, что он и царь, и первосвященник, иначе говоря, вносил максимально возможный теократический элемент в доктрину императорской власти. «Эклога», являющаяся документом иконоборческого периода, гораздо более церковна по своей форме, чем прочие кодексы. Обилие благочестивых цитат и библейское многословие, как правило, характеризуют выступления иконоборцев. Даже Константин V, этот суровый воин, являлся незаурядным богословом, письменно обосновавшим свои воззрения. Лев IV был любителем монахов, сам Феофил любил похвастаться своей религиозностью. Иконоборческий спор не ослабил церковного характера византийской культуры, а, наоборот, усилил его.

В процессе развертывания на рубеже XIX и XX в. полемики о сущности иконоборчества на первый план выдвигались вопросы об

³⁵ A. L o m b a r d. Constantin V, empereur des Romains. Paris, 1902.

³⁶ В. В. Б о л о т о в. Лекции по истории древней церкви, т. IV. Пр., 1918, стр. 511.

отношении государства к церкви. В историографии Византии еще со времени Гиббона иконоборцы рисуются приверженцами полного подчинения церкви государству; император-иконоборец стремился проводить в жизнь идеи цезарепапизма, стать своего рода христианским калифом, что вызвало противодействие церкви и монашества, выдвинувших идею независимости церкви от светской власти.

По Шварцлозе, Гарнаку, Андрееву, Диллю, иконоборцы являлись наступающей стороной, сумевшей победить и утвердить полную власть государства над церковью. Шварцлозе считает, что иконоборчество было борьбой за установление в Византии цезарепапизма, тогда как церковь защищала свою самостоятельность, причем крайнего представителя иконопочитания — Феодора Студита — немецкий историк называет прямым сторонником идеи папизма. А. Гарнак полагает, что в догматическом отношении иконоборчество потерпело поражение, в политическом — завершилось полной победой императорской власти над студитами³⁷.

Подавляющее большинство исследователей склонно видеть в иконоборчестве проявление в Византии восточной идеологии. Но были и сторонники противоположной точки зрения. Так, Бэссель полагал, что иконоборческое движение в основном было римским по духу, оно носило характер старинного «практического» древнеримского благочестия, было чуждо греческого философствования, стояло в стороне от всякого рода христологических систем и диалектических ухищрений³⁸. Конечно, в культовых воззрениях иконоборческой церкви можно было бы усмотреть некоторые элементы практицизма, но уже одно наличие массы сект, составлявших опорное ядро иконоборческого движения, говорит о восточном влиянии. К тому же иконоборческое православие, как показывают некоторые решения собора 754 г. и сочинения Копронима, совершенно не отказывалось от святоотеческого богословского наследия.

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИКОНОБОРЧЕСТВА В НАЧАЛЕ XX в.

Эпоха империализма характеризуется появлением в историографии течений, связанных с реакционным направлением в философии. Начинается поход на материализм, позитивизм, рационализм. На первый план выдвигается мистика, средневековые всячески идеализируются.

Эти тенденции получают отчетливое выражение в русском буржуазном византиноведении после поражения революции 1905 г., сочетаясь с апологией православия — официальной, господствующей религии. Слабость русской буржуазии сказывалась и на идейно-теоретических позициях ее идеологов, подвизавшихся, в частности, в византиноведении: часть буржуазных историков и социологов откровенно проповедовала официальные церковные взгляды.

Естественно, что история эпохи иконоборчества, когда дух православия якобы проявился во всей своей «чистоте» в борьбе с «чуждыми» влияниями, стала занимать особое место в историографии начала XX в. Реакционность русской буржуазной философской мысли всегда выражалась в том, что она, в частности, поворачивалась лицом к Византии и к православному мистицизму.

Характерным представителем этой реакционной философии на пороге эпохи империализма был В. Соловьев. Показательны его суждения об иконоборческом периоде истории Византии. Соловьев считает, что основой столкновения послужили противоречия между двумя воззрениями на бо-

³⁷ A. Harnack. Dogmengeschichte, Bd. II, 1931, S. 490.

³⁸ F. W. Bussell. The Roman Empire, II, 1900, p. 8.

жество — восточным и западным. По восточному — бог суров, безжалостен, непостижим; это — «бесчеловечный» бог и потому неопишем. Попытка изображать его в человеческом облике, приближать идею бога к человеку — кощунство. Напротив, по христианскому представлению, бог — мягок, близок человеку, всегда доступен, снисходителен, вполне понятен: отсюда — идея «богочеловека», отсюда — неизбежная потребность видеть и осязать его в обличье человека, иконопочитание.

Таким образом, в основе рассуждения Соловьева лежит мистическое представление о божестве.

Центром реакционно-философского направления в эпоху реакции стал журнал «Вопросы философии и психологии».

В 1907 и 1910 гг. на его страницах выступил Б. Мелиоранский, выдвинувший «гносеологическую» теорию иконоборчества. Изучением богословско-полемиической литературы иконоборческого периода он занимался еще в 1901 г., когда опубликовал исследование «Георгий Киприянин и Иоанн Иерусалимский» (СПб., 1901). В иконоборческом движении Мелиоранский различал тогда следующие направления: 1) политическое, светско-вольнодумствующее иконоборчество, которое стремилось проводить реформы церкви, подчинить ее государству, усилить светский элемент в обществе; 2) иконоборчество библействующее, сторонники которого (к ним относится епископ Косьма) стремились спасти империю путем нравственного обновления общества, искренне думая, что несчастья Византии ниспосланы богом как кара за идолопоклонство; это направление оказало особенно большое влияние на массы; 3) философствующее направление.

Разумеется, такое деление носит произвольный характер: ведь всякий иконоборец, проводящий свою линию, пользовался для ее идейного обоснования и общеполитическими, и богословско-философскими аргументами (примером тому служит сам Константин V, издававший обширные богословские сочинения, направленные против иконопочитания).

В дальнейшем, под влиянием общей идеологической реакции, наступившей в России после 1905 г., Мелиоранский перешел к крайне идеалистической трактовке иконоборчества. Она отчетливо сказалась в его статьях, посвященных философской основе спора об иконах. Статьи эти, помещенные в журнале «Вопросы философии и психологии», были написаны под сильным влиянием неокантианства. Применяя к евангелиям понятия кантовской философии, Мелиоранский рассматривает евангельского Христа со всеми его человеческими чертами как *фактум*, феномен, а отвлеченного Христа халкидонских догматов — как *ноумен*. Исходя из этого, историк обнаруживает некое противоречие между «непостижимостью» халкидонского Христа и «человечностью» евангельского. По мнению Мелиоранского, на это противоречие и было указано иконоборцами: они считали Христа недоступным познанию *фактум*, чем-то вроде кантовской вещи в себе, и это представление о непостижимости Христа стало основным доводом для «теории» его неопишемости.

С точки зрения Мелиоранского, иконоборцы — чуть ли не предшественники новейшего критицизма, критического трансцендентализма; они ведь уже понимали разницу между миром феноменальным и ноуменальным. «Кант явился на Западе в XVIII веке, — писал этот историк, — но почва для его явления была приготовлена на Востоке уже в VIII веке. Пойми философствующий Запад вовремя смысл восточного философствующего иконоборчества, критицизм мог бы явиться на 1000 лет ранее и Скот Эригена оказался бы Кантом...»³⁹.

³⁹ См. Б. Мелиоранский. Философская сторона иконоборчества. «Вопросы философии и психологии», 1907, стр. 168.

Представив, таким образом, с помощью ряда натяжек и откровенной модернизации богословов VIII в. в виде предшественников кантианской философии и извратив историческую перспективу, Мелиоранский утверждал далее, что сущность иконоборчества нужно искать не в политической и экономической обстановке, а в гносеологии, и спор об иконах — по своей сути борьба гносеологических систем. Это была крайне идеалистическая трактовка целого периода византийской истории, одно из проявлений той тенденции загнивания буржуазной исторической мысли, которая вообще характерна для эпохи империализма. Такого рода тенденция получила свое выражение и в трудах историков искусства древней России, уделявших большое внимание изучению иконописи и памятников церковной архитектуры. Распространенным становится в это время в работах историков искусства умиленное отношение к иконописи иконоборческого периода. Ряд искусствоведов, прежде всего Кондаков, также встал на позицию апологии православия.

Показательно, далее, усиление интереса к агиографии. Безусловно, изучение житий святых как исторических памятников необходимо. Между тем для эпохи реакции было характерно именно не критическое отношение к ним. Оно ясно обнаружилось в скрупулезном исследовании Хр. Лопарева «Греческие жития святых 8—9 вв.» (ВВ, 1910—1912), выдержанном в духе ортодоксального богословия.

Реакционным по своей направленности был и объемистый труд А. Доброклонского о Ф. Студите⁴⁰. Автор, всячески идеализируя монашество, с нескрываемой враждой относится к иконоборческому движению.

В рассматриваемый период появились также труды, авторы которых, в противовес теориям, обращавшим основное внимание на догматически-философские проблемы, в своей трактовке иконоборчества почти полностью отвергали значение спора об иконах. Таковы работы историка церкви И. Андреева, в ряде статей изучившего внутрицерковное положение в Византии во время иконоборчества⁴¹. Андреев подчеркивает политическую агрессивность монашества по отношению к императорской власти, противоречия между высшей церковной иерархией и монахами; он приходит к выводу, что в сущности иконоборческая политика направлена была не столько против икон, сколько против монашества.

Конкретные исследования Андреева дали возможность Константину Успенскому выступить с предельно четкой, но крайне односторонней концепцией иконоборчества. В его лекциях⁴² мы можем найти определенное влияние методологии экономического материализма, модного в кругах некоторой части буржуазных историков, и в то же время резко выраженный схематизм, обычно связанный с гиперкритическим отношением к источникам. Исходным положением Успенского, без каких бы то ни было доказательств принятым им за аксиому, было признание колоссального развития в Византии монастырского землевладения накануне выступления иконоборческих императоров. Успенский считает, что период VII — начала VIII в. был для монашества «золотым веком»: вся империя представляла собою объединение монастырских «княжеств». Историк упускает из виду, что богатейшие сирийские и египетские монастыри уже были разгромлены или находились вне Византии, что в результате постоянных на-

⁴⁰ А. Доброклонский. Преподобный Феодор, исповедник и игумен студийский, I—II. Одесса, 1913—1914.

⁴¹ И. Андреев. Герман и Тарасий, патриархи Константинопольские. Сергиев посад, 1907; его же. Св. Тарасий, патриарх Константинопольский. «Богословский вестник», 1899, июль — август.

⁴² К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии. I. Изд. О-ва при Истор.-фил. фак-те Московских высших женских курсов, 1917.

шествий арабов и славян было подорвано богатство малоазиатских и балканских монастырей. Иконоборчество трактуется Успенским в узкоэкономическом плане: оно рассматривается как борьба церковного и светского землевладения, объясняющаяся стремлением императоров захватить монастырские земли и ликвидировать политическое влияние монашества. Успенский вообще отвергает самый факт гонения на иконы, полагая, что в Византии имела место не «икономахия», а «монахомахия». Создание обширной полемической литературы о почитании икон Успенский считает ловким политическим ходом монахов, которые якобы стремились подменить (!) вопрос о монастырском землевладении вопросом о почитании икон. Надуманность этого объяснения совершенно очевидна. В посмертно изданном труде Успенского⁴³ все сообщения о гонениях на иконы объявляются выдумкой Феофана. Единственным доводом при этом служит отсутствие подобных данных в «Бревиарии» Никифора. Полагаясь целиком на этот аргумент *ex silentio*, Успенский не принимает во внимание, что вопрос об иконах особенно заострен в «Опровержениях» того же Никифора. К тому же и в «Бревиарии» им признается политика преследования иконопочитателей, проводившаяся императорами-иконоборцами; отрицание икон Никифор считает нечестием. Если же он и не приводит иных конкретных фактов гонений на иконопочитание, то из этого можно сделать только один вывод: в то время, когда Никифор писал свой труд, он не был заинтересован в том, чтобы перечислять все сведения этого рода. Во всяком случае ни о какой «фальсификации» Феофаном его источника не может быть и речи, тем более что о преследовании икон свидетельствуют вся агиографическая литература, богословская публицистика, акты собора 754 г., подтверждающие, таким образом, данные Феофана⁴⁴.

Несмотря на все недостатки в аргументации Успенского, его взгляды на иконоборчество получили значительное распространение, тем более что уже до него позитивистская историография ставила вопрос о борьбе против монастырского землевладения как об основе иконоборчества.

К концепциям дореволюционных византинистов примыкают и взгляды, которые развивал в 1927 г. академик Ф. И. Успенский во втором томе «Истории Византийской империи», где он подробно остановился на иконоборчестве. Хотя издание (незавершенное) этого тома относится к советскому времени, никаких признаков влияния марксистской методологии в нем не обнаруживается.

Трактовка и оценка Ф. Успенским иконоборчества носит эклектический характер и как бы подводит итог всем суждениям, высказывавшимся в дореволюционной исторической литературе по данному вопросу. Объединяя различные теории иконоборчества, Успенский не дает в сущности картины иконоборческого движения; он рисует только иконоборческую политику императоров VIII—IX вв. Иконоборческая эпоха, по Ф. Успенскому, — время глубоких социальных, административных и религиозных реформ. Политика иконоборцев сводилась к укреплению единой власти в государстве, к подчинению ему церкви, к привлечению на государственную службу новых этнических элементов, в первую очередь славян, к борьбе против мусульманства, к созданию справедливого и равного для

⁴³ К. Успенский. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи. ВВ, III, 1950; IV, 1951.

⁴⁴ См. З. В. Удальцова. К истории русского буржуазного византиноведения (К. Н. Успенский). ВВ, XX, 1961, стр. 32—63. К сожалению, в этой статье, убедительно характеризующей всю двойственность и противоречивость исторических взглядов К. Успенского, обращено недостаточное внимание на источниковедческие приемы, применявшиеся в его работе «Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII—IX вв. Феофан и его историография».

всех суда. Приводя при изложении материала многочисленные детали, Ф. Успенский, тем не менее, не вскрыл ни основных мотивов иконоборческого движения в массах, ни причин иконоборческой политики.

Несмотря на то, что Ф. Успенский считает иконоборцев сторонниками реформ, все его симпатии на стороне иконопочитателей. Противники православия, т. е., по его мнению, усиливающиеся секты, — сплошь реакционеры⁴⁵. Иконоборческое движение, полагает он, сыграло роковую роль в судьбах западного славянства. Иконоборческая политика, проводившаяся Исаурийской династией, фактически оттолкнула от Византии римский престол, что привело к союзу папства с западными варварами, к возникновению монархии Карла Великого и в дальнейшем — Священной Римской империи.

ИКОНОБОРЧЕСТВО В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В советском византиноведении, развивающемся на основе марксистско-ленинской методологии, проблемы иконоборчества получили принципиально новую интерпретацию. Правда, это произошло не сразу. На работах конца 20-х и даже 30-х годов еще сказывалось влияние концепции К. Н. Успенского, упрощавшей историческую действительность. Так, его взгляды нашли свое отражение в первом издании Большой Советской Энциклопедии, а затем — в учебниках по истории средних веков, где представления этого историка были переработаны с точки зрения развития в Византии феодальных институтов: положение рисовалось таким образом, что иконоборцы, конфискуя монастырские имения, раздавали их в качестве бенефициев за военную службу⁴⁶.

В 1940 г. вышел первый марксистской труд по истории Византии, принадлежавший перу М. В. Левченко⁴⁷. Автор рассматривал иконоборчество на общем фоне социальных изменений, происшедших в Византии на рубеже VII—VIII вв. Он отвергал какие бы то ни было попытки видеть в иконоборцах смелых революционеров⁴⁸. Вопрос об иконах Левченко считал не объектом борьбы, а только боевым знаменем определенных групп византийского общества, борющихся за свои экономические и политические классовые интересы. Самая борьба определялась, по его мнению, во-первых, противоречиями между централизаторской политикой исаурийских императоров, с одной стороны, и, с другой, центробежными тенденциями духовенства и отдельных групп знати; во-вторых, необходимостью подавления революционных движений низов. Переходя к конкретному анализу иконоборчества, М. В. Левченко, однако, лишь воспроизводил теорию К. Успенского. «Уродливый рост монастырей в Византии, — писал он, — привел к тому, что уже в VII в. чуть ли не половина земельной площади империи находилась во владении церковных учреждений... Это делало неизбежным столкновение государства и стоявших во главе его «солдатских» императоров с монашеством». Как и Успенский, Левченко утверждал, что земли, конфискованные у монастырей, передавались в качестве вознаграждения за военную службу⁴⁹.

Эти положения не имели под собой прочного фактического основания. Автор сбрасывал со счетов тот факт, что в доиконаборческий период, в

⁴⁵ См. Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. II, стр. 3—4.

⁴⁶ См. «История средних веков», под. ред. Е. А. Косминского. М., 1940, стр. 47—48. «Военно-бенефициальная» теория иконоборчества утвердилась в то время и на Западе (см. *Histoire générale* par G. Glotz, t. III. Paris, 1936, p. 273).

⁴⁷ М. В. Левченко. История Византии. М., 1940.

⁴⁸ Там же, стр. 120.

⁴⁹ Там же, стр. 121—123.

VII и начале VIII в., монашество отнюдь не играло ведущей роли в церкви. Опасность для государства со стороны монастырского землевладения могла бы считаться действительной, если бы было доказано, что монастыри в хозяйственном отношении пользовались независимостью от государства и от светских ктиторов, которые в то время распоряжались ими, и что в Византии в самом деле образовались грозные духовно-монастырские княжества, вроде позднейшего Афона. Однако Левченко не доказал, да и не мог бы доказать ни того, ни другого: вся обстановка VII и начала VIII в. говорит скорее об упадке монастырей.

Левченко характеризует деятельность иконоборцев как в основном прогрессивную, исходя исключительно из представления о ней как о борьбе против паразитического монашества. По его словам, «несчастьем для Византии явилась конечная победа иконопочитателей». Однако несомненно, что борьба против паразитического монашества как института не являлась задачей иконоборчества. Следовательно, в этом отношении Левченко также заблуждался.

Взглядов Левченко придерживался и Б. Т. Горянов в статье «Иконоборческое движение в Византии»⁵⁰. По его мнению, иконоборчество было идеологическим оправданием попыток секуляризации монастырских владений и централизации политической власти; в результате именно этих попыток началась «борьба феодальной знати, которая вместе с церковью под флагом иконопочитания боролась против централизаторской политики исаврийских императоров». Крушение реформаторских попыток Исаурийской династии устранило последнее препятствие к феодализации империи⁵¹. По существу Б. Т. Горянов считает иконоборчество реакционной попыткой задержать феодализацию империи. В дальнейшем, впрочем, он говорит, что Македонская династия, «олицетворяя собою победу реакции после разгрома иконоборческого движения, отменила законодательство иконоборцев, завершила централизацию правительственного аппарата...». Остается неясным, в чем же тогда «реакционная» сущность победы иконопочитания.

Понимая слабость аргументации К. Успенским тезиса о мощи монастырского землевладения, Левченко в 1949 г. выступил со специальной статьей, в которой пытался доказать значительность размеров церковных имуществ в доиконаборческий период и проследить политику секуляризации, проводившуюся императорами Исаурийской династии⁵². Он снова подчеркнул, что «иконаборцы стремились закрыть все монастыри и отобрать в казну монастырские имущества»⁵³. Говоря об укреплении церковного землевладения, Левченко объяснял его тем, что «напуганные революцией рабов и колоннов на Западе Европы правящие круги Восточно-Римской империи стремились создать прочное государственное единство на единой религиозной основе»⁵⁴. Выдвигая это объяснение, связанное с господствовавшей в то время пресловутой теорией «революции рабов», Левченко, однако, не учел влияния, оказанного на церковное землевладение крахом рабовладельческих поместий и военным разгромом Византии в VII в. Все его аргументы опираются на данные V—VI вв. Генезис иконоборчества рассматривается ретроспективно, в свете тех явлений, которые выявились уже в дальнейшем, в результате борьбы.

⁵⁰ См. ИЖ, 1941, № 2, стр. 68—78; см. также рецензию Б. Т. Горянова на «Историю Византии» М. В. Левченко (ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 233—237).

⁵¹ ВДИ, 1940, № 3-4, стр. 236.

⁵² М. В. Л е в ч е н к о. Церковные имущества V—VIII вв. в Восточноримской империи. ВВ, II, 1949, стр. 11—59.

⁵³ Там же, стр. 48.

⁵⁴ Там же, стр. 13.

Несколько раньше статьи Левченко вышла моя работа об иконоборчестве⁵⁵. Отправным пунктом развитой в ней концепции послужило представление о возможности разных путей развития феодализма в Византии. Политика императорской власти либо отражала тенденции, исходившие от городской знати («венецианский» путь), либо велась в интересах провинциальной знати («каролингский» путь феодализации). Это обостряло борьбу за овладение государственным аппаратом, которая происходила в VII в. в обстановке военного разгрома Византии и внутренних социальных потрясений. В условиях краха крупного светского и церковного землевладения господствующей стала свободная крестьянская община: на Балканах — с сильным влиянием кровнородственных пережитков, а в Малой Азии состоявшая из разрозненных элементов, средством сплочения которых становилась религиозная общность, выражавшаяся в религиозной форме ереси. Поскольку в Византии уцелели государственная власть и централизованная церковь, и община, таким образом, испытывала налогово-административный и церковный гнет, постольку ереси (так же, как это было и в IV—VI вв.) приняли характер антигосударственных и антицерковных выступлений. Протест против официальной церкви облекался в форму отрицания обрядности, в первую очередь — почитания икон.

Чтобы сохранить за собой паству, малоазиатские иерархи под давлением народных масс стали выступать против икон. Как раз в это время власть была захвачена представителями зарождавшейся провинциальной фемной знати. Император Лев III был заинтересован в укреплении своей власти, для чего нужны были в первую очередь не земли (пустующих, брошенных земель было много), а сокровища церкви, являвшиеся в сущности тессаврированным резервным фондом ростовщического капитала. Для захвата этих сокровищ (священные сосуды, гробницы святых) нужно было лишить их ореола святости («res sacrae»). Эта задача и была выполнена иконоборчеством, приравнивавшим все изображения божества и святых к идолам.

Конфискация сокровищ, проведенная Львом III, укрепила византийскую государственность. Никаких стремлений к ликвидации монашества не было, никаких доводов против церковно-монастырского землевладения также не выдвигалось. В дальнейшем в борьбу за власть вступила городская знать, критиковавшая иконоборческую политику. Таким образом, в социальном отношении иконопочитатели представляли городской патрициат, иконоборцы — формирующуюся военно-феодалную знать, опирающуюся как на еретическое движение, так и на вражду плебейских низов города против патрициата. В ходе борьбы патрициат использовал монашество, тесно связанное с городской знатью (ктиторским правом). Большая часть монашества не признала иконоборческий собор — тогда последовали репрессии императора Константина V. Но и в это время не было речи о ликвидации института монашества — преследовались только непокорные монастыри. Безусловно, часть монастырских земель перешла в руки крестьянства и знати. От укрепления государства и финансов в первую очередь выиграла городская знать, которая при Ирине и сумела организовать переворот, восстановив иконопочитание и лишив фемную знать политического влияния. В дальнейшем эта борьба продолжалась. Укрепившись, фемная знать стала усиливать нажим на свободное крестьянство, вспыхнуло антифеодалное движение 821—824 гг., после разгрома которого усилились репрессии против ересей, главным образом павликиан. Иконобор-

⁵⁵ М. С ю з ю м о в. Проблемы иконоборчества в Византии. «УЗ Свердловского гос. пед. ин-та», т. IV. Свердловск, 1948, стр. 48—110.

цы потеряли связь с массами и в 843 г. отказались от своей политической программы.

Борьба, происходившая свыше 120 лет, закончилась временным поражением «каролингского» пути развития, укреплением столичной знати, усилением централизованной эксплуатации трудящихся государством (налоги и пр.), значительным повышением политической роли монашества.

Исследования иконоборческого периода, предпринятые советскими историками в последующие годы, были направлены главным образом на изучение еретического движения в Византии, преимущественно павликиан.

В 1952 г. Е. Э. Липшиц в статье о павликианском движении выдвинула тезис о том, что малоазиатская военная знать использовала недовольство народных масс эксплуататорской ролью церкви для легального захвата церковно-монастырских владений, а дальновидные представители церкви, чтобы сохранить свое положение, готовы были устранить недостатки церковной организации, дискредитировавшие ее в глазах масс. Обе эти силы заключили между собой союз⁵⁶. По мере развития народного движения, выступившего в форме павликианской ереси, отношение земельной знати к ней изменилось: иконоборческие лозунги сделались опасными, иконопочитание восторжествовало. Правительство встало на путь реакции.

Эта концепция впоследствии получила свое развитие в монографии того же автора «Очерки истории византийского общества и культуры», где Е. Э. Липшиц писала, обобщая свои взгляды на иконоборчество: Процесс развития феодализма вызывает широкий протест народных масс города и деревни... Кризис, пережитый империей в VIII веке, побудил некоторую часть господствующего класса в поисках общественной поддержки пойти на некоторые уступки народным массам и вступить на путь реформы церкви и государства. Однако в IX веке огромный размах народных движений и радикализм их требований заставил господствующий класс сомкнуть ряды для совместной борьбы против выступлений народных масс⁵⁷.

Е. Э. Липшиц остановилась также на проблеме культурного развития Византии во время иконоборчества. Она убедительно доказала, что в VII—VIII вв. византийский город не потерял значения культурного центра⁵⁸. Исследовательница собрала интересные данные о состоянии образованности в византийских городах⁵⁹. После ее работ невозможно уже говорить о полном упадке образованности в век иконоборчества. Нельзя, однако, согласиться с некоторыми выводами Е. Э. Липшиц. Ей не удалось, в частности, доказать тезис о внедрении «светского» принципа в византийскую образованность. Остается бесспорным, что в этом смысле в гораздо большей степени «светскими» были предшествующие столетия.

Нельзя недооценивать ни силы удара, нанесенного живописи и скульптуре иконоборчеством, ни оспаривать значительный упадок культурного уровня в конце VII и в VIII в.

⁵⁶ Е. Э. Л и п ш и ц. Павликианское движение в Византии в VIII и в первой половине IX века. ВВ, V, 1952, стр. 69.

⁵⁷ Е. Э. Л и п ш и ц. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII—первая половина IX века). М.—Л., 1961, стр. 421.

⁵⁸ Е. Э. Л и п ш и ц. К вопросу о городе в Византии в VIII—IX вв. ВВ., VI, 1953, стр. 113—131; е е ж е. Очерки истории..., стр. 87—116. Против концепции Е. Э. Липшиц см.: А. П. К а ж д а н. Византийские города VIII—IX вв. СА, XXI, 1954, стр. 187 и сл.; А. Л. Я к о б с о н. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. МИА, 63, 1959, стр. 361; Д. Л. Т а л и с. Вопросы периодизации истории Херсонеса в эпоху раннего средневековья. ВВ, XVIII, 1961, стр. 61 и сл.

⁵⁹ Е. Э. Л и п ш и ц. Византийский ученый Лев Математик. ВВ, II, 1949; е е ж е. Очерки истории..., стр. 338—366.

В последние годы появилось много ценных работ о павликианстве, написанных на основании армянских и грузинских источников. Эти работы не имеют своей основной целью изучение иконоборчества, но в них показана исключительная активность народных масс в рассматриваемый период⁶⁰.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ И АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИКОНОБОРЧЕСТВА (1917—1961 гг.)

Развитие буржуазной историографии иконоборчества после 1917 г. отмечено переходом многих историков на крайне идеалистические позиции. За иконоборчеством отрицается какое бы то ни было политическое и экономическое значение. Вместе с тем у историков, не потерявших связи с позитивизмом, наблюдается стремление законсервировать те вульгарно-экономические объяснения иконоборчества, которые были предложены ранее, «увязав» их при этом с «новейшими» тенденциями реакционно-идеалистического порядка.

Яркое выражение идеалистическая концепция иконоборчества получила в ранних трудах Г. А. Острогорского, который в 1929 г. выступил со специальной брошюрой об иконоборчестве⁶¹, а позднее опубликовал ряд статей на эту тему⁶². Он отвергал представление о том, что конец VII и VIII в. являлись временем революционных сдвигов в Византии. Социальный переворот, происшедший в этот период, — переход к свободе сельского населения, организация фемного строя и появление стратиготского землевладения — Острогорский считал результатом финансовой и военной реформы Ираклия. Выступая против увлечения иконоборцами, заметного у историков либерально-позитивистского направления, сам Г. А. Острогорский обнаруживал крайне враждебное отношение к иконоборцам.

Он полностью отрицал какую бы то ни было реформаторскую деятельность иконоборческих императоров. Что только ни приписывалось иконоборцам, писал Острогорский, — и реформа управления империей, и реформа армии и финансов, и освобождение от крепостной зависимости, и борьба против светского и духовного землевладения, «и нигде в источниках я не мог найти подтверждение тому»⁶³.

В сущности доводы Острогорского были не новы. Они уже высказывались в полемике между Ломбаром и Паргуаром в 1902—1904 гг.

⁶⁰ А. Г. Иоаннисян. Движение тондракидов в Армении (IX—XI вв.). ВИ, 1954, № 10; Р. М. Бартикян. Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван, 1961; его же. Петр Сицилийский и его «История павликиан». ВВ, XVIII, 1961, стр. 324—358; Ст. Мелик-Бахшян. Павликианское движение в Армении. Ереван, 1955. Вопрос о влиянии павликианства на иконоборчество стал разбираться и в зарубежной историографии, однако исследования в этом направлении касаются исключительно догматическо-идеологической стороны проблемы. См. P. J. Alexander. An Escetic Sect of Iconoclasts in 7th Century Armenia. «Late Classical and Mediaeval Studies in Honour of Albert M. Fried». Princeton, 1955, p. 151—160; H. Grégoire. Sur l'histoire des Pauliciens. «Acad. Royale de Belgique. Bulletin de la classe des lettres...», 21, 1936; idem. Pour l'histoire des églises pauliciennes. «Orient. Christ. Periodica». Rome, 1947.

⁶¹ G. Ostrogorsky. Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Bresl., 1929.

⁶² G. Ostrogorsky. Les Débuts de la Querelle des Images. «Mélange Charles Diehl», I. Paris, 1939, p. 235—255; его же. Соединение вопроса о св. иконах с христологической догматикой. SK, 1, 1927, p. 35—47; idem. Über die vermeintliche Reformtätigkeit der Isaurer. BZ, 30, 1929—1930, S. 344—400; idem. Rom und Byzanz im Kampfe um die Bilderverehrung. SK, 6, 1933; см. F. Dölger, in: «Göttingische Gelehrte Anzeigen», 1929; H. Grégoire, in: Byz., IV, 1927—1928; V. Grumel, in: «Echod'Orient», 29, 1930; K. Barion, in: «Zeitschrift für Rechtsgeschichte», 1930.

⁶³ BZ, 30, 1929—1930, S. 395.

В борьбе против икон Острогорский усматривал наступление восточного мировоззрения на античный платонизм, на остатки античной культуры вообще. Он полагал, что основой борьбы с иконопочитанием служило отвергавшееся иконоборцами представление о магической связи портрета с изображаемым (одним из тезисов иконоборцев являлось утверждение: *ὁμοούσιον εἰκόνα εἶναι εἰκονίζομένου* — икона имеет единую сущность с изображаемым), тогда как в свою очередь фундамент взглядов иконопочитателей составлял догмат «воплощения бога-слова». Иначе говоря, иконопочитатели, по Острогорскому, стояли на позициях неоплатонизма (что само по себе, заметим, совершенно верно), а базой воззрений иконоборцев являлась восточно-магическая идентификация портрета и изображенной на нем личности. Это построение основывалось историком на «Опровержениях» Никифора; Острогорский, в частности, ссылался на сохранившиеся у Никифора отрывки богословского сочинения Константина V: *εἰ καλῶς ὁμοούσιον (εἰκόνα) εἶναι τὸν εἰκονίζομένου (стр. 45) — в противовес тезису иконопочитателей: εἰκὼν οὐκ ἐστὶν ὁμοίωμα καὶ ἐκτόποια τινὸς ἐν αὐτῇ δεκνύοντο εἰκονίζομένου*.

Тезис Острогорского о восточно-семитическом влиянии на философию иконоборчества неубедителен. Если практика иконоборчества и вытекала из исторически сложившихся верований сект и ересей, находившихся под влиянием парсизма, иудаизма и ислама, то философско-догматическая сторона иконоборчества имела те же истоки, что и у иконопочитателей, т. е. античную философию эпохи упадка.

Острогорский придавал большое значение победе иконопочитания, отождествляя ее с победой европейской, греко-христианской культуры — победой, положившей предел культурной экспансии Востока. Конечно, отрицать воздействие восточной культуры в VIII—IX вв. не приходится, но объяснять иконоборческое движение влиянием восточной магии значило бы обеднять содержание социально-политической борьбы периода иконоборчества. К тому же, как это правильно отметил еще А. Барийон, один из рецензентов работы Острогорского⁶⁴, мистический взгляд на иконы у Копронима ничем не отличается от подобного же взгляда Феодора Студита.

Подобно Мелиоранскому, расценивавшему, как мы видели, спор об иконах как гносеологическую дискуссию философского характера. Острогорский рассматривал взгляды Дамаскина, применяя кантианскую терминологию. Впрочем, в то же время он не соглашался с подходом Мелиоранского к иконоборчеству, который, по его мнению, был отражением «вредного увлечения кантианством в русских университетах».

Главный тезис Острогорского таков: спор об иконах — это борьба двух мировоззрений, конфликт двух противоположных религиозно-философских концепций, двух направлений культуры. Церковно-политические мотивы играли некоторую роль в иконоборчестве, но какие бы то ни было социальные и чисто политические цели при этом совершенно исключаются⁶⁵.

Вслед за трудами Острогорского появился целый ряд работ по проблемам иконоборчества; среди них преобладали догматически-философские статьи. Таково исследование Х. Менгеса, изучавшего иконоборчество в чисто идеологическом плане⁶⁶. Выпячивание на первый план богословско-догматической стороны характерно и для трудов протестантских историков

⁶⁴ См. «Zeitschrift der Savigny-Stiftung», 1930.

⁶⁵ G. O s t r o g o r s k y. Über die vermeintliche Reformtätigkeit...

⁶⁶ H. M e n g e s. Die Bilderlehre des hl. Johannes v. Damascus. Münster, 1938.

богословия. Если А. Гарнак в свое время считал, что основы иконоборчества в Византии нужно все же искать в политических стремлениях исаврийских императоров, то в 30-х годах эта точка зрения была объявлена «старой теорией». «Новая теория», согласно В. Эллигеру, состояла в том, что иконоборчество являлось результатом чисто-богословских, догматических споров в недрах православной церкви⁶⁷.

Э. Ладнер особо подчеркивал губительную роль иконоборческого движения в развитии византийского искусства⁶⁸. По его мнению, именно в это время, в период ожесточенной борьбы за принципы изображения идеального мира, установилось то расхождение между взглядами западной и восточной церквей, которое привело в Византии к слепому подражанию, канонизированному «подлиннику», а следовательно, к «механизации» искусства. Мистический контакт молящегося с «прототипом» проявлялся в «пронизывающем» взгляде иконного изображения, обращенного к молящемуся. Идеалистическая историография искусства целиком выводит эту особенность византийской иконописи из тех гносеологических богословских споров, которые вели сначала иконоборцы с иконопочитателями, а затем западная и восточная церкви.

Крайне идеалистическое объяснение иконоборчества нашло своих приверженцев и в Англии. Например, у К. Даусона в трактовке иконоборчества (1932 г.) чувствуется влияние Острогорского. Даусон объясняет и оценивает иконоборчество следующим образом. После потери Египта и Сирии империя стала чисто азиатским государством (стр. 170); иконоборческая ересь означала торжество Востока над эллинизмом (стр. 171), а окончательная победа иконопочитания — победа эллинского духа над Востоком (стр. 174). Последняя победа дала Византии возможность сделаться чисто европейской державой и оказать влияние на славянство.

Эти рассуждения в корне ошибочны и лишены основания. Почему с потерей азиатских владений Византия стала азиатской державой? Почему иконоборчество является азиатским принципом? Полностью противоречит фактам представление, будто именно Македонская династия сделала Византию европейской державой: известно ведь, что императоры этой династии именно в Азии расширили свои владения.

Крайне идеалистическое, философско-догматическое объяснение иконоборчества не могло удовлетворить большинство историков. Несмотря на шумный успех выступлений Острогорского и его последователей, в общих трудах по всемирной истории преобладала более широкая концепция иконоборчества. «Старые кадры» византиноведения и в 30-е годы по-прежнему трактовали иконоборчество, как попытку грандиозных реформ.

Шарль Диль объяснял иконоборчество прежде всего борьбой за верховенство светской власти над духовной⁶⁹. В своем обширном обзоре истории Византии с IV до XI в. французский ученый, широко используя, в частности, труды русских византистов (Васильевского, Успенского и др.), считал теории Острогорского неубедительными. Диль полагал, что дело императоров-иконоборцев оказалось не напрасным, так как доктрина студитов, крайних и последовательных проводников идей иконопочитания, в конце концов потерпела поражение.

⁶⁷ W. E l l i g e r. Zur bilderfeindlichen Bewegung des VIII Jh., in: «Joh. Ficker Festschrift». Leipzig, 1931; cp. G. H ä n d l e r.—Epochen Karolingischer Theologie. Evangelische Verlag. Berlin, 1958, S. 13 ff.

⁶⁸ E. L a d n e r. Der Bilderstreit und die Kunstlehren der byzantinischen und abendländischen Theologen, 1931; i d e m. Origin and Significance of the Byzantine Iconoclastic Controversy. «Medieval Studies», II, 1940, p. 127—149.

⁶⁹ Histoire générale, par G. Glotz, t. III, 1936, p. p. 249—315.

Подобно Дилю на старой, позитивистской позиции стоял и румынский профессор Н. Иорга⁷⁰, усматривавший причины и цели иконоборческого движения в явлениях чисто политического порядка. Иорга разделял мнение К. Успенского, что иконоборчество в сущности было монахоборчеством. Он проводил связь между византийским иконоборчеством и преследованиями буддийских монастырей в Индии и Китае, происходившими приблизительно в то же самое время. Рассматривая иконоборчество как комплекс религиозно-политических реформ, диктуемых сверху, Иорга совершенно не касался народных движений, развертывавшихся над иконоборческими лозунгами. С его точки зрения, цели иконоборчества — чисто политические: правительство всеми мерами стремилось пополнить финансовые ресурсы страны, пострадавшие от раздачи множества иммунитетных грамот в пользу монастырей, привлечь к военной службе огромное число монахов, живших в своих кельях, и подорвать материальное богатство монастырей путем отмены икон, приносящих монастырям большой доход. Эта политика была поддержана землевладельческой знатью, недовольной ростом церковных богатств и привилегий.

Наиболее крупной, хотя и наименее оригинальной по своей концепции, работой на интересующую нас тему в 30-е годы явилась монография Э. Мэртина «История иконоборчества»⁷¹.

Мэртин не склонен идти за Острогорским, полностью отрицающим всякую реформаторскую деятельность иконоборцев. Напротив, Мэртин считает Льва III крупным реформатором. Однако основное в иконоборчестве, с его точки зрения, — все-таки влияние азиатского монотеизма. Таким образом, по Мэртину, иконоборчество — комбинация азиатского монотеизма и реформаторско-социальной политики Исаурийской династии.

Мэртин отвергает теории, сводящие иконоборчество к монахоборчеству, поскольку, указывает он, преследование монахов началось 35 лет спустя после эдикта 726 г. (фактически им отвергаются тем самым секуляризационные цели иконоборчества). Мэртин отрицает и точку зрения, согласно которой причиной движения был лишь религиозный фанатизм, и мнение, что в спорах об иконах определенную роль играла борьба церкви и государства: эта борьба в Византии, полагает он, особенно не проявлялась до выступления Студита (что, конечно, неправильно: вспомним хотя бы яростные выступления по этому вопросу Иоанна Дамаскина и папы Григория, да и вообще борьба по вопросу о независимости церкви являлась предметом дискуссий со времени утверждения христианской церкви в качестве господствующей). Особенно тщательно выясняет Мэртин идейную близость иконоборчества и монофизитства. Ценны указания историка относительно политики Льва IV, в общем благоприятствовавшего монофизитам (например переселение и обеспечение земель в 778 г. яковитов во Фракии).

В целом труд Мэртина носит эклектический характер, причем в конечном итоге основным положением, оттесняющим все остальные, оказывается тезис об иконоборчестве как борьбе против суеверий.

Победа иконопочитания, по Мэртину, оказалась роковой для Византии. Греческая церковь после 843 г. вступила в период разложения и загнивания.

Несмотря на «просветительские» высказывания Мэртина, его концепция носит реакционный характер, а местами даже в книге его содержатся замаскированные антисоветские выпады.

⁷⁰ N. J o r g a. Histoire de la vie byzantine, t. II. Bucharest., 1934; i d e m. Les origines de l'Iconoclisme. Bull. SH, XI, 1929.

⁷¹ E. I. M a r t i n. A History of the Iconoclastic Controversy. London, 1930.

Своеобразное толкование получило иконоборчество в статье Л. Коха⁷². Христос изображается на иконах, пишет он, как царь царей, причем земной царь правит от имени небесного; иконоборцы же старались показать, что Христос, находящийся вне материального мира, не может быть и царем царей, т. е. стоять выше светской власти. Иначе говоря, иконоборцы, по Коху, стремились к неограниченному возвышению власти императора, не связанной даже религиозными догматами⁷³.

В 20 — 30-х годах исследователи иконоборчества стали привлекать археологический материал⁷⁴. Его использование во многом может способствовать решению вопроса о том, явилось ли иконопочитание старинной церковной традицией или же, как утверждали иконоборцы, христианство искони было враждебно настроено по отношению к иконам. Новое направление исследований данной темы само по себе представляется ценным. Примечательно, однако, что сторонники его, пытаясь разрешить спорные проблемы, прежде всего занимались дискуссией о том, кто же был прав — иконоборцы или иконопочитатели? Таким образом, эти буржуазные историки, используя археологические данные, в сущности как бы продолжали полемику, происходившую на соборах 754, 787, 815 и 843 гг.

Историография иконоборчества на Западе после второй мировой войны характеризуется тщательным изучением материалов о почитании икон и позиции его противников как в Византии, так и у соседних народов⁷⁵. Особое внимание уделяется такой теме, как влияние византийского иконоборчества на Запад, в частности, изучаются отношение Карла Великого к спору об иконах, Libri Carolini, соборы 791 и 824 гг., рассматривавшие вопросы об иконопочитании, причем анализу подвергаются преимущественно догматически-богословские разногласия⁷⁶. Пристально изучаются неизданные источники иконоборческой распри, в значительной мере собрана библиография⁷⁷. Но с точки зрения общей концепции иконоборчества новейшая западная историография дала очень мало нового.

⁷² L. K o c h. Christusbild und Kaiserbild. Beitrag zur Lösung der Frage nach dem Anteil der byzantinischen Kaiser am griechischen Bilderstreit. «Benedikt. Monatsschrift», 21, 1939, S. 85—105.

⁷³ Заметим, однако, что в произведениях иконоборцев нет ни единого намека на критику представления о Христе как о царе царей. Нападки патриарха Никифора объясняются его стремлением сблизить императоров-иконоборцев с библейским образом Навуходоносора (см. А. Г р а б а р. L'iconoclasmе, p. 150 sq.).

⁷⁴ См. K a u f m a n n. Handbuch der christlichen Archäologie. Paderborn, 1922 (о живописи иконописного характера в катакомбах — стр. 113—141); W. E l l i g e r. Die Stellung der alten Christen zu den Bildern in den ersten vier Jahrhunderten. «Studien über Christliche Denkmäler», XX, 1930; i d e m. Zur Entstehung und frühen Entwicklung der altchristlichen Kunst. Ibid., XXIII; i d e m. Zur bilderfeindlichen Bewegung des VIII Jhderts. Forschungen zur Kirchengeschichte und zur christlichen Kunst. Leipzig, 1931; на материале раскопок в Дуре-Европос — P. V. C. B a u r. The Paintings in the Christian Chapel at Dura. The Excavations at Dura-Europos, Fifth Season. New Haven, 1934.

⁷⁵ S. D e r N e r s e s s i a n. Une apologie des images du VII siècle. Byz., 17, 1944—1945; i d e m. Image Worship in Armenia and its Opponents. «Armenian Quarterly», I, 1946; P. A l e x a n d e r. An Ascetic Sect of Iconoclasts in 7th Century Armenia; у евреев: A. G r a b a r, in: «Cahiers archéologiques», VIII, 1955; сводка: i d e m. L'iconoclasmе byzantine, 1957, p. 93—112.

⁷⁶ C. W. S t e i n e n. Die Entstehungsgeschichte der Libri Carolini. «Quellen und Forschungen aus Archiven und Bibliotheken», 21, 1929; G. H ä n d l e r. Die Libri Carolini, ein Dokument der fränkischen Frömmigkeitsgeschichte. Greiswald, 1950; H. v. C a m p e n h a u s e n. Die Bilderfrage als theologisches Problem. «Zeitschrift für Theologie und Kirche», 49, 1952; G. H ä n d l e r. Epochen Karolingischer Theologie. Evangelische Verlag. Berlin, 1958 (с полной библиографией).

⁷⁷ Особенно в кн.: P. I. A l e x a n d e r. The patriarche Nicephorus of Constantinople. Oxford, 1958, p. 266—280.

Общие обзоры носят преимущественно эклектический характер. Так, Н. Бейнз и Х. Мосс стараются дать такое определение иконоборчества, которое бы включало в себя элементы концепции: иконоборчество, по их мнению, не может быть изучено изолированно от гражданских реформ Исаурийской династии, но нельзя считать в то же время, что оно было подчинено целям этих реформ. Императоры-иконоборцы, особенно на поздних этапах движения, прямо выступали против притязаний монашества. Окончательное торжество сторонников иконопочитания было победой традиционных верований широких масс⁷⁸.

Наиболее распространенной в современной историографии является концепция иконоборчества как борьбы императорской власти против церковной. Так, по мнению Э. Баркера, центральной идеей иконопочитателей было утверждение независимости церкви от императорских эдиктов⁷⁹. В новейших трудах особенно подчеркивается значение сочинений патриарха Никифора⁸⁰ и выступлений Феодора Студита⁸¹.

Политическим идеалом иконоборческих императоров нередко рисуется арабский халифат, концентрация светской и церковной власти в руках императора⁸². При этом упускается из виду, что, с одной стороны, идея главенства государства над церковью вовсе не являлась чисто азиатской (эта идея была налицо еще в римском праве); с другой стороны, не принимается в расчет, что идеи независимости церкви были гораздо «старше» высказываний Феодора Студита или Максима Исповедника. Они встречаются и у Иоанна Златоуста, и у Афанасия Александрийского.

В последние годы заметно усиливается интерес западных историков к богословской аргументации иконоборцев и их противников, причем характерно, что в работах недавнего времени все больше стирается принципиальная разница в системе доказательств между историками и богословами.

Разбирая философско-богословские положения о поклонении изображениям божества, Дж. Флоровский выступил против теории восточного происхождения иконоборчества, в частности против представления о решающем значении арабского влияния: в богословии иконоборцев, утверждал он, нет ничего семитического, налицо лишь прямое продолжение богословских концепций III—IV вв.⁸³

Проблема возникновения иконопочитания в христианской церкви особенно подробно разбирается в англо-американской историографии. В 1954 г. вышло исследование Э. Киттингера (США) о культе икон до

⁷⁸ Norman H. Baynes and H. St. L. B. Moss. *Byzantium. An Introduction to East Roman Civilization*. Oxford, 1949, p. 16.

⁷⁹ E. Barker. *Social and Political Thought in Byzantium* (тексты из документов). Oxford, 1957.

⁸⁰ A. J. Vissera. Nikephoros und der Bilderstreit. Eine Untersuchung über die Stellung des Konstantinopler Patriarches Nikephoros innerhalb der ikonoklastischen Wirren. Haag., 1951, p. 36.

⁸¹ В 1959 г. Э. Вернер (ГДР) опубликовал интересную статью о Феодоре Студите (E. Werner. Die Kriese im Verhältnis von Staat und Kirche in Byzanz: Theodor von Studion. «Aus der byzantinischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik», Bd. I. Berlin, 1959, S. 113—133), в которой иконоборчество рассматривается как попытка отвлечь народ от увлечения мистикой. Автор считает, правда, что широкой социальной основой иконоборческой политики являлось движение павликиан против церкви, но в основном и в его работе иконоборчество трактуется как борьба между *regnum* и *sacerdotium*, причем Феодор Студит изображается последовательным проповедником идей независимости церкви (см. мою рецензию — ВВ, XVI, 1959, стр. 257—258).

⁸² G. Evely. *The Byzantine Patriarchate*. London, 1947.

⁸³ G. Florovsky. Origen, Eusebius and the Iconoclastik Controvers. «Church History», XIX 1950, p. 77—96.

иконоборческого движения⁸⁴; в 1955 г. Н. Бейнз опубликовал статью на ту же тему⁸⁵.

Историю богословских споров об иконах обстоятельно изучил Ладнер⁸⁶; этико-богословская сторона иконопочитания была предметом анализа М. Анастаса⁸⁷.

В последнее время буржуазная историография иконоборчества стремится поставить в центр изучения археологический и искусствоведческий материал. Социальное содержание иконоборчества игнорируется вовсе, единственным объектом исследования снова делается иконопочитание как таковое.

В 1957 г. с большим археологическим исследованием об иконоборчестве выступил А. Грабар⁸⁸, поставивший своей задачей на основании сохранившихся вещественных памятников осветить характер и территориальный размах иконопочитания до, во время и после иконоборчества, а также влияние иконоборчества и торжества православия на изобразительное искусство. В исследовании Грабара ярко показана связь иконопочитания с монархической властью. Автор отмечает, что начиная со времен Юстиниана I император изображается вместе с Христом и икона служила проводником идеи божественного происхождения власти. Он указывает на распространенность икон в VII в., обращая внимание и на тот факт, что население Малой Азии было настроено против икон, вследствие чего императоры VIII в. не решились идти наперекор верованиям населения чисто греческих местностей Малой Азии и Константинополя⁸⁹.

Иконоборцы выступали, по Грабару, только против икон Христа, богородицы и святых, но сами украшали церкви изображениями прелестей небесного рая (деревья, животные, птицы), что, вопреки мнению тех, кто выводит иконоборчество из азиатского монотеизма, было совершенно чуждо обстановке мусульманской мечети⁹⁰. Грабар не отрицает социальных причин неприятия к иконам⁹¹, но не касается этого вопроса сколько-нибудь детально, ограничивая свое исследование археологическими рамками.

Грабар отмечает, что вместе с победой иконопочитания в Византии был введен контроль церкви над изобразительным искусством⁹².

В 1958 г. вышел большой труд П. Аликсандера⁹³ о патриархе Никифоре. В этом труде рассматривается иконоборческое движение в целом, причем изложение начинается с вопроса об отношении к иконам со времен раннего христианства⁹⁴. По Аликсандеру, конечной причиной иконоборчества послужила старинная традиционная неприязнь к изображениям божества, унаследованная от иудаизма⁹⁵. Эта традиция сохранялась и в VIII в., причем мусульманство еще более усилило ее. Политика Льва III, выросшего в арабском окружении, пишет Аликсандер, была обусловлена

⁸⁴ E. Kitzinger. The Cult of Images in the Age before Iconoclasm, DOP, 8, 1954, p. 83—150. На эту же тему им был сделан доклад на XI Международном конгрессе византистов в Мюнхене (1958 г.).

⁸⁵ Norman B a y n e s. The Icons before Iconoclasm. «Byzantine Studies and other Essays». University of London, 1955, XI, p. 226—239.

⁸⁶ E. L a d n e r. The concept of the image in the Greek Fathers and the byzantine iconoclastic controversies: DOP, 7, 1953.

⁸⁷ M. V. A n a s t a s. The ethical theorie of Images formulates by the iconoclaste in 754 and 815 DOP, 8, 1954.

⁸⁸ A. G r a b a r. L'iconoclasme byzantin. «Dossier archéologique». Paris, 1957.

⁸⁹ Ibid., p. 93.

⁹⁰ Ibid., p. 166.

⁹¹ Ibid., p. 146.

⁹² Ibid., p. 259—261.

⁹³ P. A l e x a n d e r. The Patriarch Nicephorus of Constantinople, Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxford, 1958.

⁹⁴ Ibid., 3.

⁹⁵ Ibid., p. 217.

его личными симпатиями, но самое движение началось внутри церкви; историк особенно оттеняет противоречие между белым духовенством и монашеством.

Как бы продолжая богословско-философские дебаты об иконоборчестве (Мелиоранский — Андреев — Грюмель — Острогорский), Аликсандр различает два поколения иконоборцев VIII в.: первое выдвигало те же положения, которые некогда применялись против язычников и базировались на Ветхом завете; второе увлеклось христологическими спорами о двух сущностях Христа⁹⁶. Обоснование иконопочитания в свою очередь прошло три стадии⁹⁷: на первой иконопочитатели использовали почти те же доводы, которыми язычники в IV в. оправдывали свое поклонение статуям богов, вторая стадия — христологическая, третья — чисто схоластическая с привлечением силлогизмов Аристотеля⁹⁸. Как и Ладнер, Аликсандр отмечает, что в ходе спора об иконах значительно повышается уровень знаний спорящих сторон, изучение античной философии делается для богословов обязательным.

Периодизация иконоборческой распри ставится Аликсандром и в зависимость от отношений белого духовенства и монашества. Так, при Ирине найден был компромисс, способствовавший восстановлению иконопочитания; при Константине VI и Никифоре распря разгорелась вновь и борьба внутри духовенства продолжалась; в 809 г. был осужден вождь монашества Феодор Студит; напротив, в 812 г., при Михаиле I, Студит фактически распоряжался империей. Эта распря снова позволила восстановить иконоборчество (815—843 г.).

Труд Аликсандера ценен главным образом содержащимся в нем детальным исследованием деятельности патриарха Никифора как главы церкви и как церковного публициста. Однако Аликсандр почти не касается социальных и государственно-политических аспектов иконоборческого движения⁹⁹.

Та же тенденция сводить историю иконоборческого движения к идеологическим распрям наблюдается у Л. Брейера, издавшего на немецком языке текст Феофана¹⁰⁰. Издатель усматривает причину иконоборческого движения только в идейных факторах — во влиянии античного платонизма, ветхозаветского отвращения к изображениям, во влиянии арабского Востока. Весьма упрощенно излагаются им причины присоединения монашества к иконопочитателям: все сводится к тому, что монахи, оказываясь, зарабатывали на писании икон.

Как борьбу против наступления монашеского мировоззрения трактует иконоборчество и Г. Хауссиг. По его мнению, иконоборчество, порвав связь Византии с Западом, привело к победе восточной культуры в Византии, а последующее торжество монашества — к разрыву с культурным наследием античного мира¹⁰¹.

В последнее время на развитие концепции иконоборческой эпохи как борьбы Запада с влиянием Востока оказывают значительное воздействие

⁹⁶ Ibid., p. 53. Это обстоятельство отмечал еще И. Андреев, по мнению которого, переход в критике церкви к чисто богословским рассуждениям оттолкнул от иконоборцев массы. Аликсандр считает, что Андреев недооценил склонности византийцев к богословским спорам.

⁹⁷ Ibid., p. 189—196.

⁹⁸ Ibid., p. 9.

⁹⁹ Характерно, что Аликсандр совершенно не затронул социального движения, происходившего на второй фазе развития иконоборчества. Исследование Липшица о восстании Фомы Славянина в работе английского историка вовсе не упоминается.

¹⁰⁰ Bilderstreit und Arabersturm in Byzanz, aus der Weltchronik der Theophanes übersetzt, eingeleitet und erklärt von Leopold Breyer. Graz-Wien-Köln, 1957 (см. мою рецензию — ВВ, XVII, 1960, стр. 257 и сл.).

¹⁰¹ H. W. Haussig. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959, S. 281.

установки реакционного социолога Д. Тойнби относительно различных самостоятельно развивающихся «очагов» цивилизации. Так, Д. Закиффинос выдвигает положение, согласно которому иконоборческая эпоха — время борьбы двух миров, двух цивилизаций, противостоящих друг другу¹⁰².

Историографии иконоборчества определенным образом коснулось влияние «холодной войны». По-новому стали расценивать победу иконопочитания даже ортодоксальные лютеранские богословы. Если в конце XIX в. А. Гарнак считал положения собора 787 г., восстановившего иконопочитание, «иконософией, разработанной на основе суеверий, магии и схоластики», то в 1952 г. фон Кампенгаузен, несмотря на свою лютеранскую неприязнь к иконам, расценивает разгром иконоборчества как положительный факт, видя в этом «победу греческого мышления над бесформенностью Востока»¹⁰³. Несостоятельность этих рассуждений очевидна: ведь хорошо известно, что богословские идеи как иконопочитателей, так и иконоборцев черпались из одних и тех же источников — творений «отцов» греческой церкви и произведений неоплатонической философии.

В наше время в изучении иконоборчества остро ощущается разница между методологией западных ученых, настаивающих на исключительно идеологических причинах иконоборчества, и историков социалистического лагеря, обращающих главное внимание на характерные моменты смены общественных формаций, социальной борьбы и взаимодействия экономического базиса и надстройки.

¹⁰² D. A. Zakythinos. Σχέσεις τινες περὶ εἰκονομαχίας. Extr. des Mélanges A. Alivizatos. Athènes, 1957.

¹⁰³ Цит. по: G. Händler. Epochen Karolingischer Theologie, S. 25.

М. А. ЗАБОРОВ

**КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.**

Изучению крестовых походов русскими учеными в последней трети XIX в. значительно способствовало оживление византиноведческих занятий. В основе активизации византиноведения в 70-х — 90-х годах лежали причины политического порядка. С одной стороны, в это время резко усилилось внедрение идей монархизма и православия в школьном и университетском преподавании, в печати и т. д., что, по замыслам верхов, должно было служить противовесом укреплявшимся среди молодежи революционным настроениям. В эпоху реакции 80-х годов эта политика получила и благовидный внешний предлог: в 1888 г. исполнилось 900-летие принятия христианства из Византии. Это обстоятельство самым непосредственным образом сказалось в повышении интереса к истории последней, интереса, продиктованного в конечном счете несомненными «благонамеренными» побуждениями консервативно настроенных ученых. С другой стороны, в рассматриваемую эпоху продолжалась экспансия царизма на Балканах и Ближнем Востоке. Она по-прежнему нуждалась в историческом обосновании и оправдании. Российские самодержцы и стоявшие за ними помещичье-буржуазные круги, как и раньше, стремились к разделу Турции: они мечтали о завоевании проливов из Черного моря в Средиземное, о захвате Константинополя. В 70-х годах разразился новый восточный кризис. Антитурецкие восстания в Боснии и Герцеговине в 1875 г., в Болгарии — в 1876 г., серботурецкая война 1876 г. — все это вновь резко обострило отношения держав на Ближнем Востоке. В 1877 г. вспыхнула русско-турецкая война.

В 90-х годах колониальная политика России начала проводиться с особой активностью. В ответ на посылку Англией военной эскадры в Дарданеллы в 1896 г. последовала русская угроза занять Босфор. В 1897 г. было заключено соглашение с Австро-Венгрией о поддержании status quo на Балканах. В конце 90-х годов царская дипломатия, противодействуя германской экспансии в Передней Азии, пыталась обеспечить свои экономические, политические и стратегические интересы путем заключения договора с султанской Турцией о предоставлении России преимущественного права на получение железнодорожных концессий в районе черноморского побережья Турции и русско-турецкой границы, о чем в начале 1900 г. было подписано соответствующее соглашение.

Одновременно царизм переходил к активной внешней политике и на Дальнем Востоке (занятие Порт-Артура в конце 1897 г., захват Ляодунского полуострова в 1898 г. и др.)¹.

¹ См. подробнее В. И. Б о в ы к и н. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX века — 1917 год. М., 1960, стр. 18—20, 25—26 сл., 33 сл.

Все эти и другие события, характеризовавшие нарастание колониальной экспансии российского военно-феодалного империализма в Передней Азии и на Дальнем Востоке, в особенности усиление захватнических стремлений по отношению к Турции, также стимулировали развитие интереса к византийской старине: ее изучение, по мысли правящих кругов, призвано было играть служебную роль и в осуществлении внешнеполитической программы царизма, претендовавшего на бывшие византийские территории.

В значительной мере именно в связи с оживлением византиноведения в последней трети XIX в. делает успехи и разработка истории крестовых походов. Весьма показательно, что многие работы по крестовым походам принадлежали перу русских византистов. Естественно, что эти работы как по своему содержанию и характеру, так и по идейной направленности несли на себе яркий отпечаток «византиноведческого происхождения». В них ярко проявились общеметодологические идеалистические и, в большей или меньшей степени, реакционные политические установки русского дворянско-буржуазного византиноведения. Вместе с тем, однако, то обстоятельство, что проблемы истории крестовых походов у нас разрабатывались главным образом византологами, в то время как на Западе эти проблемы составляли монополию преимущественно исследователей западноевропейского средневековья (в гораздо меньшей степени они изучались византинистами и отчасти ориенталистами), имело и некоторое положительное значение. Оно позволило русским историкам по-новому осветить и разрешить ряд вопросов истории крестоносного движения, ввести в оборот мало или совсем не использовавшиеся ранее источники, углубить и обновить интерпретацию ранее известных памятников. Русские ученые выдвинули и разработали оригинальные воззрения на крестовые походы значительно расширявшие историческую перспективу в понимании крестовых походов, воззрения, теснее ставившие крестовые походы в связь с многообразными сторонами жизни средневекового общества, нежели это имело место в работах зарубежных исследователей.

Все эти особенности нашли достаточно яркое отражение уже в работах выдающегося русского византиниста В. Г. Васильевского — «Византия и печенеги» (1872) и «Союз двух империй» (1877)².

В последней из них, в частности, В. Г. Васильевский разработал обширный круг конкретно-исторических вопросов международных отношений середины XII в. и тем самым поставил проблему Второго крестового похода на более широкую, чем раньше, историческую основу. Можно согласиться с оценкой этой работы Ф. И. Успенским, писавшим позднее, что «автор успел внести совершенно новые данные в изложение событий II крестового похода»³. Это относится также к комментарию Васильевского к неизданному надгробному слову Василия Охридского на смерть Ирины, жены Мануила Комнина⁴.

Большое значение имело исследование Васильевским и некоторых конкретных проблем истории Четвертого крестового похода 1202—1204 гг. Этот крестовый поход, как известно, закончился падением Византийской империи, поэтому его история представляла первостепенный интерес для византиноведения. Васильевский был первым из тех русских исследовате-

² См. разбор произведений В. Г. Васильевского в нашей статье (ВВ, IV, 1951, стр. 174—176).

³ Ф. И. Успенский. Академик Василий Григорьевич Васильевский. ЖМНП, 1889, октябрь, стр. 299.

⁴ См. ВВ, I, 1894, стр. 55—132; ср. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II. М., 1960, стр. 521.

лей конца XIX — начала XX в., которые сказали свое слово в изучении одной из самых значительных крестоносных экспедиций.

Едва ли не наиболее важной и весьма запутанной проблемой в истории Четвертого крестового похода являются причины изменения направления этого похода от первоначально намечавшейся цели — Египта — на Константинополь. В удовлетворительном решении этой проблемы серьезная роль принадлежит, на первый взгляд, частному, но в действительности довольно существенному вопросу — о времени бегства из Византии и появления в Европе царевича Алексея, сына свергнутого в Византии в 1195 г. императора Исаака II Ангела. До конца 70-х годов в западноевропейской историографии считалось общепризнанным, что царевич Алексей бежал из Византии летом 1201 г.: эту дату принимали все без исключения ученые, занимавшиеся историей IV крестового похода. На совпадении этой даты с рядом других фактов была построена пресловутая «теория германской интриги», получившая распространение в зарубежной литературе о IV крестовом походе⁵.

Васильевский внес серьезные уточнения в представления историков относительно перемены направления IV крестового похода в своей рецензии на книгу Ф. И. Успенского «Образование II Болгарского царства»⁶. Пересматривая проблему, Васильевский предложил оригинальное решение вопроса о времени бегства из Византии царевича Алексея. Историк подверг сомнению правильность традиционной даты этого события. Он установил, что царевич Алексей бежал в Европу не в 1201 г., а в 1202 г. Свою датировку Васильевский вывел путем мастерского анализа большой группы источников: показаний византийского историка Никиты Хониата, Новгородской летописи, письма папы Иннокентия III к императору Алексею III от 16 ноября 1202 г., данных мемуаров Жоффруа Виллардуэна, Большой Кельнской хроники, анонимного сочинения папского биографа «Деяния Иннокентия III» и записок Робера де Клары.

В плане статьи Васильевского дата бегства царевича Алексея в Европу имела значение одного из опорных пунктов для установления хронологии событий, связанных с историей византийско-болгарских отношений в начале XIII в. Сама по себе история IV крестового похода Васильевского в данном случае не занимала. Он сделал по этому поводу лишь несколько попутных замечаний, которые, однако, подрывали в основе, если не разрушали, здание, возведенное с таким искусством и трудом создателем «теории германской интриги» французским ученым П. Рианом. Установив, что датой бегства Алексея из Византии следует считать не 1201, а 1202 г.⁷,

⁵ См. ее анализ и оценку в кн.: М. А. Заборов. Папство и крестовые походы. М., 1960, стр. 130 сл.

⁶ В. Г. Васильевский. Критические и библиографические заметки (по поводу книги Успенского). ЖМНП, ч. 204, 1879, стр. 337—348.

⁷ К аналогичному выводу независимо от Васильевского пришел спустя пять лет французский историк Ж. Тессье в своей «Истории Четвертого крестового похода» (J. Tessier. Quatrième croisade. La diversion sur Zara et Constantinople. Paris, 1884). В дальнейшем во мнениях исследователей по вопросу о времени бегства царевича Алексея из Константинополя и его прибытия в Европу определились решительные расхождения, которые сохраняются и поныне. Точка зрения Васильевского получила признание в работе П. Митрофанова, а позднее, в 1936 г., аналогичный взгляд отстаивал видный французский историк Четвертого крестового похода Э. Фараль в своей статье о записках Виллардуэна (E. F a r a l. Geoffroy de Villehardouin. La question de sa sincérité. «Revue des questions historiques», t. CLXXVII, № 3, mai — juin 1936). Как справедливо отметил Б. Примов, Фараль не знал работ ни Васильевского, ни Митрофанова (см. Б. Примов. Жоффруа дьо Виллардуэн, четвертый крестоносный поход и България. «Годишник на Софийския университет», ист.-фил. фак-т, т. XIV, кн. 2, отд. отпеч. София, 1949, стр. 40, прим. 3). Однако и старый взгляд, выдвинутый Рианом, тоже продолжал находить своих приверженцев (см. J. Tessier. Op. cit., p. 135—154). Особенно упорно отстаивал и отстаивает его бельгийский византист А. Грегу-

Васильевский вывел из этого далеко идущие заключения относительно всей проблемы изменения направления IV крестового похода. Своим, казалось бы, чисто хронологическим открытием, или даже хронологической поправкой, он доказал в сущности фактическую несостоятельность «теории германской интриги».

Эта «теория», во всяком случае в том виде, который придал ей Риан, в результате исследования Васильевского была в значительной степени дискредитирована. Подрыв риановских воззрений на причины изменения направления крестоносного предприятия 1202—1204 гг. расчищал дорогу для дальнейших, более углубленных исследований этой проблемы.

Выводы Васильевского, в значительной мере уточнявшие представления о некоторых событиях Четвертого крестового похода, были, как видно из сказанного, плодом самостоятельного изучения и сопоставления источников. Интерес к источникам, стремление исходить в суждениях о тех или иных фактах истории крестоносного движения из свидетельств памятников эпохи — эта линия укреплялась в русской историографии крестовых походов и в последующие десятилетия. Ее развивали не только византилисты, но и ученые, работавшие в области истории западного средневековья.

В конце 70-х — начале 80-х годов проблемами истории крестовых походов вплотную занялся историк, известный в основном в качестве исследователя славяно-германской тематики, — профессор Киевского университета Ф. Я. Фортинский (1846—1902). Его внимание почти целиком было обращено на источниковедческие, а также историографические вопросы, однако он не обошел стороной и истории крестовых походов как таковой. Первой работой Фортинского по интересующему нас кругу проблем явилось исследование «Новые открытия в области истории ордена Тамплиеров», напечатанное в 1878 г.⁸ В этой статье автор разбирал ранее неизвестные документы — так называемые тайные статуты ордена тамплиеров: они были изданы в Галле за год до появления работы Фортинского — в 1877 г., и самое исследование киевского ученого явилось в сущности первым в европейской историографии, посвященным изучению этих материалов. Непос-

ар, посвятивший хронологии Четвертого крестового похода специальное исследование (H. Grégoire. The question of the diversion of the fourth crusade. *Byz.*, vol. XV, 1940—1941). В этой работе историк доказывает, что царевич бежал из константинопольской темницы в 1201 г., с помощью весьма оригинальной, но неубедительной аргументации, опираясь исключительно на филологические наблюдения над текстом послания Иннокентия III к императору Алексею III от 1202 г. Грегуар ссылается на то, что, упомяная о побеге царевича, папа употребляет для обозначения времени его появления в Риме наречие *olim*, а не *pierre*, которое бы он непременно употребил, если бы Алексей покинул свое отечество в 1202 г. Прибегая к подобной аргументации, Грегуар исходил только из соображения, что Иннокентий III, мол, хорошо знал латынь и не мог спутать двух слов — *olim* и *pierre*. Шаткость этого филологического доказательства станет особенно очевидна, если учесть, что бельгийский историк совсем не берет в расчет общего весьма дипломатического, чтобы не сказать сильнее, характера послания папы в Константинополь. Стоит отметить также, что Грегуару не была известна разобранная выше работа Васильевского, в чем он сам откровенно признавался десять лет спустя. В своем обзоре IV тома советского «Византийского временника» (см. *Byz.*, vol. XXI, fasc. 2, 1951) Грегуар отметил, что о существовании статьи Васильевского он ничего не знал, пока не встретил упоминания о ней «в хронике москве Заборова», и только теперь, «grâce à M. Zabobof», он прочитал работу Васильевского (*ibid.*, p. 503). Неосновательно упрекнув Заборова в незнании им якобы трудов Фаралы и Грегуара, бельгийский византист вновь повторил здесь свою старую аргументацию (*ibid.*, p. 504). К слову сказать, уже в сравнительно недавнее время аргументация Васильевского и его последователей была убедительно подкреплена болгарским исследователем Б. Примовым в его цитированной выше работе о Виллардуэне (указ. соч., стр. 39—43), а также в статье «Върху някои въпроси от общата и българска средновековна история във връзка с четвъртия кръстоносен поход» (ИИБИ, 2, 1951, стр. 431).

⁸ Ф. Фортинский. Новые открытия в области истории ордена Тамплиеров. Оттиск из «Университетских известий» (Киев, 1878).

средственно к истории крестовых походов работа Фортинского имела лишь косвенное отношение. Исследователя занимали главным образом вопросы, относящиеся части к истории тамплиеров, точнее, к их учению и организации, примерно с половины XIII в., и особенно — к судьбам братства накануне процесса и осуждения его Филиппом IV Красивым в начале XIV в. Основным вопросом, стоявшим перед историком, был вопрос о степени достоверности обвинений в ереси и прочих, предъявленных тамплиерам в 1307 г. королевскими судьями. Исследовав подробно содержание статута в духе юридической школы, к которой, как известно, он принадлежал по своим методологическим позициям, Фортинский пришел к выводу, что эти документы, скорее всего, являются достоверными историческими памятниками и в качестве таковых подтверждают многие пункты обвинительных актов, составленных инквизиторами Филиппа IV⁹.

Будучи работой источниковедческого характера (в значительной своей части она содержит перевод или пересказ статей опубликованных в 1877 г. уставов братства)¹⁰, исследование Фортинского имело довольно ограниченное значение в плане разработки чисто крестоносной тематики. Однако историк предпослал анализу статута тамплиеров небольшой вводный очерк, в котором обрисовал историю ордена с момента его образования до процесса 1307 г.¹¹ Очерк этот обнаруживает хорошую осведомленность автора в современной ему европейской литературе о храмовниках, а также основательное знакомство с источниками, прежде всего с актами парижского процесса¹². Исследование Фортинского было интересно как содержащимся в нем свежим материалом, извлеченным прямо из первоисточников, так и некоторыми рассуждениями самого автора о различных сторонах внутренней истории братства храмовников. Правда, в общем подходе Фортинского к судьбам ордена был налицо значительный элемент субъективизма. Так, историк связывал коренные перемены в организации, жизни и характере деятельности храмовников, будто бы наступившие со второй половины 50-х годов XII вв., исключительно со смертью в 1153 г. Бернара Клервосского, сыгравшего большую роль в основании ордена¹³. Только кончина этого покровителя ордена якобы привела к тому, что «монашеское направление тамплиеров начало быстро заменяться чисто светским»¹⁴. Конечно, такое субъективистское истолкование причин внутренней эволюции братства тамплиеров, насколько вообще историк вправе о ней говорить, не может быть признано сколько-нибудь удовлетворительным. К тому же в документах отсутствуют данные, которые бы подтверждали представление о чрезмерной преданности первых тамплиеров монашеским идеалам: с самого начала это была все же военно-монашеская организация.

Тем не менее Фортинский высказал в своей статье реалистическое понимание ряда вопросов, характеризующих деятельность и устройство ордена. Он правильно отметил, в частности, большое значение папских привилегий ордену: их пожалование было начато Александром III в 1163 г. буллой *Omne datum*, ставившей храмовников под прямую защиту

⁹ Там же, стр. 25.

¹⁰ Там же, стр. 10—20.

¹¹ Там же, стр. 3—10.

¹² Фортинский пользовался книгой: P. Dupuy. *Traité concernant l'histoire de France de la condamnation des Templiers*. Paris, 1654, имевшейся в библиотеке Киевского университета, в ее более позднем, брюссельском издании 1713 г. См. Фортинский. Указ. соч., стр. 8, прим. 1.

¹³ Там же, стр. 3. «Пока жив был Бернар, тамплиеры оставались верны своему уставу и мало чем отличались от цистерцианцев или каноников..., до самой смерти Бернара [они] не имели никаких особых привилегий; их покровитель (т. е. Бернар.— М. З.) был суровым противником всяких *exemptiones* и не позволял тамплиерам приобретать вольностей от пап, императоров или королей».

¹⁴ Там же, стр. 3.

апостольского престола, разрешавшей ордену иметь собственных священников, изменять и дополнять свой первоначальный устав¹⁵. Автор, впрочем, не выяснял политической подоплеки папской политики покровительства ордену и даже не пытался установить цели, с которыми Александр III и его преемники то освобождали храмовников от уплаты десятины, то предоставляли «клирикам ордена право отправлять богослужение в таких местах, на которые наложен интердикт», то снимали «с вступающих в орден часть наложенных на них церковных наказаний»¹⁶ и т. п. Но, несомненно, является оправданным наблюдение Фортинского, что папские привилегии способствовали вступлению в число тамплиеров лиц, которые стремились лишь удовлетворить свои мирские потребности, не имевшие ничего общего с «идеальными» задачами ордена: одни шли к храмовникам, чтобы «примириться с папой», другие — чтобы «освободить свои земли от лишних поборов», третьи — «обеспечить своих подданных от интердикта»¹⁷. Здесь, может быть, недостаточно четко, все же сформулирован по существу верный тезис: действительно, основное направление и характер деятельности ордена определялись, говоря современным языком, изменениями в социальном составе братьев-рыцарей. Фортинский, несколько преувеличивавший силу первоначального монашеского элемента в ордене тамплиеров, писал: «Параллельно... с изменениями монахов в рыцарей и самые цели ордена стали другие. Прежде храмовники употребляли все свои средства на пособие пилигримам и на борьбу с неверными, теперь же у них на первом плане — упрочение самостоятельности и могущества своего ордена, и для достижения этой цели они не брезгают никакими интригами при римском и иерусалимском дворе и даже вступают в соглашение с неверными к явному вреду для христиан; прежде все вступающие в орден спешили в Палестину на борьбу с сарацинами, теперь же большинство рыцарей предпочитает жить на Западе и не только не содействует возбуждению новых крестовых походов, напротив, всячески старается отклонить папу, королей и князей от подобных предприятий»¹⁸. В этих словах историка выражены наблюдения, важные, между прочим, для правильного понимания некоторых причин упадка крестоносного движения в XIII столетии.

С этим связано и другое, на наш взгляд, в целом тоже более или менее оправданное суждение Фортинского — относительно действительных целей, все более выдвигавшихся на первое место в практической деятельности братьев-рыцарей в XII—XIII вв.: «По мере увеличения у ордена чисто мирских членов и богатств, тамплиеры все больше и больше забывают о своих обетах»¹⁹ (бедности, целомудрия, послушания и защиты пилигримов. — М. З.). Конечно, выражение «забывают» не совсем соответствует подлинному положению вещей: точнее было бы сказать, что первоначальные функции ордена все явственнее отступали у него на задний план по сравнению со стяжательством всякого рода. Но в основе своей мысль Фортинского все же близка к истине.

Нельзя в большей или меньшей степени не согласиться и с некоторыми из остальных его высказываний по данному комплексу вопросов, вроде, например, следующего: «Огромные богатства, скопившиеся в руках тамплиеров, делали невозможным строгое соблюдение обета бедности»²⁰. Следовало бы только добавить, что храмовники и в первые десятилетия своей

¹⁵ Ф. Фортинский., Указ. соч., стр. 3—4.

¹⁶ Там же, стр. 4—5.

¹⁷ Там же, стр. 5.

¹⁸ Там же, стр. 4.

¹⁹ Там же, стр. 5.

²⁰ Там же.

деятельности не слишком старались соблюдать этот обет, о чем свидетельствует хотя бы их поведение при взятии Аскалона²¹.

Вообще отдельные положения фактического характера, встречающиеся в статье Фортинского, не всегда отличаются точностью²².

Однако это не умаляет в целом интересных выводов его исследования. Многие установленные им по источникам фактические сведения о судьбах ордена тамплиеров, сведения, которые Фортинский впервые доставил русскому читателю, а также его суждения, содержавшие в общем довольно объективную и трезвую оценку деятельности храмовников, отличались новизной и представляли определенную познавательную и научную ценность.

Интерес Фортинского к крестоносной тематике не был скоропреходящим. Вскоре после первой он выступил со второй работой, на этот раз имевшей уже самое прямое отношение к истории крестовых походов. В 1882 г. в двух последовательных выпусках «Университетских известий», была напечатана его большая статья «Научная разработка истории Первого крестового похода»²³. К этому времени западноевропейская историография крестовых походов достигла весьма важной стадии своего развития. Большие успехи были достигнуты в области собирания и публикации источников для истории крестовых походов. Со времени выхода в свет монографии немецкого исследователя Г. Зибеля «История Первого крестового похода» (1841) западноевропейские буржуазные историки, овладевая источниками, стали все больше и больше отказываться от традиционных представлений, восходивших к апологетической историографии романтиков начала XIX в., в свою очередь некритически опиравшейся на построения западных летописцев XII—XIII вв. На место многотомных и в целом компилятивных трудов сводного характера пришли конкретные исследования, пересматривавшие разнообразные проблемы истории крестовых походов в свете критического анализа источников. Отделение достоверного материала от недостоверного, установление подлинных фактов истории крестовых походов (в противовес фантастическим выдумкам хронистов), прежде всего расчистка авгиевых конюшен прокатолической историографии, нагромоздившей в течение столетий немало нелепостей, традиции принимавшихся историками за факты настоящей истории крестовых походов, — вот каково было вкратце главное направление в развитии европейской историографии крестовых походов к началу 80-х годов. Преобладающим в работах западных медиевистов сделался дух всеобъемлющего критицизма по отношению к источникам, а под углом зрения тех выводов, которые добывались в процессе критики источников, выдвигались и новые, более реалистичные взгляды на крестовые походы в целом и отдельные вопросы их истории. К началу 80-х годов вся эта поистине гигантская работа, в которую были втянуты многие десятки историков и филологов самых разнообразных специальностей, находилась в самом разгаре. При таких обстоятельствах было чрезвычайно важно подвести хотя бы

²¹ См. М. А. Заборов. Крестовые походы. М., 1956, стр. 130.

²² Вряд ли верно, к примеру, мнение, что «падение Иерусалимского королевства освободило орден от обязанности покровительства пилигримам» (Ф. Фортинский. Указ. соч., стр. 5): ведь по договору 1192 г. паломники сохраняли возможность совершать свои благочестивые (или мнимоблагочестивые) путешествия в священный град. См. М. А. Заборов. Крестовые походы, стр. 176.

²³ Ф. Фортинский. Научная разработка истории Первого крестового похода. «Университетские известия», критико-библиографический отдел. Киев, 1882, № 4, стр. 83—99; № 5, стр. 227—240. Известно, также, что Фортинский читал в Киевском университете спецкурс по истории крестовых походов. См. «Очерки исторической науки в СССР», т. II, стр. 343. К сожалению, нам не удалось обнаружить каких-либо материалов этого курса.

некоторые итоги уже сделанному, с тем чтобы наметить дальнейшие перспективы этой работы. За этот труд и взялся русский медиевист Фортинский. Результаты его были им обобщены в упомянутой выше статье «Научная разработка истории Первого крестового похода».

Статья, содержание которой выходит за рамки ее названия, явственно распадается на две части: в первой дается исторический обзор издания источников, во второй рассматриваются основные вехи развития собственно историографии крестовых походов. Прежде всего, Фортинский изложил историю собирания и издания памятников по крестовым походам, начиная с XVI в., когда были сделаны первые, робкие шаги в этой области, и кончая третьей четвертью XIX в., когда учеными уже была выполнена сравнительно большая работа в этом направлении. Основываясь на материалах уже выпшедших в свет коллекций, таких как «Gesta Dei per Francos» Ж. Бонгара и «Recueil des Historiens des Croisades», а также на данных отчетов Французской академии надписей, по почину которой издавалась последняя коллекция, Фортинский последовательно воспроизвел историю публикации памятников крестоносного движения. Киевский ученый, сам прошедший основательную в этом отношении медиевистическую подготовку в Парижской школе хартий, главное внимание уделял при этом методам обработки рукописей, применявшимся издателями и редакторами тех или иных коллекций, системе размещения и распределения источников в разных изданиях и т. п. вопросам источниковедческого характера.

Обзор изданий источников был выполнен Фортинским с большой обстоятельностью и полнотой. Историк учел не только хорошо известные медиевистам того времени серии публикаций, но и материалы, которые были в свое время только подготовлены и по тем или иным причинам так и не увидели света, как, например, восточные (арабские) памятники, собранные и в отрывках переведенные на латинский язык бенедиктинцем Дом Бертеро в 1739—1791 гг.²⁴; были также приняты во внимание отдельные западные хроники, опубликованные разрозненно в собраниях Дюшени, Мартеня и Дюрана, у Люка д'Ашери, Мабильона²⁵ и т. п. Фортинский постарался включить в свой обзор все доступные ему новейшие издания: за их появлением историк, как видно из его работы, внимательно следил по указаниям в зарубежной периодической литературе. В частности, Фортинский первым из русских медиевистов информировал российскую историческую общественность о начале издательской деятельности французского Общества Латинского Востока и его первых трудах, напечатанных в конце 70-х годов — таких, как книга Риана «Священная константинопольская добыча» (1878) и др.²⁶ Автор обзора не ограничился простым перечислением в хронологическом порядке и внешней характеристикой или описанием состава различных публикаций. Он дал их сравнительную оценку как с точки зрения полноты охвата документов, собранных в каждой коллекции, так и их расположения, подбора, научной обработки²⁷, степени использования редакторами достижений исторической критики и т. п.²⁸ Иначе говоря, раскрывая историю подготовки и осуществления различных изданий, Фортинский в каждом отдельном случае указывал их достоин-

²⁴ Ф. Фортинский. Научная разработка..., стр. 87—88.

²⁵ Там же, стр. 86.

²⁶ Там же, стр. 98—99.

²⁷ Там же, стр. 91—92.

²⁸ Там же, стр. 97—98. Любопытно, например, важное замечание Фортинского в адрес издателей «Recueil des Historiens des Croisades», которым он справедливо ставил в упрек незнание принципов расположения материала источников, принятых Г. Перцем в собрании Monumenta Germaniae historica (там же, стр. 91).

ства и недочеты с источниковедческой точки зрения, так что сделанный им обзор сам по себе тоже носил критический характер.

Рассматриваемая часть работы Фортинского страдала, однако, одним серьезным изъяном. Говоря об издании в разное время тех или других собраний источников, автор, как правило, не пытался установить какой-либо связи между их появлением (в качестве историко-литературного факта) и историей той эпохи, которой они были обязаны своей публикацией. Фортинский, будучи буржуазным историком юридической школы, не улавливал зависимости конкретных фактов историко-литературного процесса (в данном случае — публикации памятников) от социально-политической обстановки того времени, когда эти факты имели место. Усилия ученых в области собирания, изучения и публикации источников по крестовым походам историк объяснял одними только чисто научными потребностями эпохи: постепенным накоплением материала, необходимостью его систематизации и пр. «Быстрое накопление материала для истории крестовых походов и его разбросанность по многочисленным изданиям различных государств Европы сами собой (sic! — М. З.) наводили на мысль о необходимости соединения его в новую, более обширную коллекцию, чем какую дал Бонгар»²⁹, — так, например, писал Фортинский о причинах, побудивших в XVIII в. мавриста Дом Буэ задумать издание всех памятников, относящихся к истории крестовых походов. В аналогичном сугубо замкнутом академических рамках плане рассматривалась им и деятельность Французской академии надписей в XIX в. по изданию «Recueil des Historiens des Croisades», в которой Фортинский видел лишь естественное «продолжение работ, начатых конгрегацией св. Мавра»³⁰, и реализацию «задуманного бенедиктинцами плана издания памятников»³¹. Даже создание Рианом Société de l'Orient Latin в 1875 г. Фортинский выводит исключительно из того, что «медленность, а пожалуй, и некоторая небрежность в издании «Recueil des Historiens des Croisades» глубоко огорчала французских ученых, особенно лучшего знатока крестовых походов, гр. де Рианта. Чтобы хотя несколько помочь беде, он решился организовать ученое общество, которое задалось бы целью издавать те материалы по истории Латинского Востока, которые не нашли еще, а может быть, и не найдут места в «сборнике академии»³². Едва ли не единственным отступлением от такого формально-хронологического метода изложения, при котором каждая последующая попытка публикации памятников или их издание логически выводятся так или иначе из предшествующих, т. е. рассматриваются либо как продолжение первых, либо как их дополнение, является объяснение Фортинским усиления издательской активности в данной области, имевшей место в конце XVI — начале XVII в., результатом чего было появление коллекции Бонгара (1611), а именно: Фортинский указывает на большое значение в этом отношении Реформации, под влиянием которой «начались споры у протестантов с католиками, причем как те, так и другие в истории искали доказательств для своих взглядов» (разрядка наша. — М. З.)³³. При этом автор довольно верно замечает: «В своих исторических изысканиях протестанты обнаружили несравненно более скептицизма, чем католики, и раньше их положили основание исторической критике»³⁴. Но данное наблюдение историка представляет собой исключение в этом роде. К тому же и оно, как нетрудно

²⁹ Ф. Фортинский. Научная разработка..., стр. 86.

³⁰ Там же, стр. 88.

³¹ Там же.

³² Там же, стр. 98.

³³ Там же, стр. 84.

³⁴ Там же.

заметить, носит поверхностный характер. Фортинский не стремился показать конкретно обусловленность, а тем более направленность изданий протестантских историков, того, на что, собственно, был нацелен их критицизм и какие цели он преследовал.

Несмотря на указанный принципиальный недостаток первой части работы Фортинского, она все же сохраняет и по сию пору свое научное значение благодаря систематически собранному автором материалу по истории публикации источников. Нельзя не отметить, что Фортинский был первым не только русским, но и европейским медиевистом, разработавшим в меру своих возможностей доступный ему материал. Тем самым он заложил определенную основу для дальнейшей работы по созданию, если так можно выразиться, истории источниковедения крестовых походов. Другими словами, Фортинский впервые в мировой историографии дал себе труд проследить — и притом довольно детально — основные этапы той большой работы, которая была проведена рядом западноевропейских исследователей до конца 70-х годов XIX в. по изданию памятников крестовых походов — в этом состоит историографическая ценность рассмотренной части его статьи.

Вторая часть работы киевского медиевиста, как уже было отмечено, посвящена собственно западноевропейской историографии крестовых походов. По своему уровню эта часть статьи значительно уступает рассмотренной ранее. Свой историографический обзор Фортинский начинает прямо с характеристики трудов историков начала XIX века — Ж. Мишо и Ф. Вилькена³⁵, лишь вскользь, и притом в самом общем виде, упоминая об их предшественниках (даже имена этих последних не называются)³⁶. Вообще эта часть работы не отличается полнотой. Многие произведения западноевропейских историков остались просто недоступными Фортинскому (об их существовании, впрочем, он знал из данных библиографии, за которой внимательно следил)³⁷. Однако, едва ли не самым серьезным изъяном второй части работы Фортинского является то, что все рассматриваемые в ней труды по крестовым походам ученый разбирает под одним единственным, хотя и нужным, но ограниченным, углом зрения, а именно: его интересует только отношение авторов разбираемых им произведений к источникам. Этим всецело определяется оценка, даваемая тем или иным сочинениям о крестовых походах. Анализ того, что мы бы назвали идейным содержанием этих работ, в статье Фортинского совершенно отсутствует. Принципиальные установки исследователей, их общие идеи, важнейшие выводы о наиболее существенных моментах крестоносного движения — все эти и подобные вопросы Фортинский обходит стороной. В этом ясно сказывается методологическая ограниченность Фортинского как историографа. Отчасти, конечно, подобный односторонний подход к предмету был обусловлен самим состоянием научной разработки истории крестовых походов в начале последней трети XIX в. Как уже было отмечено, в то время злостью дня в европейской исторической литературе по крестовым походам служили именно вопросы толкования и оценки источников. Эти вопросы дебатировались в первую очередь в монографиях, диссертациях и статьях, что, несомненно, отразилось и в направленности историографического обзора работы Фортинского. В то же время отсутствие у историка всякого интереса к эволюции общих представлений о крестовых походах в литературе XIX в., возможно, было связано в какой-то степени с особенностями

³⁵ Ф. Фортинский. Научная разработка..., стр. 227—229.

³⁶ Там же, стр. 228, 235.

³⁷ См. там же, стр. 240, прим. 2, где сопоставляются библиографические перечни по крестовым походам в «Jahresberichte der Geschichtswissenschaft» и в «Archive de l'Orient Latin» за 1878—1879 гг.

российской социально-политической действительности начала 80-х годов, вообще не благоприятствовавшей постановке острых идейно-теоретических проблем в исторических исследованиях. Как бы то ни было, но собственно историографическая часть работы Фортинского — это прежде всего обзор литературы по изучению источников; в основу его историк положил именно оценку отношения авторов трудов, им рассматриваемых, к источникам.

В этом плане, тем не менее, статья Фортинского содержала немало ценных конкретных сведений, в своей совокупности довольно четко выражавших ход развития фактических знаний об истории, точнее — об источниках по истории главным образом Первого крестового похода. Как и в характеристике изданий источников, в своем историографическом обзоре Фортинский выступил в качестве самобытного исследователя. Он не довольствуется простым пересказом воззрений авторов рассматриваемых им трудов на источниковедческие проблемы истории крестовых походов. Фортинский расценивает их со строгой критической меркой. Подчас он высказывает собственные, вполне оригинальные суждения по тем или иным вопросам, находя различные недостатки в трудах западноевропейских исследователей³⁸.

Не всегда, однако, критические замечания историка хорошо аргументированы³⁹, иногда же они просто поверхностны⁴⁰. Работе Фортинского присущи и иные промахи. В обзоре сочинений по истории крестовых походов отсутствует хронологическая последовательность⁴¹. Налицо непоследовательность и в их оценках⁴², а также в отборе сочинений для обозрения. Как правило, Фортинский анализирует специальные монографии по истории крестовых походов (обзор заканчивается разбором исследований Г. Хагенмейера и некоторых других работ конца 70-х годов), однако наряду с ними в его статье фигурирует и «Всеобщая история» Вебера⁴³.

Односторонний подход Фортинского к изучавшимся им произведениям породил некоторые ошибочные принципиальные суждения ученого. Фортинский полагал, например, будто только «недостаток полного собрания материалов по истории крестовых походов дает возможность понять, почему в современной исторической литературе нет ни одного произведения, удовлетворительно, с научной точки зрения разъясняющего эту замечательную эпоху во всем ее объеме»⁴⁴. Несостоятельность этого положения станет очевидной, если учесть, что даже при наличии достаточного числа источников, разработанных в конце XIX и в XX в., буржуазной медиеви-

³⁸ См. Фортинский. Научная разработка..., стр. 229 — критика монографии Б. Куглера «История крестовых походов»; там же, стр. 239 — критика работы того же историка «Комнины и крестоносцы» и т. д.

³⁹ Так, говоря о статье молодого Б. Куглера «Бозмунд и Танкред» (1862), Фортинский находит «преувеличенным» его мнение о планах Бозмунда «основать обширное государство на Востоке с центром в Антиохии» (там же, стр. 239), ничем не подтверждая своего несогласия с немецким историком.

⁴⁰ Например, единственный в сущности упрек, который он делает Хагенмейеру, автору капитального исследования легенды о Петре Пустыннике, состоит в том, что книга этого историка чересчур объемиста (там же, стр. 240).

⁴¹ Так, оценка книги Б. Куглера «История крестовых походов», опубликованной в 1880 г., предшествует разбору «Истории Первого крестового похода» Г. Зибеля, вышедшей за четыре десятка лет до этого, хотя сам Фортинский характеризует более позднюю работу (Куглера) как сокращение труда Зибеля (там же, стр. 229—230 сл.)

⁴² Убедительно показав недостоверность фактической основы трудов Мишо и Вилькена, Фортинский все же замечает, и притом дважды, что эти труды якобы «не вполне еще потеряли научное значение» (там же, стр. 227; ср. там же, стр. 229: «Хотя [они] и не утратили еще значения, как последние, самые большие компиляции по истории крестовых походов, конечно, не могут быть названы удовлетворительными в критическом отношении»).

⁴³ Там же, стр. 229.

⁴⁴ Там же, стр. 230.

стике не удалось создать труда, вполне отвечающего действительно научным требованиям. Ошибочной была и оценка Фортинским значения монографии Г. Зибеля «Истории Первого крестового похода». Фортинский полагал, что «все новейшие исследователи Первого крестового похода ограничиваются исключительно или развитием взглядов Зибеля, или стремлением сделать в них некоторые улучшения или поправки»⁴⁵. В действительности, хотя монография Зибеля в свое время сыграла очень крупную роль в деле критического пересмотра сложившихся ранее представлений об истории Первого крестового похода, однако, уже в конце 70 — начале 80-х годов в историографии возникло течение, представители которого старались подорвать зибелевский радикализм в критике источников. Сам Фортинский приводит мнение французского исследователя П. Мейера относительно лотарингской хроники Альберта Аахенского, в корне расходившееся с гиперкритическим суждением на этот счет Зибеля⁴⁶.

В целом исследование Фортинского «Научная разработка истории Первого крестового похода» следует признать определенным вкладом отечественной медиевистики в изучении крестоносной проблематики. Отвечая назревшей в европейской историографии потребности, автор критически суммировал в своей статье результаты трудов, выполненных западными специалистами в области публикации и исследования источников по крестовым походам, главным образом Первого, основательно познакомив в то же время русскую историческую общественность как с ходом самих этих исторических исследований, так и с их современным состоянием на Западе. Работа Фортинского не могла не пробудить интереса к дальнейшему изучению поставленных им проблем. Историографический уклон в исследованиях крестоносных сюжетов впоследствии займет прочное место в работах отечественных историков.

Вместе с тем в 80—90-х годах русские исследователи все чаще обращались и к изучению самой истории крестовых походов. Как уже было отмечено, инициатива этих исследований и ведущая роль в них чаще всего принадлежала византинистам, вносящим в работы по крестоносной проблематике большое своеобразие.

В 1883 г. была опубликована работа известного византиноведа П. В. Безобразова «Боэмунд Тарентский»⁴⁷. Хотя в ней рассматривались преимущественно вопросы норманно-византийских отношений в конце XI — начале XII в., однако одно из важных мест в работе занимала история военной и дипломатической деятельности Боэмунда Тарентского, как самого видного предводителя крестоносцев Первого похода⁴⁸. Безобразов справедливо усматривал цель восточной политики воинственного нормандца в основании независимого княжества на Востоке⁴⁹. Именно в этом историк видел главную причину многолетнего конфликта Боэмунда, завладевшего в 1098 г. Антиохией и ставшего князем Антиохийским, с Византией. На основании ряда источников, главным образом «Алексиады» Анны Комниной, Безобразов рисовал хищный облик нормандского князя, не лишённого военных и дипломатических талантов и в качестве вождя крестоносцев «умевшего пользоваться обстоятельствами»⁵⁰, показывая, как широкие захватнические планы Боэмунда на Востоке, столкнувшись с трудностями одновременной борьбы против сельджуков и Византии, потерпели

⁴⁵ См. Фортинский. Научная разработка..., стр. 240.

⁴⁶ Там же, стр. 238.

⁴⁷ П. Безобразов. Боэмунд Тарентский. ЖМНП, ч. 226, 1883, стр. 37—119.

⁴⁸ Там же, стр. 72—94.

⁴⁹ Там же, стр. 78, 82.

⁵⁰ Там же, стр. 119.

крах. Статья Безобразова содержала богатый фактический материал, подняв который, автор открыл перед читателем яркую страницу в истории первой большой крестоносной авантюры европейского рыцарства. Ценной в работе Безобразова являлась, несомненно, реалистическая характеристика крупнейшего руководителя и политика крестоносцев — князя Бозмунда.

В своей работе Безобразов касался попутно и некоторых общих вопросов истории крестоносного движения, например, его предпосылок. Однако этот вопрос раскрывался историком идеалистически, на основе позитивистской теории равноправных факторов. Крестовые походы, по Безобразову, были вызваны действием разнообразных причин, каждая из которых имела значение, одинаковое с другими; среди них в статье фигурируют и аскетическое устроение на Западе, и воинственный дух рыцарства, обуревавшая его жажда приключений, и угнетенное положение народа, и плачевное положение Византии в конце XI в., и стремления римских пап к ее подчинению⁵¹. При этом акцент все же историк делал на обстоятельствах идейного порядка⁵². Работа Безобразова отнюдь не носила чисто академического характера: ее политическая тенденция совпадала с реакционными по своей направленности взглядами Васильевского, хотя и проводилась историком в более завуалированной форме.

Тем не менее статья Безобразова представляет определенный интерес, особенно в историографическом плане, лишняя раз свидетельствуя о самостоятельности путей развития крестоносных исследований в русской средневековедении. При рассмотрении различных вопросов истории Запада и Востока в начале крестовых походов Безобразов, опираясь в известной мере на работы современных западноевропейских, преимущественно немецких, медиевистов, вместе с тем вполне обоснованно критиковал мнения Г. Зимбеля, Б. Куглера и некоторых других историков крестовых походов, указывая на то, что они уделяли недостаточное внимание политической истории Востока и, главное, не понимали всей глубины политических противоречий, разделявших Византию и итальянских нормандцев. Таким образом, Безобразов, как и его ближайшие предшественники, критически использовал достижения зарубежной историографии крестовых походов, углубляя и уточняя представления о событиях Первого крестового похода на основе самостоятельного изучения источников.

Рассмотренные выше труды 70—80-х годов при всех их недостатках, обусловленных как состоянием данной области средневековедения, так и политическим мировоззрением авторов, слабостью их методологических позиций и пр., отражают все же определенную ступень в развитии исторической науки. Этого нельзя сказать о популяризаторских сочинениях того же периода, написанных на крестоносные сюжеты. Таких произведений создано было, правда, очень немного, но зато их научный уровень оставляет желать много лучшего. Эти разрозненные очерки составлялись вскоре после русско-турецкой войны с явной пропагандистской целью (раздувание религиозно-патриотического угара, разжигание антитурецких настроений в простом народе, распространение идей «христианского героизма») и в качестве противовеса против «революционной заразы», а также для поддержания у читателей интереса к участию святых мест в Палестине, иначе говоря, для «потенциального» исторического оправдания внешней политики царизма.

⁵¹ Там же, стр. 76

⁵² Показательно, что он с похвалой отзывался о взглядах Зимбеля как раз потому, что немецкий историк «в направлении умов», «а не в других второстепенных и случайных обстоятельствах искал причины Первого крестового похода» (там же, стр. 72. прим. 2).

Такого рода тенденции отчетливо проявились, в частности, в очерке неизвестного автора «Готфрид Буйльонский и Первый крестовый поход», опубликованном в 1882—1883 гг. в сборнике «Рассказы из истории средних веков»⁵³. Сборник этот был издан «Обществом распространения полезных книг». По своему содержанию и характеру очерк вполне соответствовал остальной литературе, распространявшейся в народе этой «просветительной» организацией; в основном это была религиозная литература ортодоксально-православного направления, типичная для официального пропагандистского курса «темного времени» — реакции 80-х годов⁵⁴. История крестовых походов также была приспособлена издателями к их сугубо благонамеренным целям. Рассказ о Первом крестовом походе, целиком выдержанный в духе церковно-исторической традиции, изображал это предприятие исключительно как религиозную, священную войну христиан с «врагами их веры» за святой гроб. Причиной крестового похода, по описанию автора, послужили веками нараставшие и прорвавшиеся, наконец, возмущение и ненависть христиан против мусульман, сперва — арабов, затем — турок. В очерке описывались жестокости «нехристей» по отношению к христианскому населению Сирии и Палестины; в качестве исторических фактов сообщались всевозможные домыслы церковников об антихристианских изуверствах «ненавистного племени», о героическом отпоре, который якобы им давали христиане, об издевательствах «неумолимых врагов» над мирными паломниками и т. п. выдумки церковных историков⁵⁵. В конце концов, заявляет автор, «после многих лет терпения и страдания искры, тлевшие на Востоке и на Западе, разгорелись и зажгли пламя, которому было суждено погаснуть не скоро»⁵⁶.

Весь рассказ о положении святой земли накануне крестовых походов построен был на недостоверных известиях и имел, несомненно, целью подогреть среди читателей этими лжеисторическими сведениями религиозную вражду к «нехристям». Этим стремлением в значительной мере был проникнут и очерк в целом⁵⁷. В выпяченных тонах воспроизводится в нем призывная речь Урбана II в Клермоне (текст ее почти полностью сочинен автором очерка); также описывается «неудержимый восторг», охвативший «весь народ» после этой речи, выступление крестоносцев Петра Пустытника; с состраданием рассказывается о гибели якобы 500 тысяч первых «несчастливых крестоносцев», участников этого «печального и бесполезного похода» 1096 г.⁵⁸

Героической эпопеей рисуется последующая священная война «настоящего войска», превозносятся его вожди, и прежде всего «самый храбрый и благочестивый рыцарь своего века» Готфрид Бульонский⁵⁹. Зачастую в очерке приводятся в качестве действительных фактов всевозможные вымышленные летописцами события, прославляющие Готфрида и уже со времен Зибеля переставшие служить достоянием подлинной истории крестового похода (например легенда о схватке герцога с медведем в Малой

⁵³ Собственно говоря, это даже название всей книжки; учитывая, однако, что в ней помещено еще несколько других рассказов на средневековые темы, не имеющих никакого отношения к крестовым походам, следует признать этот заголовок в качестве общего для сборника в целом странным недоразумением.

⁵⁴ Среди изданий «Общества» фигурировали, например, такие брошюры, как «Придите и поклонимся святому кресту», «О смиренной покорности», «Извлечение из песнопения на Рождество Христово», «Рассказы для детей о земной жизни Спасителя», «Св. пророк Илия», «О подражании Иисусу Христу» и т. п.

⁵⁵ Готфрид Буйльонский и Первый крестовый поход. М., 1882—1883, стр. 5 и сл.

⁵⁶ Там же, стр. 6.

⁵⁷ См., например, стр. 8, 11—12 и др.

⁵⁸ Там же, стр. 14.

⁵⁹ Там же, стр. 17.

Азии)⁶⁰. При всяком удобном случае автор не устает напоминать читателям о религиозной основе предприятия; она выступает на первый план даже при описании наиболее значительных в чисто стратегическом отношении эпизодов военных кампаний⁶¹. Особенно густо насыщено всякого рода религиозными реминисценциями описание битвы крестоносцев за Иерусалим — «город, который Господь избрал для Своей обители, где Он умер, где Он воскрес из мертвых», и т. д.⁶² Чуть ли не на каждой странице очерка встречаются то хвалебные дифирамбы доблестным воинам креста, горевшим огнем веры и храбрости, и их благородным предводителям, то выражается сочувствие к страданиям, которые крестоносцы претерпевали на пути к Иерусалиму (голод в Антиохии); при этом везде главным образом один герой — «мудрый» Готфрид — выступает их спасителем⁶³.

Противопоставляя христиан мусульманам, автор на все лады оттеняет прежде всего мнимое нравственное превосходство первых над последними. Только этим объясняется, например, победа крестоносцев над Кербогой: хотя «мусульманское войско было гораздо больше христианского, ... но мужество крестоносцев и мудрость их вождей... превозмогли грубую силу неверных»⁶⁴.

Очерк «Готфрид Буйльонский и Первый крестовый поход» может служить одним из примеров исторической фальсификации крестоносного движения конца XI в. в русской популярной исторической литературе 80-х годов. Эта фальсификация предпринята была во имя поэтизации крестовых походов, ради распространения идей христианского героизма и вражды к иноверцам, прежде всего туркам, недавним противникам России. Тенденции, отчетливо проводившиеся в очерке, не раз всплывут в популяризаторских работах русских реакционных историков уже в начале XX вв.

Следует, однако, иметь в виду, что большую часть отечественной литературы о крестовых походах в рассматриваемый период составляли сугубо ученые, специальные сочинения, в которых если и присутствовал «политический элемент», обращенный к современности, то он фигурировал где-то в «глубине сцены» и не заслонял в той или иной степени объективно ценных конкретных результатов трудов названных выше историков.

Ярким подтверждением этого может служить этюд Ф. И. Успенского «Византия и крестоносцы» (1892)⁶⁵. В этом ныне совсем забытом очерке молодого тогда историка, впоследствии видного русского византиноведа, был дан как бы первоначальный набросок той концепции истории крестовых походов, которая получила развитие в его последующих трудах по крестоносной проблематике⁶⁶. Но он имел и самостоятельное значение. Этюд Успенского был первым в отечественной историографии произведением, рисовавшим важнейшие перипетии всей истории Четвертого крестового похода. Автор привлек к его характеристике наряду с более или менее изученными в литературе свидетельствами западных и византийских памятников весьма ценные и еще в сущности не пущенные в научный

⁶⁰ Там же, стр. 18—19.

⁶¹ Так, важность схватки за Антиохию определялась, в изображении автора, в особенности тем, что именно «здесь первые ученики Спасителя приняли название христиан, здесь св. Апостол Павел начал свой благословенный подвиг» (там же, стр. 19).

⁶² Там же, стр. 25; ср. стр. 28.

⁶³ Там же, стр. 21 и сл.

⁶⁴ Там же, стр. 24.

⁶⁵ Ф. Успенский. Византия и крестоносцы (Завоевание латинянами Константинополя). «Южный сборник» в пользу пострадавших от неурожая. Одесса, 1892, стр. 195—222.

⁶⁶ Самый текст очерка, как показывает его сравнение с книгой Ф. Успенского «Крестовые походы» (1901), почти в неизменном виде вошел в ту часть последней, которая посвящена была Четвертому крестовому походу.

оборот, хотя и известные западноевропейским ученым (например К. Гопфу), данные Новгородской летописи⁶⁷. Он выдвинул во многом оригинальную схему Четвертого крестового похода. Как ее достоинства, так и недостатки были обусловлены «византиноведческим происхождением» очерка, близкого по своим общим установкам к исследованиям Васильевского.

Основной идеей статьи Успенского являлся тезис о противоположности интересов и устремлений Западной Европы и Византии в эпоху крестовых походов, наиболее рельефно проявившейся в судьбах константинопольской авантюры рыцарства в начале XIII в. Проблема взаимоотношений Запада и Византии — центральная в очерке. Она поставлена еще в самом общем виде применительно к начальным этапам крестоносного движения⁶⁸. Детально же представление о противоположности интересов Запада и Византии развернуто при анализе событий собственно Четвертого крестового похода. По словам Успенского, к его началу сложилась такая комбинация «политических обстоятельств», которая позволила совместить «идею крестовых походов» с «движением на Византию»⁶⁹. Основная часть этюда Успенского и была посвящена разбору этих политических обстоятельств конца XII — начала XIII в., при которых крестоносцы сыграли «роль молота, а Византия — наковальни»⁷⁰.

Тот факт, что Успенский уделил серьезное внимание международной политике эпохи Четвертого крестового похода, сам по себе составлял несомненную заслугу ученого, продолжавшего в этом отношении, как сказано, линию, намеченную Васильевским. Не менее важно, однако, и то, что Успенский высказал ряд интересных наблюдений и выводов относительно различных конкретных событий и судеб Четвертого крестового похода в целом. По выразительному определению историка, экспедиция 1202—1204 гг. явилась «результатом политических отношений того времени: с одной стороны, между империями восточной и западной, с другой — между Венецией и Византией»⁷¹. Таким образом, Четвертый крестовый поход выступал в изображении Успенского как мероприятие политического характера, непосредственно связанное с развитием международной жизни своего времени. Причина, вызвавшая поворот войска крестоносцев в сторону Византии, заключалась, по мысли историка, в конечном счете «в политических и торговых мотивах вождей, заправлявших крестоносным движением» и старавшихся «обратить» его «в средство для достижения частных целей»⁷². Такая постановка вопроса означала определенный положительный сдвиг не только в объяснении самого Четвертого крестового похода, но и вообще в понимании крестовых походов, которые нередко даже в литературе второй половины XIX в. рисовались в качестве продукта чисто религиозной борьбы.

Следуя известным в медиевистике того времени фактам (Успенский, как можно предполагать, был хорошо знаком с работами Риана, Штрейта, Тессье и других западноевропейских историков, занимавшихся проблема-

⁶⁷ Ф. Успенский. Византия и крестоносцы, стр. 215, 221.

⁶⁸ Так, Успенский отмечал антивизантийскую направленность крестоносной политики вождей южноитальянских норманнов в конце XI — начале XII в. (Боэмунда и Танкреда), которые «приняли крест в надежде свести счеты с Византией» (там же, стр. 195). Несколько более подробно, но все же еще довольно схематично прослеживалось развитие западовизантийских противоречий ко времени Второго крестового похода. Его неудачи получили на Западе «тенденциозное истолкование», после них там «гласно и открыто стали говорить, что нельзя достигнуть цели походов до тех пор, пока не устранено будет главнейшее препятствие, которое видели в схизматическом византийском царстве» (там же, стр. 197).

⁶⁹ Там же, стр. 197.

⁷⁰ Там же, стр. 201.

⁷¹ Там же, стр. 202.

⁷² Там же, стр. 195.

ми Четвертого крестового похода), автор мастерски изложил довольно сложные и запутанные обстоятельства европейско-византийской дипломатии конца XII — начала XIII в. Он удачно сочетал рациональные моменты, имевшиеся в противоречивых построениях названных ученых, и основательно раскрыл в очерке тайные интриги, которые плелись на Западе вокруг крестового похода, показав активную роль в них Германии с ее стремлением утвердить на константинопольском престоле Комнинов, дружественных Гогенштауфенам, купеческой Венеции с ее материальными интересами и т. д.⁷³ При этом, в отличие от западноевропейских медиевистов, подчас апологетически приписывавших папству стремление оказать противодействие интригам руководителей крестоносного воинства, Успенский — в этом чрезвычайно ценная сторона проведенного им изучения истории Четвертого крестового похода — убедительно, с нашей точки зрения, хотя и основываясь более на общих соображениях, чем на документальных свидетельствах, разоблачил двуличие политики Иннокентия III в походе. Папа, по справедливому мнению историка, «связал себя... соглашением смотреть сквозь пальцы на подготовлявшуюся авантюру»⁷⁴.

Наконец, в очерке был ярко воссоздан облик самих участников крестового похода — алчных грабителей и свирепых насильников, запятнавших себя разбоями в христианских городах — Заре и Константинополе⁷⁵.

В этюде Успенского в то же время довольно отчетливо сказались идеалистические исторические взгляды автора и его весьма консервативные политические убеждения. Так, в своих рассуждениях о крестовых походах XI—XII вв. он преувеличивал значение в них религиозных мотивов, утверждая, будто «первых крестоносцев» одушевляла «религиозная вражда к мусульманству» и что будто в первых трех крестовых походах «громкие жертвы были принесены в удовлетворение религиозного чувства»⁷⁶. Причины непрочности владычества крестоносцев на Востоке он усматривал в том, что в их государствах «торговые и политические интересы стали преобладать над религиозными, вследствие чего между самими христианскими государствами обнаружилась рознь»⁷⁷ (как будто до этого религиозные интересы были решающими в действиях крестоносцев) и т. д.

Успенский, являвшийся с самого начала своей научной деятельности одним из усердных проповедников внешнеполитической программы самодержавия⁷⁸, уже в данном этюде внес в изложение событий крестовых походов элементы модернизации, имевшей реакционную политическую окраску. По его мнению, история Четвертого крестового похода показательна не только «для характеристики отношений между Западной и Восточной Европой» на рубеже XII—XIII вв., но равно и «для оценки религиозного и культурного антагонизма, который так резко отделяет два мира, разделяющие господство в Европе»⁷⁹. Успенский, правда, пока еще формулируя свою мысль весьма осторожно и несколько неопределенно, как бы стремился извлечь из истории прошлого своеобразный политический урок для современных ему отношений этих двух миров. Суть урока в том, что едва ли не главной причиной неудач, постигавших крестоносцев на Востоке, историк объявлял... отсутствие у них прочного союза с Византией: «для успеха грандиозного предприятия — удержать за христианами Сирию и Па-

⁷³ Там же, стр. 203 сл.

⁷⁴ Там же, стр. 206; ср. стр. 202.

⁷⁵ Там же, стр. 205, 214—215 и др.

⁷⁶ Там же, стр. 198.

⁷⁷ Там же, стр. 197.

⁷⁸ См. подробней З. В. Удалцова. К вопросу об оценке трудов акад. Ф. И. Успенского. ВИ, 1949, № 6.

⁷⁹ Ф. Успенский. Византия и крестоносцы, стр. 197—198.

лестину», — писал он, — «было необходимо» «совместное действие» с православной империей»⁸⁰. Крестоносцы поступали как раз вопреки этому: политика их вождей, которые уже с конца XI в. добывались сведения счетов с Византией, а в начале XIII в. даже разгромили Константинополь, «должна была очень серьезно затронуть интересы империи»⁸¹. Мало того, когда участники Четвертого крестового похода разоряли и жгли ее столицу, на Западе, «ничья властная рука не поднялась на защиту попираемого ногами права»⁸². В этих словах — запоздалый исторический упрек Западу, который, осуществляя свою завоевательную политику и будучи ослеплен «страстью действовать под влиянием политических расчетов или экономических и финансовых соображений»⁸³, пренебрег интересами Византии, за что и поплатился в конечном счете утратой святой земли, и — более непосредственно (после разгрома Византии) — Адрианонопольским поражением от болгар в 1205 г.⁸⁴ Здесь, повторяем, еще в довольно робкой, зачаточной форме была выдвинута политическая идея, которая впоследствии будет развита Успенским в целую теорию исторической вины Запада перед христианством, теорию, которая призвана была служить оправданием агрессивно-колонизаторской политики российских самодержцев — «наследников константинопольских царей» — на мусульманском Востоке.

Со всем этим связаны и различные частные ошибки очерка, а также содержащиеся в нем элементы необъективности в освещении отдельных фактов⁸⁵. Все это существенно умаляло научное значение разобранного этюда Успенского, который в целом, тем не менее, продвигал вперед изучение крестоносной проблематики.

В конце 90-х годов русская историография крестовых походов пополнилась исследованием П. П. Митрофанова «Изменение в направлении Четвертого крестового похода»⁸⁶. Оно составило важный этап в изучении проблемы IV крестового похода не только отечественными, но и западноевропейскими историками. Продолжая дело, начатое еще Васильевским, Митрофанов прежде всего окончательно развенчал «теорию германской интриги», дополнив доводы Васильевского против этой теории новыми соображениями. Далее, он сам предложил оригинальную концепцию истории похода 1202—1204 гг., в гораздо большей степени, нежели построение Ригана, согласовывавшуюся с текстами и прямым смыслом документов. Если «теория германской интриги» односторонне сводила сложную историю крестового похода преимущественно к германскому вмешательству, рассматривая, таким образом, важнейшие зигзаги в событиях 1202—1204 гг. как результат дипломатической деятельности Филиппа Швабского, так что вся эта рыцарская авантюра оказывалась чем-то вроде частного предприятия немецкого короля, то в концепции, разработанной русским историком, связь событий была прослежена значительно более глубоко. Изучая причины поворота крестоносцев сперва — против Зары, затем — на Констан-

⁸⁰ Ф. Успенский. Византия и крестоносцы, стр. 196.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же, стр. 221.

⁸³ Там же.

⁸⁴ «Чувство справедливости до известной степени удовлетворено тем, — писал по этому поводу Успенский, — что крестоносцы жестоко поплатились за свою неправду против греков» (там же; ср. стр. 218).

⁸⁵ Так, по Успенскому, Новгородская летопись — единственный памятник, который представлял деяния латинян как позорное («Византия и крестоносцы», стр. 221); изображение событий в этой летописи якобы «стоит совсем одиноко и оказывается в полном противоречии с хвалебными латинскими и французскими описаниями IV похода» (там же, стр. 222). Это суждение, как было установлено позднее, не вполне соответствует действительному положению вещей.

⁸⁶ См. ВВ, IV, 1897, стр. 461—523.

тинополь, Митрофанов, как и Успенский⁸⁷, на первый план выдвинул противоречия различных политических сил на Адриатике и в Средиземном море. Путем скрупулезного анализа большого числа источников и сопутствующего ему тщательного разбора мнений западноевропейских историков Четвертого крестового похода, Митрофанов пришел к двум тесно связанным между собою выводам. Первый заключался в том, что, по мнению историка, поход крестоносцев на Зару, т. е. их первое отклонение от начальной цели — Египта, было делом Венеции, которая воспользовалась стесненным финансовым положением крестоносцев в своих корыстных (торговых и политических) интересах. Без венецианцев «даже вождям ополчения не пришло бы в голову так круто уклониться от своего первоначального пути»⁸⁸. Второй важнейший вывод исследователя гласил, что дальнейший ход событий, приведший к разрушению «старого тысячелетнего царства» (т. е. Византии) и к созданию «на его обломках» «новой, недолговечной монархии», явился результатом действий «многих сил», «выражавших интересы различных лиц», в том числе венецианского дожа Энрико Дандоло, немецкого короля Филиппа Швабского, католического духовенства во главе с папой, византийского царевича Алексея, маркиза Бонифация Монферратского и других баронов⁸⁹.

Аргументация, выдвинутая Митрофановым в подтверждение тезиса о сложности мотивов и причин, приведших крестоносцев к стенам Константинополя, способствовала преодолению предвзятой односторонности, в которую сплошь да рядом впадали буржуазные историки на Западе. Конечно, будучи историком идеалистического направления, Митрофанов не сумел раскрыть до конца многих важных моментов истории похода 1202—1204 гг. Им даже не была, например, сделана попытка вскрыть экономические основы того сцепления интересов, результатом которого, по его же мысли, был захват крестоносцами Константинополя. Не увидел историк и материальной подоплеку политики католической церкви и папства в Четвертом крестовом походе.

Работа Митрофанова по своему характеру являлась как бы продолжением двух линий развития трудов отечественных исследователей крестовых походов, наметившихся в предшествующие десятилетия: с одной стороны — Васильевского и Успенского, с другой — Фортинского. К трудам последнего статья Митрофанова примыкает своей тщательно разработанной историографией. Если Фортинский заложил основы историографии Первого крестового похода, то Митрофанов являлся инициатором критической разработки историографии Четвертого крестового похода.

Ученый систематизирует и подвергает тщательному критическому рассмотрению всю полемику по истории Четвертого крестового похода, развернувшуюся в западноевропейской медиевистике с 60-х годов XIX в. Исследуя мнения современных ему историков Четвертого похода, Митрофанов пристально взвешивал все «за» и «против» каждого из них; путем основательно аргументированного отбора достоверного материала, суровой оценки устаревших воззрений и т. д. ученый приходил к выводам, существенно подрывавшим некоторые установившиеся в западноевропейской историографии и ставшие традиционными взгляды⁹⁰.

Однако при всей живости, обстоятельности, полемической заостренности историографических экскурсов Митрофанова им недоставало того же,

⁸⁷ Статья Успенского «Византия и крестоносцы», охарактеризованная выше, осталась неизвестной Митрофанову, во всяком случае он нигде не ссылается на нее.

⁸⁸ П. М и т р о ф а н о в. Указ. соч., стр. 477.

⁸⁹ Там же, стр. 519.

⁹⁰ Подробный разбор историографических разделов работы Митрофанова дан в нашей статье (ВВ, IV, 1951 стр. 178 сл.).

что и соответствующему очерку Фортинского: понимания тесной связи между суждениями историков о делах давно минувших времен и той социально-политической обстановкой, в условиях и под влиянием которой эти суждения высказывались. Несмотря на это, историографические разделы исследования Митрофанова в качестве критической сводки материала были ценны в свое время да и по сию пору в сущности сохраняют свое значение.

В последней трети XIX в. наряду с научной разработкой отдельных проблем истории крестовых походов предпринимались и попытки осветить их историю в целом или по крайней мере ее главные эпизоды. Это было сделано в ряде популяризаторских работ, рассчитанных на более или менее подготовленных читателей. Такая популяризация осуществлялась отчасти с помощью переводов трудов зарубежных историков, отчасти же посредством опубликования оригинальных работ. Выбор трудов иностранных авторов, печатавшихся в 80—90-х годах в русском переводе, нельзя признать удачным, но он во всяком случае показателен в одном отношении: переводились сочинения, которые по своему характеру могли в какой-то степени служить делу религиозно-политической и монархической пропаганды официальных кругов⁹¹.

Что касается популяризаторских работ 90-х годов, принадлежавших отечественным авторам, то они в общем мало отражали влияние официальной идеологии. По своему научному уровню эти работы более или менее соответствовали тому, который был достигнут к концу XIX в. западно-европейскими и отечественными исследователями крестоносных сюжетов.

В 1897 г. в «Книге для чтения по истории средних веков» под редакцией П. Г. Виноградова были опубликованы два очерка Н. Шамонина, посвященные предыстории и истории похода 1096—1099 г. В очерке «Подготовка Первого крестового похода»⁹² разбирались общие предпосылки и ближайшие причины крестоносного движения, в очерке «Вожди Первого крестового похода»⁹³ на фоне событий крестоносного предприятия конца XI в. характеризовались виднейшие предводители бедняцкого и рыцарских ополчений — Петр Пустынник, Готфрид Бульонский, Боэмунд Тарентский, Раймунд Тулузский и некоторые другие. В изложении фактического материала и особенно в своей концепции автор обоих очерков следовал преимущественно монографии немецкого историка Первого крестового похода — Г. Зибеля. Кроме того, в первом очерке, в той части, где описывались взаимоотношения Запада, Востока и Византии перед началом крестоносного движения, заметно чувствовалось также влияние некоторых выводов Васильевского («Византия и печенеги»). В основе данного Шамониным изображения предпосылок крестовых походов лежали зибелевские идеалистические построения. Решающую силу, вызвавшую крестоносное движение, автор видел в религиозном мистицизме, охватившем якобы большинство европейского населения в XI в., в религиозных настроениях, царивших тогда на Западе и выражавшихся во всеобщем

⁹¹ В 1884 г. была вновь опубликована «История крестовых походов» Мишо. На этот раз его труд, доведенный экономным переводчиком до объема одного тома средних размеров, был издан с иллюстрациями — знаменитыми гравюрами Гюстава Дорэ, представлявшими собой откровенную религиозно-мистическую идеализацию крестовых походов. В 1895 г. появился русский перевод книги Б. Куглера «История крестовых походов» — едва ли не самого слабого из его сочинений. В полной мере тенденциозность при подборе работ зарубежных историков, предназначавшихся к переводу на русский язык, сказалась в опубликовании проникнутых монархическими идеями книг Г. Додю и Д. Гаста («История монархических учреждений в Латино-Иерусалимском королевстве», 1897).

⁹² См. «Книга для чтения по истории средних веков», под ред. П. Г. Виноградова, вып. 2. М., 1897, стр. 440—456.

⁹³ Там же, стр. 457—479.

ожидании близкого конца мира, в развитии аскетизма, отшельничества, культа мощей, в паломничествах и т. п. явлениях⁹⁴.

Впрочем, в картине состояния Запада накануне крестовых походов, нарисованной Шамониным, имелись и некоторые реалистические элементы. Автор обнаруживал понимание определенной связи, существовавшей между накалом религиозных настроений и условиями социальной жизни на феодальном Западе. Самое обострение религиозности он до некоторой степени относил на счет голодовок, эпидемий и прочих «невзгод», которые, по его словам, «должны были укреплять верования в близкий конец мира»⁹⁵. В его очерке встречаются и другие любопытные проблески понимания исторической обстановки XI в., но это все же лишь отдельные проблески, общее же представление о ней остается идеалистическим в своей основе. Социальная подоплека таких явлений, как рост отшельничества, монастырей, развитие клунийского движения, распространение веры в чудеса, паломничества⁹⁶, не раскрывается в очерке, да она и недоступна пониманию автора. Все эти процессы объясняются им из самих себя, представляются ему порождением мистицизма как такового, который в XI в. «не ограничивался одними монастырями, а разливался широко по всему Западу»⁹⁷. Наиболее слабым местом идеалистической в целом концепции очерка является метафизический подход автора к трактовке идеологических явлений вообще. Признавая частично роль социальных факторов (войны, голодовки и пр.) в укреплении религиозных настроений, главное место при объяснении последних он отводит специфике мышления некоего абстрактного средневекового человека, взятого в отрыве от социальной среды, вне зависимости от его положения на социальной лестнице. Общая характеристика западноевропейского общества в XI в. представляется поэтому в целом далекой от реальной действительности.

Шамонин рассматривает в своей статье не только внутренние, но и внешние причины крестовых походов, положение Востока в XI в., взаимоотношения Византии с Западом перед началом крестовых походов⁹⁸. Эти вопросы автор не без основания отодвинул на второй план, но в самих объяснениях его немало ошибок, свойственных, впрочем, всем, даже лучшим тогдашним работам по крестовым походам. Шамонин воспроизводит общепринятые историками XIX в. представления о притеснениях сельджуками «туземных» (т. е. сирийско-палестинских. — М. З.) христиан и западных паломников⁹⁹, отмечая, что рассказы последних об «угрозах и преследованиях» со стороны мусульман якобы производили огромное впечатление на «благочестивых соотечественников» в Европе. Не отличается глубиной и описание тяжелого внутри- и внешнеполитического положения Византии в последней трети XI в. Важнейшие причины потери Византией былого «блеска» автор усматривает в субъективных факторах — в ошибках европейской и азиатской политики императоров XI в.¹⁰⁰ Отсюда — внешнеполитические затруднения империи в 80-х годах, обращение Алексея Комнина с «отчаянным письмом» к Роберту Фризу, которое, однако, произвело свое действие уже после того, как Алексею с помощью половцев «удалось сломить навсегда силу печенегов»¹⁰¹.

Однако хотя Шамонин, описывая положение восточных дел, переносил в свой очерк некоторые ошибочные взгляды (о том, что будто бы в XI в.

⁹⁴ См. Н. Ш а м о н и н. Подготовка Первого крестового похода, стр. 442—447.

⁹⁵ Там же, стр. 441—442.

⁹⁶ Там же, стр. 445—446.

⁹⁷ Там же, стр. 445.

⁹⁸ Там же, стр. 448 слл.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же, стр. 449.

¹⁰¹ Там же, стр. 451.

восточные христиане угнетались сельджукскими завоевателями), распроданные в работах историков XIX в., тем не менее он сумел полностью избежать какой бы то ни было ложной чувствительности и излишнего сгущения красок — приемов, которые в других популяризаторских работах отечественных авторов, как мы уже видели, явно были рассчитаны на разжигание в читателе вражды к «последователям пророка». Напротив, в построении Шамонина не было заметно никаких следов проповеди нетерпимости к мусульманскому миру.

В очерке рассматривается и вопрос о роли папства в подготовке и организации Первого крестового похода. Идеалистическая основа общесоциальных взглядов автора не позволила ему понять и выявить социальную базу политической деятельности руководителей католической церкви, направленной на установление их «власти над миром»¹⁰². Это стремление Шамонин, как и Зибель, выводит из того же главного источника, что и крестоносное движение в целом, — из безраздельного господства на Западе религиозно-аскетических настроений. Данная часть его очерка, впрочем, тоже содержит некоторые интересные, хотя и далеко не всегда свободные от ошибок, конкретные наблюдения, касающиеся крестоносной политики папства. Шамонин правильно по существу констатирует решительное преобладание в практической политике Григория VII по подготовке крестового похода реальных, земных целей. В его призыве к походу нет ничего мистического, «св. гроб упоминается в нем только раз и то мимоходом; его исключительная цель — отнятие М. Азии у сельджуков, затем избавление от них Греции и подчинение ее римскому престолу»¹⁰³. Тут же, однако, автор объясняет неудачу «колоссальных» планов Григория VII тем, что их творец якобы занимал непримиримую позицию по отношению... к «господствовавшему строю»¹⁰⁴, что, конечно, абсолютно неверно отражает действительный характер универсалистской политики этого папы. Между тем, отталкиваясь как раз от подобного представления, Шамонин более чем односторонне объясняет затем успех Урбана II, организовывавшего крестовый поход. Автор, правда, с полным основанием характеризует Урбана II просто как «более ловкого преемника» Григория VII. Но ловкость его, по мысли Шамонина, выразилась лишь в том, что якобы «наперекор взглядам Григория церковь признала теперь существующие формы государства» (как будто универсализм Григория VII отрицал их!). Урбан II, по Шамонину, в отличие от Григория VII, пошел на союз со светской властью и затем воспользовался мыслью Григория VII о походе на Грецию, дабы «испробовать» силу, имевшуюся отныне в его распоряжении, «на великом предприятии». Главное же отличие крестоносной политики Урбана II от аналогичных попыток его второго предшественника автор вслед за Зибелем видел в том, что Урбан II будто бы «подошел к аскетизму ближе Григория»¹⁰⁵, что он лучше последнего приспособился к «восторженной вере» европейцев, этих мечтателей-мистиков, «призвав Запад к освобождению св. гроба». Шамонин не дал себе труда изучить по источникам подлинное содержание крестоносного клича Урбана II: в нем достаточно явственно звучали и «низменные», «практические» мотивы, а гроб господень и его освобождение фигурировали отнюдь не в качестве единственной цели предприятия, затеваемого Римом.

Таким образом, автор рассматриваемого очерка, будучи историком-идеалистом, не смог понять объективные социально-экономические причины крестоносного движения, его социальные основы; не смог он и уловить

¹⁰² См. Н. Шамонин. Подготовка Первого крестового похода, стр. 451.

¹⁰³ Там же, стр. 452.

¹⁰⁴ Там же, стр. 453.

¹⁰⁵ Там же.

их соотношения с субъективными факторами — западной и восточной политикой папства, вопрос о социальной обусловленности которой вовсе не был поставлен в очерке. В конечном счете крестовые походы представлялись автору результатом совокупного действия многообразных причин¹⁰⁶, и прежде всего влияния религиозного возбуждения Запада, в результате чего в основном и «создалась та среда, из которой собственно развилось крестоносное движение, нам представляющееся невероятным»¹⁰⁷. Крестовые походы истолковывались даже историком как своеобразный исход «борьбы между духом и материей», якобы составлявшей главное содержание истории Запада в XI в.¹⁰⁸

Думается, однако, что на основании сказанного нельзя все же полностью отрицать всякое научное значение характеристики предпосылок крестовых походов в очерке Шамонина. Во-первых, историограф не вправе пройти мимо отмеченных выше реалистических элементов концепции, сохранившейся в этом очерке. Во-вторых, необходимо учитывать, что в отечественной литературе это была фактически первая попытка дать связное и цельное, основанное на последнем слове тогдашней медиевистики описание тех обстоятельств, которые подготовили крестоносное движение. В-третьих, Шамонин — и в этом положительная черта его взглядов — перенес в отечественную историографию крестовых походов принципиально новый, зибелевский подход к изучению их предпосылок. До этого времени русские историки (исключая, пожалуй, Грановского, который, впрочем, высказал лишь отдельные, хотя и ценные, соображения по этому вопросу), пытавшиеся раскрыть причины крестоносного движения, искали их преимущественно, если не единственно, в факторах внешнего порядка, т. е. в сфере взаимоотношений христианского Запада с мусульманским Востоком. Как и западноевропейские ученые, они обычно начинали изложение причин походов с описания положения святых мест в Палестине, арабских, а затем сельджукских завоеваний, распространялись об осквернении иерусалимских и прочих святынь неверными, обидах, наносимых христианским паломникам на Востоке. От этих описаний историки далее переходили к возмущению, которое якобы было вызвано на Западе вестями о надругательствах, чинимых иноверцами святой земле, и в качестве прямого результата всего этого выводили крестовые походы.

Конец этой ложной традиции в западной историографии положил Зибель. Шамонин, рисуя предпосылки крестовых походов на основе зибелевских установок, также перенес центр тяжести с поверхностного изображения внешних причин этих «священных войн», являвшихся в действительности скорее их поводами или предлогами, на анализ глубоких внутренних истоков крестоносного движения. Историка интересовали не столько отношения христианского Востока и католического Запада, сколько те внутренние процессы в жизни западноевропейского общества, которые сделали его подготовленным к активному восприятию лозунгов крестового похода, выдвинутых в то время, когда сложилась благоприятная для этого внешнеполитическая ситуация. В этом перенесении центра тяжести в совершенно иную плоскость, т. е. в попытках дать освещение в первую очередь внутриевропейских предпосылок крестовых походов, состояла несомненная заслуга автора разбираемого очерка. Другое дело, что он был не в состоянии справиться с этой задачей и, следуя зибелевским установкам, нарисовал идеалистическую по своей сути схему происхождения крестовых походов.

¹⁰⁶ Там же, стр. 455.

¹⁰⁷ Там же, стр. 451.

¹⁰⁸ Н. Ш а м о н и н. Вожди Первого крестового похода, стр. 457.

К разобранному тесно примыкает и второй очерк того же автора «Вожди Первого крестового похода»¹⁰⁹. По своему содержанию он шире заготовка: в очерке прослеживаются основные события Первого крестового похода, на фоне которых характеризуются его предводители. Место этого очерка в развитии отечественной историографии крестовых походов определялось прежде всего тем, что автор руководствовался выводами Г. Зибеля относительно несостоятельности традиционных представлений о таких прославленных легендой вождях первой крестоносной экспедиции, как Петр Пустынник и Готфрид Бульонский. В своем очерке Шамонин, собственно, в значительной мере и ограничивался изложением основных положений немецкого историка. Последний, как известно, подвергнув пристальному анализу хроники Первого крестового похода и выяснив их соотношение друг с другом, внес много нового в трактовку вопроса о ближайших событиях, предшествовавших крестовому походу 1096—1099 гг. и непосредственно подготовивших его, а также об участии различных западных князей в походе, сравнительном значении их предводительства и т. п. Зибель доказал легендарный характер традиционной, восходившей к Альберту Аахенскому схемы событий, отводившей центральную роль при подготовке похода Петру Амьенскому и изображавшей главным героем этого предприятия герцога Готфрида Бульонского. Следуя убедительным зибелевским доводам и частично воспроизводя его аргументацию, Шамонин в своем очерке также показывает, что представления о Петре Пустыннике как первом и главном инициаторе крестового похода конца XI в. не соответствуют действительности. Легенда, сложившаяся в народе, превратила Петра Пустынника в основного возбудителя крестоносного предприятия; Урбан II в ней «занимает всего третье место, да и тут его роль неважная»¹¹⁰. На самом же деле положение вещей было иным, т. е. подлинная инициатива в возбуждении похода принадлежала папе, а Петр Амьенский являлся лишь одним из многих проповедников, действовавших в народе и предводительствовавших бедняцким ополчением 1096 г.

Эти сами по себе ценные и верные конкретные наблюдения получили, однако, в очерке Шамонина весьма искусственную и неправильную интерпретацию. Происхождение легенды о Петре Пустыннике объяснялось тем, что-де массам, целиком охваченным религиозно-аскетическим воодушевлением, крестовый поход представлялся делом божьим, и поэтому они склонны были видеть не в папе, к которому были равнодушны, а именно в «слабом отшельнике» исполнителя и выразителя божьей воли¹¹¹. Таким образом, легенда в глазах историка служила лишь показателем силы религиозных чувств народной массы¹¹², обусловивших возникновение крестоносного движения. Идеалистический подход к толкованию истории и в данном случае оказал плохую услугу историку. Интересно отметить при этом, что Шамонину отнюдь не было совершенно чуждо понимание социальных мотивов участия крестьянской голытьбы в крестоносном предприятии конца XI в. Описывая движение бедноты в 1096 г., он прямо указывает, что у бедноты с крестовым походом связывалась «надежда на освобождение из тяжелого положения»¹¹³ и что толпы народа, двинувшиеся в дальний путь весной 1096 г., «вовсе не думали подчиняться опостылевшим мирским властям»¹¹⁴. Тем не менее, находясь в плену идеалисти-

¹⁰⁹ Н. Ш а м о н и н. Вожди Первого крестового похода, стр. 457—479.

¹¹⁰ Там же, стр. 459.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же, стр. 460.

¹¹³ Там же, стр. 458.

¹¹⁴ Там же, стр. 459.

ческих представлений, Шамонин, естественно, не смог подняться и до понимания действительных корней легенды о Петре Амьенском, появление и распространение которой в сущности являлось лишь религиозно оформленным выражением и показателем непримиримости классовых интересов бедняцкой массы, рвавшейся к свободе в далеких странах и уповавшей на «божье предводительство» в походе, и сеньоров, преследовавших совершенно другие, корыстные цели и рассчитывавших на поддержку папского престола.

Ошибочная идеалистическая концепция пронизывает весь очерк Шамонина. Плохо организованному рыцарскому войску приписывается внутреннее единение: участников похода, по мнению автора, сплачивала исключительно общность религиозных целей¹¹⁵. Конфликты внутри крестового ополчения (под Антиохией и Маарой в 1098 г.), являвшиеся плодом обострения социальных противоречий среди крестоносцев, рассматриваются только в плане борьбы силы аскетизма, «которая создала все движение»¹¹⁶, с мирскими стремлениями князей. Оставление Антиохии в начале 1099 г. и поход на Иерусалим, в глазах автора, — «решительная победа аскетического настроения, вызвавшего самый поход»¹¹⁷. и т. д.

Та же нота преобладает и при раскрытии основной темы очерка — при характеристике вождей крестового похода. Раймунд Тулузский трактуется как «представитель церковного направления», Боэмунд — как «политик норманнской школы»¹¹⁸. Что касается Готфрида Бульонского, то Шамонин освещает эту личность непоследовательно. С одной стороны, он полагает легендарными описания деяний герцога Бульонского в ряде хроник Первого крестового похода и вслед за Зибелем низводит этого героя с благочестиво-героического пьедестала, на который он был возведен церковной историографией на Западе: «Мы не найдем, — пишет о нем Шамонин, — ни одной черты, которая давала бы нам право назвать его гениальной или даже просто крупной личностью»¹¹⁹. С другой стороны, над автором довлеет его «аскетическая концепция», и он не идет до конца в развенчании легенды: несмотря ни на что, герцог Бульонский выступает в очерке вождем, который «при всех столкновениях со светскими интересами старался сохранить религиозный характер похода: перед его глазами стоял только святой гроб, и он совершенно был чужд всякой мысли о власти и захвате земель»¹²⁰. Таким образом, облик этого хищного, хотя и отмеченного гораздо меньше печатью индивидуальности, чем другие князья, предводителя похода предстает в очерке в искаженном, идеализированном виде.

Являясь популяризаторской работой, очерк Шамонина, невзирая на его отмеченные выше коренные недостатки и частные промахи, имел определенную познавательную ценность для русского читателя. В очерке были налицо реалистические суждения и воссоздавались картины событий, местами даже противоречившие идеалистическим общим построениям историка¹²¹. Кроме того (и это главное), Шамонин вводил в научный оборот отечественной историографии ряд новых, и, как уже сказано, смелых для своего времени воззрений по конкретным вопросам предыстории и истории Первого крестового похода, выработанных в зарубежной медиевистике (Зибель). По сути дела очерк «Вожди Первого крестового похода» был

¹¹⁵ Там же, стр. 464.

¹¹⁶ Там же, стр. 471.

¹¹⁷ Там же, стр. 472.

¹¹⁸ Там же, стр. 462.

¹¹⁹ Там же, стр. 477.

¹²⁰ Там же, стр. 478.

¹²¹ Таково, между прочим, описание рыцарского войска, никак не соответствующее представлению об аскетическом духе в качестве главнейшей побудительной силы, толкнувшей в поход и феодалов (там же, стр. 461).

первой в русской медиевистике попыткой обрисовать ход важнейших событий, характеризовавших начальную стадию крестоносного движения, с учетом достижений исторической критики источников.

Естественным тематическим продолжением очерков Шамонина являлась помещенная вслед за ними в той же «Книге для чтения по истории средних веков» большая (около четырех печатных листов) статья Е. Щепкина (1858—1921)¹²². Базирующаяся, как и очерки Шамонина, преимущественно на произведениях западноевропейской историографии крестовых походов и — в меньшей мере — на источниках, эта статья была и поныне остается почти единственным специальным сочинением отечественного ученого, посвященным характеристике внутреннего строя и жизни государств, основанных крестоносцами в Сирии и Палестине в конце XI в.

Она стоит особняком в русской литературе о крестовых походах и в другом отношении. Как правило, в сочинениях по истории крестовых походов описывалось в основном политическое устройство Латино-Иерусалимского королевства и прослеживалась с большими или меньшими подробностями его чисто внешняя, военно-политическая и, особенно, династическая история. В работе Щепкина характеристика государств крестоносцев дана под совершенно иным углом зрения: автор выдвинул на первый план анализ развития экономики, положения различных групп населения Сирии и Палестины во времена господства там крестоносных завоевателей, наконец, изменений, которые произошли тогда в культурной жизни этих стран. Эти проблемы освещаются в первом, наиболее содержательном и оригинальном разделе работы («Страна, население, земледелие, торговля, колонии, образованность»). Правда, в статье уделено значительное место и вопросам политического устройства Иерусалимского королевства (раздел второй: «Учреждения и право. Иерусалимские ассизы»), однако, во-первых, они занимают все же подчиненное положение, а во-вторых, эти вопросы также раскрываются автором с несравненно большей глубиной, чем во многих других работах как отечественных, так и зарубежных историков. Специальный (третий) раздел статьи Щепкин посвятил духовно-рыцарским орденам («Духовно-рыцарские ордена. Процесс тамплиеров»), обстоятельная характеристика которых хорошо дополняет нарисованную ранее картину социально-политического устройства Иерусалимского королевства.

В целом работа Щепкина содержит довольно полный и во многом с весьма реалистических позиций проанализированный материал, характеризующий экономику и социально-политические порядки, которые утвердились в Сирии и Палестине после их завоевания крестоносцами. На фактической стороне работы положительно сказалось обращение автора к лучшим для конца XIX в. исследованиям западноевропейских историков по истории латинского владычества на Ближнем Востоке в XII—XIII вв., прежде всего к трудам Г. Прутца («*Kulturgeschichte der Kreuzzüge*» и «*Entwicklung und Untergang des Tempelherrenordens*»), а также Р. Рэрихта (автор использовал его монографию «*Geschichte des Königreichs Jerusalem*»). С большой тщательностью Щепкин описывает хозяйственную жизнь Сирии и Палестины в XII—XIII вв. — возделывание плантаций сахарного тростника, развитие садоводства, сахароварения, виноделия, шелкоткачества и других ремесел¹²³; особенно скрупулезно характеризуется им левантская торговля, товары Европы и Азии, обмен которыми совершался на берегах Сирии и Палестины¹²⁴, пути этой тор-

¹²² Е. Щ е п к и н. Иерусалимское королевство. «Книга для чтения по истории средних веков», под ред. П. Г. Виноградова, вып. 2, стр. 482—544.

¹²³ Там же, стр. 485 сл.

¹²⁴ Там же, стр. 490 сл.

товли, развитие монетного обращения и банковского дела, как одно из ее важнейших последствий, экономическое положение и привилегии итальянских колоний на Востоке¹²⁵. В статье явно чувствуется пристальный интерес историка-позитивиста, каковым Щепкин являлся во время написания рассматриваемой работы, к «экономическому фактору» в истории крестоносных государств. При этом, описывая экономическое развитие Латино-Иерусалимского королевства, русский историк сделал наблюдения, показывающие, что он трезво, без всякой предвзятости и без всякого преувеличения, в которые нередко впадали и впадают иные западноевропейские исследователи крестовых походов, оценивал действительные последствия вторжения франков в области Восточного Средиземноморья для его экономической жизни. Франки не внесли в страну более совершенных приемов хозяйства, справедливо отмечалось в статье: «вся масса французского рыцарства не шла далее чисто хищнического отношения к угодыям»¹²⁶. Отдельные же отрасли сельского хозяйства переживали при крестоносном владычестве очевидный упадок, как, например, «насаждение плантаций хлопчатника» и «культура бальзамного дерева...»¹²⁷. Несомненно, благодаря этой реалистической картине экономической жизни Иерусалимского королевства полуторастолетнее хозяйничанье западных феодалов в Сирии и Палестине представало перед читателем в новом свете, гораздо более близком к действительности, чем в ряде общих сочинений тогдашних зарубежных историков.

В еще большей степени сказанное относится к характеристике в щепкинской статье социальных порядков крестоносных государств. Эти страницы статьи, пожалуй, являются в ней наиболее интересными. Особенно примечательны те места, где отчасти на основе данных Иерусалимских ассиз, отчасти на картулярном материале характеризуется положение народных масс в государствах крестоносцев¹²⁸. Обычно буржуазные историки останавливались более или менее основательно только на взаимоотношениях внутри господствующего класса Иерусалимского королевства. Отказываясь от этой традиции, Щепкин отводит первостепенное место выяснению судеб массы туземного и пришлого сельского и городского населения в Сирии и Палестине XII—XIII вв. В статье весьма выразительно описывается прежде всего угнетенное положение местных земледельцев, закрепощенных феодалами-завоевателями, повинности сирийско-палестинских крестьян и т. п. При этом автор высказывает ряд довольно метких замечаний. Так, он совершенно справедливо полагает, что крепостная зависимость сирийцев и прочих местных деревенских жителей с приходом новых господ стала «более тягостной» по сравнению с предшествующим временем¹²⁹; одну из причин этого историк усматривал в отсутствии «освященного временем» обычая¹³⁰.

Не будучи еще тогда марксистом, Щепкин не пытался проследить реакцию крепостных земледельцев на насилия и утеснения франкских феодалов; только в одном месте он упоминает о «восстании сельского населения» на Кипре против тамплиеров, которые «вздумали было обращаться с ним, как со своими колонами в Сирии, т. е. подвергать их побоям и облагать податями»¹³¹. Однако и это единичное упоминание само по себе симптоматично: в нем отчетливо проявились демократические симпатии историка.

¹²⁵ Там же, стр. 493 сл.

¹²⁶ Там же, стр. 487.

¹²⁷ Там же, стр. 486.

¹²⁸ Там же, стр. 487 сл.

¹²⁹ Там же, стр. 488.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

Они сказались также и в его большом внимании к вопросам жизни городского населения Сирии и Палестины в XII—XIII вв. Щепкин, в частности, подчеркивает резкую социальную рознь, существовавшую в городах крестоносных государств, бросавшиеся в глаза различия в образе жизни горожан-франков, «богатых негоциантов», «сосредоточивших в своих руках крупную промышленность и заморскую торговлю», и «мелких торговцев и ремесленников из среды туземцев», которые занимали приниженное положение. Хотя завоеватели и не перебили целиком прежнее население, но во всяком случае оно было «вытеснено на окраины». Его терпели лишь постольку, поскольку сами выходцы с Запада «нуждались... в переводчиках, писцах, менялах, маклерах, стряпчих, хорошо знавших местные условия и обычаи»¹³².

Безусловно, самой сильной стороной характеристики социальных порядков Латино-Иерусалимского королевства был четко отмеченный историком факт глубокой социальной дифференциации на Латинском Востоке, усиливавшейся в особенности национальными и религиозными различиями завоевателей и завоеванных. Историк не пошел дальше констатации этого факта; как уже было сказано, в его работе не было предпринято попытки сколько-нибудь углубленного изучения социальной борьбы в государствах крестоносцев.

Это обстоятельство отрицательно отразилось и на последующих разделах работы. Подробнейшим образом анализируя политические институты Латино-Иерусалимского королевства во втором разделе своей статьи, Щепкин почти совершенно упустил из виду ту социальную основу, которая породила ряд особенностей феодального политического устройства в государствах крестоносцев, рассматриваемых в статье. Так, останавливаясь на знаменитой ассизе короля Аморн I от 1162 г.¹³³, он не сумел объяснить появление централизаторских тенденций в Иерусалимском королевстве во второй половине XII в. Единственное даваемое им объяснение — ссылка на интересы обороны королевства, делавшие нежелательной зависимость короля от своего феодального двора, — явно недостаточно. А самое главное, все рассуждения историка относительно этой и других своеобразных черт политической структуры государств крестоносцев строились на ложном противопоставлении короля прочим феодалам: историк не понимал еще того, что не расхождение, а близость их классовых интересов вызывала к жизни явления, подобные ассизе 1162 г., что и король, и рыцари были в конечном счете представителями одной и той же социальной категории, противостоявшей арабско-сирийской крепостной массе.

Недооценкой остроты социальной борьбы можно объяснить и наличие в статье неубедительного объяснения причин падения Иерусалимского королевства¹³⁴.

Анализ политического строя Иерусалимского королевства представлял все же известный интерес. Он заключался не столько в характеристике тех или других политических учреждений, которая в общем выглядела в статье довольно трафаретно, сколько в том, что Щепкин подробно ознакомил отечественного читателя с историей происхождения важнейшего законодательного памятника Иерусалимского королевства — «Иерусалимских ассиз»¹³⁵. Историк давал обстоятельный источниковедческий разбор легенды о пресловутых «Письмах гроба господня» и на основе критического анализа сведений, содержащихся в трактатах кипрских юристов XIII в. — Жана

¹³² Е. Щепкин. Иерусалимское королевство, стр. 489.

¹³³ Там же, стр. 511 сл.

¹³⁴ Там же, стр. 513.

¹³⁵ Там же, стр. 503—511.

д'Ибелина и Филиппа Новарского, а также литературных данных, почерпнутых в исследованиях Зибеля, Куглера, Прутца, Пари, Додю и других авторов, шаг за шагом восстанавливал длительный процесс создания «Иерусалимских ассиз» — этих позднейших записей обычного феодального права, действовавшего в государствах крестоносцев. Эта часть статьи выделяется ясно выраженной самостоятельностью суждений историка по вопросам источниковедческого характера.

Наиболее слабым, с нашей точки зрения, был последний раздел работы Щепкина — о духовно-рыцарских орденах. Правда, и в нем содержался богатый и во многом новый для русского читателя фактический материал о возникновении, деятельности и устройстве орденов. Однако, не говоря уже о встречающихся здесь ошибочных положениях¹³⁶, принципиальное освещение даже интересных фактических данных, собранных в статье, местами носило на себе отпечаток влияния историографической традиции, проникнутой идеалистическими и отчасти даже идеализированными представлениями об орденских братствах. Так, автор явно вразрез с фактическим материалом, приводившимся в статье и обличавшим корыстный, стяжательский характер деятельности иоаннитов и тамплиеров¹³⁷, считал, что «идея крестовых походов всего цельнее воплотилась и долее всего держалась в духовно-рыцарских орденах»¹³⁸, что орден иоаннитов якобы «всегда продолжал развивать свою полезную деятельность в обоих направлениях»¹³⁹ (автор имеет в виду уход за больными и войну с неверными. — М. З.), а «польза от трудов храмовников была для всех очевидна»¹⁴⁰. Еще менее удачен был выбор выражений при характеристике Тевтонского ордена, в оценках которого явственно сказалось влияние немецкой националистической историографии¹⁴¹.

Наконец, современного историка-марксиста не может удовлетворить и общая оценка последствий крестовых походов, данная Щепкиным. Она не выходила за рамки представлений, сложившихся главным образом в протестантской исторической литературе XIX в. Эти представления сводились к тому, что крестовые походы «подорвали те основные взгляды западного человечества, которые вызвали в конце XI в. самую борьбу с Востоком» (!? — М. З.)¹⁴², что, как пишет Щепкин, знакомство западноевропейцев с Востоком повело к преодолению на Западе «узости воззрений римской церкви», к сознанию своей национальности, к выделению живой человеческой личности и пр.¹⁴³ Он усматривал даже «историческую заслугу сирийских колоний, основанных крестоносцами — купцами и рыцарями», в том, что они будто бы «вырабатывали новую закваску для европейских метрополий»¹⁴⁴. Эти ошибочные общие положения, впрочем, носили чисто умозрительный характер и не были подкреплены аргументированными доказательствами фактического порядка.

В «Книге для чтения» была помещена еще одна работа по интересующей нас тематике, а именно — статья «Четвертый крестовый поход и Ла-

¹³⁶ Утверждалось, например, что «отсутствие устава, утвержденного папами, дало тамплиерам возможность уклоняться от первоначально намеченных целей» и т. д. (там же, стр. 525).

¹³⁷ Там же, стр. 518 сл., 524, 529 и др.

¹³⁸ Там же, стр. 514.

¹³⁹ Там же; ср. стр. 519, где автор снова пишет об «общепользующей деятельности» иоаннитов.

¹⁴⁰ Там же, стр. 523.

¹⁴¹ Там же, стр. 515, 521.

¹⁴² Там же, стр. 521.

¹⁴³ Там же, стр. 498 сл.

¹⁴⁴ Там же, стр. 499.

тинская империя». Автором ее был молодой М. Н. Покровский¹⁴⁵, преподававший в то время на Высших женских курсах¹⁴⁶. Насколько нам известно, впоследствии М. Н. Покровский никогда больше не интересовался крестоносными сюжетами, так что есть все основания думать, что написание данной статьи являлось лишь преходящим эпизодом научной деятельности этого впоследствии видного историка-марксиста, эпизодом, полностью выпадающим из общей направленности его трудов, созданных в более позднее время. Автор статьи о Четвертом крестовом походе находился под влиянием исследований западноевропейских буржуазных историков, многие построения которых он и перенес в свою работу. При этом, в отличие от Митрофанова, Покровский не владел и всей имевшейся в середине 90-х годов литературой вопроса¹⁴⁷. Вместе с тем Покровский, не в пример авторам ряда других работ по крестовым походам, напечатанных в «Книге для чтения», опирался не только на готовые исследования и монографии: он старался изучить ход событий и непосредственно по известным источникам. В его статье были использованы записки Жоффруа Виллардуэна, «История» Никиты Хониата, а также — в меньшей мере — сочинения Георгия Акрополита и Гюнтера Пэрисского.

Работа Покровского обладала и еще одним научным достоинством: автор ее проявлял большую осторожность в суждениях по вопросам, для категорического решения которых, как ему казалось, отсутствовали достаточно надежные основания в источниках или которые еще не были решены исследователями, специально занимавшимися проблемами похода 1202—1204 гг. Очень осторожен Покровский был, в частности, в суждениях относительно причин, повлиявших на изменение направления крестового похода. Историк явно не склонен был принимать ни теорию случайностей, ни теорию предумышленности: избегая какой бы то ни было предвзятости, он просто излагал ход событий так, как они ему представлялись на основании данных источников и выводов новейших исследований¹⁴⁸. Такая позиция Покровского легко объяснима: он еще не располагал (как не располагала и историческая наука того времени в целом) исчерпывающим материалом для окончательного решения этой сложной проблемы.

Отчасти с этим связана, по-видимому, и определенная непоследовательность, или во всяком случае нечеткость, в представлениях Покровского по поводу причин, обусловивших уклонение крестоносцев с пути. Повествуя о предложениях дожа крестоносцам, внесенных во время их пребывания на острове Лидо в 1202 г. (проект захвата Зары), автор высказывался явно в том смысле, будто эти предложения были лишь результатом того, что венецианцы «не решались сразу заводить речь о Константинополе»¹⁴⁹ и поэтому-де вначале предложили поход в Далмацию. Иначе говоря, автор изображал здесь дело таким образом, что поход на Константинополь все же с самого начала намечался венецианским дожем и только из тактических соображений он не сразу открыл крестоносцам свои подлинные намерения. С нашей точки зрения, такая гипотеза согласуется

¹⁴⁵ М. Покровский. Четвертый крестовый поход и Латинская империя. Указ. изд., стр. 602—619.

¹⁴⁶ См. С. М. Дубровский. Академик М. Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки. ВИ, 1962, № 3, стр. 4—5.

¹⁴⁷ Ему не были, по всей видимости, известны даже упомянутые выше работы В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского. Во всяком случае Покровский нигде их не упоминает.

¹⁴⁸ «Трудно сказать, — писал Покровский, — был ли уже с самого начала решен поход против Алексея III или же Дандоло только воспользовался несколькими благоприятными случайностями» (М. Покровский. Указ. соч., стр. 603).

¹⁴⁹ Там же, стр. 605.

с данными источников¹⁵⁰, но это, тем не менее, не снимает упрека Покровскому в непоследовательности: ведь только что, как уже было показано, он характеризовал вопрос о политическом курсе Венеции в крестовом походе как нерешенный.

Гораздо слабее были позиции автора в вопросе о политике папства в связи с экспедицией рыцарства на Константинополь. В этом отношении Покровский не рискнул порвать с традицией, как это сделал уже Успенский: вслед за Рианом он ошибочно противопоставлял политику папства в Четвертом крестовом походе, с одной стороны, и, с другой, тех сил, которые стремились увести крестовый поход в сторону от его первоначальной цели, т. е. германской короны и Венеции. Исход предприятия — завоевание Константинополя — историк объяснял тем, что в конечном счете германская и венецианская политика будто бы перевесили «влияние третьего фактора — личной воли Иннокентия III»¹⁵¹, якобы противившегося такому обороту дела. Историк неверно расценивал позицию папства как враждебную антихристианским планам руководителей похода, направлявшихся из Венеции и Германии¹⁵². Автор следовал традиционным представлениям и в суждениях о рядовых участниках и вождах похода. Правда, Покровский вынес в общем суровый и справедливый приговор рыцарским бандам, разгромившим в 1204 г. Константинополь: «Европейские рыцари больше повредили на этот раз европейской цивилизации, чем впоследствии турки, ничего по крайней мере не разрушавшие»¹⁵³. Однако в то же время автор отдал дань распространенной в литературе идеализации крестоносцев¹⁵⁴.

Нельзя сказать, что статья Покровского не вносила ничего нового в историографию Четвертого крестового похода. Опираясь на данные источников, Покровский, в частности, приподнял завесу над теми фактами, к изучению которых полвека назад призывал историков Т. Н. Грановский, настаивавший на важности решения некоторых конкретных вопросов истории похода 1202—1204 гг., в том числе — о соотношении сил крестоносцев в Византии накануне ее завоевания. В своей статье Покровский специально затронул этот вопрос. Он пришел к выводу, что «крестоносцы не были в 200 раз слабее греков, как уверяет Виллардуэн. По некоторым данным его же можно заключить, что византийцы были в 7 и 8 раз сильнее французов (не считая венецианцев)»¹⁵⁵. Вывод этот, по крайней мере в его первой части, совершенно справедливо: Виллардуэн намеренно преувеличивал силы Византии с тем, чтобы резче подчеркнуть значение подвига крестоносцев. Однако в то же время Покровский, положившись на авторитеты, не попытался самостоятельно более основательно разобраться в том комплексе причин, который обусловил скорое падение Византии, обла-

¹⁵⁰ См. М. А. Заборов. Крестовые походы, стр. 199 сл.

¹⁵¹ М. Покровский. Указ. соч., стр. 604.

¹⁵² Там же, стр. 605 сл.

¹⁵³ Там же, стр. 613.

¹⁵⁴ Возражения части крестоносцев против похода на Константинополь Покровский объяснял исключительно их религиозными сомнениями: этих воинов, которые, кстати, составляли «большую половину армии», якобы «стала мучить совесть», а к тому же они не хотели и боялись вновь послушаться Иннокентия III, ибо это «могло пагубно на них отлучение от церкви» (там же, стр. 606—607). Это объяснение выглядит тем менее убедительно, что в другом месте сам автор отлично раскрывает неприглядный облик не только самих рыцарей, но и их духовных пастырей — католических прелатов, которые весной 1204 г. звали крестоносцев сражаться с греками и обещали тем, «кто падет в этой войне, отпущение грехов, как если бы они пали в бою с неверными» (там же, стр. 612). В том же плане явно неудовлетворительна характеристика, данная в статье графу Балдуину Фландрскому, первому государю Латинской империи (там же, стр. 614). Интересно, что в другом месте, упоминая об этом сеньоре, автор отмечает, что Балдуин, как и прочие завоеватели, относился к грекам «с глубоким презрением» (там же, стр. 615).

¹⁵⁵ Там же, стр. 609, прим. 1.

давшей, казалось, с его же точки зрения, более сильным войском, чем 20-тысячный отряд завоевателей. Покровский ограничился общепринятыми объяснениями этого вопроса, т. е. ссылаясь на наемный характер византийской армии, на личные недостатки Алексея III, на проводившуюся им тактику пассивной обороны и тому подобные в конечном счете второстепенные обстоятельства¹⁵⁶.

Едва ли не наиболее поверхностными в работе Покровского были страницы, посвященные событиям византийской истории в эпоху Четвертого крестового похода и Латинской империи. Из статьи читатель узнавал, например, что в момент открытого конфликта Византии с крестоносцами «за Мурзуфла была масса простого народа, очень его любившего» (!? — М. З.)¹⁵⁷ и т. д. Несостоятельными представляются суждения автора о социально-политических последствиях латинского завоевания византийских областей. По мнению Покровского, франкам «не удалось основать феодальную империю», хотя «из западных учреждений феодализм все-таки лучше всего прижился на византийской почве»¹⁵⁸. Здесь в понятие феодализм молодой Покровский явно вкладывал ошибочное содержание, рассматривая его прежде всего как систему определенных взаимоотношений между феодалами (вассалитет, политическая раздробленность и пр.)¹⁵⁹. Но дело в данном случае не только и даже не столько в этом, сколько в самом подходе автора к «феодализму» как к чему-то привнесенному на византийскую почву извне, с Запада. Впрочем, и в трактовке этого вопроса Покровский не был последователен: он показывал далее, что крестоносцы, якобы принешие в Византию феодальные порядки, сами «нашли в Византии готовый материал», т. е. «отношения, по внешности чрезвычайно похожие на феодальные», и что латинское владычество в сущности только «упрочило эти уже ранее существовавшие зачатки местной самостоятельности»¹⁶⁰.

Покровский явно недооценивал также значения сопротивления греков латинскому владычеству. Он, правда, не обошел молчанием антилатинских настроений византийцев, но рассматривал их только с точки зрения усиления позиций византийского православия и в этом смысле, несомненно, преувеличивал роль религиозного фактора в настроениях греков и в византийской политике эпохи Латинской империи¹⁶¹. Отчасти поэтому, думается нам, он не смог дать и убедительного объяснения недолговечности Латинской империи. Ее сравнительно скоро последовавшее крушение историк объяснял только одной, в сущности совсем не самой главной причиной — финансовыми затруднениями этого государства, тем, что «ей не на что было существовать»¹⁶².

Статья Покровского, довольно подробно знакомя русского читателя с важнейшими фактами истории Четвертого крестового похода преимущественно на основе разработки этой проблемы в зарубежной медиевистике, была лишена научной самостоятельности. Ее роль в развитии отечественной историографии крестовых походов заключалась главным образом в сведении воедино фактического материала, добытого другими исследователями. Она была написана на уровне тех представлений об истории Четвертого крестового похода, которых придерживалась историография последней четверти XIX в.

¹⁵⁶ М. Покровский. Указ. соч., стр. 609.

¹⁵⁷ Там же, стр. 612.

¹⁵⁸ Там же, стр. 618.

¹⁵⁹ Там же, стр. 618—619.

¹⁶⁰ Там же, стр. 619.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же, стр. 618.

* * *

Как видно из сказанного, 70-е — 90-е годы ознаменовались серьезным расширением фронта научных исследований русскими учеными истории крестовых походов сравнительно с предшествующим периодом. Наиболее существенными отличительными чертами развития отечественной историографии в данной области в последней трети XIX в. были: а) значительное повышение интереса к изучению источников; б) критическое освоение и осмысление отечественными исследователями всего того, что было сделано до сих пор в разработке крестоносных сюжетов западноевропейскими историками; в) самостоятельный пересмотр в ряде случаев концепций последних, особенно в отношении различных вопросов истории Четвертого крестового похода; г) активная роль византинистов в разработке крестоносных проблем; обогащение тематики исследовательских и популяризаторских работ путем включения в нее ранее не разрабатывавшихся или мало затрагивавшихся сюжетов (историография крестовых походов, Иерусалимское королевство и др.); д) усиление реалистической струи в освещении событий крестоносного движения при сохранении большинством историков общих идеалистических, методологически неудовлетворительных и политически тенденциозных установок в трактовке крестовых походов.

Исследовательские работы отечественных ученых, созданные в рассматриваемые десятилетия, обогатили историографию крестовых походов и явились шагом вперед в ее развитии, проложив дорогу к дальнейшему изучению многих разделов крестоносной проблематики как в частностях, так и в целом.

Усилиями отечественных историков в это время был создан также цикл популяризаторских работ, по своему научному уровню не уступавших лучшим исследованиям, созданным тогда зарубежными медиевистами. По своему идейному содержанию некоторые из трудов этого цикла, нося отчетливо выраженный просветительный характер, противостояли попыткам реакционных кругов утвердить в широкой читательской аудитории архаичные представления о крестовых походах, с тем чтобы поставить их на службу пропагандистско-идеологическим задачам царизма.

А. В. БАНК

ТРУДЫ ПО ВИЗАНТИЙСКОМУ ИСКУССТВУ
В DUMBARTON OAKS PAPERS.

The Dumbarton Oaks Research Library and Collection,
№№ 9/10—15. Washington, 1956—1961

За последние годы все большее значение среди византиноведческих органов приобретает ежегодник «Dumbarton Oaks Papers». Можно без преувеличения сказать, что в области византийского искусства здесь печатаются наиболее интересные работы американских и западноевропейских ученых. Следует особо отметить высокие полиграфические достоинства издания, что, естественно, имеет особое значение для публикации произведений искусства. Наряду со статьями здесь помещаются заметки (Notes), среди которых значительное место занимают отчеты о работах Американского византийского института в Стамбуле, а также работы, посвященные отдельным памятникам или письменным источникам.

Подавляющее большинство статей представляет исследование значительных произведений живописи (мозаик, икон, миниатюр), скульптуры, некоторых видов прикладного искусства. Иногда они рассматриваются авторами в свете более или менее широких историко-художественных явлений, но лишь в немногих работах решаются большие, принципиальные проблемы. Немалая доля принадлежит, наконец, заметкам, по-новому освещающим давно известные (в некоторых случаях — погибшие) памятники.

Особняком, с точки зрения хронологических рамок тематики, в материалах интересующего нас органа (расширяющего постепенно свои задачи) стоит статья Корнелиуса Фермеля III о греко-римском портрете III в. н. э. и греко-азиатской традиции в портретах императоров от Галиена до Диоклетиана¹.

Автор издает скульптурный портрет бородатого мужчины средних лет, приобретенный в 1958 г. Бостонским музеем. Портрет, происходящий из Италии (район Тибра), датируется им временем между 265—285 гг. Давая детальную стилистическую характеристику памятника на фоне широко привлекаемых аналогий, автор ставит вопрос о том, не является ли эта голова портретом Нумериана (сына императора Кара, погибшего во Фракии в 285 г.). Рассматривая искусство позднего Рима как явление переходной эпохи, впитавшей художественные традиции разных центров и провинций, особенно восточных, К. Фермель обращает внимание на технику исполнения отдельных деталей портрета (в частности волос) с усиленным применением бурава, столь характерного для ранневизантийской скульптуры. Значительный интерес для византинистов представляет заключительная часть статьи, где на ряде памятников IV в. прослеживается даль-

¹ C. C. Vermeule III. A Graeco-Roman Portrait of the Third Century A. D. and the Graeco-Asiatic Tradition in Imperial Portraiture from Gallienus to Diocletian. DOP, 15, 1961, p. 1—22.

нейшее развитие стилистических особенностей Бостонской головы. Анализируя рельефы арок Константина в Риме и Галерия в Фессалониках, портретной головы из Афродизия, монументального рельефа Виктории в Стамбульском музее, некоторых саркофагов из Рима и Остии, автор устанавливает зарождение нового, раннесредневекового стиля, с его повышенной одухотворенностью образа и элементами схематизации.

Позднеримская скульптура стала привлекать внимание исследователей сравнительно недавно, в значительной степени в связи с открытием новых памятников, по преимуществу на Востоке. Многие в этой области остаются еще спорным и подлежащим дальнейшему уточнению. Свидетельством этого служит статья известного византиниста Э. Китцингера², посвященная мраморному рельефу из коллекции Bliss (ныне находится в музее Думбартон-Окса) с изображением сцены «Исцеление слепого» (по преданию, рельеф приобретен в Египте). Этот фрагмент памятника высокого художественного качества рассматривается автором под углом зрения его функции, особенностей иконографии и стиля.

Не подлежит сомнению, что рельеф представляет собой часть круглого, быть может, овального блюда, выделяющегося среди подобных предметов своими большими размерами. Мраморные блюда такого рода, украшенные мифологическими и светскими, а также ветхозаветными и евангельскими изображениями, преимущественно во фрагментарном виде, дошли до нас в количестве около 60 штук. Датируются они в пределах III—V вв. и найдены в большинстве случаев в восточных областях империи. К длинному списку, приведенному Э. Китцингером, можно было бы присоединить купленные в свое время Русским археологическим институтом в Константинополе³ фрагменты блюда с изображением библейских сцен, ныне находящиеся в Эрмитаже. Кроме характерного для памятников этого вида орнамента в виде жемчужин по краю, он в сущности не имеет общих черт с рельефом из Думбартон-Окса.

Значительная часть статьи посвящена исследованию вопроса о назначении подобных предметов (круглых, овальных, иногда в форме сигмы), чаще всего служивших либо престолом в главной абсиде храмов, либо столами для приношений верующих, или же для трапезы, совершавшейся около мест погребений. Они встречаются и в боковых абсидах, и внутри погребальных сооружений и в виде стел на могилах.

Отличительными чертами памятника, часть которого составлял рельеф из Думбартон-Окса, являются его необычно большие размеры (предполагаемый диаметр — 1,8 м) и грубая обработка тыльной поверхности, явно не рассчитанной на обозрение. Исходя из этих особенностей памятника, автор считает функционально наиболее близкими ему два блюда, врытых в землю: одно из них (найденное в Тебессе) в форме большой чаши — дно купели в баптистерии. Возможно, заключает Китцингер (стр. 32), что фрагмент относится к «блюдам», которое служило для приношений или было врыто в пол крещальни.

Значительный интерес представляет часть статьи, рассматривающая иконографические особенности рельефа. В составе группы из четырех человек, иллюстрирующей евангельский рассказ об исцелении слепого (скорее всего, по евангелию от Иоанна), автор обращает особое внимание на необычную для этой сцены фигуру (с жезлом, завершающимся крестом), явно изображающую апостола Павла. В известной мере развивая идею

² E. Kitzinger. A Marble Relief of the Theodosian Period. DOP, 14, 1960, p. 17—42.

³ См. Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1904 г. ИРАИК, т. XIII, 1908, стр. 317—318.

И. Колвитца⁴, Китцингер говорит об особой роли этого апостола в Константинополе и его искусстве. В какой-то степени — возможно из политических соображений — Павел противопоставляется на Востоке Петру, который в это же время приобретает особое значение в Риме (стр. 34).

Другим моментом, на котором автор останавливает свое внимание, является вопрос о символическом значении сцены «Исцеление слепого», ее переносном смысле, связанном с пропагандой христианства; отсюда — связь с обрядом крещения: возможно, что данный сюжет (особое значение которого среди других сюжетов было подчеркнуто его изображением на блюде около креста) также указывает на использование памятника в баптистерии.

Изучение специфики иконографии в ее сопоставлении с другими памятниками, а равно и стилистический анализ склоняют Китцингера датировать рельеф концом IV в. Наиболее близкими аналогиями для рельефа оказываются памятники искусства Константинополя времени Феодосия I (около 390 г.).

Автор констатирует в это время в искусстве столицы процесс, аналогичный тому, который в середине века имел место на Западе и особенно ощутимо проявлялся в Риме: это был известного рода возврат к округлым органичным формам, мягким складкам драпировок, своеобразному классицизму. Китцингер видит в этой реакции на абстрагирующие тенденции первых десятилетий IV в. течение, «сознательно вскормленное узким кругом вымиравшей аристократии» (стр. 38). Он справедливо отмечает те же стилистические черты как в памятниках светского содержания, так и в передаче христианских образов; этот стиль резко отличает их от живописи катакомб и рельефов ранних саркофагов.

Ретроспективные тенденции автор находит также в официальном искусстве Константинополя конца IV в., к сожалению, представленном весьма малым числом памятников. Фрагмент из Думбартон-Окса показывает, что и на Востоке классицизирующие вкусы придворного церемониального искусства проникли в сферу религиозной тематики. Особое значение издаваемого памятника Китцингер усматривает еще и в том, что рельеф является ярким свидетельством роли Константинополя в искусстве этого раннего периода — как в сфере иконографии (переставшей, по его словам, быть монополией Сирии и Палестины, стр. 41), так и стилия. «Рельеф Думбартон-Окса, — заключает автор свою статью, — доказывает, что уже около 400 г. искусство имело свой фокус в Константинополе и потому может быть названо византийским» (стр. 42).

Уже не впервые Э. Китцингер указывает на роль Константинополя в развитии художественной идеологии Византии раннего периода; применительно к несколько более позднему времени, он говорил об этом, в частности, на византиноведческом конгрессе в Мюнхене⁵. Возможно, что автор переоценивает это значение Константинополя — в известной мере в порядке антитезы к существовавшим ранее точкам зрения: количество достоверных памятников пока еще слишком невелико. Можно спорить с ним и о том, насколько прогрессивную роль сыграла классическая реакция в дальнейшем развитии византийского искусства (скорее можно предполагать обратное). В любом случае статья Э. Китцингера по широте поставленных и частично разрешенных в ней вопросов представляется одной из наиболее интересных в «Dumbarton Oaks Papers». Самый факт всестороннего анализа памятника в свете сложных проблем идеологии эпохи и объ-

⁴ J. Collwitz. *Oströmische Plastik der theodosianischen Zeit*. Berlin, 1941. S. 154—158.

⁵ E. Kitzinger. *Byzantine Art in the Period between Justinian and Iconoclasm*. München, 1958.

яснение его художественных особенностей спецификой воззрений определенных социальных групп говорит об элементах прогрессивности во взглядах автора, свойственной далеко не всем участникам сборников.

Увлечение Константинополем, который рассматривается как рано определенлившийся художественный центр, получило в последние годы в зарубежной науке довольно широкое распространение. Столице империи приписываются весьма противоречивые факты и явления. Если на первых порах такая противоречивость может быть объяснена самим процессом формирования, притоком мастеров и памятников из разных центров империи, то для конца VI—VII вв. она требует уже иного осмысления.

Подобный вопрос вызывает статья Марвина Росса «Византийский золотой медальон в Думбартон-Оксе»⁶, вышедшая почти одновременно с небольшой заметкой Ф. Грирсона⁷. Предметом исследования обоих ученых явился золотой медальон, найденный в начале нашего века в составе клада золотых и серебряных вещей в Ламбуссе на Кипре. Этот предмет, находившийся ранее в собрании И. Стриговского и определенный им как сирийский, ныне вошел в состав коллекций музея Думбартон-Окса: оба исследователя считают его работой придворных мастерских или даже монетного двора Константинополя.

Разбирая состав клада, в который входил медальон, М. Росс напоминает о том, что серебряные блюда имеют клейма раннего времени царствования Ираклия (610—623) и, следовательно, должны были быть (в соответствии с выводами Л. А. Мацулевича) изготовлены в Константинополе. Столице приписываются также пояс с монетами Феодосия II, Юстина I и Юстиниана и другие предметы из того же клада, в частности медальоны с изображением консула. Вместе с тем, отмечает автор, политические условия в Антиохии и Сирии в целом в конце VI — начале VII в. не были таковы, чтобы здесь изготовлялись столь роскошные вещи. Ссылаясь он и на выводы Грирсона о том, что монетный чекан, приписывавшийся Антиохии, на самом деле принадлежит Исаурийской Селевкии. Из всего этого М. Росс заключает, что Сирия не могла быть родиной медальона и что клад в целом принадлежит кипрской семье, связанной с Константинополем.

Далее он дает подробное описание самого медальона, на котором изображены редкие для того времени христианские сюжеты (Богоматерь с младенцем на троне, два ангела по ее сторонам, миниатюрные сцены «Рождества Христова» и «Поклонения волхвов» — на одной стороне и сцена «Крещения» — на другой); изображения сопровождаются греческими надписями. Ссылаясь на А. Грабара, установившего связь медальона с идеей торжества Теофании (богоявления), М. Росс определяет памятное назначение медальона. По аналогии с медальонами светского содержания (в частности найденными в составе того же клада) он выдвигает предположение о выпуске данного памятника в честь дня крещения (6 января) и относит его ко времени Юстина II или начала правления Маврикия, т. е. к 60—80-м годам VI в.

Значительная часть статьи представляет интересную сводку дошедших до нас медальонов VI—VII вв. из различных материалов. Давая ее, автор стремится определить место, которое занимает среди них медальон из собрания Стриговского. В постскрипуме, обусловленном появлением первой статьи Ф. Грирсона, М. Росс устанавливает, что медальон «бесспорно» отчеканен на императорском монетном дворе, что выпуск его носил серий-

⁶ M. C. R o s s. A Byzantine Gold Medallion at Dumbarton Oaks. DOP, 11, 1957, p. 245—260.

⁷ Ph. G r i e r s o n. The Kyrenia Girdle of Byzantine Medallions and Solid. «Numismatic Chronicle», 6-e série, XV 1955, p. 55—70.

ный, а не индивидуальный характер и что вместе с подобными ему предметами медальон способствовал распространению «иконографических идей» из столицы по всей империи.

В своей новой заметке⁸ Грирсон уточняет предположение М. Росса о выпуске медальона в честь дня крещения и в итоге ряда остроумных сопоставлений выдвигает гипотезу о том, что этот предмет был изготовлен в связи с единственным в своем роде для данного периода фактом — рождением порфирородного сына Маврикия — Феодосия (в августе 583 г.) и крещением его 6 января 584 г.

При всей ценности собранного обоими авторами материала и интересе выдвигаемых ими гипотез, переходящих иногда в утверждения, предположения их нельзя принять со всей уверенностью. Одним из серьезных упреков, которые можно предъявить особенно М. Россу, является полное отсутствие стилистического анализа памятника. Заметно укороченные пропорции фигур, ритмически повторяющиеся складки одежд, приобретающие орнаментальный характер, перегруженность композиции в целом, общая грубоватость исполнения — в какой мере все это свойственно искусству Константинополя устанавливаемого ими периода? И если к концу VI — началу VII в. подобные черты действительно усилились в столичном искусстве, то, следует объяснить, каково их происхождение и в чем причины этих явлений? Вообще же можно скорее согласиться с мнением В. Фольбаха⁹, согласно которому медальон из Кипрского клада больше тяготеет к сирийскому стилю, а иконографически — к ампулам из Монцы.

При анализе памятника следовало бы обратить также большее внимание и на надписи, сопровождающие изображения; в них встречаются такие ошибки, которые столице менее свойственны, чем провинциям.

Если можно прислушаться к мнению Э. Китцингера о том, что развитие евангельской иконографии перестает быть монополией Сирии и Палестины (хотя и этот автор, как нам кажется, в своих других работах недооценивает роль провинций¹⁰), то никак нельзя согласиться с полным игнорированием значения провинций (быть может, не случайно М. Росс исключает из своего рассмотрения находки в Египте). Как известно, даже самые острые политические и экономические потрясения не прекратили развития художественного ремесла на этих территориях.

Что касается события, с которым Грирсон связывает выпуск медальона, то все это представляется не более как остроумной, но несколько натянутой догадкой.

С названными статьями тесно связаны по характеру своего материала еще две работы. Первая, принадлежащая известному нумизмату Альфреду Беллинджеру¹¹, является каталогом 47 позднеимперских и византийских медальонов (от III до VII в.), хранящихся в Думбартон-Оксе. Многие из них издавались уже ранее, а некоторые, например медальоны Галерия, Константина Великого и Далметия, найденные в 1942 г. в Александрии, публикуются впервые. Вторая работа — статья Эрнста Канторовича, автора исследований по преимуществу иконографического порядка — посвящена золотому брачному поясу¹² и двум перстням с изображениями аналогичного содержания (из собрания Думбартон-Окса). Затрагиваемый в

⁸ Ph. Grierson. The Date of the Dumbarton Oaks Medallion. DOP, 15, 1961, p. 221—224.

⁹ W. P. Volbach. Frühchristliche Kunst. München, 1958, S. 91—92.

¹⁰ E. Kitzinger. Byzantine Art in the Period between Justinian and Iconoclasm, p. 33—38.

¹¹ A. Bellinger. Roman and Byzantine Medallions in the Dumbarton Oaks Collection. DOP, 12, 1958.

¹² E. H. Kantorowicz. On the Golden Marriage Belt and the Marriage Rings of the Dumbarton Oaks Collection. DOP, 14, 1960, p. 1—16.

ней вопрос шире поставленной темы: на материале сцены обручения Э. Канторович прослеживает трансформацию античных образов, совершавшуюся под воздействием христианства, механическое замещение образов античной мифологии изображениями императоров, а этих последних — Христом. Подобная эволюция подтверждается письменными источниками.

Другая статья Э. Канторовича — «Крещение апостолов»¹³, снабженная большим количеством иллюстраций, в сущности выходит за рамки историко-художественных исследований.

Своеобразному иконографическому вопросу посвящена статья выдающегося ученого А. Альфёльди «Тевтонский контингент на службе Константина и его решающая роль в битве у Мульвийского моста»¹⁴. К ней приложена заметка М. Росса о бронзовых статуэтках Константина Великого. По существу и в статье Альфёльди рассматривается одна такая статуэтка, хранящаяся в музее Принстонского университета и определяемая автором как изображение Константина. Любопытно, что изображение императора использовалось в качестве гири, как гарантия правильного веса, словно символизируя идею справедливости.

Особое внимание исследователя привлекла одна из эмблем, украшающих щит: наряду с хризмой здесь представлена рогатая голова козла, известная также по изображениям на арке Константина. Эмблема эта указывает на роль *cornuti* в знаменитой битве у Мульвийского моста. Альфёльди прослеживает возрастающую роль этого тевтонского подразделения в Римской империи, в частности на материале подобной эмблемы, сначала известной по скандинавскому и германскому материалу (где он удерживается на протяжении ряда веков), а затем и на собственно римских памятниках.

М. Росс подверг анализу пять статуэток Константина (две из них найдены на территории Советского Союза — в Херсонесе и в Воронежской области). На трех фигурах имеется изображение креста, две другие лишены его, но все они, очевидно, происходят от одного оригинала, возможно, воспроизводя в малом размере статую, поставленную в честь победы у Мульвийского моста.

Перу того же А. Альфёльди принадлежит статья о сасанидском серебряном фаларе в Думбартон-Оксе¹⁵. Ее сопровождает дополнение, написанное английской исследовательницей Эрикой Круиксшанк и посвященное византийским клеймам на этом предмете. Серебряный предмет в виде человеческого лица с позднейшей приклепанной к нему ручкой и также позднейшими (согласно предположениям авторов) византийскими клеймами сопоставляется Альфёльди с сасанидским сосудом из собрания Эрмитажа и изображением фалара на одном из блюд той же коллекции. В итоге Альфёльди приходит к выводу, что перед нами — фалар персидского происхождения, относящийся ко второй половине VII в. Автор предполагает, что впоследствии фалар оказался среди добычи войск Ираклия и был превращен в сосуд для питья, на который были поставлены византийские пробирные знаки, утверждающие качество серебра.

Покойный академик И. А. Орбели, ознакомившись со статьей А. Альфёльди, и прежде всего с репродукцией сосуда, высказал сомнение в его подлинности. Конечно, не имея в руках предмета, трудно категорически

¹³ E. H. Kantorowicz. The Baptism of the Apostles. DOP, 9—10, 1955 — 1956, p. 203—251.

¹⁴ A. Alföldi. Cornuti: A Teutonic Contingent in the Service of Constantine the Great and its Decisive Role in the Battle at the Milvian Bridge. With a Discussion of Bronze Statuettes of Constantine the Great by Marvin C. Ross. DOP, 13, 1959, p. 171—183.

¹⁵ A. Alföldi. A Sassanian Silver Phalera at Dumbarton Oaks, With a Contribution on the Stamps Erica Cruikshank. DOP, 11, 1957, p. 237—245.

решать такой вопрос, однако статья Э. Круиксханк свидетельствует хотя и о своеобразных, но, бесспорно, подлинных клеймах. Быть может, следует продолжать поиски места, где именно изготовлен предмет.

Работа Э. Круиксханк выполнена с большой тщательностью. Автор устанавливает уникальность трех, а не пяти клейм (что, однако, не вполне точно), повторное нанесение одного из них на сосуд, близость форм распространенным типам клейм, но исключительность религиозного сюжета — бюста Христа, сопровождаемого трижды повторяемыми словами АГІОС и дважды изображенной женской фигурой оранты со следами надписи. Руководствуясь известными исследованиями Л. А. Мацулевича, автор указывает, что, в отличие от обычного порядка, клейма поставлены здесь не в процессе работы, а уже на готовой вещи. Этот факт свидетельствует о видоизменении системы, существовавшей ранее, что подтверждается указанием Феофана¹⁶. В качестве известного рода аналогии для клейм Э. Круиксханк приводит лампаду из Walters Art Gallery в Балтиморе с монограммой Фоки и религиозной сценой. Автор предполагает, что клейма религиозного содержания появились около середины VII в., подобно тому как религиозные сюжеты стали изображаться на монетах Юстиниана II. Указанные наблюдения приводят ее к датировке клейм второй половиной VII в. — этот вывод представляется убедительным.

Лишь две статьи в рассматриваемых сборниках связаны с вопросами архитектуры. Одна из них — Ричарда Стилуэлла¹⁷ — намечает основные линии развития планировки домов в Антиохии. На основании композиции мозаичных полов автор пытается проследить эволюцию жилых домов от I—II до VI столетия н. э. Однако он останавливается по преимуществу на раннем этапе; факты, относящиеся к IV—VI вв., почти единичны. Представляет интерес наблюдение Стилуэлла о проникновении в планировку домов восточных влияний, проявившихся со времени Константина. Статья Джорджа Форсайта¹⁸, как характеризует ее сам автор, представляет собой заметки об архитектурных памятниках Киликии, сделанные во время его путешествия в 1954 г. Сравнивая свои наблюдения с выводами известных исследователей памятников этой области Е. Херцфельда и С. Гюйера, проделавших аналогичный путь почти за 50 лет до него¹⁹, автор не находит особо значительных изменений в состоянии большинства памятников; вместе с тем, он сам высказывает ряд ценных наблюдений, восполняющих картину развития архитектуры в Киликии V—VI вв. Непосредственно ознакомившись с огромной базиликой св. Феклы в Мериамлыке, соперничающей с базиликой Аркадия в монастыре Мины в Египте, Форсайт далее рассматривает некоторые памятники Корикоса и ряда других прославленных строений, подчас богатых декоративными деталями и своеобразных по своей планировке; описания этих памятников убеждают в справедливости его конечного вывода о том, что этот период истории архитектуры прибрежных центров Киликии представляет важный этап в развитии византийского зодчества. Памятники Киликии не являются копией константинопольских зданий, а отличаются значительным своеобразием, объясняющимся, по-видимому, литургическими особенностями. Настоящее представление о них, как неоднократно замечает автор, можно будет составить лишь после археологического исследования.

¹⁶ Theophanis Chronographia, ed. C. de Boor. Leipzig, 1883, S. 490. 20—25.

¹⁷ R. Stilwell. Houses of Antioch. DOP, 15, 1961, p. 45—57.

¹⁸ G. H. Forsyth. Architectural Notes on a Trip through Cilicia DOP, 11, 1957, p. 223—236.

¹⁹ E. Herzfeld and S. F. Guyer. Mariamlik and Korykos. MAMA, II. Manchester University Press, 1930.

Некоторый интерес для истории архитектуры представляет заметка Кирилла Манго и Игоря Шевченко об остатках церкви Полиевкта в Константинополе²⁰. Найденные в 1960 г. фрагменты архитектурной декорации и остатки кирпичных сводов исследователи убедительно приписывают церкви Полиевкта, построенной женой Феодосия II Евдокией и перестроенной Аницией Юлианой между 524 и 527 гг. Основным аргументом для авторов служит отрывочная надпись, сохранившаяся на одном из фрагментов и дополняемая с помощью эпиграммы из Палатинской антологии. Текст эпиграммы, несомненно, соответствует тому, который был вырезан на мраморных плитах. Схожая к эпиграмме указывает на то, что текст был написан в различных частях церкви. Ряд монограмм представляет варианты имени Аниции Юлианы. Значение точно датированных фрагментов (к которым авторы присоединяют и капитель, найденную в 1912 г.), относящихся к памятнику, детально описанному в эпиграмме, не подлежит сомнению.

Выполненное с большой тщательностью исследование Г. Штерна о мозаиках Санта-Констанцы в Риме²¹ в сущности вносит немного нового в вопрос о времени возникновения этого известного памятника и о том полусветском, полухристианском характере, который свойствен его мозаичному убранству. Следует отметить, в частности, что автору осталась неизвестна одна из ранних работ Д. В. Айналова, где выдающийся русский историк византийского искусства проделал работу, во многом близкую к работе самого Г. Штерна²². Д. В. Айналов относил мозаики к несколько более раннему времени; он отождествил меньшее число сцен; ему, естественно, не были известны некоторые аналогии (вроде росписей Дура-Европос). Несомненно, новая работа содержит гораздо больше фактов; в ней дается разносторонняя характеристика декоративного убранства мавзолея, в частности мраморной облицовки стен, уточняются реставрированные части и их соответствие старому убранству и т. д. Для советских исследователей интересны основные выводы статьи: отмечая многообразие аспектов декорации мавзолея, где соседствуют христианские и светские мотивы, Штерн указывает, что с целью приспособления ко «вкусам богатой клиентуры, склонившейся к христианству, привыкшей к традиционной декорации, она широко подвергается воздействиям, от которых отказывалась ранее. Полнота светских сцен здесь много большая, чем в живописи катакомб» (стр. 212). Это суждение, в известной мере перекликающееся с приведенными выше наблюдениями Э. Китцингера, указывает на проникновение в западноевропейскую и американскую литературу близких нам, прогрессивных взглядов.

Для понимания хода развития византийской живописи большое значение имеет вопрос о датировке древнейшей части мозаик, погибшей в 1922 г. церкви Успения в Никее. Он дебатировался вот уже около 70 лет; ученые приурочивали указанные мозаики ко времени начиная от VI—начала VII в. до середины IX в. П. Эндервуд теперь вновь вернулся к обсуждению этой даты²³, хотя самого памятника уже давно не существует. Пользуясь фотографиями со старых негативов Русского археологического института в Константинополе (хранящихся в Государственном Эрмитаже), автор пытается восстановить различные наслоения мозаик, опреде-

²⁰ C. M a n g o and I. Š e v č e n k o. Remains of the Church of St. Polyeuktos a Constantinople. DOP, 15, 1961, p. 243—247.

²¹ H. S t e r n. Les mosaïques de l'église de Sainte Constance à Rome. DOP, 12, 1958, p. 157—218.

²² См. Д. В. Айналов. Мозаики IV и V веков. СПб., 1895, стр. 9—23.

²³ P. A. U n d e r w o o d. The Evidence of Restoration in the Sanctuary Mosaics of the Church of the Dormition at Nicaea. DOP, 13, 1959, p. 235—243.

лить швы между частями, относящимися к различным, по его мнению, периодам, и т. п. Тщательно прослеживая детали выкладки мозаики, он приходит к заключению, что на месте послеиконоборческого изображения Богоматери в абсиде существовало не только изображение креста (что уже было отмечено давно), но и еще более раннее, восходящее к доиконоборческому периоду изображение Богоматери, стоявшей на том подножии, украшенном геммами, на котором обычно крест не изображался.

Что касается мозаик в виме, то к первому периоду автор относит лишь изображение гетимасии, а знаменитые фигуры небесных сил (включая и лица) датирует временем после 843 г. Помимо выводов относительно швов, прослеживаемых на мозаике, в его аргументации особо важную роль играет надпись, расположенная между изображением двух ангелов, с именем Навкратия (в качестве возобновителя). Характером своего начертания эта надпись отличается от достоверно более ранних, и если заметивший это русский исследователь Ф. И. Шмит полагал, что реставрация Навкратия была лишь частичной, Эндервуд распространяет ее на фигуры в целом. Работам этого автора всегда свойственна большая точность, которая не изменяет ему и в этой статье. Не представляется возможным, однако, полностью оставлять в стороне вопросы стиля (как это он делает на странице 242), а тем более — не видеть различий между фигурами (точнее — лицами) ангелов и Богоматерью в абсиде. Следует прислушаться к его замечанию о необходимости учитывать реставрации, но нельзя все же, принимая во внимание большую литературу, существующую по затронутому вопросу, в частности мнение таких выдающихся ученых, как Ф. И. Шмит и В. Н. Лазарев (относящих, как известно, эти мозаики к доиконоборческому периоду), игнорировать стилистическую характеристику погибших мозаик. По-видимому, вопрос так и остается нерешенным, вопреки утверждению К. Манго, опубликовавшего статью о дате мозаик нартекса церкви Успения в Никее в том же номере «*Dumbarton Oaks Papers*» (стр. 246)²⁴.

Что касается его собственной статьи, то уточнение К. Манго даты мозаик нартекса, основанное, с одной стороны, на исправлении вошедшего в науку неправильного чтения надписи (впервые ошибшегося Ш. Дилля), и, с другой, на имени императора Константина, читавшегося еще в начале XIX в., представляется вполне убедительным. К. Манго полагает, что эти мозаики исполнены не в 20-е годы XI в., а после сильного землетрясения 1065 г., когда пострадали многие здания Никей и когда, видимо, был восстановлен и храм Успения. О перестройке XI в. говорит характерная для периода начиная с середины XI и до конца XII в. кладка, получившая распространение на Руси под названием «утопленного кирпича» (или скрытой кладки, при которой чередовались ряды обычно выложенного кирпича с рядами кирпичей, скрытых толстым слоем раствора). Ктиторская мозаика, очевидно, представляла императора Константина X. Интересно, что в сопровождавшей изображение надписи упоминался термин проноя (προνοια), который, ссылаясь на Г. А. Острогорского, автор считает лишним аргументом в пользу возникновения мозаик не ранее середины XI в. На основании ряда доводов Манго полагает наиболее вероятной датой возникновения мозаик нартекса время между 1065 и 1067 гг.

Значительный интерес представляет другая статья К. Манго, написанная им совместно с Р. Дженкинсом²⁵. Чисто источниковедческая по характеру, эта работа важна для историков искусства, привыкших относить

²⁴ C. Mango. The Date of the Narthex Mosaics of the Church of the Dormition at Nicaea. DOP, 13, 1959, p. 245—252.

²⁵ J. H. Jenkins and C. A. Mango. The Date and Significance of the Tenth Homily of Photius. DOP, 9—10, 1956, p. 123—140.

десятую гомилию (беседу) Фотия к освящению церкви Неа, построенной при Василии I вблизи Большого Дворца. Как известно, в этом тексте содержится детальное описание внутреннего убранства, в частности системы росписи храма, получившей широкое распространение не только в Византии, но и за ее пределами. Внимательное изучение самой гомилии (которая занимает десятое место среди других, написанных до 867 г., в период первого патриархата Фотия) и сопоставление ее с другими источниками приводит авторов к заключению, что широко известное описание относится не к Новой церкви Василия I, а к «знаменитой церкви во дворце», носившей название церкви Богоматери на Фаросе, полностью перестроенной при Михаиле III, скорее всего — в конце 864 г. Это здание средних размеров служило императорской капеллой, имело граненый купол, нартекс и три абсиды; капелла находилась близ тронного зала — Хрисотриклиния.

Аналогичный характер носит заметка Г. Доуни²⁶, посвященная отождествлению (оно производится автором на основании письменных источников) церкви Всех святых, расположенной вблизи церкви Апостолов, с церковью, построенной Львом VI в память первой жены — Феофано. Наряду с ней внутри храма Апостолов существовала маленькая молебельня, носившая имя той же Феофано.

Ряд статей, опубликованных в двух последних томах «Dumbarton Oaks Papers», имеет в большей или меньшей степени проблемный характер. Некоторые обобщения возникают на базе исследования отдельных памятников, а одна работа, принадлежащая перу Курта Вейцмана²⁷ и рассматривающая вопрос о пережитках мифологических изображений в раннехристианском и византийском искусстве и их слиянии с христианской иконографией, построена на основе широкого привлечения материала.

Как известно, выдающийся немецкий ученый (ныне работающий в США) уже давно занимается «византийским классицизмом», интересуясь по преимуществу искусством периода так называемого Македонского возрождения.

Начав с цитаты из Пселла, свидетельствующей о знакомстве византийской придворной среды с Гомером, автор сопоставляет это свидетельство с материалом византийских рукописей Илиады, начиная с известной иллюстрированной рукописи V—VI вв., хранящейся в Амброзианской библиотеке в Милане (служившей предметом специального исследования Р. Бианки-Бандинелли)²⁸; существенно, что пояснительные надписи к миниатюрам относятся к XI в., чем подтверждается сохраняющийся и в этот период интерес к Гомеру, отразившийся также и в других памятниках.

Отмечая некоторые ошибки и мелкие расхождения с текстом как в иллюстрациях рукописи, так и на некоторых произведениях прикладного искусства, представляющих сцены Троянского цикла, К. Вейцман считает это явление характерным и для античного искусства. Вместе с тем он справедливо констатирует «первые признаки средневековой концепции», проникшие в классическую сцену Троянской войны (стр. 47), на примере изображения «Спора из-за оружия Ахилла» — сюжета, представленного на одном из блюдов собрания Эрмитажа. Можно лишь добавить к его словам, что средневековые черты проявляются не только в иконографии, но и в стиле. Нельзя согласиться с автором, что передача отдельных типов на эрмитажном блюде почти «классическая», а уверенность и элегантность

²⁶ G. D o w n e y. The Church of All Saints (Church of St. Theophano) near the Church of the Holy Apostles at Constantinople. DOP, 9—10, 1956, p. 301—305.

²⁷ K. W e i t z m a n n. The Survival of Mythological Representations and Byzantine Art and their Impact on Christian Iconographie, DOP, 14, 1960, p. 43—68.

²⁸ R. B i a n c h i B a n d i n e l l i. Hellenistic-Byzantine Miniatures of the Iliad (Ilias Ambrosiana) Olten, 1955.

рисунка сохраняют высокий уровень мастерства (стр. 49): черты деформации, явившиеся, возможно, результатом копирования, отчетливо ощущаются на этом памятнике.

В следующем параграфе К. Вейцман рассматривает возрождение мифологических образов в византийском искусстве IX—X вв. Усиление классических штудий в послеиконоборческий период он справедливо связывает прежде всего со столичным скрипторием, патронированным императорами, а также патриархами (стр. 49—50), но считает, что эти штудии оказали влияние и на более широкие круги. Приведенный им пример великолепного стеклянного сосуда с изображением античных богов и героев (из сокровищницы Сан-Марко в Венеции) едва ли может быть, однако, отнесен к этой «более широкой среде».

Отлично зная античную литературу и искусство, автор точно определяет отступления от прототипов отдельных персонажей и сцен, их переосмысление в этот период в духе средневековья. Заслуживает внимания и его наблюдение о превращении в «putti» древних богов и героев, о декоративности украшенных этими фигурками ларцов из слоновой кости. Вместе с тем представляется, что автор недостаточно разграничивает проблему заказчика и исполнителя; он не вникает, если можно так выразиться, в сферу производства. Так, правильно наблюдая распад единой сцены на отдельные составные части, фигуры, не связанные друг с другом (стр. 51), он не отмечает, что даже на ограниченном числе дошедших до нас образцов эти фигурки повторяются, что одинаковые орнаментальные полосы окружают мифологические и ветхозаветные сцены, что пластинки, укрепленные на деревянном остоле ларцов, иногда перерезаются с нарушением изображения. Все эти факты являются, по-видимому, свидетельством того, что костяные пластинки изготовлялись впрок, не по индивидуальному заказу, а на относительно более широкий рынок.

Значительный интерес представляет небольшой третий параграф (с которым — для более позднего периода — перекликается пятый), где собраны факты средневекового переоформления античных образов: так, уже в мозаиках Антиохии нагие фигуры под влиянием христианского мировосприятия начинают «одевать», самый характер одежды и обстановки приобретает черты византийской действительности. Если «в римские времена, — замечает К. Вейцман, — императоры превращались в богов, то ныне боги становятся императорами» (стр. 52). (Можно, правда, сказать, что и первое явление не было чуждо византийской действительности.) В четвертом разделе статьи автор изучает проникновение христианских образов в мифологические сцены. Некоторые приводимые им примеры представляются натянутыми; во всяком случае весьма сомнительно предположение о сознательном сопоставлении мастерами известных им библейских сцен с мифологическими.

Большое место в работе К. Вейцмана занимает раздел (шестой) о трансформации в христианстве мифологических сцен. Проследивая возникновение библейских иллюстраций, автор справедливо выдвигает тезис о том, что эллинизированные иудеи и христиане, не имея собственной иконографической традиции, на первых порах широко черпали свои образы из хорошо известного им классического репертуара. Несмотря на скудость дошедшего до нас материала, автор в некоторых случаях улавливает близкие совпадения сюжетов из античных трагедий, поэмы Гомера и мифологии.

Новый приток античных образов имел место, как известно, в послеиконоборческий период, когда их можно наблюдать уже не столько в ветхозаветных, сколько в новозаветных сценах. Не новой является мысль о том, что в период Македонской династии это воздействие классицизма от-

разлилось на «формальном аспекте искусства» (стр. 64), так же как и констатация последней волны античных влияний в Палеологовский период.

Заключительный раздел статьи К. Вейцмана — «Сочетание мифологических и христианских элементов». После иконоборчества, по его мнению, классическая культура уже не была опасна христианской. Императорский двор и дворец патриарха изучали классику в интересах освоения культуры, в меру того, чтобы это не вредило христианству (стр. 67). В качестве примера синтеза автор приводит прославленную псалтырь № 139 Парижской национальной библиотеки (в частности миниатюру с изображением Давида и сопутствующей ему персонификации Мелодии).

В последних фразах статьи К. Вейцман оговаривается, что в конечном счете мифологические сюжеты в византийском искусстве никогда не были многочисленны, поскольку оно было насыщено прежде всего религиозным содержанием и в известной мере «императорской тематикой». Более значительным было античное воздействие на собственно христианское искусство, его иконографию и форму. Довольно неожиданной и едва ли верной является заключительная фраза: «В конце концов византийцы были греками». Это узкое этническое определение византийцев не соответствует истине. Как видим, в целом статья К. Вейцмана ставит интересные вопросы, но, пожалуй, она особенно ценна подобранным материалом из сферы сопоставления античного и византийского искусства.

К статье К. Вейцмана в известной мере примыкает работа одного из лучших знатоков средневековой миниатюры Г. Бухталя²⁹, посвященная передатировке миниатюр греческой рукописи № 71 Национальной библиотеки в Афинах (XIV в.). Тонкая, с учетом палеографических данных стилистическая характеристика позволяет автору убедительно доказать разновременность двух вклеенных миниатюр, одна из них, изображающая евангелиста Луку, современна рукописи (хотя первоначально ей также не принадлежала), но воспроизводит более древний образец. Вторая, представляющая евангелиста Иоанна и Прохора, дана в необычном иконографическом варианте и отнесена Бухталем к концу X в. Она особенно заинтересовала исследователя тем, что для нее использовано два источника: один из них — Иоанн, диктующий писцу, другой — представляющий сидящего евангелиста, оборачивающегося назад, к деснице божьей (в небе). Этот последний образ, по-видимому, восходит к доиконоборческой традиции, которая в свою очередь воспроизводила классическую группу поэта, сидящего со свитком в руках и через плечо глядящего на свою музу.

К этому выводу автор приходит путем реконструкции: не располагая ранними византийскими изображениями такого рода, он находит отзвуки этого типа в каролингских миниатюрах, вышедших из придворного скриптория. Очевидно, образцами для последних служили константинопольские рукописи более раннего времени. Листок Афинской рукописи, заключает Бухталь (стр. 139), ценен не только как выдающийся образец византийской миниатюры (скорее всего, столичной школы) X в., но и тем, что он сохраняет тип портрета евангелиста, весьма популярного в ранний византийский период.

Любопытно отметить, что почти одновременно с Г. Бухталем аналогичной методикой «реконструкции» прототипов пользуется советская исследовательница Т. А. Измайлова³⁰ в поисках образцов для интересующих

²⁹ H. B u c h t h a l. A Byzantine Miniature of the Fourth Evangelist and its Relatives. DOP, 15, 1961, p. 127—139.

³⁰ Т. И з м а й л о в а. Художественное убранство армянской рукописи 1053 г. «Вестник Матенадарана», 1960 № 5, стр. 234—278.

ее вариантов евангелистов в недошедших до нас армянских рукописях, предшествовавших X в., она обратилась к докарولينским рукописям и нашла промежуточные варианты.

К числу статей, касающихся искусства «среднего» периода, относится также работа Сирарпи дер Нерсесян о двух изображениях Богоматери из собрания Думбартон-Окса³¹. Один из интересующих автора предметов — рельеф слоновой кости, представляющий в центре Богоматерь типа Одигитрии с младенцем в рост, а по сторонам ее Иоанна Крестителя и Василия Великого. Другой — мраморный рельеф с изображением Богоматери, обращенной вправо с молитвенно воздетыми руками. Работы Сирарпи дер Нерсесян всегда отличаются глубоким анализом как письменных, так и вещественных источников. «Без знания текстов, — пишет она в начале статьи, — историк искусства не сможет уловить идей, вложенных в то или иное изображение» (стр. 74). Прежде чем перейти к интересующим ее памятникам, автор рассматривает вопрос об особом значении культа Богоматери в Константинополе, считавшейся легендарной покровительницей города и защитницей империи, что нашло свое отражение во множестве письменных источников и в разного рода вещественных памятниках. Касаясь нескольких иконографических вариантов, представляющих богоматерь как заступницу и посредницу между человеческим родом и Христом, поклонение которой приняло особенно широкие размеры в VIII—IX вв., Сирарпи дер Нерсесян привлекает в качестве одной из иллюстраций этой идеи группу из слоновой кости из собрания Думбартон-Окса. В дальнейшем она детально рассматривает роль в этой группе Иоанна Крестителя и Василия Великого (чаще — Иоанна Златоуста).

С этим образом перекликается в известной мере и мраморный рельеф из того же собрания. Обратив внимание на характерную позу Богоматери, как бы обращенную к другой фигуре и вместе с тем ограниченную обрамлением, автор выдвигает предположение, что этому рельефу сопутствовал парный, скорее всего, представлявший Христа. Изображение такого рода является одной из разновидностей образа Богоматери — заступницы за род человеческий. Гипотеза эта развита исследовательницей на основе большого числа фактов, почерпнутых из разнородных источников, уточняющих варианты смежных иконографических вариантов. Скорее всего, заключает автор, обе плиты были расположены на столбах вимы или в восточной части нартекса по сторонам двери. Судя по размерам, они входили в состав убранства небольшой церкви, или часовни.

Всецело посвятив свое исследование выяснению идейной основы памятников, точнее говоря, их иконографическому содержанию, С. дер Нерсесян, однако, совершенно не касается вопросов стиля и даже не стремится к уточнению датировок в пределах «средневизантийского периода» (судя по приводимым аналогиям, она относит их, очевидно, к XI в.). Между тем монументальная скульптура является одной из наименее разработанных областей византийского искусства, и потому каждый новый памятник, введенный в научный оборот после обстоятельного обследования, имеет большое значение.

Попутно хотелось бы отметить, что известный интерес представляет и обратная, более ранняя сторона плиты, монтировку которой в музее едва ли можно признать удачной.

Ряд статей, помещенных в последних томах «Dumbarton Oaks Papers», освещает вопросы искусства периода Палеологов. Среди них следует указать статью одного из наиболее крупных современных исследователей

³¹ Sirarpie Der Nersessian. Two Images of the Virgin in the Dumbarton Oaks Collection. DOP, 14 1960 p. 69—86.

византийского искусства — Отто Демуса (Вена) о двух мозаичных иконах из собрания Думбартон-Окса³². Тонкий стилист, австрийский ученый дает здесь поистине образцовое всестороннее исследование двух замечательных памятников, которое предваряет общей, к сожалению, сознательно сжатой характеристикой искусства «портативных мозаик».

В этой вводной части О. Демус четко различает собственно «портативные» мозаики, для которых прежде всего характерен своеобразный, как правило, восковой фон, от обычных по технике исполнения, хотя иной раз и небольших по размерам мозаик. Большие из числа интересующих его экземпляров часто воспроизводили живописные иконы, представляя по преимуществу полуфигуры особо почитаемых лиц, меньшие включают и многофигурные, особенно миниатюрные изображения.

Искусство миниатюрной мозаики со своей собственной техникой (с восковым грунтом на дереве) и стилистическими особенностями, рассчитанное на «интимное», камерное употребление, оформляется, как говорит О. Демус, в XIII в. Хронологические рамки его существования весьма ограничены: хотя известны и некоторые памятники более раннего времени, но во всяком случае «малые» иконы создавались лишь в пределах между 1260 и 1320 гг. Общее число упоминаемых в документах образцов миниатюрной мозаики определяется в 30—40 штук, а количество сохранившихся до наших дней — 29. В это число Демус включает пять, находящихся в Советском Союзе (нам их известно шесть).

Высказанное уже ранее мнение о столичном, придворном характере этого утонченного вида искусства автор подкрепляет дополнительными доказательствами. Он приводит ряд интересных ссылок на поэтическое описание мозаичных икон, свидетельствующих об их высокой ценности, обращает специальное внимание на часто встречающиеся на них изображения святых воинов Георгия, Димитрия, Феодора и архангела Михаила, особо почитавшихся в придворных кругах и считавшихся покровителями императоров. Для доказательства им используется и одноименность архангела Михаила с Михаилом Палеологом, а встречающееся на мозаичных иконах изображение пророка Даниила Демус сопоставляет с тем обозначением «восстановителя Византийской империи» как «нового Даниила», которое можно встретить в источниках, современных Михаилу Палеологу.

Все эти соображения являются ценным материалом для характеристики тех социальных кругов, в которых бытовали миниатюрные мозаики.

Приступая к исследованию иконы «Сорок мучеников» (приобретена музеем Думбартон-Окса в 1947 г., впервые опубликована тем же О. Демусом в 1946 г.; история этого памятника прослеживается до одного из ее первых обладателей — греческого изгнанника из Малой Азии), О. Демус указывает, что и эти святые пользовались особым почитанием в высших военных и придворных кругах; автор рассматривает легенду о мучениках и иконографическое развитие сюжета. В итоге изучения различных вариантов сцены, представленной на памятниках разной техники в искусстве XIV в., автор уточняет ту группу, к которой относится мозаичная икона. Однако при характеристике композиции он не ограничивается ее сопоставлением с аналогичными по сюжету сценами, но привлекает и другие со сходными ситуациями (например из «Страшного суда», из иллюстраций к Иоанну Лествичнику и др.). Отдельные фигуры или головы О. Демус находит и среди различных евангельских сцен, среди типов евангелистов и т. п.

³² O. D e m u s. Two Palaeologian Mosaics in the Dumbarton Oaks Collection, DOP, 14, 1960, p. 87—119.

Подобные сравнения, естественно, носят не столько иконографический, сколько стилистический характер. Так, особую близость к некоторым образам мозаичной иконы автор видит в мозаиках и росписях Кахриэ-Джами (стр. 108): имеются в виду типы лиц, их повороты и т. п. Многие из стилистических черт, свойственных как Кахриэ-Джами, так и исследуемой им иконе, Демус склонен выводить из глубоких античных корней, включая сюда и передачу лиц и драпировок, и подход к моделировке, передаче светотени и т. д.

Давая заключительную стилистическую характеристику мозаики по сравнению с мозаиками и фресками Кахриэ-Джами, он приходит к выводу, что икона предшествует стенописям, что в ней лишь намечаются те искания, которые получили свое оформление в стиле Кахриэ-Джами. На основании всего сказанного он склонен ее относить к концу XIII в.

Вторая мозаичная икона, приобретенная Думбартон-Оксом в 1954 г. в противоположность первой уже давно известна науке под названием иконы из собрания Нелидова (русского посла в Турции, которому она была подарена монастырем Ватопеди на Афоне). Впервые изданная Д. В. Айналовым в 1899 г. и датированная им XII веком, она впоследствии многократно воспроизводилась и описывалась. В. Н. Лазарев первым установил, что временем ее создания был не XII, а XIV век. Приведя достаточно полную библиографию, О. Демус почему-то не счел нужным изложить эволюцию взглядов на интересующий его памятник, хотя во многих пунктах своего исследования он весьма обоснованно опровергает возможность его отнесения к «средневизантийскому периоду».

Исследование памятника строится по тому же принципу, что и первой иконы. Начав с детального описания личности Иоанна Златоуста, истории его почитания, автор переходит к истории возникновения «портретного» образа этого отца церкви. Некоторое представление о себе дает в своих литературных произведениях сам Иоанн. Первые его изображения относятся к VII—VIII вв.; они совсем не похожи (подобно другим ранним изображениям) на тот тип, который выработался в послеиконоборческий период. В итоге сопоставления различных источников О. Демус приходит к интересным выводам: «очевидно, — говорит он, — реалистический портрет, восходящий ко времени жизни Златоуста, был переработан в духе обобщения и абстрагизации черт его лица» (стр. 115). Эту абстрагизацию О. Демус, ссылаясь на доклад Э. Китцингера на Мюнхенском конгрессе, связывает с абстрагирующим течением позднего VI в. В результате иконоборчества и победы его противников происходит возврат к предшествующему ему реалистическому образу, хотя и с усилением средневековых черт. Процесс этот автор считает характерным для всей византийской иконографии. Однако, как выясняет далее Демус, абстрактный иконный тип (образец которого он видит в Санта-Мария Антика в Риме) и реалистический аскетический портрет, особенно распространившийся в XI в., были не единственными. Третий тип, наиболее ранним образцом которого является портрет, недавно открытый в системе мозаичного убранства в храме Софии в Константинополе, просуществовал до Палеологовского периода, как это можно видеть по фреске в трапезной Кахриэ-Джами. Этот тип О. Демус называет гуманистическим и существующим только в столице. В нем имеются, по мнению исследователя, черты идеализации, придающие патриарху облик ученого.

Возвращаясь к мозаичной иконе из Думбартон-Окса, О. Демус считает ее примыкающей к аскетическому типу, но с некоторыми чертами «гуманистического» портрета; давая его заключительную стилистическую характеристику, автор полагает, что, в отличие от иконы «Сорок мучеников», относящейся к периоду исканий и некоторой неустойчивости, «Иоанн

Златоуст» является образцом вполне сформировавшегося стиля Палеологов, стиля, который показывает первые слабые признаки перехода к сухости (стр. 118), характерной для последнего этапа существования этого уточненного вида искусства.

Статья О. Демуса представляет большой интерес, определяющийся не только углубленной публикацией памятников. В работе поставлен ряд принципиальных вопросов, касающихся развития иконографии и различных художественных течений. Лишь немногие детали вызывают сомнения: к их числу можно отнести неправомерность безоговорочного включения мозаик Палатинской капеллы в Палермо в общий поток византийского искусства. Несомненно, этот сицилийский памятник имел своеобразные местные особенности. Более серьезен вопрос о несколько «анатомическом» подходе к изображению «Сорока мучеников». Хочется спросить автора, неужели, по его мнению, византийские мастера XIII—XIV вв. были полностью лишены творческого начала и каждую деталь их изображений следует искать в каких-то прототипах? Думается, что такой, довольно распространенный подход к некоторым сторонам византийского искусства грешит преувеличением.

Отметим в заключение, что почти одновременно со статьей О. Демуса автор этих строк опубликовал неизвестную ранее мозаичную икону из собрания Н. П. Лихачева³³. Ближайшей аналогией к этому выдающемуся памятнику является, как нам кажется^{33а}, «Иоанн Златоуст» из собрания Думбартон-Окса. Приятно отметить, что черты стиля, свойственные мозаичной иконе с изображением четырех святителей (собрание Эрмитажа), определены почти теми же словами, которыми О. Демус характеризует исследованную им икону.

Единственный упрек, который хотелось бы предъявить автору разбираемой статьи, — это его отказ от определения им того места, которое занимают обе мозаичные иконы среди других памятников этой техники (в частности, следовало бы сказать несколько слов об орнаменте нимба Иоанна и обрамления иконки). По-видимому, О. Демус, готовящий корпус миниатюрных мозаик, сознательно отложил подобные вопросы до выпуска в свет этой обобщающей работы.

Памятнику прикладного искусства Палеологовского периода посвятил свое исследование другой крупнейший знаток византийского искусства — А. Н. Грабар (Париж)³⁴. Его внимание привлекла происходящая из коллекции Строгановых миниатюрная пиксида из слоновой кости, украшенная изображениями чисто светского характера. На ней дважды представлены семейные группы (в составе каждой — император, императрица и наследник); около одной из них вырезаны имена Иоанна, Андроника и Ирины.

Именно эта группа была уже ранее определена П. Харанисом и А. Грегуаром, как изображающая Иоанна VI Кантакузина, его жену Ирину и внука Андроника; ими же установлено, что здесь изображена сцена празднования взятия столицы Иоанном VI в 1347 г. (судя по тому, что одна из фигур вручает императору модель укрепленного города).

А. Н. Грабар убедительно доказывает, что другая группа представляет Иоанна V Палеолога, его жену Елену (дочь Кантакузина) и их сына. Он предполагает, что пиксида была сделана между 1348 и 1352 гг. и закончена в момент изменения политической ситуации: если первоначально здесь были представлены законный император Иоанн V, его жена Елена и сын

³³ А. В. Б а н к. Мозаичная икона из б. собрания Н. П. Лихачева. Сб. «Из истории русского и западноевропейского искусства». М., 1960, стр. 185—194.

^{33а} Там же, стр. 191—192.

³⁴ А. G r a b a r. Une puxide en ivoire à Dumbarton Oaks. DOP, 14, 1960, p. 121—146.

Андроник, а с другой стороны, Иоанн VI Кантакузин, его жена Ирина и сын Матвей, то впоследствии, когда Иоанн V был отстранен от власти, но в столице оставлен его сын, внук Иоанна VI — Андроник, на пиксиде имя Елены было заменено Ириной (следы этой переделки заметны на пиксиде), а остальные совпадающие имена сохранены.

После интересного исторического экскурса, способствующего уточнению датировки предмета, автор обращается к вопросу о «семейном портрете» в византийском искусстве; этот весьма редкий для периода до XII в. сюжет получает гораздо более широкое распространение в XIII—XIV вв. На последнем этапе жизни Византии такие портреты встречаются в миниатюрах и, несомненно, существовали, хотя и плохо сохранились, в монументальном искусстве. Это явление А. Грабар склонен связывать с воздействием Западной Европы; автор предполагает, что оно зародилось не при дворе, а в кругах высшей феодальной знати. Даже более ранний групповой портрет — семья Ярослава в Киевской Софии — он считает возможным, в сущности без доказательств, приписывать влиянию варягов.

Детально рассматривается А. Н. Грабаром вопрос о видоизменении семейного портрета в Сербии, где сохранилось едва ли не наибольшее число семейных портретов; известны они также и в Болгарии.

Мысль о зарождении этой разновидности портретов в «замках высшей феодальной знати» (стр. 130), несомненно, интересна; ее мог бы подтвердить и грузинский материал. Но все же подобная точка зрения представляется спорной, требующей во всяком случае дополнительной аргументации. Напрашивается иное предположение: нельзя ли усмотреть в нарастании значения портрета в XIII—XIV вв. в целом и семейного в частности повышенного интереса к личности, человеческой индивидуальности, связанного со всеми другими явлениями своего рода «гуманизма», свойственного позднему византийскому искусству?

Вопрос о западных влияниях ставится А. Н. Грабаром и по такому частному поводу, как изображение павлина на пиксиде; думается, что этот образ имел настолько широкое распространение на всем протяжении существования византийского искусства, что нет необходимости и в данном контексте искать для него посторонних влияний.

Весьма детально и интересно разработана А. Н. Грабаром в этой же статье тема об увеселениях в честь царственных лиц. В связи с представленными на пиксиде музыкантами, танцорами, акробатам автор сопоставил ряд письменных свидетельств и других памятников различного рода. Вряд ли все же есть необходимость привлекать в качестве аналогий очень ранний материал, восходящий к IV в. (например, обелиск Феодосия) и VI в. (консульские диптихи). Едва ли и в этой области царил полная неподвижность на протяжении тысячи лет. Трудно также согласиться с автором, что на пиксиде могли изобразить музыкальные инструменты, не имевшие применения в XIV в. (стр. 136). Нам представляется скорее обратное, — что реалии такого рода попадали даже на предметы не только светского, но и религиозного содержания.

Меньше возражений вызывает обращение к росписям лестницы Киевской Софии (хотя и здесь были элементы своеобразия). Весьма интересно подобран материал по миниатюрам, где выявлены любопытные, чисто светские персонажи в заставках, инициалах, обрамлениях канонов; в частности, здесь изображены и музыканты, танцоры, акробаты. Представлялось бы закономерным присоединить к ним и аналогичные изображения, иллюстрирующие религиозные темы (например, танец Саломеи, иллюстрации к псалтыри и т. п.). Возможно, имело бы смысл вновь привлечь и тот материал, который сам А. Н. Грабар использовал в других своих работах, а именно — серебряную братину из собрания Эрмитажа, а

также недавно опубликованную автором этих строк крышку из Ненецкого округа. Правда, место производства этих предметов все еще не уточнено, но тематическая их связь со всем приведенным А. Н. Грабаром материалом бесспорна; что же касается братины, то при всех ее стилистических особенностях сюжетно она является известного рода аналогией для пиксиды; в ее центральной части, вверху представлена, как известно, царица, увеселяемая музыкантами, танцорами и акробатами³⁵.

В целом исследование столь широкого материала в области мало известного для Византии светского искусства представляет большой интерес. Жаль лишь, что автор совсем не дает стилистической характеристики пиксиды. Бросается в глаза многообразие поворотов, большое число профильных фигур музыкантов, как бы противопоставляемых фронтальным статичным царственным персонам. На первый взгляд кажется, что именно в манере передачи заметны некие западные воздействия, но, быть может, здесь проявляется и специфика с этой стороны плохо изученного искусства времени Палеологов.

Вопросов искусства отчасти касается заметка Г. Галавариса о четырех моливдовулах собрания Думбартон-Окса³⁶. На лицевой стороне этих печатей, датированных им XI и XIII вв., представлена Богоматерь в рост с младенцем в медальоне на груди, сопровождаемая редким заинтересовавшим автора эпитетом *ἡ μαχαλοφουδα* (пораженная ножом). Этот эпитет он сопоставляет с другими, обычно относящимися к чудотворным иконам, останавливаясь, в частности, на одной, виденной Антонием Новгородским в Софии Константинопольской, представлявшей Богоматерь, из которой якобы текла кровь. Поскольку в надписях на обратной стороне моливдовулов упомянуты хартофилаксы этого храма, Галаварис предполагает, что изображение на их лицевой стороне воспроизводило именно эту икону.

* * *

Особую группу статей, имеющих, несомненно, очень большое значение для истории византийского искусства, составляют отчеты — главным образом о работах Американского византийского института в Стамбуле. Реставрация и археологические исследования ведутся по преимуществу в прославленных памятниках византийской столицы, прежде всего в Святой Софии и в Кахрие-Джами.

Промежуточный характер между обычными исследовательскими и отчетными материалами носит статья П. Эндервуда и Е. Хаукинса о недавно открытом в Святой Софии мозаичном портретном изображении императора Александра³⁷. Сами авторы рассматривают эту работу как продолжение предварительных отчетов Уайтмора (T. Whittemore); подобно покойному исследователю, они дают детальное описание вновь открытого памятника, сопровождая свое описание великолепными репродукциями (одна из них — в цвете). Сравнивая изображение Александра с миниатюрой рукописи гомилий Григория Назианзина (Парижская национальная библиотека, № 510), где представлен тот же император вместе с императрицей Евдокией и Львом VI, они находят в них много общих черт, но относят мозаику к несколько более позднему времени — периоду единоличного правления Александра в 912—913 гг. В окружающих орнаментах они различают

³⁵ «История культуры Древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, рис. 179; А. Б а н к. Крышка серебряного сосуда из Ненецкого округа. «Сообщения Государственного Эрмитажа», XV, 1959, стр. 49—52.

³⁶ G. G a l a v a r i s. The Mother of God «Stabbed with a Knife». DOP, 13, 1959, p. 229—233.

³⁷ P. A. U n d e r w o o d and E. J. W. H a w k i n s. The Mosaics of Hagia Sophia at Istanbul. The Portrait of the Emperor Alexander DOP, 15, 1961, p. 187—217.

части, относящиеся к тому же периоду, а также отдельные детали, первой фазы мозаик, а именно VI в.

В отчетах того же П. Эндервуда за ряд истекших лет кратко описываются и другие расчищенные или находящиеся в процессе реставрации части мозаичного убранства храма Софии. Так, в отчете, напечатанном в 1956 г. (т. 9—10)³⁸ и в 1960 г. (т. 14), сообщается о работах в помещении галереи в юго-западном углу здания, об остатках фигур патриархов, апостолов и пророков — небесной иерархии на сводах, целой иконографической программе, популярной в период после восстановления иконопочитания, датируемой автором по стилистическим признакам поздним IX и ранним X в. В эти годы производилась и расчистка орнаментальных частей, относящихся к первичному убранству храма, а также были обнаружены кресты типа «Андреевских».

Помимо расчистки мозаик, велись работы по расчистке, укреплению и частичному восстановлению каменной облицовки стен (опус сектиле), в частности около дверей, ведущих в нартекс, а также работы по расчистке трех бронзовых дверей (совместно с так называемым Итальянским центром в Турции), ведущих во внутренний нартекс из наружного, и обрамления императорской двери (расположенной между внутренним нартексом и храмом). И облицовка стен, и укрепление дверей включают мотивы животных, птиц, кресты, вазы и т. п., лишний раз свидетельствующие о бесконечном многообразии и одновременности декоративного убранства Софии, настоящего музея византийского искусства.

Весьма значительными были работы в Кахрии-Джами. С 1952 по 1958 г. здесь производились расчистка, укрепление и реставрация фресковых росписей в притворе³⁹. Эта живопись уже давно привлекла внимание русских ученых — сначала Ф. И. Шмита, а потом М. В. Алпатова, однако сохранность ее была столь плохой, что можно было лишь догадываться об отдельных сюжетах и только до некоторой степени представить ее высокие художественные качества.

В первом предварительном отчете описывается общее состояние живописи к моменту начала работ (частично записанной, частично заштукатуренной с последующим нанесением орнаментальных узоров), а также освещаются методы расчистки и принципы реставрации, до некоторой степени совпадающие с теми, которые применяются и в практике советских реставраторов. Далее в первом отчете, как и в трех последующих, дается подробное описание всех раскрытых новозаветных и — в довольно значительном числе — ветхозаветных сцен (расположенных в верхних частях здания), а также многочисленных фигур святых, занимающих по преимуществу нижний пояс росписей. Описание всех деталей живописи, красочной гаммы каждой ее части, состояния и принятых реставрационных мер дает полную фиксацию материала. Более 160 иллюстраций хорошего качества позволяют судить не только об иконографии, но и о высоких художественных качествах, об особенностях стиля, характеризовать который, очевидно, не входило в задачи автора.

Интересные результаты дали и некоторые работы, производившиеся внутри храма и в его нартексах⁴⁰. Так, была установлена дата XIV в. для Деисуса, ранее датированного Комниновским периодом, был открыт пор-

³⁸ P. A. Underwood. Notes on the Work of the Byzantine Institute: 1954. DOP, 9—10, 1956, p. 291—294; i d e m. 1957—1959. DOP, 14, 1960, p. 205—215.

³⁹ P. A. Underwood. First Preliminary Report on the Restoration of the Frescoes in the Kariye Camii at Istanbul by the Byzantine Institute, 1952—1954. DOP, 9—10, 1956, p. 253—288; i d e m. Second Preliminary Report..., 1955. DOP, 11, 1957, p. 173—220; i d e m. Third Preliminary Report..., 1956. DOP, 12, 1958, p. 234—265; i d e m. Fourth Preliminary Report..., 1957—1958. DOP, 13, 1959, p. 185—212.

⁴⁰ P. A. Underwood. Notes on the Work..., 1956. DOP, 9—10, 1956, p. 294—297; i d e m. 1955—1956. DOP, 12, 1958, p. 269—287.

трет сводной сестры Андроника II — Марии Палеолог. Весьма велико значение открытых в 1956—1957 гг. фрагментов фресок в наружном нартексе: здесь в аркосолиях, расположенных над гробницами, были обнаружены портреты членов императорской семьи Палеологов — монахини Афанасии и ряда других, к сожалению, сохранившихся лишь в своей нижней части из-за прорубленных впоследствии на месте этих портретов окон. В ткани их одежд вплетены монограммы Палеологов, известные по другим памятникам. В стилистическом отношении выдающееся значение имеет фрагмент с изображением сидящей Богородицы, с совершенно необычно пластически переданной одеждой, дающей основания для датировки (наряду с другими моментами) этих росписей началом XV в. Здесь, более чем в других случаях, не исключена возможность итальянских воздействий.

Работы по расчистке, закреплению и выявлению иконографической системы росписей производились также в Фетие-Джами (Паммакаристос) и в случайно обнаруженном памятнике в черте города, откуда соответственный фрагмент был перенесен в храм Святой Софии⁴¹.

Наконец, особняком стоят работы археологического порядка, отчет о которых составлен Д. Отсом⁴²: задачей этого обследования было уточнение различных строительных периодов здания Кахрие-Джами. Результаты изучения оказались довольно неожиданными: всего было открыто шесть наслоений, из которых два нижних, хотя, по-видимому, и относились к монастырскому комплексу (V—VI вв., второй — к IX в.), не имели, однако, никакого отношения к возведенной впоследствии на этом месте церкви. Следы церкви заметны лишь в третьем слое, который по характеру кладки не может относиться к более раннему времени, чем XI в., а никак не к VII в., как предполагалось ранее. Четвертая фаза относится к зданию, возведенному вскоре после третьей, очевидно, в связи с землетрясением. По кладке они почти не различаются; пятая фаза представляет реставрацию храма после латинского завоевания, когда были перестроены оба нартексы и полностью возобновлена декорировка. Шестой период строительства (включавший незначительные перестройки) относится к позднепалеологовскому времени.

Известный интерес для вопросов искусства имеет, наконец, и заметка К. Манго и Дж. Паркера, посвященная описанию Константинопольской Софии⁴³, составленному в XII в. диаконом этого храма и одновременно ректором Патриаршей академии — Михаилом, известным и другими своими риторическими произведениями.

* * *

Подводя некоторые итоги обзора издания Думбартон-Окс за последние годы, следует подчеркнуть значение обильного, вновь введенного в науку материала, а также ценность ряда исследований. Далеко не со всеми их выводами можно согласиться, в ряде случаев вызывает возражения самый подход к материалу. Вместе с тем отрадно констатировать, что в отдельных случаях взгляды выдающихся зарубежных ученых весьма близки точкам зрения советских исследователей.

⁴¹ P. A. Underwood. Notes on the Work..., 1954. DOP, 9—10, 1956, p. 298—300; idem. 1957—1959. DOP, 14, 1960, p. 215—219; L. J. Majewski. The Conservation of a Byzantine Fresco Discovered at Etyemez, Istanbul. DOP, 14, 1960, p. 219—222.

⁴² D. Oates. A Summary Report on the Excavations of the Byzantine Institute in the Kariye Camii: 1957 and 1958. DOP, 14, 1960, p. 223—231.

⁴³ C. Mango and J. P. Parker. A Twelfth Century Description of St. Sophia. DOP, 14, 1960, p. 233—245.

ХРОНИКА

ХІІ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИНИСТОВ В ОХРИДЕ

Очередной XII Международный конгресс византистов происходил с 10 по 16 сентября 1961 г. в небольшом македонском городе Охриде, расположенном на берегу живописного Охридского озера. Тесные исторические связи Македонии с Византией, наличие в Охриде первоклассных памятников средневекового славянского и византийского искусства обусловили выбор этого города как места созыва международного форума византистов.

Значительные успехи в области византиноведческих исследований в различных странах мира и расширение международных научных связей способствовали тому, что конгресс в Охриде привлек внимание научной общественности и собрал 400 делегатов из 38 стран, а также свыше 100 ученых-историков, лингвистов и искусствоведов Югославии. Деятельность конгресса широко освещалась как в центральной югославской, так и в местной македонской прессе; материалы о нем передавались по радио и телевидению.

В работе конгресса приняли участие крупнейшие византисты, представляющие все наиболее значительные византиноведческие центры мира и различные научные направления. Многочисленной была делегация Франции, возглавляемая известным специалистом по социально-экономической и политической истории Византии Полем Лемерлем. В ее состав входили талантливые ученые, работающие в византиноведческом исследовательском центре в Париже: прекрасный знаток источников Н. Зворнон, Э. Гликаци-Арвейз, Е. Антониадис-Бибику, перу которых принадлежат интересные работы по политической и административной истории Византии, видный искусствовед А. Грабар, филолог А. Мирамбель, известный специалист по греческой палеографии М. Ришар и другие.

Весьма многочисленную греческую делегацию возглавлял известный специалист по византийскому искусству А. Орландос. К сожалению, подавляющее большинство греческих ученых на конгрессе выступило с докладами, написанными в «провизантийском» духе.

В состав делегации Англии входили многие видные ученые: Е. Веллес, Дж. Хасей, Д. Талбот-Райс, Р. Браунинг, Д. Оболенский и др.

Весьма пестрым был национальный состав многочисленной делегации США. Подавляющее большинство американских ученых-византистов является эмигрантами — русскими, украинцами, греками, армянами. Среди них были такие исследователи, как знаток греческих источников и собиратель рукописей Игорь Шевченко, специалист по аграрной истории Византии грек Питер Харанис, историк византийского искусства С. дер Нерсисян и др. На конгрессе выступил также специалист по истории древнерусской, славянской и византийской литературы Роман Якобсон (Гарвардский университет).

Делегацию Бельгии возглавлял старейший византист, редактор журнала «Byzantion» Аври Греггар.

Наиболее реакционную позицию на конгрессе занимала делегация Западной Германии, возглавляемая крупным византистом Францем Дэльгером (Мюнхен); в ее состав входило много представителей католического духовенства. Среди ученых Италии также было немало представителей конфессионально-католического направления (А. Пертузи, А. Амман, Р. Губер, П. Лешкович, П. Стефану и др.). Более прогрессивные научные силы Италии представляли Б. Лаваннини и другие ученые. К сожалению, на конгресс не приехал видный итальянский ученый прогрессивного лагеря Роберто Чесси.

Немногочисленными были делегации Турции (А. М. Мансель, Т. Инальчик и др.), Испании (С. Сирак-Эстопанан), примыкавшие к правому крылу ученых. Среди историков-византистов. Австрии явно намечалось два направления: реакционное, под-

держивающее западногерманских ученых (Г. Ф. Шмидт), и либеральное (Г. Герстингер и др.).

Делегации прислали также Бразилия, Дания, ОАР, Ирландия, Канада, Кипр, Ливан, Нидерланды, Швейцария, Швеция, Япония.

Страны социалистического лагеря на XII Международном конгрессе византистов были представлены значительно шире, чем на всех предшествующих конгрессах.

Делегация Болгарии состояла из 20 человек; в ее состав входили крупные специалисты — византиноведы и слависты: профессора Д. Ангелов, А. Бурмов, К. Миятев, И. Снегаров и др. Чехословакию на конгрессе представляли известный славист академик Б. Гавранек, профессор А. Достал и Б. Застерова. Из Польши приехали Г. Эверт-Капцесова и О. Юревич. Большая делегация прибыла в Охрид из Германской Демократической Республики (И. Ирмшер, Л. Штерн и др.). От Румынии выступали академик Э. Кондураки и С. Стефанеску. К сожалению, по болезни не приехал на конгресс известный венгерский византист академик Дьюла Моравчик.

Естественно, что самой многочисленной была делегация организаторов конгресса — ученых Югославии (академик Г. Острогорский, профессор Джурдже Бошковиц, В. Мошин, С. Радойич, Ф. Барипич, Я. Ферлуга, Б. Радойич, И. Николаевич-Стойкович, Д. Коцо, М. Петрушевский и многие другие). В Охрид прибыли ученые из Белграда, Дубровника, Любляны, Скопье, Нового Сада, Сараево, Сплита, Загреба, Задара и других городов Югославии.

Рабочими языками конгресса являлись: немецкий, английский, французский, греческий, итальянский и русский.

Работа конгресса состояла из докладов на пленарных заседаниях, по которым проводилась широкая дискуссия, и многочисленных докладов на заседаниях шести секций: 1) истории, 2) искусства и археологии, 3) филологии и истории литературы, 4) истории церкви и теологии, 5) права и вспомогательных дисциплин, 6) истории византийской музыки.

I. ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ КОНГРЕССА

В отличие от предшествующих конгрессов, в Охриде советской делегации была предоставлена возможность выступить с большим коллективным докладом: «Город и деревня в Византии в IV—XII вв. (авторы доклада — член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, доктора исторических наук Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов, А. П. Каждан; редактор — доктор исторических наук З. В. Удальцова). Доклад был заранее опубликован в Югославии и разослан всем участникам конгресса. Он был прочитан утром 11 сентября. Председательствовал на этом заседании глава делегации ученых ФРГ профессор Ф. Дэльгер.

Во вступительном слове к докладу З. В. Удальцова изложила основные выводы советских ученых, особо подчеркнув значение постановки проблемы взаимоотношений города и деревни в Византии. Научные исследования как в области точных, так и гуманитарных наук всегда предусматривают сочетание частных разысканий с синтезом и широкой постановкой общих проблем, причем, естественно, первое предшествует второму. Подобно тому, как биолог сперва изучает под микроскопом отдельные клетки для познания различных процессов, происходящих в организме, так и историк первоначально рассматривает частные проблемы. Но наступает период, когда все сильнее и сильнее начинает ощущаться необходимость в рассмотрении всех процессов в их взаимной связи и опосредствовании.

Длительное время аграрная история Византии и история византийских городов рассматривались параллельно — конечно, не вполне изолированно, но без достаточно тесной связи. На определенном этапе развития науки это было неизбежно. Однако значительный прогресс, достигнутый в исследованиях последних лет не только в области аграрной истории Византии, обогащенной трудами и западных историков (Г. Острогорский, Ф. Дэльгер, П. Лемерль, П. Харанис), и историков-марксистов (Д. Ангелов, М. В. Левченко, М. Я. Сюзюмов, Н. В. Пигулевская, Е. Э. Липшиц, А. П. Каждан, З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин, К. А. Осипова и др.), но и в сфере изучения истории города (труды Г. Острогорского, Э. Кирстена, Р. С. Лопеса, историков-марксистов А. М. Дьяконова, М. Я. Сюзюмова, Е. Э. Липшиц, А. П. Каждана, А. Я. Якобсона, Г. Л. Курбатова, Р. А. Наследовой и др.), дает возможность сейчас перейти к новой стадии византиноведческих штудий — к синтезу истории города и деревни в Византии. Ныне история деревни и города может рассматриваться в качестве звеньев единого процесса развития феодального общества в Византии. Тем самым история византийских городов становится важнейшим компонентом всего социально-экономического развития феодальной Византии. В этом прежде всего состоит новизна постановки проблемы в докладе советских ученых, определяющая и ее научное значение. Естественно, однако, что рождение

нового аспекта проблемы города и деревни в Византии связано с большими трудностями, многое еще требует дальнейшей углубленной разработки.

Отличительной чертой доклада явилось также то, что история города и деревни, история их связей и взаимных влияний на протяжении IV—XII вв. исследуется советскими учеными в постоянном развитии, в динамике. Само собой разумеется, такое изучение проблемы потребовало от исследователей разрешения вопросов периодизации истории города и деревни, рассматриваемых как единый социально-экономический комплекс. В этом причина того, что вопросы периодизации занимают в докладе значительное место.

Наряду с раскрытием социально-экономического аспекта взаимоотношений города и деревни особое внимание советских ученых привлекает также социальная борьба народных масс, многочисленные восстания трудового населения во всей их конкретности и многообразии. Признавая несомненную важность изучения идеологической борьбы и взаимоотношения базисных и надстроечных явлений, но стремясь избежать в данном докладе чрезмерного расширения темы, советские ученые сознательно элиминировали вопросы истории культуры.

С содокладами к коллективному докладу советской делегации выступили П. Лемерль (Франция), П. Харанис (США) и Д. Ангелов (Болгария).

Доклад советских византистов вызвал широкую научную дискуссию, во время которой развернулась острая борьба мнений. Дискуссия началась на пленарном заседании и затем была продолжена в тот же вечер в более узком кругу специалистов по социально-экономической истории Византии. В югославской прессе эта вечерняя дискуссия была названа «дискуссией за круглым столом». В ходе ее выявились различия взглядов по важнейшим из обсуждавшихся здесь вопросам социально-экономической истории Византии: о существовании феодализма в Византийской империи, о переходе от рабовладения к феодализму, о славянской колонизации и сельской общине, о роли городов в исторических судьбах Византии, а также об «этатизме» и характере византийского государства.

1. Проблема феодализма

Проблема феодализма в Византии, порождавшая длительное время горячие споры в византиноведческой науке и разделившая ученых на «феодалистов» и «антифеодалистов», на XII конгрессе вновь оказалась в центре внимания. Основная полемика по этому вопросу, как, впрочем, и по всем остальным спорным проблемам, развернулась между советскими учеными и П. Лемерлем. В своем содокладе и в выступлении во время «дискуссии за круглым столом» профессор Лемерль отрицал наличие феодальных отношений в Византии. Основа расхождений советских ученых с П. Лемерлем состояла в том, что спорящие стороны подходили с различными критериями к оценке сущности феодализма: если для П. Лемерля понятие «феодализм» равнозначно лишь рассеянию государственного суверенитета, децентрализации и распаду государства на отдельные феодальные вотчины, то для историков-марксистов феодализм — это особый способ производства, закономерная стадия развития человеческого общества. По классическому определению В. И. Ленина, феодализм, как известно, характеризуется господством натурального хозяйства, наделением непосредственного производителя средствами производства, в частности земель, и прикреплением его к земле, наличием личной зависимости крестьян от феодала и существованием «внеэкономического принуждения», наконец, рутинным состоянием техники.

Исходя из ошибочного понимания феодализма как раздробления государственного суверенитета между частными лицами, П. Лемерль резко противопоставляет социально-экономическое развитие Запада и Востока. На Западе, полагает ученый, после германского завоевания наступил период упадка и даже исчезновения государственной власти — период феодализма, тогда как на арабском Востоке и в Византии всегда сохранялась прочная централизация и сильная государственная власть. Вторым аргументом, выдвигаемым П. Лемерлем против представления о существовании феодализма в Византии, является тезис об отсутствии здесь форм условного землевладения типа феода или лена. В связи с этим П. Лемерль настойчиво отрицает наличие в Византии феодального землевладения. Он не видит его зарождения и роста в IV—VII вв., полемизируя по этому вопросу с Н. В. Пигулевской; коренным образом расходится он и с М. Я. Сюзюмовым, утверждая, что в X в. нельзя говорить о феодализации Византии; в частности, П. Лемерль полагает, что византийские династы не были крупными землевладельцами, а являлись представителями чиновной (светской и духовной) знати, которая была сильна в социальном, но не в экономическом отношении. Между тем в разделе доклада советских ученых, написанном М. Я. Сюзюмовым, убедительно показано, что основой как политического, так и экономического влияния династов X в. была их феодальная земельная собственность. Мнение П. Лемерля по вопросу о феодализме в Византии поддержали Ф. Дэльгер,

также отрицавший наличие в Византии феодального условного землевладения, и Н. Зворонос, утверждавший, что хотя крупное землевладение всегда существовало в империи, но оно не являлось феодальным и что византийскую пронию отнюдь нельзя отождествлять с западноевропейским феодалом. По мнению Звороноса, феодалы появляются в Византии лишь после крестовых походов, что засвидетельствовано Морейской хроникой.

В защиту концепции советских ученых о византийском феодализме выступили Д. Ангелов, Г. Острогорский и Э. Кондураки.

В своем содокладе Д. Ангелов всецело поддержал общую концепцию советских историков о развитии в Византии IV—XII вв. феодальных отношений. При этом он подчеркнул огромное значение комплексного изучения формирования феодализма в деревне и городе. Вместе с тем содокладчик сделал некоторые замечания относительно этапов развития феодализма в Византии. В частности, по его мнению, элементы феодализма в Восточной Римской империи были уже достаточно зрелыми в IV—VI вв.; они достигли тогда большего уровня развития, чем это было показано в докладе советских ученых. Кроме того, Д. Ангелов предлагал сильнее подчеркнуть во втором разделе доклада, написанном Е. Э. Липшиц, наличие в Византии в VIII—IX вв. наряду со свободной сельской общиной и крупной феодализующейся земельной собственностью. Значительную часть своего содоклада Д. Ангелов посвятил освещению социально-экономического развития Византии в XIII—XIV вв., дополнив тем самым доклад советских византистов. Он показал рост феодального, главным образом монастырского, землевладения, проанализировал различные формы феодальной ренты и подробно остановился на положении отдельных категорий феодально-зависимых крестьян в поздней Византии.

В чрезвычайно интересном и содержательном выступлении Г. А. Острогорский признал наличие феодальных отношений в Византии. При этом он подчеркнул, что не является сторонником теории раннего развития феодализма в Византийской империи, считая возможным датировать утверждение феодального строя в Византии лишь XI веком. Признавая важность таких характерных особенностей феодального строя, как децентрализация и упадок государственной власти (о чем говорил П. Лемерль), Г. Острогорский дал значительно более широкое толкование понятия «феодализм», указав на необходимость включения в него таких важнейших компонентов, как феодальная собственность и существование класса феодалов-архонтов, наличие зависимого крестьянства и др. Г. Острогорский особо остановился на вопросе о характере и специфике византийской пронии и византийской эксуссии. В ходе обсуждения проблемы феодализма в Византии между Г. Острогорским, с одной стороны, П. Лемерлем и Н. Звороносом, с другой, развернулась очень интересная полемика относительно оценки такого важного памятника, как недавно изданный Н. Звороносом «Фиванский кадастр». Если П. Лемерль и Н. Зворонос, признавая прямую преемственность «Лодатного устава» и «Фиванского кадастра», указывали, что оба документа свидетельствуют о сохранении полной собственности крестьян на землю и крестьянской общины как в X, так и в XI вв., что, по их мнению, было результатом государственных мероприятий, продиктованных интересами фиска — то Г. Острогорский, наоборот, отметил не только сходство, но и различия между общественными отношениями, нашедшими свое отражение в обоих памятниках. В частности, в XI в. наряду с общиной прослеживается и крупное землевладение феодального типа, а деревня все более становится феодальной.

З. В. Удальцова подчеркнула, что упрек П. Лемерля советским исследователям, якобы недооценивающим значения Фиванского кадастра, основан на недоразумении, ибо советские византисты А. П. Каждан и К. А. Осипова уделяют особое внимание анализу этого документа, причем их выводы изложены в работах, представленных конгрессу.

Э. Кондураки, посвятивший свое выступление развитию городов и денежному обращению в ранней Византии (о чем будет сказано ниже), в целом также поддерживал концепцию советских историков о наличии феодализма в Византии. Он, в частности, указал, что в VII в. основу могущества аристократии в Балканских владениях Византии составляли земельные владения; в это время происходил упадок денежного обращения, связанный с общим ростом натурализации хозяйства.

2. Проблема перехода от рабовладения к феодализму и историческое место событий IV—VII вв.

в развитии Византии

В оценке причин, характера и сущности социально-экономических сдвигов, происходивших в Византийской империи в IV—VII вв., во время дискуссии также намечались две основные точки зрения. Признавая, что на Западе античный мир был отделен от средневекового германским завоеванием, в результате которого здесь на-

чалось рождение феодализма, П. Лемерль вместе с тем отрицал какой-либо «перерыв» в плавном, эволюционном развитии Византии в раннее средневековье. Отказавшись от гиббоновского представления о застойном характере Византии, П. Лемерль, однако, полагает, что, хотя в Византийской империи не было застоя, она не знала и внутренних потрясений, всяческих «революций», будучи по своей природе «антиреволюционной». Истории Византии на всем ее протяжении, по мнению П. Лемерля, была свойственна медленная эволюция, лишь иногда спорадически ускоримая внешними толчками. По утверждению французского ученого, Византия в IV—VI вв. эволюционировала к этатизму, к усилению государственной власти, к централизации, а отнюдь не к феодализму (конечно, в его собственном понимании этого термина, о чем говорилось выше). Все социально-экономические перемены, происшедшие в Византии в IV—VI вв., были обусловлены с точки зрения П. Лемерля, двумя факторами: потребностями фиска и изменением численности населения; иными словами, в оценке ранневизантийского периода П. Лемерль всецело исходит из фискальной и демографической теорий. Прикрепляя колоннов к тяглу и к земле, подчиняя свободных крестьян в митрокомиях системе эпиле, византийское государство, по Лемерлю, преследовало исключительно фискальные цели, отнюдь не заботясь об интересах крупных землевладельцев. Колонат, в глазах этого исследователя, — явление второстепенное, подчиненное, порожденное нехваткой рабочих рук, которая, в свою очередь, была вызвана обстоятельствами демографического порядка. Патронат, согласно теории П. Лемерля, также является лишь следствием фискальных злоупотреблений и борьбы латифундистов с государством. Таким образом, глубочайшие социально-экономические изменения в империи IV—VI вв., связанные с разложением рабовладения и зарождением новых форм производственных отношений, сводятся П. Лемерлем к деятельности государства и изменениям численности населения; причины подменяются в этой концепции следствиями, ибо ведь сами реформы в области налогового обложения и новые требования фиска обуславливались глубокими социально-экономическими сдвигами, так же как и нехватка рабочих рук, загустение земель; да и демографические изменения были порождены в конечном счете кризисом рабовладельческого способа производства. То же можно сказать и о причинах упадка курий и разложения муниципального строя. По мнению П. Лемерля, и эти важнейшие явления были порождены лишь новыми потребностями государства и фиска; между тем, с точки зрения советских ученых, они явились результатом разложения рабовладельческого полиса и упадка рабовладельческой городской собственности.

Концепцию перехода от рабовладения к феодализму, выдвинутую советскими учеными, поддержал Д. Ангелов, высказавший ряд соображений о природе и происхождении колоната как особой формы производственных отношений, свойственной переходному периоду.

Дискуссию вызвала также оценка, данная П. Лемерлем народным движениям в ранней Византии. Плодом недоразумения является тезис П. Лемерля, будто народные движения в Византии IV—VI вв. происходили исключительно в городах. Подобное утверждение потребовалось П. Лемерлю для того, чтобы опровергнуть выводы советских ученых об обострении классовой борьбы в ранней Византии. Между тем источники IV—VI вв. дают многочисленные примеры участия в народных восстаниях сельских рабов, колоннов, бедноты (восстание Прокопия 365—366 гг., движение вестготов на Дунае, восстание Трибигильда, движение *latrones*, скамаров, восстания в Египте на рубеже VI—VII вв., а также восстания Стотзы в Северной Африке, народные движения в Италии при Тотиле и др.).

Д. Ангелов, подчеркнув правильность постановки вопроса о классовой борьбе в докладе советских ученых, вместе с тем отметил необходимость углубленного изучения еретических движений как в ранней Византии, так, особенно, в последующий период.

Предметом особого обсуждения на конгрессе был кризис VII в., которому посвятил доклад П. Харанис (США). Подчеркнув сложность и малоизученность вопроса, П. Харанис остановился на природе важных сдвигов, которые произошли в социальных и политических институтах и социальной структуре византийского общества в VII—VIII вв. Исходя опять-таки из демографической теории, П. Харанис считает решающим фактором, породившим эти сдвиги, изменения численности населения в империи. По мнению П. Хараниса, историю Византии в VII—VIII вв. характеризуют два основных явления, определивших и дальнейшее историческое развитие империи. Это изменения в численности населения — сокращение его в IV—VI вв., в первую очередь в связи с нашествием варваров, затем новое возрастание в VII—VIII вв., связанное с внутренней колонизацией (переселением внутри империи армян, сирийцев, славян, греков и других народов), и, во-вторых, этнические перемены, коснувшиеся также и армии: в VI в., по мнению П. Хараниса, происходила ее варваризация, а в VII—VIII — ориентализация, иными словами, армия пополнялась за счет кавказских и других восточных народов. Возрастание населения в VII—VIII вв. и этнические перемены в империи, по утверждению П. Хараниса, и привели к появ-

лению в Византии свободных крестьянских общин, засвидетельствованных «Земледельческим законом». В этом отношении П. Харанис солидаризуется с П. Лемерлем, который тоже полагает, что увеличение населения в VII в. привело к усилению свободных общин, а уменьшение его численности в X в., в связи с войнами и стихийными бедствиями, — к наступлению динатов на общину и закреплению париков. Следует отметить, что П. Харанис в известной степени признает связь издания «Земледельческого закона» со славянской колонизацией; в частности, он объясняет позднее (начало VIII в.) появление этого закона тем, что до этого времени славяне не были подчинены юрисдикции империи. Вместе с тем П. Харанис, на наш взгляд, неправильно сводит причины распространения в Византии VIII—IX вв. общинной собственности лишь к демографическим и этническим факторам, оставляя в стороне глубокие социально-экономические сдвиги, которые происходили в VII в. в империи. Неизбежно возникает вопрос о причинах самих этих демографических и этнических изменений, который невозможно разрешить без изучения коренных изменений условий жизни варварских племен, вызвавших их массовые передвижения.

3. Славянская колонизация и свободная сельская община в Византии VIII—IX вв.

Особенно оживленную и острую полемику вызвал на конгрессе старый, но вновь и вновь разгорающийся спор о роли славян и славянской общины в истории Византии.

В своем содокладе П. Лемерль говорил о некоторой эволюции взглядов известной советской исследовательницы Е. Э. Липшиц на славянскую колонизацию, подчеркивая, что в последнее время ее суждения стали более осторожными; вместе с тем он сожалел о том, что Е. Э. Липшиц не отказалась от своего основного тезиса о том, что возрождение свободных общин в Византии в VIII—IX вв. было связано с поселением славян на территории империи. Действительно, Е. Э. Липшиц в своем докладе учла исследования, появившиеся после ее предшествующих работ о славянской колонизации Византии, в частности труды М. В. Левченко и Р. Таубеншлага, показывающие развитие местных сельских общин в Византии в V—VI вв., а также дополненные сведения о переселениях армян, сирийцев и других народов во Фракию. Однако эти новые данные науки отнюдь не подрывают, а дополняют ее основной вывод, который состоит в следующем: сельские территориальные общины, зафиксированные «Земледельческим законом», VIII—IX вв., стали основной формой жизни как пришлого и переселенного, так и местного населения Византии. Вместе с тем Е. Э. Липшиц очень ясно показала прогрессивную роль славянской колонизации Византии, которая состоит в том, что освоение славянами заброшенных и новых земель привело к поднятию агрикультуры, а распространение свободной общины дало крестьянам прочную организацию в борьбе против натиска динатов.

Одновременно важно указать на то, что новые работы советских ученых и дискуссия, проведенная в 1960—1961 гг. в журнале «Вопросы истории», выявили еще один важный аспект этой старой проблемы: была установлена коренная эволюция общины за период с IV по IX в. Никким образом нельзя ставить знак равенства между византийской общиной IV—VI вв., восходящей еще к эллинистическим порядкам, и общиной VIII—IX вв. Община «Земледельческого закона» — это уже развитая территориальная община, с ярко выраженным дуализмом частной и общинной собственности, со своими специфическими чертами (в частности с существованием права предпочтения — протимисис). Эта община в дальнейшем делается исходным пунктом феодального развития Византии. В указанном изменении характера и внутренней структуры византийской общины немалую роль сыграло воздействие общинных институтов славян.

Основные расхождения советских ученых с П. Лемерлем наметились в оценке причин, характера и сущности социальных сдвигов VIII—IX вв.

П. Лемерль полагает, что укрепление общинной собственности в Византии, засвидетельствованное «Земледельческим законом», явилось результатом опять-таки демографических изменений: рост населения в VII—VIII вв. (в связи с поселением новых племен на территории Византии и внутренней колонизацией) ликвидировал нехватку рабочих рук, тем самым для государства отпала необходимость прикрепления крестьян к земле; отсюда — покровительственная политика в отношении сельских свободных общин, связанная также и с потребностями фиска. Таким образом, глубокие процессы социально-экономического развития подменяются у П. Лемерля демографическими изменениями и развитием потребностей государства, в частности фиска.

4. Проблема византийского города

Значительный интерес участников дискуссии и всех ученых вызвало обсуждение сложной проблемы роли городов в истории Византии. Этот спорный и еще недостаточно изученный вопрос рассматривался главным образом в двух аспектах:

1) существовала ли прямая преемственность, между городами античного времени и Византии;

2) в каких масштабах сохранялось в Византийской империи денежное обращение и каково было соотношение денежного и натурального хозяйства в различные периоды истории Византии.

П. Лемерль, ссылаясь главным образом на труды Р. С. Лопеса, решительно выступил в защиту представления о непрекращавшемся существовании городов в Византии; он выдвинул тезис об отсутствии в империи натурального хозяйства и постоянном господстве денежных отношений. В связи с этим П. Лемерль утверждал, что нельзя говорить об упадке византийских городов в VII—IX вв.; если в отдельных внутренних городах империи в этот период наблюдается некоторый спад экономической жизни, то приморские города продолжали развиваться, а «освобождение» коснулось как сельского населения (замена колоната свободной общиной), так и городского, освобожденного в этот период от прикрепления к торгово-ремесленным коллегиям.

Отрицание натурализации хозяйства в Византии и явное преувеличение масштабов развития денежного обращения в конечном счете послужили для П. Лемерля еще одним важным аргументом против теории, признающей существование феодальных отношений в империи. Некоторые советские ученые (например, А. П. Каздан) показали в своих работах, что упадок и аграризация византийских городов в VII — пол. IX в., связанные с крушением рабовладельческого полиса и рождением нового, феодального города, являются прямым следствием общей натурализации хозяйства и развития феодального строя. Конечно, это был сложный процесс, когда одни города продолжали сохраняться, другие исчезли, а третьи создавались заново, но основным, ведущим среди этих явлений было рождение новых производственных отношений как в деревне, так и в городе, где на смену рабским эргастериям и коллегиям закрепощенных ремесленников римско-эллинистических времен пришли средневековые мастерские свободных ремесленников. Вместе с тем, конечно, Византия всегда отличалась своеобразием развития (сохранение рабства в ремесле, применение наемного труда мистиев и другие явления, хорошо показанные в трудах советских ученых, в частности М. Я. Сюзюмова).

Во время дискуссии весьма интересные суждения о роли городов и денежного обращения в истории Византии были высказаны академиками Г. Острогорским и Э. Кондураки.

Г. Острогорский, указав на крайнюю скудность источников по истории византийского города, затрудняющую изучение проблемы в целом, подчеркнул вместе с тем различие развития Запада и Востока в раннее средневековье, которое, по его мнению, состоит прежде всего в большем континуитете и стабильности городов на Востоке по сравнению с Западом. Не отрицая известного упадка городов в Византии в VII — пол. IX в., Г. Острогорский, однако полагает, что степень этого упадка была преувеличена в интересных работах А. П. Каздана. Одновременно, не соглашаясь с П. Лемерлем, целиком отрицавшим натурализацию хозяйства в Византии, Г. Острогорский все же считает, что и в VII — пол. IX в. денежное обращение оставалось в Византии если не господствующим, то весьма значительным.

Э. Кондураки, видный румынский археолог и историк, остановился в своем выступлении на судьбах балканских городов в раннее средневековье. Он доложил присутствовавшим об итогах своих многолетних исследований города Истрии, на основании которых пришел к выводу, что город этот продолжает существовать и развиваться и в VII в. Топонимический и археологический материал свидетельствует, что Истрия оставалась в это время крупным центром и ее развитие было связано с проникновением сюда славянского населения.

В связи с рассмотрением проблемы византийских городов во время дискуссии поднимались и некоторые другие вопросы, в частности о соотношении развития столицы империи и провинциальных городов. Критикуя общую постановку проблемы города и деревни в докладе советских ученых, П. Лемерль высказал мнение, что указанную проблему следует рассматривать не в двух, а в трех аспектах, говоря не о «городе и деревне в Византии», а о столице империи — Константинополе, провинциальных городах и деревне в Византии. Свое предложение П. Лемерль аргументировал указанием на специфику развития Константинополя и его особое положение в империи. Конечно, советские ученые в полной мере учитывают эту специфику, что нашло особенно яркое отражение в разделах доклада, написанных М. Я. Сюзюмовым и А. П. Казданом, однако в целом вряд ли можно согласиться с предложением П. Лемерля; с точки зрения понимания города как особой социально-экономической

категории, как центра ремесла и торговли, Константинополь при всем его своеобразии не представляет чего-либо совершенно отличного от других городов империи и его историю нельзя отрывать от общего процесса развития товарного производства в Византии. При рассмотрении этого вопроса обнаружились расхождения между П. Лемерлем и М. Я. Сюзюмовым в понимании и оценке развития Константинополя: для П. Лемерля Константинополь — преимущественно и почти исключительно центр развития торговли, для М. Я. Сюзюмова — не только торговли, но и ремесла. Отсюда и различная оценка этими исследователями такого памятника, как «Книга эпарха». В трактовке советского ученого, «Книга эпарха» совершенно отчетливо предстает как важнейший источник для изучения внутренней структуры константинопольского ремесленного производства в X в., видов ремесел, социального состава цехов и т. п. Для П. Лемерля же «Книга эпарха» — документ административного характера, и только.

Некоторые возражения П. Лемерля вызвала трактовка вопроса о развитии провинциальных городов и упадке Константинополя в XI—XII вв., данная в разделе доклада, написанном А. П. Кажданом.

П. Лемерль упрекал его в том, что он якобы стирает различия в развитии городов Запада и Востока. Между тем советские ученые отнюдь не отождествляют развитие городов в XI—XII вв. на Западе и в Византии, а изучают специфику этого процесса в различных странах. В докладе советской делегации А. П. Каждан показал, что новый этап в развитии византийских городов в XI—XII вв., обусловленный подъемом провинциальных городов и упадком Константинополя, был связан прежде всего с ростом феодальной раздробленности в Византии, представлявшей собой прогрессивный этап развития феодального общества; этот тезис подтверждается фактическим материалом, приведенным в докладе.

5. Вопрос о роли государства в истории Византии

Среди других дискуссионных сюжетов на конгрессе оживленно дебатировался и вопрос о роли государства в истории Византии.

В содокладе П. Лемерля красной нитью проходила идея противопоставления «этистической» и централизованной Византии феодальному Западу. Одной из основных специфических особенностей исторического развития Византии, с точки зрения французского ученого, являлось господство централизации и сохранение сильного византийского государства почти на всем протяжении существования империи. Это главным образом и обусловило, по П. Лемерлю, отсутствие в Византии феодальных отношений: этизм для него является антиподом феодализма. При этом само государство у П. Лемерля всегда выступает как отвлеченная, надклассовая сила, независимая от каких-либо классов и социальных группировок. Особенно ярко сказались эти взгляды П. Лемерля в его полемике с М. Я. Сюзюмовым в связи с оценкой деятельности императоров Македонской династии. В то время как в докладе М. Я. Сюзюмова вполне ясно показано, что Македонская династия выражала интересы определенных социальных групп византийского общества (торгово-ремесленных кругов и чиновной знати) и проводила политику ограничения династов в интересах этих группировок, а не в защиту крестьянства, в глазах П. Лемерля, императоры этой династии, стоящие якобы над всеми классами византийского общества, выступают носителями идеи централизации вообще, борцами против династов, защитниками общины и «убогих».

Вопроса о роли византийского государства попутно коснулся в своем выступлении и Г. Острогорский, указавший, что хотя этизм и характерен для Византии, особенно в ранний период ее истории, но он ослабевает по мере феодализации империи.

В заключение следует сказать, что благодаря остроте споров, развернувшихся по основным вопросам, связанным с докладом советской делегации, эта дискуссия была исключительно плодотворной, и, надо надеяться, она поможет выяснению некоторых важных и спорных проблем социально-экономической истории Византии.

* * *

На пленарном заседании конгресса 11 сентября, кроме обсуждения доклада советской делегации, состоялся доклад профессора Д. Оболенского (Оксфорд) «Принципы и методы византийской дипломатии». Докладчик отметил, что дипломатия Византийской империи все еще ждет своего историка. До сих пор были сделаны лишь попытки дать краткий и суммарный очерк византийской дипломатии. Для создания фундаментального труда в этой области требуется еще большая подготовительная работа; необходимы исследования, посвященные внешней политике империи в отдельных районах. В своем докладе Д. Оболенский поставил перед собой задачу исследовать принципы и методы византийской дипломатии на материалах лишь одного

из таких ограниченных районов, а именно — на северных рубежах империи (от Карпат до Кавказа).

Подчеркивая важность для Византии стран и народов, живших к северу от ее границ, и сложность отношений между империей и ее северными соседями (гуннами, болгарами, аvarами, славянами, русскими, печенегами), докладчик указывает, что в науке общепризнана большая роль Византии, более тысячи лет являвшейся стражем восточных границ Европы, однако не всегда должным образом оценена заслуга византийской дипломатии в деле сохранения цивилизации Восточной Европы.

В своих отношениях с варварами Византия предпочитала дипломатию войне. Это понятно: сражаясь всегда на два фронта (на востоке — против персов, арабов и турок, на севере — против кочевников и балканских славян), византийцы из личного опыта знали, каких огромных расходов в деньгах и людской силе требовала война.

Д. Оболенский приходит к выводу, что главными целями византийской дипломатии (как во времена Юстиниана, так и Константина Багрянородного) были: постоянная защита границ империи путем подавления в зародыше нападений кочевников; расширение, насколько возможно, сферы политической и культурной гегемонии империи путем создания у ее границ цепи зависимых государств, лояльность которых по отношению к империи укреплялась благодаря принятию православия и признанию верховенства византийского императора.

Византийская империя, по мнению докладчика, в своих основных чертах являлась синтезом трех традиций: римской, эллинистической и христианской. Римская концепция права и государства, греческий язык, литература и философия, христианская вера с ее иудейской основой — таковы основные составные части византийской цивилизации. Эти три традиции, полагает Д. Оболенский, легли в основу принципов византийской внешней политики. От римлян византийцы восприняли идею всеобщей (универсальной) империи; они верили, что их империя в принципе совпадала с цивилизованным миром, с Ойкуменой, единственным законным повелителем которой был их император. В состав Ойкумены они включали все страны, население которых исповедовало православную религию и признавало византийского императора верховным главой христианского мира и представителем бога на земле (в том числе Сербию, Болгарию и Русь).

Всеобщность империи в действительности была весьма относительной, так как вне ее пределов, вне Ойкумены жили народы-язычники, которых византийцы называли «варварами». Заимствовав это понятие у древних греков, византийцы, однако, считали римлянами всех православных и признающих власть императора, а «варварами» — не греков (по этническому признаку), а всех, не принадлежавших к православной церкви.

Таким образом, римской идее единой, универсальной империи и эллинистическому понятию «варвары» византийцы дали метафизическое толкование, заимствованное из традиции иудаизма и христианства. Pax Romana приравнивался к Pax Christiana, и интересы империи совпадали с успехами христианской веры.

Д. Оболенский приходит к выводу, что основными принципами, определявшими внешнюю политику Византии, были: универсальность, заимствованная из древнего Рима; разграничение ромеев и «варваров»; иудейско-христианская концепция избранного народа, предназначенного нести истинную веру во все уголки земли.

Эти принципы, особенно первый, часто противоречили объективной действительности, так как «варвары» находились за пределами Ойкумены. Поэтому задачей византийских дипломатов было ввести их в Ойкумену. Для этого они использовали различные методы — в зависимости об обстоятельствах: деньги (в том числе дань, выплачиваемую Византией), пожалование правителям варваров византийских титулов, знаков достоинства (в том числе корон), заключение браков со знатными византийскими девушками. Но главным оружием византийского универсализма, по утверждению Д. Оболенского, была православная вера, с принятием которой варвары становились в зависимость от империи.

Деятельность византийской дипломатии за пределами империи поддерживалась деятельностью дипломатов внутри страны. Они не жалели трудов, чтобы внушить иностранным правителям или их послам, прибывавшим в Константинополь, представление о мощи и могуществе империи (показ войск, укреплений, роскошных зданий, храмов, торжественные приемы и т. д.).

В последней части доклада Д. Оболенский совершенно справедливо предостерегает исследователей от идеализации византийской дипломатии. Он подчеркивает, что далеко не все северные варвары признавали притязания византийского императора на власть над миром (пример — аварский хан). Искусство натравливать один варварский народ на другой и вероломство византийцев, предававших своих союзников, не всегда содействовали укреплению их престижа у жертв этой дипломатической игры. Иногда традиционализм византийской внешней политики превращался в архаический романтизм. По мнению докладчика, методам византийской дипломатии был присущ любопытный дуализм: «смесь консерватизма и гибкости, властной гордости и крайней сердечности, агрессивного империализма и политического великодушия».

Однако, по нашему мнению, сам докладчик не избежал некоторой идеализации одной специфической сферы византийской дипломатии — дипломатии церковной. Он не только подчеркивает большое значение церковной дипломатии Византии для судеб Восточной Европы (против чего вряд ли можно спорить), но всячески восхваляет гибкость дипломатии православной церкви, которая, по его утверждению, умела сочетать политику последовательной борьбы за гегемонию империи с уступками национальным чувствам византийских «сателлитов» (1) (этот термин странным образом применен к таким могущественным государствам, как Болгария, Сербия и Русь). По мнению Д. Оболенского, распространение византийской культуры на север благодаря миссионерам привело в начале XI в. к созданию целого содружества европейских наций (Моравии, Болгарии, Руси) с возникающей христианской культурой, верностью церкви и императору Восточного Рима. Ведущую роль в этом мирном завоевании сыграли византийские миссионеры.

Не отрицая известной гибкости византийской церковной дипломатии, особенно в отличие от дипломатии папского престола, мы хотели бы только заметить, что эта внешняя мягкость и гибкость византийской церковной дипломатии зачастую являлась лишь прикрытием ее истинных стремлений к подчинению соседних стран и народов и к распространению не только церковного, но и политического влияния Византии. Недаром эта политика встречала сопротивление и нередко терпела поражение. Стоит вспомнить хотя бы борьбу Руси за создание своей независимой церкви, окончившуюся ее полной победой.

В заключение Д. Оболенский остановился на значении византийской дипломатии в судьбах Европы. По его мнению, в целом византийская дипломатия действовала весьма успешно. Много раз спасая империю от вторжения и разрушения, втягивая многочисленные языческие народы в орбиту греко-римской цивилизации, приобретая для христианства и Европы соль много стран на Балканах и к северу от Черного моря, эта дипломатия являлась фактором огромного значения в истории Европы. Не следует, подчеркнул докладчик, пренебрегать и ее влиянием на культурное наследство: с точки зрения Д. Оболенского, народы Восточной Европы в своей внешней политике многому научились у византийцев, а некоторые традиции византийской дипломатии были заимствованы на Западе через посредство Венеции.

Содокладчиком по докладу Д. Оболенского на заседании выступил только Д. Закифинос (Афины), поскольку второй содокладчик, известный венгерский византист и крупный специалист по истории международных отношений Дьюла Моравчик в связи с болезнью не мог прибыть на конгресс. В содокладе Д. Закифинос, помимо некоторых дополнений, касающихся возможного расширения круга источников, использованных Д. Оболенским, сделал ряд замечаний принципиального характера. Прежде всего, он указал на недопустимость отделения дипломатии от внешней политики византийского государства. Затем он наметил некоторые, на его взгляд, наиболее важные отличительные черты византийской дипломатии. Таковыми являются ее оборонительный характер и приверженность традиции, консерватизм, который, однако, не мешал ей быть достаточно реалистичной. Содокладчик указал на необходимость выяснения путей формирования основных принципов и методов византийской дипломатии. Возможными компонентами, из которых она могла складываться, с точки зрения Д. Закифиноса, являются собственный опыт, греко-римская традиция и использование опыта дипломатии соседних народов (сасанидского Ирана, арабов и др.). По мнению Закифиноса, главное — это собственный опыт византийских дипломатов и использование греко-римской традиции. В этом отношении, нам думается, содокладчик несколько преуменьшил значение влияния на византийскую дипломатию дипломатии различных народов Востока и Запада, сталкиваясь с которыми, византийские дипломаты, несомненно, в той или иной степени усваивали и использовали методы и приемы их дипломатии. Вместе с тем, на наш взгляд, справедливым является замечание Д. Закифиноса о необходимости изучения влияния византийской дипломатии на соседние страны и народы — на империю Сасанидов и арабский халифат, папский престол и Венецию, на славянские государства и Османскую империю. Особое место и в содокладе Закифиноса занимала характеристика церковной дипломатии Византии. Признавая, что церковная дипломатия всемерно содействовала осуществлению государственной политики, содокладчик в то же время подчеркивает, что сама православная церковь проводила самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, действуя зачастую независимо от государства.

Учитывая важность для византийской дипломатии финансовых и экономических вопросов, Д. Закифинос указал на необходимость изучения взаимного влияния экономических и дипломатических связей Византии с различными народами. В заключение он призывал к изучению важных, хотя и чисто технических, вопросов организации византийской дипломатии (избрание и назначение дипломатов, техника дипломатических сношений, права и обязанности послов, заключение договоров и т. д.).

12 сентября на пленарном заседании обсуждался доклад западногерманского ученого Г. Бекка (Мюнхен) «Паламизм и гуманизм». Докладчик развивал весьма спорную теорию о превосходстве мистического религиозного учения византийского бого-

слова Григория Паламы над гуманистическими идеями калабрийского ученого Варлаама и его последователей. В начале своего доклада Г. Бекк справедливо отмечает, что борьбу паламитов и варламитов нельзя рассматривать лишь как чисто богословский спор: ее необходимо изучать в тесной связи со всей духовной жизнью Византийского общества XIV в. Г. Бекк указывает, что паламитский спор в широком смысле слова следует считать столкновением паламизма с гуманизмом. Однако вряд ли можно согласиться с его определением гуманизма. Признавая широту этого понятия, Г. Бекк понимает все же под гуманизмом в первую очередь теологическую, спекулятивную систему, зерно которой представляет учение об отношении «божественной сущности к действию божества». Этой системе в известной степени, по мнению Г. Бекка, присущи черты рационализма, и поэтому она была враждебна мистике. По утверждению Г. Бекка, неправы те ученые, которые рассматривают спор паламитов и варламитов исключительно как столкновение восточноцерковного и западного, схоластического образа мышления, как своего рода реакцию византийского богословия против рационалистического гуманизма Запада. По мнению Г. Бекка, против этой точки зрения говорит то, что противники Паламы — и Григорий Акидин, и Никифор Григора — не только не были связаны с западной схоластикой, но их учение целиком противостояло ей. Из противников Паламы лишь Прохор Кидон строил свою аргументацию, прибегая к схоластическим приемам, но его борьба против Паламы относится уже к периоду после победы паламизма. Сложнее обстоит дело с оценкой позиции основного противника Паламы — Варлаама Калабрийского. Г. Бекк отрицает значительность влияния западного богословия на Варлаама, но вместе с тем подчеркивает, что его происхождение (Южная Италия) и положение иностранца, всегда внушавшее недоверие византийским ортодоксам, сыграли роковую роль в его судьбе.

Наиболее настойчиво Г. Бекк возражает против концепции тех ученых, которые, на наш взгляд, вполне правомерно усматривали в паламитском споре столкновение не только богословских, но и социально-политических взглядов двух социальных группировок византийского общества, боровшихся между собой: на одной стороне выступали Кантакузин и его партия, связанные с феодалами и крупным землевладением, а на другой — Палеологи, «социальные революционеры» (зилоты) и антипаламиты. Нельзя отрицать связи Кантакузина с Паламой, ибо победа паламитов ничто так не способствовало, как религиозная политика этого императора. Вместе с тем сам Иоанн VI Кантакузин, видимо, понимал, какую услугу может оказать его правительству партия паламитов и учение исихастов, своей мистикой отвлекающее подданных империи от реального мира с его социальным неравенством и нищетой. Концепцию этих ученых Г. Бекк считает гипотезой, якобы не подтверждаемой источниками; основным аргументом против нее он выдвигает то обстоятельство, что состав борющихся партий постоянно менялся и был текучим, так же как не являлась стабильной и позиция наиболее выдающихся участников борьбы — Никифора Григоры, Дмитрия Кидона и деятелей «палеологовской» партии. Для Г. Бекка в паламитском споре в конечном счете значительно важнее его богословская сторона. По его мнению, превосходство учения Паламы и его историческое значение состоят в том, что оно явилось победоносной реакцией против гуманизма, стирающего грань между светским знанием и христианским богословием. Победа паламитов означала торжество учения о возможности мистически-богословского познания бога. Она остановила «опасное» развитие идеологии в Византии к язычеству и заставила представителей византийского гуманизма перенести свою деятельность в Италию.

С содокладом выступил И. Майендорф (Нью-Йорк), высказавший несогласие с некоторыми положениями Г. Бекка. Расхождения касались, в частности, понимания термина «гуманизм». По мнению И. Майендорфа, название «гуманизм» в Византии следует прилагать ко всем ученым (начиная с Фотия и кончая Плифоном), которые занимались изучением классической древности. Вряд ли, на наш взгляд, можно согласиться со столь односторонним определением гуманизма, игнорирующим тот решающий факт, что гуманизм был широким культурным движением, выражавшим идеологию нового, нарождающегося класса. Таким образом, как в основном докладе Г. Бекка, так и в содокладе И. Майендорфа, к сожалению, не было дано точного определения гуманизма вообще и византийского гуманизма в частности.

Интересным следует, на наш взгляд, признать замечание И. Майендорфа о том, что победа исихазма в Византии закрыла возможности для развития философии и светской культуры. И. Майендорф справедливо усматривает в этом отрицательные последствия торжества исихазма. Однако сам историк высказывает сомнения в существовании живых черт развития в византийском гуманизме, который, в противоположность западному, ограничивался лишь подражанием античной науке, оставаясь в рамках средневековой учености. В этом И. Майендорф усматривает слабость византийского гуманизма и причины поражения гуманистов в их борьбе с исихастами.

В тот же день, 12 сентября, на пленарном заседании выступил с докладом «Византийская и средневековая сербская государственная канцелярия» известный византист профессор Ф. Дэльгер. Он рассматривал особенности организации и дея-

тельности византийской императорской и отчасти средневековой сербской канцелярий, а также характеризовал дипломатические элементы различных видов документов, выходящих из этих канцелярий. В центре внимания Ф. Дэлгера, как он сам это отмечает, находилась «только формальная (техническая) сторона императорских документов». Однако иногда докладчик делал интересные замечания, выходящие за пределы характеристики формальных дипломатических особенностей и касающиеся реального содержания, а также значения некоторых формул императорских документов¹.

Формирование императорской канцелярии с ее системой 11 секретов Ф. Дэлгер относит ко времени между Константином Великим и Львом VI. Он подчеркивает, что было бы несправедливо рассматривать византийскую императорскую канцелярию как единый институт, способный осуществлять руководство всей гигантской системой управления из одного центра.

В докладе последовательно рассматривались функции отдельных чиновников императорской канцелярии. Отметив, что главенствующая роль при составлении документов принадлежала самому императору, Ф. Дэлгер переходит к классификации документов, разделяя их на два вида в соответствии с разным характером императорской подписи. К первому виду принадлежат документы, содержащие в качестве подписи имя императора, начертанное красными чернилами; ко второму — имеющие только минологиму, т. е. собственноручно обозначенные императором красными чернилами месяц и индикт издания документа. Ф. Дэлгер приводит многочисленные типы документов обоих видов, характеризуя также материал, послуживший для их написания, и скрепляющие их печати.

Ф. Дэлгер вновь возвращается к своей давнишней полемике с В. Мопиным относительно существования в Византии документов, составляемых заинтересованными частными лицами и только удостоверенными в императорской канцелярии императорской подписью. Ф. Дэлгер настаивает на своей прежней точке зрения, сводящейся к тому, что в Византии такой практики не существовало. В отношении же Сербии этот вопрос не представляется ему окончательно выясненным, но он больше склоняется к его отрицательному решению.

Заключительная часть доклада была посвящена сербской средневековой канцелярии. Утверждая, что славянские народы Балкан якобы были издавна «наиболее восприимчивыми учениками византийцев», особенно в сфере государственного управления и церковного устройства, и отмечая тесные связи славянских народов и Византии в различных областях общественной жизни, Ф. Дэлгер полагает, что объединение Сербии и Византии, происшедшее в XIV в. под властью Стефана Душана, «было необходимым для мирного сосуществования» в этом районе Балкан. Имейшая налицо культурная общность явилась предпосылкой того, что сербское государственное устройство, в частности правительственная канцелярия, создавалось по византийскому образцу. Документы, издаваемые сербской канцелярией, по своим внешним дипломатическим признакам не отличались от соответствующих византийских образцов.

Доклад Ф. Дэлгера, являющийся в основном суммированием выводов автора, сформулированных в его многочисленных предыдущих исследованиях, в силу ряда своих особенностей — большого количества обобщенного материала, строгой и точной формы изложения, а также благодаря стремлению установить в ряде случаев точные хронологические вехи существования той или иной дипломатической особенности документа или продолжительность выполнения каким-либо чиновником определенной функции² — представляет собой важный труд, ценный для исследователей, работающих с византийскими и сербскими документами.

Однако необходимо учитывать, что в силу ограниченной задачи, поставленной в докладе, — исследовать только формальные, внешние дипломатические признаки документов, не затрагивая, как правило, содержания формул, — выводы Ф. Дэлгера правомерны только в отношении этой узкой, ограниченной сферы. Они должны кри-

¹ Так, он отмечает, что освободительная формула, встречающаяся в «dispositio» византийских хрисовулов и содержащая перечень многочисленных повинностей, от которых освобождался иммунитет, а также перечень чиновников, которым запрещался вход на территорию иммунитета, может не отвечать действительному положению вещей: ведь писцы канцелярий могли записать эту формулу так, как они ее помнили, даже если настоящее положение вещей уже изменилось.

² Так, например, Дэлгер отмечает, что право чиновника, именовавшегося ἐπιτοῦ δακτύλου, удостоверять документ при помощи латинского «legimus» перешло к нему в IX в. [как свидетельствует парижский папирус 839, 841 (843?) гг.]. Раньше это право принадлежало квестору. После 1259 г. самый способ такого удостоверения документов исчезает. С 971/972 г. на документах хрисовульного типа появляется собственноручная императорская подпись. С 1272 г. старший соправитель после коронации начинает подписываться ἀρχιστράτορ, а не βασιλεύς.

тически восприниматься всякий раз, когда исследователь обращается к существу документа, когда изучаются реальные исторические отношения и документ используется как исторический источник. Например, вывод Ф. Дэльгера об исчезновении в *dispositio* византийских хрисовулов освободительной клаузулы самое позднее в XIII в. является верным только при очень узкой постановке вопроса, когда учитывается лишь определенный круг формальных признаков. Действительно, в поздневизантийских хрисовулах развернутая освободительная формула, характерная для XI столетия, исчезает. Однако в них налицо более краткая формула, которую нельзя игнорировать при изучении поздневизантийского иммунитета³. Впрочем, в позднее время встречаются иногда и довольно развернутые освободительные формулы, содержащие значительный перечень повинностей, от которых освобождается иммунитет⁴.

То же самое надо сказать и относительно сербских документов. Действительно, внешние признаки сближают сербские хрисовулы с греческими. Кстати, Ф. Дэльгер не отмечает, что это сходство характерно только для сербских хрисовулов на греческом языке. Хрисовулы же на сербском языке и по содержанию, и по формальным данным значительно отличаются от византийских⁵. А некоторые формулы хрисовулов сербской канцелярии на греческом языке при формальном сходстве иногда имеют различие по содержанию. Так, освободительная формула греческих хрисовулов сербской канцелярии обычно содержит более подробный перечень налогов, чем соответствующая формула одновременных византийских документов. Не исключено, что в этом проявилось влияние формуляра сербских хрисовулов, для которых характерна пространная освободительная формула.

Основным оппонентом Ф. Дэльгера выступил крупный знаток византийских и славянских средневековых источников В. Мошин (Загреб). В своем выступлении он на основании детального анализа различных документов сербских господарских канцелярий XII—XIV вв. нарисовал широкую картину эволюции характера и принципов составления документов этих канцелярий, происходившей в связи с политической историей средневековой Сербии. В центре внимания В. Мошина находился вопрос о влиянии византийских образцов на составление сербских документов, причем содокладчик совершенно справедливо указал, что наряду с византийским влиянием (которое то возрастало, то уменьшалось) сербская дипломатика находилась под воздействием как западной, так и славянской, болгарской и русской (особенно в XII в.) дипломатики.

В. Мошин наметил основные этапы развития сербской дипломатики; по его мнению, в XI—XII вв. центральное место занимает канцелярия Зеты, вырабатывавшая свои приемы составления документов; они оказали влияние на развитие дипломатики других областей Сербии. Византийское влияние, не игравшее еще доминирующей роли в XII—XIII вв., значительно возрастает в XIV в. и достигает своего апогея в правление Стефана Душана. Однако и в это время сербские документы по своему оформлению отличаются от византийских, сохраняя известные самобытные черты. В. Мошин приходит к выводу, что византийская канцелярия не оказала столь всеобъемлющего влияния на сербскую; даже в периоды наибольшего проникновения византийского права в Сербию, сербские документы всегда сохраняли свои особенности, восходящие к древним западным традициям. В. Мошин вновь подтвердил свое мнение, высказанное 25 лет назад, что некоторые документы, составленные в Сербии на греческом языке, вышли не из господарских, а из монастырских канцелярий и были лишь скреплены подписью сербских кралей. Аналогичные явления наблюдались и в Византии, однако в исключительных случаях, вызванных особыми политическими причинами. Таким образом, В. Мошин в своем многолетнем споре с Ф. Дэльгером настойчиво и аргументированно отстаивал свою прежнюю точку зрения.

С некоторыми критическими замечаниями по докладу Ф. Дэльгера выступил Г. Острогорский, который на основании изучения грамот сербских канцелярий внес фактические уточнения относительно подлинности подписей сербских кралей на отдельных документах.

13 сентября на пленарном заседании был заслушан доклад советского ученого, члена-корреспондента АН СССР профессора В. Н. Лазарева «Живопись XI—XII вв. в Македонии». Тема доклада В. Н. Лазарева теснейшим образом связана с одной из центральных проблем истории византийского искусства — с проблемой местных национальных школ. В. Н. Лазарев последовательно проводил выдвинутый им в его много-

³ Разбор этой формулы содержится в работе: Г. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. ВВ, XIII, 1957.

⁴ См., например, акты Хиландарского монастыря. ВВ, XVII, 1911. Прилож., № 60, 61, 70, 71.

⁵ О формальных отличиях сербских и греческих хрисовулов сербских правителей см. V. Moschin. Gab es unter den serbischen Herrschern des Mittelalters eine griechische Hofkanzlei? «Archiv für Urkundenforschung», 13, 1935; его же. Предисловие к изданию греческих грамот сербских правителей. Гръцке Повеље српских владара. Београд, 1936.

численных новейших работах тезис о том, что «рядом с Константинополем, игравшим ведущую роль и, несомненно, задававшим тон, в средние века существовало немало местных художественных центров, опиравшихся на свои собственные традиции, порою весьма древние. Особое место занимали национальные школы, которые, как правило, постепенно эмансипировались от византийских влияний и обычно выходили на самостоятельный путь развития». Подчеркнув противоречивость этого процесса в разных странах, докладчик справедливо указал, что его изучение возможно лишь на основании анализа конкретно-исторической обстановки в той или иной стране и в тот или иной исторический период.

Проблема местных и национальных школ в докладе В. Н. Лазарева ставится и разрешается на примере искусства Македонии XI—XII вв., представление о котором обогатилось за последние десятилетия замечательными открытиями. На основании всестороннего анализа памятников македонской живописи XI—XII вв. (фрески церкви св. Софии в Охриде, храма св. Пантелеймона в Нерези, вновь открытые росписи в Курбиново, а также фрески и мозаики церквей св. Софии и Панагии в Фессалонике, фрески Кастории и др.) В. Н. Лазарев приходит к выводу, что история живописи в Македонии распадается на два периода. Ее развитие в первый период (до середины XI в.) было связано с подъемом той славянской культуры, центром которой, по мнению докладчика, была Македония. В памятниках этого времени — в фресках св. Софии в Охриде и св. Софии в Фессалонике — явственно чувствуется народная и вместе с тем архаизирующая струя, а артели художников состояли как из местных славянских, так и припавших византийских мастеров. Один из выдающихся памятников живописи в Македонии — фрески Софии Охридской — В. Н. Лазарев датирует серединой XI в., в отличие от некоторых болгарских ученых, относивших их к правлению царя Симеона, т. е. к концу X — началу XI в.

Докладчик подчеркивает, что после подъема Македонской живописи в середине XI в. в ее развитии наступает перерыв, длившийся около столетия, в течение которого не было создано ничего выдающегося. Второй период в истории живописи Македонии наступает, по мнению В. Н. Лазарева, с середины XII в. В этот период в искусстве, связанном в своем развитии с широкой эллинизацией Македонии византийцами, усилилось влияние константинопольской художественной школы и одновременно ослабели традиции славянской художественной культуры. Среди художников этого времени доминирующее положение уже занимают византийские мастера. Полемизируя с греческим ученым А. Ксингопулосом, полагавшим, что Македония в XI—XII вв. обладала своей собственной школой живописи с центром в Фессалонике, представлявшей одно из направлений чисто византийского искусства, В. Н. Лазарев отрицает существование такой особой школы. По его мнению, для Македонии XI—XII вв. характерно обилие местных центров со своими артелями живописцев. Македонские памятники XI—XII вв. с характерными для них местными оттенками говорят, по мнению докладчика, о распыленности художественной культуры Македонии этого времени, что помешало сложению на ее почве особой художественной школы. Таковой можно, с точки зрения В. Н. Лазарева, считать лишь сербскую школу живописи, возникшую позднее, уже в XIII в.

По докладу В. Н. Лазарева развернулась интересная дискуссия. Профессор О. Демус (Вена) в своем содокладе коснулся прежде всего спорного вопроса о датировке некоторых памятников македонской живописи, указав при этом, что большинство приведенных в докладе В. Н. Лазарева датировок аргументировано достаточно убедительно. В частности, О. Демус в основном согласился с предложенным В. Н. Лазаревым делением этих памятников на две большие группы — первую, датируемую второй четвертью и серединой XI в., и вторую, датируемую серединой XII—XIII в. Что касается дискуссионного вопроса о существовании в Македонии XI—XII вв. собственной школы живописи, то О. Демус полагает, что высказанная В. Н. Лазаревым отрицательная точка зрения является своего рода реакцией на преувеличение А. Ксингопулосом роли Фессалоники и ее художественной школы. Вместе с тем О. Демус высказал свое несогласие с концепцией В. Н. Лазарева, указав, что докладчик недооценивает влияние фессалоникской школы на живопись других областей Македонии. Тезису В. Н. Лазарева, подчеркнул содокладчик, противоречит материал, приведенный в его же докладе, — о тесном родстве между частью фресок Софии Охридской и фигурами святых в нарфике св. Софии в Фессалонике. Кроме того, В. Н. Лазарев не учел некоторых, правда, более поздних, свидетельств сербских историков о приглашении мастеров из Фессалоники. По мнению О. Демуса, В. Н. Лазарев излишне выдвигает на первый план местные мелкие центры в ущерб Константинополю и второму городу империи — Фессалонике. Вместе с тем по столь важному вопросу, как влияние славянской культуры на македонскую живопись, О. Демус в основном поддержал точку зрения В. Н. Лазарева.

С совершенно противоположной концепцией на конгрессе выступил другой содокладчик — С. Пелеканидис (Фессалоника). Он не согласился с основными положениями доклада В. Н. Лазарева. С. Пелеканидис оспаривал тезис В. Н. Лазарева о том, что ранняя группа фресок св. Софии в Охриде связана с традициями славянской

культуры, восходящими еще ко времени Первого Болгарского царства. Называя подобную характеристику «панславистской», С. Пелеканидис прибег для опровержения концепции Лазарева к устаревшим аргументам о якобы низком уровне культуры балканских славян в VII—XI вв. Связывая все стилистические особенности македонской живописи XI в. с влиянием византийского искусства, он стремился доказать, что и архаизирующие, народные черты в ранних фресках Софии Охридской восходят к чисто византийским образцам, где также имелись памятники архаизирующего стиля. По его мнению, само константинопольское искусство имело не только аристократические, придворные черты, но в нем прослеживается и народная струя. Архаизирующие стилистические особенности Софии Охридской находят, с точки зрения содокладчика, аналогии еще в доиконоборческом искусстве Фессалоники.

С. Пелеканидис возражал против утверждения В. Н. Лазарева, что родство ранней живописи Охрида и Фессалоники объясняется тем, что славянские элементы в самой Фессалонике были достаточно сильны. Он отрицал какое-либо влияние культуры славян на искусство Фессалоники и, более того, утверждал, что все искусство Балкан прочно входит в круг византийской культуры.

В поддержку доклада В. Н. Лазарева и с резкой критикой концепции С. Пелеканидиса о чисто греческом, византийском характере македонской живописи XI—XII вв. выступил специалист по византийскому и славянскому искусству Святозар Радойич (Белград). Югославский ученый поддерживал датировку основных памятников македонской живописи, предложенную В. Н. Лазаревым. Вместе с тем он высказал свои соображения о характере живописи наиболее выдающихся памятников, в первую очередь, Софии Охридской. С. Радойич выдвинул гипотезу о связи ранней живописи Софии Охридской с иконами и миниатюрами, созданными в церковных центрах. Особое внимание содокладчик уделил анализу портретов пап, патриархов и других лиц церковной иерархии, изображенных на фресках Софии Охридской, подчеркнув их архаический и теократический характер. В целом С. Радойич считает, что ранняя живопись Софии Охридской столь своеобразна, что на основании изучения этого памятника нельзя говорить о какой-либо особой художественной школе. Подчеркнув важность проблемы местных и национальных школ, поднятой в докладе В. Н. Лазарева, С. Радойич указал на спорность и неясность некоторых вопросов, связанных с ней, в частности о национальной принадлежности мастеров, создававших памятники живописи в Македонии.

Основные положения доклада В. Н. Лазарева поддержал в своем заключительном слове председательствовавший на этом заседании А. Грабар (Париж); он выразил свое несогласие с излишне «провизантийской» точкой зрения С. Пелеканидиса, неправомочно отрицавшего какие-либо местные влияния на македонскую живопись XI—XII вв.

В тот же день на пленарном заседании конгресса состоялся коллективный доклад югославских ученых — известного историка искусства профессора Джурдже Бошковица и его учеников И. Николаевич-Стойкович и Дж. Стрижевича (Белград) на тему «Архитектура поздней античности и раннего средневековья на Балканах». В докладе была поставлена чрезвычайно сложная проблема преемственности между культурой поздней античности (включая и ранневизантийский период до VI в.) и раннего средневековья. Докладчики отстаивали тезис о существовании так называемого континуитета в градостроительстве и архитектуре Балкан этого времени.

Дж. Бошкович выдвигает в докладе гипотезу о сохранении на Балканах в период раннего средневековья в довольно значительных масштабах позднеантичных и ранневизантийских городов. По его мнению, такие города, как Белград, Ниш, София, Охрид, Шкодер, Пловдив и другие, были лишь частично разрушены в период варварских вторжений. Впрочем, пример Царицына Града показывает, что иногда полуразрушенные античные города заселялись славянами, влияние культуры которых на архитектуру и градостроительство Балкан VI—VII вв. не отрицается докладчиком. Вместе с тем он полагает, что в VII—X вв., особенно в восточной части Болгарского царства, строительная деятельность славян и протоболгар была незначительной; вследствие этого руины близ Абоба рассматриваются Дж. Бошковичем как развалины ранневизантийского города, а не как вновь построенная протоболгарами в VII—XI вв. столица Первого Болгарского царства — Плиска. Докладчик подчеркивает сходство сооружений светского характера Плиски и Преславы с аналогичными постройками позднеантичных и ранневизантийских городов — Стоби, Царицына Града и т. п.

Ученики Дж. Бошковица — И. Николаевич-Стойкович и Дж. Стрижевич (первая — на основании изучения лишь архитектурного декора, второй — на основании более широкого материала) — стремятся доказать, что ряд архитектурных памятников Плиски и Преславы следует отнести к ранневизантийскому времени. Так, знаменитую Круглую церковь в Преславе, так называемую Преславскую Ротонду, они рассматривают как памятник не периода Первого Болгарского царства, созданный протоболгарами, а как произведение архитекторов ранневизантийского периода, что, на наш взгляд, является спорным (см. ниже, стр. 336). Кроме того, в своем разделе доклада Дж. Стрижевич пытается выяснить причины возрождения базиликального

типа культовых зданий на Балканах в IX—XI вв. Отрицая какое-либо влияние архитектурных традиций Ближнего Востока, докладчик объясняет возрождение базиликального типа в IX—XI вв. преобразованием позднеантичных и ранневизантийских архитектурных форм, осуществлявшимися местными мастерами, которые сознательно возвращались в своем творчестве к образцам ранней архитектуры VI в.

Коллективный доклад югославских ученых вызвал серьезные возражения со стороны болгарских искусствоведов и археологов. Содокладчик профессор К. Миятев (София) доложил конгрессу итоги своих многолетних археологических разысканий в Плиске и Преславе и на основании детального обследования важнейших памятников показал правильность датировки большинства из них IX—X вв., т. е. временем Первого Болгарского царства.

В оживленной дискуссии, развернувшейся по докладу, центральным вопросом был вопрос о наличии или отсутствии континуитета в архитектуре Балкан позднеантичного и раннесредневекового времени, причем специалисты, в частности председательствовавшая на заседании С. дер Нерсесян (США), подчеркнули необходимость изучения как следов сохранения позднеантичных и ранневизантийских традиций, так и материалов, свидетельствующих о влиянии славян и протоболгар на архитектуру Балкан в раннее средневековье.

15 сентября на пленарном заседании конгресса был обсужден доклад профессора Романа Якобсона (США) «Славянский отклик на византийскую поэзию». Докладчик, исследуя славянские церковные гимны, сравнивал их с греческими (византийскими). Он устанавливает различие между ними — в числе слогов в строке, числе ударений и т. д., прослеживает развитие церковных гимнов в различных славянских странах (Болгарии, Польше, России и др.) начиная от первых произведений этого рода, написанных Константином и Мефодием. Главный вывод Р. Якобсона состоит в том, что славянское церковное искусство, в том числе церковная поэзия, в основном следовало византийским образцам; однако создатели церковной поэзии существенно преобразовывали эти греческие образцы. В дальнейшем, под влиянием отличного от греческого словарного материала происходила последовательная модификация славянской церковной поэзии. Таким образом, приверженность византийским образцам отнюдь не препятствовала оригинальности, самобытности славянской церковной поэзии.

По докладу развернулась интересная дискуссия, в которой участвовали Дж. Радойчич, В. Мошин, Д. Оболенский, И. Шевченко и другие ученые. К сожалению, на конгрессе не присутствовал основной оппонент профессора Р. Якобсона — Иван Дуйчев (София), и его интересный содоклад не был прочитан.

В тот же день состоялся доклад Г. Шмидта (Вена) о связях византийского, балканского и славянского права. Докладчик отстаивал устаревший и весьма сомнительный тезис о полной зависимости славянского права от византийского.

На последнем пленарном заседании конгресса был заслушан доклад английского ученого Е. Веллеса (Оксфорд) на тему о принципах композиции в византийской музыке.

II. РАБОТА СЕКЦИИ

На секционных заседаниях конгресса обсуждалось значительное число докладов на специальные темы. Тематика докладов секции истории отличалась большим разнообразием, касаясь многих аспектов византийской истории. Надо отметить, что организаторы конгресса тщательно продумали порядок заседаний и умело сгруппировали доклады, близкие по своей проблематике или сходные по своему характеру. Значительное место в работе этой секции было отведено обсуждению вопросов социально-экономической истории Византии. Так, на заседании, прошедшем под председательством П. Хараниса, состоялся доклад Г. Эверт-Кашесовой (Лодзь) «Проблема рабства в Византии в VII—XII вв.», подводящий итог многолетним исследованиям докладчицы. На этом же заседании Н. Зворонос (Париж) высказал свои соображения относительно сохранения традиций новелл императоров Македонской династии в «*Synopsis Basilicorum*». Оживленное обсуждение вызвали прочитанные на заседании доклады советских ученых: К. А. Осиповой — «Система класм в Византии в X в.» и Г. Г. Литаврина — «Был ли Кекавмен, автор „Стратегикона“, феодалом?». Выступавшие по этим докладам П. Лемерль, Н. Зворонос, Д. Ангелов, В. Мошин, З. В. Удальцова и другие горячо обсуждали вопрос о наличии феодальных отношений в Византии по данным таких памятников, как «Фиванский кадастр» и «Стратегикон» Кекавмена; тем самым фактически еще раз была продолжена дискуссия о феодализме в Византии, развернувшаяся на пленарном заседании конгресса по коллективному докладу советских византистов.

С интересным докладом о налоговом обложении при Комнианах и Палеологах выступила Э. Гликаци-Арвейэ (Париж). Несколько докладов было посвящено социально-экономической истории сопредельных с Византией стран.

Особый интерес собравшихся византинистов и славистов вызвали доклады, касающиеся проблемы феодализма в южнославянских странах. Болгарские ученые осветили эту проблему на материале истории своей страны. Г. Цанкова-Петкова рассмотрела положение крестьян в Болгарии в период византийского владычества, а Ст. Лишев остановился на особенностях развития феодализма в Болгарии в XIV в. Оживленный обмен мнениями вызвал доклад советской исследовательницы К. В. Хвостовой «К вопросу о феодальной ренте южномакедонских монастырей XIV в.». Выступивший по этому докладу профессор В. Мошин подчеркнул большое научное значение такого ценного источника, как Ивирские практики, широко использованного докладчицей, и дал весьма положительную оценку докладу.

Некоторые доклады, заслушанные на заседаниях секции «История», были посвящены социально-экономическим отношениям в Италии в раннее средневековье.

С докладом об агрикультуре Италии в период остготского владычества выступил К. Ханнестад (Дания), а Э. В. Удальдова прочитала доклад «Рабство и колонат в Византийской Италии во второй половине VI—VII вв.».

Значительный научный интерес представляла целая серия докладов, охватывающих широкий круг проблем этногенеза, в частности этногенеза славян и их общественного строя, а также славянской колонизации Византии.

Профессор А. Бурмов (София) посвятил свой доклад проблеме эволюции социально-экономического строя южных славян в VI—VII вв. по данным византийских хроник. Б. Графенауэр (Люблина) выступил с интересным докладом о расселении славян на Балканском полуострове, Б. Застерова (Прага) остановилась на спорных вопросах истории аваро-славянских отношений.

Югославский ученый С. Антоляк (Скопье) доложил специалистам результаты своих исследований относительно «Склавинии» на территории Югославии. В. Тыпкова-Заимова (София) посвятила свой реферат взаимоотношениям варваров с местным населением Балканских областей в VI—VII вв. П. Губер (Париж) рассмотрел данные Менаандра Протектора и Феофилакта Симокатты о Дунайских войнах конца VI в. В. Велков (София) рассказал о результатах своих исследований этнических изменений населения городов Фракии в IV—VI вв. Демографической проблеме в VI—VII вв. в широком ее понимании был посвящен доклад И. Л. Талля (США). Е. Демужо (Монпелье) рассмотрела вопрос о влиянии варварских вторжений на торговый обмен в Придунайских провинциях в IV в.

Все сказанное свидетельствует о значительном интересе исследователей разных стран к проблеме взаимоотношений Византии и варварского мира, в особенности к проблеме заселения Балканского полуострова славянами.

Видное место в выступлениях историков-византинистов заняли проблемы международных отношений, в частности дипломатии Византии. Были сделаны доклады: о взаимоотношениях Византии с Италией в разные исторические периоды (Л. Лафранчи — Венеция), о взаимоотношениях Венеции и Византийской империи при императоре Мануэле Комнине, о посольстве Лиутпранда (В. Онзорге — Ганновер) и др. Большая группа докладов касалась взаимоотношений Византии и стран Востока, особенно византино-турецких связей.

Большую научную ценность представляли сообщения о вновь открытых, доселе неизвестных или о еще неизданных источниках. Так, всеобщий интерес вызвало сообщение Н. Экономидиса (Афины) о найденном им неизвестном византийском «Тактиконе» X в. Было решено назвать этот источник «Тактикон Н. Экономидиса» — по примеру «Тактикона Ф. И. Успенского».

С большим успехом прошел доклад директора Греческого института в Венеции, крупного знатока греческих рукописей С. Антониадис (Венеция) об открытой ею рукописи венецианского хрониста Джанкаруоло, содержащей ценные данные о взаимоотношениях Венеции, Крита и Византии в XIV в. К сожалению, в данной статье мы не можем хотя бы даже перечислить все доклады, прочитанные как на исторической секции, так и на заседаниях других секций. Отметим только, что на секции искусства и археологии был прочитан и обсужден доклад А. В. Банк (Ленинград) «Некоторые памятники византийского прикладного искусства (IV—XII вв.) из раскопок последних десятилетий на территории СССР», а на секции права и вспомогательных дисциплин был оглашен доклад Е. Э. Гранстрем (Ленинград) «Неопубликованные и неисследованные тексты греческих палимпсестов». Доклады советских ученых были прослушаны с большим интересом и получили высокую оценку специалистов.

III. РАБОТА МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ВИЗАНТИНИСТОВ ВО ВРЕМЯ КОНГРЕССА

Во время конгресса состоялись заседания Международной ассоциации византинистов, на которых обсуждались важные организационные вопросы.

1. О принятии ряда стран в Международную ассоциацию византинистов. Единогласно были приняты Румыния, Польша, Кипр. После дискуссии, связанной с прие-

мом в ассоциацию ГДР, было решено, что ФРГ и ГДР представляют в ассоциации одну страну — Германию, но как ФРГ, так и ГДР имеют в ассоциации отдельно по два представителя с правом решающего голоса.

2. Об уплате членских взносов странами-участниками Ассоциации.

3. По настоянию ряда стран (СССР, Чехословакии, Румынии, Югославии, Греции, Италии) была проведена реорганизация структуры Международной ассоциации византистов. Совместные предложения по реорганизации были внесены делегатом Чехословакии А. Досталем и делегатом Италии Б. Лаваньини. Реорганизация предусматривала: 1) изменение устава ассоциации в сторону демократизации и расширения прав участниц ассоциации (новый устав был принят единогласно); 2) изменения в структуре руководящих органов ассоциации. После подробного обсуждения указанных предложений была принята новая структура ассоциации и избрано новое руководство. Изменения структуры сводились к тому, что наряду с почетными президентами и вице-президентами ассоциации, было учреждено Исполнительное бюро, которое должно осуществлять всю постоянную организационную работу в перерывах между конгрессами.

Персонально в руководящие органы Международной ассоциации византистов были избраны следующие представители различных стран:

1. Почетные президенты ассоциации: А. Грегуар (Бельгия), Ф. Дэльгер (ФРГ), Г. Острогорский (Югославия).

2. Почетные вице-президенты: С. Г. Меркати (Италия), А. Орландос (Греция), А. М. Мансель (Турция), Д. Моравчик (Венгрия), М. Паулова (Чехословакия), Н. Банеску (Румыния), А. Дэн (Франция).

3. Бюро ассоциации:

Председатель — П. Лемерль (Франция);

Генеральный секретарь — Д. А. Закифинос (Греция);

Казначей — Ф. Баришич (Югославия), его помощник — Я. Ферлуга (Югославия).

Вице-президенты — Д. Ангелов (Болгария), Г. Г. Бекк (ФРГ), А. Достал (Чехословакия), Дж. М. Хассей (Англия), Б. Лаваньини (Италия), В. Лазарев (СССР), К. Вейцман (США).

В целом конгресс в Охриде является ярким свидетельством значительного подъема византиноведческих исследований во многих странах и дальнейшего развития научных связей ученых-византистов всего мира.

З. В. Удальцова

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Г. ЛИТАВРИН. БОЛГАРИЯ И ВИЗАНТИЯ В XI—XII вв.

Издательство АН СССР. М., 1960, 472 стр.

Книга Г. Г. Литаврина посвящена истории Болгарии и Византии в тот период, когда народы этих стран находились под властью византийского императора, осуществлявшего централизованное господство византийской знати. В монографии изучается общественный строй Болгарии и политика византийского правительства по отношению к населению северной и центральной части Балканского полуострова, в основном, как указывается в заглавии, в XI и XII вв., когда в Болгарии устанавливались византийские порядки и формировались институты феодального общества. Труд Г. Г. Литаврина, естественно, представляет собой поэтому важное исследование и внутренней истории Византии. Автор справедливо отмечает, что при изучении истории Болгарии как византийской провинции историкам в основном приходится иметь дело с анализом положения народных масс и их движениями против завоевателей и против феодального гнета в целом. В качестве одной из трудных проблем, стоявшей перед исследователем, он отмечает вопрос о постепенном переходе центра народных движений из юго-западной в северо-восточную часть Болгарии.

Монография открывается анализом аграрных отношений в Болгарии в период византийского господства. Автор начинает с исследования производительных сил, посвящая первый раздел главы занятиям населения страны и орудиям труда. Опираясь преимущественно на археологический материал, автор показывает, что в основном болгарский крестьянин-землепашец ничем не отличался от византийского крестьянина того времени. Так же как и в Византии X—XI вв., мельницы в Болгарии были и водяные, и приводимые в движение животными. Очень распространено было скотоводство, особенно свиноводство. Автором приведены исчерпывающие сведения о наличии развитого ремесла в Болгарии XI—XII вв. и убедительно опровергнута теория упадка городов в это время. Города являлись не только административными центрами, но и средоточием ремесла и торговли; они располагали обширной сельскохозяйственной территорией и, таким образом, сами себя прокармливали (стр. 24). Предположение автора, что подъем городов относится только к западной части Болгарии, а на северо-востоке, наоборот, происходил упадок, неубедительно: упадок Плиски и Преслава объясняется не экономическими особенностями запада Балканского полуострова, а лишь тем, что эти города перестали быть административными центрами крупного государства, куда стекались средства со всей страны. В то же время новые города, вроде Тырново, более приспособленные для торговли, стали быстро развиваться (стр. 37—38).

Второй раздел монографии посвящен свободному крестьянству и общине. Г. Г. Литаврин совершенно резонно считает, что наличие свободного крестьянства нельзя признавать только пережитком дофеодальных отношений. Оно существовало — наряду с крепостным — в продолжение всего средневековья, и притом везде — и в Византии, и в Западной Европе (стр. 40). Это совершенно понятно: ведь параллельно концентрации земельной собственности происходило и распыление ее в результате наследования в больших семействах.

При анализе состава сельского населения автору монографии пришлось столкнуться с теорией Каждана — Острогорского о государственном прикреплении свободного крестьянства к земле и превращении крестьян в государственных крепостных. Г. Г. Литаврин совершенно справедливо возражает против этой теории: ни в сикилиях Василия II, ни в указе Цимисхия нет и намек на прикрепление крестьян к их тяглу. Запрет переселяться на экзимированную территорию вовсе не говорит о прикреплении крестьянина к его участку. Мы можем сказать, что аналогичными были

мероприятия IV—V вв., когда запрещался переход крестьян под патроний знатных людей. Запрет отдаваться под власть лица, пользующегося экскуссией, вовсе не говорит о потере крестьянином свободы передвижения. Г. Г. Литаврин прекрасно показал, что в XI в. по-прежнему существовали свободные крестьяне. Попутно он коснулся и вопроса о государственной собственности на землю (стр. 55). Автор склоняется к тому, чтобы признать ее наличие в Византии. Нам не кажется убедительной его аргументация, поскольку он совершенно не затрагивает вопроса о правах суверенного государства, — а без этого проблему нельзя разрешить.

Говоря о наличии свободного крестьянства, Г. Г. Литаврин не мог не коснуться «большого» вопроса — кого же можно считать свободным крестьянином? В противовес А. П. Каждану, который усматривает несвободных в крестьянах-налогоплательщиках, Г. Г. Литаврин условно считает свободными всех независимых от частных землевладельцев (стр. 57). Это определение слишком широко; ведь существовали и императорские, и казенные хозяйства, и казенные парики.

Говоря о частной собственности на землю в византийской деревне, Г. Г. Литаврин полагает, что тезис Панченко, отвергавшего общинное землевладение, является признанием извечности крестьянской частной собственности на землю. Разумеется, представление об извечности частной собственности на землю вообще реакционно по своему существу. Но ведь у византийцев вопрос ставится иначе — всегда ли в Византии существовала частная крестьянская собственность на землю? В Византии, возникшей на территории, население которой уже в течение тысячелетия было вовлечено в товарное хозяйство и несколько столетий испытывало влияние римского права? Я склонен думать, что признание частной крестьянской собственности на землю в качестве изначально существовавшей в Византии является единственным научно допустимым. Конечно, для монографии об общественном строе в Византии и Болгарии в XI в. этот вопрос не является проблемой исследования.

Рассматривая эволюцию частной собственности в XII в., Г. Г. Литаврин высказывает мнение, что именно тогда частновладельческая земля перешла на положение государственной. Любопытно, однако, что современники называли эту «верховную собственность» государства на частную землю просто грабежом (Иоанн Антиохийский характеризовал таким образом захват государством церковно-монастырской земли, а Никита Хониат — переход частной под власть прониаров). В Византии не существовало какого-либо общего законодательного оформленного перехода крестьянской собственности в собственность государства; были лишь спорадические акты экспроприации как со стороны феодальных магнатов, так и феодального государства.

В третьем разделе монографии трактуется проблема церковно-монастырской собственности в болгарских провинциях Византии. Г. Г. Литаврин считает, что в Первом Болгарском царстве церковно-монастырская собственность была относительно слабой; в XI в. она укрепились в значительной степени в результате дарений, а также вследствие политики византийских императоров, стремившихся в лице болгарских царей приобрести союзников для подчинения местного населения. С середины XII в., по Г. Г. Литаврину, начинается натиск светских феодальных магнатов на церковные владения. Автор монографии утверждает, что важную роль в подчинении местного населения сыграли византийские монастыри (стр. 96—97). Насажение мощных византийских монастырей на Балканах осуществлялось империей в определенных политических целях. Акты свидетельствуют, что основывались именно крупные монастыри, а мелкие постепенно попадали к ним в подчинение. Автор отмечает, что развивались самостоятельные (например, афонские), либо ктиторийские монастыри (как Бакуриана). Попутно он приводит ряд конкретных данных о харистиках. Хотя монастырское землевладение подвергалось харистикам, тем не менее в борьбе против светских магнатов оно оказалось более крепким, чем церковное (стр. 119).

В разделе «Светское землевладение» автор в первую очередь останавливается на термине *καστήριον*, под которым, по мнению автора, следует понимать местную военно-служилую знать (стр. 132): к концу XI в. она стала настолько сильной, что два представителя болгарской знати были даже соперниками Алексея Комнина, притязавшими на императорскую власть.

Далее автор останавливается на роли василикатов в развитии светского феодального землевладения. Не совсем ясным представляется здесь употребление термина «государственная земля»: является ли это обозначением казенной земли или же вообще земли, входящей в состав территории государства; непонятен поэтому тезис автора о стирании разницы между императорской и «государственной» землей. Г. Г. Литаврин считает, что «в новелле Василия II от 996 г. ясно заявлены верховные права государства на все земли». Нам кажется, напротив, что в этой новелле проводится четкая разница между государственными и частными землями: судя по документу, правительство имеет право разыскивать казенные имения, попавшие в частные руки, и при этом безотносительно к давности перехода, хотя бы он произошел во времена императора Августа! Конечно, такой порядок содействовал умножению императорских домов. В данном случае более аргументированным является положение Л. Брейе об укреплении в XI в. доменальных владений казны (стр. 143).

Приступая к пересмотру проблемы генезиса пронии, Г. Г. Литаврин признает главным принципом, на основе которого происходило формирование данного института, условную собственность. Это совершенно правильно, только, по нашему мнению, автор напрасно противопоставляет два юридических понятия — право на доход и условную собственность. Ведь в Византии того времени права и привилегии являлись предметом купли-продажи.

В монографии собраны все конкретные факты о раздаче проний в болгарских провинциях. Подчеркивается, что пронии стали передаваться не только императором, но и магнатами; это приводило к созданию феодальной иерархии. Что касается этнического состава крупных землевладельцев, то, по мнению автора, в XII в. земли и пронии в болгарских провинциях империи предоставлялись в основном не болгарам, а грекам.

В четвертом разделе автор обстоятельно аргументирует выдвигаемое им положение, согласно которому собственные господские хозяйства духовных и светских феодалов в болгарских провинциях были весьма значительны; они испытывали большую нужду в рабочей силе; именно этим, по мнению автора, и объяснялась острая борьба за превращение крестьян в зависимых людей.

Не совсем ясно толкование автором вопроса о роли аренды в процессе превращения арендатора в зависимого крестьянина. Непонятно, каким образом земледелец, арендующий участок сроком на 25 лет, превращался в феодально-зависимого. С полной категоричностью судить о таком превращении можно лишь при условии, если априорно предположить, что, кроме этой земли, арендатор не может арендовать другой участок у другого землевладельца. Разумеется, в данном случае определенную роль могло играть только ростовщичество, но не аренда как таковая.

Пятый раздел книги посвящен категориям зависимого крестьянства. Следует отметить, что фактический материал, относящийся к этой теме, содержится не только здесь. Отдельные термины, касающиеся зависимого крестьянства, разбросаны и в других разделах (ипостатики — стр. 70; вопрос об *οβουλὰς ζευγάρια* и париках, связанных с ними). Данный раздел является наиболее значительным по количеству конкретных данных и по числу новых толкований терминов. Он имеет особое значение для изучения внутренней истории Византии, которое тем более велико, что вопрос о правовом статусе различных прослоек сельского населения и о формах перехода из одной юридической категории в другую еще недостаточно разработан в литературе.

Некоторые положения автора вызывают возражения. Так, автор включает в одну и ту же группу крестьян: париков, не уплачивающих казне, авлитов, гипургов, гиперетов, дулевтов, актимонов, поселенцев — *ἐνοικοι* — и «вольных» — *ἐλευθεροί*. Но можно ли относить к одной социальной категории только по признаку отсутствия самостоятельного хозяйства, не учитывая юридического статуса лиц, о которых идет речь? При таком подходе перед историком возникает опасность симплификации: общество в его глазах терчет свой специфический социальный облик, определяющийся особенностями данной формации, и оказывается разделенным только на богатых и бедных. Особенно необходимо принимать во внимание юридический статус в исследованиях по истории докапиталистических классовых обществ, где юридический статус имел важное значение. Как указывал В. И. Ленин, в условиях крепостничества источником эксплуатации трудящихся являлась не только экономическая зависимость, но и сословное неравноправие. Пренебрежительное отношение к юридическим различиям, принятое у некоторых исследователей, по нашему мнению, является плодом известной модернизации. Если в эпоху капитализма юридические «права» и «свободы» являются фикциями, то этого нельзя сказать о докапиталистических формациях. Раб или не-раб, крепостной или не-крепостной, крестьянин или дворянин с его правами — все эти категории отнюдь не были фикцией; какими бы нищими не являлись римский люмпен-пролетарий, средневековый странствующий рыцарь или шляхтич из гололоты, каждый из них мог в той или иной степени реализовать свои «права», и, наоборот, как бы ни был зажаточен римский раб на пекулии или средневековый польский хлоп, его благосостояние могло быть легко уничтожено в силу его бесправия.

Много места уделяет автор анализу статуса элэфтеров. Нам кажется непонятным, однако, почему элэфтера нельзя отождествить с мистием? Слово элэфгер — буквально: «вольный» — нужно понимать именно как обозначение лица, принимающего работу по вольному найму. Какие же есть основания, чтобы признавать элэфтера лично-зависимым? Разумеется, в классовом обществе всякий трудящийся находится в приниженном положении, но это еще не говорит о его юридической зависимости, о том, что он подвергается законодательно оформленному внеэкономическому принуждению. Верно, конечно, что имена передавались с элэфтерами; но этот факт вовсе не означает, что они были прикреплены к данному имени или являлись собственностью данного лица. Смысл формулы «вместе с элэфтерами и рабами» заключалась лишь в том, что имение передавалось «на полном ходу», обеспеченное рабочей силой, — это было особенно важно в то время, когда повсюду имел место недостаток в рабочей силе. То обстоятельство, что элэфтеров часто упоминают наряду с

рабами, также не доказывает сходства их социального статуса; оно свидетельствует только о возможности замены рабского труда вольнонаемным. Обращения в суд с исками к элэфтерам вполне понятны в условиях борьбы за рабочие руки, хотя бы и нанятые по вольному найму на определенный срок. Не выдерживает критики попытка определить понятие «вольный» свободой от налогов: элэфтеры платили налоги. Следует отметить, что в поздней Византии почти исчезает слово мистий: оно заменяется, как мы полагаем, словом элэфтер. В XIII—XV вв. на Балканах имелось достаточно людских резервов для пополнения этой группы населения. Балканы в поздневизантийский период были исключительно «балканизированы». Болгария, Сербия, Босния, княжества латинских феодалов, Эпир: стояло только перейти границу — и бывший парик становился элэфтером. Конечно, в XI—XII вв. бегство было более затруднено. Известно, что часть элэфтеров селилась на землях феодалов и в конце концов превращалась в париков (Ксенофские элэфтеры превратились в париков уже через 18 лет). Относительно некоторых элэфтеров можно предположить, что они долгое время сохраняли свой статус.

В монографии нет особых материалов, показывающих, на каких условиях принимаются на поселение немилующие бродячие элэфтеры (*προσάθῃται πτωχοὶ ἐλεφτεροί*). Острогорский полагает, правда, что «быть записанным в практик какого-либо владельца значит быть его крепостным-париком», но вряд ли это соответствует действительности. Если отдельные лица вносятся в практик как элэфтеры, то это означает, что они сохраняют свой статус элэфтеров. В монографии четко проводится мысль, что по своему юридическому статусу элэфтер, как и любой мистий, приближается к рабу. Этот тезис также является спорным. Элэфтер располагал всеми prerogative и подвергался всем ограничениям, которые были характерны для бедного, но свободного человека. Он не имел права свидетельствовать в суде, — но этого права лишались все свободные, имущество которых оценивалось ниже 50 номисм. Г. Г. Литаврин (стр. 192) считает, что беглого мистия возвращали как раба и что по Василикам мистий вообще приравнивался к рабу. В данном случае Г. Г. Литаврин введен в заблуждение А. П. Кажданом¹, который приводил тексты из Василик, содержащие термин «мистот», а не «мистий». Между тем в Василиках термин «мистот» никогда не означает наемного работника, мистия, но является переводом слова колон, т. е., в условиях X—XI вв., — парик. В схолиях к Василикам для обозначения наемного работника употребляется только слово мистий. Что же касается отдельных случаев принудительного возвращения мистия на работу, то совершенно естественно, что мистий, получивший, согласно законодательству того времени, заработную плату за месяц вперед, принуждался к выполнению работы.

Недостаточно выяснен в монографии вопрос о правовом и экономическом положении клириков, которые, подобно министериялам Запада, должны были нести службу сеньору, т. е. епископу или монастырю. Несмотря на ряд недоговоренностей, а подчас и спорных суждений, раздел о категориях крестьянства является одним из наиболее ценных в рецензируемой книге.

Много места уделяется в ней и проблеме феодальной ренты и методов ее реализации. Хотя количество сохранившихся источников очень невелико, автор, тщательно разбирая данные монастырских архивов, делает вполне аргументированный вывод о преобладании в XI—XII вв. в болгарской деревне отработочной ренты, отмечая, впрочем, и большое значение продуктовой ренты (стр. 201—208). Эти положения вполне согласуются с результатом исследований Ф. Дэльгера, писавшего о карликовых крестьянских участках и огромных доменных хозяйствах в поздней Византии. При изучении налогового обложения XI—XII вв. автор полемизирует с положением А. П. Каждана о том, что византийские налоги не имели уже ничего общего с налогами диоклетиановской системы, что они *взимались не с определенной единицы хозяйства*, а вне связи с размером имущества зависимого крестьянина. Г. Г. Литаврин с полным основанием отвергает это положение, считая, что оно во всяком случае не соответствует историческим условиям XI в.: «Трактат об обложении» почти полностью исходит из старинной системы обложения. По мнению автора, не имеет значения, сохранили или не сохранили налоги свою старинную форму. Поскольку господствующим классом были феодалы, всякое взимание налога уже являлось феодальной рентой. Мне кажется, однако, что и в феодальном обществе нельзя отождествлять налог и ренту: для какого бы класса ни собирались налоги, они шли не в пользу частного землевладельца, а государству, т. е. господствующему классу в целом; налог превращался в ренту только при передаче его в пользу отдельного лица.

Полемизируя с А. П. Кажданом относительно формы налога, автор рецензируемой монографии присоединяется к его положению о том, что «наряду с подчинением

¹ А. П. Каждан. Формирование феодального поместья в Византии X века. ВВ, XI, 1956, стр. 106; повторено в кн.: Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 113. Ссылка на Василики, IV, I, 3 дана неправильно. Схолия 60, 17, стр. 577 говорит о колоне.

крестьян феодальному поместью имело место централизованное подчинение общины государству» (стр. 216). Я совершенно отказываюсь понимать это положение. Разве до того времени, когда поместье подчинило крестьян, община не была подчинена государству? Крестьянские общины были подчинены ему и при Юстиниане, и во времена «Земледельческого закона». Мне не известен такой период истории Византии, когда община не находилась бы в подчинении государству. Перемены, касающиеся сбора налогов с крестьян, выражались лишь в том, что в XI в. и в последующие столетия налоги стали передаваться частным лицам за несение службы. Там же, где этого не было, налоги по-прежнему собирались практорами, так что никаких изменений ни по существу, ни по форме не произошло. Поэтому я не вижу оснований для признания «догмата о пресуществлении» налога в централизованную ренту. Автор, впрочем, не полностью следует положению о том, что крестьянин, платящий феодальному государству, тем самым уже превращался в парика. Г. Г. Литаврин отмечает: «Парика, соединенная с личной зависимостью, означала в XI—XII вв. гораздо больший гнет, чем простое подданство в условиях феодального государства» (стр. 219). Если говорить о подлинной феодальной ренте, как она сложилась в феодальном поместье, то генетически она не связана с государственным налогом (стр. 218). Эти положения автора монографии показывают, что он только терминологически примыкает к теории Острогорского — Каждана, в конкретном же анализе — отвергает ее.

При изучении иммунитета в болгарских провинциях Византии автор четко разделяет две стороны вопроса — иммунитет как юридическое оформление прав землевладельца над населением и иммунитет как совокупность прав, узурпированных у крестьянской общины и государства. Не присоединяясь целиком к мнению А. П. Каждана о том, что освобождение от налогов являлось как бы признаком принадлежности к господствующему классу, Г. Г. Литаврин, тем не менее, признает наличие такого рода тенденции: освобождение от налогов означало для феодалов уступку феодальным государством прав на внеэкономическое принуждение над местным населением. Очень правомерен вывод, что сущность привилегии — в сборе налогов и что феодалу иногда могло быть выгоднее получение права собирать налоги, чем освобождение от налогов местного населения, жившего на его землях (стр. 230).

Автор приводит много ценных конкретных данных об иммунитете. В монографии отмечается, что иммунитет новооткрываемых монастырей восходил к тем территориям, которые и до основания монастыря пользовались иммунитетом (стр. 235). Нам кажется, что при характеристике иммунитета в Византии и в странах, находившихся под ее влиянием, нельзя не учитывать пережитков рабовладельческого общества в виде права *pater familias*. Эти права, закрепляемые рецептированным правом, в XI в. в переосмысленном виде вошли в сферу действия иммунитета. При определении комплекса прав над населением нельзя не учитывать и специфики монастырского режима, и традиционных, существовавших еще с IV в. прерогатив церковного и монастырского землевладения. Г. Г. Литаврин приводит данные о наличии в XI в. в болгарских провинциях ярко выраженных стремлений к созданию феодальной военной силы у крупных землевладельцев, особенно у членов императорской фамилии; он оттеняет положение вестигаритов, которые были подчиненными ленниками крупных магнатов. В заключение автор приходит к выводу, что не следует преувеличивать развития феодальных институтов в Болгарии IX—X вв.: они окончательно оформились уже во время византийского господства (стр. 247).

Первый раздел главы второй («Политика Византии в завоеванной Болгарии») посвящен организации управления. Автор критикует старинную точку зрения В. Златарского, согласно которой Болгария после завоевания пользовалась внутренней автономией на основе якобы особой договоренности с болгарской знатью. Автор доказывает, что слово *ὑπόταξις* означает вовсе не договорные отношения, а полное, безусловное подчинение (стр. 256). Сохранение налогов в прежнем виде не означало сохранения прежних порядков управления; оно объяснялось исключительным разорением Болгарии. То обстоятельство, что болгарская церковь во времена византийского господства была действительно автокефальной, т. е. пользовалась самостоятельностью от константинопольского патриарха, не имеет никакого отношения к гражданскому и военному управлению; предоставление автокефалии объясняется лишь стремлением византийского правительства при помощи церкви влиять на население страны. Болгарская церковь получала ряд существенных привилегий, но должности епископов занимали в основном греки, а не болгары; монастыри в большинстве случаев были греческими; и церковные иерархи, и монастыри проводили политику «ромеизации» (стр. 367).

Разбирая сложный вопрос о болгарских фемах, автор приходит к выводу, что это понятие в XI—XII вв. потеряло прежнее значение: «фема» тогда означала вообще административную единицу. В фему-катепанат «Болгария» включились мелкие феми. К середине XII в. «Болгария» как крупная административная единица вообще перестала существовать (стр. 272). Автор отмечает, что по мере ослабления центральной власти и укрепления феодальных институтов территориальный принцип в администрации и военном деле уступает сословно-иерархическому (стр. 273).

В монографии указывается, что организация управления в византийской Болгарии строилась только по византийским образцам, никаких особых порядков для Болгарии не устанавливалось. Так же, как и в греческих провинциях Византии, прежнее деление на фемы стало в Болгарии анахронизмом вследствие быстрого сокращения числа свободных крестьянских общин. Роль сановой знати несколько изменилась: старое деление знати на сановную и провинциальную, землевладельческую, стало исчезать — местная знать приобретала все функции сановой (стр. 288). Автор отмечает, что по мере развития местной власти правительство пытается создавать новые должности, носителям которых передаются права наместников императора (в отдельных крупных районах). В связи с падением реальной власти центра такие должности, однако, зачастую превращались в пустые титулы.

Рассматривая спорный вопрос о финансовой организации болгарских провинций, автор признает, что наряду со сборщиками налогов (практорами), подчиненными местным властям, существовали практоры и анаграфевсы, непосредственно подчиненные центральному правительству (стр. 299—300). Функции контроля, как отмечается в монографии, были гипертрофированы, поэтому население рассматривало приезд ревизоров буквально как бедствие. Превращение местного феодала в должностное лицо и обратно — чиновника в феодала создавало, по мнению автора, условия для развития децентрализации власти и для облегчения возможностей внеэкономического и экономического давления на трудящихся.

Переходя к анализу налогового обложения, автор убедительно показывает, что основным налогом, как бы он ни назывался, оставался налог с зевгария — упряжки волов и земельного участка соответствующего размера. Кроме того, тяжелыми для населения были икомодий (с точки зрения автора — добавочный налог в пользу чиновника, осуществляющего свои функции на местах), зевгологий — налог со скота, помимо того, что взимался в качестве зевгаратикия, псомоксимион — обязанность поставлять по низким ценам продукты чиновникам, отročина — налог за дулопариков. Речные пошлыны за проезд по мостам были столь велики, что население предпочитало вовсе не пользоваться мостами (стр. 335).

Характеризуя воинскую повинность, Г. Г. Литаврин, вопреки А. П. Каждану, считает, что отряды крестьян-пехотинцев в системе византийского войска не исчезли. Однако по имеющимся данным невозможно определить, составлялись ли эти вспомогательные отряды из свободных крестьян-стратиотов или же из зависимых крестьян. Набор пеших воинов ощутимо затрагивал интересы землевладельцев, в частности церковных.

Большим бедствием для населения была, как указывает Г. Г. Литаврин, и порча монеты, которая достигала значительных размеров в XI и особенно в XII в.: правительство платило обесцененными деньгами, а налоги взимало в старой полноценной монете.

Третья глава книги посвящена классовой борьбе болгарского народа во время византийского господства. Анализируя состав восставших в 1040—1041 гг., автор приходит к выводу, что восстание это, будучи национально-освободительным движением, носило вместе с тем и антифеодальный характер. В нем принимали участие не только болгары и влады, но и греки и албанцы; именно противоречия в лагере повстанцев привели их к поражению (стр. 385). В восстаниях принимала известное участие и болгарская знать; после восстаний (особенно 1090 г.) византийское правительство стремилось предоставить земли в болгарских провинциях исключительно грекам; в дальнейшем это заставило болгарских землевладельцев примкнуть к движению против византийского господства.

В конце главы Г. Г. Литаврин описывает восстание 1185—1186 гг. — эпилог двухвекового периода болгарской истории. Автор опровергает точку зрения румынских историков, что в восстании 1185 г. решающую роль сыграли не болгары, а влады. Начало восстания Г. Г. Литаврин относит к лету 1185 г., поддерживая точку зрения Д. Ангелова и И. Дуйчева. Трудно, однако, признать это предположение обоснованным, поскольку одновременное выступление норманнов на юге и болгарского населения на северо-востоке Византии было бы роковым для нее. Автор согласен с И. Дуйчевым, который относит мятеж Враны к весне 1186 г.; в этой связи подвергается сомнению достоверность основного источника — «Истории» Никиты Хониата, а также известий западных хроник об отъезде Конрада Монферратского (стр. 439). Отвергается и ряд других данных источников, особенно о том, что Асеню и Петру не сразу удалось поднять болгар на восстание, что для этого потребовалась длительная «пропагандистская» работа. Автором не принято во внимание, что Исаак не сразу решился назначить Врану командующим войском против болгар. По нашему мнению, гораздо вероятнее считать годом восстания Враны 1187 г., а мирный договор датировать 1188 г.

Восстание 1185—1186 гг. автор считает стихийным, но не перешедшим в антифеодальное; думается, что стихийность восстания несколько преувеличена; приняв этот тезис, трудно объяснить, почему оно не переросло в антифеодальное; будь оно полностью стихийным, антифеодальный характер восстания обнаружился бы уже с

самого его начала. Отсутствие сведений об участии в нем богомилов, с одной стороны, а с другой — данные о союзе восставших с официальной православной болгарской церковью (культ св. Димитрия) говорят о серьезном участии болгарской знати не только в руководстве, но и в подготовке восстания. Разумеется, восстание победило только в результате широкого участия в нем народных масс; успех восстания определялся также и другим обстоятельством: в результате развития феодальных институтов местная знать была уже настолько мощной, что не нуждалась в силе византийского централизованного государства для подавления трудящихся и смело выступила во главе народных масс против иноземного господства над Болгарией.

Поставленный в начале книги вопрос о том, почему центр движения против византийского господства переместился с запада на северо-восток, по нашему мнению, легче объяснить именно тем, что на юго-западе и знати, и монастыри были уже почти полностью греческими, тогда как на северо-востоке существовала более значительная прослойка болгарской знати и болгарских монастырей. Это дало возможность создать на северо-востоке Болгарии единый фронт болгарских крестьян, знати, церковников и монахов, выступивших против византийского ига. Именно в обстановке единого фронта можно было и изгнать иноземных завоевателей, и создать самостоятельное Болгарское царство, в котором — в отличие от Первого Болгарского царства — феодальные институты получили полное развитие.

Монография Г. Г. Литаврина охватывает широкий круг важнейших проблем истории Болгарии и Византии XI—XII вв. Вопросы внутренней истории разбираются в монографии в связи с анализом дальнейшего развития социальных отношений в поздней Византии XIII—XIV вв. Все важнейшие вопросы темы автор решает самостоятельно, в каждом отдельном случае опираясь на основательно собранный материал из имеющихся источников, тщательно учитывая всю литературу вопроса. Монография Г. Г. Литаврина — безусловно ценное приобретение советской византистики и советского славяноведения.

М. Я. Сюзумов

ИОРДАН. О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ДЕЯНИЯХ ГЕТОВ (GETICA).

Вступительная статья, перевод, комментарии Е. Ч. Скржинской. М., 1960.

Лежащее перед нами научно комментированное издание известного сочинения Иордана, впервые выпущенное у нас в свет в латинском оригинале с параллельным русским переводом, представляет собою большой научно-исследовательский труд крупного размаха и значения.

Подход к комментированному изданию нарративного источника может быть весьма различным, но научно наиболее плодотворным следует считать такой метод комментирования, при котором данный источник становится исходным пунктом целого ряда исследований комментатора, освещающих и разъясняющих исторические процессы и события, упомянутые или отраженные в данном источнике. Е. Ч. Скржинская избрала именно этот метод, и поэтому ее комментарии в своей совокупности дают целую энциклопедию не только по Иордану, а и по всей эпохе, которая так или иначе затронута в его работе. Многие комментарии Е. Ч. Скржинской являются значительными исследовательскими статьями, в которых автор впервые (не только в советской, но и в зарубежной историографии) самостоятельно вскрывает различные пласты в истории упомянутых у Иордана племен и устанавливает целый ряд фактов, относящихся к происхождению этих племен, их взаимоотношениям друг с другом, особенностям социального строя, к деятельности их вождей и королей и т. д. В большинстве случаев комментатор достигает этого путем самостоятельного решения спорных вопросов и посредством критического сопоставления различных точек зрения, высказанных в научной литературе на различных европейских языках (русском, немецком, французском, английском и итальянском). Возможность такого самостоятельного решения научных controvers и уточнения ряда выводов исторической науки происходит из углубленного изучения комментатором весьма обширного круга разнообразных источников по истории раннего средневековья: сочинений греческих и римских писателей, византийских хроник, законодательных памятников, агнографии, надписей и др. (с привлечением данных археологии)¹. Только такое глубокое исследование всех этих исторических источников, прекрасным знанием которых является Е. Ч. Скржинская, позволило ей идти указанным выше путем и в своих комментариях к Иордану не ограничиться его собственными данными и известиями его современников, а все время последовательно проводить сопоставление произведений писателей VI в. с более ранними и более поздними памятниками. В результате комментариев к Иордану превратился в большой исследователь-

¹ Перечень этих источников см. в списке сокращений и в указателях имен к латинскому тексту Иордана и русскому переводу.

ский труд по истории славянских, германских, иранских и других племен раннего средневековья, их передвижений и столкновений в пределах Восточной, Центральной и Западной Европы, а также — изменений в их общественном строе. Этот труд проливает свет как на исторические судьбы готов, так и на всю эпоху переселения народов и смены старого, рабовладельческого, греко-римского мира новым, феодальным строем, развившимся впоследствии у германских и славянских народов.

Большая научная заслуга Е. Ч. Скрижинской заключается не только в весьма ценных толкованиях самого текста Иордана, данных в переводе и обоснованных в примечаниях, но и в самостоятельном исследовании указанных выше вопросов в ряде обстоятельных примечаний, носящих характер статей, которые в целом рисуют широкую картину освещаемой комментатором эпохи. Показательно соотношение объема примечаний с размером переведенного Е. Ч. Скрижинской и комментированного ею источника: латинский текст Иордана занимает примерно 3—3,5 печатных листа (несколько больше — перевод), между тем примечания составляют около 20 печатных листов (набранных петитом).

Вступительная статья Е. Ч. Скрижинской, где высказан ряд весьма важных и новых в науке точек зрения относительно характера работы Иордана, места и времени ее написания, политической тенденции и т. д., представляет еще одно исследование автора, вносящее существенный вклад в источниковедение раннего средневековья.

В книге даны три приложения; во втором и третьем из них содержится ценное палеографическое исследование двух списков «Getica» Иордана — Лозаннского фрагмента, в некоторых отношениях близкого к утраченному Гейдельбергскому кодексу (самой ранней рукописи труда Иордана), и Палермского кодекса, найденного в 1927 г. и описанного итальянским историком Ф. Джунта в 1946 г. Палермский кодекс, стоящий в ряду одного из древнейших утраченных кодексов «Getica» (список начала VIII в.), представляет особую ценность — может быть, не меньшую, чем утерянный Гейдельбергский кодекс VIII в. Поэтому его исследование (так же как и Лозаннского фрагмента) весьма существенно, тем более что обследование этих кодексов впервые публикуется на русском языке и сопровождается репродукциями отрывков из рукописей на основании фотокопий и микрофильмов, присланных из Лозанны и Палермо.

I

Приступая к более подробному разбору труда Е. Ч. Скрижинской, мы остановимся прежде всего на комментариях, затем перейдем к анализу вступительной статьи и в заключение выскажем некоторые замечания по отдельным конкретным вопросам.

Так как сочинение Иордана посвящено главным образом истории готов, которых автор отождествляет с гетами, то большой интерес представляет выяснение вопроса о причинах такого отождествления и о том, насколько достоверны свидетельства Иордана о происхождении готов и ходе их передвижений с I до IV в. н. э. Обращаясь прежде всего к трактовке Е. Ч. Скрижинской всего этого круга вопросов, мы констатируем, что в ее комментариях убедительно показан исторический путь готов от Скандинавии к берегам Вислы, а затем — к Северному Причерноморью. Распутывая очень сложные нагромождения этнических названий у Иордана, Е. Ч. Скрижинская показывает, что отождествление готов с готами связано с политической тенденцией этого историка, с его стремлением преувеличить древность готов путем включения в их историю событий из истории фракийского (дакийского) племени готов. Эта операция облегчалась самим характером того материала источников, которым пользовался Иордан: уже Кассиодор сочетал имевшиеся у него данные о готах с известиями, найденными им у римских и греческих писателей о гетах, а между тем греческие писатели часто называли и готов, и готов скифами, откуда и произошло наблюдаемое у Иордана смешение готов с гетами, а отчасти и со скифами. При этом Иордан опирался на не дошедшее до нас произведение греческого писателя конца I — начала II в. н. э. Диона Хризостома, озаглавленное «Getica» (как и сочинение Иордана). Для событий начала III в. н. э., когда готы передвинулись с берегов Вислы в район Северного Причерноморья, важным источником послужили Иордану данные Аблавиа, готского писателя, произведение которого утрачено и который упоминается только у Иордана. Возможно, что к Аблавию в первую очередь и восходит отождествление Иорданом готов с гетами, изображенными в труде Диона Хризостома. Это отождествление (в духе указанной традиции античной историографии), усугубленное отмеченной выше политической тенденцией Иордана (а может быть, и его ближайшего источника — Кассиодора, а также Аблавиа), могло корениться в принятом у писателей I—IV вв. н. э. обычае называть то или иное племя по названию занимаемой ими в данное время территории; а так как готы в конце III в. н. э. заняли бывшую римскую провинцию Дакию, где раньше обитали геты, то отсюда и возникло перенесение названия «геты» на готов. Опираясь на свидетельство писателя начала V в. Орозия

о том, что «недавно считались гетами те, которые теперь считаются готами», Иордан попеременно употребляет и то и другое название².

На основании изложенного Е. Ч. Скржинская намечает такую последовательность этнического наименования области, которую Иордан обозначает как Дакию: вдоль течения реки Тиссы, далее по Карпатам и по течению Днестра до берега Черного моря: в I в. до н. э. Дакия выступает у Иордана как Гетия, потом она становится римской провинцией (с 107 по 271 гг.), а после 271 г. и до V в. Дакия превращается в Готию (позднее, в V—VI вв., ее занимают гепиды) (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 242—243). Эта последовательность подтверждает справедливость приведенного выше объяснения перенесения названия гетов на готов географическим размещением этих двух племен в разные периоды их истории (независимо от использования Иорданом этого смещения названий в политических целях).

Мы считаем очень важной аргументацию Е. Ч. Скржинской в пользу того, что готы не произошли от гетов и что Иордан, несмотря на сознательное смещение этих обоих названий, хотел в своем произведении проследить историю древнегерманского племени готов, происшедших из скандинавских и прибалтийских племен, впоследствии продвинувшихся к Черному морю. Этим, конечно, еще не решается вся совокупность весьма сложных вопросов, входящих в так называемую «готскую проблему». Однако уже доказательство этого кардинального тезиса проливает свет на многие из них, тем более что Е. Ч. Скржинская отнюдь не ограничивается этим, а делает ряд ценных экскурсов в раннюю и более позднюю историю готов.

Из числа экскурсов в раннюю историю готов отметим прежде всего соображения исследовательницы о том, что Скандинавия не случайно названа Иорданом *officina gentium* и *vagina nationum* («Getica», § 25): из нее выселились не только готы, но и другие германские племена; предположение о переселении готов из Скандинавии на побережье Балтийского моря (близ дельты Вислы) подтверждается как археологическими данными, так и сопоставлением со свидетельством более позднего, но весьма достоверного памятника VIII в. — «*Origo gentis Langobardorum*» (см. стр. 192—194). Значительную ценность представляет уточнение района поселения остготов (остроготов или грейтунгов) и вестготов (гезеготов или тервингов) после их передвижения с берегов Балтийского моря в область Северного Причерноморья. Опираясь на указания Иордана о происхождении названий остготов и везеготов от места их расселения, а также на филологический анализ названия той области, в которую первоначально переселились готы с Нижней Вислы в результате своего передвижения на юг, а именно — Ойум, Е. Ч. Скржинская приходит к выводу, что, вопреки мнению Г. В. Вернадского, готы могли продвигаться к берегам Днепра лишь в том месте, которое окружено топиями и болотами и на восток от которого, еще по свидетельству Геродота, тянулся большой лес (это — единственный в то время обширный лесной массив на всем северном побережье Азовского и Черного морей). Ввиду затруднительности перехода Днепра из-за болот, готы, по-видимому, пересекли реку в нижнем течении, недалеко от ее лимана; оседание части переселявшегося племени на островах и на разных берегах Нижнего Днепра, может быть, и послужило основанием для разделения готов на западных и восточных, которое произошло, вероятно, именно в это время. Остготы заняли левобережье Нижнего Днепра, а вестготы — его правобережье; часть готов переселилась в Крым, откуда некоторые из них передвинулись на Таманский полуостров (см. стр. 195—196, 247).

Значительно позднее (в 365—367 гг.) вестготы — еще до того, как на готов обрушились гунны, — передвинулись под предводительством короля Атанариха к Днестру, как об этом сообщают и Иордан, и Аммиан Марцеллин (см. стр. 280).

Значительный интерес представляют данные об общественном строе готов и политической роли их родовой знати, из среды которой выходили племенные вожди, а также собранные Е. Ч. Скржинской свидетельства византийского писателя начала V в. Зосимы и сведения из фрагментов утраченного произведения афинского историка III в. Дексиппа о грабительских набегах готов в 50—60-х годах III в. на Малую Азию и Балканский полуостров, в частности на Грецию (стр. 258—259). Эти походы, предпринимавшиеся из разных пунктов, расположенных на побережье Северного Причерноморья (от устьев Днепра и Буга, Днестра и Дуная), указывают на сравнительно раннюю экспансию готов за пределы основной области их расселения в III в., а также могут служить, по нашему мнению, косвенным подтверждением социального расслоения в среде готов, обусловившего в конечном счете такие отдаленные походы дружинников с их вождями. В этой связи любопытно указание Иордана на наличие у готов уже в давние времена (якобы уже при Дикинее, т. е. в I в. до н. э.) собственных «законов», которые, по словам историка, до сих пор (т. е. до VI в.) называются «белагины» («Getica», § 69). Е. Ч. Скржинская справедливо отвергает возможность существования ранней записи обычного права готов, хотя Иордан и говорит о писанных законах (впрочем, записанных, по его словам, в последствии: *Quas usque nunc conscriptas belagines nuncupant*; § 69); однако весьма существенна ссылка Иор-

² См. Е. Ч. Скржинская. Рец. соч., стр. 267, а также стр. 197, 224, 237—238, 242.

дана на возможность позднейшей записи древней устной традиции каких-то старинных обычаев, тем более, что слово «белагины», по Гримму, означает *Satzung* (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 238—239). Это «свидетельство Иордана, по нашему мнению, открывает путь к возможным предположениям о тех истоках устного обычного права, из которых черпала формулировку старинных готских обычаев первая по времени сводка писаного готского обычного права — кодекс короля Эвриха конца V в. (поскольку в нем — наряду с романизованными правовыми нормами — содержатся и элементы варварского, древнегерманского права).

В примечаниях Е. Ч. Скржинской подробно прослежена — параллельно с комментированием изложения Иордана и на основании всей совокупности доступных нам источников — также и более поздняя история готов, вплоть до образования Вестготского королевства в Южной Галлии и Испании и Остготского королевства в Италии. Попутно рассматриваются и взаимоотношения готов с другими германскими (гепиды, герулы, ругии, вандалы, свевы и др.) и славянскими племенами.

Из специальных экскурсов в позднюю историю готов следует особо отметить прежде всего примечание № 365, где подчеркнута разнородность «готского» военно-племенного союза под властью короля Германариха: по справедливому мнению автора этого экскурса, готы были не столь многочисленны в составе так называемой готской державы Германариха, ибо, кроме них, в нее входили многие другие племена, обитавшие в районе Северного Причерноморья, так что «готской» эта держава называется лишь по признаку правивших ею готских вождей (см. стр. 265). Но в ее состав не могли входить, вопреки ошибочному мнению Иордана, вызванному его стремлением прославить могущество Германариха, следующие отдаленные от области расселения готов в IV в. племена, покорение которых Иордан приписал Германариху на основании сведения воедино различных отрывочных свидетельств, а именно: северные племена (чудь, весь, меря, мордва), славянское племя венетов, оказавшее, согласно данным самого Иордана, сильное сопротивление готам, а также и эсти, жившие на берегу Балтийского моря. Е. Ч. Скржинская вполне правомерно отвергает некритическое отношение к тексту Иордана, которое вызвало неправильное утверждение, будто «Германарих властвовал под областями между Черным и Балтийским морями и между Моотидой и Карпатами» (см. стр. 265), а следовательно, и над всеми перечисленными выше негерманскими племенами.

Большой интерес представляют также наблюдения Е. Ч. Скржинской над терминологией Иордана; они приводят ее к выводу, что в IV в. у готов, кроме королей, были и такие военные вожди, которые правили своим племенем вместо королей (*regum vice*) и которых Иордан называет *reguli*: таковыми были Фритингерн у вестготов, Алатей и Сафрак у остготов, которых упоминает и Аммиан Марцеллин (Иордан в § 134 называет их *primates et duces qui regum vice illis praeerant*) (см. стр. 282)³.

Следуя за изложением Иордана, Е. Ч. Скржинская, не ограничиваясь, конечно, в своих комментариях историей ранних и более поздних передвижений готов (из Причерноморья за Дунай, а затем — в Мезию, Паннонию, Италию и Галлию)⁴, но дает также ряд экскурсов и в историю Остготского и Вестготского королевств (особенно подробно — по понятным причинам — комментируются события из времен Остготского королевства в Италии, вплоть до капитуляции короля остготов Витигеса в 540 г.).

Не имея возможности останавливаться на анализе всех этих экскурсов, отметим лишь, что они проливают свет на многие спорные вопросы истории Остготского и Вестготского королевств. Е. Ч. Скржинская делает также ряд ценных примечаний к свидетельствам Иордана и о других германских племенах — бургундзионах (бургундах), вандалах, свевах, гепидах, ругиях, маркоманнах и квадах, алеманнах, бастарнах (певкинах), лангобардах, рипариях (рипуарских франках), герулах, скирах и др.

Отметим, в частности, содержащиеся в этих примечаниях соображения Е. Ч. Скржинской о происхождении названия племени певкинов от острова Певки и его локализацию в устье Дуная, в одном из рукавов этой реки, выше ее дельты, возле селения Новиодун. Эта локализация Певки установлена на основании сопоставления данных Иордана со свидетельствами Страбона, Плиния Старшего, Птолемея и Тацита; в связи с этим в примечаниях № 248 и № 304 (стр. 244 и 253) прослежено отождествление и сопоставление певкинов с бастарнами (кельтское название того же, по-видимому, германского племени или союза племен, в который входили певкины) и Страбона, Плиния, Тацита и др. (бастарны упоминаются еще у Тита Ливия — 40, 57, 7—

³ Не лишено интереса в этой связи упоминание Аммианом Марцеллином — может быть, несколько в ином смысле — *regales* и *reguli* наряду с *reges* у алеманнов в середине IV в. («*Res gestae*», XVI, 12, § 26; XVIII, 2, § 13).

⁴ Точнее — переход части остготов после смерти Германариха на Днестр и Южный Дунай (стр. 319), пребывание готов — до их продвижения на Балканский полуостров — близ Днепро-Бугского лимана (стр. 330), пребывание остготов в Савии, т. е. между р. Савой и Дравой, по соседству с Далмацией, недалеко от Паннонии (стр. 341), и переход готов на Балканский полуостров.

как племя конца III в. до н. э.). Эти уточнения названий и локализации данного племени представляют весьма значительный интерес ввиду наличия разногласий у античных авторов в вопросе об этнической принадлежности этого племени: Тацит в своей «Германии» колебался, следует ли причислить певкинов (наряду с венедами и феннами) к германским или сарматским племенам, но все же, указывая на то, что певкинов называют бастарнами, склонялся к тому мнению, что они — германцы, так как похожи на этих последних по языку, образу жизни и характеру жилищ⁵. К германским племенам еще раньше Тацита причислял бастарнов Страбон (Geogr., VII, 3, 17). Плиний Старший в своей «Естественной истории» считал певкинов и бастарнов одной из основных групп германских племен (наряду с вандалиями, ингвэонами, иствэонами и гермионами — см. Plinius Sec., Nat. Hist., IV, 99—101), а эта классификация Плиния (о бастарнах см. также *ibid.*, IV, 81), как известно, легла в основу классификации важнейших групп древнегерманских племен, принятой наукой нового времени (в том числе и Ф. Энгельсом).

Весьма интересно также произведенное Е. Ч. Скржинской точное разграничение древнегерманского племени герулов, которых Иордан в § 23 выводит из Скандинавии, и «скифского» племени степных кочевников элуров (или герулов), которые, по данным этнического и географического словаря Стефана Византийского (V в. н. э.), ссылающегося на Дексиппа, а также по свидетельству Аблавия, жили в болотистой местности близ Мэотида, откуда и их название: по-гречески *ele* — местность стоячих вод (см. «Getica», § 117); по-видимому, Иордан в разных местах своего труда обозначил одним и тем же названием два различных племени — одно германское, которое впоследствии выступало в войсках Алариха и Одоакра и участвовало в междоусобных войнах после смерти Аттилы, и другое — негерманское (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 266).

В подробном специальном примечании № 314 выяснен вопрос о происхождении бургунов (бургундионов) из Скандинавии и окружающих ее с юга островов (наряду с другими крупными германскими племенами — вандалами, готами, герулами и ругиями), а также и о том, обитала ли когда-либо какая-нибудь часть бургунов на берегах Азовского моря. Этот последний вопрос, возникший в связи с упоминанием бургунов и уругунов у Агафия и Зосимы в качестве племен Причерноморья, Е. Ч. Скржинская, на наш взгляд, совершенно правильно решает отрицательно (путем сопоставления данных Плиния, Птолемея, Аммиана Марцеллина, Орозия и Прокпия); Е. Ч. Скржинская приходит к тому выводу, что под приазовскими «бургунами» Агафия следует разуметь одно из гуннских племен, — тем более, что тот же Агафий наряду с «понтийскими бургунами» называет и «бургундионов», которых он считает готским племенем. Таким образом, у Агафия произошло то же смешение двух разных племен со сходным названием, как и у Иордана в случае с герулами (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 254—256). В следующих примечаниях прослежены дальнейшие передвижения бургунов (их переход через Рейн и вторжение в Галлию).

В комментариях Е. Ч. Скржинской намечены также и основные этапы передвижений другого крупного германского племени — вандалов (делившихся на две ветви — «вандалов-асдингов» и «вандалов-сидингов»), от их перехода через Рейн в конце 406 г. и вторжения в Галлию (вместе со свевами, бургунами и аланами), а затем и в Испанию (вместе со свевами и аланами) (см. стр. 262—265, 277—278, 301 и др.) и вплоть до возникновения в дальнейшем Вандальско-Аланского королевства в Северной Африке. При этом Е. Ч. Скржинская указывает на ошибочность сообщения Иордана о пребывании вандалов в Паннонии в IV в.: сведения об этом встречаются только у одного Иордана и не подтверждаются археологическим материалом, между тем как о пребывании вандалов между Тиссой и Дунаем в IV в. имеются археологические данные (не исключена, впрочем, возможность, что Иордан имел в виду переселение в Паннонию лишь какой-нибудь части племени вандалов, ибо в § 115 он говорит о небольшом количестве вандалов (*pergauci Vandali*), переселившихся в Паннонию с разрешения Константина Великого после нанесенного им готами поражения (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 262—263, прим. № 362)).

Отмечая сложность состава различных древнегерманских (и не только германских) племен по Иордану, Е. Ч. Скржинская подчеркивает сбивчивость его терминологии при попытках разграничения рода, племени и народа: так, иногда Иордан употребляет слово *patio* для обозначения самой мелкой ячейки, слово *gens* — при определении более крупного этнического целого, а *populus* — для обозначения народа, состоящего из двух ветвей-племен (*gentes*); например в § 42 сказано, что *populus* гóтов разделился на везеготов и остроготов, которых при отдельном их упоминании Иордан обозначает словом *gentes*; однако гóтов в целом (для древнейшего времени) Иордан тоже называет *gens*; в некоторых случаях *gens* и *populus* у Иордана равнозначны

⁵ См. Т а с., Germ., 46: *Peucinorum Venetorumque et Fennorum nationes Germanis an Sarmatis ascribam dubito. Quamquam Peucini, quos quidam Bastarnas vocant, sermone, cultu, sede ac domicilliis ut Germani agunt...*

(см. Е. Ч. Скржинская, прим. № 313, стр. 254 и прим. № 316, стр. 256). По нашему мнению, возможно, что эти колебания Иордана объясняются не только неустойчивостью его терминологии (как и при употреблении терминов «гех», «regulus» и др. — см. выше), но и, с одной стороны, незавершенностью самого процесса образования новых племенных объединений из нескольких прежних, более мелких племен, а с другой — процесса перестановок внутри племенных союзов в результате их передвижений, постоянных войн, отщепления одной ветви того или иного племени от другой и т. д.

В комментариях Е. Ч. Скржинской подробно истолкованы также и данные Иордана о славянских племенах. В IV в. славяне делились на три основные группы: а) склавинов, составлявших тогда западную группу южной ветви славянских племен, б) антов — восточную группу той же южной ветви славян и в) венетов, составлявших северную ветвь славянских племен (см. стр. 210, прим. № 108).

Венеты, или венецы, упоминаются у античных писателей начиная с I в. н. э. и локализируются этими авторами (Плинием, Тацитом и Птолемеем) на берегах Вислы и Балтийского моря. При этом Тацит подчеркивал, что они не были кочевниками, и на этом основании склонен был считать их германцами, между тем как Плиний относил их к сарматам; и то, и другое этническое приурочение венетов, конечно, неверно, но правильно их противопоставление кочевникам (Тас., Germ., 46). В отличие от античных авторов, византийские писатели (Прокопий, Агафий, Менаандр и Феофилакт Симокатта), дающие обычно достоверные сведения, не упоминают названия венетов; по мнению Е. Ч. Скржинской, это подтверждает точность свидетельства Иордана, согласно которому название «венеты» к VI в. уже перестало служить общим обозначением славян и либо стало употребляться наряду с названием «склавины» и «анты», либо — вытесняться этими последними (что, по мнению автора комментария, несомненно для южных областей распространения славянских племен) (см. «Getica», § 34 и § 119; прим. № 107). В § 34 Иордан подчеркивает многолюдность венетов и обширность занимаемой ими территории; указанные античными авторами пределы этой территории соответствуют действительности, так как следы пребывания венетов именно в этих пределах в I в. н. э. подтверждаются археологическими данными — памятниками так называемой пшеворской культуры. По-видимому, венеты были в начале нашей эры обширной совокупностью славянских племен (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 209—210).

В отличие от названия «венеты», наименование «склавины» распространилось на все славянские племена лишь после VI в., а в VI в. имело только частное значение. На основании анализа эпиграфического памятника конца VI в. — эпитафии, посвященной бургундскому аббату (впоследствии епископу в Северо-Западной Испании) Мартину (ум. в 580 г.), в которой в числе племен, приобщенных им к христианству, указаны «склавы» и «нары» («нарцы»), Е. Ч. Скржинская приходит к выводу, что склавины обитали в VI в. в пределах Норика (отсюда и Nara) и что западная граница их расселения проходила близ реки Савы, между тем как на восток их поселения простирались до Днестра. Этот вывод подтверждается разбором названия Мурсианского озера, упомянутого лишь у Иордана (в § 30 и 35): из сопоставления результатов этого разбора с локализацией приводимого Иорданом в § 35 названия города Новиетун на среднем течении р. Савы Е. Ч. Скржинская извлекает убедительные аргументы в пользу предложенной ею локализации склавинов в VI в.; при этом она отвергает возможность отождествления Новиетуна с одноименным поселением в области племени бастарнов на правом берегу Дуная, немного выше его дельты, и отмечает ошибочность отнесения А. В. Мипулиным эпитафии Мартину к произведениям античных писателей: эта ошибка породила неверное представление о названии «склава» как о древнейшем упоминании славян.

Примечания № 108, 109 и 110, содержащие разбор всех указанных вопросов, представляют собой специальное исследование, выясняющее весьма важные для истории древних славян проблемы (см. стр. 210—218). Это — краткое резюме части статьи Е. Ч. Скржинской «О склавинов и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне» (см. ВВ, XII, 1957). Но и за многими комментариями Е. Ч. Скржинской к Иордану стоит столь же глубокая и фундаментальная исследовательская работа, результатом которой являются подчас кратко изложенные примечания.

Уточняя локализацию восточной группы южной ветви славянских племен, т. е. племен антов в VI в., Е. Ч. Скржинская сопоставляет свидетельство Иордана с данными Прокопия и отмечает, что Прокопий в этом вопросе менее точен, чем Иордан. Проведенное автором сопоставление сообщений обоих писателей VI в. приводит его к тому выводу, что восточная граница расселения антов в VI в. не заходила на левобережье Нижнего Днестра и что они жили в это время к востоку от склавинов, т. е. между Днестром и Днепром, у северо-западных берегов Черного моря. Несмотря на большую распыленность определения территории антов у Прокопия, чем у Иордана, Прокопий в сущности не противоречит Иордану; безусловно правильным является свидетельство Прокопия о многочисленности антов: об этом говорят и такие факты, как наличие у них многих предводителей («архонтов» — по Менаандру) и обмен посольствами между ними и Юстинианом (Прокопий, «Война с готами»); но с конца

VI — начала VII в. упоминания об антах становятся все реже, а потом и вовсе прекращаются (см. стр. 218—220).

Особо следует рассматривать, по мнению Е. Ч. Скржинской, вопрос относительно области расселения антов в IV в. ввиду неясности хода их передвижений с IV по VI в. Во всяком случае весьма возможно, что в IV в. они обитали на правом берегу Нижнего Днепра, где у них был свой вождь по имени Бож, упоминаемый только Иорданом, и притом один раз (в § 247); разбирая различные толкования этого имени, Е. Ч. Скржинская предлагает поставить его в связь со славянским словом «вождь» и считать его не именем собственным, а синонимом слова «dux» (хотя она подчеркивает, что и слово «вождь» могло быть собственным именем предводителя антов) (см. стр. 320—322). Столкновение остготского вождя Винитария (одного из преэминов Германариха) с Богом комментатор, вопреки принятому мнению, предлагает относить не к году смерти Германариха, а к самому концу IV или началу V в. (см. стр. 320); при этом отвергается мнение Шмидта о легендарности Бога и Винитария, а также — всего рассказа Иордана о борьбе готов Винитария с антами и гуннами и указывается на историчность имени «Винитарий», сохранившегося вплоть до VIII в. (имя писца-монаха Сен-Галленского аббатства) (стр. 320). Точно так же не принимает Е. Ч. Скржинская и гипотезу Ольрика и Шмидта, отождествляющих (на основании филологического анализа этнического названия «анты») ранних антов IV в. с кавказскими аланами: не отрицая того, что это название может происходить от аланского корня, Е. Ч. Скржинская подчеркивает, что этим именем могли называться не только аланские, но и славянские племена, впоследствии подпавшие под господство аланских родов, которые подверглись славянизации (эту возможность признал впоследствии — в 1953 г. — Г. В. Вернадский, который в своих прежних работах еще примыкал к аланской гипотезе происхождения антов) (см. стр. 321—322).

Таким образом, Е. Ч. Скржинская присоединяется к мнению советских славистов (М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова и Д. С. Лихачева) о принадлежности антов к славянским племенам (см. стр. 322).

В примечании № 70 к слову «спалы» (у Иордана в § 28, где идет речь о племени, на которое напала часть готов после их продвижения в область Ойум) Е. Ч. Скржинская вполне обоснованно придает большое значение упоминанию Иордана о спалах на Нижнем Днепре, ибо у Прокопия близкое к слову «спалы» название «споры» (так же, как и слово «венеты») служило общим наименованием для двух будущих крупных групп славянских племен — склавенов и антов; поэтому указание Иордана на пребывание спалов в области нижнего течения Днепра существенно для локализации славян в III—IV вв. (см. стр. 196).

Свидетельство Иордана о подвластных Германариху «росомонах», упоминающихся только Иорданом (в § 129), Е. Ч. Скржинская предлагает не смешивать с данными о «роксоланах», упоминаемых Страбоном, Птолемеем и тем же Иорданом; отвергая предположение Шмидта о фиктивности племени «росомонов», Е. Ч. Скржинская указывает на существенное значение начала их названия — «рос», которое происходит либо от осетинского (аланского) «рохс» — «светлый», либо от названия народа «рос» — по свидетельству писателя VI в. Захария Ритора. Если принять это последнее толкование, то «росомоны» могут считаться «ядром» будущей русской народности (по мнению Б. А. Рыбакова; ср. также предложенное Н. В. Пигулевской исследование сирийских источников VI в. — хроник Иоанна Эфесского и Захария Ритора). Однако Е. Ч. Скржинская подчеркивает, что историческая наука еще не разгадала окончательно смысл названия «росомоны» и не произвела их точного этнического приурочения (см. стр. 279—280).

Отмечая упоминание Иорданом в § 24 германского племени ругиев, а также вышедших из Скандинавии («с острова Скандзы») ульмеругов — островных ругиев (§ 26), Е. Ч. Скржинская сопоставляет это свидетельство Иордана с данными Тацита о ругиях, живущих у самого «океана» (т. е. Балтийского моря) (Тас., Germ., 44), и о большом племени лугиев, занимающем обширную территорию между Одером и Вислой и распадающемся на целый ряд более мелких племен, частично перечисленных Тацитом⁶. При этом Е. Ч. Скржинская разграничивает эти два соседних племени по их этническому происхождению и, в отличие от ругиев, считает лугиев, упомянутых также в качестве большого племени Страбоном (Geogr., VII, I, 3), славянами; она опирается при этом на археологические данные (близость так называемой «лужицкой культуры» к культуре венедов) и на Пейтингеровы таблицы IV в., называющие и венедов, и лугиев сарматами, т. е. рассматривающие лугиев как негерманское племя (см. стр. 192—193).

В примечаниях о часто упоминаемых Иорданом сарматах Е. Ч. Скржинская, указывая на собирательный характер этого названия, исходящего в сущности из географического признака (племени Сарматии, т. е. средней и южной части Восточно-Ев-

⁶ См. Тац., Germ., 43: Ex quibus latissime patet Lugiorum nomen in plures civitates diffusum. Valentissimas nominasse sufficiet, Harios, Helyeconas, Manimos Helisios, Nahanarvalos.

ропейской равнины от Карпат до Волги), разбирает отдельно исторические судьбы различных племен, именуемых сарматами: 1) мэотов (к востоку от Мэотиды, т. е. Азовского моря); 2) аланов, живших в степях Северного Кавказа; 3) роксоланов, обитавших между Доном и Днепром; 4) язигов, обитателей степей к востоку от Дуная и берегов Тиссы (в том районе, где Дунай течет с севера на юг) (см. стр. 232—233). Из этих сарматских племен большую историческую роль в III—V вв. играли аланы, которые уже в начале нашей эры обитали к северу от Кавказа, вокруг Азовского моря и на левобережье Дона, откуда совершали походы в Закавказье (ср. данные об этом у Иосифа Флавия, Птолемея и Лукиана). Согласно свидетельствам Аммиана Марцеллина, в III—IV вв. название «аланы» имело уже собирательное значение, из чего Е. Ч. Скржинская делает вывод о существовании мощного племенного союза аланов за Доном в III—IV вв. (см. стр. 274—275).

Сопоставляя сообщение Аммиана Марцеллина о кочевом образе жизни аланов с данными археологических исследований советских ученых, Е. Ч. Скржинская подчеркивает наличие оседлых аланских поселений на Северном Кавказе в IV—V вв.; на основании данных того же Аммиана Марцеллина об общественном строе аланов — равенство всех аланов друг с другом, выбор старейшин (*iudices*) за военные заслуги, отсутствие упоминаний о рабстве (*Amm. Marc., XXXI, 2, 25*) — Е. Ч. Скржинская считает, что в социальном строе аланов «заметны черты военной демократии» (стр. 275). Однако до IV в. многие аланские племена, по-видимому, были кочевниками, как это видно из Аммиана Марцеллина, хотя он и неправильно сближает их с гуннами (см. стр. 276).

Проследившая участие аланов в переселении народов в V в., Е. Ч. Скржинская указывает, что, несмотря на слияние значительной части аланов с вандалами в Испании и Африке после совместного их продвижения через Испанию и после основания Вandalьского королевства в Африке, следы аланов встречаются впоследствии (в XI—XIII вв.) по Нижнему Дунаю, на северо-западном побережье Черного моря и в Крыму, как это явствует из сообщения византийских писателей и из императорских хрисовулов (эти аланы иногда называются массагетами) (см. стр. 276—278). Возвращаясь к событиям V в., Е. Ч. Скржинская упоминает о неоднократном участии аланской конницы в сражениях то на стороне Стилихона и Аэция, то на стороне Одоакра (стр. 287, 303 и др.).

Комментируя сообщения Иордана о гуннах и сопоставляя их со свидетельствами Аммиана Марцеллина, Орозия и Приска, Е. Ч. Скржинская отмечает недостаточность представлений европейских авторов о происхождении гуннов; оставляя эту проблему в стороне ввиду того, что она выходит за пределы излагаемых Иорданом событий (если не считать его легендарного экскурса, содержащего фантастическое объяснение происхождения этого племени), Е. Ч. Скржинская проследживает (на основании более точных данных Аммиана Марцеллина и особенно Приска, а также заимствованных у него свидетельств самого Иордана и отчасти Прокопия) весь последующий путь гуннов по Европе в течение IV—V вв. — от правобережья Дона до Балканского полуострова, Галлии и Италии. При этом она отмечает этническое многообразие гуннского союза и подчеркивает влияние славян на гуннов (соприкосновение гуннов с антами в конце IV в. на Днепре и возможность пребывания славян на Тиссе и в Паннонии уже в V в.) (см. стр. 268—270, 271, 283). Попутно проследжены и взаимоотношения гуннов с готами, вандалами, аланами и другими племенами (см. стр. 277, 303—304, 307—308 и др.).

Вполне обоснованно отвергает Е. Ч. Скржинская выдвинутый А. Н. Бернштамом тезис о прогрессивной исторической роли гуннов в уничтожении античных рабовладельческих отношений в качестве участников событий, которые создали новую, феодальную социально-экономическую формацию (см. стр. 304—305).

В нашей рецензии мы, естественно, не могли исчерпать все многообразие конкретного материала, содержащегося в комментариях Е. Ч. Скржинской к Иордану: мы стремились лишь показать на целом ряде примеров ценность проделанных ею исследований и сопоставлений данных разных источников по истории упомянутых Иорданом германских, славянских, иранских и других племен. Заканчивая разбор комментариев, считаем нужным отметить, что Е. Ч. Скржинская не только проследживает исторические судьбы этих племен, но анализирует и восстания рабов, колоннов и солдат, происходившие параллельно с передвижениями тех или иных варваров: так, она останавливается на истории поддержанного вандалами восстания Стоты в Африке вскоре после завоевания Вandalьского королевства Византией (по данным Иордана и Прокопия) (стр. 300—301), на движении багаудов (с III по V в.), решающее поражение которым нанес в 448 г. король аланов Гоар по приказанию Аэция (стр. 302—303), а также на движении скамаров в Верхней Мезии в конце V — начале VI в. Е. Ч. Скржинская вносит много нового в истолкование этого последнего движения путем сопоставления данных Иордана (§ 300—301) и «Жития св. Северина», написанного в 514 г. Евгением и представляющего собою памятник, близкий к узко локальной хронике. Это сопоставление позволяет Е. Ч. Скржинской точнее выяснить социальный состав скамаров и внести ряд существенных поправок в прежние работы

на эту тему (в частности в работы А. Д. Дмитриева). Прodelанный комментатором анализ подтверждает не только связь движения скамаров с набегами варваров (алеманов, турингов, готов) из-за Дуная на Балканский полуостров, но и наличие в составе скамаров простых земледельцев-крестьян, которые собственными руками производили полевые работы (*opus agrale*, по словам Евгиппия).

Весьма существенны также соображения Е. Ч. Скржинской, касающиеся этимологии слова «скамары». Е. Ч. Скржинская отвергает предположение Брункера о связи этого слова с языком лангобардов и на основании данных Евгиппия показывает, что оно употреблялось в Норике и Паннонии уже в V в., когда лангобардов там еще не было; наличие слова «скамаг» (*scamaagae*) в лангобардском эдикте Ротари 643 г. (§ 5) может быть объяснено заимствованием лангобардами этого местного придунайского выражения во время их пребывания в Паннонии (стр. 356).

II

Во вступительной статье Е. Ч. Скржинская подробно останавливается на следующих вопросах: об этнической принадлежности и происхождении Иордана, о времени его службы в качестве нотариуса, о его «обращении» (*conversio*), о месте, где было написано его сочинение, и политической тенденции последнего.

Вопреки принятому в специальной литературе толкованию точки зрения Т. Моммзена и Г. Ваттенбаха и в отличие от мнения других ученых (Л. Ранке, Вельфштин и др.), Е. Ч. Скржинская считает Иордана готом: она основывается на его собственном прямом заявлении о том, что он гот (§ 316). Предположение Моммзена, что Иордан, будучи по происхождению аланом, мог назвать себя готом только потому, что находился среди готов, а не на исконной родине аланов, Е. Ч. Скржинская считает малоубедительным; при этом она отмечает ряд колебаний Моммзена в вопросе об этнической принадлежности Иордана, которого Моммзен в других местах введения к его изданию «*Getica*» называет «готом, живущим в Мезии или Фракии», «автором, ведущим свое происхождение от мезийских готов». Е. Ч. Скржинская полагает, что в этом вопросе прав Левисон, который в последнем издании известного труда Ваттенбаха (1952 г.) ссылается на то, что сам Иордан причисляет себя к готскому племени (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 12—14).

Кратко упомяная в § 266 «Гетики» о своем происхождении, о деде и отце, Иордан ставит рядом с именем аланского вождя Кандака странное слово Алановийамутис (*Alanoviamuthis*), которое Е. Ч. Скржинская, вслед за Гринбергером (1889 г.) и Фридрихом (1907 г.), предлагает читать, как *Alan [orum] ducis] Viamuthis*... Такое чтение позволяет считать, что отец Иордана носил готское имя Вийамут. Смысл текста в § 266 Е. Ч. Скржинская разъясняет следующим образом: дед Иордана Пария служил нотарием у аланского вождя Кандака; сыном этого Пария был отец Иордана Вийамут; сам же Иордан служил нотарием у племянника Кандака (сына его сестры), Гунтигиса-Базы (см. стр. 14—15 и 120). При таком толковании слово *Viamuthis* следует относить к словам *patris mei* (в род. падеже). Но если принять возражения Моммзена против расчленения слова *Alanoviamuthis*, то следует отнести его не к *patris*, а к предшествующему слову *Candacis*; в таком случае вышеприведенное загадочное слово придется (как это и сделано в переводе на стр. 120) считать прозвищем аланского вождя Кандака (ибо в этом слове несомненно наличие этнического названия аланов) и полагать, что Иордан назвал имя его нотариуса, своего деда (Пария), но не упомянул вовсе имени своего отца (Е. Ч. Скржинская, прим. № 660, стр. 333—335). Как бы то ни было, но при том и другом толковании остается несомненным, что и дед Иордана, и он сам (Иордан до своего «обращения») служили нотариисами и что Иордан занимал эту должность у крупного военачальника Гунтигиса-Базы, который по матери происходил от аланов, а по отцу — из знатнейшего готского рода Амалов. По-видимому, Иордан служил нотариисом в начале VI в. (между 505 и 536 гг.).

Весьма возможно, по мнению Е. Ч. Скржинской, что дед Иордана был нотариисом в Нижней Мезии и Малой Скифии, правителем которых являлся Кандак; может быть, сам Иордан родился в Мезии, на что косвенно указывает описание им «многочисленных племен» так называемых малых готов (в § 267 — вслед за автобиографическими данными, сообщенными им в § 266), ибо малые готы жили как раз в Мезии. Если это так, то во время своего пребывания в готской Мезии Иордан мог быть арианом, а так как впоследствии он называл арианство «лжеучением», то возможно, что упомянутое им «обращение» (*conversio*) следует понимать как его переход из арианства в «правоверие», в православие (т. е. в «католицизм»). Это не исключает, впрочем, того, что в результате *conversio* Иордан вступил в группу лиц, называемых *religiosi*, которые, оставаясь мирянами, соблюдали некоторые правила монашеской жизни; но, как полагает Е. Ч. Скржинская, Иордан не был монахом (ср. стр. 17—18, 22—23, 60). Наличие упоминаний о Иордане как епископе еще не дает оснований говорить о его вступлении в монашество, так как он мог стать епископом непосредственно из группы *religiosi*. Во всяком случае он никогда не был епископом в Равенне, хотя в заглавиях

ряда древнейших рукописей его работ Иордан назван равеннским епископом: этой возможности противоречит, во-первых, отсутствие упоминаний о епископе по имени «Иордан» в списке епископов Равенны («*Liber pontificalis*» равеннской церкви), составленном в IX в., а во-вторых, то обстоятельство, что равеннский географ VIII в., неоднократно ссылающийся на Иордана, и притом всегда в связи с описанными им странами, не называет его епископом, а только космографом или хронографом; это было бы невероятно, если бы Иордан в самом деле являлся епископом в родном городе географа — Равенне (см. стр. 18—22).

Несмотря на то, что Иордан в уже цитированном § 266 своей «*Getica*» называет себя *agrammatus*, он, несомненно, был человеком начитанным, знакомым с сочинениями многих античных авторов — греческих и римских историков и географов. Выражение *agrammatus* не надо понимать буквально: оно означало лишь человека, не получившего систематического школьного образования, т. е. не прошедшего школьного «тривия», в программу которого входила грамматика; называя себя *agrammatus*, Иордан хотел лишь подчеркнуть, что он недостаточно хорошо владеет латинским литературным языком; к тому же это выражение могло быть продиктовано стремлением автора к самоуничижению (подобное стремление очень явственно проступает и у Григория Турского, который писал по-латыни гораздо лучше Иордана) (см. стр. 24—28, 60).

Изложенные соображения Е. Ч. Скрижинской вносят много нового в наши сведения о происхождении, этнической принадлежности и биографии Иордана, что очень важно для уяснения характера и исторического значения его труда.

Но наиболее существенными представляются нам исследования Е. Ч. Скрижинской, посвященные следующему кругу вопросов: взаимоотношение утраченной «Истории готов» Кассиодора и «*Getica*» Иордана, политическая тенденция сочинений этих обоих авторов, место написания «*Getica*». Е. Ч. Скрижинская датирует время завершения «*Getica*» и «*Romana*» 550—551 годами и отмечает при этом, что изложение в «*Getica*» обрывается на 540 г. (т. е. на капитуляции остготского короля Витигеса), между тем как в «*Romana*» оно доведено до 551 г. (хотя о смерти византийского полководца, племянника Юстиниана Германа, преемника Велисария, и о рождении Германа — сына упомянуто и в конце «*Getica*»). Е. Ч. Скрижинская подчеркивает, что «*Getica*» и «*Romana*» Иордана нередко упоминаются в старых каталогах средневековых библиотек, между тем как такое крупное произведение, как «История готов» Кассиодора в 12 книгах, о котором неоднократно говорит сам Кассиодор в своих «*Variarum*» и которым пользовался Иордан, там не отмечается. Отсюда автор делает вывод, что хроника Кассиодора не дошла до нас отнюдь не в силу случайных причин: в изменившейся к 550—551 гг. политической ситуации надо было устранить труд Кассиодора, заменив его компиляцией, близкой по содержанию, но с другим замыслом и другим заключением: «Кассиодора целиком заменил Иордан» (стр. 33, 39, 40). Этот вывод Е. Ч. Скрижинская подробно аргументирует разбором политических событий от последних лет правления Теодориха до 551 г.

Во время существования Остготского королевства в Италии на международной арене действовали три политические силы: готы (во главе с остготской знатью и королевской властью), италийцы (т. е. коренное римское население Италии, высшие социальные слои которого составляли крупные итальянские землевладельцы, чиновничество и представители католической церкви) и Византийская империя (см. стр. 36, а также стр. 349, 359). Теодорих хотел «спаять» готов и италийцев, хотя он и не стремился к слиянию готов с населением Италии; при этом он намеревался сохранить римскую экономику и законы, лишь до известной степени обновив их; тем самым он хотел сохранить и итало-готский дуализм — при полной независимости Остготского королевства, этого «гибридного государственного организма» (стр. 359) от восточноримской империи. Это основное направление политики Теодориха хорошо сформулировано современным анонимным хронистом в следующих словах: «И так он правил двумя народами — римлянами и готами, слитыми воедино» (*Anonymus Valesii*, 60).

Однако такую политику можно вести лишь временно, и она могла удаваться только внешним образом; вернее — некоторое время могло казаться, что она удается. Но уже к концу правления Теодориха недовольство высших классов италийского общества господством остготов настолько усилилось, что в «римском сенате созрел план освобождения Италии от готского владычества» (стр. 37); сторонники этого плана вступили в союз с Византией (может быть, с Юстинианом, как раз в это время стремившимся к императорской власти). Раскрытие заговора Теодорихом, казнь главы римского сената Симмаха и магистра официальной Боезны и низложение папы Иоанна I знаменовало поворот в политике Теодориха и его стремление усилить преобладание остготов над римлянами в Италии. При Аталарихе и Амаласвинте уже шла открытая борьба двух течений — одного, стремившегося продолжить политику последних лет правления Теодориха (Е. Ч. Скрижинская называет его «ультраготским»), и другого — готового идти на тесное сближение Италии с Византией, которое должно было привести к подчинению остготской Италии империи (Е. Ч. Скрижинская называет это течение «итало-византийским» — см. стр. 40—41).

Политическая тенденция хроники Кассиодора, задуманной и начатой еще при Теодорихе, отражала политику последних лет его правления; труд Кассиодора «должен был, возвысив варваров до уровня римлян, подготовить дальнейшее преобладание варваров над римлянами» (стр. 39). «Книга Кассиодора должна была способствовать противопоставлению Остроготского королевства империи и отрыву Италии от последней» (стр. 38). В обращении короля Аталариха к римскому сенату в конце 533 г. (составленном, конечно, самим Кассиодором и дошедшем до нас в тексте его «*Variae*», IX, 25) Кассиодору ставилось в заслугу то, что он своим прославлением готов и Амалов «превратил происхождение готов в римскую историю, сделал историю готов частью истории римской» (стр. 34). Однако, несмотря на это, в 533 г. король и его готское окружение уже видели в этом труде идеалы «ультраготского» направления. Что же касается самого Кассиодора, то, по мнению Е. Ч. Скржинской, он, скорее всего, осторожно «лабирировал между приверженцами ультраготского и итало-византийского течения, втайне склоняясь ко второму» (стр. 40—41).

За четверть века после смерти Теодориха обстановка резко изменилась: после капитуляции остготского короля Витигеса в 540 г. и далее — во время длительной борьбы Тотилы с Византийской империей — произошли существенные перемещения внутри остготского общества, и «провизантийская» позиция италийской знати очень усилилась. Если на сторону Тотилы переходили крестьяне и рабы, а также римские солдаты, то италийская знать и часть готской знати были ему враждебны. После взятия Равенны и окружающих его готских крепостей Велисарием и после того, как война остготов с империей продолжалась с переменным успехом, решающим поворотом в этой борьбе послужил в 550 г. морской бой за Анкону — единственный опорный пункт византийцев на Адриатическом побережье (исключительное значение этого сражения для обеих сторон видно из характера речей византийских полководцев и Тотилы перед боем — речей, включенных Прокопием в его историю готских войн). После поражения готов при Анконе исход войны был предreshен (стр. 45—46). В этой обстановке, по мнению Е. Ч. Скржинской, «в определенных общественных кругах было решено создать трактат о готах, в прошлом славных и непобедимых, а в настоящем преклоняющихся перед императором-победителем» (стр. 46); это было, полагает автор вступительной статьи, в интересах италийской и части готской знати, которую не устраивала тенденция Кассиодора — его стремление «отстаивать равенство готов и италийцев с тем, чтобы оправдать подчинение вторых первым» (стр. 39). Историческим трудом, проникнутым новой тенденцией, и послужила «*Getica*» Иордана, которую Е. Ч. Скржинская считает «не чем иным, как политическим, если не своеобразно публицистическим трактатом, созданным по требованию определенной общественной группы в известный переломный для нее политический момент» (стр. 47).

По мнению Е. Ч. Скржинской, весьма возможно, что сочинение Иордана, «полностью воспроизводящее Кассиодорово возвеличение готов», но с другой тенденцией, «удачно маскировало ставшую неуместной политическую направленность труда Кассиодора» (стр. 39). В силу этих соображений Е. Ч. Скржинская считает допустимым «предполагать, что Касталий, побудивший Иордана составить «*Getica*», выражал желание самого Кассиодора и близких ему общественных кругов» (стр. 40). «Во всяком случае книга Кассиодора в ее первоначальной редакции ко времени перелома в ходе войны в Италии в 550—551 гг. устарела, а впоследствии, по-видимому, была уничтожена» (Е. Ч. Скржинская, стр. 40).

Изложенная аргументация служит Е. Ч. Скржинской подтверждением ее другого предположения, а именно, что «*Getica*» была написана Иорданом в Равенне. Равенна выступает в изложении Прокопия «как опорный пункт империи, соединяющий ее с Италией» (стр. 50). Вряд ли «*Getica*» могла быть составлена в Константинополе, ибо в столице Византийской империи не пользовался бы таким почетом Кассиодор, бывший некогда главной фигурой в Остготском королевстве, и не стал бы так известен Иордан, которого с уважением упоминает анонимный равеннский географ (стр. 52—53). Между тем Иордан, как известно, не только широко обращается к труду Кассиодора, но и сообщает, что, приняв поручение Касталия написать «*Getica*», он получил хронику Кассиодора (конечно, уже ранее ему известную) от его управителя для повторного «трехдневного чтения», т. е. для просмотра (см. стр. 50—51). При этом Иордан называет Касталия «соседом племени готов» («*vicinus gentis*»), а это, по мнению Е. Ч. Скржинской, можно объяснить только тем, что Касталий находился в это время в пределах владений готов — к северу от реки По, а может быть, в их центре, в городе Тицине, между тем как Иордан был в византийских владениях, т. е. в Равенне (см. стр. 52).

Военно-политическая ситуация после поражения готов при Анконе, когда средоточием готских сил стал именно город Тицин (Павия) и когда готы были отеснены к северу от реки По, а Равенна противостояла Тицину, была такова, что естественно было составление труда с политической тенденцией «*Getica*» Иордана именно в Равенне, ибо как раз оттуда, по мнению Е. Ч. Скржинской, «должна была идти в правящую готскую среду пропаганда за признание остготами власти императора, за:

отход от собственной политической самостоятельности» (стр. 50). В пользу того предположения, что «*Getica*» была составлена в Равенне, Е. Ч. Скржинская приводит еще несколько дополнительных аргументов, из которых отметим следующий. По мнению Е. Ч. Скржинской, сторонники того, что Иордан был епископом в калабрийском городе Кротоне, неправильно считали, что диспенсатор Кассиодора выдал Иордану книгу Кассиодора для просмотра из библиотеки основанного им Вивария (близ Кротона): Виварий был основан после 550 г., и рукописи Кассиодора в 550—551 гг., накануне их отправки в Виварий, вероятнее всего, находились еще в Равенне (см. стр. 52).

Кратко изложенные нами выводы вступительной статьи, дающие ряд новых решений спорных вопросов, сжато сформулированы автором в заключительной части статьи (стр. 60—61).

Что касается перевода Иордана, то мы считаем нужным прежде всего отметить, что всякий перевод исторического памятника есть его толкование. Ценность перевода в значительной степени зависит поэтому не только от эрудиции переводчика, но и от его общей концепции значения и характера переводимого источника. Как мы уже видели, Е. Ч. Скржинская имеет хорошо продуманное и самостоятельное представление о «*Getica*» Иордана как об историческом источнике. Это — основное условие, обеспечивающее научные достоинства перевода и определяющее плодотворность предлагаемых Е. Ч. Скржинской толкований. Преодолевая значительные трудности в передаче неправильного латинского языка Иордана и его сложного и неудачного литературного стиля, Е. Ч. Скржинская стремилась сочетать близость к оригиналу с доступностью русского перевода для читателя, чего она и достигла.

III

Приступая к изложению наших критических замечаний, мы обратимся прежде всего к комментариям. Начнем с некоторых дополнений, которые, как нам кажется, были бы уместны в примечаниях к Иордану. Эти дополнения касаются главным образом тех случаев, когда напрашиваются некоторые параллели между теми или иными явлениями из истории готов и других (частично более ранних) древнегерманских племен.

1. В примечании № 477 (стр. 297) приводится свидетельство Орозия о смерти вестготского короля Атаульфа, убитого «из-за козней своих» («*dolo suorum*», т. е. готов). Может быть, не лишним было бы указать в том же примечании, что Тацит дает аналогичное объяснение убийству Арминия, который, по его словам, пал жертвой коварства своих родных («*dolo propinquorum cecidit*». — Тас., *Annales*, II, 88). Как нам представляется, это стоило бы отметить потому, что подобные случаи, — по-видимому, часто имевшие место в истории древнегерманских племен, — указывают на недостаточную прочность королевской власти и на ее борьбу с племенной знатью у древних германцев вплоть до начала V в.

2. В примечании № 248 (стр. 244) правильно отмечено, что название крупного — по-видимому, германского — племени «бастарны» — слово кельтское, а не германское, что само по себе еще не решает вопроса об этнической принадлежности бастарнов. Этот факт представляет интересную параллель к тому, что и общеплеменное обозначение древних германцев — «*Germani*» — слово не германского происхождения, а, может быть, иллирийского; в пользу последней возможности привел интересные аргументы (в том числе эпиграфические данные из придунайских областей) Э. Норден (E. Norden) в своей книге «*Alt-Germanien. Völker- und Namengeschichtliche Untersuchungen*» (Berlin, 1934). Разбор известного текста «Германий» Тацита (Germ., 2), в котором содержится объяснение переноса названия «*Germani*» с племени тунгров на всех германцев, см. в другой, более ранней работе Нордена (E. Norden. *Germanische Urgeschichte in Tacitus Germania*. Berlin, 1922, S. 314—352). Однако указанный текст Тацита еще не дает разгадки самого происхождения названия «*Germani*», хотя Тацит и указывает, что так называли галлы вытеснившие их с берегов Рейна германское племя тунгров; поэтому гипотеза Нордена об иллирийском, а не о кельтском происхождении названия «*Germani*» представляет интерес. С другой стороны, указание Тацита на то, что название одного племени, перенесенное галлами на остальные германские племена из страха (*ob metum*) перед победителем, т. е. тунграми, распространилось на весь «народ» (Germ., 2: *ita nationis nomen, non gentis evaluisse paulatim*), является любопытной параллелью к отмеченному Е. Ч. Скржинской употреблению Иорданом понятия *natio* и *gens*.

3. В примечании № 250 (стр. 244) «Аламманские поля» (*Alamannica arva*) в § 75 «*Getica*» Иордана совершенно правильно сопоставляются и отождествляются с так называемым «Десятиными полями» (*agri decumates* между верховьями Дуная и Рейном), упомянутыми Тацитом в 29-й главе его «Германий». Нам представляется, что и в этом случае следовало бы упомянуть предложенное Норденом толкование названия *agri decumates*, которое он производит не от латинского обозначения подати в виде десятины, уплачиваемой римскими колонистами в казну, а от кельтского слова

decumat, обозначавшего, по его мнению, «десяток» населявших эти «поля» родоплеменных групп. Книга Нордена «Alt-Germanien» вообще не цитируется в примечаниях к Иордану (ее нет и в списке литературы), между тем она представляет значительный интерес — независимо от согласия или несогласия с теми или иными утверждениями Нордена — в том отношении, что Норден проявляет большую осторожность к смысловому истолкованию названий древнегерманских племен, в частности таким, как «тевтоны» (teutoni) и др. Это тем более существенно, что такую же осторожность совершенно правомерно проявляет Е. Ч. Скрижинская по отношению к смысловому истолкованию названий остроготов и везеготов, отмечая, что у Иордана нет данных о происхождении этих названий от austr — «блестящий» и от weise — «мудрый» (см. прим. № 277, стр. 247). Кроме того, в этой книге Нордена имеется специальный экскурс, посвященный анализу данных Аммиана Марцеллина об аламаннах.

4. В примечании № 709 (стр. 344) совершенно правильно проведена параллель между сообщением Иордана (§ 283) о том, что готам, «которым некогда война доставляла пропитание, стала противна мирная жизнь» (quibus dudum bella alimonia prestissent, pax coepit esse contraria), и утверждением Тацита, что германцам тягостен мир (Tas., Germ., 14: ingrata gentiquies).

Однако следовало бы тут же отметить и различие свидетельств Тацита (в той же главе его «Германии») об отношении древних германцев к труду и войне и сообщения Иордана о готах в § 290 «Getica»: Тацит в знаменитом общем выводе из своего описания быта германских дружинников (гл. 14) подчеркивает, что «их не так легко убедить пахать землю и выжидать урожая, как вызывать на бой врага и получать раны» (nec arare terram aut exspectare annum tam facile persuaseris quam vocare hostem et vulnera mereri); между тем Иордан в § 290 делает попутно как будто противоположное наблюдение, отмечая, что Теодорих «избрал по испытанному обычаю своего племени (разрядка наша.— А. Н.): лучше трудом снискивать пропитание, чем самому в бездействии пользоваться благами от Римской империи, а людям прозябать в жалком состоянии» (elegit potius solito more gentis suae labore quaerere victum quam... gentem suam mediocriter victitare). Правда, нам представляется, что по существу противоположности между свидетельствами Тацита и Иордана в данном пункте нет, ибо, с нашей точки зрения, описание Тацита в гл. 14 «Германии» относится лишь к дружинникам — рядовые свободные германцы и землю пахали, и урожай собирали (будучи одновременно и воинами, и земледельцами); тем не менее отметить различие в этих формулировках Тацита и Иордана, как нам кажется, следовало бы.

5. В примечании № 735 (стр. 346) Е. Ч. Скрижинская считает, что, сообщая о назначении королем готов Трудимером сына своего Теодориха наследником (Get., § 288: filium regni sui designat heredem), Иордан модернизировал порядок назначения и избрания королей, ибо, по ее мнению, решающую роль при этом играло народное собрание, которое обычно и аккламировало нового вождя. По этому поводу следует заметить, что передача королевской власти у древних германцев издавна происходила путем сочетания решения народного собрания и избрания королем заранее наменного лица из среды знати: ср. Tas., Germ., 7: reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt, а также Tas., Annales, XI, 16, 17, где подробно изображается избрание королем херусков Италика, причем одним из аргументов его сторонников в пользу его избрания служит то обстоятельство, что он происходил из королевского рода (stirpis regiae) и был племянником знаменитого Арминия; см., кроме того сообщение Веллея Патеркула («Historia Romana», I, 108) о знатном происхождении короля маркоманнов Маробода (начало I в. н. э.). К тому же в примечании № 806 (стр. 360) к параграфам 169—172 «Getica» отмечено, что у вандалов к концу V в. назначение преемников вошло уже в обычай и что Гейзерих перед смертью (в 477 г.) завещал передавать трон старейшему в королевском роде. Эта победа наследования королевской власти над выборностью королей — явление, конечно, более позднее, и притом она не является окончательной: так, в Меровингском государстве королевская власть еще долгое время оставалась выборно-наследственной. Тем не менее, перелом в характере королевской власти и в порядке ее наследования у древнегерманских племен за время от I до V в., несомненно, имел место, но он оформился именно в эпоху основания варварских королевств на территории бывшей Римской империи. До этого провозглашение того или иного лица королем в народном собрании и назначение данного лица его преемником в качестве наследника королевской власти могло иметь место в самых различных сочетаниях, причем первое и второе могло играть то большую, то меньшую роль — в зависимости от конкретной ситуации⁷. После этого избрание — вернее, утверждение — королем наследника предыдущего короля стало происходить уже не в народном собрании, а в собрании знати.

⁷ Это подтверждается и историей остготских королей из рода Амалов и вестготских королей из рода Балтов.

Кроме того, мы имеем следующие замечания по разделу «Комментарий».

1. Правильно разграничивая в примечании № 59 (стр. 192—193) ругиев и лугиев и считая вторых славянским племенем, Е. Ч. Скржинская не ставит вопроса об этнической принадлежности каждого из более мелких племен, входящих в племенной союз лугиев (согласно гл. 43 «Германий» Тацита). Между тем описанный Тацитом культ двух божеств, называемых Алки и напоминающих, по его словам, Кастора и Поллукса, у одного из этих племен, входящего, по мнению Тацита, в состав лугиев, а именно у наганарвалов, очень напоминает древнегерманские культы. Весьма возможно, что Тацит допустил ошибку, причислив наганарвалов к лугиям, — тем более что он не отмечает наличия подобного культа у других названных им племен «лугийского» союза.

Е. Ч. Скржинская справедливо указывает, что «в источниках, содержащих этнические (почти всегда чуждые автору) названия и описания расселения племен, часто бывают не только неточности, но и путаница». Хотя комментатор совершенно правильно не относит это общее положение к Тациту, к которому оно и в самом деле менее всего применимо, тем не менее не исключена возможность указанной выше ошибки Тацита (см. стр. 192). Однако вопрос об этнической принадлежности племени наганарвалов этим замечанием еще не разрешается. Кстати, Тацит говорит о ругиях в 44, а не в 43 гл. «Германий»; в 43 гл. (вслед за маркоманнами, квадами и другими примыкающими к ним племенами) упоминаются только лугии, а в 44 гл. — сначала идет речь о лугиях и готонах, а потом о ругиях и лемовиях; в конце же 44 гл. описывается быт свинов; в 43 гл. ругии не упоминаются⁸.

2. В примечании № 388 (на стр. 275) Е. Ч. Скржинская цитирует текст Аммиана Марцеллина об отсутствии рабства у аланов (*servitus quid sit ignorabant*. — Амм. Марс., XXXI, 2, 25). Интересно было бы поставить вопрос, о каком именно рабстве здесь идет речь. Ибо если в общественном строе аланов «заметны черты военной демократии» (как полагает Е. Ч. Скржинская на стр. 275), то у них могло иметь место так называемое патриархальное рабство, которое на аналогичной стадии развития наблюдается у германских и славянских племен. Отсутствие его у аланов представляет интересную особенность и требует дальнейшего объяснения.

3. В примечании № 379 (на стр. 270) Е. Ч. Скржинская справедливо отмечает воздействие славян на культуру гуннов (в результате соприкосновения последних с антами в конце IV в. на Днепре и пребывания славян на Тиссе и в Паннонии уже в V в.). Не сказалось ли это влияние (кроме приведенных в примечаниях заимствований отдельных славянских слов) и на изменении уровня хозяйственного развития гуннов, которые постепенно превращались в оседающих на землю кочевников, частично перешедших к низшим формам земледелия? Возможно, что подобный переход происходил и у аланов: трафаретность изображения гуннов и аланов у Аммиана Марцеллина (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 276) отмечается некоторыми исследователями, на наш взгляд, совершенно правильно.

4. В примечании № 245 (на стр. 243) сказано, что название «Каталония» произошло от племенных названий готов и аланов (собственно «Готоалания») — подобно тому, как «Андалузия» — от названия вандалов; между тем в примечании № 388 (на стр. 279) это предположение, касающееся Каталонии, отвергается в такой форме: «выражается сомнение относительно того, что имя «аланы» содержится в некоторых географических названиях; например, Каталония едва ли получила из *Goth-alania* (стр. 279)». Следовало бы либо точнее указать, кем именно и на каком основании выражается это сомнение, либо как-нибудь согласовать утверждения на стр. 243 и 279.

5. В примечании № 640, посвященном антам, на стр. 321 сказано: «не имеется пока в распоряжении историков и достаточно четких следов пребывания готов в Причерноморье». Так как Е. Ч. Скржинская на протяжении всего текста «Комментариев» подробно прослеживает по письменным памятникам пребывание остготов и вестготов в различных областях Северного Причерноморья (см., например, стр. 196—197), то вышеприведенное утверждение на стр. 321, очевидно, имеет в виду отсутствие достаточно определенных археологических данных о пребывании готов в Северном Причерноморье.

6. В примечании № 314 (на стр. 254) следовало бы несколько уточнить датировку Бургундской Правды: вместо «свод законов конца V—VI вв.» — лучше было бы сказать: «конца V — начала VI в.».

Большой научной заслугой Е. Ч. Скржинской следует считать установление во вступительной статье («Иордан и его «Getica») политической тенденции «Getica» и раскрытие ее социального смысла. В пользу своего понимания этой политической направленности «Getica» Е. Ч. Скржинская привела целый ряд весьма существенных аргументов и построила хорошо продуманную систему логических умозаключе-

⁸ Впрочем, в некоторых изданиях «Германий» Тацита начало 44 гл. помещено в качестве последнего абзаца гл. 43.

ний. Отнюдь не оспаривая их убедительность, мы позволим себе заметить только следующее.

При всем различии политической тенденции утеринной «Истории готов» Кассиодора и дошедшей до нас «Getica» Иордана историческое содержание обоих сочинений очень близко друг к другу, ибо и то, и другое посвящено истории готов с древнейших времен. Более того, и Кассиодор, и Иордан производят готов от гетов; оба в одинаковой мере прославляют могущество готов на всем протяжении их истории и мощь королевского дома Амалов. Конечно, заключительная часть труда Кассиодора естественным образом отличается от заключения труда Иордана, так как у Иордана и изложение событий доведено до более позднего срока, и политическая тенденция иная. Однако, хотя «Getica» Иордана и может быть названа в известном смысле публицистическим трактатом (см. стр. 77), это обозначение все же далеко не исчерпывает ее содержания: наряду с этим «Getica» Иордана, как и хроника Кассиодора, есть историческое сочинение, излагающее не только современные авторам события, но всю прошлую историю готов. Это изложение готской истории с I до начала VI в. тоже имеет свою тенденцию, но она у обоих авторов одинакова и заключается в отмеченном выше прославлении готов и преувеличении древности их истории. Преклонение Иордана перед победителями Юстинианом и Велисарием в заключительном параграфе (§ 316) его «Getica» можно объяснить и как своего рода *carpatio benevolentiae* автора. Поэтому применительно к исторической стороне «Getica» понятно утверждение большинства исследователей (за исключением, может быть, только одного Джунта), что она написана «в духе Кассиодора»⁹.

В связи с этим возникает вопрос: для какой цели нужно было, с точки зрения итальянской и части готской знати, в изменившейся в 550—551 гг. военно-политической ситуации сохранять в новом труде Иордана прежнее прославление готов и тем более королевского рода Амалов, которому посвящена была хроника Кассиодора? Ведь политическая программа итальянской знати ко времени приближавшегося полного поражения Тотилы заключалась, по-видимому, в стремлении к ликвидации Остготского королевства и к включению Италии в состав Восточной империи. Правда, в разделе «Комментарий» Е. Ч. Скржинская отмечает, «что в период написания «Getica» Иорданом такая тенденция (преувеличение древности истории готов.— А. Н.) была весьма важна и нужна для политики еще оставшихся в Италии остготов» (прим. № 344, стр. 267). Однако, по справедливому мнению Е. Ч. Скржинской, интересами этих «оставшихся в Италии остготов» нельзя объяснить самый факт изменения общей политической тенденции в «Getica» Иордана по сравнению с тенденцией хроники Кассиодора, да еще в обстановке окончательного поражения остготов.

В свете высказанных нами соображений представляется не до конца доказанной гипотеза об уничтожении и хроники Кассиодора (стр. 40). Почему не предположить, что она просто пропала в обстановке непрерывных военных столкновений, особенно во время начавшегося вскоре после кратковременного византийского господства вторжения лангобардов в Италию? Ведь многие хроники постигла та же участь без их нарочитого уничтожения. Весьма возможно, что хроника Кассиодора именно потому и была утрачена, что ввиду ее больших размеров она была размножена, как полагает Е. Ч. Скржинская, в малом количестве экземпляров, между тем как небольшое сочинение Иордана, так сказать, «популярно» излагавшее готскую историю Кассиодора, переписано было в большом количестве списков.

По вопросу об отношении самого Кассиодора к составлению «Getica» во вступительной статье Е. Ч. Скржинской заметны некоторые колебания: с одной стороны, она предполагает, что «Касталий, побудивший Иордана составить «Getica», выражал желание самого Кассиодора и близких ему общественных кругов» (см. стр. 40), а с другой стороны, она считает весьма вероятным, что рукопись Кассиодора была выдана Иордану на очень короткое время именно из боязни скомпрометировать автора в острый политический момент (см. стр. 51) и, более того, что Иордан делал выписки «втайне от бдительного диспенсатора, хранителя интересов Кассиодора» (стр. 52).

Как явствует из изложенного, наши замечания касаются лишь отдельных пунктов построения Е. Ч. Скржинской и некоторых деталей в разделе «Комментарий».

В целом выполненный Е. Ч. Скржинской труд дает советским историкам (в первую очередь медиевистам, славяноведам и византинологам) образцовое научно комментированное издание одного из важнейших нарративных памятников по истории

⁹ Левисон в последней обработке труда Ваттенбаха, касаясь замечаний Ранке о наличии у Иордана политической тенденции (это замечание использовано Е. Ч. Скржинской), полагает, что Ранке заходит в этом направлении слишком далеко. См. W a t t e n b a c h — L e v i s o n. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, I. Heft. Weimar, 1952, S. 79. Если утверждение Левисона, что «Иордан писал вполне в духе Кассиодора», и преувеличено, то несомненна близость исторической концепции авторов.

раннего средневековья в Европе и представляет ценный вклад в науку.

Создание такого труда является большим научным достижением, тем более что в западной историографии нет такого издания Иордана. Большим достоинством этого издания является также и наличие трех подробных указателей (имен, географических и этнических названий), составленных отдельно к переводу и комментарию и к латинскому тексту «*Getica*».

Так как рецензируемая книга представляет большой интерес не только для специалистов-историков, но и для более широкого круга читателей, интересующихся историей, а также для аспирантов и студентов, то остается лишь пожелать, чтобы было выпущено второе издание этого труда, первое издание которого уже разошлось.

А. И. Неусыхин

Г. Л. КУРБАТОВ. ВИЗАНТИЯ В VI СТОЛЕТИИ.

Учпедгиз. Л., 1959, 136 стр.

История Византии довольно подробно изучается в средней школе. Даже сейчас, после того как были перестроены и сокращены программы, ее проходят в трех темах; трижды на протяжении одного года шестиклассники обращаются к изучению истории империи. Учителя давно уже нуждались в популярной работе, которая познакомила бы их с развитием экономики и общественных отношений, с борьбой классов и политической историей Византии. Книга А. П. Каждана и Г. Г. Литаврина («Очерки истории Византии и южных славян». М., Учпедгиз, 1958) восполнила этот пробел, дав в руки учителю первоклассный и научно проверенный материал. Однако в работе А. П. Каждана и Г. Г. Литаврина, охватывающей всю историю империи, сравнительно немного места было уделено характеристике ранней Византии, а между тем именно этот период изучается в школе наиболее подробно. Поэтому у преподавателей средней школы и после выхода в свет «Очерков по истории Византии» не исчезла потребность в брошюре, популярной и доступной, рассматривающей указанный переломный этап истории Византийской империи. Этой задаче удачно отвечает вышедшая в 1959 г. книга Г. Л. Курбатова «Византия в VI столетии».

Книга Г. Л. Курбатова невелика по объему — в ней всего 136 страниц малого формата; она снабжена картой, очень скупо и в то же время весьма тщательно иллюстрирована. Книга распадается на две части. Первая — «Византия в IV—V вв.» — посвящена истории возникновения Восточноримской империи, характеристике ее города и деревни, общественной структуры, государственного управления. Вторая часть — «Византия в VI в.» — содержит рассказ о политике Юстиниана, последующем упадке империи и вторжении славян. Оценивая эту работу, мы не должны предъявлять каких-либо особенно строгих претензий к ее содержанию: от популярной брошюры трудно ожидать новых научных решений. Но два обстоятельства должны быть непременно приняты во внимание: 1) насколько учитывает автор новейшую литературу и 2) с какой степенью доступности ведет он свое повествование. Книга Г. Л. Курбатова, за немногими исключениями, вполне отвечает указанным двум требованиям.

Удачный характер изложения можно проиллюстрировать целым рядом примеров. Так, автор не упускает возможности дать яркий очерк природных ресурсов империи, ее географического положения, занятий ее населения. Он набрасывает живую картину ремесленного и сельскохозяйственного производства самых разных районов страны — Сирии, славившейся посудой из цветного стекла, драгоценными тканями и изделиями из серебра; Малой Азии, производившей шерсть, пурпур, ремни, обувь, седла; Греции, как и в древности, поставившей произведения искусства (стр. 17—19). Очень интересен рассказ о Константинополе, о его стенах и укреплениях, колоссальных цистернах (стр. 23—25), о постройках, возведенных Юстинианом (стр. 94—102). Несколько суховата характеристика византийского государственного аппарата и церкви; автор объясняет наемный характер войска тем, что курials и ремесленники, торговцы, колоны и рабы были прикреплены кто к своему сословию, кто к земле, и не несли службы в армии (стр. 36). Но он забывает, что несколькими страницами выше сам же обрисовал значительную прослойку свободных общинников, которые вполне могли нести службу в армии и несли ее, как об этом говорится ниже (см. стр. 40). Впрочем, и здесь встречаются очень интересные подробности. Так, Г. Л. Курбатов подчеркивает военное превосходство богатой железом Византии над Ираном, не имевшим своих железных рудников (стр. 38); он рассказывает о том, как в 466 г. правящие круги Восточной империи затеяли грандиозную военную экспедицию в Италию на 1113 судах, обошедшуюся в 30 млн. рублей золотом, для того чтобы отсрочить гибель Западной империи (стр. 41).

Хорошо, что автор детально останавливается на борьбе партии цирка, — такую характеристику не часто найдешь в литературе (стр. 48—55). Он верно отмечает, что интересы верхушки цирковых партий были весьма далеки от подлинных интересов

народных масс. Впрочем, может быть, следовало более подробно объяснить, почему все же верхушка обеих партий — крупные землевладельцы и торгово-промышленные слои — были связаны с трудящимися города и окрестных селений, иначе останется непонятным активное участие последних в борьбе на ипподроме.

Читателя привлечут страницы, где речь идет о завоевании византийцами Италии, и особенно об отвоевании Рима (стр. 88—91). Наконец, очень хорошее впечатление оставляет раздел, посвященный упадку империи в итоге царствования Юстиниана (стр. 105—118); автор не только собрал здесь интересный материал, рассказывающий об обезлюдении Италии, исчезновении Антиохии с лица земли, о том, что даже на длинных стенах вблизи столицы «не было слышно лая сторожевой собаки». Он выделил этот материал в отдельную главу «Упадок», подчеркивая всю беспечность политики Юстиниана и всю безнадёжность восстановления рабовладельческих порядков (стр. 115—116). Нельзя не отметить и такой оживляющей изложение черты, как частое использование выдержек из источников.

Таким образом, удача авторского изложения несомненна. Недаром книга не только быстро разошлась, но и, судя по отзывам учителей, оказывает им большую помощь в работе. — Несколько труднее определить научную значимость книги. Сделать это трудно прежде всего потому, что автор несколько злоупотребляет красочностью повествования. Та самая живость и яркость изображения, которая составляет одну из самых сильных сторон книги, которая обеспечила книге дорогу в школьное преподавание, иногда мешает автору определить свою научную позицию. Последняя оказывается принесенной в жертву безусловно нужной, но иногда чрезмерной описательности.

Приведем лишь один пример. Характеризуя положение, создавшееся в восточно-римском городе, Г. Л. Курбатов пишет: «Во главе городского самоуправления в начале существования Восточной империи стояли местные средние городские землевладельцы — куриалы... Давно прошли времена, когда куриалы были богатыми и влиятельными людьми, считались «отцами города». Когда правительство заставило их своим имуществом отвечать за полный сбор податей с сельских жителей, куриалы стали беднеть и разоряться. Разорившиеся куриалы бежали, продавали свои земли крупным землевладельцам и чиновникам» (стр. 30). Эти сухие строки и сами по себе не могут объяснить причин одного из ведущих процессов той эпохи — упадка муниципального строя. Да и находится он в таком контексте, который может только отвлечь внимание читателя: беглое упоминание о куриалах теряется среди красочного рассказа о городском ремесле и жизни столичной знати (стр. 28—31). Мы так и не узнаем мнения автора относительно глубоких причин разорения сословия куриалов. Это происходит отнюдь не потому, что Г. Л. Курбатову нечего сказать по этому поводу. Напротив, в ряде своих работ он очень аргументированно развивает тезис о переходе земельной собственности куриалов в руки магнатов как проявлении изживания муниципальной системы¹. Но стремление к яркой описательности не дает ему возможности высказать даже собственную точку зрения.

Впрочем, это происходит не везде. Так, Г. Л. Курбатов отчетливо обосновывает мысль о том, что сохранение развитых товарно-денежных отношений в империи оказалось возможным главным образом потому, что здесь поместье не обособилось от городского рынка, не возникло замкнутого натурального хозяйства, что «деревня могла кормить город» (стр. 16). Он отказывается от некогда бытовавшего представления о том, что земельные богатства церкви будто бы достигали одной трети всей территории страны, и полагает, что в ее руках находилось около 10% земельного фонда империи (стр. 41). Нельзя не согласиться с мнением о наличии двух прослоек — проримской и антиримской — среди господствующей знати варварских королевств, мнением, которое убедительно подтверждается новейшими исследованиями². Заслуживает внимания и тезис об усилении классовой борьбы с конца VI в. (стр. 116 и сл.). Наконец, автор справедливо поддерживает то толкование сообщения Псевдо-Маврикия о большом числе выходов в славянских жилищах³, которое было предложено в новых работах советских исследователей. Известно, что это сообщение сейчас толкуется как свидетельство наличия целых комплексов полужемляков, соединенных внутренними переходами⁴. В этом же смысле понимает сообщение Псевдо-Маврикия и автор рецензируемой работы, что дает ему основания судить о существовании у славян патриархальной семейной общины (стр. 120—121).

Хотелось бы высказать несколько замечаний по поводу отдельных спорных положений книги. Выше мы уже упоминали об отказе Г. Л. Курбатова от характеристики

¹ См., например, Г. Л. Курбатов. Некоторые проблемы разложения античного полисного строя в восточных провинциях Римской империи IV века. «Вестник ЛГУ», № 2, серия истории, языка и литературы, вып. 1. Л., 1960, стр. 49 и сл.

² З. В. Удалцова. Италия и Византия в VI веке. М., 1959, стр. 221.

³ См. «Гръцки извори за българската история», т. II. София, 1958, стр. 282.

⁴ М. Ю. Брайтчевский. Об «антах» Псевдо-Маврикия. СЭ, 1953, № 3, стр. 30; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 165.

процесса разложения полисного строя. На наш взгляд, это объясняется его стремлением не столько о б ъ я с н и т ь, сколько о п и с а т ь события. Такая установка кажется нам не совсем верной. Ведь перед популярной книгой, пусть она даже ориентирована на учителя и предназначена для нужд преподавания, должна стоять не только утилитарная цель — дать в руки учителю материал для подготовки к уроку. Она должна также расширить и обогатить представления читателя об историческом процессе, подобно тому, как это сделали в своей книге А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин. Попутно заметим, что последним сделать это было труднее уже потому, что их книга довольно велика по объему и им приходилось знакомить читателя со значительно более разнообразными историческими процессами. Автор рецензируемой книги находился в этом смысле в более благоприятном положении.

Так, нам кажется, что, говоря о ранневизантийском городе, можно было бы подчеркнуть не только тяжесть эксплуатации, которой подвергалось городское население (см. стр. 28 и сл.), но и тот факт, что государство до поры до времени обеспечивало городским ремесленным массам возможность непрерывного воспроизводства. Поэтому в IV—V вв. городские свободные ремесленники и поддерживали правительство, борясь с готами и персами. И только когда гнет стал нестерпим, с конца VI в. горожане переходят к борьбе против государства и к прямым восстаниям.

Можно было бы, далее, не только отметить простоту арианства и его борьбу против официальной церкви, но и указать на то, что эта борьба являлась выражением протеста рядовых варваров, еще не знавших эксплуатации, против римского рабовладельческого государства и классового строя. Вряд ли в Кодексе Юстиниана нашлось выражение «растущая феодализация восточноримского общества» (стр. 63). Чтобы доказать это, недостаточно сослаться на статьи, поощряющие отпуск рабов на свободу или способствующие распространению колоната. Феодальный характер ранневизантийского колоната оспаривался в недавно закончившейся дискуссии по основным проблемам социально-экономической истории Византии⁵, а отпуск рабов на свободу — явление, известное и развитому рабовладельческому обществу.

Может быть следовало бы более осторожно оценить политику той части остготской знати, которая держалась антиримской ориентации. Оценивая позицию антиримской знати в соседнем, Вandalском королевстве, Г. Л. Курбатов рассматривает ее борьбу с империей как попытку сохранить старые, т. е. общинные, порядки у варваров (стр. 82). Аналогичным образом оценивает автор и положение в Остготском королевстве, сближая позицию остготских вождей и рядовых воинов (стр. 86). Между тем новейшие исследования позволяют прийти к выводу, что остготская знать в основном занимала сугубо реакционную позицию в отношении рабов и колонов, стремясь все зависимое население Италии превратить в рабов⁶. В связи с этим стоило бы изменить вывод и о характере правления Тотилы. Вряд ли «Тотилу повсюду поддерживал народ», как пишет Г. Л. Курбатов (стр. 91). Согласно выводам З. В. Удальцовой, Тотила был выразителем интересов все той же остготской знати, только более широкой ее прослойки, вступившей в контакт с рядовыми воинами. Но Тотила никоим образом не стремился уничтожить рабство и колонат, а с момента взятия готами Рима вступил в дружеские сношения с римской сенаторской знатью. С этого момента и начинается резкий рост антиготских настроений среди трудящихся масс Италии⁷.

В заключение нам хочется отметить, что Г. Л. Курбатову надо было бы не только сообщить о сохранении свободных общин на территории Восточной империи, но и указать, что в этом-то и заключалось одно из принципиальных отличий общественной структуры Византии от социальных порядков Западной Римской империи.

Но число спорных положений в работе Г. Л. Курбатова невелико. И основное впечатление от книги определяют не они, а яркое, выразительное повествование и обилие собранного автором материала. Поэтому общая оценка книги должна быть безусловно положительной.

М. М. Фрейденберг

ДИГЕНИС АКРИТ. ПЕРЕВОД, СТАТЬИ И КОММЕНТАРИИ А. Я. СЫРКИНА.

Издательство Академии наук СССР. М., 1960.

За 90 лет, прошедших со времени обнаружения первой рукописи «Дигениса Акриты», эта поэма была опубликована в нескольких изданиях и переведена на все основные европейские языки. Нынешнее русское издание «Дигениса» восполняет

⁵ См. «Разработка основных проблем социально-экономической истории Византии в советском византиноведении за последние годы (К итогам дискуссии)». ВП, 1961, № 8, стр. 114.

⁶ М. Я. С ю з ю м о в. Рец. на книгу З. В. Удальцовой. ВВ, XIX, 1961, стр. 287.

⁷ З. В. У д а л ь ц о в а. Указ. соч., стр. 397.

большой пробел, существовавший в нашей переводной литературе. Эта книга очень нужна историкам и фольклористам, не говоря уже о специалистах по древнерусской литературе: ведь какая-то поныне необнаруженная версия «Дигениса» была в древности переведена на русский язык и хорошо известна под названием «Девгениево деяние».

Все издание, включающее перевод, две статьи и комментарии, выполнено А. Я. Сыркиным. Перевод памятника сделан с Гротта-Ферратской версии с добавлениями из Трапезунтской и Андресской рукописей. В основу перевода положен текст издания памятника Дж. Маврогордато¹, чья книга в некоторой степени послужила прототипом рецензируемому изданию. По установившейся традиции греческий политический стих передается на русский пятнадцатисложным ямбом. Этот размер в общем верно передает характер подлинника и хорошо выдержан переводчиком. Другое дело, что сам ямбический пятнадцатисложник не очень благозвучен и несколько монотонен. Может быть, поэтому А. Я. Сыркину не следовало бы сознательно отказываться от переноса ударения на нечетные слоги, как это нередко бывает в политическом стихе; ведь определенные перебои в ритме позволили бы разнообразить звучание стиха и лучше передать оттенки содержания. Правда, в некоторых случаях (II, 200; II, 292; IV, 495; VI, 717; VII, 110 и др.) переводчик допускает ударение на нечетных слогах, но читатель, свыкшийся с четким ритмом стиха, может воспринять это как отступление от схемы и даже как неверные ударения в русских словах («кбнюших» вм. «кнбюших», «о недуге» вм. «о недуге» и т. д.). А. Я. Сыркин удачно пользуется цезурой, только в двух случаях она оказывается в середине слова (II не ошибся: к финико) (вой пальме я подъехал — V, 32; II рода человеческого) (злбный ненавистник — V, 252).

Перевод «Дигениса» точен и ясен. Так же как и Дж. Маврогордато, А. Я. Сыркин старается перевести памятник строка в строку, но первый — часто в ущерб ритму и нормам английского языка — переводит каждое слово подлинника, а А. Я. Сыркин передает лишь смысл и характер строки. Думается, что этот принцип более правилен, ибо позволяет сохранить не букву, а дух подлинника. От перевода «Дигениса» не следует требовать художественного совершенства — не только потому, что его автор — не поэт, а ученый, но и потому, что сам оригинал — произведение в художественном отношении не первоклассное. Однако некоторые места русского текста носят следы явных стилистических неточностей: «Вступили в договор» (συντάγας ποιήσατε — III, 43); «Дубинкой посреди спины удар нанес он зверю» (Μὲ τὸ ράβδιν τὸν ἔδωκε πλήρης εἰς τὴν μέσσαν — III, 99); «Когда ж не увидал ее, не понял, что случилось» (ὥς δὲ ταύτην οὐκ ἔβλεπε... ἤνιστα κατὰ πολὺ... — IV, 411); «Ошеломлен рассудок мой» (ἐξαποραῖ γάρ μου ὁ νοῦς — IV, 418); «Наклонилась девушка в окошко золотое» (ἡ παρθένος προκύψασα ἐκ τῆν χρυσῇ θυρίδα — IV, 585); «Ведь и поныне о тебе совсем она не знает» (οὐδαμῶς γάρ ἐπίσταται ποῖος ἀρα τυγχάνεις — IV, 731); «Один лишь тот его узнал, кто не имел потомства» (ἥς μόνον πεῖραν ἔλαβον οἱ τέκνων ἀπορῶντες — VII, 181). Бросается в глаза несоответствие видов придаточного и главного предложения в строчках «Когда ж ушелья дикие открылись перед ними, то отроков берег эмир и шел путем окружным» (ὅτε δὲ κατελάμβανεν εἰς ἀοίκους κλισούρας, διήρχετο γάρ γύρωθεν φυλάττων τοὺς ἀγούρους — III, 89—90).

Эти промахи, заметные при придирчивом чтении, не связаны с неверным толкованием текста. Если же и встречаются случаи сомнительного перевода (например, слово ἀδρόως — «разом», «внезапно», передается: «во всеоружии» — I, 57), то это результат не ошибки переводчика, а слишком вольного понимания текста.

Говоря о стиле перевода, следует еще отметить засоренность текста местоимением «тот» во всевозможных формах, злоупотреблением союзом «когда» (вм. «если») и явную двусмысленность строки «...Коль о родных не говорить, знакомых моих близких...» (ἐκτός γάρ μου τῶν συγγενῶν καὶ τῶν γνωστῶν ἰδίων — IV, 497). В последнем случае непонятно, является ли слово «близких» существительным или прилагательным — определением к «знакомых». Может быть, переводчику следовало бы также сохранить частые в оригинале и вообще в византийской литературе случаи тавтологии и близкого расположения однокоренных слов (например εἰκόνι εἰσκένα — I, 38; ἡρήμωσεν... ἐρήμους — I, 51 и др.).

Выступая комментатором, А. Я. Сыркин поставил перед собой широкую задачу облегчить понимание текста малоискушенному читателю и в то же время дать примечания, отвечающие современному состоянию изучения памятника; комментатор объясняет общераспространенные мифологические имена и углубляется в специальные вопросы толкования текста. По сравнению с уже упомянутой книгой Дж. Маврогордато значительно расширен исторический, географический и реальный комментарий, однако в отношении комментария филологического издание Маврогордато имеет явные преимущества. Слов нет, в книге, рассчитанной на сравнительно широкие круги читателей, нет необходимости комментировать каждый случай спор-

¹ Digenes Akrites, edited with an introduction, translation and commentary by J. Mavrogordato. Oxford, 1956.

ного толкования текста, необычной лексики или грамматики, но поскольку А. Я. Сыркин это, как правило, делает,² остается непонятным, почему он оставляет без примечаний или чрезвычайно бегло комментирует ряд мест, безусловно нуждающихся в объяснении. Возьмем, к примеру, IV книгу. А. Я. Сыркин оговаривает поправки Э. Леграна $\delta\epsilon\acute{\xi}\alpha\sigma\alpha\theta\alpha\iota$ вм. $\delta\epsilon\acute{\xi}\alpha\sigma\alpha\theta\alpha\iota$ (96), делает поправку $\epsilon\upsilon\nu\sigma\tau\omicron\nu$ вм. $\epsilon\acute{\imath}\nu\sigma\tau\omicron\nu$ (196), отмечает интересное чередование предлогов $\mu\acute{\epsilon}$ и $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}$ (165—166). Но вот плохо понятные строки (565—568): $\eta\ \tau\acute{\alpha}\zeta\iota\varsigma\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \eta\ \alpha\lambda\eta\theta\eta\varsigma\ \epsilon\upsilon\gamma\epsilon\nu\epsilon\iota\alpha\ \chi\alpha\lambda\epsilon\iota\tau\alpha\iota\ \eta\nu\pi\epsilon\rho\ \chi\acute{\alpha}\omega\ \eta\ \theta\acute{\epsilon}\tau\eta\tau\alpha\ \omicron\upsilon\chi\ \omicron\iota\delta\alpha\ \tau\iota\ \pi\alpha\theta\omicron\upsilon\sigma\alpha\ \pi\acute{o}\theta\omicron\varsigma\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \omicron\mu\omega\varsigma\ \alpha\chi\rho\alpha\iota\phi\eta\varsigma\ \acute{\alpha}\gamma\alpha\pi\eta\ \sigma\omicron\upsilon\ \eta\ \beta\epsilon\beta\alpha\iota\alpha\ \pi\rho\omicron\tau\iota\mu\omicron\tau\epsilon\rho\acute{\alpha}\nu\ \epsilon\pi\epsilon\iota\varsigma\ \sigma\eta\ \kappa\alpha\lambda\lambda\iota\sigma\tau\eta\ \acute{\alpha}\gamma\alpha\pi\eta$ вовсе лишены комментария. Дж. Маврогордато изменяет $\sigma\eta\kappa\alpha\lambda\lambda\iota\sigma\tau\eta\ \acute{\alpha}\gamma\alpha\pi\eta$ на $\sigma\eta\nu\ \kappa\alpha\lambda\lambda\iota\sigma\tau\eta\nu\ \acute{\alpha}\gamma\alpha\pi\eta$ и не очень удачно переводит две последние цитированные строки (Yet sudden passion and my sure affection made me your fair affection to prefer (op. cit., p. 109), а А. Я. Сыркин переводит их: «Но неизменная любовь и сила страсти чистой перед желанием твоим меня склонила властно», никак не объясняя своего перевода. То же самое относится и к строке 895 ($\acute{\alpha}\pi\epsilon\rho\ \delta\epsilon\ \omicron\upsilon\ \sigma\upsilon\nu\epsilon\theta\epsilon\nu\tau\omicron\ \acute{\alpha}\mu\phi\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\iota\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \tau\acute{\epsilon}\chi\nu\omicron\iota\varsigma$). В своем переводе А. Я. Сыркин опускает непонятное в этом контексте отрицание $\omicron\upsilon$, но никак этого не оговаривает.

Отдельные небрежности допускает комментатор, ссылаясь на работы других исследователей. Так, А. Я. Сыркин совершенно верно переводит слово $\phi\alpha\lambda\kappa\omega\nu\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ «малые соколы», но в примечании (к IV, 906) утверждает, что Дж. Маврогордато переводит это слово «соколыничие» (falconers), хотя Маврогордато невинен в этой ошибке: он предлагает конъектуру $\phi\alpha\lambda\kappa\omega\nu\acute{\alpha}\rho\iota\omicron\upsilon\varsigma$ вм. $\phi\alpha\lambda\kappa\omega\nu\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ и переводит с учетом своей конъектуры. Или другой случай: в примечании к IV, 793 А. Я. Сыркин поясняет, что « $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}\ \zeta\omega\omega\nu$ может означать какой-либо рисунок, но обязательно с животными (ср. язык Геродота, Платона)». Если комментатор хочет убедить читателя-специалиста (для неспециалиста это вообще безразлично) в том, что возможно такое толкование текста, то надо было бы указать точно, где у Геродота и Платона следует искать такое *словоупотребление*. Дж. Маврогордато тоже говорит о языке Геродота и Платона, но при этом ссылается на словарь Liddell — Scott³; А. Я. Сыркин эту ссылку снял, и вся сноска оказалась бесполезной. То же самое и в отношении примечания к I, 47. А. Я. Сыркин предлагает читать вместо $\Gamma\omicron\upsilon\lambda\alpha\beta\acute{\epsilon}\rho\iota\omicron\upsilon\varsigma\ \Gamma\omicron\upsilon\lambda\alpha\phi\acute{\iota}\omicron\upsilon\varsigma$ (от араб. *ghulam* — слуга на военной службе, дружинник), но при этом не ссылается на Грегуара — автора этой конъектуры⁴. Конечно, в более или менее популярных изданиях нет необходимости во всех случаях ссылаться на труды исследователей, но поскольку в большинстве мест комментатор это делает и сноска рассчитана на специалистов, следовало бы и здесь указывать на своего предшественника. Приведенные примеры — не единственные в книге.

В приложениях к изданию помещены две статьи: «Византийская эпическая поэма» и «Версии „Дигениса Акрита“». Изучение всякого народно-эпического произведения, особенно относящегося к эпохе феодализма, наталкивается на большие трудности. Причудливое сочетание истории и поэтического вымысла, народного мировоззрения и взглядов господствующего класса, традиции устного поэтического творчества и ученая обработка — все это значительно затрудняет историко-филологическое исследование памятника. «Дигенис» вызвал к жизни немалую научную литературу, различные толкования, почти каждое из которых отражает те или иные течения и школы в фольклористике и исторической критике. Поэтому настало уже время разобраться в историографии вопроса, подвести некоторые итоги и критически оценить результаты многолетних исследований. В определенной степени эту задачу выполняет неоднократно упоминавшаяся нами книга Дж. Маврогордато⁴. А. Я. Сыркин не ставит целью систематическое изложение взглядов своих предшественников, но в статье «Византийская эпическая поэзия» содержится критический анализ мнений различных ученых по вопросам, интересующим автора. Начав с сжатой характеристики исторической обстановки и культуры Византии IX—X вв. и изложения содержания эпоса, А. Я. Сыркин переходит к историко-литературному анализу памятника.

Первая проблема, освещенная автором, — вопрос об историчности «Дигениса». Отбрасывается наивное мнение некоторых ученых XIX в. о реальности самого Дигениса, чей образ совершенно правильно рассматривается как фольклорно-эпический. Вместе с тем А. Я. Сыркин говорит об исторической характерности Дигениса и допускает сопоставление некоторых предков героя с реальными историческими лицами. К многочисленным историческим параллелям, которые проводились Грегуаром, Хадзисом и другими исследователями, автор подходит с большой осторожностью и ни одно из них не принимает на веру.

Следующий раздел статьи в основном посвящен идейной направленности эпоса. Не вызывает сомнений замечание А. Я. Сыркина о том, что «Дигенис» в полной мере отражает религиозную идеологию византийцев и в то же время лишен религиозного

² Op. cit., p. 122.⁵

³ «Acad. Royale de Belgique. Bulletin de la classe des lettres...», 5^m série, t. 17, № 12, p. 482.

⁴ Раздел «Discussions». См. также А. Я. Сыркин. К истории изучения «Дигениса Акрита». ВВ, XVII, 1960.

фанатизма (стр. 151). Безусловно также и то, что «основная идея поэмы — культ силы и отваги», перешедший в поэму из фольклора (стр. 152). Слабо доказанным представляется нам другое положение автора. По мнению А. Я. Сыркина, в эпизоде встречи Дигениса с императором (IV, 971—1089) «поэма отражает мировоззрение феодальной провинциальной знати, стремившейся к независимости от центральной власти» (стр. 151). Аргументируя эту мысль, А. Я. Сыркин говорит о «сдержанности и даже враждебности», которую проявляет в упомянутой сцене Дигенис по отношению к императору и его спутникам. Но определенная сдержанность Дигениса — это, скорее всего, проявление чувства достоинства эпического героя; о враждебности Акриты к императору, по нашему мнению, речи быть не может, ибо не враждебность заставляет Дигениса избегать встречи с войнами императора, а, напротив, боязнь в порыве гнева убить их и, таким образом, оскорбить самодержца. В поэме прямо говорится о том, что император, получив письмо Дигениса, был восхищен его смиренными словами *ἐθαύμασε τὴν τοῦ τοῦ παίδος ταπεινότητα τοῦ λόγου* — IV, 1002). Не является доказательным также сближение наставлений, которые дает императору Акрит (IV, 1030 сл.), с советами Кекавмена в «Стратегиконе». Ведь «соблюдение справедливости», «заступничество за бедных» и т. п. — не более как обычные христианские добродетели, соблюдение которых украшает истинного самодержца (ср., например, изображение императора Алексея I у Анны Комниной). А то обстоятельство, что Кекавмен стоит за ограничение императорской власти, ни в коем случае не является доводом в пользу мнения об антицентралистских тенденциях «Дигениса Акрита».

Наконец, последний раздел статьи совершенно правильно характеризует «Дигениса», как своеобразное сочетание черт фольклора и ученой поэзии. К сожалению, автор не счел необходимым дать сколько-нибудь развернутой характеристики художественного своеобразия этого памятника и сравнить его с эпическими произведениями европейского средневековья.

Статья заканчивается указаниями на мировое значение памятника.

В следующей небольшой статье «Версии „Дигениса Акрита“» автор дает квалифицированное сравнение различных версий поэмы. А. Я. Сыркин специально (и это вполне естественно для русского издания эпоса) останавливается на списках «Девгениева деяния». В этой статье вызывает сомнение только категорическое суждение о языке Гротта-Ферратской версии. В этой связи А. Я. Сыркин пишет: «Перед нами достаточно правильный литературный греческий язык XI—XIII вв., не свободный, правда, от вульгаризмов» (стр. 167). Вряд ли, однако, можно говорить о каком-то едином литературном языке этого периода.

Книга хорошо отредактирована и набрана. Следует отметить только отдельные незамеченные опечатки: «на» вместо «не» (стр. 58), «временем» вместо «времен» (стр. 102) и некоторые другие.

Русское издание «Дигениса Акрита» — нужная и в целом хорошо сделанная книга; надо надеяться, она привлечет многих читателей и послужит толчком к дальнейшему изучению византийского эпоса.

Я. Н. Любарский

АРХИТЕКТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ТРУДАХ ЮГОСЛАВСКИХ УЧЕНЫХ

1. Ђ урђе Бошковић. Архитектура средњег века.

Београд, Научна књига, 1957

Дж. Бошковић — автор многих трудов по археологии Балканского полуострова. Он неоднократно выступал докладчиком на международных конгрессах византологов, руководит целым рядом экспедиций, редактирует сводные труды Археологического института Сербской Академии наук¹. Им подготовлены к печати материалы XII Международного конгресса византологов в Охриде, организатором и ученым секретарем которого он являлся.

Рассматриваемая книга Дж. Бошковића представляет собой второе, полностью переработанное издание курса, читаемого им в Белградском университете. Этим в значительной мере определяется самый характер труда. Автору пришлось включить — мы сказали бы: «втиснуть» — историю средневековой архитектуры в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке в книгу объемом около 37 печатных листов, из которых почти половину занимают иллюстрации. Естественно, что автор вынужден был отказаться от сколько-нибудь полного анализа отдельных памятников и ограничиться лишь краткими данными об архитектурном декоре, профилях, характере проемов, приводимыми в обобщенном виде в конце каждой главы.

Хотя книга Бошковића вышла в свет в 1957 г., послесловие к ней подписано декабрем 1952 г. Уже во время печатания настоящей рецензии появилось второе из-

¹ Археолошки споменици и налазишта у Србији, уредник Ђ. Бошковић, I—II. Београд, 1953, 1956.

дание книги, отличающееся от первого лишь библиографией. Замечания фактического характера, которые делаются ниже, должны рассматриваться как пожелания, которые, мы надеемся, окажутся полезными автору при последующих изданиях его работы.

Прежде всего, обращает на себя внимание прогрессивный характер общеметодологических установок, положенных в основу рецензируемой книги. Говоря об архитектуре того или иного исторического периода, Бошкович всегда выдвигает на первый план конкретные социально-экономические факторы, определяющие ее развитие. С учетом этих факторов проводится и периодизация, в некоторых случаях решительно отличающаяся от общепринятой в буржуазной науке². Каждая глава открывается сжатым, но весьма насыщенным введением, содержащим необходимые сведения об экономике и культуре рассматриваемого времени. Прогрессивность концепции автора, его диалектический подход к теме сказываются также в расположении и соотношении объема включенных в книгу материалов. Так, показательно, что главы, посвященные архитектурному развитию в Передней Азии, Северной Африке и Закавказье, начавшемуся еще на заре средних веков, не только довольно полны по материалу, но и, с одной стороны, следуют за главой о раннехристианской архитектуре катакомб и позднеантичной архитектуре, дающей общее представление о новых типах гражданских и культовых сооружений, и с другой — предшествуют большой главе о византийской архитектуре. Мы считаем такое расположение и распределение материала совершенно правильным, так как в Северной Африке и коптском Египте, в Сирии и Малой Азии, в Армении и Грузии архитектура получила значительное и подчас оригинальное развитие, по-видимому, раньше, чем в самой Византии. Поэтому и анализ архитектуры последней после рассмотрения восточнохристианских архитектур нам представляется оправданным отступлением от обычно принятого порядка, когда они описываются лишь как «школы» столичной византийской архитектуры³.

Вместе с тем думается, что в свете новейших археологических исследований заслуживают большего внимания ранние памятники в Эфесе, Далмации, Македонии, Фракии, Милане и Равенне. Автор уделяет недостаточно места характеристике зодчества этих областей, сыгравшего важную роль в формировании средневековой, в частности византийской архитектуры. Это обстоятельство не является случайным промахом: дело в том, что автор вообще склонен придавать особое значение в развитии византийской архитектуры восточным влияниям; в тех же случаях, когда объяснение того или иного явления с помощью ссылок на восточный прототип оказывается невозможным, автор прибегает к ссылкам на «эллинистическое» наследие, и во всяком случае избегает упоминаний о наследии римском.

По нашему мнению, главы о раннехристианской архитектуре катакомб и о позднеантичной архитектуре следовало бы слить в одну. Ведь большие христианские катакомбы — в том состоянии, в котором они дошли до нас, — почти современны базиликам и центрическим зданиям, созданным после Миланского эдикта или незадолго до него⁴. Небольшие крестовидные, трехлопастные и базиликальные сооружения часто входили в состав катакомб или были связаны с ними. Крестовидная в плане форма, возникшая из размещения трех больших ниш для саркофагов по трем сторонам высеченного в грунте центрального квадрата, часто встречается в этрусских гробницах, христианских катакомбах и наиболее обычна для ранних мавзолеев Багауата. Таким образом, соединение двух глав позволило бы полнее, разносторонней и вместе с тем более компактно обрисовать архитектуру позднеантичной эпохи. Кроме того, погребальным, т. е. функциональным, происхождением можно было бы объяснить и широкое распространение в культовой архитектуре крестовидного плана, который стал применяться еще до того, как ему начали придавать символическое значение, и независимо от последнего. Сюда же полезно было бы перенести весьма необходимые, особенно для студента не-археолога, данные о различных формах перехода к куполу (о трюмах и сферических парусах), а также общие указания о значении символики чисел и форм в средневековой архитектуре. В настоящем издании все эти сведения отнесены к главам об архитектуре Востока; между тем уже в главе о позднеантичной архитектуре приводятся предварительные сведения о базилике, триконхе и т. д.; трюмы характеризуют и упоминаемый в этой главе неаполитанский баптистерий, а паруса были еще раньше применены в равеннском «мавзолее Галлы Плацилии».

Соединение двух глав (о раннехристианской и позднеантичной архитектуре) с

² См. ниже, стр. 327 сл.

³ См. Н. И. Брунов. Очерки по истории архитектуры, т. II. М., 1935, стр. 458—492; Н. М. Авродинов. Византийская архитектура. София, 1955, стр. 7—9.

⁴ A. M. Schneider. Die ältesten Denkmäler der römischen Kirche. «Festschrift d. Akademie der Wissenschaften in Göttingen», phil.-hist. Klasse. Berlin etc., 1951, S. 166—195; P. A. Février. Etudes sur les catacombes romaines. «Cahiers archéologiques», X, 1959, p. 25—26; XI, 1960, p. 12—14.

добавлением к ним общих сведений из главы об архитектуре христианского Востока способствовало бы большей компактности и доходчивости материала.

В главе о позднеантичной архитектуре сделана попытка различить латинские и эллинистические базилики. Это очень трудная задача. Наличие трансепта не является специфичным именно для латинской базилики: немало базилик Восточного Средиземноморья тоже имеет развитое поперечное пространство, а многие западные базилики лишены его⁵. При современном состоянии материала невозможно четко разграничить латинскую и эллинистическую базилики, поэтому даваемые Дж. Бошковицем списки тех и других (стр. 17—18) могут быть приняты лишь условно. Встречаются в них и некоторые неточности. Так, дошедшие до нас римские базилики Сан-Лоренцо и Сант-Аньезе (стр. 17, рис. 12) нельзя считать изначальными; они относятся соответственно к VI—VII вв. В четвертом же веке на месте этих базилик (как и по крайней мере еще двух других римских памятников) находились огромные сооружения особого, скорее всего, погребального типа, характеризующегося апсидой во всю ширину трехнефного здания; начертанием плана они напоминают цирк⁶.

При переиздании подбор анализируемых примеров мог бы быть несколько изменен. Приводимые в книге сохранившиеся базилики относятся к VI в., т. е. ко времени византийского владычества [Сант-Аполлинаре ин Классе в Равенне, а также комплексы в Порече (Паренцо) и в Царицыном Граде]. Между тем в самой Югославии изучен целый ряд подлинных памятников IV—V вв., которые воссоздают образ ранней базилики и всего ее комплекса: это прежде всего интереснейшие постройки некрополя Марусинак, который лишь упоминается (стр. 18), но мог бы быть с успехом проиллюстрирован в книге. Весьма показательны также для IV—V вв. первоначальные постройки в Аквиле, Пуле, Градо, Порече, Марусинаке. На фоне этих более скромных и вполне достоверных памятников большие римские и палестинские базилики Константина выделялись бы как исключительные даже для своего времени. Не менее показательны монументальные постройки IV—VI вв. в новых столицах западной половины поздней империи — Трире⁷, Милане⁸, Равенне⁹, впервые открытые или заново изученные после второй мировой войны. По всей видимости, эти памятники можно с большим основанием считать предшественниками романских, чем «классические» базилики Рима (стр. 16). Перестав быть столицей государства, Рим, естественно, утратил свою ведущую роль в искусстве; она перешла к новым центрам. Именно там с IV в. складывалась замечательная архитектура кирпичных массивов и арок. Конкретное знакомство раннесредневековых строителей с позднеантичными зданиями могло начаться с реставрации позднеантичных памятников в Трире и Милане, которые, таким образом, стали предшественниками романских памятников.

Глава о позднеантичной архитектуре заканчивается параграфом о гражданских и оборонных сооружениях; он базируется на результатах важнейших работ югославских археологов в Стоби¹⁰ и Царицыном Граде (Юстиниана-Прима?). Бошковиц впервые вводит эти интереснейшие материалы в широкий обиход научно-популярной литературы, столь бедной сведениями о градостроительстве позднеантичного времени. Полагаем, что при переиздании книги следовало бы отвести им больше места, осветив характер рядовой застройки Стоби и Царицыного Града и притом дифференцировав их, а именно: характеристику Стоби следовало бы оставить в главе о позднеантичной архитектуре, так как этот город складывался в IV—V вв.¹¹ на основе существовавшего ранее римского; его рядовая застройка, дворцы и базилики могут рассматриваться как характерные именно для этого переходного периода. Царицын же Град, датированный самим Дж. Бошковицем (в соответствии с найденными монетами) царствованием Юстиниана¹², почти целиком относится к VI в.; он может считаться

⁵ Cp. J. G. Davies. *The Origin and Development of Early-Christian Church Architecture*. New York, 1953, p. 37—48.

⁶ F. W. Deichmann. *Die Lage der Konstantinischen Basilika der hl. Agnese*. RAC, Anno XXII, 1946, p. 1 sqq.; R. Krauthimer etc. *Mensa — Coemeterium — Martyrium*. «Cahiers archéologiques», XI, 1960, p. 15—40.

⁷ Литературу см. С. А. Кауфман. Раннесредневековая архитектура в свете археологии. «Средние века», вып. XXII, 1962.

⁸ С. А. Кауфман. Миланский комплекс центральных зданий. ВВ, XV, 1959, особенно ссылки на стр. 288—289.

⁹ С. А. Кауфман. О взаимосвязях ранневизантийских сводчатых покрытий с позднеримскими. ВВ, XX, 1961, стр. 207—212.

¹⁰ План Стоби (рис. 23), насколько нам известно, впервые публикуется в столь полном виде, с нанесением ранней базилики (9) и ее баптистерия (10). Cp. G. Manozzi. *Stobi*. «Atti dello V congresso di studi bizantini», vol. II Roma, 1940, tav. LVI, fig. 1; tav. LVIII, fig. 1.

¹¹ B. Nestorovič. *Un palais à Stobi*. «Actes du IV congrès des études byzantines», vol. II. Sophia, 1936, p. 183; G. Manozzi. *Mosaiken in Stobi*. Ibid., p. 297.

¹² Dj. Bošković. *Nouvelles fouilles*. «Actes du VI congrès des études byzantines», vol. II. Paris, 1951, p. 53—55; см. «Atti dello VIII congresso di studi bizantini».

типичным для сложившегося ранневизантийского градостроительства, и анализ его памятников уместнее было бы перенести в главу о византийской архитектуре, которая, кстати говоря, в своем настоящем виде недостаточно насыщена — по вполне объективным причинам — данными о гражданском строительстве.

Главу о христианской архитектуре в горной (Северной) Месопотамии при переиздании целесообразно было бы начать с введения о сасанидских постройках (перенеся сюда текст со стр. 24—25 вместе с рис. 28 и дополнив его материалом о христианской базилике в Ктесифоне). Тогда связи памятников Месопотамии с сасанидской традицией, убедительно выявленные автором, выступили бы еще более четко.

Едва ли следует в главу об архитектуре Сирии включать такой памятник, как церковь так называемого Каср ибн-Вардана: он не является типичным для этого района ни по плану, ни по кирпичной конструкции стен, ни по наличию постоянного купола. Хотя эта церковь и построена в самом сердце Сирии, она скорее может быть отнесена к собственно византийской архитектуре.

В главе о коптской архитектуре автор анализирует четыре памятника, сходных между собой по планировке головной части в виде триконха (рис. 78—81)¹³, по-видимому, свойственной местной традиции. Но ведь для раннехристианского Египта характерно также и святилище Мены в Мариуте, которое является представителем александрийской, т. е. позднеэллинистической традиции в ее наиболее чистом виде. Необходимо было, на наш взгляд, не только упомянуть, но и проиллюстрировать этот своеобразный памятник, являющийся примером введения выступающего трансента.

Поместив главу об архитектуре Закавказья перед главой о византийской архитектуре, автор обязан был, по нашему мнению, учесть самые ранние памятники Армении и Грузии — маленькие базилики и центрические здания IV—V вв., вроде собора в Ани. Главу и следовало начать именно с их характеристики, а не с описания памятников VII в. Простое упоминание (стр. 63 и прим. 4) о формировании стиля в IV—VI вв. недостаточно для выявления ранних достижений зодчества Армении и Грузии.

Армянская и грузинская архитектура рассматривается Дж. Бошковичем в одной и той же главе. Это требует особенно тщательного подбора памятников той и другой архитектуры, иначе невозможно правильно оценить вклад каждой в развитие архитектуры в целом. В рецензируемой книге памятники Армении представлены, однако, гораздо полнее, чем грузинские, и это не всегда справедливо. Так, схема, сходная с Рипсиме в Вагаршапате, была уже в конце VI в. шрифтована в замечательном памятнике Грузии — Мцхетском Джвари.

Во введении к главе о византийской архитектуре правильно отмечается ее большое самостоятельное значение. Автор указывает, что развитие византийской архитектуры происходило «параллельно с эволюцией и переменами, которые наступали в материальных и исторических условиях на управлявшейся Византией территории». Здесь же обосновывается принимаемое автором территориальное ограничение самого понятия «византийская архитектура», в круг которой включаются памятники Константинополя, южной части Балканского полуострова, западных областей Малой Азии и Эгейских островов, т. е. районов с греческим населением (карта, рис. 116). Вместе с тем к византийской архитектуре автор вполне мотивированно намеревается относить сооружения Равенны, Венеции, Южной Италии и Крыма в те периоды, когда они попадали под византийское владычество (стр. 73). Архитектуру же стран Передней Азии, Северной Африки и Закавказья Бошкович справедливо считает достаточно оригинальной для того, чтобы описывать ее в предшествующих главах.

Сложность и изменчивость социальных условий, в которых развивалась византийская архитектура (стр. 78), заставляют автора принять довольно сложную, и притом более дробную по сравнению с обычной, периодизацию. Он отказывается от условного традиционного деления памятников на ранне-, средне- и поздневизантийские — деления, не вполне соответствующего фазам исторического развития Византии. В отличие от этой обычной системы периодизации, Бошкович выделяет в истории византийской архитектуры пять периодов.

В соответствии с этим прежде всего обособляется параграф об архитектуре Восточной Римской империи (до формального падения западной ее части — стр. 73—79). По сути дела он носит преимущественно характер исторического введения, включающего необходимые, кратко и доходчиво изложенные сведения о торговых и культурных связях, об архитектурном образовании, церковном устройстве, о ересь и их роли в социально-политической борьбе. Переходя к характеристике собственно архи-

Roma, 1953, p. 87. По несколько более поздним данным: от Анастасия до Маврикия Тиберия. Г. М а н о-З и с и. Ископаемая по Царичину Граду, 1949—1952. «Старина», Нова Серија, кн. III—IV (1952—1953). Београд, 1955, стр. 167.

¹³ О дошедших до нас (вероятно, поздних) яйцевидных куполах Красного и Белого монастырей нужно было бы сделать указание, аналогичное примечанию 14 к описанию Георгия в Заре (стр. 44).

тектурного материала, Бошкович подчеркивает ведущую роль в строительстве этого времени капитальных городских укреплений. Она определялась германской и персидской, а позднее славянской и арабской опасностью. В книге дается поэтому относительно подробное описание наземной оборонной стены Константинополя, относящейся ко времени Феодосия, — лучше всего сохранившегося раннего памятника столицы, который сейчас заново исследован А. М. Шнейдером и Б. Мейер-Платом. О других ранних памятниках автор только упоминает (стр. 75). Следовало бы, однако, не ограничиваясь упоминанием в целом (стр. 18, 75) или отдельных деталей (рис. 130), дать план базилики Иоанна Студита. Кроме того, можно было бы проиллюстрировать раннюю столичную архитектуру такими памятниками, как акведук Валента¹⁴ и гексагон Евфимии¹⁵, что позволило бы конкретизировать ее все еще позднеантичный характер. Сюда же было бы целесообразно перенести указания о Салоникской ротонде; в своем перестроенном виде она представляла замечательный по композиции и мозаикам памятник, характерный для Восточной империи первой половины V в. Ротонда, по нашему мнению, заслуживает не только упоминаний (стр. 10, № 1; стр. 87, № 34), но и конкретного показа¹⁶. Здесь же могли бы фигурировать и выдающиеся памятники доюстиниановского Эфеса — раннехристианская церковь Иоанна с планом в виде открытого креста, «соборная» базилика Богоматери, относительно хорошо сохранившаяся и замечательная своей конструкцией разнообразных кирпичных сводов в частях IV в.¹⁷ Эти добавления способствовали бы уточнению представлений об архитектуре поздней Восточноримской империи.

Следующий параграф, охватывающий памятники с конца V до начала VII в., рассматривает, по удачному определению Бошковича, «архитектуру времени попытки восстановить рабовладельческую систему» (стр. 79—88); автор принял это определение вместо традиционного: «золотой век» (стр. 79, № 13). Архитектура этого времени охарактеризована как орудие прославления императора: создание бесчисленных новых культовых зданий должно было утверждать, как пишет автор, «единство государственной и церковной властей, фактически сконцентрированных в руках императора» (стр. 79). Характеристика Константинополя как центра полувосточного государства, в принципе являясь верной, в настоящее время не может быть, однако, подкреплена данными, касающимися архитектуры столичных дворцов. В композиции апсидального зала, опубликованного после появления рассматриваемой работы Бошковича¹⁸, заметна та же тенденция к восстановлению римских и позднеримских приемов, что и в планировке в основном современного ему Царицыного Града. По-видимому, приемные залы дворцов уже в Римской империи приобрели парадный характер: примером тому служит упоминаемая на стр. 18 так называемая «базилика» в Трире (IV в.), фактически выполнявшая функции приемного зала правителя Западной империи; ей предшествовал приемный зал классического периода.

Зато новые плановые схемы развиваются в культовых зданиях, план которых приобретает то вид деформированного, сильно вытянутого триконха (в Царицыном Граде), то вписанного креста (в составе константинопольского дворца). Автор правильно отмечает, что всевозможные типы культовых зданий появляются при этом параллельно с базиликой (стр. 82—83), а не развиваются постепенно из базиличного типа, как обычно предполагается.

Из числа памятников, предшествующих постройке замечательных константинопольских храмов времени Юстиниана, нужно исключить Софию Салоникскую, которая, возможно, как признает и сам автор (стр. 84, прим. 22), относится к VII или даже к VIII в.; в пользу последней датировки говорят не только опубликованные археологические данные, но и сходство Софии Салоникской с церковью Успенья в Никее, отмечаемое автором в следующем параграфе (стр. 93). В отличие от более ранних купольных базилик с вытянутым планом, вроде Коджа-Калеси, Ирины и Софии Константинопольской, обе эти церкви имеют план, близкий к квадрату, что, как мы полагаем, скорее соответствует более поздней тенденции в развитии купольной базилики.

Выше уже отмечалось, что Бошкович, являясь последовательным приверженцем концепции «восточного» происхождения византийской архитектуры, пренебрегает собственно римскими памятниками. Вряд ли, однако, можно объяснить октогон Сер-

¹⁴ K. O. D a l m a n. Der Valens-Aquädukt. Bamberg, 1933; акведуком Валента можно было заменить так называемый Му'алак Кемер (стр. 79, № 16, рис. 118), который, скорее всего, относится к XVI в. (ibid., S. 23—324; E. W e i g a n d. Der Valens-Aquädukt. BZ, 36, 1936, S. 171—172).

¹⁵ A. M. S c h n e i d e r. Das Martyrion der hl. Euphemia. BZ, 42, 1942, S. 178—185, fig. 1.

¹⁶ E. D y g g v e. La région palatiale de Thessalonique. «Actes du II congrès des études classiques», vol. I. Copenhague, 1958, p. 356—365, рис. 5, 9, 13—15.

¹⁷ F. F a s o l o. La basilica di Efeso. «Palladio», Anno VI, 1956, fasc. I—II, p. 1—13, fig. 3, 12 etc.

¹⁸ The great Palace of the byzantine emperors. II report. Edinburgh, 1958: см. рец.: С. А. К а у ф м а н. ВВ, XXI, 1962, стр. 233—252.

гия и Вакха влиянием совсем не похожего на него Вираншаха и гораздо более позднего Звартноца (стр. 84). Насколько нам известно, еще никогда на Востоке не обнаружено расширения при помощи экседр многогранника, в частности октогона, тогда как на Западе этот прием получил значительное распространение по крайней мере с начала IV в.

Очень хорошее впечатление производит сжатое описание Софии Константинопольской: здесь приводятся данные о ее создателях, а также о конструктивных особенностях памятника¹⁹, с которыми автор связывает замечательное пространственное решение. Если учесть еще и общие указания о византийской строительной технике (стр. 82), сопровождаемые данными, например, о размерах кирпича и о характере кладки, то можно смело сказать, что читатель получит из рассматриваемой книги правильное представление о материальных предпосылках, на которых базировались художественные достижения византийских зодчих при Юстиниане; Бошковицу удалось показать эти предпосылки полнее, чем это делается обычно даже в курсах, предназначенных для специалистов.

Думается, однако, что необходимо дополнить анализ Софии замечаниями (пусть даже гипотетическими) о происхождении если не самой постройки, то хотя бы общей схемы Софии и ее отдельных элементов. Необязательно уточнять место, откуда именно они происходят, да это и трудно сделать, так как аналогичные здания имеются и на Востоке, и на Западе. Но, упоминая и показывая такие замечательные более ранние памятники с большими конхами, как Сан-Лоренцо в Милане²⁰, церковь в Афинской библиотеке Адриана²¹ и особенно Красная церковь около Перушицы (Фракия)²², — сооружения, восходящие к концу IV — началу VI в., — нужно связывать их именно с Софией, где этот прием получил свое наивысшее, хотя и несколько видоизмененное воплощение.

Архитектуре Равенны уделен всего один столбец на стр. 88. В число памятников, рассматриваемых здесь, входит так называемая «гробница Галлы П्लाцидии» и баптистерий православных. Если даже датировать их второй четвертью V в. (такая датировка ныне считается заниженной)²³, то и тогда неоспоримо, что оба памятника созданы за 100 лет до прямого вмешательства Византии в дела Равенны. Переносим понятие «византийские памятники» на гораздо более ранние сооружения, Бошкович отступает, таким образом, от провозглашенного им самим правильного принципа (стр. 73), согласно которому памятники Равенны могут считаться византийскими лишь с того времени, когда она подпала под византийское владычество. Независимо от того, построены ли «гробница Галлы П्लाцидии» и баптистерий православных в первой или во второй четверти V в., их следует, по нашему мнению, отнести — вместе с ранними базиликами (стр. 18) к позднеантичной архитектуре, т. е. ко времени, когда Равенна стала последней столицей Западной империи. Вопрос этот не формальный;

¹⁹ Следует, впрочем, учесть, что новейшие исследования подтвердили категорическое указание Зальценберга об отсутствии в куполе Софии тех легких пористых кирпичей с Родоса, о которых сообщали относительно поздние источники (W. S a l z e n b e r g. *Alt-christliche Baudenkmale von Konstantinopel*. Berlin, 1854, S. 19). См. подробнее: С. А. Кауфман. Из истории Софии Константинопольской. ВВ, XIV, 1958, стр. 200 сл.

²⁰ С. А. Кауфман. Миланский комплекс... ВВ, XV, 1959, стр. 286, рис. 1—2.

²¹ Квадриконх не является первоначальной частью адриановского здания, как ошибочно указано на стр. 93; он относится либо к IV в. (по Сиссон), либо, скорее, даже к V в. (так полагает Травлос; с его работой мы знакомы лишь в изложении: P. L e m e r l e. IV bulletin. REB, XIII, 1955, № 169).

²² Автор колеблется в датировке церкви Перушицы (стр. 93, 121). Между тем в настоящее время амплитуда возможных колебаний значительно сократилась. Уже А. Грабар отказался от своей прежней датировки фресок Перушицы: он категорически относил их к VI в. A. G r a b a r. *L'architecture balcanique*. CRAI, 1945, p. 270 sqq. (цит. по: A. F r o l o w. *L'Eglise Rouge*. BBI, vol. II, 1950); i d e m. *Martyrium*. Paris, 1946, vol. I, p. 193, 392; vol. II, p. 316, N 2. Публикуя обмеры Покровского, А. Фролов убедительно показал, что и по строительной технике, и по композиции церковь Перушицы является ранневизантийским памятником (A. F r o l o w. *L'Eglise Rouge*, vol. II, p. 451—453, 469), относящимся к V — началу VI в. (ibid., p. 474, 477). Такая датировка подтверждена недавно также в монографии Н. Панайотовой («Червената църква при Перушица». София, 1956, стр. 47—54), которая относит ее ко времени Анастасия, т. е. к рубежу V и VI вв. (стр. 54—55). Не намного отличается и датировка Н. Мавродинова и Dj. Stričević [в рецензии на кн.: F. W. D e i c h m a n n. *Studien zur Architektur Konstantinopels*. «Старинар», Нова Серија, књ. VIII—VIII (1956—1957), стр. 427] (Красная церковь Перушицы современна церкви Сергия и Вакха). Таким образом, Красная церковь рассматривается всеми указанными авторами как предшественник Софии Константинопольской.

²³ Подробнее см. С. А. Кауфман. О взаимосвязях ранневизантийских сводчатых покрытий с позднеримскими, стр. 207 и прим. 89.

«мавзолей» и баптистерий отличаются от ранних византийских памятников и большей стройностью масс, и кладкой стен, и техникой выполнения сводов, и неизменным наличием скатных крыш, и трактовкой фасадов. Поэтому вынесение за один скобки общей характеристики памятников VI в. в Константинополе и памятников конца IV—VI в. в Равенне (стр. 88—90) представляется недостаточно оправданным.

Более сложен вопрос о некоторых памятниках Южной Италии, бегло упоминаемых на стр. 205 (они характеризуются как «построенные под византийским влиянием»). Они оказались в главе о романской архитектуре. Между тем такие купольные и крестовидные памятники типичны скорее для архитектуры собственно византийской и после уточнения датировок могли бы быть отнесены к соответствующим периодам ее истории. В частности, это относится к пятикупольным церквям Калабрии — Каттолика в Стило и Сан-Марко в Россано²⁴.

Византийская архитектура в период ослабления государства и социальных брожений (начало VII — середина IX в.) бедна культовыми памятниками; дворцы же этого времени известны пока только по описаниям. Это отразилось и на тексте соответствующих параграфов книги. Как мы уже говорили выше, было бы целесообразно перенести сюда данные о Софии Салоникской. Картину не удается пополнить и искусственным отнесением к этому времени церкви в Перушице (стр. 93), так как она вовсе не похожа на другие предполагаемые памятники этого времени. Признавая его переходным, Бошкович не смог дать сколько-нибудь убедительной общей характеристики архитектуры данного периода. Интересные указания на изменения в характере декора, в частности мозаик, не могут возместить недостаточность сведений о самих памятниках и скудость выводов об архитектуре VII—IX вв.

Достоинством рецензируемой работы является наличие в ней самостоятельной главы о болгарской архитектуре (стр. 113—127); такой обзор, насколько нам известно, дается в югославской литературе впервые. Выделение данной темы в качестве особой обязывает, однако, к более полному и систематическому показу памятников Болгарии, нежели это имеет место в рассматриваемом издании. Мы согласны с автором, когда он относит памятники V—VI вв., встречающиеся на территории Югославии, к позднеантичной (или к византийской) архитектуре, поскольку они созданы задолго до возникновения здесь славянских государств. Таким образом, думается, необходимо было поступить и с почти современными им памятниками, обнаруженными на территории Болгарии, отнеся их к византийской архитектуре (подобно тому, как это делается в отношении базилики Херсонеса или Керченской церкви). Византийскими следует, как нам кажется, считать не только центрические памятники Адрианополя и Перушицы, а также первоначальный храм Софии в Софии (рис. 163), но и своеобразные храмы в Иваньино (рис. 161) и в Клизе-кой (рис. 162), столь сходные по плану и начертанию с храмами Царицыного Града.

Вместе с тем представляется неоправданным умолчание об оборонных, гражданских и культовых памятниках Плиски, Преслава и других населенных мест; хотя они и построены с широким вторичным применением римских и отчасти ранневизантийских материалов, но принадлежат в основном ко времени Первого Болгарского царства и во многом принципиально отличаются от памятников византийских²⁵. В частности, это относится к Преславской ротонде, которая приводится Бошковичем в главе о ранневизантийской архитектуре²⁶ (стр. 87, рис. 127). В действительности в ней не заметно никакого сходства ни с церковью в Брусе (стр. 87, прим. 36), конхи которой едва намечаются во внешнем облике, ни, тем более, с церковью в Кон'ухе (стр. 88). В Кон'ухе мы имеем дело вовсе не с многоконховой ротондой, а со зданием, прямоугольным снаружи²⁷; внутреннее кольцо колонн совсем не отражалось во внешнем его контуре. Таким образом, церковь в Кон'ухе противоположна Преславской ротонде, конхи которой снаружи подчеркнуты, как в позднеримских многоапсидных зданиях IV в., вроде нимфея Лициниевых садов в Риме (так называемая Минерва Медика) или церковь Герееона в Кельне. В Преславской ротонде можно скорее видеть воскрепление римского типа; справедливость этого предположения подтверждается тем, что водиче раннего средневековья стали (видимо, сознательно) воспроизводить также и древние типы зданий, в том числе и базилики.

Книга Бошковича отличается относительно широким показом памятников архитектуры Болгарии, Македонии, Сербии и Зете, что дает возможность оценить взаимосвязи средневековой архитектуры балканских народов с византийской и их большую роль в развитии средневековой архитектуры вообще. Автор является крупнейшим

²⁴ Датировка спорна. Их относят и к византийскому (IV в.) и к ранненорманскому времени (P. Loj a s o n o. L'architettura bizantina in Calabria e Sicilia. «Atti dello V congresso di studi bizantini», vol. II. Roma, 1940, p. 188. Автор считает их прототипами норманской базиликальной церкви).

²⁵ См. ниже, стр. 333—334.

²⁶ См. ниже, стр. 336—337.

²⁷ Св. Р а д о ј ч и ћ. Црква у Коњуку. ЗРВИ, кн. I (XXI), 1952, рис. 11, стр. 159, 166—167.

специалистом в этой области; активно участвуя в работах Ж. Милле, он лично изучил и реставрировал целый ряд памятников Югославии²⁸. Хотелось бы пожелать, чтобы при повторном издании книги этому ценнейшему материалу было отведено еще больше места. Кроме того, значение архитектуры Балкан могло бы быть выявлено четче при ином расположении материала. В книге Бошковица за главой о византийской архитектуре следует глава об архитектуре Болгарии и Македонии (стр. 119—147), архитектура же Сербии и Зеты (стр. 273—306) рассматриваются после русской, романской и готической. А ведь памятники Сербии, за исключением некоторых произведений рашской школы, как это показывается самим автором, развивают тенденции македонской школы или аналогичны ее памятникам. Это проявляется и в плане, и в растущей стройности зданий, и во все более богатом декоре. К тому же история Сербии и Македонии переплетается настолько тесно, что провести четкую границу между архитектурными сооружениями той и другой довольно трудно. Так, церковь монастыря Хиландар рассматривается в рецензируемой книге как памятник косово-метохийской школы сербской архитектуры (стр. 290, рис. 393—394). Но эта церковь может быть отнесена и к македонской школе, что допускает сам Бошковиц в другой своей работе²⁹. В то же время церковь Хиландара не отличается от церкви Афона по плану, характеризуемому тем же значительным развитием нартекса и эксонартекса, тем же сочетанием базилики или вписанного креста с триконхом (см. церковь Ватопеда, стр. 98, рис. 139)³⁰. Этот тип, возникший, по-видимому, в VI в. (Царицын Град), продолжал бытовать в византийской архитектуре Афона, в Македонии и Сербии, особенно в памятниках моравской школы XIV в. (Лазарица и Наупара под Крушевцем, Любостина) и XV в. (Каленич, Манасия, Чокешина, Кривая), а также в Румынии и Болгарии³¹.

Как видно, связи между Балканскими странами были явно сильнее связей Сербии с Западом; а ведь мы привели только одну из плановых схем. Еще сильнее эти внутрибалканские связи проявляются, как показывает автор, в общем силуэте зданий, во внутреннем декоре, а также в наружной отделке, все более красочной и «перегруженной»³². Все это говорит в пользу необходимости помещения главы о сербской архитектуре непосредственно после глав о болгарской и македонской, а следовательно — в связи с главой об архитектуре византийской. Предположения автора о взаимосвязях сербской архитектуры с румынской и русской (стр. 298) оказались бы тогда на своем месте и послужили бы переходом к соответствующим главам книги.

Глава о русской архитектуре (стр. 148—166) покажется советскому читателю недостаточно детализированной. Следует, однако, учитывать, что в сочинениях западноевропейских авторов подобный раздел либо вовсе отсутствует, либо искажает самое существо нашей архитектуры. Автор первым в югославской литературе признает самостоятельное значение древнерусской архитектуры; тем самым он открывает дорогу к выяснению взаимосвязей между архитектурами южных и восточных славян, а равно и к дальнейшему уточнению их отношений с архитектурой Византии.

Обширный раздел об архитектуре Западной Европы (стр. 167—272) открывают главы «Западная архитектура времени натурального хозяйства раннего феодализма — дороманская архитектура» (стр. 167—177) и «дороманская архитектура на нашем (т. е. югославском. — С. К.) Поморье» (стр. 178—186). Историческое введение о переходе от одной формации к другой сопровождается необходимыми компактно собранными сведениями о переселении народов, о торговле, ремесле, искусстве, культурном уровне каролингского времени. Полезна карта, показывающая распределение ранних памятников по всей Западной Европе, включая западную часть Балкан с памятниками Словении, Хорватии и Поморья (рис. 214).

Вполне верной мы считаем периодизацию (стр. 169), согласно которой в качестве важной фазы рассматривается так называемая «дороманская» архитектура, охватывающая памятники раннего феодализма; они выделяются в особую категорию наравне с памятниками архитектуры монашеских орденов («романской») и городской

²⁸ G. Millet. L'église de Peć. CRAI, 1933, p. 350—355.

²⁹ Дж. Бошковиц. Средневековое искусство в Сербии и Македонии. Београд, б. г., стр. 14. В этой работе сама косово-метохийская школа рассматривается в качестве ответвления македонской школы (стр. 15).

³⁰ В сводной таблице, воспроизводимой Н. Мавродиновым («Византийская архитектура», рис. 107), фигурируют церковь Ватопеда (№ 3), церковь Хиландара (№ 5) и шесть других церквей того же типа, не считая приводимой тем же автором наиболее ранней главной церкви Лавры, план которой изображен на рис. 105.

³¹ Вытянутый план в сочетании с триконхом появляется и на Западе, но гораздо реже. В С.-Мария ди Кастельсеприо (Северная Италия, VII или VIII в.) триконх сочетается с небольшой однонефной базиликой простейшего плана.

³² Близость югославских памятников с болгарскими была в свое время детально установлена самим Дж. Бошковицем: G. Bošković. Note sur les analogies entre l'architecture serbe et l'architecture bulgare au Moyen Âge. Actes du IV congrès des études byzantines, vol. II. Sophia, 1936, p. 57—74, fig. 17—36.

(«готической») архитектуры. Автор правильно подчеркивает условность терминов «романский» и «готический» (а тем самым, добавим мы, и термина «дороманский»). Он отказывается также от деления раннего периода на меровингский и каролингский, обоснованно полагая, что «перемена династии не вызвала изменений в общественном строе» (стр. 169, прим. 7—8); на развитии архитектуры эта перемена тоже не отразилась сколько-нибудь существенно. Отказ от традиционного членения значительно упрощает изучение и изложение развития архитектуры в раннее средневековье.

Введение параграфов о «дороманской» архитектуре является особым достоинством рецензируемой работы, потому что обычно в общих курсах раннесредневековые памятники едва упоминаются. Серьезная заслуга автора и в том, что он привлек многочисленные памятники, включая находящиеся на Пиренейском полуострове, в Великобритании и на западе Балкан.

Отметим вместе с тем, что в главе проиллюстрированы одни только центрические памятники, сохранившиеся наилучшим образом благодаря наличию в них сводов (гробница Теодориха, баптистерий в Венаске, Жермини де Пре, Палатинская капелла, церковь Михаила в Фульде). Недостаточность такого подбора не может быть восполнена упоминанием о будто бы «небольших» базиликах VII—VIII вв. (стр. 172) и кратким перечнем (шеститом) базилик IX в. (стр. 175). У читателя неизбежно складывается впечатление, будто центрический тип культового здания был в раннее средневековье ведущим на территории Франции, Германии и Северной Италии. Такое впечатление, однако, не соответствовало бы исторической действительности, так как западная церковь очень рано стала поощрять постройку церквей базиличного плана. И действительно, привлекаемые автором дороманские памятники являются или постройками, созданными для нужд короля и высшей знати (Палатинская капелла, Жермини де Пре), или небольшими сооружениями при базиликах (баптистерии, маргрии, мавзолеи).

При последующих изданиях книги автор, вероятно, найдет возможным привлечь ряд базиликальных памятников раннего средневековья, хотя все они разрушены или значительно перестроены. Археологические исследования позволяют дать некоторое представление даже о ранних из них, таких, как С.-Мартен в Отене и С.-Этьен в Париже (VI в.) или церкви в монастырях С.-Дени и С.-Рикье (VIII в.)³³. Основные факторы романской архитектуры, складывавшиеся несколько позднее, заметны уже в таких замечательных памятниках, как большие монастырские церкви С.-Филибер де Гранлье и С.-Жермен в Оксере (IX в.), С.-Мартен в Анжере (IX и X в.), собор в Клермоне, С.-Мартен в Туре и вторая церковь аббатства Клуни (X в.): в них развивалась трехнефная структура, план с одним или двумя трансептами и двухбашенный фасад. В связи с развитием культа мощей уже тогда слагалась система крипт и кругового обхода с радиальными капеллами, усложнялись витражи и интереснейшие внутренние росписи.

Привлечение этих памятников даст возможность показать, что развитие базиликального здания со все большей алтарной частью было главной проблемой «дороманской», «романской» и «готической» архитектуры; оно неизменно характеризует культовое зодчество Запада. В этом состоит коренное отличие западной архитектуры от архитектуры Византии, славянских и кавказских народов, разрабатывавших преимущественно проблему здания центрического или близкого к квадратному, с незначительной алтарной частью.

Рецензируемая книга сопровождается обширной библиографией (стр. 345—348); она составлена по главам и в хронологическом порядке. Статьи в периодических изданиях упоминаются лишь суммарно, хотя они использованы в огромном количестве. Особо выделен список многочисленных работ самого автора, напечатанных за 30 лет (1927—1956) его научной деятельности (стр. 349—352). К сожалению, в книге отсутствуют указатели, совершенно необходимые в изданиях такого рода.

Большой, в значительной мере новый и оригинальный материал, собранный в работе Бошковича, систематизирован и изложен им так, что выявляются основные черты, взаимосвязи и взаимовлияния огромного числа памятников, которые раньше могли казаться совершенно оторванными друг от друга. Особенно ценны данные по архитектуре стран Ближнего Востока и Балканского полуострова. В целом книга Бошковича представляет собой не только полезный учебник, но и в значительной мере является итогом самостоятельных исследований, она содержит ряд новых, интересных идей.

³³ Главная церковь монастыря Центула (С.-Рикье) построена не в IX в., как указано на стр. 175, а в 791—798 гг. (R. L a s t e y r i e. L'architecture religieuse en France à l'époque romane. II éd. Paris, 1929, p. 184; Al. F u c h s. Die Karolingischen Westwerke... Paderborn, 1929, S. 10, 16). В 799 г. она уже функционировала (Ir. A c h t e r. Zur Rekonstruktion der Karolingischen Klosterkirche Centula. «Zeitschrift für Kunstgeschichte», Bd. XIX, 1956, Heft 2, S. 135).

2. Dj. Boskovic, Dj. Štričević, Ivanka Nikolajević-stojković.

L'architecture de la Basse antiquité et du Moyen Âge dans les régions centrales des Balcanes (XII congrès international des études byzantines. Ochride, 1961. Rapports VII). Belgrad — Ochride, 1961, p. 155—247.

Во вступном докладе Дж. Бошковица на XII конгрессе византологов, озаглавленном «Архитектура поздней античности и средних веков в центральных районах Балкан» определяется специфика этих районов, большая часть которых некогда вошла в состав Восточноримской империи, но сохраняла постоянные и тесные связи с Западом. Отсюда — двухсторонние влияния, с преобладанием то тех, то других и по времени и по месту.

В понятие поздней античности докладчик включает теперь также³⁴ ранневизантийскую эпоху, вплоть до конца VI в. Основная общая проблема — наличие или отсутствие непрерывности в культуре между столь широко понимаемой поздней античностью, с одной стороны, и ранним средневековьем, с другой — рассматривается в данном докладе применительно к градостроительству и архитектуре. Бошковиц допускает, что такие города, как Нип, Белград, Охрид, Шкодра, София, Пловдив, могли быть разрушены лишь частично, подобно Царицыну Граду, исследование которого с несомненностью установило наличие раннего славянского заселения. Этим обстоятельством докладчик объясняет возрождение после 1018 г. некоторых из старых городов (стр. 157). Весьма интересны соображения³⁵ о путях сообщения, которые и в средние века примерно совпадали с позднеантичными. Этот факт в какой-то мере свидетельствует о сохранении ранневизантийских поселений и связей между ними.

Рассматривая период с VII по X в., докладчик допускает лишь очень ограниченное заселение славянами и протоболгарами территории и руин некоторых древних городов или местностей поблизости от них (стр. 157). Совершенно отрицается сколько-нибудь значительная строительная активность варваров, перешедших к оседлости, в восточной части Первого Болгарского царства (стр. 156, 159). В частности, упоминается о Плиске и базируясь на опубликованных в Чехословакии двух статьях Д. Кранджалова³⁶, а также на его предназначавшемся для XII конгресса сообщении³⁷, Бошковиц усматривает в руинах около современной Абоны не столицу Первого Болгарского царства Плиску, вновь созданную в VIII—IX вв., а остатки какого-то ранневизантийского города. При этом допускается лишь использование протоболгарами древних зданий, покинутых византийцами (прим. 3).

Обращаясь к болгарским публикациям, в частности к довоенным проверочным раскопкам в Плиске, мы вправе заключить, что прямых указаний для идентификации Плиски и датировки ее зданий не было получено; это признал и Кр. Миятев в отчете о работах 1937 г. в «Большом дворце»³⁸. В дальнейших работах менее опытных археологов имелся ряд недостатков: нечеткие чертежи, отсутствие достаточно точной фиксации места и условий находки монет, отдельных предметов, знаков на блоках и т. д. Тем не менее мы должны признать вместе с Кр. Миятевым, что общий характер построек, их взаимное расположение и нередко курьезные детали имеют мало общего с ранневизантийской архитектурой. Нельзя согласиться с докладчиком (стр. 159), находящим в светских зданиях Плиски и Преслава полное сходство с позднеантичными и ранневизантийскими постройками в Стоби, Царицыном Граде и т. д. Широкое вторичное применение кирпича и больших блоков из римских построек кажется единственным, что сближает постройки Плиски с ранневизантийскими, вроде Большого дворца в Константинополе. Но вторичное применение материалов было широко и повсеместно распространено в раннее средневековье, вплоть до ахенских построек Карла Великого; оно отнюдь не говорит о дате самих сооружений. Постановка же зданий Плиски на высокие, неиспользуемые субструкции из огромных квадратов, отсутствие единства и симметрии в планировке, примитивность композиции свидетельствуют, по нашему мнению, против отнесения дворцовых построек Плиски к ранневизантийскому времени.

³⁴ Ср. выше, стр. 327 сл. В книге «Архитектура средьего века». VI век в понятие «поздней античности», видимо, не включается.

³⁵ См. Б. Бошковица и И. Николевич-Стојковић. Археолошки споменици и налазишта у Србији, II. Београд, 1956, стр. 111—119 и карта на стр. 110.

³⁶ Стр. 4, прим. 3; стр. 7 и прим. 6. (D. K r a n d ž a l o v. O nejstarším slovanském hlavním městě Plisce. «Sborník vysoké školy pedagogické v Olomouci. Historie», III, 1956, стр. 43—83; i d e m. Architecture budov a stavební materiálu v domnělé Plisce... «Historie», V, 1958, стр. 35—130).

³⁷ Сообщение Кранджалова известно нам только по краткому французскому резюме (Resumés des communications. Belgrade — Ochride, 1961, p. 55—57).

³⁸ Кр. Миятев в Б. Крумовият дворец. ИБАИ, т. XIV, 1943, стр. 116.

В пользу нашей точки зрения могут быть приведены и некоторые косвенные соображения. При двукратных (а также и трехкратных) раскопках в Плиске не найдено ни одной ранневизантийской монеты. Это доказательство *ex silentio* — весьма красноречиво при сопоставлении, например, с тем, что имеет место в Царичиноме Граде, где обнаружены монеты, относящиеся ко всем этапам его существования — от Анастасия до Маврикия Тиверия (последние — в славянских слоях) ³⁹. В то же время поздней Плиске, после перенесения столицы в Преслав, соответствуют монеты конца X — начала XI в. ⁴⁰, в частности монеты Иоанна Цимисхия ⁴¹ (969—976 гг.); целый ряд оловянных печатей относится к периоду византийского владычества ⁴². Трудно допустить, чтобы предполагаемый докладчиком ранневизантийский расцвет Плиски не был бы также подтвержден соответствующими монетами. Наличие фрагментов керамики VII в ⁴³ в фундаментах языческого храма, расположенного вне дворцовой ограды, но связанного непосредственно с дворцовым комплексом, может также подкрепить отнесение всего первоначального комплекса («до перестройки языческого храма в христианскую церковь») не к ранневизантийской, а в раннеболгарской строительной деятельности.

В качестве вероятного исключения могла бы рассматриваться лишь лежащая в стороне большая «епископальная» базилика, которая и в своей общей композиции, и по строительной технике имеет много ранневизантийских черт. Так, прослойки по пять рядов кирпича, характерные для V—VI вв., позволяют усомниться в ее более поздней датировке ⁴⁴. Крестовые и цилиндрические своды из кирпича ⁴⁵ тоже не противоречат датировке ее VI веком. Сомневаться в этой ранней датировке заставляет тем не менее, однородность самых различных клеев на кирпичах, вторично примененных как в базилике и в дворцовых постройках, так и в доделках, связанных с сужением ворот оборонной стены ⁴⁶. Во всех этих постройках встречаются выпуклые клейма одних и тех же легионов (а также преимущественно вдавленные клейма одних и тех же частных заготовителей). Это, по нашему мнению, свидетельствует о почти одновременной разборке целого ряда всевозможных древних зданий на территории тогдашнего Болгарского царства, а значит, и об одновременности постройки или перестройки базилики второго периода в дворцовых зданиях, сужения ворот в большой оборонной стене ⁴⁷.

Приведенные соображения заставляют думать, что сооружения Плиски представляют относительно более позднее и вместе с тем менее развитое, «варварское» строительство, в котором лишь использовались римские строительные материалы, а также некоторые мотивы и фрагменты сооружений различных предшествующих эпох. Поэтому мы не отбрасывали бы весь ценнейший материал, даваемый руинами Плиски для переходного периода от поздней античности к средним векам.

Докладчик находит в формирующейся новой архитектуре Западного Болгарского государства (конца X — начала XI в.) и Сербского государства Рашки черты главным

³⁹ Б. М а н о - З и с и. Ископовая на Царичину Граду. «Старинар», Нова Серија, књ III—IV (1952—1953), стр. 67; књ V—VI (1954—1955), стр. 179.

⁴⁰ ИРАИК, т. X, 1905, стр. 291—300.

⁴¹ Кр. М и я т е в ъ. Указ. соч., стр. 91 (в доме к северу от дворцовой ограды). Р. К а г а с и т е о п о f f. Neue Ausgrabungen in Pliska. ИБАИ, т. XIV, 1943, стр. 166 (в пристройке к зданию В так называемого Малого дворца).

⁴² Т. Г е р а с и м о в ъ. Византийски оловени печати от Плиска. ИБАИ, т. XIV, 1943, стр. 169—181; о применении сходных печатей уже ранее, в период Первого Болгарского царства, свидетельствуют находки во дворце Преслава (е г о ж е. Оловени печати на българските цари Симеонъ и Петър. ИБАИ, т. XII, ч. 2, 1938, стр. 354—364; рис. 156—161; Ю. Г о с п о д и н о в. Разкопки в Преславъ. ИБАИ, т. VI, 1932, стр. 183—187).

⁴³ Ст. М и х а й л о в. Дворцовата църква в Плиска. ИБАИ, т. XX, 1955, стр. 254, стр. 260 (к сожалению, без фото, без профилей и без точного указания места и условий находки).

⁴⁴ С. Б о б ч е в. Смислената зидария в римските и ранновизантийските строежи. София, 1952, стр. 24, № 59.

⁴⁵ Фрагменты сводов, обнаруженные при раскопках, к сожалению, не были своевременно зафиксированы графически (ИРАИК, т. X, 1905, стр. 11, 114, 148).

⁴⁶ В настоящее время кирпичные части базилики, стены и ворота исчезли. О выпуклых клеймах легионов см. ИРАИК, т. X, 1905, стр. 261—262; о частных клеймах — там же, стр. 263—264.

⁴⁷ Огромное здание, предшествовавшее «Большому дворцу», и два языческих храма могут представлять наиболее ранние постройки Первого Болгарского царства, относящиеся к VIII — началу IX в. Отнесение же к Первому царству первоначальной оборонной стены (ИРАИК, т. X, 1905, стр. 49—52) вызывает сомнения («С. Н. Б о б ч е в. Крепостните кули... ИАИ, XXIV. София, 1961, стр. 118).

образом местной позднеантичной и ранневизантийской традиции, к которым присоединялось влияние архитектуры христианского Ближнего Востока, тогда как воздействие Византии играло относительно малую роль (стр. 162). Использование данных, касающихся поселений на территории собственно Болгарского царства (VII—X вв.), позволило бы прийти к более определенным выводам о переходном периоде, подкрепляющим тезис автора относительно местных истоков раннесредневекового развития. Проверка старых исследований и проведение новых раскопок в Болгарии могло бы способствовать этому в большей степени, чем отрицание ценности всего обнаруженного в Плиске, Преславе, Мадаре и их окрестностях для изучения раннесредневековой архитектуры Балкан.

* * *

Обширный доклад Дж. Стрицевича посвящен возрождению базиликального типа в культовой архитектуре центральных территорий Балканского полуострова в IX—XI вв. (стр. 165 сл.). Расходясь с Бошковичем лишь в некоторых деталях, автор объясняет возрождение базилики влиянием местных факторов, преобразованием позднеантичных и ранневизантийских приемов, часто получавших на Северных Балканах своеобразное развитие. Новые работы, главным образом болгарских, югославских и греческих археологов, а также работы русских ученых конца XIX в., привлекаемые автором, позволяют ему почти полностью отказаться от представления об имевшем здесь якобы место влияния Ближнего Востока. Концепции сторонников так называемого восточного фактора (Протича, Велкова) Стрицевич противопоставляет концепцию Миятева, Мавродинова и Ивановой, объясняющих появление средневековых базилик и самый характер их прежде всего наличием местной позднеантичной традиции.

Основываясь на исследованиях преимущественно болгарских ученых, докладчик вносит в список ранневизантийских базилик такие памятники, как Старая Митрополия в Месемврии и церковь Софии в Софии; он добавляет к ним также большую базилику Плиски⁴⁸. Таким образом, представление о развитии древних балканских базилик значительно расширяется. В них обнаруживаются такие черты, которые обычно считают присущими восточным, а позднее — средневековым базиликам. Оказывается, что многие черты последних развились уже в V—VI вв. с переходом от раннехристианской к сводчатой базилике и к купольной (византийской) на самом Балканском полуострове. Гораздо позже, когда византийские и греческие строители уже перешли к другим системам, местная сводчатая базилика, возродившись, стала ведущим типом церковных сооружений средневековых славянских государств.

Особое внимание в докладе уделяется Софии Охридской, которую автор считает наиболее ранним из сохранившихся памятников средневековья (вероятно, IX в.). На основании новейших исследований Бошковица, Коцо, Чипана этот храм рисуется как базилика с коротким трансептом и куполом над средокрестием. Вместе с базиликами Ахилла в Пресле, Богородицы Левешки в Призрене (после первого расширения) и некоторыми другими памятниками X—XI вв. София составляет группу, по целому ряду признаков близкую к ранневизантийским балканским памятникам в частности к Старой Митрополии в Месемврии и церкви Софии в Софии; именно эти два памятника, сохранившиеся с VI в., могли служить прямым образцом для раннесредневековых строителей. Унаследована была общая схема, трехчастное святилище и атрий (в плане), наличие столбов, сводов, а иногда и купола (в конструкции).

Стрицевич дает обстоятельную сводку предшествующих работ, а приводимые им новые детали и обобщения позволяют объяснить спонтанное развитие на Балканах сводчатой и купольной базилики в VI в. (обычно ее считают восточной). Тем самым открывается возможность выявить связи между средневековыми и ранневизантийскими базиликами почти или даже вовсе без традиционных ссылок на влияние восточного фактора.

Докладчик объясняет преемственность средневековых и ранневизантийских базилик сознательным возвратом многовекового разрыва к византийской архитектуре, но не к современной, а к гораздо более ранней — VI в., которую в X в. могли принимать за римскую, раннехристианскую. Еще позднее, в период византийского владычества, восстанавливали старые базилики, но в XI—XII вв. уже переходят к другим типам, в частности к триконху и производным от него формам.

Этим средневековым триконхальным, в духе ранневизантийской традиции, постройкам в Сербии и Македонии посвящен другой доклад Д. Стрицевича (стр. 224 сл.). Триконх вытянутой конфигурации известен на территории Югославии по крайней мере в двух памятниках времени Юстиниана: в Царицыном Граде и около Куршумлии. Бошковиц и Мано-Зиси считали эти древние памятники прямыми предшественниками триконхальных построек школы Рапски, а посредствующим звеном между ними — восстановленную в XII в. церковь около Куршумлии. Докладчик пытается

⁴⁸ См. выше, стр. 334 и прим. 44.

опровергнуть эту концепцию: он полагает, что таким промежуточным звеном являлись охридские триконхи. Один из них обычно идентифицируется с церковью Пантелеймона, построенной в IX в. (может быть, он является и несколько более ранним). Другие триконхи, открытые недавно близ Охрида, по-видимому, тоже восходят к IX—X вв.; они могли бы рассматриваться, по мнению автора, как промежуточные между триконхами VI и XII вв. Им и посвящается большая часть доклада.

В действительности, однако, охридские триконхи, а равно и тетраконх Наума, очевидно, ближе к обычному во всем Средиземноморье равностороннему, а не к специфическому для Балкан вытянутому типу. Автор вынужден признать, что охридские триконхи принципиально отличаются от триконхов в Царицыном Граде и около Курпумлии и потому вряд ли могут рассматриваться как промежуточное звено между юстиниановскими и рашковскими (стр. 239). Добавим к этому, что охридские триконхи еще не могут быть достаточно точно датированы⁴⁹. Думается, что материал, содержащий некоторые новые, но еще не доработанные данные о только что открытых охридских триконхах, должен Международному конгрессу преждевременно: он еще недостаточно исследован и продуман.

* * *

В своем третьем докладе Д. Стрицевич пытается доказать, что Круглая церковь в Преславе является не болгарской постройкой X в., как считают обычно, а ранневизантийской. Тезис этот не нов; он был провозглашен почти 30 лет назад Бошковичем и поддержан Радойчицем при публикации вновь открытого памятника в Конух. Докладчик разыскал в отчете Миятева, а также у Милле, Зас-Залозецки, Мавродинова, единодушно относивших Круглую церковь к X в., отдельные фразы, которые можно истолковать в пользу ее датировки ранневизантийским временем⁵⁰.

Следует признать, что публикация Преславской ротонды не может считаться исчерпывающей: в ней не зафиксированы место и условия многих важных находок, особенно граффити на блоках. В частности, недостаточно точно определены условия находки керамического декора и инкрустированных некогда мраморных фрагментов, что может служить основанием считать как те, так и другие элементы случайными, не относящимися к церкви. Используя это обстоятельство, Стрицевич попросту отмечает всю полихромную декорацию. При этом он умалчивает о том, что поблизости от церкви найдено множество дефектных (покоробленных, пережженных, утолщенных и т. п.) фрагментов декора⁵¹: это свидетельствует об изготовлении керамического декора для данного памятника⁵². Умалчивается также о находке в близлежащем монастыре Патлейна сходных фрагментов, обнаруженных здесь вместе с печью, которая использовалась для обжига⁵³. А между тем эти два обстоятельства говорят за то, что найденные фрагменты, явно поздние, изготовляли на месте, в частности для Преславской ротонды; признание этого положения значительно затруднило бы датировку замечательного памятника ранневизантийской эпохи.

В пользу отнесения Преславской церкви ко времени Первого Болгарского царства свидетельства, по нашему мнению, еще и следующие важные моменты.

По своему материалу Преславская ротонда отличается от ранневизантийских построек в центральных частях империи. Каменную конструкцию стен без обычных в VI в. кирпичных прослоек еще можно было бы, хотя и с натяжкой, объяснить наличием местного легко обрабатываемого камня, а где-то поблизости еще и известняка. Но

⁴⁹ См. D. Bošković, K. Tomovski. Средневековата архитектура во Охрид. «Зборник на трудови». Охрид, 1961, стр. 86. Авторы не исключают их датировки ранневизантийским временем.

⁵⁰ Так, например, в докладе Стрицевича обходится молчанием мнение Зас-Залозецки о Круглой церкви как средневековой (W. Saszaloziésky. Die byzantinische Baukunst in den Balkanländern. München, 1955, S. 17—18, 118); зато автор дважды (№ 11, № 51) ссылается на единственную фразу этого исследователя (из прим. на стр. 119 его работы), которая может дать повод к такому толкованию.

⁵¹ Кр. Миятев. Кръглата църква въ Преслав. София, 1932, стр. 143—145.

⁵² D. T. Rice. Byzantine polychrome pottery. «Cahiers archéologiques», VII, 1954, p. 7: об исполнении местными мастерами Коринфа, Патлейна и Преславы, изучавшими технику где-нибудь в районе Константинополя; El. S. E t t i n g h a u s e n. Byzantine tiles... Ibid., p. 85: в Болгарии фаянсовая облицовка делалась на месте и для одного определенного здания (в отличие от Константинополя).

⁵³ Кр. Миятев. Кръглата църква..., стр. 145; подробнее см. Н. Мавродинов. Староболгарското изкуство. София, 1959, стр. 170, 245—248; рис. 297—304; М. А. Безбородов (Минск) и М. Р. Маринов (София). Химико-технологическое изучение древнеболгарских стекол и огнеупоров из Преслава. ИАИ, XXIV. София, 1961, стр. 89—92.

невозможно допустить, что на Балканах ранневизантийского периода имело место небрежное изготовление и плохой обжиг всего кирпича, предназначенного для сводов; кирпичи и целые куски сводов обрушившихся построек VI в. сохранили свою форму вплоть до наших дней (Диреклер в Филиппах, Белово, Перущица). Преславские же строители вынуждены были класть своды из кирпича, поломавшегося уже при доставке к месту работы⁵⁴, что свидетельствует о неопытности мастеров, изготовлявших кирпич, и о совсем другом времени постройки.

Несмотря на некоторую неточность фиксации Преславской ротонды, как и других памятников Преслава и Патлейна, их публикация не оставляет сомнения в том, что при раскопках не было найдено ни одной ранневизантийской монеты. Зато обильно представлены более поздние монеты⁵⁵, в том числе Иоанна Цимисхия, обнаруженные и при раскопках Плиски. Все это указывает на необоснованность отнесения ротонды к ранневизантийскому времени.

Следует еще раз отметить и несколько дополнить соображения Миятева⁵⁶, Милле, Зас-Залозецки в пользу отнесения ротонды к болгарскому зодчеству. Известным нам выдающимся памятникам ранневизантийской архитектуры чуждо выявление и подчеркивание внутренних конх во внешнем их облике. В столичных зданиях времени Юстиниана (церкви Сергия и Вакха, София Константинопольская), а также в равненском Сан-Витале и церкви VI в. в Босре внутренние конхи совсем не отражены в их наружном виде. В привлекаемой докладчиком Брусской ротонде и даже в более раннем Эфесском баптистерии малые наружные ниши лишь слегка облегчают массы стены между внутренними экседрами.

Зато тенденция к показу внутренней структуры характерна для некоторых эллинистических памятников (IV—I вв. до н. э.), а главным образом для римских зданий, начиная от павильонов виллы Адриана (первая половина II в. н. э.) и кончая нимфеом Саллюстиевых садов (так называемая Минерва Медика — начало IV в.). Поздними отголосками этой римской тенденции представляются нам такие памятники, как С.-Герсон в Кельне, Сан-Лоренцо в Милане, гексагон Евфимии в Константинополе, афинская церковь в стое Адриана, маврикий в Селевкий (конец IV—V в.) и Красная церковь в Перущице⁵⁷. Поэтому мы склонны видеть в Преславской ротонде, скорее всего, тот же сознательный возврат к давно прошедшему, который устанавливает сам Стрицевич, объясняя им особенности раннесредневековых сводчатых базилик на Балканах. Непонятно, почему он не соглашается с аналогичным предположением Миятева, относящимся к данному, еще более разительному, на наш взгляд, случаю.

* * *

Хотя соображения о стилистическом сходстве (или несходстве) средневекового архитектурного декора с позднеантичным, высказанные в докладе Иванки Николаевич-Стойкович, сами по себе интересны, они представляются второстепенными при решении вопроса о датировке Преславской ротонды. В IX—X вв., когда болгарские зодчие сознательно повторяли композиционные приемы древнего Рима или поздней античности, вполне объяснимым кажется и достаточно точное подражание профилям соответствующего времени вместе с их декором.

С. А. Кауфман

⁵⁴ Кр. М и я т е в ъ. Кржглата църква..., стр. 44, 47; рис. 62 (фото упавшего свода).

⁵⁵ Там же, стр. 182.

⁵⁶ Более подробно, чем в монографии, см. в отзыве К. Миятева о довоенной публикации С.-Герсона в Кельне. ИБАИ, т. XII, ч. 2, 1938, стр. 458—463.

⁵⁷ На Востоке, например, в центрических памятниках Русафы и Амиды эта тенденция сохраняется несколько дольше (VI в.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИРА — Вопросы истории религии и атеизма
ВО — Византийское обозрение
ВС — Византийский сборник
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗРВИ — Сборник Радова. Византологический институт
ИАИ — Известия на Археологический институт
ИБАИ — Известия на Българския Археологический институт
ИЖ — Исторический журнал
ИИВИ — Известия на Института за българска история
ИП — Исторически преглед
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИВ — Краткие сообщения Института востоковедения
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПС — Палестинский сборник
СА — Советская археология
СВ — Советское востоковедение
СлБАН — Списание на Българската Академия на науките
СЭ — Советская этнография
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ВВІ — Bulletin of Byzantine Institute
BNJb — Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher
Bull. SH — Académie Roumaine. Bulletine de la Section historique
BS — Byzantinoslavica
Byz. — Byzantion
BZ — Byzantinische Zeitschrift
CRAI — Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres
DLZ — Deutsche Literaturzeitung
DOP — Dumbarton Oaks Papers
ΕΕΒΣ — 'Επετηρίς 'Εταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
JHS — Journal of Hellenic Studies
RAC — Rivista di archeologia cristiana
REB — Revue des Etudes Byzantines
SBAW — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
SK — Seminarium Kondakovianum
VfSWG — Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte
ZSav. Roman. — Zeitschrift der Savigny-Stiftung. Romanistische Abteilung

СОДЕРЖАНИЕ

Византиноведение в СССР и в зарубежных социалистических странах

З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин (Москва). Советское византиноведение в 1955—1960 гг.	3
М. Ю. Брайчевский (Киев). Проблема славяно-византийских отношений до IX в. в советской литературе последних лет	8
В. Церан (Лодзь — Польша). Византиноведение в Польской Народной Республике в 1957—1961 гг.	100
Э. Франчес (Бухарест — Румыния). Византиноведение в Румынской Народной Республике в 1956—1961 гг.	108
Р. Бенедикти (Будапешт — Венгрия). Новые работы по истории Византии, опубликованные в Венгрии в 1955—1960 гг.	124

Проблемы византиноведения в зарубежной и русской буржуазной историографии

А. П. Каждан (Москва). Византийская деревня VII—XV вв. в освещении западноевропейской и американской историографии (1917—1959 гг.) . . .	127
М. Я. Сюзюмов (Свердловск). Основные направления историографии истории Византии иконоборческого периода	199
М. А. Заборов (Москва). Крестовые походы в русской историографии последней трети XIX в.	227
А. В. Банк (Ленинград). Труды по византийскому искусству в Dumbarton Oaks Papers (1956—1961 гг.)	260

Хроника

З. В. Удальцова (Москва). XII Международный конгресс византинистов в Охриде (1961 г.)	280
---	-----

Критика и библиография

М. Я. Сюзюмов (Свердловск). Рецензия на книгу: Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв.	298
А. И. Неусыхин (Москва). Рецензия на книгу: Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). Вступительная статья, перевод, комментарии Е. Ч. Скржинской	304
М. М. Фрейденберг (Великие Луки). Рецензия на книгу: Г. Л. Курбатов. Византия в VI столетии	319
Л. Н. Любарский (Великие Луки). Рецензия на книгу: Дигенис Акрит. Перевод, статьи и комментарий А. Я. Сыркина	321
С. А. Кауфман (Москва). Архитектура средневековья в трудах югославских ученых	324

Византийский временник
том XXII

Утверждено к печати]
Институтом истории Академии наук СССР

Редантор издательства М. А. Заборов
Технический редантор И. М. Дорохина

РИСО АН СССР № 56—7В. Сдано в набор 24/XI 1962 г.
Подписано к печати 26/II 1963 г. Формат 70×108²/₁₆
Печ. л. 21,25. Усл. печ. л. 29,11. Уч.-издат. л. 32,5.
Тираж 1400 экз. Т-03308 Изд. № 974. Тип. зак. № 1399
Цена 1 р. 95 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10